

АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

**От Исаака I Комнина
до Алексея V Дуки Мурцуфла**

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
В27

Величко, А.М.

В27 История Византийских императоров. От Исаака I Комнина до Алексея V Дуки Мурцуфла / Алексей Величко. — М.: Вече, 2015. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-4444-3239-6

Знак информационной продукции **12+**

Шеститомное сочинение А.М. Величко «История Византийских императоров» раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи — от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображаются в их органической взаимосвязи с жизнью древней Церкви и личностью конкретных царей. В работе детально и обстоятельно изображены интереснейшие перипетии истории Византийской державы, в том числе в части межцерковных отношений Рима и Константинополя. Приводятся многочисленные события времен Вселенских Соборов, раскрываются роль и формы участия императоров в деятельности Кафолической Церкви. Сочинение снабжено портретами всех императоров Византийской империи, картами и широким справочным материалом.

Для всех интересующихся историей Византии, Церкви, права и политики, а также студентов юридических и исторических факультетов.

Настоящий том охватывает эпоху от Исаака I Комнина (1057—1059) до Алексея V Дуки Мурцуфла (1204).

УДК 94(3)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4444-3239-6

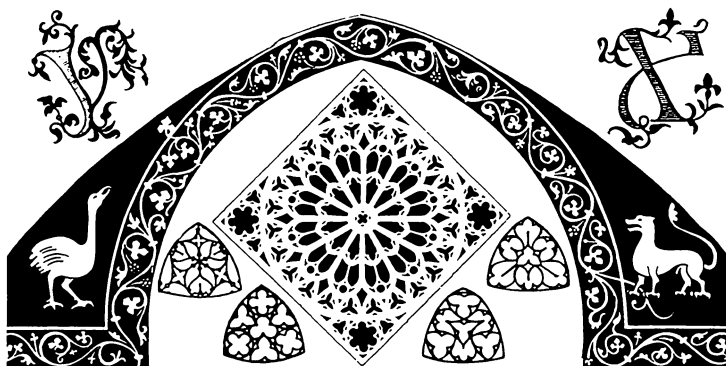
© Величко А.М., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

LV. ИМПЕРАТОР ИСААК I КОМНИН (1057—1059)

Глава 1. Конец Керуллария. Тихий дворцовый переворот

Род Комнинов был знаменитым, но не древним. Только отец Исаака Мануил по прозвищу *Эротик* выбился в политическую элиту Римской империи, получив назначение от императора Василия II Болгаробойцы на должность правителя Веспуракана. В благодарность своему полководцу за помощь в подавлении мятежа Варда Склира император направил двух сыновей Мануила — Исаака и Иоанна на воспитание в Студийский монастырь, а затем приблизил к себе, дав им должности при дворе. Исаак женился на Болгарской принцессе Екатерине, Иоанн — на Анне Далассине, дочери катепана Италии Алексея Харона¹. У Исаака вскоре родились сын Мануил, умерший в детстве, и дочь Мария. Иоанн имел 3 сыновей, один из них — *Алексей Комнин*, станет героем нашего будущего повествования, и 5 дочерей.

После стольких лет пребывания у власти ничем не примечательных царей у Византии наконец-то появился настоящий император. Это был выдающийся человек, глубоко понимавший проблемы государства и обладавший замечательными личностными характеристиками². Все историки солидарны в том, что Исаак I Комнин являл собой образ подлинного солдата: он никогда не отличался любовью к роскоши, был умерен в еде и питье,

отдыхе и сне. Мягкий и приятный в домашней обстановке, новый царь на службе был суровым, резким и решительным. Комнин любил во всем порядок и прекрасно знал военное дело. Правда, в гражданских науках он был несилен, предпочитая окружать себя знающими людьми. Тем не менее Исаак I не был «солдафоном» и много сделал для развития науки и просвещения в Римской империи. Крайне скупой на слова, очень осторожный на совещаниях синклита, он всегда тщательно выбирал выражения и думал, прежде чем принимать какое-то решение³. Однако действовал затем очень быстро.

Когда императорская диадема почил на его челе, он предпринял первые меры для обеспечения безопасности населения и восстановления мира. Наградив свое войско, Исаак распустил его по домам, а сторонников Михаила VI Стратиготика сохранил на прежних должностях, проявляя к ним уважение за верность присяге. Хотя все его симпатии лежали на стороне военного сословия, Комнин, тем не менее, понимал значение гражданских чиновников и попытался найти «золотую середину»⁴.

Найдя казну пустой, Комнин не испугался наложить государственную длань на земли аристократов, наглядно продемонстрировав, что царь должен заботиться *обо всех*, а не только о них. Он беспартийно взыскивал все недоимки в бюджет с их владений, не делая никаких исключений. Кроме того, Исаак Комнин без страха начал отменять старые распоряжения предыдущих императоров о дарении казенных земель, отзывая эти имения обратно в государственную казну. Попутно василевс урезал жалованье государственным чиновникам. Как можно легко догадаться, вскоре он восстал против себя могущественные силы, которые возглавил все тот же Константинопольский патриарх Михаил Керулларий. Но если возбужденный народ вскоре притих, наглядно убедившись, что царем руководит *общее благо* Римской империи, а возвращенные средства он не употребляет на личное обогащение, то столичный архиерей был поражен «неблагодарностью» своего, как ему казалось, ставленника⁵.

Увы, патриарху пришлось пережить очередное разочарование. Нет, как и обещал, император первоначально сдержал свое слово. Помимо Пселла, назначенного проэдром синклита, значительное повышение получил Константин Лихуд, ставший первым министром. Василевс также назначил *кесарем* Константина Дуку, как того требовал Керулларий. Теперь, случись что с Исааком,

Константин имел все права на царство. И самое главное — Комнин публично отказался от прав императора в сфере церковного управления.

Отныне все чиновники по церковной части назначались исключительно патриархом, и василевс решительно отстранялся от управления церковной казной и имуществом. Такие важнейшие должности в Восточной церкви, как «*великий эконоμ*» и «*скево-филакс*», отныне замещались кандидатами Константинопольского патриарха, чьими актами лица и назначались на данные посты. Естественно, ни о каком праве царя определять кандидатуру Константинопольского и других восточных патриархов, а также епископов и митрополитов Восточной церкви не могло быть и речи.

Это имело далеко идущие последствия. Константинопольской церкви принадлежало множество земельных владений и монастырей. И отказ императора от вмешательства в церковно-имущественное управление приводил к неограниченной власти патриарха по распоряжению ими в виде пожалований своим чиновникам и выдвиженцам. В результате он, как западноевропейский сеньор, раздавал лены своим вассалам. Как следствие, царь и патриарх *уравнялись в правах и статусах* и, даже более того, положение последнего стало несопоставимо выше на практике, чем императора. По существу, в Византийской империи возникло *два центра власти*⁶.

Но затем «дружба» завершилась. Начав финансовую политику крайней бережливости, Комнин обратил свой взор и на монастырские владения. Оставив то, что нужно было, про его мнению, для обеспечения монастырей, царь отписал излишки в казну. Конечно, это была вынужденная мера — многие монастыри, желая приумножить свои богатства, нередко заставляли соседних владельцев оставлять владения, а затем через суд закрепляли свои права собственности. Благодаря отсутствию всякой отчетности и освобождению от налогов, монастырские земли становились *настоящим бедствием* для Византии, и император решил с ним бороться⁷.

Стоит ли говорить, что мероприятия царя больно ударили по самолюбию патриарха? И поведение Керуллара становилось все более заносчивым и дерзким. Полагая, будто Комнин должен во всем слушаться его, он попытался злоупотребить своим неписаным правом прощения по государственным делам и получил несколько твердых

отказов. Взбешенный, Михаил Керулларий начал в оскорбительных тонах выговаривать Исааку I упреки, а потом как-то безапелляционно заявил: «Я дал тебе царство, я и отниму его у тебя». Архиерей считал священство ничуть не уступающим по чести императорскому достоинству и полагал, будто в наиболее важных вопросах патриарх, несомненно, имеет преимущественный голос по сравнению с василевсом. В довершение всего он надел *красные туфли* — признак царской власти, вопиющий факт узурпации верховной власти в глазах современников, равнозначный тому, как если бы столичный архиерей украсил себя скипетром и императорской диадемой. Таким способом «Константинопольский папа» демонстрировал византийцам *царственное достоинство* «Вселенского патриарха». Желая окончательно унизить статус царской власти в глазах византийцев, Керулларий заявил, что монархия — далеко не лучшая форма правления и в Римской империи должна восторжествовать *демократия* (!)⁸.

Такое поведение шокировало даже самых близких сторонников патриарха. Один из них писал ему в послании: «Не повелевай, *не царствуй над нами!* Ты пренебрежительно обращаешься с царями и восстаешь против всякой власти. Таков у нас архиерей, показывающий, насколько риза сильнее порфиры и митра, царского венца. Ты — как бы отличное от нас естество, считаешь чуждым себе род человеческий, на всех насупливаешь брови, так что я сомневаюсь, называть мне тебя богом или человеком. Будучи демократом, ты не одобряешь монархии»⁹.

Скорое разочарование в Исааке Комнине пробудило в Керулларии давнюю мысль *заменить царя*, тем более что кандидатура имелась — любимый племянник, если считать по его жене, Константин Дука. Впоследствии факт того, что патриарх замыслил очередной заговор против императора, был подтвержден его давним помощником и преемником Константином Лихудом, а также продававшим всех по очереди Михаилом Пселлом¹⁰.

Видимо, Керулларий действовал чересчур прямолинейно и открыто, хотя не исключено, что о его планах донесли сами бывшие сторонники. Пселл в своем сочинении немного *проговаривается*, что накануне описываемых ниже событий патриарх побывал у императора и весьма дерзко с ним разговаривал. Исаак промолчал, сдержав свой гнев, но внутри себя уже принял решение¹¹. Так это было или иначе — достоверно неизвестно, однако император первым делом отослал в провинцию Константина Дуку, а также сослал племянников патриарха — Никифора и Константина Ке-

руллариев. Нужно было изолировать и Михаила Керуллария, но царь не решился арестовать патриарха в столице, опасаясь народных волнений. Чуть обождав, Исаак воспользовался отъездом Керуллария за город и приказал задержать его. 8 ноября 1058 г. варяги, составляющие царскую гвардию, вошли в патриаршие покои, стащили архиерея с трона и препроводили на остров Проконес.

Но это было только половиной дела — Комнин понимал, насколько велика опасность волнений в столице со стороны населения, до сих пор считавшего Керуллария законным патриархом. Поэтому император созвал Государственный совет, куда были приглашены высшие сановники Римской империи и некоторые архиереи. На Совете ему напомнили, что согласно установленным традициям отсутствие патриарха на престоле не может длиться более двух дней. Затем он должен быть или предан суду, или добровольно отречься от кафедры. Понятно, что второй вариант казался гораздо симпатичнее, но все понимали — Керулларий по доброй воле не оставит патриаршества. В конце концов решили организовать над Керулларием *открытый суд*, и Пселл, предавший своего благодетеля, даже взялся составить обвинительное заключение¹².

Но и после этого Исаак I Комнин попытался уладить дело миром, не желая ронять честь патриарха. По его приказу к месту пребывания архиерея были отправлены митрополиты, пытавшиеся уговорить Керуллария, дабы тот добровольно сложил с себя сан, но Михаил, конечно, отказался. Пришлось готовить судебный процесс, и даже определили место для суда в одном из городов Фракии. Патриарху предъявлялось 5 обвинений, среди которых помимо других значились ересь или нечестие, тирания и святотатство. Но тут неожиданно пришло известие о смерти Михаила Керуллария¹³.

Его кончина развязала царю руки и освободила от необходимости выносить сор из избы. Были организованы роскошные похороны, а Константин Дука, как мы вскоре убедимся, человек безвольный и нерешительный, как не представлявший непосредственной опасности для императорской власти, был возвращен в Константинополь; обвинения в государственной измене с него сняли. Очевидно, Комнин очень не хотел, чтобы конфликт с патриархом стал предметом народных сплетен. Он крайне дорожил статусом царя и боялся, как бы эта история не ударила по автори-

тету верховной власти. Поэтому Исаак I сделал все, чтобы только устранить любые возможные причины для будущего недовольства со стороны партии Керуллария. Он вернул в Константинополь племянников покойного патриарха Константина и Никифора, предоставил им «право свободной речи» и пожаловал высокими должностями. Наконец, выполнил и последнюю просьбу (требование?) товарищей Михаила Керуллария, назначив новым Константинопольским патриархом его давнего ученика и помощника *Константина III Лихуда* (1059—1063).

Очевидность того факта, что Лихуд был назначен *помимо желания* Исаака Комнина, несомненна. Лихуд принадлежал к древней аристократической семье, был очень образован и с младых лет приобщился к высшим государственным должностям, не проявив, правда, на них большого таланта. Как и Михаил Керулларий, Константин Лихуд отличался трезвым умом, гибкостью мышления, твердостью характера и был глубоким почитателем идеи о превосходстве священства над царством. Правда, в отличие от покойного Михаила, Константин отличался большей сдержанностью, внешней мягкостью и терпением¹⁴.

Еще в качестве первого министра при императоре Константине Мономахе он позволял себе довольно резкие выступления в адрес василевса, за что был лишен своего места. Правда, затем царь, остро чувствовавший недостаток в толковых управленцах и, возможно, желая проложить мостики между собой и Михаилом Керулларием, предложил Лихуду вернуться на службу, но тот отказался. Такой же отказ позднее получила и императрица Феодора, из чего можно сделать вывод, согласно которому Лихуд формировал общественное мнение о невозможности служить при *таких* самодержцах, поскольку их действия ему кажутся во многом предосудительными. Желал ли иметь Комнин такого человека близ себя, да еще и облаченного в патриаршую ризу? Ответ очевиден.

Назначение Лихуда патриархом являлось весьма непростым и с канонической точки зрения — Константин был мирянином, хотя и неженатым. Все это очень странно: хотя на Востоке никогда не было категоричных запретов на посвящение мирянина в патриархи, после громких Соборов IX века византийцы старались не злоупотреблять этим обыкновением. Теперь же на патриарший престол был вновь возведен мирянин, причем в ситуации, когда в этом не было никакой необходимости.

Наконец, один эпизод наглядно демонстрирует, насколько «мил» был Комнину Лихуд. Еще при Константине Мономахе

Лихуд получил земельное владение Манганы в качестве награды за свою службу — дворец арсенала с монастырем Святого Георгия, к которому были приписаны населенные пункты. Соглашаясь с кандидатурой Лихуда, Исаак Комнин, однако, пожелал вернуть Манганы в казну, с чем, конечно, тот не соглашался. Тогда император сделал такой неожиданный ход — дождавшись, когда Константин Лихуд снял с себя сенаторское достоинство и принял посвящение в пресвитеры, он объявил о наличии препятствий для хиротонии Лихуда. Речь шла о Манганах, которые сохранялись в его собственности, что противоречило канонической традиции. Лихуд попал почти в безвыходное положение: светских званий и чинов он *уже* лишился, но патриархом *еще* не стал; оставаться рядовым пресвитером ему очень не хотелось. Пришлось возвращать имение в казну¹⁵.

Согласимся — если бы император сам желал поставить Лихуда патриархом, зачем ему было обижать своего ставленника, да еще затевать для этого столь сложную комбинацию? Разве для патриарха не могло быть сделано исключение? Ответ, конечно, очевиден.

Но, сам того не зная, Комнин разбудил силы, превышающие его возможности, и шел прямым путем к собственной гибели, не подозревая о грядущих опасностях. Партия «византийских папистов», потеряв своего многолетнего главу, спокойно сомкнула ряды. Во главе с Лихудом она подготовила новую, на этот раз удачную, интригу против императора — тихую и бескровную. Удивительно, но внешне это практически ни в чем не проявлялось. Как рассказывают, патриарх и василевс особой любви друг к другу не питали, но и не враждовали открыто. Вне всякого сомнения, патриарху не нравилась церковная политика василевса, но он благоразумно молчал, нигде не проявляя своего недовольства. Впрочем, это не означало, что Константин Лихуд не имел мыслей *о будущем* царского рода. Поверив внешнему смирению патриарха, император занялся другими делами, требовавшими его личного участия.

Весной 1059 г., поправив дела армии и восстановив прежние порядки, царь отправился на войну с печенегами. Те уже многократно нарушали мирные соглашения, разоряя приграничные земли Римской империи. Узнав о продвижении сильного римского войска, печенеги бросили свои пастбища и попытались ретироваться. Лишь одно их племя во главе с ханом *Сельте* дало сражение византийцам, но потерпело сокрушительное поражение. Варвары срочно запро-

силы мира, а попутно император принял заверения в дружбе от *угров* (венгров), явившихся к нему близ Триадицы (нынешней Софии). К сожалению, триумф был несколько омрачен неожиданными потерями — 24 сентября 1059 г. близ Ловеча византийская армия попала в страшную бурю, унесшую многие жизни. Впрочем, это не помешало Исааку Комнину торжественно вступить победителем на улицы Константинополя¹⁶.

Примечательно, но, находясь в походе, император получил какие-то *смутные* сообщения из столицы о готовящемся заговоре против его власти, и срочно повернул войска обратно, хотя, без сомнения, имел более широкие военные планы. Однако заговорщики во главе с новым патриархом действовали очень скрытно, и по возвращении в Константинополь Комнину не удалось узнать истину. Но все чувствовали, что в воздухе носится что-то недоброе, трагичное¹⁷.

Первым признаком надвигавшейся беды стала крайне негативная реакция столичной знати результатами похода царя — как будто он потерпел поражение, а не одержал блистательную победу! «*Народный глас*» озвучил, как всегда, Михаил Пселл — человек без совести и чести. В своем послании императору, тут же ставшем общеизвестным, он писал: «Сколькими головами варваров ты уравнишь гибель одного ромея (римлянина), пусть даже это копейщик, или прашник, или вестник, или трубач? Куда лучше было бы, если бы никто из наших не пал на поле брани, а варвары подчинились в результате мирных переговоров». Разумеется, никак, кроме *сумасбродной*, эту идею не назовешь. Если бы Пселл был один — это совсем не беда. Куда хуже, что он в действительности выражал мнение целой группы столичной аристократии и чиновничества. Сложился своеобразный исторический парадокс — объективно император действовал в интересах централизации Византийской державы и государственного аппарата, и этот же аппарат, который должен был быть заинтересован в такой политике, стал в ряды оппозиции василевсу¹⁸.

Действительно, дни Исаака были уже сочтены. В декабре 1059 г. император отправился на охоту, простудился и заболел. По возвращении царя в Константинополь в его покои прибыл Михаил Пселл. Сославшись на свои познания в медицине, он осмотрел императора и поставил «диагноз» — василевс *смертельно болен*. Находившийся здесь же другой лекарь удивленно возразил: «Это кратковременное недомогание, которое пройдет за 2—3 дня». Так в действительности

и было, хотя в течение нескольких дней Исааку I лучше не становилось — простудная горячка оказалась более опасной, хотя, конечно, не смертельной. Пришедший вторично во дворец Пселл с присущей ему хитростью и цинизмом опять подтвердил свой диагноз, после чего начался переполох¹⁹.

Тут же направили посольных за императрицей Екатериной, дочерью Марией, братом Иоанном и его детьми. Полагая, будто жить Исааку оставалось считанные часы или даже минуты, они просили его распорядиться царским престолом. В это время в покои Исаака вошел патриарх Константин Лихуд. Он попросил выйти всех, *кроме Пселла*, чтобы исповедовать «умирающего», а попутно начал горячо уговаривать императора постричься перед смертью в монахи. Благочестивый царь, воспитанник Студийского монастыря, конечно, согласился. Помимо этого между ними состоялся еще один разговор, последствия которого мы сейчас увидим. Затем патриарх и Пселл вышли к родственникам и объявили волю императора.

Как только о решении василевса узнала царица, она, *интуитивно поняв*, что здесь все нечисто, с яростью набросилась на Пселла с криком: «Много обязаны мы тебе за совет! Хорошо же ты отплатил нам, убедив императора перейти к монашеской жизни!» Тот по обыкновению начал оправдываться, будто это — воля самого царя, и Исаак, к которому ворвалась Екатерина, подтвердил это. Но тут всех ждала еще большая неожиданность — Исаак I Комнин назначил императором не брата Иоанна и не его сына Алексея Комнина, а совершенно постороннего ему, более того — тайного и опасного конкурента *Константина Дуку*.

Все были ошеломлены, но противиться последней воле «умирающего» не осмелились. Царица умоляла своего супруга пожалеть ее и детей, которым отныне придется оставить царский дворец и вести жизнь сирот, но император был непреклонен. На упреки в адрес Пселла он спокойно объявил, что жена по обычной для женщин привычке не дает ему выполнить благое намерение и слово его непреложно²⁰.

Почему был сделан такой неожиданный и несуразный выбор — остается только гадать. Нет сомнения, что имя Константина Дуки *нашептали* царю в минуту, после которой, как ему казалось, он должен был предстать пред Богом. И просто невероятно, что Лихуд и Пселл обошлись одними уговорами — очевидно, они ссылались на опасности, грозящие при другом кандидате на царство императрице и родственникам Исаака I; возможно, и даже *почти наверняка*, угро-

жали. Трудно представить, что «птенцов гнезда Керуллория» пугали такие «мелочи», как физическая расправа над несколькими людьми, пусть и царскими родственниками. И совершенно невероятно, что Исаак Комнин мог игнорировать права на императорский титул своего брата, доброго, умного и порядочного человека, без веских причин, самой ходовой из которых могла быть только смерть Иоанна и всех остальных родственников.

Правда, по другой версии, Исаак I первоначально позвал к себе брата, куропалата Иоанна, и предложил тому царский венец, на что получил категоричный отказ. И только после этого Комнин распорядился передать власть Константину Дуке²¹. В принципе и такое событие могло иметь место, и оба сообщения утрачивают противоречие по отношению друг к другу, если мы допустим, что со стороны партии Лихуда—Пселла могла быть проведена предварительная беседа, обильно насыщенная угрозами, и с Иоанном Комнином.

Едва все вышли из покоев, чтобы дать Исааку спокойно отойти в лучший мир, как ему неожиданно стало... *легче*. На следующий день царь почувствовал, что болезнь уходит. Он встал, прошелся по комнате и, вообще, понял, что *выздоровливает*. В его уме возникли сомнения в правильности ранее принятого решения, и он уже начал передумывать принимать постриг. Но все изменил интриган Пселл. Предвидя опасность, он немедленно появился близ императора и начал уговаривать того не изменять ничего из объявленного ранее. Пселл заявил Исааку I, будто на основании его слов о назначении Дуки своим преемником тот уже надел пурпурные туфли, а собранные сановники уже провозгласили Константина Римским императором — отступать некуда. Наверняка, он добавил еще что-то, сыграв на благородстве и любви императора к своим близким. А рядом с Комнином сидел патриарх Константин Лихуд, мягко, но настойчиво убеждая царя в том, что человек, принявший решение посвятить себя Богу, не может ничего внезапно изменить, если, конечно, сохранил в своей душе страх Божий²². Оба они отлично знали, что прямой и честный Исаак Комнин никогда не откажется от своих слов и ни за что не признается супруге, будто поступил так под влиянием чужих речей. Для них это была беспримысленная игра...

Призвали **Константина X Дуку**, которого публично, под слезы и плач родственников император объявил новым Римским царем. Затем Исаак I Комнин принял постриг и отправился в монастырь.

Еще *более года* прожил Комнин в качестве монаха Студийской обители и лишь потом отдал Богу душу, терзаемый в конце дней тем, что был так легко обманут. А его супруга Екатерина и дочь Мария приняли монашеский постриг и прожили еще долгую жизнь в монастырской обители. Так свершился *тихий дворцовый переворот*, гибельный для Византии.

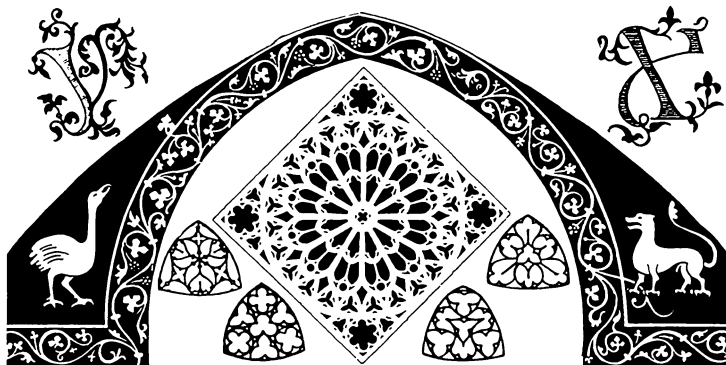
По счастью, род Комнинов не угас, и через 20 лет даст великолепный плод в лице спасителя Римской империи, одного из самых выдающихся императоров Византии, Алексея Комнина. А пока царская власть *рассыпалась* в неумелых руках слабых представителей новой династии Дуков.

ДИНАСТИЯ ДУКОВ

LVІ. ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН X ДУКА (1059—1067)

Глава I. Слабость царской власти и торжество «византийского папизма»

52-летний Константин X Дука, взошедший на царский престол, ранее украшенный блистательными фигурами *настоящих* императоров, являл собой образ жалкого подобия своих великих предшественников. Тонкий эстет, обаятельный в общении, он совершенно не обладал волей и самостоятельным мышлением. Несколько слов о его семье: род Дуков отличался знатностью, хотя предположения о его происхождении от св. Константина Великого лишены всякой исторической основы. Тем не менее многие знатные военачальники, прославившие византийское оружие, носили фамилию Дуки и имели, по-видимому, отношение к новой царственной династии. Но это — лишь предположения, а достоверно известно только, что сам Константин X родился в Пафлагонии, в первый раз был женат на дочери Константина Далассина, несостоявшегося избранника императрицы Зои. А после смерти жены, уже в зрелом возрасте, сочетался браком с Евдокией Макремволитессой, племянницей патриарха Михаила Керуллара²³.

Лишенный каких-либо замечательных свойств характера, он никогда не смог бы взойти на императорский престол без упорной поддержки клерикальной партии во главе с Керулларием, Лиху-

дом и Пселлом, и их энергия в итоге была вознаграждена сполна. Дука легко расстался со всеми приобретениями Исаака I Комнина и быстро отказался от какого-либо участия василевса в управлении Церковью. Первый же хрисовул царя, изданный тотчас после воцарения, означал резкое умаление царского сана. Император рассмотрел в своем документе рядовой, казалось бы, вопрос о церковной иерархии. Но попутно затронул очень важную тему — о традиционном полномочии царя менять границы епархий и даровать епископам высшие церковные титулы. До сих пор никто из Византийских императоров, памятуя о старых прерогативах Римских царей, даже не озадачивался таким вопросом, полагая данные полномочия своим священным правом. Теперь же Константин X Дука признал такую практику *неблагодетивой и неканоничной*.

«Какую имеет власть царь или даруемое им звание политического характера переиначивать архиерейские кафедры, которые установил Бог через святых и всехвалных Апостолов и богоносных Отцов? — писал он. — Ибо если царь стоит со страхом и трепетом — ведь и царь человек — в то время, когда иерей сидит, то каким образом стоящий сидящему может даровать высший трон? И это можно сказать не только о митрополитах и архиепископах, но и бедном священнике, запрягающем волов и пасущем стадо. Наконец, в Церкви, где есть святейший и вселенский патриарх, на Соборах, на заседаниях, на судах, на кафедрах и прочее каждый будет иметь тот трон, который дала ему Святая Премудрость, которая есть Слово Бога и Господа. И кому Она дала трон, у того кто может отнять или кто может лишить его? А в царском дворце каждый будет иметь честь, определенную ему синклитом»²⁴.

Благодаря политике отказа от всех полномочий императора в церковной сфере и приданию статусу Константинопольского архиерея высшего значения, царь и патриарх совершенно *сравнились* между собой — даже во внешних формах деятельности. Сохранился любопытный документ, свидетельствующий о появлении при Константине Дуке практики раздачи Константинопольским патриархом фимиама в годовщину оглашения. Столичный архиерей и император сажались рядом в храме Святой Софии и раздавали — царь чиновникам *ругу*, а патриарх священникам — *вайи*. Не только патриарх, но и его хартофилак носил *золотую триару*, а конная процессия архиерея отличалась поистине царской пышностью²⁵. Если мы учтем, что завоевания Михаила Керулария в виде права патриарха самостоятельно управлять церковным имуществом

и раздавать церковным чиновникам *пронии* (владения) вновь были восстановлены, то, очевидно, во время такой раздачи царь и патриарх являли современникам образ *двух равноправных* как минимум *монархов*, каждого в своей области. Казалось бы, теперь Церковь должна вздохнуть свободно.

Но стремление к «равноправию» и «свободе» Церкви от светской власти на самом деле привело к самым неприятным последствиям: *отождествлению* Кафолической Церкви с клиром и полному подчинению государственных, имперских задач интересам клерикальной партии. В полном соответствии с теократическими идеалами Римского епископа Константинопольские архиереи начали проводить политику *поглощения* государства Церковью, понимая под ней только узкую группу клириков.

В это время началось резкое расширение полномочий Синода, возглавляемого Константинопольским патриархом. Теперь этот орган отвечал практически за все церковные дела в Восточной церкви, включая канонические, догматические, литургические и прочие. Возникли сугубо синодальные чиновники, подчиненные непосредственно патриарху, хотя и являющиеся всего лишь диаконами храма Святой Софии. В их число вошли: *великий эконо* или финансовый администратор, *великий скевофилакс*, надзиравший за соблюдением богослужебного устава, *великий сакелларий*, заведующий монастырями, *великий хартофилакс*, руководивший патриаршей канцелярией, *великий сакеллий*, следивший за приходскими храмами. Позднее появится шестой чиновник — *протэкдик*, занимавшийся вопросами защиты тех, кто искал ее у алтаря храма Святой Софии. Это было настоящее церковное министерство, взявшее всю полноту власти в свои руки. Лица, занимавшие указанные должности, неизменно выдвигались на высшие посты. Особенно значима была должность хартофилакса, в отсутствие патриарха председательствующего на заседаниях Синода. В скором времени эта группа приняла к своему ведению вопросы взаимодействия с сенатом, и сам император часто поддерживал патриарших чиновников, видя в них серьезную силу. Так, по одному справедливому замечанию, *впервые* восточное духовенство выступило в качестве единой и организованной силы на политической арене²⁶.

Политические полномочия императора всегда были определены римскими законами и правовыми обычаями, но власть Константинопольского патриарха, не стесняемая более ничем и никем, теперь стала поистине *безграничной*. И, конечно, не ограничивалась церковной сферой — столичные архиереи активно вторгались в дела Римского го-

сударства. В условиях естественно отсутствующего жесткого и законодательного разграничения Византийской империи и Восточной церкви это означало только одно — патриарх стал почти полновластным правителем обоих союзов, далеко оставив в практической плоскости за собой василевса. Михаил Керулларий мог быть счастлив...

В целом, надо отметить, Дука начал проводить политику, кардинально противоположную той, какую вел Комнин. Принадлежа к военному сословию, он, тем не менее, совершенно оставил в стороне проблемы армии, увлекшись вопросами правосудия и усовершенствования фискальной системы. Как следствие, стратиоты, которых лишили средств существования, имели только один выход — превратиться в *сборщиков налогов*. Но, несмотря на все ухищрения василевса, денег в государстве больше не стало, а авторитет власти падал в глазах граждан все ниже и ниже. Дело заключается в том, что, вернув монастырям и Константинопольской церкви все то имущество, которое ранее было отобрано в государственную казну императором Исааком I Комнином, Дука резко подорвал финансовую основу Византийской империи. И, чтобы наверстать упущенное, принялся с азартом выколачивать налоги с других, менее защищенных слоев населения. Вот для выполнения этой, мягко говоря, не совсем военной задачи и привлекались стратиоты, со временем совершенно позабывшие военные упражнения и воинскую дисциплину.

Вместо них царь, опасавшийся *собственной национальной армии*, начал широкую вербовку сомнительных по боеготовности и моральным устоям наемников из числа германских племен, печенегов, узов, болгар и славян. Более того, совершенно не обладая даром стратегического военного планирования, император сосредоточил основную массу войск в Анатолийской феме, чем, по существу, открыл для грабежа восточных разбойников остальные границы²⁷.

Особой страстью императора стал суд, где он любил заседать и решать спорные вопросы, особенно если они касались финансов. Судебные учреждения заполнились жалобами и доносами на плательщиков налогов, а судебные процессы превратились в софистические споры, в которых неизменно побеждал василевс²⁸. Однако в результате этих мероприятий он не смог компенсировать всех потерь казны от чрезмерных расходов на нужды клира. А поэтому император все больше и больше экономил на армии — пагубная и опасная затея.

Клирики его очень любили и называли *монахотлюбцем*. Он был на редкость благочестивым человеком, а при восшествии на престол даже пообещал никогда не отнимать ничьей жизни — и клятву

свою сдержал. Все свободное время царь проводил за чтением книг, особенно полюбив читать Священное Писание. Желая прослыть мудрым, он старательно уходил от советов своих приближенных²⁹. Правда, и собственные замыслы Дуки не приносили успехов Византийскому государству.

При нем особенно возвысился старый интриган и плут Михаил Пселл, получивший многие блага и почести. Его влияние было чрезвычайно сильно, и именно по совету Пселла новым Константинопольским патриархом, когда умер Константин Лихуд, стал *Иоанн VIII Ксифилин* (1064—1075). Правда, судя по поведению, император не особенно доверял тому, опасаясь очередной политической комбинации, на которые Пселл был мастер. Пожалуй, единственное исключение среди всех придворных составлял брат царя кесарь Иоанн. Именно ему император поручил заботу о своих детях, когда однажды тяжело заболел³⁰.

Миролюбивый и немного сибарит, не любящий военные походы и сражения, Константин X Дука старался тратить средства не на армию, а на *покупку мира* у варваров. Как известно, такие способы удержания мира не всегда приводят к успеху. По крайней мере, они действительны лишь в тех случаях, когда подкрепляются наглядной военной силой, могущей быть использованной в случаях излишней взыскательности второй стороны по переговорам. Теперь такой силы у Византии уже не существовало, и мирный настрой Константина X Дуки не находил соответствующего отклика в сердцах новых захватчиков.

А они стоили того, чтобы присмотреться к ним повнимательнее — народы, служащие орудием Провидения, заслуживают того. На Кавказе, и особенно в Армении, местные жители жестоко страдали от набегов *турок-сельджуков* — в скором времени мы коснемся истории этого народа. Дошло до того, что Грузинский царь *Баграт IV* (1027—1072), не получивший желанной помощи, разорвал отношения с Византией и заключил союз с турками. Благодаря этому туркам открылась дорога на армянские княжества Карса и Лорхи. В 1060 г. они напали на Эдессу и разграбили многие месопотамские владения Римской империи.

В сентябре 1064 г. *узы* в количестве 600 тыс. человек переправились через Дунай и напали на римские земли. Все попытки помешать их переправе были тщетны: болгары и византийцы, занявшие оборону на противоположном берегу, были разбиты, а два римских сановника попали в плен. Одна часть кочевников направилась на юго-запад, и вскоре Солунская область и вся Эллада запылали

в огне пожарищ. Константин X совершенно растерялся. Ему казалось немыслимым бороться с мириадами варваров, выросшими с оружием в руках. Казалось, можно было применить обычный прием — купить мир, но средств государственной казны явно было недостаточно.

Неизвестно, как развернулись бы события дальше, но, напуганный народным гневом за собственное бездействие, василевс направил посольство к узам для переговоров, надеясь привлечь кочевников на свою сторону щедрыми дарами. Действительно, несколько вождей «клюнуло» на императорское предложение, но основная масса по-прежнему грабила Болгарию, Фракию и Македонию, доходя до стен Константинополя. Деморализованное столичное население начало всерьез поговаривать об эмиграции в Европу, но для начала объявило всеобщий пост и покаяние. Перспективы Константина X были весьма плачевные, но тут вмешался Божий Промысел. Когда император во главе своего отряда в 150 всадников выехал навстречу врагам, к нему явились освободившиеся из плена военачальники Никифор Вотаниат и Василий Апокапа с сообщением о гибели страшной орды. В силу неведомых причин повальная болезнь напала на кочевников и внесла страшные опустошения в их ряды. Оставшиеся в живых варвары приняли византийские предложения о мире и ушли прочь. Константин X с триумфом вернулся в столицу³¹.

Но внешняя торжественность никого не могла обмануть. В Римской империи наступила настоящая разруха, ознаменованная резким падением престижа царской власти. Конечно, патриоты отечества, недовольные таким положением дел, попытались предпринять контрмеры. Уже 23 апреля 1060 г., в праздник святого великомученика Георгия, был случайно раскрыт заговор против царя. Аристократы и представители военного сословия попытались захватить василевса вместе с семейством, погрузить на судно и по дороге в столицу умертвить, подняв в Константинополе бунт. Но план не удался, и брат императора Иоанн Дука вместе с дворцовой стражей разогнал мятежников. Провели следствие, нашли виновных, которых ждали обычные наказания — пострижение в монахи, ссылка, бичевание и конфискация имущества в казну; но никто казнен не был³². Военной партии был нанесен тяжелый удар, но она не сдала свои позиции, хотя более не выступала открыто против Константина X вплоть до его смерти.

В октябре 1066 г. Дука вновь серьезно заболел. Опасаясь скорой смерти, он поручил своего сына Михаила заботам брата, кесаря Иоанна, и патриарха Иоанна VIII Ксифилина. Надеясь обеспечить

права своего семейства на царство, по традиционному обычаю приказал патриарху венчать *Михаила, Константина и Андроника* на царство, как *соимператоров*. Не желая оставлять престол никому, кроме своих сыновей, Дука объявил императрицу Евдокию регентшей при условии, что она больше никогда не выйдет замуж. Помимо этого все члены синклита дали письменные расписки, что никого не выберут царем, кроме сыновей Константина X. Этот план, без сомнения, был предложен царю клерикальной партией, сплотившейся вокруг Константина X Дуки, и очень заинтересованной в том, чтобы сохранить свое влияние на государственные дела при малолетних императорах и слабой царице³³.

В мае 1067 г. император Константин X Дука скончался в возрасте 60 лет, завершив свое бесславное царствование, принесшее столько бед Римской империи³⁴.

Глава 2. Турки и норманны

Между тем василевсу следовало всерьез озаботиться внешними проблемами и помимо чтения богословских книг обратить внимание на двух новых и очень могущественных врагов, возникших на Востоке и Западе, *норманнов и турок*.

Перемолов за 400 лет арабскую силу, Византия уничтожила старый исламский мир; бедуины, «враги культуры», вернулись в свои пустыни и занялись старым ремеслом — грабежом. Однако они обеспечили долгую жизнь религии Мухаммеда, которая широко распространилась в Африке и Испании, найдя себе новых почитателей. Исламский мир стал космополитичным, и политическое влияние арабского элемента в нем практически сошло на нет³⁵. Однако, сама не желая того, Римская империя открыла двери новым и очень опасным завоевателям, с которыми, как ни странно, эпизодически встречалась уже издавна.

Турки-сельджуки, одна из ветвей турецкого племени *гузы*, являлись потомками хана *Сельджука* (985—1009), состоявшего в вассальной зависимости у Туркменского хана. Из киргизских степей они спустились в область Бухары, где приняли ислам. Их отдельные отряды уже несколько столетий охотно служили наемниками в византийской армии и боролись с арабами. Но с середины XI века ситуация существенно изменилась — турки проявили склонность к объединению и начали решительное наступление на арабские земли. Решающие события произошли в 1034 и 1035 гг., когда внуки

Сельджука — *Чагры-бек* (989—1060) и *Тогрул-бек* (1038—1063) продвинулись к Хорасану. Арабы никак не могли помешать их стремительному продвижению: в 1037 г. пала Мерва, а в 1038 г. под Серахсом они потерпели тяжелейшее поражение от новых завоевателей. В 1040 г. турки вновь одержали победу и направились затем в Персию. В 1051 г. пали Исфакан и Хамадан. После этого тюркские отряды направились на юг — в Керман и на север — в Азербайджан, дойдя до границ Византийской империи. В 1052 г. они захватили область Карса, в 1053—1054 гг. — окрестности озера Ван, откуда направились на Кавказ, захватив в поле своего зрения Эрзерум и Грузию.

Тем временем мятежник аль-Бессарири, о котором говорилось выше, при помощи Фатимидов, приславших ему войска, захватил Багдад и бросил халифа *аль-Каима Биамриллаха* (1031—1075) в темницу. Оттуда несчастный правитель сумел каким-то образом направить несколько писем с просьбой о помощи, и одно из них попало к Тогрул-беку. Тот без особого труда разгромил армию мятежников и 25 декабря 1055 г. вступил в Багдад, где принял титул «султан», а в начале 1058 г. — еще более амбициозный титул «царя Востока и Запада»³⁶. При этом он облобызал проформы ради землю перед стопами халифа аль-Каима Биамриллаха и сел рядом с ним только после особого приглашения.

С 1059 г. сельджуки начали систематический грабеж византийских территорий, достигнув в этом же году Сиваса. В 1065—1067 гг. турки достигли Антиохии и Эдессы. В 1067 г. была почти полностью опустошена Кесария Каппадокийская, в 1068 г. такая же участь выпала Неокесарии, а в 1069 г. завоеватели достигли Иконии. Через год турки находились всего в 200 км от Эгейского моря³⁷.

Помимо Армении, они опустошили часть Сирии, Киликию и Каппадокию. Как говорили современники, «весь мир, земной и морской, был захвачен нечестивыми варварами, разрешен и лишен населения. Все христиане убиты, все дома и деревни Востока разрушены, церкви разорены и превращены в ничто»³⁸. В 1056 г. Тогрул-бек завоевал Месопотамию и подчинил себе Мосул, а затем двинулся на Иран. И хотя его брат Чагры-бек уже лежал на смертном одре, наследник *Альп Арслан* (1060—1072) не оставил дядю в одиночестве. Их объединенные усилия казались настолько мощными, что, как указывалось выше, в 1063 г. Тогрул-бек въехал в Багдад в качестве жениха дочери халифа. Этот вариант соединения усилий казался весьма перспективным для суннитов, но вскоре зять халифа скончался, не оставив потомства от высокого брака³⁹. Сам халиф проводил остаток жизни в молитвах и благочестивых размышле-

ниях. Разложение Буидами арабских земель было столь велико, что никто и не думал объединить усилия, дабы противостоять натиску турок-сельджуков.

Вскоре Альп Арслан распространил свою власть на всю Палестину. Он опустошил армянское княжество Лорхи и Грузию, а затем 6 июня 1064 г. взял штурмом византийскую крепость Ани, расположенную между Карсом и Эриваном. Героическая защита города гарнизоном ничего не смогла изменить в соотношении сил, поскольку помощь из Константинополя не пришла. На Востоке турки были повсюду, разоряя окрестности и захватывая в плен многие тысячи греков⁴⁰.

В скором времени турецкие орды заполонили собой Персию, Месопотамию, Сирию, Армению и Малую Азию. Правда, как и ранее, междоусобица не оставляла гордых сынов ислама. Уже Тогрул-бек велел умертвить тетивой от лука своего брата, чтобы никто не претендовал на его владения. В 1064 г. Альп-Арслану пришлось принять вызов одного из двоюродных братьев Тогрул-бека, *Кетельмуша*, а в 1067 г. — против уже своего родного брата *Кавурда*, наместника Кирмана. Постоянные перемещения все новых и новых отрядов сельджуков через реку Оксус лишь до некоторого времени приветствовалось Альп Арсланом. Он быстро понял, что если не сможет предоставить соотечественникам новых земель, их грозный вал сомнет его новое государство. А потому начал срочно укреплять Хорасан, желая уберечь Бухару, где сосредоточился цвет ислама, от грабителей. Попутно он собирался расширить свои владения в Трансоксании, а потому уже в 1065 г. с 200-тысячной армией двинулся к Хорезму, где 4 декабря 1072 г. погиб в результате несчастного случая — один пленник сумел поразить султана в бок спрятанным в одежде кинжалом.

Сын и наследник Альп Арслана 18-летний *Мелик-шах* (1072—1092) продолжил дело своего отца за счет земель Фатимидов и Византии. Первым делом он погасил очаги прежних восстаний, ослепил неудачников-претендентов, а затем двинулся в Армению, дошел до Понта и Каппадокии и даже до Фригии⁴¹. В битве у Хамадана в 1073 г. он разбил войско Кавурда, пленил дядю и казнил его. Новый правитель *Керманского султаната*, выросшего из Кирмана, *Султан-шах* все же сохранил большую самостоятельность, хотя и считался вассалом Мелик-шаха. В 1074 г. он вступил в схватку с Самаркандским султаном *Алтегином*, отважившимся овладеть городом Тирмизом, разбил врага и так близко подошел к Самарканду, что тот униженно просил мира. Следует сказать, что Мелик-шах оказался не только

талантливым полководцем, но и замечательным организатором и государственным деятелем. Именно под его руководством быстро строились научные заведения, большие здания и развивалось искусство, которому султан оказывал высокое покровительство⁴².

Так в Малой Азии возник *Сельджукский султанат*, ставший одним из самых опасных врагов Византии на Востоке. После несчастной для Византии битвы у Манцикерта, о которой вскоре у нас пойдет речь, помимо Керманского султаната образовался *Иконийский султанат*, где начнут править потомки Кетельмуша⁴³. Это была феодальная монархия, где постепенно складывалась военно-ленная система землевладения — наподобие западной. Кочевники-турки первоначально разорили многие цветущие торговые города, но постепенно торговля и ремесло в таких городах Султаната, как Конья, Сивас, Кайсери и Эрзерум, вновь получили развитие. Туркам хватало сообразительности привлечь на свои земли греков, персов и армян, отдав им в руки под строгим контролем самые доходные области хозяйства⁴⁴. Они быстро набирали силу и начали представлять значительную *стратегическую* угрозу Византии. Особенно после того, как за блистательными царями-полководцами к власти пришли *клерикальные гуманисты*, явно пренебрегающие своими обязанностями перед Римским государством.

Может показаться удивительным, но сельджуки вовсе не претендовали на халифат. Поэтому суннитские халифы, играя роль марионеток рядом с могущественными султанами, в то же время чувствовали себя в куда большей безопасности, чем при шиитах Буидах⁴⁵. После смерти аль-Каима новым халифом стал его внук, 19-летний *аль-Муктади Би-амриллах* (1075—1094). Впрочем, женившись на дочери сельджукского султана, он играл такую же второстепенную роль при них, как и его дед.

Чтобы полнее представить себе картину мусульманского мира, окружающего Византию, кратко бросим свой взгляд на Испанию, где с VIII века правила династия Омейядов. В течение многих столетий они мечтали о восстановлении своих прав, нарушенных Аббасидами, и, наконец, в 929 г. это *почти* случилось. *Абдурахман III ибн Мухаммад ибн Абдулла* (912—961) почти 20 лет собирал отколовшиеся куски бывших владений предков. В 931 г. он взял штурмом город Сеуту, а в 932-м — Толедо, принудив королей Леона и Наварры платить ему дань. Заметим попутно, что этот правитель был лишь на четверть арабом — его мать и бабушка принадлежали к племени басков. Узнав об убийстве аль-Муктандира и давлении, которое турки оказывают на халифов, он сам объявил себя халифом мусульманского мира и по-

велел называть свое государство *Кордовским халифатом*. Поскольку на юге ему угрожали Фатимиды-измаилиты, этот суннит организовал войско, в котором значительную долю составляли рабы-славяне, выкупленные у германцев и обращенные в ислам, *мамлюков* — предвестников будущих *янычар*. Его войны были весьма успешны: он отвоевал у Фатимидов Магриб, и многие европейские государи поспешили направить к халифу посольства с предложением о дружбе.

В 961 г. ему наследовал сын *аль-Хакам II* (961—976), продолживший серию побед отца. Ему не только удалось обеспечить гегемонию своего халифата над христианскими государствами Испании, удачно воевать с Фатимидами в Северном Марокко, но и дважды разгромить непобедимых норманнов, попытавшихся овладеть Лиссабоном и Атлантическим побережьем Испании. Увы, их преемники были не столь удачны. В скором времени и на долгое время возникли самые головоломные комбинации в борьбе за халифат, где мамлюки играли далеко не последнюю роль. Уже при *Мухаммаде II* (1009) возникли трения с гвардией, которая не признавала его халифом, а короновала внука Абдуррахмана III *Хишамом II* (1009—1013). При Сулеймане (1013—1016) открыто начальники провинций начали признавать себя самостоятельными правителями. Наконец, при *Хишаме III* (1027—1031), погибшем в результате дворцового заговора, Кордовский халифат распался на множество мелких арабских государств, независимых друг от друга⁴⁶.

В это же время на Западе возникла иная сила, с не меньшим успехом, чем турки, воспользовавшаяся практически состоявшимся разгромом арабов в Италии и на островах Средиземного моря. Это были дети Севера — *норманны*, во множестве прибывавшие в Италию с различными целями. Некоторые из них служили наемниками у Римского папы, другие — у Западного императора, а третьи, самые дерзкие, как *Роберт Гвискар*, будущий первый герцог Апулии (1059—1085), решили основать в Италии собственные владения.

Как уже отмечалось выше, в 1053 г. норманны нанесли тяжелое поражение армии папы Льва IX и добились от того признания завоеванных ими областей в Южной Италии в качестве своих владений. Постепенно их аппетит разгорался, и с подачи Римского епископа норманны стали вынашивать более смелые планы. Роберт Гвискар поставил перед собой цель захватить *все* греческие владения в Южной Италии, а затем овладеть Сицилией, за несколько лет до этого едва не возвращенную Византии победами ее доблестных полководцев. Уже к концу 1055 г. Гвискар захватил города Ория, Нардо и Лечче, прошел победным маршем по югу Италии и завладел

Минервино, Отранто и Галлиполи. Оставленные Римским епископом и Константинополем, итальянские греки не могли долго сопротивляться норманнам⁴⁷.

Вскоре Гвискару выпал удачный шанс — король Генрих III скончался в возрасте 39 лет, и его малолетний сын *Генрих IV* (1056—1106) исполнял номинальные обязанности Германского короля. А в самом Риме разыгрались страсти по очередному понтификату. Как и ранее, схлестнулись две партии, одна из которых по настоянию Гильдебранда поставила своим кандидатом в понтифики *Николая II* (1059—1061), а вторая — *Бенедикта X* (1058—1059), впоследствии названного *антипапой*. Николай II заключил союз с норманнами, и те в считанные дни подвергли владения Бенедикта X страшному опустошению, а его самого захватили в плен, лишили духовного звания и заточили в церковь Святой Агнессы в Риме. При их непосредственной помощи новый папа созвал в апреле 1059 г. Собор в Латеране, где принял новые правила об избрании Римского епископа, действующие, кстати сказать, до нашего времени. Смысл нововведений заключался в том, что отныне Римская церковь будет *сама выбирать своего предстоятеля*, не прибегая к услугам императорской власти. Нет сомнений, что за спиной этого декрета стоял Григорий Гильдебранд и... норманны, без силовой поддержки которых никто бы в Риме не решился на такой смелый шаг.

Взамен папа Николай II признал за Гвискаром титул герцога Апулии и Калабрии, нисколько не позаботившись спросить об этом поступке в Константинополе, где по-прежнему с полным правом считали эти области своими старинными владениями. Наконец, взамен на обещание норманнов служить Римскому престолу и передать все епископии Сицилии под власть Апостольского престола, понтифик *даровал* Гвискару этот остров, как своему вассалу⁴⁸. Как писал один историк, «права ограбленных Византийских государей были так же мало приняты папой во внимание, как и власть Германского императора. На глазах у людей одна легитимная власть устранялась, и ей на смену ставилась другая, *основанная на грабеже*. Может показаться изумительной та уверенность, с которой папа отдавал чужеземцам, как свою собственность, не принадлежащие ему провинции и даже вперед утверждал за этими чужеземцами те земли, которые еще надо было покорить»⁴⁹. Активную помощь в овладении островом Гвискару оказал его младший брат *Рожер Отвиль* (1061—1101).

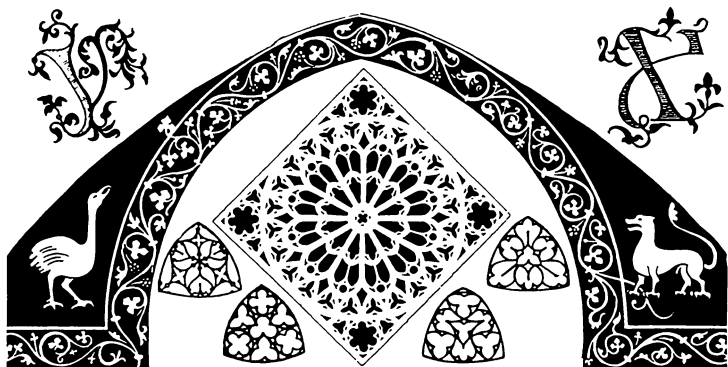
Едва ли маневры папы могли вызвать одобрение в Германии, но малолетний император Генрих IV и его мать не имели никакой воз-

можности воспрепятствовать папе и норманнам делить имперские земли. Этот конфликт, пока еще *приглушенный* вследствие указанной причины, вскоре породит многолетнее и тяжелейшее противостояние папства и императора, приведшее Запад к острейшему политическому и религиозному кризису. Правда, это все еще впереди...

Прежде чем начать наступление на остров, Гвискар в 1060 г. захватил оставшиеся греческие города в Калабрии — Россано, Джераче, Таранто и Бриндизи. Оставался только город Бари, но и его судьба будет решена в 1071 г. В октябре 1060 г. Константин X Дука направил, наконец, в Италию свой флот с войском, и угроза византийцев была настолько реальна, что Роберт Гвискар был вынужден срочно собирать все наличные силы, чтобы отразить ее. Однако до серьезных сражений дело не дошло, и византийцы спокойно отправились в Бари. Конечно, без таких опытных полководцев, как Георгий Маниак, Катакалон Кевкамен или Лев Торник, разбить норманнов, *не проигравших ни одного сражения в Италии за последние 30 лет (!)*, было невозможно. Тем не менее в течение ближайшего времени византийское правительство пыталось помочь своим соотечественникам в Южной Италии, поднимавшим восстания против норманнов в 1064 и 1066 гг.

Впрочем, всем было ясно, что со столь могучим соперником малыми силами не справиться, но Константин X Дука и не пытался начать настоящую войну — ему было жаль для этого денег, да и армия почти прекратила свое существование. В августе 1068 г. началась осада Бари — последней цитадели византинизма в Италии. Из Константинополя срочно направили флот во главе с полководцем по имени Византий и новым катепаном Италии Стефаном Патераном, но в случайном морском сражении, когда норманны наткнулись на греков, большая часть кораблей была потоплена. Впрочем, сами полководцы удачно пришвартовались в Бари и организовали его оборону, доставившую норманнам множество хлопот⁵⁰. Но в скором времени Гвискар со своими товарищами, завладев Сицилией и сломив остатки последнего греческого сопротивления в Италии, станет претендовать на большее — об этом речь пойдет дальше.

LVII. ЦАРИЦА ЕВДОКИЯ (1067) И ИМПЕРАТОР РОМАН IV ДИОГЕН (1068—1071)

Глава 1. Тайный план императрицы. Битва при Манцикерте и трагедия царской четы

Смерть императора Константина X Дуки первоначально мало что изменила во внутреннем порядке Византийского государства. По крайней мере, дела в государстве не стали лучше. Царица **Евдокия**, получившая права регентши, вынужденно занималась всеми государственными вопросами — назначала на должности и освобождала от них, принимала посольства и взыскивала подати. Во время приемов Евдокия восседала на царском троне, прекрасно понимая, что за этой театральной пышностью таится гибель Римской империи. Она явно превосходила покойного супруга в силе характера и старательно пыталась приобщить сына Михаила, юного представителя семейства Дуков, к государственным делам. Но это мало что значило в данную конкретную минуту.

Царице было очень тяжело: ее постоянно преследовал страх за собственную жизнь, судьбу сына и Римской державы. Одинокая фигура между двух борющихся партий — «патриотов» и «клерикалов», — Евдокия на людях всегда такая выдержанная и спокойная, как-то раз «в сердцах» проговорилась о тяжести своей ноши. На одном из богослужений Пселл, оставивший за собой статус первого советника и «серого кардинала», пожелал императрице, чтобы Бог хранил ее царство до

конца дней. На это царица горячо возразила: «Не нужно мне такого долгого царствования, я не хочу умереть на троне!»⁵¹ Евдокию можно было понять — государство *разваливалось* буквально на глазах: турки-сельджуки победоносно шествовали на Востоке, армия практически прекратила свое существование, казна была пуста, чрезмерные налоги съедали последние средства населения, коррупция чиновников достигла своего апогея.

Казалось, внешне все было, как и прежде, но нарушилась какая-то *внутренняя гармония* Византийской империи. Вместо традиционных приоритетов появились новые, а понятия «государство», «общее благо» растворились в «Церкви», в том значении, как ее понимали идеологи «папизма». Император, живой символ Богоизбранности вечной Римской империи, теперь стал играть второстепенную роль на фоне «настоящего» главы — Константинопольского патриарха, чем, кстати говоря, были недовольны сами столичные архиереи; те, у кого хватало здравомыслия. Армейская героиня подменилась фальшивым благочестием группы клерикалов. И этого всего оказалось вполне достаточно, чтобы Римская империя едва не прекратила свое существование.

Но, по счастью, в Византии еще сохранились люди, для которых интересы отечества всегда стояли на первом месте. Постепенно и очень осторожно, чтобы не вспугнуть представителей семейства Дуков, византийские патриоты начали переговоры с Евдокией и патриархом Иоанном Ксифилином о возможном отступлении от завещания покойного Константина X. К чести и императрицы, и архиерея, они горячо поддерживали идею найти *нового василевса* — естественно, путем нового замужества Евдокии, и попытаться спасти положение государства пусть даже за счет некоторого попрания прав семейства Дуков. Случай сам привел к престолу *Романа Диогена*.

Это был яркий представитель древнего и славного рода, родившийся в Каппадокии, владелец громадных имений в Харсианской феме. Долгое время Роман управлял придунайскими городами, а затем, в виде награды за победу над печенегами, император Константин X назначил его правителем Сердики и возвел в чин *вестарха*. Как патриот и государственный человек, Диоген явственно видел всю слабость Византии, но до смерти царя ничего не предпринимал. Однако затем он вошел в число заговорщиков, попытавшихся отстранить слабую Евдокию от власти и поставить на царский престол сильного императора. Как это часто бывает, какой-то армянин из числа близких слуг выдал Диогена, тот был арестован и предстал перед судом. Вина полководца была доказана полностью — впро-

чем, он и не скрывал на следствии своих замыслов, и его приговорили к смертной казни. Для формального оглашения приговора Диоген был препровожден к императрице в царский дворец, и здесь начались настоящие приключения. Увидев молодого, красивого, широкогрудого и широкоплечего мужчину с благородной осанкой и мужественным лицом, Евдокия невольно пожалела, что такой замечательный человек должен вскоре погибнуть. На глазах ее заблестели слезы, и сенаторы, чуткие к реакции царицы, тут же предложили заменить Роману смертную казнь ссылкой в Каппадокию. Естественно, императрица утвердила новый приговор.

Диогена отправили на его родину, но данный факт не забылся ни представителями патриотической партии, ни самой Евдокией. Хотя милость царицы к Роману была вызвана не телесными страстями, а обычной симпатией к здоровому, красивому и сильному мужчине, все решили, что более удачной кандидатуры на роль ее мужа не сыскать. С царицей срочно начались тайные переговоры, и уже к Рождеству 1067 г. Диоген был отозван в Константинополь под каким-то благовидным предлогом. Буквально в день-два все было решено, и Евдокия дала свое согласие нарушить волю покойного мужа и выйти замуж за Романа Диогена. Теперь очень много значила позиция патриарха, но царица сумела перехитрить архиерея. Она как-то «по секрету» сообщила патриарху, будто влюблена в его брата, но не может венчаться с ним, поскольку существует подписанная ею и всеми сановниками грамота покойному императору, хранимая ныне в храме Святой Софии. «Вот если бы такие клятвы можно было признать отозванными, тогда все могло сладиться», — вскользя *обмолвилась* она.

Разумеется, Иоанн Ксифилин не стал упускать счастливой возможности породниться с царской семьей и вскоре уведомил императрицу, что никаких преград для ее нового замужества уже нет. И тогда Евдокия открыто объявила ему, что ее избранник, увы, не кто иной, как Роман Диоген. Делать нечего — патриарху пришлось обвенчать ее с Романом, а затем возложить на его главу императорскую диадему. Все происходило настолько тайно, что даже Пселл и кесарь Иоанн ни о чем не узнали до последнего дня⁵².

Лишь 31 декабря 1067 г., накануне венчания, Евдокия пригласила к себе Михаила Пселла и осторожно обмолвилась с ним о тяготах царского служения и тяжелом положении Римского государства. Почувствовав неладное, сановник решил выиграть время и предложил в другие дни обсудить все вопросы. На что царица с улыбкой заметила: «Ни о чем больше не надо думать, все решено и обдумано.

Царского венца удостоен и всем предпочтен Роман, сын Диогена». Ошеломленный сановник, моментально понявший, что дни их партии сочтены, лихорадочно пытался спасти положение. Он спросил, согласовано ли данное решение с царем Михаилом, сыном Евдокии? «Хорошо, что ты напомнил мне о сыне», — произнесла царица, и они поднялись в покои Михаила. К разочарованию Пселла, юный царь Михаил, точная копия своего слабовольного и миролюбивого отца, нисколько не смутился словами матери о том, что у него вскоре появится отчим, который и возьмет бразды правления государством в свои руки. Срочно приказали доставить в покои Михаила Романа Диогена, которого юный император обнял и поцеловал. Затем позвали кесаря Иоанна, брата покойного Константина Х Дуки — тому оставалось только смириться перед фактом и... напиться. 1 января 1068 г. у Византии появился новый император, **Роман IV Диоген**⁵³.

Это был очень удачный выбор — искусный полководец, настоящий рыцарь, могучий и поразительно храбрый, благородный и мужественный, он представлял собой настоящий образец римского героя⁵⁴. Император был весьма решительным человеком. А потому, обладая сознанием высокой ответственности за решение государственных задач, хорошо понимая и любя военное дело, не стал откладывать на будущее время устранение тех проблем, которыми было полно Византийское государство⁵⁵.

Правда, царствование Романа IV было далеко не свободным — клерикальная партия во главе с кесарем Иоанном и Пселлом потребовала *письменно* закрепить права на трон сына Константина Х Дуки; естественно, Евдокия, как мать, также была заинтересована в этом. Составили договор, согласно которому Диоген был обязан царствовать только с участием юных императоров Михаила, Андроника и Константина; и их имена писались в официальных документах рядом с именем Романа IV. Но *неофициально* над императором довлела клерикальная партия, искусно плетущая свои интриги. Пселл и кесарь Иоанн быстро привлекли на свою сторону царевичей Андроника и Константина, а также некоторых знаменитых военачальников, недовольных тем, что императрица Евдокия предпочла им Романа Диогена.

Как человек слова и твердых нравственных убеждений, Роман IV никоим образом не собирался посягать на права царевичей. Однако Пселл и кесарь Иоанн постоянно убеждали царицу, будто Диоген только и думает о том, как бы *самостоятельно* править Римским государством. Внутренняя борьба в царском дворце дошла до того, что император, не выдержав, отправил кесаря Иоанна в отставку

в Вифинию. Разумеется, это событие тут же интерпретировали в глазах царицы, как очередное и явное подтверждение обоснованности всех возводимых на Романа IV обвинений⁵⁶.

Оговариваемый и уничижаемый придворной камарильей, император прекрасно понимал, что поднять престиж царской власти может только удачная война, о существовании которых византийцы уже забыли. Тем более что турки-сельджуки всерьез угрожали восточным землям Римского государства. Их великолепная конница систематически опустошала земли Месопотамии, Мелитины, Сирии, Киликии, Каппадокии и даже захватила крепость Кесарию, подвергнув население настоящей резне.

К сожалению, при всех полководческих талантах императора Романа IV отличала некоторая *излишняя* импульсивность — ему явно не хватало опыта и терпения Ираклия Великого или Василия Македонянина⁵⁷. Уже в марте 1068 г. василевс во главе византийского войска направился против сельджуков. К сожалению, это была только тень старой доблестной римской армии времен императоров Македонской династии. Достаточно сказать, что в массе своей это были *наемные отряды* — национальный элемент почти улетучился из нее в годы правления клерикалов. Разноплеменное войско, состоявшее из македонских славян, болгар, печенегов, узов, франков и норманнов, было не готово противостоять быстрым и стремительным атакам турецкой конницы⁵⁸.

Однако и с такой слабо боеспособной армией Роман IV сумел провести удачную кампанию, хотя и очень не простую в военном отношении. Начав с наступления на Алеппо, василевс затем повернул к Черному морю и победоносно разбил несколько турецких отрядов у Неокесарии. Затем он завоевал город Иераполь и укрепил власть Римской империи в Сирии. Только в январе 1069 г. царь с войском триумфально прибыл в Константинополь⁵⁹.

Клерикалы были недовольны и всячески приуменьшали успехи императора — в ответ тот начал открыто игнорировать их советы. Более того, в следующую военную кампанию, начавшуюся буквально весной 1069 г., царь взял с собой Пселла, опасаясь оставлять столице этого «*могильщика императоров*». Как и прошлый раз, василевс не достиг решающего перелома в противостоянии с турками, но, тем не менее, дошел до Месопотамии, основательно потревожив врага⁶⁰. Некоторые успехи чередовались откровенными неудачами. Племянник бывшего императора Исаака Комнина Мануил Комнин, командующий римскими войсками в Азии, был разбит турками при Севесте (Сиваше), и даже попал в плен. Турецкая

конница дошла до фригийского города Хон (Колоссы), осквернив главную святыню города — храм Св. Михаила.

А в Италии тем временем продолжалась осада норманнами Бари. Вначале горожане считали Бари неприступной крепостью. Они ходили по стене, бросали вверх золотые украшения и, насмехаясь над жадностью норманнов, предлагали Гвискару самому подняться и забрать драгоценности. В ответ Роберт Гвискар благодарил греков за то, что они сохранили для него свою казну и заявил, что вскоре он избавит их и от забот по ее сохранности. Несмотря на турецкую угрозу, император выделил в начале 1071 г. некоторые силы для помощи осажденным византийцам, согласившись с просьбами Стефана Патерана, сумевшего вновь прорвать блокаду норманнов и выбравшегося в Константинополь. Но, к сожалению, византийский флот, направленный к Бари, потерпел тяжелое поражение у стен города, хотя норманны и заплатили высокую цену за свою победу. И уже через пару недель, в апреле 1071 г., Бари капитулировал. Роберт Гвискар торжественно проехал по улицам города, но оказался довольно милостивым по отношению к грекам. Византийские флаги, в последний раз взвившиеся в воздух 16 апреля 1071 г., были спущены; отныне этот город стал владением герцога Апулии⁶¹.

Впрочем, с той армией, которая досталась Роману IV, ни на что большее рассчитывать было невозможно. Тем не менее византийцам удалось в 1070 г. вытеснить турок из Каппадокии и Мелитены, и император, перейдя Евфрат, нанес сельджукам чувствительный удар, взяв город Ахлат на озере Ван⁶².

Едва ли походы императора можно отнести к категории наступательных войн — турки настолько осмелели, что зимой с 1070 на 1071 г. углубились в Кесарию и начали опустошать ее. Получив об этом известия, василевс попытался мирно урегулировать конфликт, предложив Альп Арслану обменять взятый римлянами в последнюю кампанию Иераполь на осаждаемую турками Эдессу, которая вот-вот должна была пасть. Переговоры продолжались, но результата так и не дали, а потому царь велел войскам в конце февраля 1071 г. собраться для новой войны. В этот последний для себя поход Роман IV отправился вместе с Андроником Дукой, которого надеялся приучить к ратной службе, и даже передал ему управление частью армии. В свою очередь Альп Арслан также принял командование над турецкими войсками, надеясь отразить натиск византийской армии, заметно за последние два года прибавившей в силе.

Однако поход византийцев не сложился уже с самого начала. Зная об интригах части полководцев, император не пригласил на

войну популярного военачальника Никифора Вотаниата. Не доверяя своему окружению, он оставил вокруг себя только германских наемников, довольно дерзко и грубо общавшихся с остальными солдатами римской армии и местным населением. Конфликты между германцами и остальными частями стали столь болезненными и очевидными, что император в конце концов приказал расформировать немецкий корпус и отправить наемников на Балканы. Жизнь самого царя также подвергалась постоянной угрозе: то внезапно сгорела палатка, где он должен был отдыхать, то обрушился дом, предназначенный ему для постоя. Никакого единства духа и мнения среди командующих не было и в помине — кто-то предлагал наступать на сельджуков, другие советовали занять активную оборону⁶³.

Надо сказать, первоначальное соотношение сил было не в пользу Альп Арслана: 40 тыс. греков и наемников он мог противопоставить не более 30 тыс. турецких всадников и легковооруженной пехоты. Но, очевидно, общая организация ведения войны была поставлена у сельджуков на голову выше, чем у византийцев: римляне совершенно не знали, где находится их враг, самоуверенно и ошибочно полагая, будто турки испугались и бежали. Это «знание» предопределило стратегию трагичного похода. Достигнув Эрзерума, император направил наемников-франков в район Хилат с приказом взять город. Попутно им вменялись сбор продовольствия для остальной армии и охрана тылов с последующим присоединением к основным силам у Манцикерта, что находился в Армении рядом с озером Ван. Затем василевс решил укрепить франков и отправил к ним тяжеловооруженную армянскую пехоту — элиту своей армии, чем серьезно ослабил силу главного корпуса. Теперь у него оставалось не более 20 тыс. солдат, и численное превосходство византийцев над турками улетучилось.

В принципе это были еще *поправимые* ошибки, но, как обычно, вмешались субъективные причины. Два корпуса — франкский и армянский неожиданно для себя столкнулись с главными силами Альп Арслана, который, по мнению византийцев, должен был быть далеко и, забыв свой долг, отступили до самого Евфрата, самоустранившись от дальнейшего участия в боевых действиях. Таким образом, накануне решающей битвы император лишился лучших частей⁶⁴.

Тем временем римская армия без боя овладела городом Манцикертом и стала лагерем. Утром 24 августа 1071 г. василевсу доложили о нападении турок на византийских фуражиров. Он отдал приказ полководцу Никифору Вриеннию прогнать дерзких налетчиков, однако тот встретился не с разрозненным отрядом разведчиков,

а с превосходящими силами сельджуков. На выручку Вриенния василевс отправил тяжелую кавалерию во главе с Никифором Васиlaki, которая увлеклась погоней за турками, попала в засаду и была почти вся уничтожена; самого Васиlaki сельджуки захватили в плен. Теперь уже Альп Арслан решил атаковать римлян, и Вриеннию едва удалось организовать свой отход, огрызаясь редкими контратаками. Многие военачальники оказались ранеными, в их числе сам Никифор Вриенний, чье тело поразили копье и две стрелы. Узнав о том, что перед ним главные силы неприятеля, император дал приказ строиться для сражения, но была уже вторая половина дня, и турки благополучно скрылись за холмами⁶⁵.

Вечер этого и весь следующий день прошел в чередовании турецких конных атак на римский лагерь с попытками договориться о мире. К огорчению императора, часть восточных наемников, узов, перебежала на сторону турок, чем еще более ослабили силы византийцев. Василевс направил посольных к франкскому и армянскому корпусам, надеясь на их скорый подход. Впрочем, он и его штаб не сомневались, что и с оставшимися силами византийская армия способна разгромить турок в открытом сражении. И, надо сказать, это была далеко не бравлада.

Утром 26 августа 1071 г. римская армия выступила из лагеря и выстроилась в боевые порядки для битвы, навстречу им устремились сельджуки. Как осторожный и опытный полководец, император расположил свои войска очень удачно. Он обоснованно полагал, что единственный шанс для него — вызвать все силы турок на себя и при фронтальном столкновении разгромить врага. А при маневренном бое его армия неминуемо должна была погибнуть от стрел юрких и быстрых турецких всадников. Поэтому почти сразу же по его приказу римляне стремительно бросились вперед. Сам василевс находился во главе войска в центре боевых построений. К полудню византийцы прорвали центр турецких войск, но вражеские фланги держались, постоянно контратакуя их и уклоняясь от фронтальных столкновений. Ближе к вечеру стало ясно, что, несмотря на некоторые успехи, Роману IV так и не удалось вынудить Альп Арслана опрокинуть сельджуков, и он дал приказ своим войскам отступать в лагерь.

Отход центрального отряда происходил организованно, но по законам военной тактики полагалось, чтобы его отступление прикрывалось арьергардом и резервом, стоящими позади под командованием Андроника Дуки. И здесь случилось страшное предательство,

стоившее жизни многим византийским воинам. Прекрасно зная, *что* происходит впереди, Андроник, тем не менее, вскричал, что *император погиб*, и дал приказ своим отрядам срочно отступать (!). Было уже темно, и слух распространялся по римской армии, сея страшную панику. Нет сомнения в том, что это было *заранее обдуманное предательство* — Андроник искренне надеялся на гибель Романа IV, которая восстанавливала бы права семейства Дуков на царство. Римская армия ударилась в беспорядочное бегство, что позволило туркам отрезать и окружить центр византийского войска во главе с царем⁶⁶.

Роман IV сражался, как герой, заняв место среди своих товарищей-солдат и собственноручно поразив множество врагов. Но ему не суждено было умереть в тот день — узнав по внешнему виду, что перед ними Римский царь, турки постепенно выбили вокруг императора всех телохранителей, ранили Диогена и, бесчувственного, отнесли в свой лагерь. Таким образом, *впервые* (!) за всю историю Римской империи ее василевс оказался в плену. Почти 20 % римской армии попало в плен, кроме того, почти 3 тыс. солдат и командиров осталось на поле боя.

Поражение Византии под Манцикертом оказало решающее значение для всей последующей истории. Византийцы окончательно потеряли господство в Малой Азии, Армении и Каппадокии, игравших ключевую роль в истории Римского государства в течение многих столетий⁶⁷. Такие великолепные города, как Эдесса, Антиохия, Манцикерт, Манбидж, попали под власть турок, начавших на этих землях новую историю своей государственности⁶⁸.

Известие о несчастье, постигшем императора и римскую армию, хотя и очень неопределенное по содержанию, достигло наконец и столицы. Прибывавшие в Константинополь солдаты противоречили друг другу: одни утверждали, будто Роман IV погиб в сражении, другие уверяли, что он жив и находится в плену. Но для клерикальной партии это не имело существенного значения, важно было одно — у них возник неплохой шанс решить вопрос о преемнике царской власти. Созвали Совет, и мнения вновь разделились. Кто-то полагал, что наилучшее — объявить *совместное* правление царицы Евдокии и императора Михаила. В частности, за это высказался Пселл и кесарь Иоанн, срочно вернувшийся из ссылки в Константинополь. Но другие старались рассорить мать и сына, настаивая непременно на *единодержавном* правлении «своей» кандидатуры: либо Евдокии, либо Михаила⁶⁹.

Однако тут с Востока поступили очень неприятные для Дуков вести. Оказалось, что Альп Арслан, пленивший Романа IV, вовсе не возгордился этим, но, напротив, воздав Римскому царю подобающие почести, заключил с ним мирный договор и предоставил полную свободу, попутно отпустив без оплаты всех римских пленных. По условиям заключенного договора Византия обязывалась уплачивать туркам ежегодную дань и вернуть всех пленных турецких воинов. В принципе это были довольно мягкие требования со стороны победителя. Но, как тонко заметил один автор, «императору Роману предстояла печальная участь убедиться, насколько был великодушен турок победитель по сравнению с низостью собственных подданных»⁷⁰.

Ни о чем не подозревая, счастливый Диоген возвращался на родину, когда ему сообщили о событиях в столице. Роман IV тут же написал письмо царице Евдокии, в котором рассказал обо всем случившемся с ним и пообещал вскоре прибыть в Константинополь. Едва это послание оказалось прочитанным, как буря волнения охватила царский дворец. Императрица считала само собой разумеющимся признать Романа IV в сущем статусе, но партия Дуков была настроена категорично против этого. Итог быстрых дебатов подвел Михаил Пселл, посовествовавший юному императору Михаилу Дуке *не пускать* Диогена на царство и разослать повсюду указ о его отстранении от власти. Понимая, что мать никогда не согласится с ним, Михаил отказал ей в праве управлять Римским государством и окружил себя наемниками-телохранителями⁷¹. Царицу арестовали, а 24 сентября 1071 г. переправили в Пиперудский монастырь на берегу Босфора и заставили принять постриг. 24 октября 1071 г. сын Евдокии и Константина X Дуки **Михаил VII Дука (Парапинак)** был объявлен единодержавным императором Римской империи.

Между тем Роман IV Диоген приближался к Константинополю, не встречая никакого сопротивления. Но навстречу ему уже продвигалось войско под командованием сына кесаря Иоанна Константина Дуки; возле города Тиропей, что к юго-западу от Кесарии, противники встретились. В короткой схватке небольшой отряд василевса был рассеян, сам Диоген спасся бегством⁷². Но, как выяснилось, далеко не все византийские полководцы были готовы смириться с незаконным и бесцеремонным отрешением Романа IV от власти. Катепан Антиохии армянин Хачатур сумел прорваться к василевсу и отвел того в Киликию, где к императору начали стекаться добровольцы. Прибыло много стратиотов из Каппадокии, и шансы василевса вернуть власть резко возросли.

Дело в том, что войско Константина Дуки по возвращении в столицу было распущено — настолько Пселл и кесарь Иоанн были уверены в полной победе над законным царем. И теперь Диогену открывались пути на Константинополь, чем, к несчастью, он не воспользовался. В преддверии осени и зимы император организовал свой штаб в Киликии, чем предоставил врагам серьезный стратегический выигрыш во времени⁷³.

И вновь в столице начался переполох — некоторые, опасаясь авторитета императора, полагали возможным *разделить царство* между ним и Михаилом Дукой, о чем Роману IV было направлено соответствующее послание. Тот, однако, справедливо возмутился таким предложением и ответил, что не желает принимать столь «милосердные» советы. Пришлось собирать настоящее войско, и на этот раз его командование доверили изменнику Андронику Дуке, предавшему царя при Манцикерте. У крепости Адана противники встretились вновь.

Войском Романа IV командовал Хачатур, сам же император остался в городе, ожидая со дня на день подхода турок, вождь которых Альп Арслан обещал ему помощь. Зимой с 1071 на 1072 г. свершилась решающая битва. Армия Андроника Дуки намного превосходила по численности войско Диогена, поэтому ей не составило большого труда разгромить Хачатура в открытом сражении. Тем не менее осада хорошо укрепленной крепости могла затянуться, а потому Андроник Дука убедил Романа IV, будто ему гарантируется безопасность в случае добровольной сдачи. Василевс принял это предложение, гарантированное «честным словом» Михаила VII Дуки и трех митрополитов — Халкидонского, Ираклийского и Колонийского. Войска Дуки вошли в крепость и арестовали Диогена, которого Андроник препроводил в свой шатер и угостил обедом. Правда, вслед за этим Романа IV постригли в монахи и переодели в черное платье. Затем свергнутого царя переправили в фему Опсикий, в крепость Котиаии⁷⁴.

Казалось бы, все уже решено, но в Константинополе жаждали *мести*, а потому по приказу Михаила VII Дуки свергнутому Роману IV Диогену выжгли глаза. Напрасно царь взывал к словам и гарантиям митрополитов — те, конечно, ничего сделать не могли. Эта была мучительная процедура: палач-еврей оказался неопытным и 4 раза повторял свои попытки, пока наконец император был окончательно ослеплен⁷⁵. Пселл на всякий случай написал свергнутому василевсу письмо, в котором *по обыкновению* лукавил и утверждал, будто сам Михаил VII Дука никакого отношения к этому зверству не имеет.

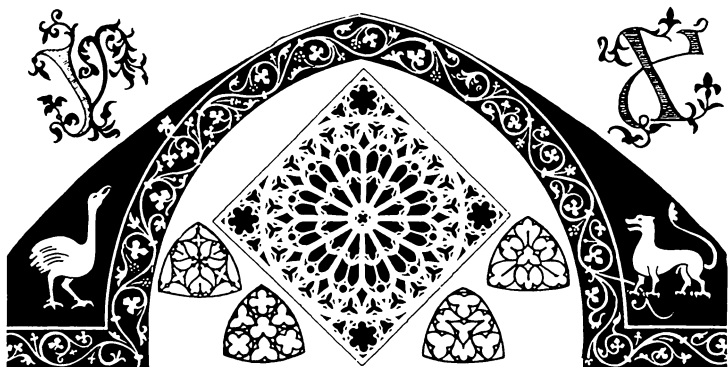
По его словам, приказ об ослеплении якобы отдал кесарь Иоанн. Но, конечно же, эта уловка никого не убеждала — все были уверены, что новый император знал о грядущей судьбе своего отчима⁷⁶. После этого Романа Диогена отправили в монастырь на острове Проти, где он и скончался в июле 1072 г.

Попутно меч угрозы мелькнул и над головой дома Комниных. Жена Иоанна Комнина, брата императора Исаака I, *Анна Далассина*, тайно вступила в переговоры с Романом IV, когда тот пребывал в Киликии, и это обстоятельство едва не погубило всю семью. Однако на суде Анна торжественно поклялась перед образом Христа, что ничего не замышляла против Михаила Парапинака, и судьи ей поверили. Тем не менее ее вместе с детьми сослали на Принцевы острова. На всякий случай⁷⁷.

А в Византийском государстве началось «Смутное время»...

LVIII. ИМПЕРАТОРЫ МИХАИЛ VII ДУКА ПАРАПИНАК (1071—1078) И НИКИФОР III ВОТАНИАТ (1078—1081)

Глава 1. «Смутное время» и бессильный царь

Молодой василевс, благодаря трудам своего учителя и дяди захвативший императорский трон, был всего 20 лет от роду — он родился в 1050 г. Михаил Пселл, абсолютно убежденный, что каждый следующий на его жизненном пути император может царствовать при неперменном обращении к его персоне за советами, воспитал из Михаила VII именно такой образчик. Инфантильный и слабовольный, старческого вида с замедленными движениями и задумчивым взглядом, молодой царь более годился для научной деятельности, чем для управления государством. Начитанный и любитель побеседовать с учеными, он откровенно отложил в сторону государственные дела и стал писать стихи или новое историческое повествование. Василевс был стыдлив, мягкосердечен и деликатен — не самые плохие качества, требующие, тем не менее, для осуществления полномочий царя соседства более мужских черт характера. Михаил VII откровенно не любил войны, чурался грубых шуток, женщин, застолий и стеснялся сделать замечание даже собственному слуге, когда тот открыто обворовывал его⁷⁸.

Правлению Михаила VII были присущи исключительно «анти-милитаристский» характер и практически полное устранение царя от решения всех государственных дел. Вместо императора их рассматривали его советники из числа представителей клерикальной партии. Результатом резкого ослабления (*самоослабления*, вернее сказать) верховной власти стали невиданное казнокрадство и полное обнищание Римского государства. В ситуации резкого снижения доходных источников вследствие утраты многих плодородных территорий и продолжения политики императора Константина X Дуки по освобождению церковных владений от налогов, Михаилу VII пришлось пойти на прямой обман населения. В частности, он по совету Пселла девальвировал денежную единицу номисму до уровня $\frac{1}{4}$ медимна, «*пинак*», за что и получил свое довольно обидное прозвище *Парапинак*, т.е. «вор четвертой части»⁷⁹. Скажем откровенно, это — не самая лестная оценка Римского царя в глазах византийцев. Доходы населения таяли, как дым, казна оставалась пустой.

К немалому удивлению Пселла, его влияние при дворе резко упало, хотя лично Парапинак испытывал глубокое доверие и уважение к своему учителю. Но поскольку он всегда желал иметь Пселла при себе, а его занятиями стали науки, то и старому сановнику пришлось в силу необходимости более демонстрировать эрудицию, чем вершить политические дела. На первых порах больше всех выиграл кесарь Иоанн, однако вскоре и он вынужден был уступить место евнуху Никифору, получившему прозвище *Никифорица*. Этот хитрый царедворец служил в царской канцелярии еще при Константине X Дуке, прославился безудержным взяточничеством и ловкостью, а потому был вызван из провинции кесарем Иоанном и назначен логофетом дрома⁸⁰. Однако Никифорица рассчитывал на большее, а потому немедленно начал хитрую интригу по устранению всех возможных конкурентов, чтобы стать при царе единственным советником. Первым жертвой его комбинаций стал Иоанн, митрополит Сидский, ранее поставленный василевсом первым министром двора. Затем был оклеветан и сам благодетель Никифорицы, кесарь Иоанн, дядя царя, отправленный в Азию во главе войска воевать с турками. Став после этого первым министром, Никифорица начал широкую деятельность, от которой содрогнулась вся Римская империя сверху донизу.

Население задыхалось от бремени непосильных налогов, поступавших в карман Никифорицы, церковное имущество изымалось якобы в пользу государственной казны, чем возмутилось священ-

ство, но судьба собственности монастырей была сродни налоговым поступлениям. В изъятии церковных ценностей большую помощь Парапинаку оказывал Неокесарийский митрополит, назначенный на должность царского сакеллария. Дошло до того, что другие архиереи попытались низвергнуть его из сана, и только горячее заступничество императора спасло митрополита. Все же василевс лишил его светской должности и отправил в свою митрополию, где тот жил до самой смерти⁸¹. Тяжелый удар был нанесен аристократии, чье имущество также безжалостно конфисковалось по самым различным поводам⁸².

Непродуманными действиями Михаил VII и Никифорица разрушили ту специфическую, но очень эффективную систему защиты северных границ, которая самопроизвольно образовалась в последние десятилетия по Дунаю. А там сформировалась пестрая смесь из болгар, печенегов, половцев и русских, массами устремившихся на освободившиеся земли. Ранее византийское правительство ежегодно направляло этой космополитичной орде «поминки» — дань, получая взамен естественных защитников своих рубежей. На фоне Охридской Болгарии, вошедшей в состав Римской империи и стоившей под игом налоговых повинностей, жизнь орды была привольной и приятной⁸³.

Наконец, вновь активизировались турки. И нет ничего удивительного в том, что вскоре Византия *запылала* — как вовне, так и изнутри. Первыми заволновались Балканы, где в 1073 г. поднялось восстание против Византии. За помощью болгары обратились к Сербскому королю *Михаилу* (1050—1084). Его сын, царевич Петр, прибыл в Болгарию с отрядом из 300 всадников и был провозглашен новым Болгарским царем. Он заручился поддержкой отца, а Зетский князь *Михаил*, вассал Сербского короля, прислал ему в помощь 300 всадников по главе с воеводой Петрилой⁸⁴. Он разбил слабое византийское войско под командованием Дамиана Далассина, однако позднее византийцы при помощи норманнских и германских наемников справились с восставшими и разбили их в нескольких сражениях. К декабрю 1073 г. восстание было полностью подавлено⁸⁵.

Но в 1074 г. активизировалась орда на Дунае, где большинство составляли печенеги. Они двинулись на юг и разграбили область Адрианополя. Против них император направил вестарха Нестора, этнического славянина, пользовавшегося его особым доверием. Однако едва Нестор прибыл на Дунай, как понял, что его полномочия, так грозно звучавшие в Константинополе, здесь не значат ничего. Фактически он оказался в плену у орды и сохранил жизнь

лишь при условии того, что возглавит ее и будет действовать заодно против византийцев. Нестор вначале возражал, но потом узнал о том, что Никифорица конфисковал его дом в столице в виде наказания за неудавшуюся миссию. Это решило дело, и вскоре печенеги двинулись на Константинополь.

Осадив город, кочевники потребовали помимо дани выдачи головы Никифорицы, но, к удивлению, Парапинак проявил несвойственное ему упорство и не пожелал удовлетворить это требование. Вместо этого он судорожно искал союзников и друзей, способных помочь ему в минуту опасности. Спасло Византию старое оружие — *подкуп* отдельных вождей, внесший разлад в орду. Кроме того, по несколько неопределенным свидетельствам в лагере печенегов начался мор. В результате они свернули боевые действия и вернулись на Дунай, разоряя по пути Фракию и Македонию⁸⁶.

Затем пришлось выслушать требования турок. После прихода Парапинака к власти сельджуки напомнили императору о необходимости соблюдать условия договора, заключенного Романом IV Диогеном, но Михаил VII в категоричной форме отказал им. Это было крайне неразумное решение: вначале следовало оценить свои шансы на успех, а затем уже действовать, но не наоборот. Блестящая византийская дипломатия ранее без труда решала подобные задачи и даже еще более сложные. Объективно туркам противопоставить в военном отношении было нечего. Хотя сам Альп Арслан погиб в 1072 г., один из вождей сельджуков, *Сулейман ибн-Кетельмуш*, начал постепенный захват византийских владений в Малой Азии. И в ближайшие годы ситуация для византийцев осложнилась настолько, что всякое сухопутное сообщение Константинополя с Сирией и Месопотамией стало невозможным⁸⁷.

Пребывая в эйфории от своей «победы», император объявил войну туркам, не вполне понимая, что сельджуки — не болгары, а вслед за этим начал судорожно искать союзников, которых попросту не существовало. Пришлось обращаться к Римскому епископу Григорию VII Гильдебранду, но безрезультатно — папа в ту минуту сам испытывал потребность в военной помощи, вступив в глубокий конфликт с Германским королем *Генрихом IV* (1056—1105). Правда, позднее, 2 февраля 1074 г., папа Григорий VII все же отправил послание ко всем королям Запада с призывом помочь гибнущей Византии, которую турки совершенно опустошили, дойдя до Никеи и стен самого Константинополя. За это послание император Михаил VII пообещал папе воссоединить Церкви — разумеется, под

эгидой Римской церкви. Однако тогда этот предвестник Крестового похода не возымел серьезного действия, и Византийская империя осталась один на один с очень грозным соперником⁸⁸.

Тогда василевс отправил тайное (для папы) послание Роберту Гвискару, уже имевшему титул герцога Апулейского, — правда, иногда полагают, будто это письмо было адресовано Переяславскому и Ростовскому князю *Всеволоду Ярославовичу* (1030—1093), будущему Киевскому князю, но большинство исследователей склоняется к *традиционной* трактовке событий.

В витиеватых выражениях император доверительно сообщал Гвискару, что многие сильные мира сего были бы счастливы получить хотя бы косвенное подтверждение миролюбия Римского царя по отношению к ним. Насколько же в более выгодной ситуации оказался Роберт, получивший полное и *персональное* послание. Но герцог не должен удивляться такой милости со стороны Константинополя. Там давно считают его истинным христианином и благородным аристократом (шестого сына безвестного и бедного норманнского дворянина, добавим мы), а потому предлагают *великую честь* защитить границы Римской империи от врагов. В обмен на родство с императорским домом — замужество дочери герцога на родном брате царя Константине Дуке.

«Тебе, конечно, небезызвестно, что такое есть императорская власть у наших римлян и что даже те, которые вступают в дальнейшее родство с нами, почитают такой союз величайшим благополучием. А я сватаю дочь твою не за чужого мне родом и не за какого-нибудь родственника из дальних, а за брата, родившегося от одного со мной семени, произращенного одним естеством, рожденного в царской порфире, повитого царскими пеленами и получившего вместе с рождением царское достоинство от Бога. Вот мое благополучие, а твое благополучие, вот верховное божественное домостроительство, обоим полезное, ибо твоя власть сделается отсюда более почтенной и все будут удивляться и завидовать тебе, получившему такое отличие». «Когда ты придешь в себя от великой радости, прочитав это письмо, — завершал повествование Парапинак, — срочно принимайся за дело»⁸⁹.

Роберт Гвискар, которого письмо откровенно *позабавило*, просто не ответил на него императору. И удивленному Михаилу VII пришлось направлять норманну второе послание, в котором он повторил свое предложение. «Я люблю мир, — писал василевс, — более, чем кто-либо из людей, и желаю править моим государством не на основании какого-либо стремления к расширению его, так чтобы

ради этого враждовать с правителями народов, но, считая для себя достаточным то царство, которое я получил от Бога, я хочу привязать к себе посредством дружбы наиболее властительных и разумных мужей, каков ты, и как бы укрепить их и укрепить себя таким единомысленным союзом и настроением. Относительно тебя это имеет место даже более, чем относительно других правителей».

Император затем объяснял, что якобы избрал Роберта по тем причинам, что тот является благочестивым христианином (дважды отлученным папой от Церкви), ненавидит раздоры и битвы (всю жизнь проводивший на войне и сделавший великолепную карьеру от безвестного норманнского дворянина до владетеля Апулеи) и любит мир — сомнительные по исторической фактуре комплименты.

Что же касается способа организации союза, то Михаил VII вновь предложил своего брата Константина, «единоотеческого и единоматеринского, от одного семени и от одного естества», в качестве супруга дочери Роберта Гвискара *Елены*, «прекраснейшей, чтобы она сочеталась с красивейшим и наилучшим и чтобы союз царственного свойства сделался между нами связью дружбы, чтобы через одно соединение воцарилось между нами нерасторжимое единомыслие и воистину была бы чаша — не воды мимотекущей, но родственной крови, не от разделения иссекшей, а от соединения восприявшей свое сгущение».

Завершая свое послание, император писал: «Итак, прими эту весть как исповедание истины, потому что не от тиранической души весть приходит, но от царственнейшей мысли признание. Твоя дочь вкореняется и, так сказать, внедряется на самом тучном и плодородном корне, а не на каком-либо сухом и диком. Корнем этого царственного древа и этого прекрасного тука был мой отец; после внедрился дикий приросток (Роман IV Диоген. — *А.В.*), но правда не потерпела, чтобы такой прирост участвовал в благородном туке, и он был отторгнут и отсечен, а я, ветвь от первого корня, процвел, а вместе со мной поднялись вверх и мои братья»⁹⁰.

И хотя истинное положение дел никак не коррелировало с тоном и содержанием письма василевса, император как ни в чем не бывало говорит Гвискару: «Я усомнился бы предложить такое всякому другому, но для тебя одного я предпринял и задумал и с величайшей готовностью делаю это соединение».

И вновь ответа не последовало. Возможно, василевс, чувствовавший себя глубоко оскорбленным, не стал бы более обращаться к Гвискару, но, как говорят, «охота пуще неволи». Дела шли из рук вон плохо, и срочно приходилось искать сильного союзника, како-

вым могли быть только непобедимые норманны. Парапинак написал третье по счету письмо Гвискару, и тот неожиданно ответил. Император настолько обрадовался этому событию, что резко увеличил размер аванса, способного заинтересовать герцога. Он предложил ему для перераспределения среди членов семьи Гвискаров 44 высших византийских чиновных титула, каждый из которых давал право на получение руги (жалованья) в размере 200 фунтов золота ежегодно. Поскольку взамен *конкретных* даров и выгод от норманнского герцога требовались только добрые слова и обещания будущих действий, Роберт согласился с данным предложением. Вскоре в Константинополь прибыла его дочь Елена. Правда, как рассказывают, она была, мягко говоря, некрасива, и наследник престола Константин Дука с ужасом думал о предстоящем браке, «как ребенок о пугале». Тем не менее, эта комбинация позволила Михаилу VII получить возможность нанять несколько норманнских отрядов⁹¹.

Началась новая война, на которую в 1073 г. василевс отправил Исаака Комнина с войском, в состав которого входил отряд норманнов под командованием Урселя, на сельджуков. Сопровождал Исаака Комнина его брат, совсем еще юный *Алексей Комнин* — герой нашего будущего повествования. Поскольку это семейство относилось к царскому роду (по Исааку I Комнину), было богато, знаменито и широко известно, Михаил VII решил вызвать Комнинов из ссылки и использовать в собственных целях. Но на таких участках, где Комнины имели шансы выше обычного расстаться с жизнью.

Исаак Комнин, 22-летний юноша, стал во главе весьма сомнительной по боеспособности и дисциплине византийской армии, усиленной наемниками-норманнами. Его первая попытка навести порядок тут же наткнулась на сопротивление Урселя, заявившего, что ни он, ни его норманны неподсудны византийцам. Исаак настаивал на своем, норманны откровенно угрожали вступить в бой не с турками, а с византийцами. Наконец, по дороге норманны самовольно покинули византийскую армию, вследствие чего Исаак Комнин потерпел поражение от турок и даже попал в плен.

В этом первом для себя сражении Алексей Комнин действовал мужественно и храбро. Когда его брат был пленен, он, желая отбить его, вместе с группой воинов бросился на сельджуков и лично поразил нескольких врагов. В битве под ним пала лошадь, а из отряда телохранителей осталось всего 5 воинов. Тем не менее Алексей вернулся в лагерь и сумел навести в остатках римской армии порядок и восстановить дисциплину. Как рассказывают, старые воины плакали, глядя на него, и говорили: «Да здравствует юноша

спаситель, избавитель уцелевшего (ромейского) римского войска! Да здравствует он в теле едва не бестелесный!»⁹² Иными словами, они приравнивали его воинские деяния к *духовному подвигу* во имя родины.

Правда, ночью остатки войска все же покинули лагерь, и утром Алексей с удивлением обнаружил, что остался совсем *один* (!). Юноша отправился пешком на родину, не пожелав снять боевые доспехи, хотя был ранен и его одежда перепачкана кровью. Он едва не попал в руки турок, но добрался до некоего городка в Гавадонии, где потряс местных жителей своим героическим видом и мужеством. Погостив у них 3 дня, он отправился к Анкире, разузнавая все о брате, которого надеялся выкупить из плена. К своему удивлению, он узнал, что аристократы Каппадокии в дружном порыве собрали деньги на выкуп Исаака Комнина. Вскоре братья встретились в Анкире и направились в столицу, но по пути их еще ждало много приключений и опасностей. Однажды в местечке Декта они встретились с отрядом доместика, но дом, в котором византийцы отдыхали, окружил отряд турок числом до 200 всадников. Многие византийцы решили сдаться в плен, но Алексей организовал оборону, и вот уже меткие стрелы полетели в сельджуков. Те опешили и отступили, причем Комнину удалось поразить одного и самых сильных турецких воинов⁹³.

В Константинополе народ устроил братьям настоящий триумф: два юных брата-героя шли под восторженные крики толпы, осыпаемые цветами. Однако византийскому правительству не понравились *слишком популярные* фигуры братьев Комнинов. И вскоре Исаак был назначен дукой Антиохии, а Алексей, как увидим, получил новое и очень опасное поручение, исполняя которое легко можно было лишиться жизни.

Почувствовав совершенную безнаказанность, Урсель и норманны начали открыто грабить римские земли — а что еще можно было ожидать от своевольных северных наемников? Против них приказом Парапинака, *продиктованным* Никифорицей, был направлен кесарь Иоанн. Тот, конечно, понял, что стал жертвой интриги, преследующей целью удаление его от двора, но ничего поделать не смог. Встретившись с норманнами, Иоанн потерпел поражение и был взят Урселем в плен. Затем события приняли совершенно фантастический оборот. Норманны решили использовать кесаря для того, чтобы повторить подвиг своих собратьев в Италии и приобрести самостоятельные владения на территории Византии. Для этой цели как никто другой подходил кесарь Иоанн, именем которого можно было смело прикрываться, чтобы придать своим территориальным

приобретениям легальную основу. Насильно они облекли того в царские одежды и провозгласили императором.

Иоанн вначале испугался, а потом решил использовать свой шанс. Втайне он вошел в общение с жителями столицы, недовольными Никифорицей, и нашел в них сочувствие своим словам. Но тут старый евнух продемонстрировал высокое искусство преодолевать трудности. Он взял волю императора Михаила VII в свои руки и через василевса предложил мир Урселю. Тот отказал — тогда против него натравили турок, взявших обоих мятежников (кесаря Иоанна и Урселя) в плен. Конец их был печален: через какое-то время Урсель, успевший выкупиться у сельджуков и бежать, был схвачен *стратопедархом* (он был почтен этим титулом) Алексеем Комнином и привезен в Константинополь, где его заточили в тюрьму. Поразительно — то, что не удалось опытному воину, получилось у совсем еще юного полководца, продемонстрировавшего в ходе военной операции столько же военного таланта, сколько и хитрости. Был схвачен и кесарь Иоанн. Его доставили во дворец к племяннику, но перед этим Иоанн благоразумно успел принять постриг и предстал перед Парапинаком уже в монашеском платье⁹⁴.

Однако это была только первая ласточка. В начале 1077 г. восстали западные фемы, выдвинувшие в свои вожди проэдра Никифора Вриенния. Незадолго перед этим василевс направил Вриенния в Болгарию, чтобы усмирить восставших славян. И тот успешно справился с поручением. Но тут, как часто происходило в царских дворцах, кто-то оклеветал Никифора, нашептав императору, будто тот хочет стать царем. Приказом всесильного евнуха Никифорицы он был лишен должности дуки Диррахия и, возбуждаемый родственниками и народом, возглавил войско, состоявшее из македонцев и норманнов.

В городе Троянополе он был провозглашен императором и, облаченный в царские одежды, в ноябре 1077 г. торжественно въехал в Адрианополь. На Дунае к тому времени прочно обосновались печенеги, образовавшие самостоятельное княжество, и *половцы*. У Вриенния не было никаких сил, чтобы противостоять ему, и ранее он купил с ними мир за баснословную сумму в 20 кентариев золота. Теперь это соглашение сыграло ему на руку: Никифор Вриенний включил печенежские и половецкие отряды в свое войско, чем существенно усилил его⁹⁵.

Новый узурпатор почему-то решил остаться на Западе, а к столице направил с армией брата Иоанна Вриенния — тот в декабре 1077 г. без труда достиг Босфора и имел все шансы взять Констан-

тинополь. Для противоборства мятежникам Парапинак срочно освободил Урселя, усилил его отрядами Алексея Комнина и договорился с другими печенежскими ханами о помощи. В некоторых фрагментарных сражениях императорские войска взяли верх, хотя Урсель, по обыкновению, тут же занялся грабежом византийцев и захватил город Ираклий. В принципе можно было с уверенностью сказать, что эта апостасия уже обречена на поражение, но еще более тяжелые известия поступали с Востока⁹⁶.

Стратиг фемы Анатолик, ведущий свою родословную от славных Фокидов, *Никифор Вотаниат* замыслил свергнуть Михаила VII Дуку. Новый претендент был стар даже по нынешним меркам — ровесник века, он уже достиг возраста 77 лет. Не так давно Вотаниата прочили мужем императрицы Евдокии, и благосклонность царицы к Роману IV Диогену в ущерб ему больно ударила по самолюбию старого полководца. Он еще тогда попытался организовать апостасию, но заговор раскрыли, а старого сановника сослали в провинцию. После прихода к власти Михаила VII Парапинака Вотаниат вновь попал в фавор, получил чин куропалата и новое назначение на свою родину в фему Анатолик. Теперь, забыв добро благодетеля, куропалат поднимал народ в своей феме на ненавистного всем Никифорицы. А попутно, как опытный политик, постарался заручиться сочувствием столичных жителей.

Вскоре его сторонниками стали разоренные правительством Парапинака аристократы, священство, недовольное конфискациями церковного имущества, и рядовые обыватели. Даже близкие родственники императора Михаила VII, включая его мать монахиню Евдокию и жену Марию Аланскую, тайно сочувствовали Вотаниату. Они доверчиво полагали, будто по прибытии в столицу Вотаниат всего лишь свергнет Никифорицу, но не станет претендовать на царство. Увы, они глубоко ошибались — у Никифора были далеко идущие планы. Наконец, Никифор Вотаниат заручился помощью турок-сельджуков, большими группами стекавших к нему. В общем, вскоре Вотаниат имел очень приличное войско для реализации своих замыслов и множество сторонников.

2 октября 1077 г. он был провозглашен императором и уже собирався двинуться на Константинополь, когда получил известие о мятеже Никифора Вриенния. Осторожный Вотаниат остался в феме Анатолик, но время неожиданного отдыха был вынужден потратить на усмирение властителей других, соседних фем, выступивших против него — Никифора Мелиссина и Георгия Палеолога. Объявив о необходимости защищать законного василевса — Михаила VII

Парапинака, *на самом деле* эти сановники искренне недоумевали, почему не они, а безродный, по их мнению, Никифор Вотаниат замыслил взять в руки царскую власть. Однако при помощи турок Вотаниат сумел быстро разгромить своих соперников, попутно продолжая широкую агитацию в Константинополе в свою пользу⁹⁷.

Его труды не пропали даром: 1 января 1078 г. Константинопольский патриарх *Косьма I* (1075—1081) по прозвищу Иерусалимлянин созвал в храме Святой Софии множество архиереев и сановников, недовольных императором. Вместе они потребовали от Парапинака оставить царский трон. Ответом им стал арест одного из наиболее громких ораторов — митрополита Иконийского, но дальше Михаил VII, верный своему природному пацифизму, не пошел. Вместо этого, наверняка по совету Никифорицы, к Вотаниату были направлены послы с предложением прекратить апостасию. Они передали Вотаниату письмо царя, в котором тот упрекал старого полководца за неблагодарность: «Кто получил от меня, — риторически спрашивал Парапинак Вотаниата, — ранг выше твоего? С кем еще я делил важнейшие заботы? Я полагал, что в одном тебе приобрел союзника и соратника. С твоей помощью я мечтал унять разгулявшуюся бурю. О, тщетные надежды и напрасные ожидания! Какова неблагодарность! Я искал сокровищ, а нашел уголья»⁹⁸.

Но на самом деле письмо и посольство были только предлогом — в действительности посланники царя начали массовый подкуп отрядов из армии Вотаниата, включая турок. Но рядом умелых комбинаций старый воин перекупил турок опять на свою сторону, избежал ловушек по дороге и вскоре вошел в Никею, гражданам которой оставалось лишь принять его с царскими почестями, как законного императора.

Остаток зимы и начало весны 1078 г. Вотаниат провел в переговорах и подкупе главных сановников Константинополя, и не без успеха. 25 марта 1078 г. в храме Святой Софии собрались многие сановники, духовенство и граждане. Без особого стеснения они провозгласили Никифора Вотаниата Римским императором. Но даже в такой критической ситуации Михаил VII Дука не смог пробудить свою волю. Алексей Комнин, сохранивший верность василевсу до последней минуты, предлагал тому собрать царскую гвардию и ударить по мятежникам, собравшимся в храме, но Парапинак не согласился.

Остальное было уже делом техники — 31 марта 1078 г., в Лазареву субботу, отряды Вотаниата, прибывшие в столицу, подкрепили вооруженных горожан, а затем направились к царскому дворцу.

Михаил VII пытался бежать во Влахернский храм, но был схвачен, пострижен в монахи и отправлен в Студийский монастырь. Позднее он продолжил духовную карьеру и стал митрополитом Эфеса, по-видимому, никогда не выезжая в свою епархию. Его жена *Мария Аланская* и малолетний сын Константин Порфирородный были отправлены в монастырь Петри⁹⁹. Поняв, что все кончено, последние верные Парапинаку сановники поспешили навстречу Вотаниату просить о снисхождении и милости. И тот проявил ее: все, даже Алексей Комнин и брат Михаила Парапинака Константин, были помилованы новым самодержцем.

И в Великий вторник, 3 апреля 1078 г., Константинопольский патриарх Косьма I торжественно венчал на Римское царство **Никифора III Вотаниата**.

Глава 2. «Новое» «Смутное время» и завершение династии Дуков

Как человек опытный и далеко не глупый, новый император быстро понял, что сохранить власть и свой авторитет можно только путем резкого изменения политики, проводимой предшественником. А также за счет восстановления справедливости и наказания самых ненавистных византийцам лиц. Никифорица был отправлен в ссылку на один из островов и там умер под пытками. А первым министром двора стал Иоанн, митрополит Сидский, некогда отставленный Никифорицей. По мнению царя, это должно было вызвать расположение к нему со стороны клириков.

Следует отметить, что представители духовного сословия и Константинопольский патриарх Косьма, чья деятельность очень помогла Никифору III в борьбе за власть, получили особые преференции. В частности, своим хрисовулом Вотаниат торжественно отказался от кого-либо участия в управлении Церковью. В резком противоречии с традицией и действительностью Вотаниат снял с себя обязанности по рассмотрению судебных дел с участием клириков и отметил, что если такое вдруг и случится, то не по праву царя будет судить священство, а лишь потому, что император входит в состав синода¹⁰⁰. Иными словами, *по поручению патриарха* (!).

Попутно он раздавал чины и награды, совершенно не заботясь о том, насколько государственная казна может вынести такие милости. А казна совершенно истощилась. Малая Азия, почти полностью захваченная турками, прекратила выплату налогов. С европейских

фем деньги собрать было отнюдь не легче. Чтобы покрыть все увеличивающиеся расходы, начали *подделывать монету*, а многим рядовым чиновникам задержали выплату жалованья. Как следствие, наступил жесточайший финансовый кризис¹⁰¹.

Однако император словно не замечал этого. Он продолжал щедро награждать союзников-турок и высших сановников, поддерживавших его. А также принял меры по повышению авторитета среди семейства Дуков, имевшего все основания быть недовольным его правлением. Бывшая императрица Евдокия получила разрешение жить в Константинополе с детьми, ее дочери удачно выданы замуж, а брат свергнутого Михаила Парапинака Константин Дука был принят ко двору¹⁰².

Вскоре этот царственный ловец удачи, клятвенно отказавшийся от власти, отправился по императорскому указу на Восток на войну. Но скоро мы столкнемся с ним еще раз. Нет никакого сомнения в том, что Никифором III двигало не только чувство благодарности, но главным образом желание *обосновать* законным образом свои права на царство. Вотаниат прекрасно понимал, что в Византийской империи проживает большое число аристократов, имевших по знатности рода и родству с семейством Дуков более прав на титул императора, чем он. Если верить некоторым источникам, первым напомнил о праве юного Константина Порфирородного Дуки на царство Алексей Комнин. В один из дней он получил аудиенцию у василевса и предложил ему такой вариант: Никифор III признает Константина Порфирородного Дуку соимператором, но в действительности будет самостоятельно управлять Римским царством вплоть до своей смерти, после чего уже зрелый Константин станет единодержавным императором. Разумеется, Вотаниат отказался и затаил подозрения в отношении Комнина¹⁰³.

Конечно, положение Вотаниата было непрочным, и в скором времени он решительно испортил отношения с Римом и норманнами. Император имел неосторожность аннулировать брачный договор брата Михаила VII с норманнской принцессой, дочерью Гвискара, что повергло вождя скандинавов в ярость. Он спешно нашел в Риме грека, внешне похожего на низложенного императора, а папа Григорий VII сознательно пошел на обман и признал того василевсом Византии. Сам император Никифор III был торжественно отлучен понтификом от Церкви. Впервые за много столетий возник открытый разрыв отношений между Римской курией и Византийским императорским домом¹⁰⁴.

Поразмыслив, царь-старик решил соединиться брачными узами с кем-нибудь из женщин семьи Дуков. После некоторого раздумья выбор Вотаниата пал на *Марию Аланскую*, жену Михаила VII Парापинака. Эта была молодая и обольстительная женщина. О ней современники говорили следующее: «Была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению»¹⁰⁵.

Мария тронула сердце старого императора, и, несмотря на то, что ему выгоднее и *умнее* было бы жениться на бывшей царице Евдокии, матери Михаила VII, он сделал выбор в пользу жены Парापинака. Как обычно, страсть оказалась далеко не лучшим советником, и результат получился противоположный ожиданиям Вотаниата. Для самого Никифора III это был уже третий брак, причем его вторая жена была еще жива, и с ней пришлось срочно разводиться. В общем, с канонической точки зрения, этот брак был очень и очень сомнителен, что тут же отметили константинопольцы. Кроме того, императору не мешало бы предварительно узнать о том, что сердце Марии Аланской уже давно не принадлежит ей. Юный Алексей Комнин, герой многих сражений, благородный и обаятельный юноша был влюблен в царицу, и не без взаимности. Когда Вотаниат посватался к Марии Аланской, она, опасаясь за своего 4-летнего сына Константина Порфирородного, не посмела перечить царю¹⁰⁶. Но, конечно, приказать любить — невозможно, и тайная связь Марии с Алексеем продолжалась.

На Марию усиленно давил и кесарь Иоанн, опасавшийся, что бывшая царица Евдокия, уже раз забывшая об интересах семьи Дуков во имя «общего блага» Римского государства, вновь способна в качестве императрицы, жены Никифора III Вотаниата, сотворить нечто подобное. То обстоятельство, что она к тому времени являлась монахиней, не могло никого ввести в заблуждение — в случае необходимости и в Византии, и на Западе монашеские обеты легко снимались. Почему же Евдокия должна была стать исключением?

Оставался Константинопольский патриарх Косьма I, которого не посвящали в подробности предстоящей женитьбы, небезосновательно опасаясь, что тот откажется благословлять данный брак. Когда наступила минута венчания, священник, приглашенный для совершения Таинства и узнавший о личностях жениха и невесты,

отказался выйти из алтаря к «молодоженам». Тогда кесарь Иоанн дал команду своему сыну Михаилу и тот привел другого, более покладистого пастыря. Он же подошел к алтарю, где скрывался первый священник, и хитростью выманил его оттуда, а затем ввел послушного иерея. Пусть и не без обмана, но брак был совершен и освящен Церковью¹⁰⁷.

К огорчению василевса, женитьба на Марии Аланской мало что изменила в отношениях к нему других молодых и горячих претендентов. Первым из них был и оставался Никифор Вриенний, все еще пребывавший в Адрианополе. Собрав войско из македонцев, норманнов и печенегов, Вриенний двинул его на Константинополь, но уже сам возглавил армию. Посланные к мятежнику царские послы с предложением быть усыновленным императором и получить статус кесаря в обмен на лояльность получили отрицательный ответ. Тогда Никифор III отправил навстречу мятежникам Алексея Комнина, получившего сан *доместика*.

Битва выдалась на редкость кровопролитной. Армия Комнина состояла из 2 тыс. конных турок, которых в обмен на Анатолию передал Вотаниату *Султан-шах*, сын Кетельмуша, наемников-франков, тагмы «бессмертных» и хоматинцев — несколько полков из Писидии. По численности войска Вриенния очевидно превосходили императорскую армию. Алексей устроил засаду с «бессмертными», и когда Вриенний начал наступление, внезапной атакой набросился на его солдат. Однако Иоанн Вриенний с отрядом своих телохранителей отбил атаку, и уже опасность нависла над Комнином. В это время на другом фланге печенеги, входившие в армию Вриенния, разгромили хоматинцев, но внезапно дрогнули перед сельджуками, которым приходились дальними родичами. Они резко завершили атаку и принялись грабить... обоз собственной армии. За этим занятием их и застал Алексей, увидев, как кочевники похитили любимого коня самого Вриенния. Недолго думая, он отбил благородное животное у печенегов и бросил слух, будто полководец мятежной армии убит.

Мятежная армия дрогнула, в это же время к Комнину подоспели уцелевшие от первых атак франки и «бессмертные», к которым примкнули сельджуки. Но и теперь исход сражения был неясен. Все решили, как обычно, *частности*. Один из «бессмертных» напал на Никифора и ценой собственной жизни выбил полководца из седла, что еще более деморализовало его войско. Турки и тяжелая конница во главе с Комнином довершили разгром мятежного войска¹⁰⁸.

Так старая элита Византии хоронила себя и государство, отдавая в виде платы туркам исконные римские земли. Гибель армии Вриенния стоила Римскому государству Nikei, которую Кетельмуш избрал своей столицей, основав в 1077 г. *Румский султанат*.

Хотя брат Никифора Иоанн Вриенний успел бежать, самого узурпатора привезли в Константинополь и ослепили, после чего император на всякий случай утешил того богатыми дарами и присвоением новых чинов¹⁰⁹.

Однако уже вскоре объявился новый конкурент на царский трон — протопроедр Никифор Василадель, любимец Парапинака, некогда собиравшийся заменить Вриенния как правителя на Западе. Он составил большое войско из греков, албанцев, болгар, печенегов и норманнов под видом борьбы с Вриеннием, но когда тот пал, открыто объявил о своем неповиновении Вотаниату. И вновь Алексею Комнину, даже еще не успевшему возвратиться в Константинополь, пришлось бороться с новым мятежником, правда, в виде аванса он получил от императора титул *севаста*. Это была очень почетная награда, поскольку титул «севаст» означал то же, что «август» у древних римлян. Таким образом, Алексей стал *почти* приравнен к царской особе. По приказу василевса он пошел на Фессалоники, где квартировала армия Василадель, и успех вновь сопровождал молодого полководцу. Перехитрив врага, он поймал его в ловушку во время ночной вылазки мятежной армии, пленил и в кандалах отправил в Константинополь. В столице Василадель, как и Никифору Вриеннию, выжгли глаза¹¹⁰.

Едва покончили с этой апостасией, как возник еще один претендент на императорство. На этот раз им стал Константин Дука, брат свергнутого василевса Михаила VII. Как уже говорилось выше, во главе гвардейской тагмы «бессмертные» он был отправлен на Восток, чтобы сдерживать турецкие набеги на пограничные территории. Однако это была ошибка со стороны Никифора III Вотаниата. Император не учел, что «бессмертные» расположены к семейству Дуков, а война на опасном Востоке представлялась изнеженным гвардейцам малопривлекательной. В общем, едва войско выступило в поход, как состоялось соглашение между ним и Константином Дукой, вследствие которого тот был объявлен императором. Вотаниату очень не хотелось воевать — тем более что его силы были весьма ограничены. А потому царь просто *перекупил* «бессмертных», которые вернулись в столицу и выдали Вотаниату Константина Дуку. Мятежник был судим, пострижен в монахи и отправлен в ссылку¹¹¹. Впрочем, и на

этот раз Вотаниат действовал довольно гуманно, не желая проливать кровь мятежников.

В конце 1080 г. против Никифора III восстал Никифор Мелиссин, женатый на Евдокии Комнин. Мелиссин взял на вооружение тактику самого Вотаниата, когда тот был еще мятежным претендентом. Не торопясь занять Константинополь, Никифор Мелиссин начал постепенно подчинять себе малоазиатские города. Обувшись в пурпурные сапоги и царские одежды, он требовал от населения оказывать ему императорские почести и всячески поносил Вотаниата, как изменника интересов Римской империи. Однако за этой патриотической риторикой стояли... *турки*, которым Никифор без зазрения совести передавал азийские, фригийские и галатийские земли во владение как плату за помощь. При содействии сельджуков, или, вернее сказать, *из них* Мелиссин собрал большое войско и избрал город Никею, которая *уже* принадлежала сельджукам, своей базой¹¹².

Вновь император прибег к помощи Алексея Комнина, но на этот раз молодой полководец отказался от чести возглавить императорские войска, ссылаясь на свое родство с Мелиссином. Тогда во главе войска был поставлен евнух Иоанн, который двинулся на мятежников и осадил Никею. Но подоспевшие турки отбросили его армию к столице, и евнуху пришлось с позором отступить.

Неизвестно достоверно — догадывался ли Вотаниат об истинных мотивах отказа Алексея Комнина сражаться с Мелиссином или нет. И в действительности его отказ воевать с Мелиссином объяснялся, конечно, не родством с мятежным сановником. По крайней мере не только родством. Как полагают, юный Комнин опасался в случае очень вероятной неудачи (что и показал поход евнуха Иоанна) попасть под суд и впасть в немилость императора, что лишало его шансов на реализацию давней мечты. Он прекрасно знал, как легка царская милость и сколь остры языки придворных интриганов. Вотаниат зорко глядел за тем, чтобы вокруг не появилось возможных претендентов, и уже раз после победы над Урселем *отказал* Алексею Комнину в триумфе, опасаясь, что таким способом тот еще более укрепит свой авторитет в народе. Победы Алексей Мелиссина — император наверняка заподозрит его в стремлении к власти. Пройрай — жди суда за невыполнение царского поручения. А Алексей, приходившийся родным племянником царю Исааку I Комнину, уже давно втайне лелеял мечту стать Римским императором. И, надо сказать, его шансы были очень высокими, чтобы рисковать в случае неудачи в деле с Мелиссином. Оставалось сделать еще один очень

важный шаг на пути к своей мечте, и Алексей вновь не ошибся, отложив в сторону страсти и став на путь разума¹¹³.

Представитель известнейшей семьи, он через мать Анну был связан с не менее богатым и могущественным семейством Далассинов. Тонко подбирая себе союзников и желая упрочить связь с семейством Дуков, Алексей Комнин посватал свою малолетнюю дочь Анну Комнин за юного царевича Константина Порфирородного¹¹⁴. Царица Мария Аланская, не чаявшая души в Алексее, *усыновила* его, чтобы ее любовник имел возможность появляться у «приемной матери» в любое время дня и ночи. Незадолго перед этим у Алексея скончалась жена, и теперь предстояло определить новую избранницу. Нет никаких сомнений в том, что молодой воин немедленно обвенчался со своей избранницей Марией Аланской, если бы она была свободной. Однако Мария уже вышла замуж за императора и могла любить Алексея по-прежнему горячо, но... тайно.

И тут кесарь Иоанн предложил Алексею взять в жены его внучку *Ирину* — 11-летнюю девушку, красивую и благочестивую. Комнин пошел за советом к матери, Анне Далассине, и та после длительных размышлений благословила брак. Она искренне и глубоко ненавидела Дуков, небезосновательно полагая, что те хитростью и угрозами лишили ее мужа и сыновей законных прав на царство. Теперь *с трудом*, исключительно разумом, а не сердцем понимая открывавшиеся для сына перспективы от такого союза, дала согласие на брак.

В конце 1077 г. состоялось венчание Ирины с Алексеем¹¹⁵. В результате в лице Алексея объединились три самые знатные и богатые семейства Римской империи — Комнины, Далассины и Дуки. И с точки зрения родства Алексей Комнин был первым из сановников Византии, способных с полным правом претендовать на царский титул. Под его началом все три семьи начали постепенно приводить в действие план, рассчитанный на воцарение молодого Комнина.

Тем временем Никифор III Вотаниат, не имевший сыновей, решил сделать своим преемником одного из представителей семьи Синадинов, своих близких родственников. И, конечно, Мария Аланская была крайне обеспокоена этим. Она быстро поняла, что при такой перспективе шансы ее сына когда-нибудь стать царем просто ничтожны. Императрица и Комнин быстро вошли в соглашение и заключили негласный договор, согласно которому Константин Порфирородный Дука в случае успеха восстания Комнина будет признан *соимператором* Алексея с правом носить пурпурную обувь и царское платье¹¹⁶.

После этого Комнин начал действовать более активно и, надо признать, очень умело. В пике Парапинаку и Вотаниату, Алексей начал формировать «положительный образ», хорошо сочетавшийся с образом Римского царя, как он укоренился в сознании византийцев. Претендент старался обворожить собой всех слуг василевса и придворных сановников, являясь им в виде милостивого и обаятельного человека. Армия, в которой Алексей служил с малолетства и с которой неоднократно побеждал врагов, боготворила его. Солдаты, видевшие в нем не только своего товарища и талантливого полководца, но и защитника-благодетеля, готовы были пойти с Комнином на край света. В скором времени полюбила Алексея не только армия, но и вся Византия. Всем казалось, что Алексей не знает поражений. Помимо прошлых побед он, став правителем западных фем, быстро справился с печенегами. Тем самым Комнин обеспечил безопасность византийских территорий от Адрианополя до Филиппополя¹¹⁷.

Легко представить, как в столице и в городах случайно встретившиеся прохожие, обсуждая события в Византии, только и говорили о том, насколько не хватает Римскому государству таких талантливых и благочестивых полководцев, как Алексей Комнин. А вскоре ему представился удобный случай, чтобы окончательно решить дело в свою пользу.

Вождь сицилийских норманнов Роберт Гвискар уже давно лелеял мечту захватить не только южные земли Византии, но и сам Константинополь. Разобравшись со своими врагами на полуострове, он использовал поводом для начала войны свержение Михаила VII Парапинака, вследствие которого его дочь Елена, помолвленная с Константином Дукой, оказалась в монастыре. Летом 1080 г. он начал подготовку к грандиозному походу¹¹⁸. Ему активно помогал всей силой духовной власти папа Григорий VII Гильдебранд, оскорбившийся тем, что Никифор III Вотаниат категорично отверг предложение продолжить приятные сердцу понтифика переговоры с Римом, затеянные ранее императором Михаилом VII, о признании главенства папы в Кафолической Церкви. Еще в ноябре 1078 г. он анафематствовал Никифора III Вотаниата на Соборе в Риме — якобы за то, что он незаконно занял императорский престол. А летом 1080 г. приказал епископам Апулии и Калабрии помогать Роберту Гвискару в походе против «схизматиков» и активно поддерживать его своими воинскими силами¹¹⁹.

Об этом стало известно Вотаниату, и Никифор III, снабдив Комнина деньгами для снаряжения армии, направил его на норманнов.

Но, дойдя до Адрианополя, Алексей внезапно сделал остановку и отказался выплачивать солдатам жалованье. *Обманивая их*, он утверждал, что император не снабдил его необходимыми средствами. Что называется, «играя на публику», Комнин начал раздавать воинам собственные деньги и имущество, говоря: «Если бы было возможно, я обогатил бы таких замечательных и умных людей, как вы!» Естественно, он добился того, чего хотел, — солдаты были готовы отдать за него жизнь и одновременно с этим возненавидели василевса. Тогда Комнин решился на следующий, в общем-то, довольно рискованный шаг. Алексей объявил солдатам, что поедет в Константинополь, дабы при встрече с царем уговорить того выплатить солдатам жалованье.

И действительно поехал. Но для того, чтобы... при встрече с Никифором III в очередной раз уверить того в своем верноподданническом чувстве. А попутно провести последнюю рекогносцировку перед решительными действиями. 8 февраля 1081 г. Комнин вернулся к войску и объявил, будто за попытку защитить интересы солдат император приказал его арестовать и *предать суду* (!), и только благодаря счастливой случайности ему удалось вырваться из столицы. Нетрудно догадаться, что после этого войско дружно провозгласило Алексея Комнина императором и двинулось на Константинополь¹²⁰. Попутно Алексей направил гонцов к Дукам, и кесарь Иоанн, поспешивший к нему на помощь, оказал Комнину большую услугу, снабдив мятежников деньгами и присоединив к ним отряд наемников-угров.

Когда об этом узнал Никифор III Вотаниат, он немедленно отдал приказ арестовать семейство Комнинов. Но предупрежденная Алексеем Анна Далассина, взяв с собой дочерей, внуков и невесток, укрылась в храме Святой Софии. Император потребовал от нее оставить храм, но та, уцепившись за иконостас, заявила, что, только отрубив руки, ее можно вывести отсюда. Вскоре к Анне прибыла Ирина, решившая разделить с родственниками и не любящей ее свекровью все тяготы и опасности. Авторитет семейств Комнинов и Дуков был настолько высок в народе, что василевс не осмелился прибегнуть к силе. Он вступил в новые переговоры, в результате которых Анна Далассина согласилась перейти в Петрийский монастырь под гарантии безопасности со стороны царя. Теперь им оставалось только ждать завершения волнующих событий¹²¹.

Комнин и его союзники не спешили овладеть Константинополем, все еще представлявшим собой почти неприступную крепость. Почти два месяца продвигалась мятежная армия к столице,

в течение которых Алексей собирал денежные средства и пополнял ее новыми отрядами. Одновременно с этим Комнину пришлось вступить в переговоры с Никифором Мелиссином, пребывавшим со своим войском у города Дамалиса. Тот откликнулся на предложение объединить усилия против Никифора III, но предлагал *разделить Римскую империю*, пожелав взять себе Восток, а Комнину уступив западные фемы. Конечно, тот отказался, выдвинув встречное условие — предоставить Никифору титул кесаря и дать ему в управление Фессалоники; тот, подумав, согласился¹²².

В конце марта 1081 г. войско Алексея подошло к стенам Константинополя. Нельзя сказать, что у императора не осталось сил бороться с Комнином, но, как обычно, Алексей перекупил командира отряда германских наемников, и те 1 апреля 1081 г. открыли ворота города вооруженному сброду, который привел с собой молодой претендент. Однако и теперь дело заговорщиков еще не было решено окончательно. Вотаниат не собирался оставлять трон и приготовил отряд норманнских гвардейцев, чтобы разогнать отряды мародеров, заполонивших Константинополь. Все решил столичный патриарх Косма I, которого кесарь Иоанн убедил во избежание кровопролития склонить царя к добровольному оставлению власти. Архиепископу не составило большого труда выполнить данное поручение, и, отправившись в храм Святой Софии, Никифор III Вотаниат объявил о своем уходе с царства. Он принял монашеский постриг и переехал в обитель Перивлепт. Напоследок он бросил своему окружению одну фразу: «Жалею только о том, что в монастыре нельзя будет вкушать мяса, а более ни о чем».

А тем временем глава удавшейся апостасии занял царский дворец и в первый день Пасхи, воскресенье, 4 апреля 1081 г., венчался на царство как Римский император **Алексей I Комнин**¹²³. Открывалась новая страница в истории Византийской империи, да и всей мировой цивилизации — *эпоха Крестовых походов*, нового «Великого переселения народов», возрождения и упадка величайшей вселенской державы.

Глава 3. Борьба за инвеституру на Западе. Каносса и Вормс

Прежде чем приступить к этим волнительным страницам истории, необходимо бросить хотя бы краткий взор на Запад, где в это время возникнут предпосылки грядущих событий.

Как известно, еще Франкский король Хлодвиг начал практику назначения епископов из светских лиц решением короля и имел большой успех. Несмотря на нескрываемое возмущение епископата, в скором времени большинство галльских архиереев стало набираться из мирян, и король чувствовал себя полновластным хозяином и в королевстве, и в Галльской церкви¹²⁴.

С течением времени ситуация не слишком переменялась к лучшему. До конца XI века, несмотря на все старания пап-реформаторов, Западная церковь все еще представляла печальное зрелище. Как и раньше, избрание понтификов и епископов являлось прерогативой Западных императоров и королей христианских держав Европы. И Генрих II, прозванный впоследствии *Святым*, и его сын Генрих III самостоятельно поставляли Римских епископов и архипастырей в своем королевстве, и не случайно. Феоды, которыми наделялись духовные лица, по закону причинно-следственной связи неизбежно вовлекали архиереев в систему феодальных отношений, выработанных в германском мире. Папство, веками активно устремленное в мир, не заметило, как мир поглотил его.

Дело заключается в том, что вся феодальная система отношений была основана на владении землей и вытекающих отсюда правах и обязанностях. И Западная церковь, владевшая половиной или даже большей частью земель, по необходимости брала в лице своих клириков обязательства по исполнению ленной присяги перед сеньором. Епископ, назначенный королем или графом, считался *его вассалом* и зачастую был вынужден оставлять алтарь, брать в руки оружие и воевать, как обычный дворянин. При выборе кандидата на вдовствующую кафедру король руководствовался политическими, социальными и материальными соображениями, самостоятельно предоставляя ее избранному им лицу¹²⁵.

Как утверждают исследователи, почти все церковные владения находились в зависимости от королей или императора. Например, только во Франции из 77 епископских кафедр, которые находились в королевстве, 25 находились в ведении короля. В те дни, когда они вдовствовали, все доходы с них шли в королевскую казну. Ему же принадлежал 51 монастырь во Франции¹²⁶. Многие бароны если и уступали ему в этом, то не намного.

В дальнейшем, желая закрепить свои власть и влияния, крупные аристократы без всякого смущения ставили епископами в подчиненных им епархиях собственных малолетних детей. «Если ребенок мог быть графом, то почему он не может стать епископом?» — этот наивный вопрос из разряда софистических недолго мучил умы со-

временников той эпохи. В 926 г. граф *Герберт II Вермондуа* (902—943) хиротонисал своего 5-летнего сына (!) в епископы, и такое «избрание» было утверждено королем и Римским папой. А чуть ранее, в 921 г., архиепископ Кельнский даже получил выговор от папы Иоанна X за попытку воспрепятствовать назначению королем кандидата на вакантную кафедру в Льеже. В своем письме «своевольно-му» архиепископу понтифик объяснял, что *ни в одной епархии* (!) ни один кандидат в епископы не может быть поставлен на должность без распоряжения короля¹²⁷.

Эта зависимость духовной власти от королей была облечена в легальную форму. Перед посвящением епископы получали от короля *инвеституру* («облечение») в виде жезла, символа папской власти, и кольца — знака, свидетельствующего о неразрывной связи архипастыря со своей паствой. Как вассалы короля, они давали ему такие же клятвы, как бароны и графы, и несли аналогичные повинности. Естественно, симония расцвела пышным цветом — продажа санов и епископских кафедр стала доходным бизнесом. Особенно процветали злоупотребления в период малолетства императора Генриха IV, когда вакантные аббатства и епархии оценивались в королевском дворце, а затем открыто выставлялись на продажу. Еще хуже ситуация развивалась на Юге Италии, где даже *сверхупорный* папа Лев IX не смог полностью искоренить симонию: ему откровенно говорили, что если понтифик начнет отлучать всех священников, купивших свои места, то в таком случае в южных епархиях не останется ни одного клирика¹²⁸.

Смешение духовного и мирского элементов приводило к совершенно поразительным картинам, когда духовные лица без всякого стеснения занимались делами, присущими мирянам. Характерный пример явил, в частности, брат королевы Теутберги, несчастной супруги Лотарингского короля Лотаря II (о ней история была изложена в предыдущем томе), аббат Хукберт. Желая отомстить на честь сестры, он организовал банду, которая грабила и убивала подданных его врага. Лишь после нескольких лет поисков и погонь удалось убить разбойного аббата в бою. Вообще, работа с мечом считалась такой же обязанностью настоящего клирика, как и знание порядка служения мессы¹²⁹.

Поскольку духовные лица состояли в обычных отношениях со своими сюзеренами, возникла необходимость раскрыть природу их двойного статуса, используя христологическую доктрину объяснения власти императора. С подачи известнейшего канониста Ивы Шартского было установлено, что, например, в качестве епископа

тот или иной аристократ, занимавший архипастырскую кафедру, обладает «параллельными» харизмами. А потому один французский архиерей сурово наставлял своих подчиненных клириков в обязательном соблюдении celibата, но, как барон, был *женат* (!), и брак оформили должным образом. Небезынтересна и история с епископом Байе, которого Английский король *Вильгельм Завоеватель* (1066—1087) судил как графа, но не как архиерея — ведь это правило уже было к тому времени закреплено в ряде конкордатов с Римским престолом¹³⁰.

Апостолик пытался активно противодействовать этой практике, и в некоторые периоды времени далеко не безуспешно. Теперь основная задача, которую ставили перед собой реформаторы-клюнийцы, заключалась в том, чтобы вырвать Западную церковь из тисков светской власти. А это было возможно лишь после устранения наиболее очевидных, наглядных форм ее зависимости от власти императора. Началась долгая и мучительная *война за инвеституру*, в ходе которой Гильдебранду пришлось противостоять и епископату, и могущественнейшим светским владыкам. Борьба тем более жесткая и сложная, что далеко не все епископы Запада сочувствовали настроениям реформаторов, не говоря уже о королевской власти. Западный император по-прежнему ставил на Святой престол одного своего ставленника за другим, но все они, этнические немцы, быстро умирали в болотистой атмосфере Рима.

Но у него имелись конкуренты и помимо Гильдебранда, которые желали поставить своего понтифика. Используя то обстоятельство, что папа *Стефан IX* (1057—1058) скончался, Генрих IV мал, а Гильдебранд в это время находился в Германии, партия Кресценциев поставила папой епископа Веллетри Джованни Минчо, принявшего после интронизации имя *Бенедикта X* (1058), подернутое мрачным оттенком. В ответ партия клюнийцев возвела на престол *Николая II* (1058—1061), объявив Бенедикта X антипапой. При помощи лотарингцев Николай II вступил в Рим, а его соперник Бенедикт X спешно бежал в город Галерию, что располагался в 20 км от Рима.

Но победа реформаторов была далеко не полной, поскольку многие жители Рима, присягая новому понтифику, поднимали вверх левую руку, открыто демонстрируя, что их правая рука все еще сохраняет верность Бенедикту X. Таким образом, партия реформ несколько неожиданно для себя обнаружила, что по-прежнему, как еще до папы Льва IX, папство целиком и полностью зависит от результата борьбы аристократических партий и субъективных предпочтений отдельных правителей. В таких условиях Гильдебранду и его

товарищам приходилось рассчитывать лишь на самих себя. Поэтому он немедленно снесся с норманнами, которые предоставили ему отряд из 500 рыцарей, и взял штурмом Галерию. Папа Бенедикт X был подвергнут пыткам, лишен сана и помещен в богадельню, где вскоре и скончался¹³¹.

Развивая успех, Гильдебранд инициировал через своего ставленника-папу принятие эпохального решения на Соборе в Латеранском дворце 13 апреля 1059 г. о том, что отныне избрание Римского понтифика является неотъемлемой прерогативой коллегии кардиналов. Это стало настоящей пощечиной и для Западного императора, и для римской аристократии, но за Гильдебрандом стояли норманны, а потому все дружно молча проглотили обиду. В ответ апостолик направился на Юг Италии, где в торжественной обстановке объявил своего недавнего спасителя *Ричарда* (1059—1078) князем Капуанским, а *Роберта Гвискара* (1059—1085) — герцогом Апулии. В ответ норманны признали себя его вассалами¹³².

Для малолетнего Генриха IV это стало неприятным ударом (не говоря уже о Константинополе — это разумеется само собой), поскольку новый акт папы кардинально менял старую практику назначения понтифика императором Западной империи, как она сложилась со времен Карла Великого. Дальше — больше. Парижский Собор 1060 г. распространил данный принцип на процедуру избрания епископов. Естественно, Королевский двор Германии посчитал свои права нарушенными, а потому созданный приказом короля Собор немецких епископов в Вормсе в 1060 г. объявил понтифика *Николая II* (1058—1061) низложенным, как избранного без участия императора¹³³.

Возникло жесткое противостояние двух партий — королевской и «клюнийской». После неожиданной смерти Николая II ситуация еще более осложнилась. Гильдебранд настоял на избрании понтификом одного из самых горячих своих сторонников, *Александра II* (1061—1073). А его враги в лице прелатов Лангобардии, немецких епископов и германского Королевского двора возвели на Римскую кафедру антипапу *Гонория II* (1061—1072). Германский король попытался применить силу, но на помощь папе Александру II пришел могущественный Тосканский герцог *Готфрид Бородатый* (1054—1069). А Римский собор, созданный апостоликом, отлучил лангобардских епископов от сана — якобы за приверженность симонии. Назревал открытый конфликт, последствия которого окажутся разрушительными для западного мира.

Впрочем, справедливости ради скажем, что папа отнюдь не претендовал на светские prerogatives. В частности, он не оспаривал обязанности службы и верности клириков по отношению к их сеньорам, а лишь протестовал против права королей «облекать» (*investire*) епископов и аббатов в права и привилегии, связанные с их должностями. «Что же касается до службы и верности королю, то мы не намерены ей противиться и препятствовать», — писал понтифик.

Надо сказать, деятельность папы Александра II была довольно эффективна. В 1063 г. он поддержал норманнов, борющихся в Сицилии под предводительством Роберта Гвискара с сарацинами. А в 1066 г. послал от себя знамя Вильгельму Норманнскому, собиравшемуся отплыть в Англию. Оба предприятия удались, что лишь прибавило авторитета Римскому престолу и его носителю. Помимо этого папа много сделал для восстановления отношений с Константинополем, хотя итог этой деятельности был ничтожен не по его вине — взятие в 1071 г. Бари норманнами окончательно охладило отношения между папой и Константинопольским патриархом. И как следствие с Византийским императором. В целом же, невзирая на то, что его имя по приказу короля Генриха IV не упоминалось более в германских храмах, папа стал настоящим центром политической власти.

А когда Александр II скончался, ни у кого из реформаторов не возникло сомнений, что новым понтификом должен стать только и исключительно Гильдебранд. Его спешно рукоположили, а затем интронизовали в качестве папы под именем *Григория VII* (1073—1085). Что можно еще сказать о новом главе Западной церкви? В отличие от некоторых своих предшественников и преемников, которых смело можно отнести к его единомышленникам, Гильдебранд отличался в худшую сторону. Не аристократ, мягко говоря, внешне и по манерам, человек, чьи знания и культура находились на довольно низком уровне, низкорослый и смуглый, с выступающим брюшком и весьма слабым голосом, который едва могли услышать даже вблизи, Григорий VII имел мало шансов понравиться кому-либо. Но его отличала исключительная целеустремленность и твердость характера при достижении поставленной цели¹³⁴. Современник Гильдебранда Петр Даминиани называл папу Святым Сатаной, что было весьма характерно. Примечательно также, что в эпоху Реформации эта краткая характеристика была использована вождями протестантов, но уже был предиката «святой»¹³⁵.

Еще в годы понтификата своего друга Льва IX Гильдебранд занимал высокие должности и, в частности, управлял финансами Рим-

ской курии. Твердо убежденный в том, что все средства хороши, если речь заходит о выгоде Святого престола, Гильдебранд скоро сошелся с евреями и начал отдавать при их посредничестве деньги в рост, резко увеличив объем папской казны. Затем он был отправлен папским легатом во Францию и так сурово расправлялся там с женатыми священниками и епископами, обвиненными в симонии, что даже ключнийцы порицали Гильдебранда за крутость нрава. Как рассказывают, в один момент времени папа Лев IX даже как-то сказал своему ближнему окружению, что «если, Боже избави, Гильдебранд взойдет когда-нибудь на Апостольский престол, то приведет в смятение весь мир». Впрочем, справедливости ради заметим, что слава и авторитет этого человека были огромны в западном мире, о и Гильдебранде говорили, будто он обладает чудодейственной силой¹³⁶.

Надо сказать, избрание папы без участия императора Запада понравилось далеко не всем. Заволновались епископы Галльской церкви, да и король Генрих IV посчитал, что такое избрание не вполне канонично. Он даже направил в Рим своего посланника епископа *Григория* для удовлетворения своих претензий. При встрече с ним понтифик объяснил, что сам никогда не стремился к власти и лишь смиренно принял Божий выбор. Как утверждают, король удовлетворился данными словами и не стал оспаривать хиротонию Гильдебранда¹³⁷.

Очевидно, он не раз впоследствии пожалел об этом. Верный своей идее подчинить весь мир Западной церкви, а саму Церковь Римскому епископу, лишенный врожденного аристократизма своих великих предшественников и их дипломатического таланта, категоричный Гильдебранд находил врагов даже в тех ситуациях, которые к этому совсем не располагали. Генрих IV в этом отношении не стал исключением. Едва взойдя на престол, Григорий VII попытался не вполне дипломатично напомнить Роберту Гвискару, что тот является вассалом Римского понтифика. А затем сформулировал ряд требований, в числе которых числилось наказание некоторых норманнских вождей, грабивших папские владения. Но, скажем откровенно, было совершенно безосновательно полагать, что норманны, эти прирожденные грабители, будут делать какое-то исключение для себя, даже если речь шла о Римском епископе. Это требование лишь в некоторой степени, да и то только «теоретически», можно было назвать обоснованным. Но хуже всего другое: понтифик забыл, что норманны являются его *стратегическими* союзниками, а потому портить с ними отношения было ему себе дороже.

Разумеется, Гвискар ответил отказом — он едва ли мог совладать без потери авторитета с собственными вассалами; кроме того, его откровенно позабавила попытка апостолика навязать ему свой сюзеренитет. И тогда Гильдебранд решился на открытую войну, собрав в марте 1074 г. под своими знаменами всех врагов Роберта. К этому времени он уже получил письмо Византийского императора Михаила VII, *умолявшего* папу прийти ему на помощь во главе крестоносного воинства, и Григорий VII публично объявил, что сразу же после победы над норманнами его войско отправится на Восток помогать грекам. Как и следовало ожидать, Гвискар был анафематствован понтификом, что, однако, дало *не тот* результат, на который Гильдебранд рассчитывал.

Увы, его ждало горькое разочарование. Конечно, Гвискар попытался вернуть ситуацию в мирное русло и даже написал понтифику письмо, в котором в самых изысканных тонах, почти покаянно, предлагал забыть о былых недоразумениях. В подтверждение своих миролюбивых намерений он лично отправился к папе, дабы показать свое смирение и уважить его сан. Но в это время союзники, собранные апостоликом, переругались между собой, и с таким трудом организованный альянс распался в считанные дни. Внезапно выяснилось, что *доезжать* до понтифика Гвискару уже не имеет смысла — он без борьбы стал победителем в этом состязании. А для Гильдебранда это было редкое по степени унижение: его армия не сделала ни одного шага по принадлежавшей норманнам территории, а его самого, как наместника Христа на земле, уличили в неспособности привести свою угрозу в исполнение.

Это было не первое, но и далеко не последнее поражение в жизни Гильдебранда. Надо, однако, отдать должное папе — человек со стальными нервами и безграничной настойчивостью, он добивался своего, невзирая ни на какие преграды. А их было немало. Достаточно сказать, что в самой Западной церкви послания папы о введении обязательного celibата вызвали бурю негодований среди клириков и светских лиц. В Париже, например, после того, как было зачитано послание понтифика на этот счет, духовенство вытащило из храма Понтуанского аббата Готье, высказавшегося в поддержку Гильдебранда, оплевало его, закидало камнями и наверняка убило, если бы не помощь подоспевших мирян. В Руане согнали с кафедры епископа, выступившего за celibат. В Пуатье *сочувственный* Григорию VII Собор был разогнан графом, посчитавшим, что папа слишком смело вторгается в не свойственные ему сферы жизни, говоря о недопустимости инвеституры светскими правителями.

Винчестерский собор в Англии решил не принуждать своих священников к разрыву с женами. Но особенно негодовала Германия, где открыто говорили, будто папское учение — *ересь*. Когда на Майнском соборе 1074 г. духовенству предложили отказаться от брака, многие члены Собора демонстративно в знак протеста покинули заседание, а другие попытались стащить своего архиепископа с кафедры и умертвить его. На Парижском соборе 1074 г. решения папы были объявлены недействительными. А архиепископ Констанцкий *Otto* открыто призвал подчиненных ему священников немедленно жениться¹³⁸.

В октябре 1075 г. архиепископ Майнца вновь созвал своих священников, но уже в присутствии папских легатов — результат был тот же! В Пассау история повторилась, и епископ города едва не стал жертвой собственных клириков, если бы не помощь местного графа. Конечно же, Григорий VII был вне себя от ярости, но ничего поделать не мог. Поэтому он решил действовать осторожнее, натравливая мирян на женатых священников и вызывая к их благочестию. А также решительно меняя конфигурацию на политической арене¹³⁹.

Разумеется, с норманнами он кое-как помирился — для них самих союз с папой был органичен и естествен; других союзников они едва ли могли где-то приобрести. Но тут же создал новый конфликт, стоивший в итоге его главным участникам жизни. Начался он, как и следовало предполагать, по поводу инвеституры и захватил собой многих важных лиц. В феврале 1075 г., рассмотрев жалобу клириков Бамбергской епископии в отношении своего архиерея Германа, папа инициировал на Римском Соборе лишение того священнического сана за симонию. Наверное, приговор был справедлив. Но это была далеко не рядовая епископия, и решение вопроса без участия короля стало первой ласточкой грядущего спора о власти между ним и папой¹⁴⁰.

Сам же конфликт проявился еще в 1072 г., когда император Генрих IV самостоятельно определил фигуру архиепископа Милана. Несмотря на свою молодость, король (но еще не император, поскольку не был еще венчан папой императорской короной) являл собой решительную и страстную натуру, имевшую высокое мнение о собственном статусе. Еще мальчишкой он был глубоко возмущен нововведениями пап Николая II и Льва IX, согласно которым Западный император фактически отстранялся от выборов Римского епископа. И, став совершеннолетним, открыто воспротивился такому порядку вещей, «в пику» папе Александру II назначив архиереем Милана своего кандидата при уже выбранном архиепископе. И уже

в тот момент времени столкнулся с фигурой Гильдебранда, даже не думавшего о том, чтобы подчиниться воле короля. Напротив, тот начал пенять в письмах королю на его дурные поступки, на что Генрих IV, не без сарказма и издевки, отвечал папе, будто все его шалости — суть следствие юного возраста и дурного окружения. И просил Гильдебранда приложить еще больше усилий для обеспечения благочестия в обществе¹⁴¹.

Но Григория VII и не нужно было подгонять. Собор, собранный папой, запретил государю, да и всем остальным мирянам, касаться вопроса назначения епископов и претендовать на право инвеституры. Это было несколько непоследовательно, поскольку еще летом 1075 г. Гильдебранд обращался с посланием к королю, в котором *просил* того определить кандидатуру на вакантную должность Бамбергской епископии, и король поставил туда своего ставленника Роберта — человека, о котором все знали, что тот состоит в ближайшем окружении монарха¹⁴².

На этом же Соборе папа отлучил от Церкви пятерых ближайших сотрудников короля. Генрих IV, которому уже исполнилось 25 лет (более чем зрелый возраст для тех далеких времен), первоначально *проглотил* обиду, но, расправившись с саксами, вернул всех пятерых ко двору, проигнорировав папский приговор. Гильдебранда покоробил не только этот факт, но и то, что во время недавней войны Генрих IV платил своим солдатам жалованье церковным имуществом и украшал своих любовниц драгоценностями, изъятыми из храмов. Он призвал короля к покаянию и направил к нему своих легатов, которых, как и следовало ожидать, тот принял крайне недружелюбно. Более того, разгневанный Генрих IV тут же назначил двух новых архиереев и даже епископа-«дублера» для Милана, хотя архиепископ этого города был еще жив и здравствовал¹⁴³.

Этого мало: в канун Рождества 1075 г. возникла новая конфликтная ситуация. Завершая год, король по обыкновению рассмотрел несколько обращений в свой адрес, включая ходатайство жителей Кельна о поставлении им архиерея на вдовствующую кафедру. Генрих IV предложил и тут же, не откладывая, утвердил кандидатуру некоего Хильдольфа, каноника монастыря в Госларе, на эту кафедру. Но жители города не желали того, объявив, что пока жив, епископом будет только избранник Святого престола, и никто иной. Здесь же присутствовали посланники папы Григория VII, передавшие королю письмо понтифика, полное угроз. Апостолик требовал от короля прекратить вмешиваться в управление Церковью под угро-

зой анафемы, а также прекратить не вполне благочестивые нравы при дворе¹⁴⁴.

Это было чересчур уже для Генриха IV, и по приказу короля Гильдебранда арестовали в Риме прямо в алтаре во время мессы и бросили в тюрьму. Правда, вскоре простые горожане освободили папу, но любой здравомыслящий человек на месте Григория VII должен был понять, насколько шатки основания его власти. Но, как мы увидим, Гильдебранд никаких выводов не сделал¹⁴⁵.

Продолжая борьбу, король созвал 24 января 1076 г. Собор в Вормсе, который *объявил папу низложенным* (!), после чего Генрих IV обратился с посланием к народу Рима, предлагая подыскать нового, более достойного, по его мнению, апостолика. В своем послании Генрих IV писал: «Мы знаем, что вы всегда питали к нам верность, и благодарим вас за это. Но просим также, чтобы вы и на будущее время неуклонно пребывали в ней. И считали наших врагов своими неприятелями. К последним мы причисляем *монаха* (!) Гильдебранда и призываем вас подняться против него; потому что мы узнали в нем хищника и гонителя Церкви, коварного врага Римской империи и нашей короны»¹⁴⁶. Впрочем, Генрих IV советовал итальянцам не проливать крови Григория VII, «ибо жизнь его после низложения будет ему куда большим наказанием, чем смерть».

Но, конечно, Генрих IV переоценил свои силы. Едва весть о Вормском соборе дошла до сведения остальной Европы, как все всколыхнулось: «Да слышит Небо и да поразится ужасом! — писал один современник. — Кто прочел когда-либо, кто когда-либо слышал, что папа может быть низложенным?! Папа, который даже не может быть судим! О, несравненное безумие! О, невыразимое неистовство! О, чудовищная глупость! Как осмелился король наложить руку на наместника апостола Петра?!» И хотя многие ломбардские епископы и правители являлись заклятыми врагами Гильдебранда, даже они не осмелились *открыто* поддержать короля¹⁴⁷.

Прекрасно понимая, что главной опорой Гильдебранда являются норманны, Генрих IV направил к Роберту Гвискару послов с официальным предложением закрепить за тем все ранее захваченные владения в Южной Италии. Более того, король намекал норманну, что при известном стечении обстоятельств тот может быть даже признан им королем, а не герцогом — существенная разница в статусе. Однако Гвискар уже был настолько самостоятелен и могущественен, что, не особо задумываясь о последствиях, дал *уклончивый* ответ, смысл которого сводился к тому, что хотя он

и уважает императорский статус, но прекрасно помнит и свой долг блюсти интересы Церкви. После этого стало ясно, что Гвискар не будет идти против Гильдебранда и вмешается в схватку двух титанов только тогда, когда это будет выгодно лично ему¹⁴⁸.

Параллельно с этим король отправил к папе послов, дабы сообщить о своей воле. Это послание, наполненное оскорблениями, интересно для нас, впрочем, не этим, а рассуждениями Генриха IV о природе монаршей власти. «Генрих, не насилием, но благочестивым Промыслом Божиим король, Гильдебранду, уже не папе, но *лжемонаху* (таким образом, король поставил папу для себя еще на более низкую ступень в иерархии — ведь еще недавно он величал понтифика монахом. — *А.В.*). Такое приветствие ты заслужил за произведенное тобой смущение, ибо ты не оставил в Церкви без внимания ни одного чина, который не сделал бы причастным к смущению, но не к чести — к проклятию, а не к благословиению. Ты наше смирение принял за страх и потому не побоялся восстать против самой королевской власти, данной нам Богом; ты осмелился угрожать лишить нас ее, будто именно от тебя мы получили царство, будто царство и империя в твоей руке, а не в Божьей, и будто не Господь наш Иисус Христос призвал нас к царству, а тебя к священству»¹⁴⁹.

Для Гильдебранда это было чересчур дерзкое послание, и нет ничего удивительного в том, что, как утверждал современник тех событий, участь королевских посланников была печальной. Понтифик вначале приказал их пытаться, затем остричь наголо и *кастрировать* (!)¹⁵⁰. Для короля это стало редким унижением. В пику папе желая продемонстрировать, что его воля вполне коррелирует с общецерковным мнением, он потребовал, чтобы *каждый* епископ Западной империи подписал письмо об отречение Гильдебранда, в котором фигурировали следующие строки: «Я, епископ такого-то города, с этого часа и в дальнейшем отказываю в подчинении и послушании Гильдебранду и не буду впредь ни называть, ни считать его папой». Правда, как утверждали современники, многие архиереи подписали это письмо под страхом наказания.

Но и папа не сидел, сложа руки, моментально созвав в Латеранском дворце Собор, начавший свои заседания 22 февраля 1076 г. Когда послания короля были зачитаны на нем, возникло ужасное волнение. Как рассказывают, королевские послы, которых Генрих IV направил, дабы уведомить итальянских епископов о своей воле, наверняка лишились бы жизни, если бы не заступничество понтифика¹⁵¹. Пользуясь случаем, Гильдебранд тут же заявил, что король *сам сверг себя с престола* (!) собственным еретичеством, а по-

путно отправил послание ко всем епископам Германии. Оно чрезвычайно интересно и потому приведем его основные тезисы.

«Узнайте, любезные братья, новую и неслыханную до сих пор дерзость; послушайте гласа о безумном посягательстве и наглости еретиков, которые поносят имя Господа в имени Петра. Уведайте гордыню, которая поднимает голову свою для нанесения позора и оскорбления святому Апостольскому престолу; узнайте то, чего не слыхали и не видели ваши отцы, чего не терпела Церковь ни от язычников, ни от еретиков. Какую глубокую скорбь вы должны чувствовать по поводу оскорбления, нанесенного князю апостолов. Во имя Всемогущего Бога Отца, Сына и Святого Духа отказываю я королю Генриху, сыну императора Генриха, восставшему с неслыханной дерзостью на Церковь, отказываю в господстве над соединенным государством Германии и Италии и разрешаю всех христиан от присяги, которую они давали или будут давать Генриху, и запрещаю служить ему как королю. Ибо справедливость требует, чтобы тот, кто бесчестит Церковь, сам лишился Церкви»¹⁵².

Неслыханное дело — папа не только отлучил короля от Церкви, предав церковному проклятию, но и признал того *несущим в своем сане*. Многие епископы и даже маркграфиня *Матильда Тосканская* (1046—1115), самая последовательная и могущественная сторонница папства и лично Гильдебранда, были встревожены этим прецедентом и пытались найти компромисс¹⁵³. Маркграфиня, честная и глубоко верующая женщина, была убеждена, что с укреплением папства и распространения власти Римского епископа на весь мир наступит воцеленное Царство Небесное. И даже родство с королем Генрихом IV не останавливало ее от помощи Гильдебранду и формирования чрезвычайно доверительных отношений с ним. Но даже она заколебалась после получения известия о решении понтифика.

Однако для Григория VII отлучение короля от власти стало наглядным подтверждением старой идеи «папистов» о том, что источником власти *всех* монархов является Апостольский престол, который единственно на земле вправе решать, кому дается власть в государствах, а у кого она отымается. Впрочем, общее впечатление от этого послания было настолько негативным, что Григорию VII пришлось направить второе послание в Германию, но уже не к епископам, а к сословиям, т.е. ко всему германскому народу.

«Мы слышали, — писал понтифик, — что некоторые из вас сомневаются относительно отлучения, изреченного нами на короля, и желали бы узнать, справедливо ли мы поступили, и был ли наш приговор, сообразный с законом, зрело ли обдуман». Иными

словами, Гильдебранд несколько не сомневается в праве Римского епископа, как преемника апостола Петра, давать или отзываться верховную власть даже у императоров и королей. Единственный вопрос — *обоснованно* ли применение этого права в отношении к Генриху IV? Вопрос чрезвычайно сложный, а потому в письме понтифик обстоятельно изложил все вины Германского короля.

«Генрих, — продолжает папа, — презрел все меры убеждения, которые предпринимала Римская церковь, и в свою очередь обратился к епископам Германии и Италии с призывом отказать папе в повиновении». И за то, что король посмел посягнуть на единство Церкви, апостолик решил предать его анафеме и церковному суду. Дальше следует интереснейший пассаж, хрестоматийно иллюстрирующий образ мыслей Гильдебранда. Убежденный в том, что приговор над Генрихом справедлив и *окончателен*, Григорий VII, тем не менее, оговаривается: *«Если бы даже, упаси Господи, мы и произнесли свой приговор неосновательно, без достаточных причин, то и в таком случае, по правилам Святых Отцов, он должен сохранить свое значение (!) и может быть отменен только после смиренного прошения короля о разрешении»*¹⁵⁴.

Нет никаких сомнений в том, что это безосновательное с догматической и канонической точки зрения суждение основано на идее *непогрешимости Римского епископа*, столь долго лелеемой Святым престолом. Однако далеко не весь Запад воспринял *такое* учение о папских прерогативах как безусловное, и Гильдебранду пришлось подготовить богословское оправдание своей точки зрения.

В одном из писем он рассуждает со своим собратом по духовному статусу следующим образом: «Если желаешь, чтобы мы подкрепили тебя письменным оружием против презренного пустословия тех мечтателей, которые объявляют, что Апостольский престол не имеет права ни отлучать короля Генриха, гонителя христианской веры, опустошителя церквей и государств, виновника и участника ересей, ни разрешить кого бы то ни было от данной Генриху присяги, то нам, признаюсь, не представляется даже это необходимым, потому что мы находим на то многие и несомненные доказательства в Св. Писании. Кто не знает следующих слов Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, которые читаются в Евангелии: “Ты — Петр, и на этом камне я созижду Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; все, что свяжешь ты на земле, будет связано и на Небе; все, что разрешишь на земле, будет разрешено и на Небе”? Разве отсюда исключены короли? Разве короли не принадлежат к тем овцам, которых Господь поручил Петру?

Это божественное установление, это твердое основание церковного чина, это преимущество, дарованное князю апостолов, святому Петру. Может ли достоинство, изобретенное светскими людьми, не ведущими Бога, не подчиняться другому достоинству, установленному по воле Всемогущего Бога для славы Божьей, и данному миру по божественному милосердию? Кто может сомневаться в том, что священники Христовы должны быть почитаемы отцами и учителями королей, князей и всех верующих? Сообразно такому постановлению и следуя своим предшественникам, многие епископы отлучали от Церкви королей и императоров. Если же короли отвечают за свои грехи перед священниками, то кто имеет больше прав судить их, если не Римский папа? Короче сказать, каждый добрый христианин имеет больше прав на королевский титул, чем дурные князья»¹⁵⁵.

Очевидно, тем не менее, что эта внешне стройная и логичная конструкция исходит из представления, будто земная власть есть сатанинское установление, в отличие от божественного по своей природе священства. Григорий VII совершенно игнорировал те строки Священного Писания, которые посвящены политической власти монарха, всю историю развития христианской цивилизации, покоящуюся на монархической идее. Можно сказать, в своем послании папа выступил в качестве настоящего *идеолога демократии*.

Подыскивая все новые доводы в свою защиту, понтифик обратился к древним временам и риторически вопрошал аудиторию: «Кто из императоров и царей славился чудесами подобно блаженным Мартину, Антонию и Бенедикту? Какой император или царь воскрешал мертвых, исцелял прокаженных, возвращал зрение слепым? Сколько имен царей или императоров, которым посвящены базилики, или алтари, или в честь которых Святая Церковь постановила служить мессы? Пусть короли и правители боятся, как бы им не пришлось тем больше гореть в вечном огне, чем больше они радуются, повелевая людьми в этой жизни»¹⁵⁶.

Конечно же, это — не более чем известный трюк подмены понятий. У Бога *каждое* служение служит к спасению души, и *каждый* из данных Им даров благословлен. С тем же успехом Генрих IV мог бы вопрошать, сколько раз и какие именно священники спасали христиан от врагов, борясь в битвах с врагами веры, и сколько родов они защитили. Каждому — свое.

Более того, в какой-то момент времени папа пришел к тому печальному для Генриха IV выводу, что сама идея Священной Римской империи вступила в противоречие со статусом Римского епископа. И в своих письмах начал обосновывать ту мысль, что король имеет

права исключительно на Германию, но равным счетом никак не вправе претендовать на Италию и остальной христианский мир. Как следствие, Гильдебранд начал активно пропагандировать идею отсутствия ленной зависимости государей Чехии, Венгрии, Польши и Дании (а равно и всех остальных) от Западного императора.

Повод реализовать эту идею нашелся очень быстро. В ту пору в Венгрии происходила борьба между двумя претендентами на королевский престол — *Гезой* (1074—1077) и *Шаломоном* (1063—1074). Шаломон приходился родственником Германскому королю (был женат на его сестре *Юдит*; к слову сказать, его мать, *Анастасия Ярославна*, приходилась старшей дочерью Киевскому князю *Ярославу Мудрому*), но был свергнут с престола племянником Гезой. Подбадривая нового Венгерского короля, папа Григорий VII обосновывал ленное верховенство Римской кафедры над этой страной, установленное якобы еще в стародавние времена. По мнению Гильдебранда, Венгерский король обязан подчиняться исключительно понтифику, ленником которого *на самом деле* и является. В результате и Польский король, и Чешский князь — словом, все, кто оспаривал первенство над собой Германского короля, стали союзниками папы¹⁵⁷.

Дошло до того, что саксонские князья, издавна противостоявшие германцам, воспользовались идеями Гильдебранда для того, чтобы опровергнуть легитимность передачи верховной власти по наследству. Их лидер однажды направил письмо со следующим содержанием: «Пусть королевское достоинство не передается по наследству, как это было до сих пор, но пусть сыновья королей, если они даже вполне достойны, получают престол *по избранию* (!). Если же не окажется у короля достойного наследника или его народ не захочет иметь королем, пусть народ имеет власть делать своим королем кого хочет».

Правда, нужно сказать, что Гильдебранд бывал непоследовательным в своих убеждениях, если на то его вынуждали обстоятельства. Надеясь получить в лице Венгерского короля сильного союзника, он признал за тем *право на инвеституру* (!) — то, в чем папа так категорично отказывал Западнему императору. Разумеется, такие трюки с принципами не остались незамеченными заинтересованными лицами среди европейских монархов и в итоге обусловили их недовольство Григорием VII¹⁵⁸.

Это был самый захватывающий момент, расколовший Западную церковь на две партии — сторонников папы и его противников. Никогда ранее не произносилось *такого* приговора над коронованной особой, и многие сомневались, можно ли признать за понти-

фи́ком такие полномо́чия. Одно дело отлучить короля от Церкви, другое — лишить его королевского статуса папским актом. Если бы Генрих IV пользовался лучшей репутацией у своих подданных, возможно, победа была бы на его стороне; но только не теперь. Кроме того, общество было более шокировано фактом отлучения папы королем, чем наоборот. Последний прецедент все же встречался довольно часто. А если ранее императоры и смещали понтификов со Святого престола, то либо в случае нарушения канонической процедуры избрания, либо вследствие полного аморального разложения и совершаемых ими преступлений. Конечно же, по отношению к Гильдебранду ни то, ни другое сказать было совершенно невозможно. Аскет, живущий исключительно делами Церкви, — что можно было ему инкриминировать?!

В довершение своих угроз папа объявил *интердикт* по всей Германии, следствием которого стало то, что впредь до особого распоряжения папы ни в одном храме ни один священник не вправе был совершать ни мессы, ни таинств. Новорожденные младенцы оставались не крещенными, покойники — не отпетыми. Никто не мог ни исповедоваться, ни причаститься Святых Даров.

Генрих IV попытался предпринять встречные меры, но все было тщетно. Созванный им 29 июня 1076 г. в Майнце Собор провалился, а рейхстаг, собравшийся в Трибурге 16 октября 1076 г., потребовал от короля подчиниться требованиям папы Григория VII. Возникла беспрецедентная в истории ситуация, грозившая полной анархией. В течение 7 дней князья Швабии и Саксонии совещались, как выправить дела в государстве. Кто-то пытался вступить за Генриха IV, но тут же находились люди, в подробностях напоминавшие образ жизни короля и порядки, царившие в его дворце. А потому большинство решило, что самое время избрать *нового* короля.

Как ни странно, в эту минуту спас Генриха IV его исконный враг... Гильдебранд, который в своем послании к рейхстагу советовал его членам не торопиться с низложением монарха, а если уж они решили избрать нового короля, то нужно предварительно обсудить с Римским престолом его кандидатуру. Поэтому приняли половинчатое решение: не считать Генриха королем до тех пор, пока тот не покается и не будет восстановлен в Церкви папой или его легатом. По приговору рейхстага монарх должен был проживать в уединении в Швейцарии, а затем явиться на новое заседание 2 февраля 1077 г., где и будет решена его судьба¹⁵⁹.

И тогда король решился на небывалый поступок. Накануне Рождества 1076 г. он вместе с женой и маленьким сыном Конрадом

в сопровождении всего одного слуги направился в Каноссу, замок маркграфини Матильды Тосканской, где остановился папа по дороге на заседание рейхстага. Генрих IV достиг подножия горы, на которой возвышался замок, 21 января 1077 г. и объявил через посредника о своей готовности подчиниться папе, если тот отменит интердикт в Германии.

Но разгневанный апостолик передал, что готов простить его только в том случае, если Генрих IV *добровольно* сложит с себя корону и навсегда откажется от королевского достоинства. В ответ король сам наложил на себя суровое покаяние — в течение 3 дней он стоял босиком во дворе замка с непокрытой головой, одетый в грубую шерстяную рубаху. Однако и это событие не растрогало сердца Гильдебранда: он согласился простить Генриха IV до момента рассмотрения его дела на рейхстаге, где сам папа выступит в качестве арбитра, а до того времени тот обязывался воздерживаться от выполнения обязанностей короля. Генрих IV, скрипя зубами, согласился¹⁶⁰.

Впрочем, папа не удовлетворился устным покаянием, а потребовал от Генриха IV письменных клятв, резко уменьшивших королевские prerogatives. В частности, помимо прочего, король публично признавал, что свое достоинство он вернул только с согласия и разрешения понтифика, обещал впредь не общаться с людьми, анафематствованными Римским папой (т.е. отказаться от ближайшего окружения), обязался давать понтифику отчет обо всех своих поступках, если тому вздумается потребовать этого, а также не препятствовать паломникам отправляться в Вечный город по своему желанию. Очевидно, последнее требование имело своей целью вернуть Римской курии те доходы, которых она была лишена по приказу короля, когда тот запрещал своим подданным путешествия в Вечный город¹⁶¹.

Однако на самом деле унижение короля не имело никакого отношения к покаянию. Это был хладнокровный маневр, целью которого являлось сохранение королевской короны. И самое печальное для Григория VII, что это он знал сам, без подсказки. Если бы мог не снимать с короля отлучение, то наверняка так бы и сделал, но ситуация не допускала подобного исхода¹⁶².

Тем не менее отныне и навечно Каносса стала символом *величайшего унижения монархической власти* и самого государства. Пожалуй, этого делать папе не стоило — даже его ближайшие соратники посчитали, что Гильдебранд вел себя с тиранической жестокостью, а не с апостольской строгостью. Как справедливо писал один автор, «папа, безусловно, одержал моральную победу; но что толку в побе-

де, после которой побежденный вернулся без тени смущения в свое королевство, в то время как победитель остался в тосканском замке, отрезанным от Германии?»

Кроме того, в это же время Роберт Гвискар, которого мало интересовали отношения папы с королем, руководствующийся собственными интересами, вновь напал на Беневент, который считался папским владением. Это было публичным оскорблением папского престола, и Гильдебранд подверг норманна вторичному осуждению, которое состоялось 3 марта 1078 г. Однако и на этот раз Гвискар с откровенной издевкой встретил известие о своем отлучении, поскольку никаких практических результатов для Римской кафедры оно не давало. У папы не было ни армии, ни влияния, чтобы преобразовать свои проклятия в материальные предметы. А для жителей Южной Италии многократные папские интердикты и отлучения стали очевидным примером *бессилия* Григория VII¹⁶³.

В свою очередь друзья Генриха IV нашли его поведение недостойным монаршего сана, а образ действий папы оценили как оскорбление всего германского народа и королевской короны. В то время уже начинали отличать статус короны, как священного предмета, от *личности* ее носителя. Политические противники Генриха IV, воспользовавшись удачным моментом, 13 марта 1077 г. на совещании саксонских и швабских князей и епископов в присутствии двух папских легатов выдвинули новым королем Германии герцога *Рудольфа Швабского* (1078—1080). Генрих IV потребовал от Гильдебранда забрать корону у узурпатора, но папа не спешил удовлетворять эту просьбу. Началась война, и в двух сражениях с Рудольфом Генрих IV потерпел поражения, что окончательно склонило чашу весов апостолика в пользу герцога. В качестве некоторого оправдания неудачам Генриха IV скажем, что он практически был лишен денежных средств, и ему даже пришлось налагать руку на епископские доходы, чтобы содержать хотя бы небольшую армию. Впрочем, несмотря на одержанные победы, и Рудольф не мог считать себя полнокровным королем, поскольку ему подчинились лишь *некоторые* владения его предшественника, остальные сохранили верность Генриху IV¹⁶⁴.

Не сообразуясь с будущими событиями, Гильдебранд продолжал свою политику, чем быстро восстановил против себя многих заинтересованных лиц. Маятник общественного мнения качнулся в обратную сторону, чему было вполне разумное объяснение. Ведь на очередном Соборе, состоявшемся в 1078 г., Григорий VII объявил, что инвеститура ведет Церковь к гибели, поскольку от-

крывает дверь симонии, и поэтому он запрещает ее. Затем папа распространил послание на этот счет по всему Западу. В своем послании Григорий VII писал: «Князья и сильные мира сего потеряли всякое уважение к Церкви; они обращаются с ней, как с негодной рабой. Даже те, которые стоят при кормиле церковного управления, забыли Божественный закон, упустили из виду свои обязанности в отношении к Богу и вверенной им пастве. Что станет с народом, покинутым нашими пастырями? Не будет узды, которая направила бы его на путь правды; даже те, кто должен служить ему примером, представляют собой образчики распутства. Пробегая мыслью, — продолжал апостолик, — по странам Запада, от Севера до Юга, я с трудом могу найти епископа, который законно достиг своего звания, вел бы христианскую жизнь и управлял бы народом с любовью ко Христу. Я напрасно искал бы между королями одного, который предпочел бы воздавать честь Богу, а не самому себе, быть справедливым, вместо того, чтобы быть корыстным. Я говорю каждый день, что они *хуже евреев и язычников*».

В результате реформа Церкви, предложенная Григорием VII, была встречена повсеместно как гибельное явление. Все-таки отлучение Генриха IV связывали с *личным* недостойным поведением короля и противозаконной попыткой сместить Римского епископа, но не с его противодействием папе в борьбе за инвеституру. Теперь же всем открылись *истинные* причины противостояния короля и понтифика. Когда декрет Гильдебранда был опубликован, его тут же повсеместно объявили ересью, противной словам Спасителя и Его апостолов.

Сохранилось несколько живописных и характерных свидетельств о том, *как* встретил Западный мир папские письма. Едва епископ Пассуанский осмелился прочесть послание вслух, как его чуть не разорвали на куски собственные клирики — только благодаря защите баронов архипастырь остался в живых. Еще хуже обстояли дела во Франции — весь Собор епископов, собравшийся в Париже, объявил единогласно, что новый декрет противен разуму, а потому его не следует исполнять. Если так рассуждали духовные лица, то, очевидно, остальные короли, герцоги и графы тем более не могли считать декрет Григория VII приемлемым для себя — он просто-напросто означал, что отныне, исходя из сложившейся системы власти в Западной церкви, *всех* епископов будет назначать *исключительно* Римский епископ и правители ему уже не нужны.

Здесь уже речь шла не о лицах, а о конкретной системе политической власти, как она сложилась в Европе. Все короли и иные

правители Запада могли быть признаны в своем достоинстве на собственных землях лишь при наличии императора. Пусть и *номинальный* в отдельные времена, он являлся зримым олицетворением Западной империи, которую латиняне считали *единственной* преемницей Священной Римской империи — греков, как «схизматиков», в расчет, разумеется, уже не брали. Поэтому вольно или невольно выходило, что сокращение императорских prerogativ было по остальным правителям, являвшимся политическими или духовными вассалами императора. Чем меньше прав у императора, тем меньше их у короля — причем любого: хоть Франции, хоть Венгрии.

Вероятно, Григорий VII не особенно задумывался над тем, к чему приведут его атаки против Генриха IV. Интересующийся главным, он никогда не обращал внимание на «мелочи». И теперь с великим неудовольствием для себя обнаружил, что его же оружие обратилось против него самого. Тогда понтифик воззвал к мирянам в свою защиту против неподвластного ему духовенства — неслыханный прецедент, и не ошибся: рядовые христиане поддержали папу. Но эта тактическая победа в итоге станет причиной стратегического поражения Гильдебранда¹⁶⁵.

Этим немедленно воспользовался Генрих IV, затеяв новые попытки взять верх над своим врагом. Естественно для себя, он уже давно забыл все обещания, данные в Каноссе, и желал лишь вернуть былую власть и отомстить обидчику. Но, последовательный во всем, что касалось его понимания духовной власти, Григорий VII созвал 7 марта 1080 г. Собор в Риме, на котором *вторично* отлучил Генриха IV от Церкви и вновь лишил его королевской власти над Германией и Италией. Корону Германии, но не императорскую, а королевскую, он даровал Рудольфу Швабскому. Все-таки признавать узурпатора Западным императором на фоне повсеместного неприятия кандидатуры Рудольфа не осмелился даже Гильдебранд. Зато апостолик прислал своему ставленнику венец с характерной надписью «*Petradedit Petro, Petrusdiadema Rudolpho*» («Скала увенчала Петра, а Петр увенчал Рудольфа») — прямое свидетельство тому, что папа является единственным легальным источником власти короля.

Теперь никакое примирение между соперниками стало уже невозможным, и было бы удивительно, если бы папа не нашел себе сильнейших врагов в лице королей Германии, Франции и Англии, все призывы к которым тонули в осознании монархами своих прав по управлению собственными церквями. Естественно, что и значи-

тельная часть *национального епископата* выступила против Римского епископа.

При их поддержке 26 июня 1080 г. Генрих IV созвал Собор в Тироле, на котором присутствовало 27 архиереев, и обвинил Гильдебранда в ереси и колдовстве, а затем избрал антипапу *Климента III* (1080, 1084—1100). Но к тому времени Григорий VII презрел свою гордыню и предпринял срочные меры, чтобы помириться с Робертом Гвискаром. Он верно определил, что, соединившись, норманн и германец могут окончательно решить вопрос в свою пользу, а потому расторг возможный союз двух сильнейших монархов Европы. При посредстве аббата Дезидерия папа провел успешные переговоры с Гвискаром, и 29 июня 1080 г. тот принес клятву верности (очередную) понтифику. Соответственно апостолик снял все отлучения и признал права Роберта на завоеванные земли на юге Италии и на Сицилии. Хотел того папа или нет, но вследствие его политики в Европе началась открытая гражданская война¹⁶⁶.

15 октября 1080 г. неудачливый Генрих IV вновь потерпел поражение от Рудольфа, хотя сам победитель нашел свою смерть на поле битвы — его убил будущий герой 1-го Крестового похода герцог *Готфрид Бульонский* (1076—1096). А после его смерти союз против Генриха IV сам собой распался. Обретший силы Германский король собрал небольшую армию и весной 1081 г. двинулся к Риму, восторженно встречаемый народом Германии и Италии на всем пути следования. Однако жители Рима отказались выдать Генриху IV папу, и король только весной 1083 г. сумел взять город штурмом. Тем не менее пленить Гильдебранда не удалось — тот спрятался в замке Святого Ангела и оттуда продолжал анафематствовать Генриха IV. Но новое папское отлучение только прибавило популярности Генриху IV в Северной и Средней Италии. Да и жителям Рима настолько надоело это противостояние, что они инициативно направили послов к Германскому королю и объявили тому, что город сдается перед ним и готов принять Генриха IV как своего *императора*.

Впрочем, прежние годы прибавили германцу мудрости, и Генрих IV заключил соглашение с римской знатью, согласно которому спор между ним и папой Григорием VII должен быть решен на специально созванном Соборе. Король очень надеялся, что в ответ на эту любезность понтифик венчает его императорской короной. Но глубоко ошибся: верный себе, Григорий VII отверг все предложения завершить спор миром и потребовал *публичного покаяния короля* (!). Тому ничего не оставалось, как проигнорировать факт существования папы и окончательно определиться в пользу антипапы¹⁶⁷.

В марте 1084 г., на Пасху, король хиротонисал в Риме антипапу Климента III, а тот в свою очередь увенчал его главу императорской короной. Генрих IV покинул Вечный город в полной уверенности в своей победе, но его ждало разочарование: Григорий VII призвал на помощь норманнов Роберта Гвискара. Тот не замедлил выручить понтифика из беды и уже 24 июня 1084 г. выступил по направлению к Риму с 6 тысячами рыцарей и 30 тысячами пехотинцев. Такого оборота событий император не ждал, а потому, собрав самых знатных жителей Рима, несколько сконфуженно объявил, что дела требуют его присутствия в Ломбардии¹⁶⁸. Через 3 дня, убедившись, что Генриха IV в городе нет, Роберт Гвискар вступил в Рим, передав его в руки своих солдат. Все имущество было разграблено, город превращен в руины, а норманны, словно варвары, изнасиловали всех женщин, встретившихся на их пути, не исключая, разумеется, монахинь¹⁶⁹.

Как утверждают, со времен варварских нашествий Вечный город не подвергался такому страшному разрушению. В пламени огня погибли роскошные дворцы и древние храмы. Были совершенно опустошены Капитолий и Палатинский холм, а на всем протяжении от Колизея до Латерана не осталось ни одного целого здания. Этого простить папе не смогли даже жители Рима. Проклинаемый ими, Гильдебранд добровольно сложил свой сан, покинул город и отправился в Салерно, поставив новым Римским епископом *Виктора III* (1086—1087), хотя антипапа Климент III продолжал сохранять за собой часть Рима и Латеранский дворец. Скончался Григорий VII 25 мая 1085 г. с ясным пониманием до конца исполненного долга, но ненавидимый Римом.

А его преемники продолжили войну с Западным императором. Весной 1095 г. *Урбан II* (1088—1099) организовал громадный Собор в Ломбардии, в городе Пьяченце, где присутствовало 4 тыс. священников и монахов и более 30 тыс. мирян. Собор в очередной раз анафематствовал Генриха IV и Климента III, а Урбан II отправился в Рим и изгнал антипапу из города. Попутно понтифик организовал серию заговоров против императора, к которым присоединился сын Генриха IV. Однако в целом новый папа был гораздо благоразумнее своего предшественника, что обусловило его более терпимую политику в отношении императора. А Германский король, почувствовав дуновение удачи, немедленно принялся восстанавливать целостность и единство Западного мира, расколотого былыми баталиями. Он предпринял несколько небезуспешных попыток локализовать конфликт. Для этого ему пришлось даже выдать свою родственницу, уже упоминаемую нами выше 43-летнюю маркграфиню Матильду,

замуж за 17-летнего сына герцога Баварии *Вельфа V* (1073—1121). К слову сказать, именно эта семья даст название партии *гвельфов*, ставших вековыми сторонниками папства, которым не менее активно противостояли *гибеллины* — сторонники имперской партии. Впрочем, не получился ни семейный, ни политический союз — герцог вместе с супругой активно противостоял королю, а затем, устав от многомудрой и сильной Матильды, в 1095 г. развелся с ней, получив искомое согласие на это Римского папы.

Несколько раз еще после этого пытался Генрих IV вернуть себе власть над Италией и папством, но каждый раз терпел поражения. Урбан II удачно договорился с Ломбардией и Итальянским королем *Конрадом* (1093—1095), сыном Генриха IV, и нейтрализовал все попытки грозного германца. Правда, самому Конраду это стоило титула и королевства — не помогла даже его женитьба на Констанции Сицилийской, за которой стояли могучие норманны. Император просто лишил сына власти, а своим преемником назначил младшего отпрыска, будущего императора *Генриха V* (1105—1125)¹⁷⁰.

Но только следующий Римский епископ, *Пасхалий II* (1099—1118), сумел одержать над королем окончательную победу. Умер многократно проклятый король Генрих IV 7 августа 1106 г. в полной нищете и забвении¹⁷¹.

Для полноты изложения проследим, *чем* закончилась борьба за инвеституру при преемниках героев нашего повествования. Желая закрепить победу над исконным врагом папства, Пасхалий II созвал в 1107 г. Собор в Труа, на котором отрешил от должностей архиепископа Майнцкого *Ротарда* за непослушание Римскому престолу, а также рассмотрел несколько сложных судебных дел. В заключение понтифик издал декрет следующего содержания: «Тот, кто отныне получит епископскую инвеституру или иную духовную должность из рук мирянина, и если его рукоположат, то да будет низложен он сам и тот, кто его рукоположил. Что касается женатых священников и тех, кто живет с любовницей, то если они не разведутся, да будут отстранены от алтарей, а также отлучены от хора. Предписываем и повелеваем, что если и тогда они не разведутся, да будут удержаны вдали от порогов Церкви. То же самое мы постановляем и относительно диаконов»¹⁷².

Генрих V, не лишенный сыновних чувств к родителю, хотя и интриговавший против отца при его жизни, попытался после смерти похоронить покойного короля в семейной гробнице в Шпейере, чему яростно воспротивился местный епископ Гебхард. Тот велел *эксгумировать тело* (!) и запретил все богослужения в храме, где

отпевали Генриха IV, пока храм не будет очищен от скверны. Но новый король был упорен, и в конце концов папа Пасхалий II отменил анафемы в адрес Генриха IV, т.к. сын убеждал понтифика, будто его отец искренне раскаялся в своих прегрешениях перед Апостольским престолом. При таком весомом свидетельстве папа, которого не отличали ни железное упорство Гильдебранда, ни тонкость понимания политической интриги, быстро сдался и удовлетворил просьбу Генриха V.

Более того, он несколько легкомысленно пообещал юному королю, что если тот откажется от прав на инвеституру, то в свою очередь добровольно передаст ему права собственности на все германские храмы, оставив за собой лишь доходы, традиционно отчисляемые в папскую казну. Генрих V немедленно согласился, и они поспешили объявить об этом остальному народу, не подумав о главном — как отнесутся к этому известию германские епископы, мгновенно лишившиеся своих владений. И когда на воскресной мессе 12 февраля 1111 г. это соглашение было доведено до сведения епископата, разразилось ужасное волнение; службу пришлось срочно прервать. Папа тут же был арестован и брошен в тюрьму, а король получил в стычке рану.

Через 2 месяца понтифика все же отпустили на свободу, но он уже был сломлен морально и физически. Без всяких условий папа уступил Генриху V права на инвеституру и венчал того императорской короной. Правда, на этот раз кардиналы и Римская курия не позволили Генриху V так легко заполучить победу, а объявили, будто папу *обманули* и вырвали обещание силой. Разумеется, по их мнению, оно не может считаться действительным. Понтифику ничего не оставалось, как присоединить свой голос к мнению этой сильной партии. На Латеранском Соборе 1116 г. Пасхалий II вновь отозвал свои прежние обещания, но его авторитет был окончательно подорван. Наверное, смерть, которая наступила в январе следующего года, стала для апостолика избавлением от многих больших неприятностей¹⁷³.

Затем наступила очередная пора пап и антипап. Римский епископ *Геласий II* (1118—1119) сразу же после избрания был брошен в тюрьму местным населением, и только помощь норманнов вернула его на престол. Но император уже избрал ему замену — антипапу *Григория VIII* (1118—1121), которого Геласий анафематствовал вместе с королем. Поддержку в своей борьбе против императора папа нашел в лице Французских королей, которые не без выгоды для себя использовали это противостояние. С одной стороны, они

публично и добровольно отказались от инвеституры, но зато сохранили доминирующее влияние при назначении лиц на высшие церковные должности в Галльской церкви. Генрих V, которого отличало высокое понимание тонкостей политических баталий, быстро сообразил, что своими действиями создает в Европе второй центр власти, который при поддержке Святого престола быстро может превратиться в первый. А потому начал искать повод для мирных переговоров с папой¹⁷⁴.

Впрочем, это не принесло понтифику особых выгод, поскольку, не выдержав тягот жизни в Риме, он ретировался в Ключни, где и скончался 29 января 1119 г. На смертном одре Григорий VIII и монахи избрали новым папой сына графа *Гильома Бургундского* (1002—1026) архиепископа Гвидо Вьеннского, принявшего после хиротонии имя *Калиста II* (1119—1124).

Тот немедленно организовал представительный Собор в Реймсе (разумеется, при помощи авторитетной Ключниской обители), утвердил решение об анафематствовании короля от Церкви и в июне 1120 г. уже был в Риме, где жители устроили ему бурную овацию. Антипапа спрятался в Сутри, но норманны, ревниво относившиеся к претензиям на власть, посадили его на верблюда, провезли под насмешки горожан по городу, измазали грязью и отправили в темницу. Вскоре морально и физически сломленный антипапа скончался в монастыре¹⁷⁵.

Наконец, созванный в 1121 г. в Вюрцбурге по инициативе германских аристократов рейхстаг потребовал от обеих сторон — и папы и короля — прекратить войну. Неохотно, вынужденно понтифик приказал своим епископам начать подготовку большого Собора, который состоялся в Вормсе в 1122 г. На нем 23 сентября 1122 г. был подписан знаменитый *Вормсский конкордат*, который устанавливал некоторые компромиссные положения. Генрих V отказывался от инвеституры, но зато отныне избрания всех епископов в Западной империи должно было проходить с его участием. В случае спора между несколькими кандидатами Германский король имел право назвать наиболее достойного, который и получал жезл (но не посох и кольцо) из рук государя.

Нельзя, конечно, сказать, что этот договор расставил все точки над «i». С одной стороны, император соглашался с тем порядком посвящения лиц в духовный сан, при котором все решалось без участия светских лиц. С другой, папа согласился с присутствием представителей императора на выборах епископа и при процедуре инвеституры. Таким образом, фактически право короля контроли-

ровать выборы осталось неизменным, и он, следовательно, прямо или косвенно продолжал влиять на их результат. Взамен в главе «Привилегии короля» содержалось обязательство вернуть Церкви и духовенству все владения, отторгнутые или потерянные ими в ходе предшествующего конфликта¹⁷⁶.

Напротив, Рим приобрел серьезный политический вес, и теперь уже никто в Германии или Франции не мог сказать, что епископ является обычным королевским ставленником и вассалом. Мало-помалу начался процесс *десакрализации* королевской власти — задача, едва ли ставившаяся первыми папами-реформаторами, озабоченными лишь внутренним обновлением Западной церкви. Но ход событий неизбежно привел их последователей к более резким и революционным шагам¹⁷⁷.

Дальнейшая история подтвердила эту оценку. После смерти Генриха V, не имевшего наследников, завершила свой путь могучая Салическая (Франконская) династия, и новым королем Германии был избран *Лотарь II* (1125—1137) — известный противник умершего императора и горячий сторонник клерикальной партии. Но подчинение интересов Западной империи интересам папства привело к тому, что, во-первых, уже самому Лотарю II пришлось спорить с Римской курией из-за наследства маркграфини Матильды, а, во-вторых, воевать с новым папой *Иннокентием II* (1130—1143) за власть в Италии. За этими борениями Лотарь II не заметил, как Западная империя разваливается на мелкие княжества, не желавшие подчиняться центральной власти. В очередной раз папство побеждало за счет империи¹⁷⁸.

Эта перманентно длящаяся «война всех против всех» потребовала специального Собора, состоявшегося в Клермоне в 1096 г., на котором были приняты постановления «о Божьем мире». Уже простое сопоставление даты Собора и описанных выше событий позволяет крайне низко оценить эффективность принятых на нем решений. «Замечательные» по своему содержанию в полной мере законы отражают печальное состояние западного общества и *заменяют собой* многие действующие государственные законы по причине их крайней неэффективности. Были установлены временные периоды «Божьего мира», введены специальные правила о судьбе имущества, которым другое лицо завладеет путем грабежа в «мирные» дни, убийстве человека или его порабощении и т.п. Оговорили правила обеспечения безопасности путешествующих клириков и их провожатых и ввели запрет на снос кладбищ и строительство на них новых строений. Уровень благочестия общества прекрасно характеризуют

правила-напоминания о воздержании от мяса на все дни Великого Поста и вообще о постных днях. Отдельно провозглашались анафемы тем, кто в случае смерти клирика овладеет его имуществом, а также лицам, заточившим епископа в темницу¹⁷⁹.

И хотя указанные выше события случатся чуть позднее, они достаточно красочно передают обстановку на Западе, сложившуюся в конце XI века. В таких условиях идея *Крестового похода*, активно поддержанная Римским папой Урбаном II, о котором пойдет речь в следующей части, давала прекрасную возможность направить всю скопившуюся негативную энергию бурлящего и полуанархичного западного общества в безопасном для Рима направлении. Как писал один историк, «к концу XI века европейские страны походили на поле битвы. Темная ночь спустилась на это поле и окутала его непроницаемым мраком. Войска обессилены, но дышат ненавистью, тоскуя о мире в душе, они чувствуют, что обречены неискупленной виной на братоубийственную войну и ждут наступления утра, чтобы снова все так же яростно напасть друг на друга. Но в проблеске приближающегося дня они видят в небе Херувима, Который, указывая на Восток, велит им заключить во имя Бога мир и с оружием в руках идти в священный Иерусалим, чтобы там, у Гроба Господня, искупить грехи свои и всего мира»¹⁸⁰. К этому сложно что-либо добавить...

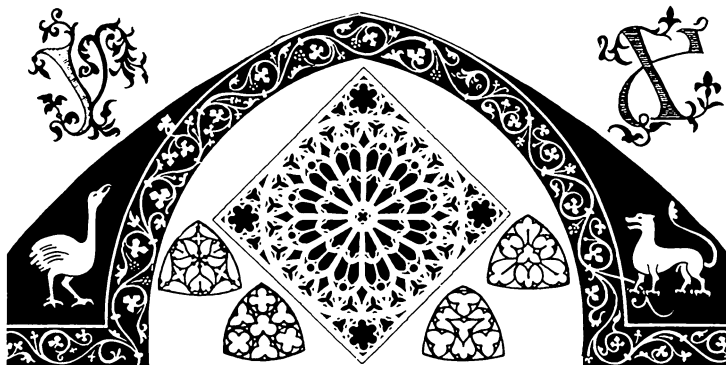

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

ЛИХ. ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ I КОМНИН (1081—1118)

Глава 1. Надежда Римского государства

Если бы кто-нибудь из череды блистательных императоров — таких, как Роман II, св. Никифор II Фока, Иоанн I Цимисхий, мог увидеть состояние Римской империи в начале царствования Алексея I Комнина, он был бы поражен. Не прошло и 60 лет с того времени, как непобедимые «железные» полки Василия II Болгаробойцы победно прошли по Востоку, Кавказу и Болгарии, сея во врагах панический страх. И вдруг, по непонятному капризу судьбы, все в государстве решительно изменилось. Казна была пуста, вместо армии по стране бродили шайки наемников, с большей охотой грабивших византийское население, чем сражающихся с врагами. От Римского государства была оторвана значительная территория восточных владений, где господствовали турки. Южно-итальянские земли теперь принадлежали норманнам. Более того — Роберт Гвискар уже будоражил умы соотечественников рассказами о богатстве Константинополя: он уже давно вынашивал идею об организации общеевропейского похода против Византии. А противопоставить ему по большому счету было нечего.

Как говорили современники, в то время «восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Босфор, западную — Адрианополь», а в самом Константинополе находилось не более 300 воинов — слишком незначительные силы, чтобы идти с ними

на войну против турок или норманнов¹⁸¹. Состояние Римского государства прекрасно иллюстрирует тот факт, что патриарх Косьма I, отчаявшись что-либо изменить к лучшему, вскоре после воцарения Комнина добровольно оставил свой престол. Своему служке он сказал: «Возьми Псалтирь и следуй за мной» и вместе с ним ушел в монастырь Калия. Несмотря на многочисленные просьбы василевса, он наотрез отказался возвращаться на патриаршество¹⁸².

Однако молодой царь имел замечательную черту характера — никогда не унывать и, веря в Бога и Его милость, идти до конца. Родившийся в 1048 г., он, как мы уже видели, с раннего детства отличался завидной храбростью и умом. Когда началась первая война с турками, он охотно вызвался идти на нее, и только отчаянная просьба матери, Анны Далассины, к василевсу Роману IV Диогену остановила его. Дело в том, что в 1071 г. умер в походе его старший брат Мануил, и мать отчаянно боялась потерять своего любимца Алексея¹⁸³. Как выяснилось чуть позже, просьба матери спасла Комнина — в противном случае он мог погибнуть в трагичной битве у Манцикерта. *Выкованный из чувства долга*, никогда не отделявший свои интересы от судьбы Империи, Комнин жил одной Византией, все отдавая на алтарь победы. Уже в юности его девизом станет: «Украшение воина — оружие и жизнь простая, чуждая неги»¹⁸⁴. Скромность и величайшая самоотверженность, как черты характера, и дальше будут отличать императора.

Говоря о личности царя, нельзя не отметить, что Алексей Комнин был спокойным и рассудительным человеком, не надменным, совершенно свободным от корыстолюбия и снисходительным при оценке проступков своих подданных. Милосердие и чувство справедливости настолько глубоко укоренились в нем, что Алексей I зачастую награждал откровенных недоброжелателей, если только видел, что их деяния объективно полезны Римской империи. И легко прощал их, если чувствовал искреннее раскаяние у провинившихся недругов.

Удивительное дело — прирожденный солдат и полководец, не раз глядевший в глаза смерти, он очень редко прибегал к казням, видя даже в варваре-печенеге *человека*, образ Христа. Никогда император не пытался добиться победы любой ценой, искренне сожалея, если за нее пришлось пролить кровь своих товарищей-солдат. И в дальнейшем, как мы увидим, множество стратегических побед было достигнуто им за счет очень тонкой и продуманной *дипломатической игры*, на которую царь был дока. Помимо этого в Алексее жило глубокое и ясное понимание роли царя в Римском государстве,

и он никогда не останавливался перед тем, чтобы сделать этот идеал реальным.

Конечно, как и все люди, император имел и свои недостатки, к которым в первую очередь следует отнести увлечение в молодости женским полом, из-за которого сильно страдала императрица Ирина. Когда нужно, Алексей I умел быть скрытным, коварным, хитрым и безжалостным, не задумываясь над тем, чтобы принести в жертву интересам Византийской империи чью-то жизнь, свободу или имущество. Нет сомнений в том, что только такой человек кремневой выдержки, широкого кругозора, беззаветной отваги и глубокого патриотизма мог стать *надеждой Римского государства* в одну из самых тяжелых минут его тысячелетнего существования¹⁸⁵.

Тем не менее эти личностные черты выкристаллизовались у Комнина не сразу. Часто проявляя мудрость опытного человека, он в первые годы своего царствования нередко позволял себе опасные эксперименты, способные уничтожить плоды всех его трудов. Так, в частности, получив царскую власть, в первую минуту император Алексей I не сумел совладать со своими чувствами. Приготовления к венчанию Алексея уже были завершены, когда неожиданно выяснилось, что он собирается венчаться *один*, без своей супруги, совсем еще юной (ей не исполнилось и 15 лет) Ирины.

Надо сказать, императрица Ирина представляла собой удивительный образец настоящей царицы и благочестивой византийской женщины. Очень скромная по природе, она редко появлялась на людях, предпочитая чтение Священного Писания и творений Святых Отцов, молитвы и антифонные песнопения. Как и ее супруг, императрица много занималась благотворительностью. Ирина не только щедро раздавала личные сбережения нищим и малоимущим, но и старалась дать какой-нибудь добрый совет. Праздных попрошайек она принуждала заняться полезным делом, другим помогала найти пристанище и работу. О ней говорили, что императрица «ежедневно смешивает пищу и питье с состраданием». Не очень красивая как женщина, она обладала, тем не менее, внутренним обаянием, но в силу стыдливости характера редко бывала на людях и стыдилась, когда кто-либо прославлял ее красоту, тотчас краснея¹⁸⁶.

Она искренне и глубоко любила Алексея I Комнина, хотя, как известно, ее любовь нередко оказывалась неразделенной. К своему несчастью, Ирина знала о том, что, презрев ее достоинства, император серьезно увлечен императрицей Марией Аланской. Забегая вперед, скажем, что впоследствии смирение и любовь Ирины сделали свое дело. С годами муж все больше и больше проникался к ней нежным

чувством, а после смерти матери Анны Далассины и начала острой болезни Комнин в буквальном смысле слова шагу не мог ступить без Ирины. Она сопровождала его во всех последних походах и путешествиях, никогда не оставляя царя даже в воинском лагере.

Но все это еще далеко впереди. А в 1081 г. Ирина и Анна Далассина пришли в отчаяние, хотя и каждая по своему поводу, когда выяснилось, что намечавшийся союз «Комнины — Дуки» вот-вот может рухнуть из-за увлечения Алексея I. Для понимания сложившейся ситуации следует учитывать довольно запутанную с точки зрения византийского правосознания и политической практики оценку прав Алексея Комнина на царский сан. С одной стороны, как племянник императора Исаака I Комнина, он имел все права на власть и в этом отношении не начинал новую династическую линию, но *восстанавливал* старую, прерванную далеко не естественным путем. С другой, нельзя было сбрасывать со счетов и права семейства Дуков на царскую власть, узурпированные Никифором III Вотаниатом.

Возник очевидный конфликт интересов, усугубляющийся тем, что оба семейства входили в элиту византийского общества и были способны реально повлиять на внутреннюю политику государства. Поэтому женитьба Алексея на Ирине Дуке позволяла устранить все противоречия и укрепить его права на императорство. Но сердцу не прикажешь — и, *вынужденно* венчавшись браком с юной Ириной, Алексей вовсе не оставил свою возлюбленную, в отношении которой у него возникли некоторые планы. Конечно, эта связь не осталась тайной для придворных, и вскоре Дуки откровенно заподозрили Алексея Комнина в том, что тот может забыть о бывших договоренностях¹⁸⁷.

Подозрения Дуков переросли в уверенность, когда они узнали, что Мария Аланская до сих пор еще не выселена из царского дворца. Стало ясно, что в душе Алексея Комнина любовь борется с чувством долга, требуя отказаться от Ирины и привести под венец единственно желанную женщину. Да что там Алексей — его мать, мудрая и прагматичная Анна Далассина, не знала, как поступить. Глубоко ненавидя семейство Дуков, она втайне желала видеть невесткой Марию Аланскую. Но разум подсказывал ей, что в их еще столь неустойчивом положении война с Дуками может привести к тяжелым последствиям. Анна попыталась на всякий случай надавить на патриарха, предлагая тому или покинуть кафедру, или венчать Алексея одного, но архиерей категорично заявил, что не уйдет с патриаршества, пока не водрузит императорскую диадему

на голову Ирины. И на 7-й день после венчания василевса патриарх Косьма I торжественно короновал Ирину Римской царицей¹⁸⁸.

После этого, поощряя верность, Алексей I раздал награды всем своим вольным и невольным союзникам. Как он и обещал своей возлюбленной, ее сын Константин Порфирородный надел красные сапоги и стал подписывать после императора все государственные документы. Никифор Мелиссин получил титул кесаря, такой же титул был восстановлен и для Иоанна Дуки, совсем уже старого человека. Но одновременно с этим василевс пожаловал своему брату Исааку новый титул «*севастократор*», почти приравненный к императорскому сану, своего рода «второй царь», и приказал величать того в документах ранее кесарей Иоанна и Никифора.

Муж сестры Алексея армянин Григорий Таронит, близкий к роду Багратидов, получил должность *протовестиария* (хранителя царской казны) и сан *паниперсеваста* («наисвященнейший»). Два его брата — Андроник и Никифор стали соответственно *протосевастом* и *друнгарием флота*. Таким способом Комнин неожиданно произвел быструю и решительную реформу придворных титулов. Это была разумная мера, обусловленная объективными причинами — необходимостью избавиться от несуществующих и «пустых» должностей и субъективными — желанием укрепить свою власть родственниками, наделенными высшими чинами. Очевидно, титул кесаря, о котором так мечтал Никифор Мелиссин, теперь резко обесценился в глазах придворных¹⁸⁹.

Следует сказать, что новые назначения являлись не только и не столько платой за услуги, которые оказали отдельные лица Комнину во время похода за царской властью. Как справедливо замечают исследователи, столичная знать — евнухи, финансисты и престарелые чиновники уже были неспособны управлять Римской империей. Зато на периферии выросло поколение молодых, патриотически настроенных и амбициозных людей, принадлежащих к малоизвестным семьям. Талантливые и храбрые до самозабвения, *римляне* от головы до пят, они выбрали своим кумиром Алексея I, которому единственно и желали служить. Комнин также доверился своим товарищам, и, как мы увидим, не ошибся. Однако помимо укрепления их статуса, без чего привлечение патриотов к политической элите государства было совершенно невозможно, теперь требовалось, чтобы они эти звания и должности *отслужили*¹⁹⁰.

Следующий шаг Комнина был не менее неожиданным для современников. Испытывая угрызения совести за тот разбой, какой учинили его воины в течение 3 дней после взятия Константинопо-

ля, василевс инициировал *церковный суд над собой* (!). Был призван патриарх Косьма I с синодом, и император предстал в роли подсудимого, откровенно поведав обо всех прегрешениях своих солдат, причинах собственного возмущения против Никифора III Вотаниата и т.п. Решением суда он и все его близкие товарищи вместе с женами были подвергнуты епитимии сроком на 40 дней¹⁹¹. Можно, конечно, по-разному оценивать этот поступок императора, находя в нем прагматические мотивы, но, видимо, он был продиктован все же глубоким и живым религиозным чувством.

Как уже писалось выше, через несколько дней после венчания Ирины патриарх Косьма оставил кафедру, и на освободившийся престол по рекомендации матери император поставил евнуха *Евстратия Гарида* (1081—1084). Его фигура была далеко не случайной — Комнины желали получить в лице Константинопольского патриарха не могущественного главу оппозиции, как это систематически случалось раньше, а *помощника*. И, казалось, что Евстратий хорошо подходил для этой роли: не очень образованный и недалекий, лишенный политических амбиций, он не мешал царю управлять государством. Правда, как вскоре выяснится, и Церковью управлять не умел.

Прошли первые, «медовые», месяцы царства, и императору пришлось выступать в поход. Крайне невыгодный мирный договор с турками, спешно заключенный Никифором Мелиссином в период его противоборства с Никифором III Вотаниатом, теперь принес свои печальные плоды. И перед василевсом, собирающимся отстаивать права Римской империи на Западе, стояла актуальная задача хотя бы на немного отодвинуть отдельные отряды турок от Босфора. В противном случае не исключалась возможность захвата ими Константинополя. С отрядом новобранцев, посаженных на легкие корабли, он ночью начал занимать ближайшие к туркам селения, оставляя в них засады. Практически без потерь его легковооруженные воины нападали на врагов, нанося им стремительные удары. Император не стремился к крупному успеху, прекрасно понимая, что и такие небольшие победы чрезвычайно утомляют неприятеля и поднимают дух римской армии. Закончилась эта кампания тем, что от турок были освобождены Вифиния, Финия и Никомедия, а турецкий султан запросил мира. Конечно, император не стал упорствовать¹⁹².

Теперь настал черед норманнов. «Замечательно», что в это время Римский папа ни с того ни с сего решил анафематствовать Алексея Комнина, что и произошло в действительности. Правда, это не смутило нашего героя, и он деятельно готовился к схватке с норман-

нами¹⁹³. Для Роберта Гвискара захват Константинополя выглядел далеко не самым трудным предприятием, которое, однако, достойно увенчало бы перечень его побед. Он активно готовился к походу на Восток, хотя папа Григорий VII откровенно выражал свое недовольство, опасаясь, что в отсутствие норманна Риму начнет серьезно угрожать его вечный враг Германский король Генрих IV.

Впрочем, Роберт не особенно озадачивался настроением понтифика, более обращая внимание на приготовления к походу. Дело в том, что Гвискару очень хотелось найти необходимые обоснования своих действий, и он, задумывая захват Константинополя еще при императоре Никифоре III Вотаниате, даже подыскал похожего на свергнутого императора Михаила Парапинака молодого мошенника. Когда до него дошла весть о свержении Вотаниата, Роберту стало ясно, что его план сорвался — он уже не мог являть собой пример защитника прав законного Византийского царя от узурпатора. Но разве Гвискара когда-нибудь останавливали такие мелочи? И в первой половине мая 1081 г. он отправился в поход из Отранто во главе сильной и блестяще экипированной армии, имевшей сильный флот¹⁹⁴.

Оставив материковые владения на младшего сына *Рожера Борса* (1060—1111), Гвискар поручил командование авангарда своему первенцу *Боэмунду* (1054—1111), князю Таранто — известному историческому персонажу, с которым нам предстоит столкнуться еще множество раз. Тот отплыл из недавно захваченного норманнами Бари по направлению к острову Корфу, который ему предстояло занять, дабы обеспечить безопасность главной армии. Надо сказать, поручение отца Боэмунд выполнил отлично. Высадившись неподалеку от Авкалона, он сумел создать панику в стане греков и без труда захватил город и остров, умело используя «пятую колонну» — своих тайных приверженцев в византийском лагере. После этого Боэмунд сушей отправился к городу Диррахий, пока его отец плыл туда же по морю¹⁹⁵.

В свою очередь, покидая столицу, Комнин практически не задумывался над тем, кому оставить управление Римским государством. Для него существовала только одна фигура возможного «соимператора» — мать Анна Далассина. И в хрисовуле Алексея I, изданном в 1081 г., проявляется вся нежность сыновней любви к матери. Он писал: «Никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью, и нет защиты надежнее ее. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся опорой для детей и необоримыми стражами. В наших разделенных телах видна

единая душа, которая милостью Христа сохраняется нераздельной и поныне. Я нашел надежнейший оплот самодержавия и решил поручить управление всеми делами моей святочитимой и достойнейшей матери. Пусть все ее распоряжения будут иметь такую же незыблемую силу, как если бы они исходили от светлой власти моей царственности, и написанное имело источником мои собственные слова»¹⁹⁶.

Между тем норманны 17 июня 1081 г. уже осадили крепость Диррахий, гарнизоном которой командовал верный императору храбрый полководец Георгий Палеолог, и следовало скорее спешить ему на помощь. К слову сказать, это был первый неприятный сюрприз для Гвискара, который предпринял немало усилий для того, чтобы перекупить прежнего коменданта гарнизона Георгия Мономахата. Увы, буквально перед самым вторжением норманнов император сменил того на молодого, но верного ему Палеолога, который к тому же приходился царю дальним родственником.

Впрочем, это пока что мало меняло ситуацию. Алексей I прекрасно понимал, что бороться с норманнами в одиночку было верхом безумия, да и собранная Комнином разношерстная армия, где преобладали западные наемники, была далека от совершенства. Куда больше надежд император связывал с попытками объединить против норманнов всех заинтересованных лиц. В первую очередь он направил послание с просьбой о помощи в Венецию. Царь тонко учел, что для венецианцев захват норманнами пролива Отранто окажется чрезвычайно болезненным, т.к. поставит их торговлю под контроль северных «гостей». Поэтому венецианцы тут же согласились стать союзниками византийцев, и венецианские суда, прибывшие под Диррахий, доставили норманнам много хлопот¹⁹⁷.

Попутно Алексей I отправил многочисленных агентов в Европу, формируя гордому герцогу Апулии серьезную оппозицию у него за спиной. Римский папа Григорий VII, архиепископ Капуи Эрве, герцог Лонгивардии Герман и Германский король Генрих IV — все они получили послания императора, причем к каждому он старался найти индивидуальный подход. Папе обещал прекращение церковного раскола, Капуе и Лонгивардии — освобождение от норманнов, Германскому королю — денежную помощь в размере 144 тыс. золотых монет в борьбе с понтификом и его союзником Гвискаром¹⁹⁸.

Прекрасно понимая, что дипломатические средства не являются универсальными, василевс уже в ту тяжелую минуту принял решение, невзирая на пустоту государственной казны, восстановить римскую национальную армию. Перед отправкой в поход Комнин

созвал *топархов* (наместников) восточных фем и приказал им, оставив небольшие соединения для борьбы с турками, направить основную массу солдат и новобранцев в Константинополь. Теперь у него образовался *стратегический резерв*, из которого царь мог начать формирование новых полков. Как мы вскоре увидим, его труды не пропали даром. Наконец, положившись на волю Бога, император направился в Иллирик.

Тем временем солдаты Гвискара построили большое количество осадных орудий и не переставали осыпать город камнями и стрелами. Во время одного из обстрелов был ранен стрелой в голову Георгий Палеолог, которого с трудом удалось поставить на ноги. А Алексей Комнин быстрым маршем продвигался к Диррахию, надеясь на удачу, хотя численность его войска — не более 20 тыс. человек и его качество заметно уступали по всем параметрам 30 тыс. тяжеловооруженных норманнов. 18 октября 1081 г. стороны решились на генеральное сражение. Император попытался окружить армию Гвискара, но тот, опытный и хитрый тактик, вывел своих воинов из-под удара. После этого завязался открытый бой.

Первоначально успех был на стороне византийцев. Атаки тяжелой варяжской кавалерии византийцы отбили с тяжелыми для врага потерями, и некоторые норманнские отряды даже начали отступать. Но тут Роберт бросил свой последний резерв — конных копьеносцев, которым удалось опрокинуть императорскую гвардию. Часть византийских солдат укрылось в часовне, расположенной рядом с полем битвы. Норманны подожгли ее и не без удовольствия наблюдали, как все они погибли в огне. В эту минуту союзники-сербы и 2-тысячный отряд печенежских наемников-богомилы, забыв о клятвах верности, бежали с поля битвы, чем предвосхитили ее результат.

Остальное войско потеряло строй и *рассыпалось*, отчаянное сопротивление оказал лишь император с личными телохранителями и друзьями. Но и им пришлось спасаться бегством, подвергая свои жизни серьезной опасности — норманнам очень хотелось убить василевса или взять его в плен. Комнина окружили 9 вражеских солдат, но он дал очередной прекрасный пример личного мужества, сумев отбиться и уйти от погони. Однако поражение византийцев было очень тяжелым — они оставили убитыми на поле сражения около 5 тыс. своих товарищей¹⁹⁹. Погибло множество аристократов, среди которых значились Константин Дука, сын императора Константина X Дуки, Никифор, отец Георгия Палеолога, стратиг Никифор Синадин и многие отборные воины.

После этого падение Диррахия стало делом времени, хотя осада продолжалась еще 4 месяца. 21 февраля 1082 г. город пал, и норманны, продвигаясь вперед по Иллирии, нигде не встречали сопротивления. Помимо Диррахия, пали Охрид и Кастория, Ларисса была осаждена, а Константинополь стоял *беззащитным*. Роберт Гвискар уже предвкушал радость овладения им, когда внезапно получил известия о том, что восстал Капуя, Апулия и Калабрия, где активно поработали агенты Византийского императора. Попутно с этим к Гвискару с криком о помощи обратился Римский папа Григорий VII Гильдебранд, которому (опять же, не без участия Комнина) серьезно угрожал Германский король Генрих IV — об этом говорилось выше.

Апостолик не стеснялся в выражениях, поторапливая Гвискара. «Помните о святой Римской церкви, — писал он норманну, — матери Вашей, которая любит Вас более других правителей и отметила Вас своим особым доверием. Помните, что Вы принесли ей клятву, а то, в чем Вы клялись, — то, что и без клятвы является Вашим христианским долгом, — Вы обязаны исполнить. Ибо Вам известно, сколь много вражды по отношению к Церкви возбудил Генрих, так называемый король, и сколь необходима ей Ваша помощь. Посему действуйте немедленно»²⁰⁰.

Делать нечего. Возложив командование оставшейся армией на Боэмунда, Роберт поспешил в Италию, поклявшись не мыться и не бриться до того дня, пока не вернется в Византию. В течение всего 1082 г. герцог занимался подавлением восстания в Апулии, а 10 июня 1083 г. уже стоял у стен Рима. Его интересы совпадали с планами папы Григория VII — герцог Апулии опасался, что, поставив своего епископа в Вечном городе, король Генрих IV коронуется венцом Западной империи и возобновит свои притязания на южно-итальянские владения норманнов.

Почти год понадобился Гвискару, чтобы одолеть германцев и захватить Рим — 27 мая 1084 г. он вступил на его улицы, усеянные трупами жителей города и германцев. Это был пик славы великого норманна: оба императора — Восточной и Западной империй капитулировали перед его войском, и теперь Гвискар по праву считался самым сильным государем Европы. Но победа оказалась «пирровой» — только осенью 1085 г. Гвискар смог вернуться в Иллирию, предоставив византийцам время для того, чтобы восстановить силы и переломить ход войны. Как заметил один автор, Роберт упустил уникальную возможность завладеть императорской короной Византии, побоявшись потерять герцогский титул в Апулии²⁰¹.

Правда, за это время Боэмунд сумел нанести два рядовых поражения византийским войскам на материке (при Янине и Арте), захватив Фессалию и Македонию. И тень надежды, мелькнувшая ранее, почти растворилась — все ожидали со дня на день падения великой Римской империи. В связи с полным отсутствием средств императору пришлось еще более уменьшить содержание золота в монетах государственного образца — естественно, это вызвало глухой ропот у византийцев, недовольных налоговым бременем, упавшим на их плечи²⁰². Однако это были *последние видимые успехи* норманнов, не сразу заметивших, что вслед за этим для них наступают не самые лучшие времена.

К чести императора, и в эту минуту он не пал духом. Находясь на Балканах, Комнин отправил гонца в Константинополь к своему брату Исааку с просьбой найти как можно скорее деньги для набора нового войска. Оставался один источник, который мог быть задействован властью, — *церковное имущество*. Весной 1082 г. Исаак созвал в храме Святой Софии синод и предложил патриарху и епископам сдать церковное имущество для войны. Это был своего рода «момент истины», и царская власть выиграла невидимое сражение с партией восточных «папистов» — синод дал необходимое разрешение на реквизицию церковных драгоценностей.

Только два человека резко выступили против — некто Метакса, открыто высмеивающий царя и его брата за неумение управлять государством, и Халкидонский митрополит Лев, напрямую оскорбивший самодержца. В противоречии с постановлениями VII Вселенского Собора митрополит учил, что священная утварь и предметы должны быть почитаемы не относительно, а *служебно*. Иными словами, что сами по себе иконы и материал, из которого они изготовлены, являются священными, а, следовательно, император, изъявший их в казну, не кто иной, как *святотатец!*

Конечно, Алексей I Комнин не собирался терпеть такого оскорбления царского сана, а приказал срочно созвать синод и низложить дерзкого архиерея, запутавшегося в догматических темах. Затем его отправили в изгнание, хотя царь лично следил за тем, чтобы условия содержания ссыльного не были суровыми²⁰³.

Средства для найма новой армии были получены, и вскоре император имел успех в нескольких локальных столкновениях. Но до победы было еще очень далеко — в том же году, весной 1082 г., Боэмунд дал сражение Комнину под городом Янины и вновь одержал решительную победу. Василевсу вновь пришлось прятаться в Охриде, а затем вернуться в столицу, где к весне следующего,

1083 г. он набрал новую армию. К тому времени Боэмунд взял еще несколько городов, хотя и потерпел поражение под Островом и пока еще не смог взять штурмом Лариссу. Более того, в его лагере начались первые брожения, и три наиболее близких помощника норманнского вождя — Рауль де Понтуаэ, Ренальд и Вильгельм попытались перейти на сторону византийцев, соблазненные их золотом. Но перебежчиков схватили, заставили биться между собой на поединке, а затем ослепили²⁰⁴.

Весной 1083 г. Алексей нанес первое поражение Боэмунду, сумев обмануть его и захватить обоз — неприятное само по себе событие. Но худшее ждало его еще впереди. Князь не заметил, как в войне наступил решительный перелом. Норманны, давно не получавшие подкреплений и денег, тоскующие по родине, откровенно приуныли и охотно откликались на призывы Византийского императора, предлагавшего дезертирам очень приличное вознаграждение. Боэмунд несколько неблагоразумно отплыл в Италию за деньгами, а тем временем норманнские военачальники, оставшиеся на Балканах, *сдались византийцам* (!). Попутно с этим венецианский флот отбил обратно Диррахий и остров Корфу²⁰⁵.

В таких условиях Гвискар начал срочно собирать новую экспедицию, чтобы вернуть утраченные плоды своей ранней победы. На 120 кораблях, вместе с четырьмя сыновьями и новым войском, он по-прежнему являл собой грозную силу. Вернувшийся в Иллирик Роберт Гвискар, которому исполнилось уже 68 лет, смыл со своего лица следы отчаяния. Он предпринял энергичные меры по возвращению острова Корфу и сумел нанести жестокое поражение венецианскому флоту, хотя две его первые атаки захлебнулись в крови. Потери норманнов в морском сражении были так велики, что Гвискар в отместку приказал казнить мучительной смертью 2 тыс. пленных венецианцев. Помимо этого около 13 тыс. лучших венецианских моряков погибло в сражении. Венеция была не просто побеждена, она была *унижена*. Правда, хотя венецианцы и потерпели поражение, их флот по-прежнему господствовал на море, что вскоре скажется на положении норманнов самым негативным образом. А те пока стали на зимние квартиры и приготовились продолжить наступление на Константинополь в следующем году.

Алексею Комнину вновь потребовались средства, и в 1084 г. Собор, созванный во Влахернском дворце, принял решение о дополнительной реквизиции церковного имущества. Укрепив за счет этих средств армию, император имел все основания считать кампанию будущего года успешной для себя. Однако военные действия даже

не начались, поскольку зимой на Корфу открылась эпидемия тифа, погубившая множество норманнских солдат и самого Гвискара, который скончался 17 июля 1085 г.²⁰⁶ Рожер Борса, которого войско объявило наследником отца, не осмелился приказать норманнам продолжить наступление. Они погрузились на суда, оставив на острове оружие и снаряжение, и срочно отплыли. Ввиду отсутствия сил, необходимых для обороны завоеванных земель, автоматически северные завоеватели утратили Македонию, Эпир, Фессалию и город Диррахий. Византия была спасена. Как рассказывают, заключения Гвискара на этом не закончились. Уже в дороге судно, на котором находился гроб с телом грозного герцога, попало в шторм и лишь титаническими усилиями матросов удалось спасти его для погребения в Апулии.

Демонстрируя верностью своему слову и обычную человеческую благодарность, император щедро наградил Венецию. Хрисовулом от мая 1082 г. он предоставил венецианским купцам серьезные торговые привилегии, освободил от любых торговых пошлин, разрешил иметь собственные якорные стоянки и склады в бухте Золотой Рог, а также обязался ежегодно субсидировать из бюджета Римской империи венецианские храмы в Константинополе²⁰⁷.

В 1083 г. василевс повторил эти привилегии. Конечно, такие преференции больно ударили по византийской торговле, и, получив громадные территории для торговли, венецианцы открыли для себя ворота на Восток. С этого момента и следует отсчитывать эру мировой венецианской торговли. Но в тот момент у Комнина просто не было выбора, и за союзническую верность пришлось платить сполна. Позднее, в 1111 г., чтобы ослабить монополию венецианцев и нейтрализовать мощного союзника своих врагов норманнов, император предоставил аналогичные привилегии пизанцам. Но, безусловно, и эта вынужденная мера негативно сказалась на имперской торговле²⁰⁸.

Глава 2. Надежды почти не осталось. Страшный 1091 г.

Однако оставался другой, еще более сильный и безжалостный враг — турки. Преемник Кетельмуша Румский (Иконийский) султан *Сулейман ибн-Кетельмуш* (1081—1086) в конце 1084 г. — начале 1085 г. лишил Византию Антиохии, вследствие чего мелкие сирийские князья безоговорочно признали над собой его власть. Сле-

дует сказать, что в это время в мусульманском мире происходила очередная смена диспозиции. Страдающий от набегов туркменов наместник Иерусалима решил отложиться от Фатимидов и признал над собой власть *Мелик-паши* (1072—1092), Великого Сельджука, резидентирующего в своей столице в Исфахане. Желая закрепить успех, султан направил своего брата *Тутуша ибн-Муххамада* (1074—1095) в Сирию, дабы навести там порядок и подчинить ее себе. Но Тутуш отклонился в сторону и захватил Дамаск. Таким образом, к 1085 г. в близком соседстве от Византии располагались три центра мусульманской власти: Тутуш в Дамаске, Сулейман ибн-Кетельмуш — в Антиохии и Никее и *Укейлид Муслим* на Евфрате; и каждый из них стремился к монополии, хотя и признавал свою вассальную зависимость от Мелик-паши.

Но так продолжалось недолго. Тутуш явно не был удовлетворен одним Дамаском, а потому вскоре заявил права на Антиохию, что означало начало войны между ним и главой Иконийского султаната. Увы, она была неудачной для Сулеймана ибн-Кетельмуша, который не только потерпел поражение от Тутуша, но и сам погиб в сражении. Мелик-шах, до сих пор равнодушно взиравший на междоусобицу, моментально собрался с войском и отправился в Месопотамию, попутно подчиняя себе мелких князьков Сирии, до сих пор находившихся под властью Фатимидов. Он признал права брата на Дамаск, после чего Тутуш стал главой Сирийского султаната, но накрепко подчинил Мосул себе²⁰⁹.

Однако надежда Тутуша на то, что теперь ему удастся подчинить себе Вифинию и Антиохию, оказалась иллюзорной. Во-первых, Мелик-шах совершенно не собирался отдавать эту жемчужину Востока, направив туда своего наместника *Кара-тегина*, дабы тот привел город к власти Великого Сельджука. А, во-вторых, полководец покойного Сулеймана ибн-Кетельмуша по имени *Абуль-Касим* бросил в тюрьму сына покойного султана *Кылыч-Арслана*, опередил Кара-тегина и подчинил Антиохию себе. Вслед за тем Румский султанат фактически разделился: Абуль-Касим отдал своему брату *Пулхасу* Иконий и восточную часть султаната, а Антиохию оставил себе. Впрочем, вскоре Кылыч-Арслан сбежит из плена и вернет себе власть в Румском (Иконийском) султанате, став его главой с 1092 по 1107 г.

Прибывший Кара-тегин быстро сообразил, что ни он, ни его повелитель не в состоянии справиться с этой турецкой вольницей, постоянно подпитываемой с Востока все новыми и новыми отрядами соотечественников. А потому... создал собственный эмират,

формально признав над собой власть Мелик-паши, но тут же заключив союзнические договоры с мелкими эмирами Малой Азии, находящимися в состоянии войны с главой сельджуков. Помимо этого Кара-тегин внезапно захватил Синоп, где находилась финансовая казна Римской империи, отправленная на всякий случай Алексеем I еще при подготовке похода против норманнов. Деньги, конечно, пропали, но дипломатическим путем Комнину удалось вернуть Синоп Византии, и вскоре туда был направлен губернатором родственник Алексея I *Константин Далласин*.

Кроме того, в Малой Азии и в Трапезунде на осколках мало-азиатских владений возникли новые христианские государства, не подчиненные Константинополю. В Трапезунде правил дук *Феодор Гавра*, до недавнего времени один из первых сановников Римской империи, удостоенный титула севаста. Но затем сепаратистские настроения овладели им, и Гавр создал собственное государство, отвоевав у турок земли от Трапезунда до Неокесарии. Небезынтересно добавить, что в 1098 г. в одной из битв с турками Гавр был взят в плен и стяжал мученический венец за отказ принять ислам²¹⁰.

В Эдессу вернулись армяне, полководец которых *Феодор Торос* теперь правил городом в качестве вассала Мелик-паши. Мелитену захватил армянский полководец *Гавриил*, в границах фемы Евфрат возникло еще одно княжество, где правил армянин *Гох Васил*. А потомок Армянских царей *Рубен* захватил крепость в Киликии и провозгласил свою независимость ото всех²¹¹.

В целом же к 1092 г., когда Мелик-паша скончался, исламский мир оказался разделенным на несколько сфер влияния. Основная власть по-прежнему сохранялась в руках потомков Альп Арслана, хотя постоянные споры о престолонаследии серьезно ослабили их. В Мосуле, Азербайджане и Луристане правили *атабеги* («правители»), начавшие свою деятельность как наместники Великого Сельджука, но быстро создавшие собственные эмираты. Персидский Ирак со столицей в Хорезме также лишь номинально подчинился султану; позднее здесь возникла еще одна династия, принявшая имя Хорезм-шахов. Отдельно от них располагались области, занятые потомками брата Альп Арслана *Кавурда*, уже изначально в силу своего родства с Великим Сельджуком имевшие большую, чем иные правители, самостоятельность. Как уже писалось выше, потомки Кетельмуша образовали Иконийский султанат, в Сирии правил Тутуш²¹².

Любопытно, но власть атабегов вовсе не предполагала торжества сепаратизма. Хотя они и заменяли правящие династии своими, каждый из них соблюдал строгую субординацию по отношению

к Великому султану, который со своей стороны и не пытался изменить систему управления.

Отметим также, что и другие обстоятельства не позволяли сельджукам надеяться на объединение всех политических сил и государств в виде одной империи. Помимо атабегов, местных арабских князей, султана и эмиров, вскоре Сирия затрепетала при одном имени *огузов* — туркменского племени, представители которого жили исключительно за счет грабежа и разведения лошадей. Из числа их вождей наиболее знамениты были *Иль-Гази* и *Сукман*, сыновья туркменского офицера Ортука, назначенного Тутушем комендантом Иерусалима.

Центральная власть была слаба, а малолетство детей покойного Мелик-паши не позволяло надеяться на ближайшие перспективы. Сразу же после того, как Мелик-паша был похоронен, его наследником назвали 5-летнего *Махмуда* (1092—1094), мать которого, многомудрая Туркан-Хатун, сделала все для того, чтобы остальные эмиры и султаны принесли присягу новому Великому Сельджуку, находившемуся в столице Султаната Исфахане. Но участь второго сына Мелик-паши, рожденного от наложницы, *Баркиярука* (1094—1105), которому исполнилось 14 лет, была печальнее. Его похитил и поместил под домашний арест Мосульский эмир *Кербога*, вместе с Туркан-Хатун опасавшийся, что не Махмуда, а *этого* царевича также могут признать преемником покойного султана.

И действительно, вскоре мальчик при помощи противников Туркан-Хатун бежал в Рей (нынешний Тегеран), где был провозглашен Великим Сельджуком. В 1093 г. его армия разбила войско Туркан-Хатун, которая спустя год умерла. Вслед за ней умер и малолетний Махмуд, не переживший заболевание оспой. В Багдаде, куда прибыл Баркиярук, ничтожный по своей власти халиф, к смеху присутствующих эмиров, провозгласил того повелителем сельджуков. Эмиры, не стесняясь, издевались над малолетством и беспомощностью своего владыки, а тот обреченно вздыхал, не смея спросить со своих подданных²¹³.

Слабостью племянника решил воспользоваться Тутуш, втайне мечтавший о султанском титуле. Собрав силы, он отправился в поход на Хорасан, но его попытка оказалась неудачной, поскольку эмир Алеппо *Ак-Сонкор* решил оказать поддержку Баркияруку — разумеется, не из высоких побуждений: его мало увлекала перспектива распространения власти Тутуша на всю Сирию. Тот вернулся в свои владения, усилил армию и в 1094 г. разгромил объединенные силы Алеппо, Аль-Рухи и Мосула, предал смерти плененного его воина-

ми Ак-Сонкора и вновь направился в Хорасан; на этот раз удачно. В течение нескольких месяцев Тутуш назывался султаном, пока армия Баркиярука не разбила его войска 26 февраля 1095 г. возле города Рей. Сам Тутуш погиб от меча одного из воинов покойного Ак-Сонкора, а его армия рассыпалась²¹⁴.

Нельзя, однако, сказать, что такое положение дел можно оценить как сугубо благоприятное для Византии. Да, раздоры в стане врага всегда полезны для другой стороны. С другой стороны, смесь различных правителей, обладавших сильными армиями, постоянно пополняемых туркменами и сельджуками из-за Каспия, обладавших безграничным тщеславием и жадной наживы, не позволяла определить тот центр политической власти, с которым Комнин мог договориться о мире. Открытой войны с сельджуками вроде бы и не было, но боевые действия велись постоянно.

Но василевс довольно успешно отражал разрозненные атаки сельджуков. Узнав, что Никейский эмир строит большой флот, он направил против него свои боевые корабли и сухопутную армию, командование которой поручил полководцу *Татикию*, этническому турку, воспитанному в Византии. В результате дерзкой операции византийцы сумели сжечь турецкие суда на стоянке, а в сухопутном сражении Татикий нанес мусульманам тяжелое поражение. После этого Абуль-Касим срочно запросил мира, против чего, конечно, не возражал Комнин²¹⁵.

Но кроме турок и норманнов в 1084 г. активизировались печенеги, очень серьезно угрожавшие Балканам. Ситуация осложнялась тем, что в это же время (случайно?) в этом же регионе восстали старые недруги Церкви и императорской власти, *павликиане* и *богомилы*. В свое время, переселяя павликиан из Сирии на Балканы, византийское правительство надеялось, что сектанты одумаются и вернуться в лоно Церкви, но этого не произошло. Более того, павликиане чрезвычайно распространились в Болгарии, где приняли наименование «богомилы» — по имени своего вождя попа Богомила. Из Болгарии эта ересь перекинулась в Сербию, а оттуда в Западную Европу, где ее последователи стали известны под именами «катаров», «альбигойцев», «побликан» и «патаренов»²¹⁶.

Для полноты картины напомним, что богомилство как ересь имело своим источником манихейство, павликианство и мессалианство; а их основное учение излагалось в «Ивановом Евангелии, или Тайной книге». Согласно богомилским «догматам», довольно схематично и наивно излагавшим древнюю историю, мир *дуалистичен*, т.е. пребывает в постоянной борьбе добра и зла. Они пола-

гали, что тело человека создано дьяволом, а душа — Богом. Святой Дух действует на души людей таким образом, что те никогда не умирают, но переселяются в Царствие Небесное. Однако не все, а лишь *избранные*. Естественно, к числу этих «избранных» богомилы относили исключительно себя. Они не признавали Церкви, молитв (кроме «Отче наш»), церковный брак и святых, не почитали Креста Христова и святых икон. Моисея богомилы считали слугой дьявола и вообще отрицали Ветхий Завет. В контексте социально-политической жизни богомилы отвергали *любую власть* (включая Римского императора) и богатство и считали своим идеалом общество, где все члены имеют равные имущественные права²¹⁷.

Когда норманны во главе с Гвискаром прибыли в Иллирик, военачальники Ксанта и Кулеон, тайные богомилы, изменили императору и перешли на службу к Гвискару. Естественно, византийское правительство ответило репрессивными мерами против богомилов, чем, однако, вызвало еще большую реакцию с их стороны. Павликиан возглавил византийский сановник Травл, занимавший видную должность в Константинополе, а затем перебежавший к своим единомышленникам и организовавший настоящую партизанскую войну.

Теперь павликиане договорились с печенегами и, объединив силы, нанесли византийскому войску под командованием доместика Пакуриана и его помощника Врана тяжелейшее поражение. Навстречу им император направил верного Татикия и, надо сказать, тот успешно справился с поставленной задачей. После серии рядовых поражений печенеги были вынуждены вернуться осенью 1086 г. в родные становища²¹⁸.

Но весной 1087 г., объединившись с половцами и венграми, они вновь напали на Македонию, спустившись через горные проходы к Мраморному морю и разоряя все, что попадалось им по пути. Любопытно, что среди военачальников объединенной орды значился и бывший король Венгрии Шоломон, отторгнутый всеми родными, проклятый матерью Анастасией Ярославной и потерявший малейшие шансы вернуть себе корону. Вместе с отрядом венгерских рыцарей он стал «джентльменом удачи», надеясь при помощи варваров попытать счастья в Византии. Вскоре 80-тысячная орда прокатилась по мирным селеньям и захватила город Хариополь — противостоящие им византийские военачальники могли похвастаться лишь... умелым *отступлением*²¹⁹.

По счастью, византийскому полководцу Маврокатакалону, которого император срочно направил против печенегов, удалось

дать им отпор: в завязавшейся в марте 1087 г. битве под Хариополем степняки были разбиты, а их вожди хан *Челгу* и Шоломон погибли. Варварам пришлось возвратиться обратно. Поняв, что каждую весну ему предстоит тревожно смотреть на северо-запад, если не предпринять предупредительных мер, Алексей I Комнин летом 1088 г. собрал значительное войско и выдвинулся к подножиям Балканских гор, став лагерем у Адрианополя. Как всегда, византийцы рассчитывали на то, что материальные блага позволят им внести сумятицу и раздор в стане врага. Но, на удивление, *ни один* печенег не покусился на византийское золото, *ни один* перебежчик не явился в лагерь Алексея Комнина.

Римскому царю, как воздух, нужен был мир, но для этого пришлось решиться на сражение с печенегами. Царь разделил свою армию на две части, поставив во главе второй группировки полководца Георгия Евфорвина и направив того по Истру с целью окружить врага. Узнав, какая грозная сила движется на них, печенеги бросили клич по становьям своих соотечественников, призывая тех прийти к ним на помощь. Желая выиграть время, они пошли на хитрость и направили к императору Алексею I посольство из 150 человек с предложением мира и даже союзничества.

Какова *на самом деле* цель посольства, царь догадался без особого труда. Но дипломатия — тонкая наука, и просто отказать печенегам в их инициативах было нельзя. Кроме того, всегда оставалась надежда на мирный исход кампании — византийская дипломатия нередко творила чудеса. И тогда император пошел на встречную хитрость: зная, когда должно наступить солнечное затмение, Алексей предложил печенегам отдать их дело на «суд Бога». Если, сказал он, в небе случится какое-то знамение, то это будет очевидным знаком того, что василевс обоснованно отвергает условия печенегов. Те, ни о чем не подозревая, легко согласились. Конечно, все произошло по законам физики — 1 августа 1087 г. случилось солнечное затмение. Степняки были поражены, и их мирные инициативы оказались отозванными сами собой²²⁰.

Развязав себе руки и не обманув свою совесть, Комнин продолжил наступление и остановился у древней Преславы, на реке Тыге. Здесь его армии пришлось отбиваться от конных разъездов печенегов, но в целом, продолжив путь, она довольно удачно дошла до Дуная, став лагерем у крепости Силистрия. Два месяца византийцы осаждали этот город, но безрезультатно. Ввиду приближающейся зимы, опасаясь, что печенеги обойдут его с флангов и пройдут на Балканы, Комнин дал армии приказ отступить.

Увы, это было ошибочное решение, предопределившее последующее поражение. Случилось худшее, о чем опытные офицеры предупреждали василевса, — печенеги внезапно напали, и римлянам пришлось принимать сражение. Баталия длилась почти целый день, и в решающий момент печенеги получили помощь своих соотечественников, которые в количестве 38 тыс. всадников подоспели к месту битвы. Как и следовало ожидать, битва закончилась поражением византийского войска. Сам император проявлял чудеса храбрости, был *в очередной раз* ранен, едва не попав в плен, но это ничего не могло изменить. Потери византийцев были очень велики, много знатных аристократов погибло, например брат царя *Адриан* и сын императора Романа IV *Лев*. Кроме того, в плен попал кесарь Никифор Мелиссин и множество знатных сановников.

Император с остатками войска поспешил в Константинополь, чтобы собрать деньги для выкупа пленных, а печенегам еще предстояло пройти через сражение с *половцами*, вскоре подошедшими к местам боев и потребовавшими своей части добычи. Разумеется, они получили отказ — степняки ценили богатство выше своей жизни. Но, свежие и многочисленные, половцы разбили печенегов, захватили добычу и вернулись в степь с твердым желанием в следующем году вновь вернуться на Балканы²²¹.

Византийские дипломаты тут же воспользовались враждой между двумя своими противниками, начав осторожно сталкивать их друг с другом. Император заключил мирный договор с печенегами и, одновременно с этим, втайне от новых «друзей» направил посольство к половцам, которым предложил богатые дары в обмен за отказ от византийских владений, на которые те претендовали²²². Теперь у царя появлялись различные варианты: если агрессию проявят половцы, он мог апеллировать к печенегам. Если войну начнут печенеги, можно было призывать на помощь половцев, ссылаясь на заключенный договор. Единственно, чего следовало опасаться, — *объединения* половцев с печенегами, после чего никто уже не смог бы помочь Римской империи.

Выпавшую ему передышку император использовал чрезвычайно продуктивно. Он выкупил своих солдат из печенежского плена и сформировал из них новые военные отряды. Помимо этого царь призвал на военную службу сыновей знатных аристократов, павших на полях сражений, и начал деятельно обучать их. Эта национальная гвардия, «*архонтопулы*» («сыновья архонтов»), насчитывавшая 2 тыс. человек, стала грозной силой, своего рода «священным отрядом» древних спартанцев. И оказался прав, поскольку для печенегов мир-

ный договор был и оставался простой формальностью, цена которой зависела от их настроений. Вскоре степняки без особого труда захватили Филиппополь и угрожали продвинуться дальше.

Император оказался в чрезвычайно тяжелом положении: его армия была значительно меньше по численности печенежской орды, и никакое открытое сражение с ними казалось невозможным. Но, как всегда, неунывающий и быстрый ум Алексей I организовал серию колких нападений на отдельные отряды степняков, доставлявшие им много неприятностей. Вскоре, не расположенные к затяжной войне, опасаясь подхода большего византийского войска — царь *умел* распускать грозные слухи — печенеги предложили заключить новый мирный договор. Но и он существовал недолго. Уже зимой с 1089 на 1090 г. печенеги вошли в область Адрианополя и начали грабить окружающие территории.

В это тяжелое время произошел один примечательный эпизод, вполне раскрывающий характер и образ мыслей нашего героя. Понимая, что без помощи латинян ему едва ли возможно будет решить турецкую и печенежскую угрозы, Алексей I, тем не менее, занял *активную* позицию по некоторым богословским вопросам, надеясь, с одной стороны, не вступать в противоречие с традициями Восточной церкви, с другой — навести мостик для мирных переговоров с Западом. После долгого обсуждения с епископами царь запретил христианам латинского обряда, проживавшим на территории Римской империи, богослужение на опресноках. Но тут же активно вступил в переписку с папой Урбаном II, который направил в Константинополь свое посольство. После оживленных дебатов император предложил апостолику созвать Собор в Константинополе по данному вопросу и заранее обещал выполнить все его решения. В свою очередь папа, увидев миролюбие и мудрость василевса, в 1089 г. снял с него церковное отлучение, которое формально лежало на Комнине как на схизматике (в глазах латинян, конечно)²²³.

Перед нами раскрывается очередная попытка *примирения Церкви*, причем инициатива всецело принадлежит папе и императору. Урбан II, этнический француз, вовсе не считал раскол Церкви свершившимся фактом и мудро признавал, сколь много ошибок в отношениях с Константинополем было сделано его предшественниками. Отменив отлучение, он отправил к византийцам своего кардинала Рожера и аббата Греко-итальянского монастыря Николая. В духе икономии и примирения апостолик просил у императора разрешить в Константинополе служить по «латинскому» обряду для западных христиан — всего лишь. Алексей Комнин тут же созвал синод, который уведомил Рим, будто прежнее исключе-

ние имен апостоликов из восточных диптихов есть *недоразумение* и что вообще по канонам такое исключение может иметь место лишь по приговору Собора.

Затем Константинопольский патриарх *Николай III* (1084—1111) написал папе ответ, в котором великодушно разрешал латинским церквям не только вновь открыться в византийской столице, но и служить по своему обряду. Он обещал вписать имя папы в диптихи своей церкви, если тот соблюдет старое формальное правило и пришлет в Константинополь собственное исповедание веры, как это повелось со времен древней Церкви. К сожалению, протянутые друг другу руки так и не сомкнулись: скоро новые проблемы овладели и императором, и папой. Урбан II так и не прислал просимого патриархом исповедания веры — впрочем, не лишено основания предположение, что понтифик просто не желал вновь поднимать старый спор о *Filioque*, неизбежный, как только ему пришлось бы собственноручно писать Символ веры.

В 1090 г. инициативу проявили уже византийцы. Диакон Константинопольской церкви Николай по тайной просьбе царя обратился с письмом на имя Болгарского архиепископа Феофилакта, выдающегося богослова своего времени и весьма авторитетного лица. Николай просил того описать заблуждения латинян, если таковые, конечно, имели место. И архиепископ ответил, что подавляющее большинство богослужебных отклонений латинян носит несущественный характер. Даже об употреблении опресноков Феофилакт отвечал, что хотя квасной хлеб более уместен с символической точки зрения, но здесь дело *традиции*, а не канонов. Практика поститься по субботам также не может быть признана порочной, хотя, конечно, следы ее в святоотеческой литературе нигде не видны. И все же, отмечал архиепископ, с горечью приходится признать, что византийцы сами начали проявлять не свойственные христианам узколобость и непримиримость к выдуманным ими же нарушениям латинян, не замечая, что сами зачастую ошибаются. Очевидно, для Феофилакта никакой схизмы нет вообще — дело лишь во взаимных ошибках и недоразумениях. Он настоятельно рекомендовал латинянам и грекам примириться²²⁴.

«Мы думаем, — не без иронии констатировал Феофилакт, — что для приобретения в глазах толпы славы первостепенных мудрецов в делах божественных необходимо как можно большее число людей записать в еретики; что только тогда мы докажем, что имеем глаза, когда ясный свет представим глубокой тьмой. Быть может, кто-нибудь из верных и более горячих ревнителей Православия вос-

станет и обличит меня в невежестве, в непонимании вещей божественных, пожалуй, в холодности или даже в предательской измене своей Церкви. Конечно, сам он насчитал бы латинских заблуждений много больше того, что я привел. Но я даже из числа перечисленных заблуждений одни считаю не заслуживающими внимания, другие — заслуживающими умеренного исправления, т.е. такого, что если кто его совершит, то окажет некоторую услугу Церкви, а если нет, то тоже не будет большого вреда»²²⁵.

Только *Filioque* не может быть принято Восточной церковью, заявил богослов. Правда, и по этому вопросу Феофилакт снисходительно отмечал, что латиняне могут использовать *свои редакции* в беседах и церковных поучениях, но не вправе менять Символ Веры, доставшийся Кафолической Церкви от Святых Отцов. Таким образом, как выяснилось, практически не оставалось вопросов, способных разъединить обе стороны христианского мира. Сам собой вставал вопрос о новом Вселенском Соборе, созвать который, к сожалению, не удалось. Самому папе Урбану II в ту пору серьезно угрожал конкурент — «антипапа» Климент III, а Алексей I Комнин только успевал отражать турецкие и печенежские угрозы²²⁶.

Между тем военные действия шли с переменным успехом, хотя, безусловно, военная инициатива принадлежала печенегам, — римлянам оставалось только обороняться. Однажды весной 1090 г. отряд архонтопулов попытался дать печенегам сражение при Хариополе (видимо, в надежде на то, что это поле битвы опять принесет удачу византийцам), но потерпел поражение, потеряв до 300 человек убитыми. В ответ император передал под командование полководца Татикия свою личную гвардию, которая в одной из стычек нанесла печенегам ответный удар — степняки оставили на поле боя несколько сотен своих павших товарищей. Но, как и ранее, Алексею Комнину не удавалось консолидировать все свои силы на одном направлении — турки по-прежнему угрожали римским границам, не переставая свои грабительские набеги. Это обстоятельство серьезно стесняло его в выборе стратегии.

Стремительно перемещаясь с западного фронта на восточный, Римский царь тщетно пытался выбрать самый оптимальный вариант расстановки своих сил — армия была настолько мала, что ее просто *физически* не хватало для того, чтобы закрыть все опасные направления. В этот момент настоящим подарком стали 500 рыцарей, присланных другом Комнина графом *Робертом Фландрским* (1071—1093). Год назад тот возвращался из паломничества в Иерусалим, остановился в Константинополе, был принят василесом и,

лицезрев упадок Византийской империи, обещал помощь. Наконец, она подошла.

Рыцари пришлось очень кстати, поскольку в это время пришло сообщение о том, что Иконийский султан Абуль-Касим собирается захватить Никомедию. Поэтому их тотчас отправили на Восток²²⁷. Сам император защищал от печенегов дорогу от Адрианополя до Константинополя. Около города Русия, в долине Марицы, начались основные боевые действия. Возле Чорлу печенеги окружили римскую армию, но василевсу каким-то чудом удалось опрокинуть их, и весь 1090 г. он оставался там, отбивая атаки степняков на столицу.

В это же время внезапно возникла угроза *комбинированного наступления* турок Румского султаната и печенегов, решивших напасть на византийскую столицу с востока и запада одновременно. Автором идеи и ее главным исполнителем стал полутурок-полугрузин Чаха (или Чауш), в юности проживавший в Константинополе и получивший хорошее образование и знание византийской жизни. Ранее он был офицером византийской армии, но при Никифоре III Вотаниате перебежал к туркам. Чаха втайне мечтал о венце Византийского императора и, поскольку печенеги являлись его соплеменниками по крови, сумел быстро договориться с ними о начале взаимных действий, целью которых являлось овладение Константинополем и всей Римской державой. Тонкими дипломатическими ходами он усыпил бдительность Алексея I Комнина, а тем временем построил и снарядил громадный флот, организовав стоянку в Смирне. Вскоре турки совершенно вытеснили с моря корабли Кивириотской фемы и овладели островами Лесбос, Хиос, Митиленой, а также городами Клазоменами и Фокеей. Затем Чаха во главе своего флота нанес поражение византийскому флотоводцу Никите Кастамониту и завладел его кораблями.

Осенью 1090 г. император Алексей I Комнин снарядил новый флот, придав ему наемников из числа западных христианских народов. Флотоводцем был назначен родственник царя по материнской линии Константин Далассин — человек весьма воинственный и храбрый. Высадившись у города Хиоса, Далассин попытался до прихода турок овладеть им, но это ему не удалось. Чаха с большой армией уже подходил к осажденному городу, и первые столкновения не дали перевеса ни одной из сторон. Все же, опасаясь, что на помощь Далассину должен подойти с армией Иоанн Дука, брат императрицы Ирины, Чаха инициировал мирные переговоры. Встретившись, оба полководца констатировали, что сил для генерального сражения

нет ни у одной стороны, и разошлись. Чаха отплыл в Смирну, дабы набрать дополнительные отряды, а Далассин сумел-таки взять Хиос штурмом²²⁸.

Зиму с 1090 на 1091 г. император решил провести в столице, оставив войско опытному полководцу Николаю Маврокатакалону. Однако печенеги направили сильный отряд в Хироваки, едва не погубив Римского царя с горсткой воинов, когда тот направлялся в Константинополь. Но тут Алексей I Комнин показал, что он не случайно слыл талантливым полководцем еще в юношеские годы. Умелым маневром он заставил печенегов разделить свои силы, а затем по очереди разгромил каждый из их отрядов. Царь с триумфом явился в столицу, но, к сожалению, этой *локальной победой* далеко не устранив опасности ее захвата варварами. Уже через 2 недели, весной 1091 г., печенеги стояли в предместьях Константинополя²²⁹. Пожалуй, это был самый опасный момент в истории Византии — ее существование висело на волоске.

Положение Римской империи было столь плачевным, что царь написал *открытое обращение* ко всем государям европейских христианских держав, передав его через своего друга графа Роберта Фландрского. Описав в послании все беды и ужасы, свалившиеся на Византию, Алексей I констатировал: «Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения. Итак, именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки, мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь лучше достанется вам, чем туркам и печенегам. Итак, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и — что еще важнее — Гроб Господень не были для вас потеряны. Дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на Небеси»²³⁰. Едва ли эта редакция письма является *подлинным посланием* царя — об этом мы будем говорить ниже, но, безусловно, верно передает отчаяние византийцев и их василевса.

В этот момент Комнин вновь проявил все свои лучшие качества. Он организовал военный лагерь возле города Энос, имевшего удобный морской порт и хорошее сообщение с другими территориями, и направил сюда последние остатки флота и новые отряды воинов, укомплектованные из новобранцев периферийных фем. Сам царь 16 февраля 1091 г. во главе отряда из 500 всадников отправился к Хировакхам, куда уже устремились турки и печенеги. И он успел в город ранее неприятеля, который расположился на соседнем холме. Это

в значительной степени предопределило следующий успех, которого не пришлось ждать долго.

Печенеги несколько легкомысленно разделили свои силы, и, несмотря на громадное численное превосходства врагов, Комнин решил бить их поодиночке. Рано утром его армия зашла в тыл печенегам и напала на них, одержав быструю победу. Затем император приказал своим воинам переодеться в печенежское платье и поднять захваченные вражеские флаги. Когда воины второго отряда появились на горизонте, они приняли переодетых византийцев за своих товарищей и мирно двинулись к ним навстречу. Но тут греки напали на них и нанесли печенегам тяжелый урон, захватив много пленных.

19 февраля 1091 г. император с войском вышел из города, чтобы дать печенегам новое сражение. В это время к нему подошли подкрепления под командованием Георгия Палеолога и других византийских аристократов, ранее обещавших императору помощь. Опасаясь нового поражения, печенеги уклонились от сражения, и в Константинополе началось ликование по поводу удивительного спасения города и самой Римской империи²³¹.

Но, конечно, до спокойствия было еще далеко. Вскоре выяснилось, что к Эносу направилась новая орда печенегов. Немедленно император приказал кесарю Никифору Мелиссине пополнить свою армию добровольцами и наемниками из славян и двинуться на защиту города. В направлении Эноса выдвинулась и половецкая орда под главенством ханов *Боняка* (? — 1167) и *Тугоркана* (1028—1096). Настроения среди степняков были таковы, что они с легкостью могли объединиться и с печенегами, и с такой же легкостью напасть на своих старых врагов — все зависело от конкретной ситуации. По всему выходило, что в сражении у Эноса должна была решиться судьба Византийской империи.

Император не стал полагаться на случай, а направил послов к половецким ханам с предложением посетить римский лагерь. Они прибыли и получили богатые дары взамен мира, но Комнин уже знал о параллельных переговорах половцев с печенегами. Благодаря хитрой игре, царю удалось расстроить эти планы, и половцы объявили, что завтра дадут печенегам сражение, договорившись с византийцами о разделе добычи.

Вечером накануне сражения весь византийский лагерь погрузился в глубокую и трепетную молитву Богу. «Алексей не возлагал надежд ни на воинов, ни на коней, ни на свои военные хитрости, но всецело полагался на Высший Суд. Солнце опускалось за горизонт,

а воздух, казалось, озаряли не только лучи солнца, но и яркий свет других многочисленных звезд. Каждый воин укрепил на своем копье и зажег как можно большее число светильников и свечей. Голоса воинов достигали небесных сфер и даже, можно с уверенностью полагать, возносились к самому Господу Богу».

Примечательно, что в сам день битвы, 29 апреля 1091 г., от печенежской орды отделился 5-тысячный отряд русских воинов под командованием Теребовольского князя *Василька Ростиславовича* (1085—1124) и перешел на сторону Византийского царя. По-видимому, это и решило исход сражения: в ходе упорнейшей битвы, где сам император бился в первых рядах, победа досталась римлянам и половцам. Следствием этой победы было полное физическое уничтожение *всей печенежской орды*. Пленных оказалось так много, что на одного римского воина приходилось по 30 пленных печенегов.

Опасаясь, что ночью, когда усталые византийцы заснут, печенеги сумеют освободиться, военачальник Синесий приказал их *всех умертвить* (!). Утром император узнал об этом событии и едва не приказал казнить своевольца — только горячее заступничество остальных полководцев спасло Синесия. Но сама эта акция настолько поразила даже издававших виды варваров, что наутро испуганные половцы снялись с лагеря, полного трупов, и поспешили в родные степи, опасаясь, что византийцы как-нибудь сумеют перебить и их. Комнину пришлось даже высылать за ними погоню, чтобы передать ханам дары и половину добычи — как он обещал им накануне сражения²³². И справедливо — наряду с самим Комнином и русской дружиной половецкие ханы Боняк и Тугоркан должны быть названы *спасителями Византии*.

В начале мая 1091 г. император триумфально вошел в Константинополь, половцы вернулись в степи, а остатки печенежской орды перешли в подданство Римского царя и поселились в Могленской области. Теперь настал черед Чаха. Упустив момент для консолидации с печенегами, он был обречен. Василевс собрал все силы против турок и даже ухитрился поссорить Чаха с его тестем, Румским султаном, от руки которого несостоявшийся «турецкий император» вскоре и погиб²³³. Так, эффективно используя самые незначительные возможности, проявляя одновременно чудеса дипломатии и храбрости, Алексей Комнин без помощи Запада (или *почти* без него, если считать рыцарей Фландрии) разгромил самых грозных противников.

Но едва покончили с внешними врагами, как проснулись внутренние. Уже через несколько дней после триумфального возвра-

щения Алексея I Комнина в Константинополь открылся заговор с целью убийства царя, составленный армянином Ариевом и кельтом Умбертопулом — знатными военачальниками. Заговорщиков, к числу которых принадлежали и многие другие видные сановники, судили, отправили в ссылку, их имущество конфисковали, но никого не предали казни.

Затем — новая беда: летом 1091 г. от архиепископа Болгарии император узнал, что сын его брата Исаака *Иоанн Комнин*, назначенный дукой Диррахия, задумал присвоить себе царскую власть: видимо, юноша был честолюбив, но не очень умен и совсем не благодарен. Взволнованный, царь подготовил два письма — одно племяннику, в котором просил того прибыть в столицу с докладом о состоянии дел, второе — жителям Диррахия, в котором василевс пояснил, будто в военных целях пригласил Иоанна к себе, а им поставляет нового правителя. Иоанн прибыл в Константинополь и был доставлен в палатку царя, куда поспешил и Исаак Комнин, узнавший об обвинениях, предъявляемых его сыну. Ему удалось уговорить царственного брата не назначать судебного расследования, и император из милости вернул Иоанна Комнина обратно в Диррахий²³⁴.

Глава 3. Византия возрождается. «Тринадцатый апостол»

В военных трудах, волнениях, победах и заговорах прошел роковой 1091 г. Не смущаясь тем, что его меры могут быть признаны непопулярными, Алексей I Комнин деятельно восстанавливал централизацию в Византийском государстве — практически повторял то же, что и представители славной Македонской династии в сходных ситуациях, хотя и действовал более умеренными способами. Его шаги были без особого энтузиазма встречены в аристократических кругах, где, как мы видим, созрела целая вереница заговоров против царя, не прекращавшихся вплоть до смерти Комнина. Народ хотя и был утомлен налогами, но оценил стабильность и надежность власти. Заботы царя о восстановлении правосудия и его горячая деятельность по укреплению Византии не остались незамеченными, и Комнин стал самой популярной в обществе фигурой²³⁵.

Начало 1092 г. Алексей I Комнин встретил по обыкновению подготовкой к новым походам. Константин Далассин *добывал* Чаху, а сам император боролся с узурпаторами — дукой острова Крит Ка-

риком и Рапсоматом — правителем Кипра, решившими отложиться от Римской империи. Василевс направил на подавление мятежа Иоанна Дуку, который без особого труда разгромил мятежников и привел острова в повиновение императору²³⁶.

Но вслед за этим в 1093 г. пришли известия о грабительских нападениях на западные земли жупана Рашки — сербского государства, располагавшегося на юго-западе нынешней Сербии *Вукана*, тайно поддержанного правительством короля Дуклии — другого сербского государства *Константина Бодина* (1081—1101), правнука Болгарского царя Самуила, с которым активно боролся император Василий Болгаробоец. Алексей I тут же собрал большое войско и направил его против сербов. Заняв город Скопье, он принял сербское посольство с предложением мира. Но жупан вовсе не собирался выполнять предложенные им же самим условия мирного договора и в 1094 г. повторил набег на западные границы Римской империи. Предоставляя шанс своему мятежному племяннику восстановить доброе имя, василевс поставил Иоанна Комнина во главе нового войска и направил его против сербов. Но юноша был слишком горяч, неопытен и вспыльчив, чтобы выполнить столь ответственную миссию.

Проигнорировав сообщения одного монаха о готовящемся нападении на него врагов, Иоанн беспечно разбил лагерь в неудобном месте, и ночью сербы без большого труда *вырезали* почти половину римской армии, внезапно напав на нее. Несолоно хлебавши Иоанн возвратился в Константинополь. Тогда император сам взялся за дело: он собрал новую армию и повел ее в поход, сделав «дневку» в городе Дафнутия, располагавшемся в 40 км от Константинополя. Сербь, наслышанные о мужестве и полководческом таланте Алексея I Комнина, поспешили заключить новый мирный договор. Василевс потребовал, чтобы жупан лично прибыл в его лагерь с повинной, и Вукан не смел противиться. В подтверждение своих слов о мире жупан отдал в качестве заложников двух своих племянников — Уроша и Стефана Вукана²³⁷.

Казалось бы, все складывалось хорошо, но здесь Византийского царя ожидало новое испытание. Очередной претендент на царский титул — на этот раз сын покойного императора Романа IV *Никифор Диоген* — решил испытать свою судьбу. Поставив свою палатку рядом с шатром василевса, он ночью спрятал меч под одежду и вошел в царскую опочивальню, где служанка веером отгоняла комаров от лиц спящих императора и императрицы. Казалось бы, это был счастливый случай, но внезапно судорога сковала члены Никифора, и он поспешно покинул шатер, решив на следующую ночь

привести свой замысел в исполнение. Наутро Константин Порфирородный Дука, которого царь взял в первый раз на войну, чтобы приобщить к воинскому искусству, пригласил Комнина в баню. Узнав об этом, Диоген решил сделать засаду на дороге, но попался на глаза верному Татикию, который без труда разоблачил его.

Никифор Диоген бросился бежать, надеясь найти спасение в имении Марии Аланской, но по дороге 17 февраля 1094 г. был задержан братом царя. На следствии Диоген дал показания против многих знатных сановников и самой Марии Аланской, которая знала о готовящемся заговоре против Алексея I. Император был потрясен — открылось, что множество самых близких царю людей, включая бывшую возлюбленную Марию Аланскую, готовили ему погибель. Но *внешне* он не подал виду, что ему все известно, и предал наказанию только Никифора Диогена и его ближайшего помощника, некогда блистательного полководца Кекавкамена Катакалона. Они были ослеплены и отправлены в ссылку.

Затем последовала интересная сцена, в равной степени демонстрирующая и снисходительность царя, и его ум. На следующий день император созвал всех вельмож, имена которых значились в показаниях Никифора Диогена, и кратко поведал им о планах узурпатора. Вокруг раздались грозные крики в адрес Диогена и славословия Алексею I Комнину, которого все сановники желали иметь своим василевсом. Царь остановил их: «Не надо шуметь и запутывать дело, ведь, как уже сказано, я даровал всем прощение и буду к вам относиться как прежде». Тем самым он показал, что ему известно о заговоре гораздо больше, чем он озвучил при встрече с аристократами. Потрясенные сановники разошлись по домам, славя милость и доброту Алексея I Комнина²³⁸.

Осенью 1094 г. вновь зашевелились степняки — на этот раз половцы, одна из орд которых пригрела у себя *самозванца*, называвшегося сыном императора Романа IV Диогена. Половцы легко признали его «императором» и решили «защитить» права самозванца, выступив в поход на Константинополь. В ответ *настоящий* Римский царь собрал войско и решил лично возглавить его. Многие близкие сановники горячо отговаривали императора, уже давно вышедшего из поры молодости и много раз раненного на полях сражений. Но Алексей, который, по словам дочери, в это время «не доверял даже самому себе, не хотел руководствоваться соображениями своих близких; он возложил все решения на Бога и просил Его решения». Все решил жребий, который бросил патриарх *Николай Грамматик* (1084—1111). Две записки легли на алтарь, и одна, на которой было

начертано решение идти в поход, оказалась в руках архиерея. Для царя этого было достаточно, чтобы укрепиться в мысли и идти в поход.

Выступив против половцев, Комнин разделил армию на несколько самостоятельных отрядов, командование которыми доверил самым известным и талантливым полководцам — Георгию Палеологу, Никифору Мелиссину, Иоанну Тарониту, Георгию Ефворвину, Константину Умбертопулу. Сам он занял Айтосский перевал, где и получил известие о переправе половцев, рвавшихся к Адрианополю через Дунай. Началась тяжелая война, где успех долго не давался в руки византийцев. Наконец в одном из сражений осенью 1094 г. император нанес половцам сильное поражение — их погибло не менее 7 тыс. человек и еще 3 тыс. попали в плен. Сам самозванец был схвачен в плен, отвезен в Константинополь и там ослеплен²³⁹.

Но основная борьба была все еще впереди, и только летом 1095 г. императору удалось окончательно отбросить половцев обратно. Затем, получив известия о турецких набегах на Востоке, царь вернулся в Никомедию, где предпринял успешные меры по укреплению границы. Может показаться просто невероятным, но всего за несколько лет император, не имевший ни армии, ни денег, сумел разгромить всех основных врагов и замирился с малозначительными противниками. Печенеги были истреблены почти поголовно, восточные турки, если решались напасть на Римскую империю, тут же оказывались в аналогичной ситуации, норманны *даром* отдали все свои владения на Балканах, половцы просили мира. Границы Византии значительно расширились, армия восстановила свое доброе старое имя и славу. За годы войны выросли и возмужали многие замечательные полководцы, государственная казна пополнилась, мятежники заканчивали свой жизненный путь в ссылке.

Удивительно подвижный и деятельный, царь никогда не тратил время попусту. Едва выдавалась свободная минута между походами, он со всей своей неукротимой энергией обращался к вопросам обеспечения законности, принимая к своему производству жалобы, особенно вдов и сирот. Но большую часть свободного времени он посвящал изучению Священного Писания — дочь писала впоследствии о нем, что «и досуг для Алексея тоже был трудом». Царь редко позволял себе такие развлечения, как охота и излюбленная византийцами игра в мяч — он предпочитал гимнастику, верховую езду и воинские тренировки. Даже в старости, когда болезнь ног, подагра, серьезно мучила его и он немного оставил в стороне былые увлечения, василевс все еще ездил верхом на лошадях²⁴⁰.

Не только воинские дела занимали императора. Следует сказать, что, помимо прочего, Алексей I Комнин действовал как настоящий глава церковного управления. Крайне щепетильный в вопросах царской власти, василевс издал в 1088 г. новеллу, в которой обещал возвратить Церкви после победы над врагами все имущество. Когда это обещание было выполнено, император издал новеллу «О неупотреблении священных сосудов на общественные потребности»²⁴¹.

Казалось, император никогда не отдыхал, и, навещая столицу в перерывах между боями, предпринимал решительные меры по укреплению церковного благочестия. Еще весной 1082 г. императору поступил донос на *Иоанна Итала* — известного и популярного византийского философа, ученика Михаила Пселла. Ученого обвинили в распространении еретических мыслей, а также идей, уже осужденных Вселенскими Соборами, — иконоборчество, отказ от признания Пресвятой Марии Богородицей и т.п. На удивление, патриарх Евстратий Гарида, вместо того чтобы осудить Итала за ересь, стал главным распространителем его учения (!). В ответ само духовенство восстало против столичного архиерея и вместе с народом направилось к его резиденции, угрожая выбросить Евстратия в окно, если тот не уgomонится²⁴².

Император не имел права игнорировать такую ситуацию — он должен был соответствовать образу православного царя, и потому приказал провести дознание и суд. По его распоряжению из сановников и клириков был составлен суд, и Италу предъявили 11 обвинений. Тот вначале согласился признать свои ошибки, но затем отрекся от прежних покаяний. Тогда философа на Соборе 1084 г. признали виновным по всем пунктам, постригли в монахи и сослали в отдаленную обитель²⁴³. А попутно низвергли и Евстратия, место которого на патриаршем престоле «Нового Рима» занял Николай III Грамматики.

В 1094 г. императору вновь пришлось принять деятельное участие в борьбе с двумя другими ересями. Ересиархом первой из них был некто Нил, ложно учивший о природе Спасителя. Комнин неоднократно приглашал к себе этого человека, пытаясь отговорить его, но тот был упрям и ни при каких условиях не соглашался признать Халкидонский орос. Сам Нил был отшельником из Египта, и его образование представлялось весьма сомнительным. Однако ересиарх обладал личной смелостью и умением упрямо стоять на своем, ничего не опасаясь — своего рода вариант *религиозного фанатизма*, бездуховного и бездушного. Занятый в своей келье чтением Священного Писания, в котором мало что понимал, игнорируя Свя-

тоотеческое Предание, Нил считал себя новым мессией, избранным Богом просвещать других.

Выполняя свое «предназначение», он оставил Египет и перебрался в Константинополь, где вскоре прослыл человеком благочестивым. Его строгая и суровая речь привлекала к себе многих византийцев, и женщины зачастую спорили между собою, желая пригласить к себе «пророка», который был способен посвятить своих слушателей в «тайны» Православия. «Темнота его речи казалась глубиной, грубый язык — Евангельской простотой. Цитирование из апокрифов для многих из его слушателей казалось верхом учености»²⁴⁴.

Видя, что ересь собирает широкую аудиторию, василевс срочно созвал синод во главе с патриархом Николаем III Грамматиком, где ересиарх и его учение были анафематствованы. В этом же году пришлось созывать Собор и по вопросу другой ереси, которую распространял по столице некий иерей Влахернит, выходец из секты «энтузиастов» — религиозной группы, полагавшей, что свои тайны, заключенные в Священном Писании, Господь открывает избранным людям в моменты их экстаза. И на этот раз инициатива рассмотрения этого вопроса принадлежала царю. Влахернита осудили и анафематствовали вместе с его учением²⁴⁵.

В 1115 г. царь начал системно бороться с павликианами и богомилами на богословском поприще, понимая, что он, как Римский император, является «по должности» хранителем чистоты православного вероучения и первым защитником Кафолической Церкви. При помощи своего зятя, кесаря Никифора Вриенния, епископа Филиппопольского и митрополита Никейского, он организовал серию диспутов у себя во дворце. Еретикам было позволено открыто высказаться и дебатировать с самим царем. Император, забыв о пище и отдыхе, целыми днями дискутировал с ними. Деятельность царя по отношению к павликианам оказалась очень эффективной. Эта грозная ересь почти полностью исчезла, поскольку ее «богословы» были переубеждены василевсом, а сами павликиане получили большие дары, должности на государственной службе и землю. Многих павликиан император поселил в специально построенном городе Алексииополе, близ Филиппополя, выделил им пахотные земли и виноградники. Только трое павликиан продолжали упорствовать. Тогда Комнин приказал поселить их возле своего дворца и в свободное время продолжал убеждать еретиков. Наконец один из них смирился и отрекся от старых взглядов, но двое так и сохранили свою веру, за что были заточены в тюрьму, где позднее скончались²⁴⁶.

Знание православного вероучения, Священного Писания, отточенный богословский язык и эрудиция императора, его постоянная готовность вступить за Православие в диспуте с еретиками — все это привело к тому, что Алексея I Комнина современники называли *«тринадцатым апостолом»*²⁴⁷.

Впрочем, борьба с другой ересью, богомилством, была не столь успешной. Первоначально василевс обеспечил богословскую линию нападения, поручив знаменитому монаху Евфимию Зигавину написать сочинение, в котором подробно излагались все известные ереси. Вскоре это произведение под названием *«Догматическая Паноплия (»Всеоружие«)*» вышло в свет и активно использовалось в борьбе с богомилами²⁴⁸.

Алексей I узнал, кто является главой этой ереси — оказалось, что некий монах Василий. Император тайно пригласил его к себе во дворец, оказал почести и завел разговор. Василий не знал, что за гардиной находится скорописец, стенографирующий все речи монаха. Каково же было его изумление, когда император отдернул гардину, а за ней перед главой богомилов предстал Константинопольский патриарх Николай и члены синклита. За отказ от своего учения Василий был брошен в тюрьму, арестовали и множество других богомилов. На следующий день император вместе с синклитом рассмотрел их дело. Сложность проведения следствия заключалась в том, что, за исключением отдельных вождей, остальные богомилы отрицали свою принадлежность к ереси.

Тогда царь пошел на хитрую уловку, чтобы узнать, кто из подсудимых в действительности является богомилом, а кого обвинили ложно. Каждого из обвиняемых царь предупредил: *все они преданы смерти за ересь, но раскаявшиеся примут смерть как правоверные христиане, а упорствующие — как богомилы*. И когда разожгли на площади костры, почти все обвиняемые столпились возле «своего», предназначенного для еретиков. Так василевс узнал, кто на самом деле христианин, а кто — богомил. Ложно обвиненных христиан, естественно, отпустили по домам, а богомилов отправили в тюрьму²⁴⁹.

Как человек, искренне и глубоко верующий в Бога, Комнин был настоящим филантропом и много жертвовал на благотворительные цели. Имея в качестве примера для подражания свою мать, он просто не мог быть иным, а согласно сохранившимся свидетельствам современников, Анна Далассина имела завидную привычку большую часть ночи проводить в молитве и пении псалмов²⁵⁰.

По приказу царя был значительно расширен дом призрения бедных, располагавшийся в столице. Следует отметить, что сироты

вообще составляли предмет особой заботы василевса, для которых он открывал школы и дома, где одновременно проживало до 10 тыс. детей (!). Император лично написал устав (*типикон*) такой богадельни, который, по словам исследователей, составляет пример «самого трогательного, что история сохранила на счет гуманитарных понятий в византийском обществе». Обслуживало заведение несколько тысяч педагогов, врачей и слуг — и все за государственный счет.

При поддержке императора святой Христодул основал в 1088 г. образцовый монастырь в Патмосе²⁵¹. Святая гора Афон, известная уже несколько столетий как центр Православия, получила при Алексее I Комнине новые льготы. Император освободил все Афонские монастыри от каких-либо налогов и сборов, установив своей новеллой, что «гражданские чиновники не должны иметь со Святой Горой никаких сношений». Игумен, возглавлявший специальный орган управления Афоном — совет старейшин, рукополагался самим василевсом, вследствие чего Гора оказалась под покровительством и непосредственной защитой Византийского царя²⁵².

Перу императора принадлежит множество новелл по вопросам догматики и каноники. В 1086 г. Алексей I издал новеллу, в которой определил размер вознаграждения, получаемого епископами со своей паствы. В 1107 г. им была издана новелла, регулирующая вопросы *избрания епископов* и прочих клириков. Констатируя, что «христианская Церковь доведена до опасного положения, поскольку иерархический чин ежедневно приходит все к худшему и худшему состоянию», император назвал себя высшим блюстителем церковных порядков.

И такой порядок вещей в очередной раз стал *спасительным* для Византийской империи и самой Восточной церкви. Уровень образования и высота духа многих клириков находились на крайне низком уровне, благочестие было забыто, а вследствие смешения понятий о том, чем должна являться Церковь и ее предстоятель, были забыты священные каноны. Об этом свидетельствует письмо патриарха Николая III Грамматика императору: «Есть Апостольское правило (33-е), которое гласит: “Ежели который епископ или пресвитер, или диакон не постятся во Св. Четырдесятницу или в среду и пяток, да будет низложен, а мирянин отлучится”. А теперь найдешь ли ты постящихся иереев? Все извиняются немощью — даже сами законники и церковные проповедники. Кто теперь постится? Разве где какой затворник или пустынный, да и то редко. Как же налагать прещения на легкомысленный и необразованный народ просто и когда случится, и притом, когда *никто не соблюдает их*? Я не налагаю продолжи-

тельных епитимий или прещений, потому что никто не соблюдает их. Я давно знал, что давно ничего не соблюдает человеческое естество. *Безумно налагать епитимии на этих людей!*»²⁵³

В условиях, когда архиереи не решались применить данную им Богом силу, все решала императорская власть, как стержень, удержавший византийское общество от духовной апостасии. Казалось, что св. Юстиниан Великий вернулся на царский престол вечной Римской империи. Царь подробно изложил все претензии в адрес архиереев и прочих клириков, а затем определил условия улучшения их положения — как финансового, так и нравственного. Комнин законодательно защитил патриаршего хартофилакса, о котором некоторые провинциальные епископы думали, будто ему не по чину сидеть рядом с ними на заседаниях синода. От взора императора не укрылась и ситуация с Константинопольским патриархом, права которого он решил закрепить в своих эдиктах²⁵⁴.

Особого внимания заслуживает новелла Алексея Комнина, изданная им, по разным свидетельствам, в 1082, 1097, но скорее всего в 1112 г. и определявшая *права патриарха* по отношению к монастырям. В соответствии с этим законом патриарх обязывался неукоснительно наблюдать и исправлять душевные заблуждения и падения во всех монастырях Византии, кому бы они ни принадлежали. Для этих целей Константинопольскому патриарху дозволялось беспрепятственно входить во все монастыри или направлять туда своих представителей, осуществляющих контроль над монашеской жизнью²⁵⁵. Естественно, что данный правовой акт, целиком и полностью посвященный правоспособности патриарха, являлся для того обязательным, равно как и для другой стороны отношений, т.е. монашествующих.

Забыв о церковной политике времен Михаила VII Параспинака и Никифора III Вотаниата, император возобновил старую традицию, смело вторгаясь в вопросы соблюдения дисциплины архиереями. В новелле 1086 г. содержалось указание царя провинциальным епископам, «засидевшимся» в Константинополе (обычная практика на протяжении многих столетий для Византии), выехать в свои епархии для прямого исполнения пастырского долга²⁵⁶.

Императору Алексею I Комнину принадлежат также новеллы о порядке судопроизводства между клириком и мирянином (I новелла), о правилах брака и обручения, ценза, условий зачисления в духовное звание (IX новелла), надзора за материальным и нематериальным положением духовенства и исполнения церковнослужителями своих обязанностей (II и XX новеллы). Между прочим,

в XII новелле содержатся следующие строки: «Мое императорское могущество, пользуясь правом, разрешаемым святыми канонами, изволило постановить, что ни один епископ отныне не будет возводим в высший сан архиепископа или митрополита иначе, как *по собственному всякий раз побуждению императора*, когда последний, помимо всяких суетных человеческих соображений, пожалуй такое достоинство какой-либо церкви или ввиду особых заслуг самого округа ее в отношении преданности православной вере, или ввиду исключительных добродетелей высшего духовного лица»²⁵⁷.

Иными словами, Алексей I Комнин *восстановил* старое право императора назначать епископов, архиепископов, митрополитов и самого Константинопольского патриарха.

Надо отметить, что при этом царь действовал очень мягко и осторожно, что, впрочем, никак не сказывалось на окончательном результате его властного вмешательства в дела Церкви. На созванном для обличения митрополита Льва Халкидонского Константинопольском Поместном Соборе 1085 г. Алексей Комнин вел себя совершенно как высший орган церковного и государственного управления. *Внешне* Собор принял свое решение самостоятельно, но оно было таким, каким его хотел видеть император. «Это был прием и расчет тонкой политики, скрывавшей непреклонную волю за призрачной внешностью уступчивости. Конечно, за деяниями Собора скрывалась нежно прикасавшаяся, но крепко зажимавшая рука императора»²⁵⁸. В целом же вся область церковного управления находилась исключительно в руках Комнина.

Наведя порядок в Церкви, разгромив врагов, Римский царь с осознанием выполненного долга хотел предаться отдыху. Но в Константинополе его застали сведения о громадных толпах западных христиан, рвущихся к Иерусалиму отвоевывать Гроб Господень. Начался *1-й Крестовый поход*...

Глава 4. 1-й Крестовый поход

Послание Алексея I Роберту Фландрскому, которое обыкновенно выставляют побудительной причиной организации 1-го Крестового похода, до сих пор вызывает долгие споры. Все согласны с тем, что такое письмо действительно существовало. Но многие полагают (и далеко не безосновательно), что его редакция существенно изменилась без ведома Византийского царя²⁵⁹.

Конечно, император ждал помощи от христианского Запада, нисколько не сомневаясь, что Кафолическая Церковь все еще *едина*,

а очередной раскол, случившийся при патриархе Михаиле Керулларии, носит локальный характер. И потому предлагал государям Европы вступить за православную державу, мать христианской цивилизации. Едва ли могут быть сомнения в том, что для самого императора призыв к западным христианам прийти на помощь означал лишь в крайнем случае *платную услугу*, своего рода широкомасштабную покупку наемников-профессионалов. Конечно, никакой идеологической подоплеку в призыве о помощи Алексея Комнина к Западу не было.

Надо сказать, послание Римского царя Роберту Фландрскому вызвало большое оживление на Западе, причем не только в самой верхушке европейского общества, но и в народных массах. Тем более что Роберт, имевший большую известность и незапятнанную репутацию, вел активную агитацию среди самых широких слоев населения. Смерть графа, последовавшая в октябре 1092 г., несколько замедлила организацию военной помощи Константинополю. Тем не менее среди многих знатнейших особ Западной Европы эта идея приняла уже практические очертания, что вылилось в создании обширнейшего движения, цель которого пока еще носила неопределенный характер. Кто-то в действительности желал помочь византийцам, другие мечтали об Иерусалиме, третьи — о новых владениях в Сирии и Палестине. Состояние религиозного сознания людей того времени было настолько глубоким, что сам факт нахождения Иерусалима и Гроба Господня в руках мусульман заставлял сжиматься от гнева сердца и рядовых христиан, и аристократов. Хотя, безусловно, помимо этого разговоры о возможности получить на Востоке новые владения волновали умы рыцарства в не меньшей как минимум степени. Правда, никто еще не рассматривал данное предприятие как Крестовый поход — эта мысль никому еще просто не приходила в голову. И до 1095 г. никто не пытался поднять эту эклектику на качественно иной уровень, придав ей значение *общехристианского предприятия*.

Христианский мир от далеких Пиренеев до Днепровских порогов уже давно оказался вовлеченным в борьбу с исламом и без чьих-либо указаний — к этому вынуждала сама мусульманская экспансия. Норманны и германцы отбивали занятые арабами и турками южно-итальянские территории, а на северо-востоке Русь отчаянно сражалась с ордами печенегов, защищая волей-неволей не только свою целостность, но и Западную Европу от этих соотечественников сельджуков. Римские епископы пытались время от времени брать на себя функции общего руководства этой борьбой, поскольку не-

редко и сами становились жертвами мусульманских набегов. Но обычно оставались на *практической почве*, не допуская авантюры. Например, когда папа Урбан II узнал о том, что испанские рыцари активно обсуждают вопрос о походе на Иерусалим, он обратился к ним в 1089 г., т.е. всего за 6 лет до начала крестового движения, с резким посланием. В нем понтифик настоятельно просил грандов и прочих рыцарей оставаться в собственной стране и направить всю энергию на восстановление христианских церквей в Испании, не затевая сомнительных мероприятий на Востоке.

Но в условиях повсеместной борьбы с исламом естественное желание объединить все возможные силы против иноверцев подспудно давно зрело в сознании западного христианства. Уже папа *Сильвестр II* (999—1003) активно призывал христиан соединиться против мусульман, а понтифик *Сергий IV* (1009—1112) прямо выдвинул идею вооруженной экспедиции против турок, осквернивших Иерусалим и разрушивших храм Гроба Господня. Правда, в те годы это касалось лишь турок, которые нападали на *панские владения в Италии*, и имело своей целью вдохновить на борьбу с ними итальянских и норманнских правителей, а не организацию похода в Палестину. Но само по себе обращение к религиозной составляющей этого противостояния запало в души современников.

Несколько дальше, как отмечалось выше, глядел папа Григорий VII Гильдебранд, призывавший западных государей выдвинуться на помощь гибнущей Византийской империи. Иными словами, предлагал от обороны перейти к активным действиям, переведя войну с Запада на Восток. Разумеется, цель его исканий заключалась в подчинении Восточной церкви Апостольскому престолу. Понтифик не был отнюдь мечтательным романтиком и прекрасно знал состояние умов рыцарства. Еще в 1074 г. он писал императору Генриху IV, что 50 тыс. христианских воинов *уже* изъявили свое желание двинуться на Восток и отвоевать Иерусалим. Но война из-за инвеституры помешала понтифику довести до конца свои начинания²⁶⁰.

Разумеется, выход за пределы западного мира требовал своего *идейного обоснования*. Одно дело — отбиваться от арабов, а потом и турок, другое — отправиться в поход на территории, ранее принадлежавшие Византии, а теперь включенные в состав земель мира ислама. Кроме того, требовалось понять, насколько *такая* война и участие в ней влияют на спасение души ее участников — человек того века думал в первую очередь об этом. Как следствие, с 1084 г. началась активная переписка Римских епископов с Византийским императором. Алексей I Комнин, крайне заинтересованный в том,

чтобы как минимум не допустить норманнской экспансии на берегах Босфора, поддержал переписку, понимая, что в создавшихся конкретных условиях только папа имеет кое-какие шансы удержать «в рамках» Роберта Гвискара и его воинственных сыновей.

И именно Гильдебранду принадлежит авторство той революционной идеи, что духовная брань с грехом, которую *молитвенно* ведут монахи, должна распространяться и на мирян, но в иной форме. Ведь, полагал он, не имея возможности иначе помогать Церкви, как оказывая ей материальную помощь, миряне, к которым относятся и рыцари, должны стать в войне с иноверцами «воинами Христа». Это означало, что участие в *священной войне*, санкционированной папой, автоматически имело такую же силу в деле очищения души, как и другие формы искупления. Его же перу принадлежат строки о «*священном насилии*» — допустимом образе действий, направленном на защиту христианства. И хотя эти мысли вызвали повсеместно категоричные возражения, идеи запомнились²⁶¹.

В таких условиях послание Комнина не могло не вызвать последствий. К чести папы Урбана II, он поспешил взять идею общехристианского похода на Восток под свой омофор, дабы не упускать инициативы и *духовно возглавить* этот поход, масштаб которого и последствия предугадать, конечно, не мог. Зато по достоинству оценил выгоды, которые несет Апостольскому престолу данное предприятие. Победа в борьбе за инвеституру, начатая при Григории VII Гильдебранде, досталась папству дорого. Престиж Рима был в немалой степени подорван полным забвением папами всех нравственных принципов при достижении результата, и государей Запада нередко поведение понтификов просто шокировало. А грубость нравов и невежество латинского клира уже давно вошли в пословицы.

Апостолик крайне нуждался в идее, которая бы позволила вернуть былой авторитет Рима и обеспечить мир в Европе — хотя бы за счет определения нового *объекта всеобщей ненависти*, на который следовало перенаправить всю воинскую мощь Запады. Папа Урбан II прекрасно понимал, как ненадежен «Божий мир», и искал идею, позволяющую обеспечить «*Вечный мир*» в Западной Европе. Наконец такая идея нашлась — Крестовый поход. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что папа, приходившийся другом Алексею Комнину, помимо всего прочего, *искренне* желал помочь восточным христианам. Кроме того, его очень тревожили сообщения о том, что в Иерусалиме начались гонения на христиан²⁶².

И все же это была очень «*Римская идея*», чтобы она могла возникнуть на Востоке или даже в голове кого-то из западных госуда-

рей. Разрознённым мотивам понтифик придал качественно иное значение. Он правильно рассчитал, что *впервые* все европейские державы, включая Византию, могут быть собраны и направлены для осуществления духовной миссии — освобождения Гроба Господня *по инициативе Римского епископа*. Это ли не наглядное подтверждение его главенства в Кафолической Церкви и в Римской империи?! В случае удачи восстановленная в прежних размерах Священная Римская империя не могла не достаться понтифику, как своему главе. Византийский царь, обязанный ему спасением от мусульман, был бы первым союзником папы. А Западный император, до сих пор являвшийся *кошмаром Рима*, не посмел бы более притязать на первенство, видя понтифика в окружении знатнейших и могущественных королей Запада и василевса Восточной империи. Разве можно было отказаться от столь заманчивых перспектив?

Конечно, оставалось много вопросов, на которые папа не имел заранее готового ответа, равно как не мог предвидеть и всех последствий крестоносного движения. Но понтифик нисколько не сомневался в конечной победе, поскольку отметил для себя главную деталь: объявляя Крестовый поход, Римский папа выступает не на стороне какой-либо отдельной державы, но *во главе всего христианского мира* в целях спасения Кафолической Церкви. Только он один мог реально объединить самые разнообразные народы, которых никогда не связывала общая цель. И хотя впоследствии апостолик благоразумно отклонил просьбу *непосредственно* возглавить Крестовый поход, никто не сомневался в том, что он — глава этого предприятия. Как правильно отмечают, «мир управляется идеей, а идея исходила от папы. Поскольку инициатива Крестовых походов принадлежала Церкви, люди не могли сомневаться в том, что именно Церковь объединяет народы»²⁶³.

Понтифик не ошибся в своих прогнозах на будущее: Крестовые походы многократно усилили власть Апостольского престола, поставив папу во главе западного христианского мира. От него всякий раз исходил призыв к войне с «неверными», он собирал налоги на покрытие военных издержек и освобождал вассалов от ленных обязанностей или оброчных выплат. Преступники получали прощение, когда записывались в ряды крестового воинства. Имения крестоносцев получали защиту Римского престола и считались *неприкосновенными*, а самих крестоносцев неизменно сопровождали папские легаты, нередко имевшие последнее слово в спорах между вождями Крестового похода. Как справедливо отметил один историк, «никогда средства государств не находились в такой степени

в распоряжении Церкви и цели государств не подчинялись в такой мере целям церковным. Вследствие Крестовых походов папа сделался высшим законодателем, судьей и полководцем западноевропейского мира. Идеал *“государства Божьего”*, обнимающего собой все христианство, получил для себя в этом периоде осязательный образ во всемирном управлении Церкви»²⁶⁴.

Следует помнить также, что Крестовые походы стали тем *детонатором*, при помощи которого был взорван мир (хотя бы и относительный) между исламской и христианской цивилизациями. Особенно больно это ударило по Византии, поскольку именно она граничила с мусульманскими государствами и именно на нее пал первый удар их ненависти. Вынужденное соседство с арабами, а затем турками не означало непереносимой войны на уничтожение. Да, посещение страны неверных для мусульманина всегда являлось предосудительным поступком, но не торговля с ними. А вслед за ней начинался обязательный культурный обмен между двумя центрами мироздания. Конечно, для мусульман сам факт принадлежности к исламу означал избранность человека Аллахом. Но и византийцы считали единственно свою Империю Божьим творением. И, полагая друг друга варварами, мусульмане и восточные христиане обменивались товарами, книгами, идеями.

Халиф, султаны, эмиры и василевс часто состояли в переписке друг с другом, и нередко тон их писем был весьма дружеским. Иногда даже они предлагали контрагенту оставить свою веру и перейти в «правильную». Устраивали богословские диспуты и обменивались учеными мужами. Да и на уровне дворцовых церемоний мусульмане имели очевидное преимущество: именно они занимали самое высокое место после императора, а уже ниже их располагались западные посольства. Пленники, жившие у своих победителей, способствовали тому, чтобы обе стороны лучше узнавали друг о друге. Наконец, многочисленные паломничества в Палестину со стороны византийцев предполагали знание ими другой стороны и ее обычаев. И, соперничая друг с другом, мусульмане и византийцы признавали, что их соперники все же принадлежат к вере, исповедующей *единобожие*, и уже тем выгодно отличаются от индийцев или персов, а также западных христиан, к которым мусульмане относились скептически²⁶⁵.

Но вернемся к нашему повествованию. Уже в марте 1095 г. на Соборе в Пьяченце, где присутствовал папа Урбан II и куда прибыло посольство из Константинополя с очередной просьбой о помощи, раздались вслух предложения об организации Крестового

похода. Впрочем, первый призыв папы вызвал слабую реакцию присутствующих — церковная риторика была малопонятна большинству из них. Поняли лишь то, что неверные оскверняют Гроб Господень и тиранят христиан, живущих в Палестине. Сам папа, по-видимому, вначале также посчитал возможным для себя ограничиться «программой-минимумом»: собрать небольшую армию рыцарей и направить ее на помощь Комнину. Поэтому понтифик назначил днем выступления в поход 15 августа 1096 г., обязав крестоносцев собраться к этому дню в городе Пюи. В поход могли отправиться лишь лица, владевшие оружием, а монахам разрешалось присоединиться исключительно по благословению настоятеля монастыря. Но спустя короткое время выяснилось, что призыв папы был услышан *шире*, чем казалось вначале²⁶⁶.

18 ноября 1095 г. на Соборе в Клермоне, где присутствовало 200 епископов, 14 архиепископов и 400 аббатов, папа вновь затронул этот вопрос. Он обратился ко всей христианской пастве с призывом освободить православные земли от иноверцев, но уже использовал обороты, более понятные присутствующей публике, и затронул крайне актуальные для них темы.

«Возлюбленные братия! — начал понтифик свою речь. — Побуждаемый необходимостью нашего времени, я, Урбан, носящий с разрешения Господа знак апостола, надзирающий за всей землей, пришел к вам, слугам Божиим, как посланник, чтобы приоткрыть Божию волю. О, сыны Божьи, поскольку мы обещали Господу установить у себя мир прочнее обычного и еще добросовестнее блюсти права Церкви, есть и другое, Божье и ваше, дело, стоящее превыше прочих, на которое вам следует, как преданным Богу, обратить свою доблесть и отвагу. Именно необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку ваших братьев, проживающих на Востоке, о чем они уже не раз просили вас. Ибо в пределы *Романии* (так папа называл Византию. — *А.В.*) вторглось и обрушилось на них персидское племя турок, которые добрались до Средиземного моря. Занимая все больше и больше христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство Богово. И, если будете долго пребывать в бездействии, верным придется пострадать еще более. И вот об этом деле прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых — не я, а Господь, — чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из

пределов наших земель. Я говорю это присутствующим, поручая сообщить отсутствующим, — так повелевает Христос». Попутно понтифик обещал взять под церковную защиту собственность всех крестоносцев. Многоотысячная толпа на всем протяжении его речи восклицала: «*Deuslovolt!*» — «Так хочет Бог!»

Папа завершил выступление: «Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо это слово произнесено Богом», и тут же поручил епископу Адемару Монтейскому, бывшему известному рыцарю, прославившемуся на поле брани, принять на себя обязанности его легата в предстоящем походе. По предложению апостолика крестоносцы нашили на свои одежды красные кресты и дали крестоносный обет, считавшийся непреложным под страхом отлучения отступника от Церкви²⁶⁷.

27 ноября 1095 г. в том же Клермоне собрался еще более представительный Собор, где со специально возведенной трибуны понтифик начал новую речь о Крестовом походе. Повторившись о целях крестоносного движения, апостолик произнес заветные слова для каждого христианина об отпущении грехов всем его участникам. «Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути или на море, или в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой властью Богом».

Именно это обстоятельство решило все сомнения, обеспечив широчайший успех агитации за Крестовый поход и невиданный ранее энтузиазм рыцарства и рядовых обывателей, которого хватит на несколько столетий.

До Клермонского собора Западная церковь традиционно относилась к войне как печальной необходимости, и правило св. Василия Великого о временном запрете причащаться воинам, вернувшимся с войны, строго соблюдалось и здесь. Многочисленные паломники, направлявшиеся к святым местам, включая Иерусалим, не вправе были брать с собой оружие. Поэтому молодые рыцари оказывались перед печальным для себя выбором: либо война с турками, либо паломничество. И вот папа, вспомнив идеи Гильдебранда, сделал немислимый ранее канонический вывод, соединив два ранее несовместимых понятия о том, что война с «неверными» является *вооруженным паломничеством*. Так воины, готовые убивать врага и убивавшие его во множестве, стали *пилигримами*, что ранее было невозможно ни при каких обстоятельствах.

Эта идея чрезвычайно понравилась рыцарству, решив все их сомнения, ранее не позволявшие принять призыв папы к воору-

женной борьбе с миром ислама. От них уже не требовалось под конец жизни уходить в монастырь, заглаживая грехи молодости. Теперь, оставаясь солдатом, рыцарь мог обрести спасение и вечную жизнь посредством Священной войны. Их энтузиазм еще более был подогрет переистолкованием слов понтифика, обещавшего отмену *ранее наложенных епитимий* на грешников в случае принятия теми участия в Крестовом походе. Все поняли его слова таким образом, что апостолик обещал крестоносцам полное отпущение *всех* грехов. В результате участие в Крестовом походе стало выгодной *духовной сделкой* с Римским престолом для его участников.

Попутно скажем, что термин «Крестовый поход» не был изобретением ни папы Урбана, ни его современников, которые называли эти грандиозные по своему масштабу мероприятия *iter* («путешествие») или *peregrination* («паломничество»). Только в конце XII века появляется специфический термин *crucesignatus* («тот, кто обозначен крестом»), и со временем стало общеупотребительным французское слово *croisade*, которое переводилось как «путь креста». А само понятие «Крестовый поход» является выдумкой историков более поздних поколений²⁶⁸.

Нет никакого сомнения в том, что идея Крестовых походов являлась совершенно чуждой и даже *непонятной* византийскому менталитету. Никогда за всю свою тысячелетнюю историю Римская империя не вела *идеологических войн*. Даже с персами при императоре Ираклии Великом и с арабами при царях Исаурийской династии велись войны Римского государства с захватчиками. Но это не были столкновения христиан с язычниками или мусульманами. Нельзя также не заметить, что для солидаризации с Западной Европой в деле организации Крестового похода Византии пришлось бы полностью отказаться от результатов многовековой борьбы за первенство Константинопольской кафедры на Востоке и признать то, чего так страстно желал Рим уже 700 лет, — главенство Римского епископа в Кафолической Церкви²⁶⁹.

Второй неприятной неожиданностью для василевса стало *самовольное изменение* крестоносным воинством цели Священного похода, как это предварительно проговаривалось с Робертом Фландрским. Вместо защиты Византии и освобождения Малой Азии, о чем некогда просил император Византии, его вожди вслух мечтали уже об Иерусалиме. Однако разочарование ждало не только императора — вскоре и апостолик понял, что разбуженные им силы ему уже не по плечу. Руководители Крестового похода дружно проиг-

норировали папские планы и были совершенно индифферентны к идее воссоединения двух Церквей, о чем мечтали Алексей I Комнин и Урбан II. И их действия, как мы вскоре увидим, разметали в прах все мечты о церковном мире, многотрудно лелеемые в Риме и Константинополе²⁷⁰.

Нужно ли говорить о том, что Комнин воспринял известия о Крестовом походе без большого восторга? С практической точки зрения, желание пилигримов не защитить Константинополь, как того просил Алексей I, а освободить Иерусалим, уже четыре века пребывавший во власти мусульман, была для него просто абсурдно. К тому же, благодаря героическим усилиям Византийского императора, ситуация на восточном фронте уже кардинально изменилась. Не случайно Византия примет довольно скромное участие в I-м Крестовом походе, предоставляя крестоносцам только материальную помощь и лишь на строго определенных условиях. Довольно скептически оценивая идею Крестового похода, Комнин не заблуждался. Его опытный и практический ум быстро пришел к выводу о том, что едва ли западное воинство сможет всерьез угрожать мусульманам, прочно укоренившимся в Малой Азии, Египте и Палестине.

И действительно, как покажут будущие события, предчувствия его не обманули. В течение столетий все крестоносные начинания *захлебывались* вдоль узкого сирийского побережья, не причиняя особого вреда туркам. Вовлеченный помимо своей воли в крестоносное движение, Византийский император хотя и выделил небольшие воинские отряды для помощи западному воинству, но приказал своим полководцам не выходить за границы Малой Азии. И впоследствии византийцы не принимали никакого участия в освобождении Сирии и Палестины от мусульман²⁷¹.

Попутно Комнин вступил в переписку с аббатом Монте-Кассино Одерисием, одним из самых почтенных и бескорыстных прелатов всей Италии. Понимая, что отдельные пассажи из их переписки вскоре станут известны широким кругам в Европе, царь поведал о своем горячем желании помочь крестоносцам, хотя сотрудничество с ними и таит множество опасностей и проблем. Это было и косвенное обещание помощи и в то же время... ничего конкретного — вполне в духе византийской дипломатии²⁷².

Как известно, первыми поднялись рядовые обыватели — в массе своей свободные крестьяне, численностью до 60 тыс. человек, возглавленные Петром Амьенским по прозвищу Пустынник. В этом нет ничего удивительного — в контексте *идеи подчинения* духовному и властному авторитету Римского папы *все христиане* Европы были

равны, пусть даже они имели сомнительное прошлое и настоящее. В Клермоне папа Урбан II знал, что проповедует убийцам и разбойникам, и те знали, *кто они* в действительности. Но именно по этой причине понтифик и пригласил их в Крестовый поход, чтобы они заслужили вечное прощение. Крестовый поход стал *актом покаяния* Западной Европы. Рабы, крепостные, должники, мошенники и все те, кто был обречен на изгнание, стекались под крестоносные знамена, абсолютно убежденные в том, что при жизни получают спасение, после смерти попадут в Рай, а перед этим обретут в Сирии и Палестине невиданное богатство²⁷³.

Возбуждение было всеобщим. Все искали чудесных знамений на небе и земле, принимали их за проявление Божьей воли о необходимости идти в поход против мусульман. Весь мир, как говорил современник тех событий, изменился и был потрясен перемещением громадных толп народа с Запада на Восток. Прошел даже слух, будто Карл Великий *воскрес* (!), и многие ожидали конца света. Мужья покидали жен, а сыновья родителей, вассалы освобождались от своих обязанностей, крепостные — от барщины; все спешно записывались в крестоносцы. Местные епископы с негодованием обращались к «негодным», кто держался вдалеке от «божественного служения», «подобно эпикурейцам предпочитая широкий круг наслаждений узкому пути служению Богу». Один французский поэт выразился в том духе, что тот, «кто не идет вместе с нами, тот сам себя бесчестит, потому что, я боюсь, гнев Божий постигнет того, кто без причины остается позади». Целые области опустевали, а дома стояли пустыми в ожидании возвращения своих хозяев из Иерусалима²⁷⁴.

Темные и невежественные, совершенно разные по характеристикам и социальному положению — крестьяне, рядовые рыцари, воры, куртизанки и т.п., все они были полны религиозного восторга. Некоторые выжигали в экстазе на своем теле кресты, а затем говорили, будто это — рука Бога. Не зная дорог к Иерусалиму, они ставили впереди колонн животных — коз, гусей, считая, как некогда древние язычники, будто те проникнуты Святым Духом и знают пути к Святому городу.

Проповедуя в Северной Франции, Петр Пустынник сплотил вокруг себя значительную массу христиан, а вскоре к нему присоединилась «армия», собранная в Германии другим проповедником Крестового похода — рыцарем Вальтером Готшалком. Однако вожди что-то не поделили между собой и решили порознь добираться до Иерусалима. Первыми двинулись в путь крестоносцы Вальтера, но их ждало быстрое разочарование. Первый отряд его воинства

под командованием графа Эмикона Лейнингена был уничтожен в Чехии при попытках мародерства. Вальтер вскипел, решил отомстить, но был разбит Венгерским королем *Каломаном* (1095—1114). Как утверждают, погибло более 200 тыс. человек, что, конечно же, является преувеличением. Шедшие за ними толпы «армии» Петра Пустынника поняли урок и старательно сохраняли подобие дисциплины и организации, хотя прошли через Болгарию, как через неприятельскую страну²⁷⁵.

У Малевины произошло большое сражение между крестоносцами и армией местного правителя графа Гуца, но дука Болгарии Никита вступил в переговоры с венграми и договорился о совместной обороне их земель. Во время переправы крестоносцев через реку Салу на них напали печенеги из болгарского войска и нанесли им урон. В ответ латиняне заняли Белград и оттуда пошли по направлению к городу Нишу. Познав на себе высоты духа крестоносного воинства, болгарское население повсеместно вливалось в войско Никиты. И, настигнув арьергард крестоносцев, болгары практически полностью уничтожили его. Видя, что дело оборачивается катастрофически для него, Петр Пустынник обвинил во всем неразумных германцев и спешно отправился к городу Нишу, дабы примириться с дукой Никитой. Но и там вследствие неразберихи крестоносцы потерпели сокрушающее поражение от болгар, заподозривших латинян в коварстве, и первыми начавших смертоносную атаку на них. В результате от 40-тыс. армии Петра Пустынника осталось не более 7 тыс. человек. Но постепенно ряды его воинства увеличивались за счет прибытия отставших крестоносцев, и в скором времени он насчитывал под своей рукой не менее 30 тыс. человек. Петр вновь тронулся в путь²⁷⁶.

Только на византийских территориях первых крестоносцев ждали (более или менее) сочувственные лица, предоставлявшие им пропитание и приют. Однако сами крестоносцы не оставили никаких шансов для того, чтобы эта идиллия продолжалась долго. Очень точно психологию латинян описал один известный исследователь. «Незнакомые большие города заставляют их насторожиться. Храмы, непохожие на их собственные; священники с черными бородами и пучками черных волос, в черных рясах — совершенно непохожие на священников у них дома. Да и народ не очень-то радуется приходу освободителей. У них нет обычной для западного человека легкой привычки угощаться, чем захочется. Местные крестьяне поспешили спрятать свои запасы еды, а купцы заключали сделки, не проявляя щедрости, ни даже честности. Местная жандармерия лютовала, без

жалости нападая на тех, кто отклонялся от дороги. И никогда западным солдатам не приходило в голову, что причиной враждебности местного населения было их собственное поведение»²⁷⁷.

1 августа 1096 г. Петр прибыл в Константинополь, где к нему присоединился Вальтер с остатками своих отрядов. Алексей I Комнин предоставил им все необходимое и не без удовольствия внял просьбам Петра и Вальтера переправить толпы неорганизованных крестьян на другой берег Босфора. Он вполне обоснованно опасался анархичной и малодисциплинированной громадной толпы *нищих* европейцев, мало веря в успех их миссии. Впрочем, справедливости ради отметим, что Алексей I настойчиво отговаривал Петра от похода, предлагая тому подождать воинство профессиональных военных. Но тот, полный религиозного восторга, отказался. Снабдив крестоносцев всем необходимым, император переправил их на другой берег, где Петра с товарищами ждали большие беды²⁷⁸.

Уже к октябрю 1096 г. они были почти *поголовно* уничтожены турками еще на подходе к Никее. Говорят, из их костей мусульмане сложили гигантскую пирамиду — первый памятник Крестовым походам. Сам Петр Амьенский благоразумно успел убежать в Константинополь еще до начала сражения²⁷⁹. Примечательно, что позднее этот исторический персонаж вместе с рыцарями попадет в Иерусалим и возглавит там местную милицию, которой доверяют охрану городских улиц и общественную безопасность²⁸⁰.

А летом 1096 г. началось движение крестоносного рыцарства, которое возглавили пусть и могущественные, но «только» герцоги и графы. Правда, впоследствии ситуация изменится, и во главе крестоносных армий начнут шествовать самые могучие правители Европы. Их часто будут сопровождать королевы и придворные дамы, сыновья и родственники, самые знатные аристократы. Тысячи клириков и епископов будут идти вслед крестоносцам, активно участвуя в битвах и организуя даже собственные армии. Говорят, архиепископ Балдуин Кентерберийский выставил 200 рыцарей и 300 вооруженных слуг, а архиепископ Безансона строил осадные машины при штурме Акры. Естественно, именно эти лица, а не простолюдины, сыграли решающую роль во всех последующих Крестовых походах²⁸¹.

Но в тот момент ни Французский король *Филипп I* (1059—1108), сын Анны Ярославны, отлученный Римским папой за несанкционированный развод с законной супругой, ни Германский король Генрих IV, упорно борющийся за инвеституру и думающий только о том, как смыть позор Каноссы, не смогли направиться в Кресто-

вый поход. В их отсутствие главенство досталось герцогу Нижней Лотарингии *Готфриду Бульонскому* (1087—1096). Его отец и мать являлись потомками Карла Великого, император Генрих IV, верным другом которого Готфрид являлся многие годы, передал ему в дар Антверпенскую марку, вследствие чего знатное происхождение герцога соединилось с громадными богатствами. Готфрид был благочестив, храбр, деятелен и, что крайне важно, почти не принимал участия в борьбе папы с Западным императором. Лишенный дурного тщеславия, он не участвовал в последующих распрях между другими вождями похода, вследствие чего выгодно смотрелся на их фоне.

Позднее его имя окружили легенды, и в Готфриде «узнавали» потомка сказочного Рыцаря-Лебедя из лотарингских былин. Из уст в уста передавали, будто его мать, благородная *Ида*, сестра герцога *Готфрида Горбатого* (1069—1076), и отец, граф *Евстахий Бульонский* (1047—1088), уже изначально знали о Божественном Промысле относительно своего любимца из многочисленных чудес и знаков²⁸².

Как писал о нем поэт,

Готфрид выходит к войску; по всему
Высокого избранья он достоин.
С улыбкой ясной и со скромным взором
Приветствия солдат он принимает,
Приветствия выслушивает их
И поощряет их ответной речью,
Потом приказ он отдает: на утро
Собратся всем в порядке боевом²⁸³.

Заложив, а затем и продав свое герцогство епископу Люттиха и Вердена, Готфрид сформировал большой отряд численностью до 70 тыс. воинов. Вскоре к нему присоединились братья — Евстафий и Балдуин. Французы выставили отряд под командованием брата короля графа *Гуго Вермандуа* (1057—1102). Северная Франция организовала два ополчения — герцога Нормандии *Роберта* (1087—1106), брата Английского короля, и графа *Роберта Фриза* (1071—1093) из Фландрии. Из Южной Франции в Константинополь направились войска графа Тулузского *Раймунда* (1093—1105). Зрелый правитель — ему было уже более 50 лет, глубоко верующий человек, прекрасный полководец и отважный воин, которому не были чужды рыцарские добродетели, он уже принимал участие в войнах с мусульманами, помогая испанцам в ходе Реконкисты. В 1071 г. он побывал в паломнической поездке в Иерусалиме, где лишился

одного глаза — говорят, его ему выкололи турки. Граф отправился на Восток в сопровождении знатнейших владетелей из Гаскони, Лангедока, Прованса, Лиможа и Оверни.

Современники упоминают между ними Ираклия, графа де Полиньяка, Вильгельма Сабранского, Элезара Монтредорского, Пьера-Бернара Мотальякского, Элезара Кастрийского, Раймунда Лилльского, Пьера-Раймунда Готпульского, Гуссье Ластурского, Вильгельма V, владетеля Монпелье, Рожера, графа Фуаского, Раймунда Пеле, владетеля Алеского, Изуарда, графа Дийского, Рембота, графа Оранжского, Вильгельма, графа Форезского, Вильгельма, графа Клермонского, Жерарда, сына Гильяберта, графа Руссильонского, Гастона, виконта Беарнского, Вильгельма-Аманжье Альбертского, Раймунда VI, графа Тюренского, Раймунда, виконта Кастильонского, Вильгельма-Дюржея, графа Форкалькверского. Епископы Аптский, Лодевский, Оранжский, архиепископ Толедский были во главе своих вассалов, как и епископ Адемар. В целом армия Раймунда состояла из 100 тыс. крестоносцев²⁸⁴.

Однако самую сильную в боевом отношении группировку выставил сын Роберта Гвискара, гроза Византии *Боэмунд*, князь Тарентский, которого поддержал его племянник *Танкред Отвиль* (1072—1112). Боэмунд возглавил сицилийских и южно-итальянских норманнов, и силы его были сравнимы с численностью французского ополчения. Со временем он станет играть одну из самых главных ролей в Крестовом походе²⁸⁵. Правда, как человек расчетливый и весьма практичный, Боэмунд не стал торопиться и шел со скоростью не более 5 км в сутки, желая понять, *как* встретят первых крестоносцев в Константинополе, и ожидая ответа от Комнина, к которому направил предварительное послание — норманн вполне обоснованно полагал, что у императора есть основания испытывать к нему чувство недоброжелательности²⁸⁶.

Присоединилась к этой «войне религий» и Скандинавия, направившая в крестоносный поход отряд датчан. Даже не очень сильные в военном отношении Армения и Грузия ударили туркам в спину, сумев на время освободиться от их зависимости²⁸⁷.

Как полагают, всего собралось до 300 тыс. вооруженных воинов, которых сопровождали толпы слуг, маркитанток, клириков и рядовых обывателей, решивших искать счастья на Востоке. Это было настоящее «*Великое переселение народов*» своего времени. Особенностью крестоносного воинства стало то, что никакого центрального командования над ним не существовало вовсе. Каждый из сильных правителей, ведших собственное войско, руководствовался своими

соображениями. И лишь практическая необходимость держаться вместе обусловила неформальное подчинение их некой группе наиболее авторитетных государей²⁸⁸.

Проклад крестоносцев через христианские земли стал настоящим бедствием для населения. Как и простолюдины Петра Амьенского, рыцари не особенно церемонились, промышляя грабежами, насилием и террором. Не очень лестную, но объективную характеристику дал им архиепископ Болгарский Феофилакт. В письме другому архиерею он писал: «Мои губы сжаты; во-первых, прохождение франков, или нападение, или, я не знаю, как это назвать, настолько всех нас захватило и заняло, что мы даже не чувствуем самих себя. Мы вдосталь испили горькую чашу нападений... Так как мы привыкли к франкским оскорблениям, то переносим легче, чем прежде, несчастия, ибо время есть удобный учитель всему»²⁸⁹.

Когда известия о колоннах крестоносцев, марширующих разными путями в Константинополь, достигли императора, Алексеем I овладела тревога. Конечно, он совершенно не собирался становиться пешкой в планах Римского епископа и тем более Готфрида Бульонского. *По факту* стало ясно, что его понимание помощи христианского Запада кардинально отличается от того, какое сформировалось в сознании глав Крестового похода. А наличие в армии крестоносцев сильного норманнского ополчения вселило в сердце царя сомнения в истинной цели похода Боэмунда, его племянника *Танкреда* и многих других западных государей. Если норманны так бесцеремонно пытались отобрать у Византии Иллирику, то какие преграды могут сдерживать остальных вождей Крестового похода от образования на Востоке, на бывших землях Византии, собственных государств?

Императору наверняка стало известно, что тот же Раймунд Тулузский — один из самых благоприятных персонажей 1-го Крестового похода, еще на родине дал обет *никогда* не возвращаться в Европу и создать на Востоке собственное княжество. Гуго Вермондуа считался среди крестоносцев негласным властителем Востока, о Боэмунде и его норманнах и говорить было нечего — они шли в поход явно не из альтруистических убеждений; или не только из них. И трудно было обоснованно не предположить, зная состояние дел в мусульманском мире, что эта полумиллионная сила могла быть кем-то остановлена. А когда такое случится, Константинополь окажется *заложником* латинян, способных в любой момент ударить по византийцам одновременно с Запада и Востока. Но и остановить эту *железную волну* западного рыцарства было со-

вершенно невозможно — участь Византии была бы в этом случае решена в одночасье.

И василевс принял следующее решение: по возможности в кратчайшие сроки переправить западных рыцарей в Малую Азию, попутно постаравшись завязать с ними близкие отношения, гарантирующие его от норманнской экспансии. Попутно это позволяло как минимум контролировать ход последующих событий. А по максимуму — обеспечить интересы и целостность Римской державы. Для реализации своего плана он придумал хитрый ход — добиться от руководителей Крестового похода признания их вассальной, т.е. *политической, зависимости* от Византийского царя. Хотя в Византии такие отношения не были так широко распространены, как в Западной Европе, Алексей I Комнин задействовал формы и идеи, наиболее знакомые, понятные и приемлемые для крестоносцев, лишь бы они вели к поставленной им цели²⁹⁰.

Здесь следует отметить, что, вопреки некоторым распространенным оценкам позднейших историков, требуя от крестоносцев вассальной присяги, Византийский император вовсе не собирался претендовать *на все* их будущие приобретения. Как практичный и опытный человек, Комнин желал получить лишь те области Римской империи, которые отошли к туркам после злосчастной битвы при Манцикерте в 1071 г. — Малую Азию и Антиохию. Это было совершенно обоснованно, т.к. данные земли всегда составляли территорию Римской империи и были заселены в массе своей греками и армянами. В отношении Сирии и Палестины Алексей Комнин не оспаривал политической самостоятельности будущих владений крестоносцев²⁹¹. Впрочем, едва ли император искренне верил в продолжительность жизни ленных клятв, но в дипломатических переговорах и политических комбинациях они могли быть использованы при случае как дополнительный аргумент.

Первой «жертвой» собственной торопливости и неорганизованности стал Гуго, граф Вермандуа. Буря выбросила его корабль на берег, Комнин очень дружелюбно встретил графа, но в обмен на помощь предложил дать вассальную присягу на верность Византийскому императору. Тот согласился, и данное известие вызвало настоящую бурю негодования у остальных вождей крестоносцев. Среди них кто-то пустил слух, будто Гуго находится в плену у Комнина и дал вассальную клятву под физическим давлением. В результате уже на этой стадии совместной операции между византийцами и латинянами возникли взаимные недоверие и скрытая вражда. Готфрид Бульонский даже позволил себе разграбить византийские

земли, через которые проходило его войско, а по прибытии к стенам Константинополя наотрез отказался явиться в императорский дворец, опасаясь засады²⁹².

Всю зиму с 1096 на 1097 г. Готфрид просидел в лагере близ Константинополя, находясь на иждивении Алексея I Комнина, но так и не согласился отправиться на аудиенцию к царю. Между тем уже подходили части Боэмунда, и император сильно обеспокоился тем, что накануне встречи с «записным» врагом, норманнами, он испортил отношения с могущественным герцогом. Чтобы подтолкнуть Готфрида к переговорам, 3 апреля 1097 г. он разрешил печенегам, перешедшим к нему на службу, начать охоту за отдельными крестоносцами, позволяющими себе легкомысленно покидать лагерь. Надо отдать должное лотарингцам — Готфрид немедленно поднял своих воинов и прорвал печенежскую цепь, осадившую его лагерь. Вслед за этим он подошел к стенам византийской столицы с ясным намерением взять ее штурмом. Последовали длительные переговоры, вследствие которых Готфрид наконец-то явился в царский дворец в окружении рыцарей и сановников.

Опытному Алексею Комнину не составило большого труда, расточая лесть, убедить западных рыцарей в искренности своих мотивов, объяснить *истинные* причины призыва к Западу о помощи и склонить Готфрида к ленной присяге. Уже 7 апреля 1097 г. царь перевез всех крестоносцев на Малоазиатский берег, обезопасив себя от возможного союза Готфрида с Боэмундом и дав прекрасный прецедент для всех остальных вождей Крестового похода, приводя в пример двух своих могущественных ленных данников. Теперь все крестоносцы по очереди клялись служить Византийскому императору и вернуть ему во владение все отвоеванные у турок города²⁹³.

Эта история оказала решающее значение в последующих отношениях крестоносцев с Римским царем: даже Боэмунд, у которого имелись планы основать на Востоке собственное королевство, дал ленную присягу, попутно пытаясь выторговать для себя у василевса титул доместика Востока. Единственный, кто наотрез отказался признавать себя вассалом Византийского императора, оказался граф Раймунд Тулузский. В конце концов они договорились с Комнином, что Раймунд ничего не станет делать во вред василевсу и его чести. После этого уже все основные силы крестоносцев переправились в Малую Азию; оттуда они направились к Никее²⁹⁴.

Крестоносное воинство двигалось вперед, а византийцы с изумлением и презрением отмечали грубое поведение рыцарей и со-

вершенно не пресвитерский вид западных священников, находя, что те больше напоминают воинов, чем иереев. Современница событий писала: «Представления о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы руководствуемся канонами, законами, Евангельской догмой: “Не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель”. Но варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой. Он причащает Телу и Крови Господней, взирая на убийство, и сам становится “мужем крови”. Таковы эти *варвары*, одинаково преданные и Богу и войне»²⁹⁵. Византийцам казалось диким, что священник, который за убийство другого человека и даже участие в военном предприятии подлежал церковному суду и лишению сана, в крестоносном войнстве занимал свое место в строю с оружием в руках. Это ли не наглядное свидетельство того, что Римская церковь отпала от истинной веры?²⁹⁶

Крестоносцы отвечали византийцам «взаимностью». Боэмунд писал Готфриду Бульонскому: «Знай, что ты имеешь дело с самыми опасными зверями и с самыми недостойными людьми. Все их помыслы обращены только лишь к тому, чтобы погубить весь народ латинский». Готфрид отвечал: «Обо всем этом я знал и раньше, на основании общественных толков, а теперь убедился в этом самим делом». Взаимная ненависть дошла до того, что порой крестоносцы сжигали небольшие византийские города вместе с жителями — «еретиками», как они их называли. В ответ византийцы нередко устраивали настоящую партизанскую войну, нанося латинянам серьезные потери²⁹⁷.

По счастью для рыцарей, мусульмане хотя и овладели Малой Азией, но пребывали между собой в состоянии *перманентной гражданской войны*. И Иконийский султан *Кылыч Арслан*, чьи интересы непосредственно затрагивались Крестовым походом, не имел возможности выдвинуть против западных христиан значительные силы, поскольку в это время воевал с турецкими правителями Армении и Сирии. Кроме того, симпатии большинства населения этих областей, греческих христиан, были, конечно, на стороне крестоносцев, а не мусульман. В течение этого времени сменились вожди Крестового похода, во главе которого теперь стоял норманн Боэмунд и Раймунд, граф Тулузский. Норманны проявляли наибольшую боеспособность и шли впереди всего похода, первыми принимая на себя атаки турок и демонстрируя высокое военное искусство. Да и Боэмунд, умный и опытный политик, сумел сделать все, чтобы получить главенство среди вождей похода и приобрести моральные права на образование

самостоятельного королевства в Сирии — пока еще неясно, какого, хотя втайне норманн мечтал, конечно, об Антиохии²⁹⁸.

Между тем Византийский император нашел возможность контролировать действия крестоносцев — по крайней мере в Малой Азии. Когда крестоносцы шли к Никее, вслед за ними продвигалась византийская армия под командованием самого императора Алексея Комнина, первым помощником которого по-прежнему являлся верный Татикий. Помощь царя была бесценна: он не только обеспечивал латинян продовольствием, но и давал им мудрые советы, позволившие сохранить войска в целостности. Теперь соединенным силам крестоносцев и византийцев нужно было овладевать Никеей, которую в силу ее стратегического положения никак нельзя было оставлять в тылу армии пилигримов, двигавшейся в Палестину. Надо сказать, этот город, стоявший на берегу широкого и красивейшего озера, являлся мощной крепостью. Длина его крепостных стен достигала 4,5 км, высота — 9 метров, а ширина — 6 метров. Кроме того, через каждые 35 метров над стеной возвышалась круглая башня, где прятались стрелки из лука²⁹⁹.

Город был настолько неприступен, что сам султан без особой боязни оставил в нем собственную жену и двор, пребывая в это же время с основным войском возле Мелитены, где вел войну с правителем Сиваса. Будучи не очень высокого мнения о крестоносцах, о которых он судил по разбитому им же воинству Петра Пустынника, султан не спешил вернуться в Никею. Между тем турки, скрывавшиеся в Никее, были столь напуганы численностью крестоносного воинства, что вступили с ними в переговоры о сдаче города, но тут до них дошел слух о приближении армии Кылыч Арслана, и переговоры срочно прервали. Они не ошиблись: узнав из сообщений лазутчиков, что окружившая город армия латинских пилигримов гораздо больше по численности, чем он предполагал, султан направил сильное войско на помощь осажденным. Именно с ними встретились отряды Раймунда Тулузского, шедшие в первом эшелоне³⁰⁰.

16 мая 1097 г. произошла первая стычка турецкого отряда с армией Раймунда, и победа была на стороне крестоносцев. А 21 мая 1097 г. на армию графа Тулузы обрушился уже удар всего турецкого воинства. Сражение продолжалось целый день, и туркам пришлось впервые испытать на себе всю тяжесть атаки тяжеловооруженной рыцарской конницы, против которой они не могли устоять. 30 тыс. их воинов полегло в сражении против 3 тыс. латинян — пропорция не невозможная, учитывая разницу в вооружении рыцарей и легкоконных турок. Впрочем, для тулузцев это были тяжелые потери,

которые возникли вследствие того, что норманны и другие латиняне, блокировавшие Никею, не могли прийти к ним на помощь, опасаясь атаки в спину. В результате погибло множество рыцарей и один из предводителей крестоносного воинства, граф *Бодуэн II Гентский*. Желая максимально полно использовать победу, граф Тулузы дал приказ начать штурм Никеи, но он был отбит. Тем не менее, силы крестоносцев увеличивались, поскольку 3 июня к Никее прибыли отряды под командованием Этьена де Буа и Роберта Норманнского³⁰¹.

Теперь участь Никеи была предрешена. Крестоносцы вновь пошли на штурм, и тут неожиданно для них открылись городские ворота, через которые в город прошли византийские отряды; затем ворота закрылись. Как оказалось, не теряя времени, Татикий вел переговоры с гарнизоном о сдаче, и они увенчались успехом. Это не составляло большого труда, поскольку большинство населения города и даже комендант ее являлись этническими армянами. Если они ранее еще и оставались верны своему султану, так исключительно из-за опасения, что пилигримы не смогут совладать с ним. Теперь же все сомнения исчезли. А предложение вновь признать над собой власть Византийского императора казалось им заманчивее, чем находиться в подданстве западных латинян. Естественно, ошеломленные крестоносцы прекратили штурм.

19 июня 1097 г. город пал, и Татикий напомнил крестоносцам о ленной присяге василевсу, запретив его именем грабить город. Конечно же, это вызвало великое неудовольствие рыцарей. Латинян привело в бешенство то обстоятельство, что, помимо всего прочего, памятуя дипломатический протокол, сановники Византийского императора оказали высшие почести захваченным в плен жене и детям Кылыч Арслана. Более того, вскоре их вообще возвратили мужу и отцу, даже не взяв выкуп³⁰². Но деваться было некуда — Татикий завел отношения с христианским населением Азии, и их помощь крестоносцам целиком и полностью зависела от слова византийского сановника. Впрочем, в виде компенсации за «упущенную выгоду» Римский император выдал вождям пилигримов богатые дары³⁰³.

Собственно говоря, взятием Никеи закончилась пора тесного сотрудничества византийцев с крестоносцами. Алексей Комнин решил для себя главную задачу: со взятием Никеи почти все прежние владения Римской империи в Малой Азии, по крайней мере те, которые сохранились еще в памяти современников, вернулись византийцам, крестоносцы были препровождены прочь из его владений, турки — разбиты. Несмотря на строптивость, до этой минуты все

вожди крестоносцев соблюдали свои клятвы верности императору. Теперь оставалось лишь узнать, *как долго* продолжится это плодотворное сотрудничество. Удовлетворившись достигнутым, василевс оставил войско и вернулся в Константинополь³⁰⁴.

Вслед за этим армия крестоносцев неожиданно разделилась, причем предположения по данному поводу были самые разные. Кто-то считал, что это было сделано из-за недостатка продовольствия, а потому латиняне решили удвоить шансы, разделившись на две колонны. Иные полагают, будто сама дорога дала ответвление, по которому направились основные силы в то время, когда арьергард — на этот раз уже под командованием Боэмунда — двинулся по главному пути. Так или иначе, но именно Боэмунду с его норманнами пришлось принять на себя главный удар армии Кылыч Арслана, сумевшего наконец покончить войну с единоверцами и сосредоточиться на более опасной угрозе.

27 июня 1097 г. у Дорилеи крестоносцы встретились со 150-тысячной армией турок. Сражение складывалось очень тяжело для норманнов. Их было заметно меньше, а потому Боэмунд приказал рыцарям спешиться и занять оборону у повозок. А попутно направил гонца с мольбой о помощи к остальным вождям Крестового похода³⁰⁵. Сражение началось, и турки ворвались в вагенбург — укрепление из повозок, умерщвляя всех на своем пути и оставляя жизнь только дамам, которых хотели взять в гарем. В критический момент битвы Боэмунд бросил в толпу сарацин свое белоснежное, шитое золотом знамя и врубился в их ряды с криком: «За мной, нормандцы!» Словно стальной клинок прорвал ряды мусульман, и знамя вновь обрело своего хозяина. Однако этого хватило ненадолго — силы были слишком неравны. По счастью, в этот момент на горизонте показались первые ряды армии Готфрида Бульонского, и вскоре вся крестоносная армия бросилась на врага. Турки потеряли до 20 тыс. воинов, после чего удалились в глубь страны и не осмеливались атаковать крестоносцев большими силами³⁰⁶.

После таких волнительных событий обе стороны внесли существенные коррективы в свои действия. Крестоносцы более не осмеливались разделять армии, предпочитая держать всех своих рыцарей в едином кулаке. А турки, поняв безнадежность состязания с тяжеловооруженными латинянами, перешли к тактике «выжженной земли». На всем пути движения крестоносцев посевы выжигались, колодцы засыпались, скот угонялся³⁰⁷.

Лишь к 15 августа 1097 г. латиняне дошли до Иконии, брошенной Кылыч Арсланом, где нашли некоторый отдых и продовольствие.

Крестоносцам пришлось задержаться в городе, этом оазисе среди смертельных песков и пустыни, поскольку Готфрида Бульонского на охоте ранил медведь, и ему пришлось залечивать раны, а Раймунд Тулузский тяжело заболел. Состояние здоровья обоих вождей было столь тяжелым, что епископ Оранжский даже соборовал их. По счастью, в скором времени они встали на ноги. И уже 10 сентября 1097 г. дали очередную битву армии Кылыч Арслана у Гераклеи, вновь одержав убедительную победу³⁰⁸.

Но тут возникли новые обстоятельства, немало повлиявшие на судьбу Крестового похода. Некоторые вожди латинян быстро сообразили, что в условиях, когда помощь византийцев иссякает, новым и надежным союзником могут стать только армяне, во множестве поселившиеся в Каппадокии, Киликии, Месопотамии и Северной Сирии. Едва ли греки, испытывавшие к Константинополю гораздо большее тяготение, могли быть искренними и полноценными союзниками пилигримов. Поэтому крестоносцы двинулись окружным путем, направив в Киликию брата Готфрида Бульонского *Балдуина де Бульонь* (1060—1118) и Танкреда, племянника Бодуэна. Хуже всего, что в скором времени оба предводителя поссорились между собой и начали не только вести самостоятельные действия, но даже вступали в короткие стычки между собой. Но поскольку перевес был на стороне Балдуина, Танкред уступил сопернику, оставив отмщение на потом³⁰⁹.

Не опасаясь конкурента, Балдуин дошел до Эдессы, правитель которой армянин *Тороз* (1092—1098) усыновил его. Отношение жителей города к пилигримам было более чем радушным, тем более что Балдуина сопровождал Баграт, брат Армянского князя *Ког Василия* (1086—1112), правителя Кесуна. Именно он убедил крестоносцев позвать на помощь армян, видя в этом союзе латинян и своих соотечественников блистательную альтернативу и византийцам, которых ненавидел, и туркам³¹⁰.

Однако у Балдуина были собственные планы: он легко склонил к восстанию недовольных Торозом городских аристократов, вследствие чего Тороз был свергнут. Он заперся с близким окружением в цитадели и просил у Балдуина права свободного выхода из города — армянин хотел перебраться в Мелитену, где правил его родич *Гавриил* (? — 1103). Балдуин дал слово, но едва армянин вышел из цитадели, спокойно проследил за тем, чтобы «отца» убили. Так он стал князем *Эдесским*, создав в марте 1098 г. первое государство крестоносцев на Востоке³¹¹.

Уже эта акция стала первый прецедентом нарушения крестоносцами ленных клятв, данных ими императору Алексею Комни-

ну — ведь еще недавно Эдесса являлась византийской территорией, и василевс имел все права на нее, исходя из бывших договоренностей. Впрочем, в ту минуту Комнин не захотел поднимать ссору, тем более что византийцы, благодаря мудрой политике своего царя, к концу 1097 г. получили обратно Эфес, Смирну, Сарды, фригийскую Лаодикию и Филадельфию³¹².

Для самих же крестоносцев Эдесса выполняла важнейшую роль аванпоста против турок. Не случайно Балдуин предпринял много усилий, чтобы сделать свое княжество *латинским* и увековечить собственную династию. В скором времени он женился на красавице *Арде*, дочери армянского правителя Мараша — города, расположенного на юге современной Турции. Правда, брак оказался неудачным: тесть не выполнил своего обещания дать приданое за дочь в размере 60 тыс. золотых монет, а Арда оказалась бесплодной. Но всех остальных своих рыцарей Балдуин едва ли не насильно заставил жениться на армянках, поскольку этот этнос по-прежнему численно доминировал в городе. Однако эта вполне благоразумная политика вступила в противоречие с финансовыми аппетитами латинян, и уже в конце 1098 г. в городе вспыхнул мятеж армян, подавленный крестоносцами с невероятной жестокостью. С военной точки зрения создание Балдуином де Булонь Эдесского княжества имело свои и плюсы, и минусы. С одной стороны, новый князь совершенно утратил интерес к Крестовому походу и откололся от крестоносного воинства. С другой, именно Эдесса стала той преградой, которую в скором времени не смогут преодолеть турки, спешащие на помощь осажденной латинянами Антиохии³¹³.

Тем временем пилигримы направлялись к Антиохии, несколько месяцев преодолевая тяжелейшие испытания, выпавшие на их долю. Воды и продовольствия было ничтожно мало, люди и выючные животные умирали сотнями, донимала страшная жара. Путь им преградили горы Тавра — безжизненной пустыни, где не было ни воды, ни травы. В том году осень была особенно дождлива, и пилигримам приходилось буквально *карабкаться* к покрытым снегом вершинам по раскисшим до грязи горным тропам. Чуть ли не ежечасно люди и животные срывались в пропасти, телеги, которые оказалось невозможным провести по грязи перевалов, пришлось вообще бросить. Люди изнемогали до такой степени, что многие просто оставляли вооружение, чтобы хоть как-то двигаться вперед³¹⁴.

Наконец, к октябрю 1097 г. крестоносное воинство подошло к Антиохии, которую осаждали целый год — до ноября 1098 г. К этому времени пилигримы оказались в печальном и едва ли боеспособ-

ном состоянии. Помимо болезней и голода, всех донимала вражда вождей похода, и только прямая узурпация власти со стороны Боэмунда, имевшего самую организованную армию из числа своих норманнов, позволила латинянам сохранить шансы на успех своего предприятия. Впрочем, его лидерство было далеко не безусловным, особенно острыми стали отношения у Боэмунда с Раймундом Тулузским, чьи территориальные претензии к завоеванным по дороге крепостям не были удовлетворены норманнами. Напряжение между двумя главными лидерами крестоносцев нарастало и в скором времени вылилось в открытое противостояние³¹⁵.

Надо сказать, что Антиохия, осажденная латинянами, являлась грозной крепостью, имевшей важнейшее стратегическое, торговое и религиозное значение. Здесь располагался один из пяти «Вселенских» патриархов, здесь некогда звучала проповедь апостола Петра, и Антиохия вполне обоснованно считалась одним из важнейших центров христианства. Сейчас этот город находился в руках бывшего атабега, а ныне *эмира Яги-Сиана*, добившегося путем измены независимости от сына султана Тутуша султан-шаха *Ридвана Алеппского* (1094—1113), чего тот ему простить, разумеется, не мог и не хотел. Опасаясь, что город может пасть вследствие предательства христиан, во множестве проживающих в Антиохии, Яги-Сиан в первую очередь выселил тысячи греков и армян за городские стены, заключил патриарха *Иоанна VIII* (1090—1099) под стражу, а из главного собора сделал конюшню для своих лошадей.

Затем эмир направил посланников к своим сородичам просить помощи. Естественно, Ридван Алеппский не без удовольствия отказал ему в этом. Зато атабег Мосула *Кербога* (1096—1102), султан Дамаска *Тутуш II ибн Дудак* (1095—1104) вместе со своим атабегом *Захируд-дин Сейфул-Ислам Тугтегином* (в 1104 г., после смерти Дудака, он сам станет султаном Дамаска и будет править до 1128 г.), эмир Хомса *Джана-ад-Даул* дали согласие и начали собирать армии на помощь Яги-Сиану³¹⁶.

Подойдя к Антиохии, крестоносцы держали совет, как им вести осаду. Как обычно, мнения разделились: граф Раймунд Тулузский, ссылаясь на Божий Промысел, до сих пор ведший латинян к победе, считал необходимым начать штурм немедленно. Татикий призывал крестоносцев подождать прихода Алексея Комнина с византийской армией. С ним солидаризировались Боэмунд Тарентский и Готфрид Бульонский, причем по разным причинам. Готфрид не желал рисковать и без того уже сильно ослабленным крестовым воинством. А Боэмунд опасался, что во время штурма

город сильно пострадает — в его голове уже давно возникла мысль захватить Антиохию и создать собственное государство. Дабы ни у кого не оставались сомнения относительно ближайших действий, Боэмунд 20 октября 1097 г. первым разбил лагерь у стен Антиохии, дав понять, что он не будет штурмовать город в ближайшие дни. Делать нечего, остальные вожди последовали его примеру³¹⁷.

Но осада — половина дела, оставалось решить вопрос с обеспечением армии продовольствием. Поскольку повсюду носились летучие отряды турецкой конницы, вожди латинян решили направить крупный отряд численностью 20 тыс. воинов под командованием Боэмунда и графа *Роберта Фландрского* (1093—1111) в ближайшую местность. Каково же было удивление пилигримов, когда на рассвете 31 декабря 1097 г. они столкнулись с объединенным воинством эмиров Хомса, Дамаска и атабега Тугтегина. Несмотря на численное превосходство мусульман, крестоносцы яростно напали на них, опрокинули и рассеяли. Это была замечательна победа, но главная цель не была достигнута, и в лагерь пилигримы возвратились со славой, но без продовольствия³¹⁸.

Поражение единоверцев всколыхнуло турок Алеппо, султан которого Ридван вынужден был изменить свою прежнюю точку зрения и собрать армию для деблокады Антиохии. Но 9 февраля 1098 г. его войско было разбито Боэмундом, железные норманны которого по-прежнему оставались непобедимыми³¹⁹.

В этих условиях нет ничего удивительного в том, что в феврале 1098 г. в лагерь крестоносцев прибыли послы визиря *аль-Малик аль-Афдаля* (1066—1121), чтобы обсудить возможность совместных действий пилигримов с Фатимидами. При малолетнем Египетском халифе *аль-Мустали* (1094—1101) визирь, отец которого являлся принявшим ислам армянином, был настоящим правителем Северной Африки. И хотя ничего конкретного стороны друг другу предложить не могли, сам факт наличия мирного договора способствовал поднятию настроения у крестоносцев³²⁰. Но, как и раньше, их дожимал голод, и множество латинян покинуло армии своих вождей и отправилось на родину. Бежал даже небезызвестный Петр Пустынник, которого норманны по поручению Танкреда схватили на дороге и силой вернули обратно. В некоторой степени ситуацию спас епископ Адемар, сумевший снестись с Иерусалимским патриархом *Симеоном* (1084—1106), который после гонений на христиан в Святом городе был вынужден скрываться на Кипре. Тем не менее, благодаря его авторитету среди местного населения, латиняне начали в скором времени получать вино и продовольствие³²¹.

В этот момент крестоносцы очень рассчитывали на помощь византийцев, и, действительно, Алексей Комнин с войском спешил к крестоносному воинству. Однако по пути он получил известие от латинян-дезертиров, будто войско пилигримов разбито. Не желая рисковать судьбой армии и Римской империи, царь в Филомелии, где уже стояли его главные части, приказал повернуть обратно. Едва ли можно предположить, что пилигримы не узнали об этом: все-таки, расстояния между двумя армиями были не так уж и длинны, да и находились они не в безвоздушном пространстве. Другое дело, что официальных объяснений вожди похода не получили, что давало пищу для множества самых разнообразных предположений и домыслов. В том числе и тех, которые не способствовали дружеским отношениям между латинянами и византийцами.

В это время хитрый вождь норманнов, имевший, как мы знаем, собственные виды на Антиохию, решил приступить к реализации своего плана, для чего ему нужно было поскорее отделаться от Татикия, надзиравшего за соблюдением ленной присяги. И план был реализован филигранно.

В первую очередь на совете вождей он с ложным вздохом сожаления заявил, будто намерен прекратить поход, поскольку не видит достойной награды для себя за все подвиги, совершенные его воинами. Единственное, что могло бы удержать его, заявил Боэмунд, является Антиохия, которую он прямо потребовал признать своим владением. Собственно говоря, эта тема была малоинтересна для большинства присутствующих, и лишь Раймунд Тулузский, который сам рассчитывал стать правителем города, и Татикий, потребовавший сдержать клятвы, данные императору Алексею Комнину, были категорично против этого.

Не добившись единомыслия, вожди разошлись. И тут Боэмунд, уже в неофициальной обстановке, поодиночке легко убедил своих товарищей по оружию, будто именно присутствие византийского сановника крайне негативно сказывается на Крестовом походе. Именно он определяет пути движения крестоносного воинства, решая за счет пилигримов проблемы, стоящие перед Византией. Иными словами, если Татикий чем-то и занимается успешно, так это тем, что манипулирует пилигримами по собственному усмотрению. Если добавить сюда глухие известия о том, что византийцы бросили латинян, то сам собой возникает вопрос: нужно ли сохранять клятвы верности Алексею Комнину? Понятно, что слова Боэмунда легли на подготовленную почву.

Самому Татикию Боэмун «по-дружески» открыл, будто того собираются убить, а потому византийцу следует спасти себя. Татикий, для которого недружелюбное, мягко говоря, настроение латинян не являлось секретом, поверил в эту ложь и ночью покинул лагерь крестоносцев. В результате Боэмунд изолировал своего единственного врага Раймунда Тулузского и *принципиально* решил вопрос с клятвой Византийскому царю³²².

Правда, в легендах этот эпизод был позднее значительно искажен. И в известной поэме «Освобожденный Иерусалим», написанной в XVI столетии, отставка Татикия вменяется в вину самому византийскому полководцу:

В уме своем решает грек коварный:
 «Зачем мне гибнуть здесь? Зачем мне ждать,
 Чтоб никого из наших не осталось?
 Пусть, если хочет, роет здесь могилы
 Себе и всем латинянам Готфрид!»
 Решил и под покровом ночи темной
 Украдкой удаляется из стана³²³.

Теперь руки у Боэмунда были развязаны. Но в это же время до сведения латинян дошли слухи о приближении мощной армии атабега Мосула Кербоги — султан Багдада направил того, дабы помочь окруженной Антиохии. Это известие повергло крестоносцев в ужас: они не имели лошадей, а без них преимущества тяжеловооруженных рыцарей сходили на нет. Что же еще могли противопоставить крестоносцы мусульманам, численно превосходившим их численностью? Оказавшись между двух огней — осажденной крепостью и надвигающимся врагом, они легко становились легкой добычей турок. Никакая военная тактика в таком отчаянном положении уже не спасала их; по сути, они были *обречены*.

И тут Боэмунд предложил дерзкий и отчаянный план спасения. Он умудрился как-то снестись с армянином, командовавшим одной из крепостных башен, Фирузом, подкупил того, и в ночь со 2 на 3 июня небольшая группа его норманнов проникла в город и открыла ворота. Риск был невероятно велик, храбрецы, вызвавшиеся на эту операцию, фактически становились *смертниками*, если бы турки обнаружили их раньше времени. По счастью, все обошлось. И теперь в Антиохию ворвалась вся армия крестоносцев, изливая накопившийся гнев, голод и усталость на все, что попадалось под руку. Как говорят, от их мечей погибли практически все мусульмане

и даже некоторые христиане, не успевшие уйти с пути разъяренных пилигримов; земля была залита кровью, повсюду валялись трупы. Город оказался в руках латинян, и лишь цитадель, возвышавшаяся над городом, скрывала небольшой отряд турок под командованием сына Яги-Сиана. Сам эмир погиб, пытаясь скрыться из охваченного огнем города³²⁴.

А на следующий день к городу подошла турецкая армия под командованием Кербоги и блокировала крестоносцев в Антиохии. Положение крестоносцев вновь стало отчаянным. Правда, Кербога не смог пробиться с ходу в город — крестоносцы сумели организовать оборону, но ввиду его 300-тысячного войска им приходилось сражаться на два фронта, отбивая контратаки защитников цитадели. Продовольствия вновь не хватало, и многие латиняне ночью тайком спускались на веревках по стенам, надеясь скрыться от воинов Кербоги и вернуться на родину. Оставшиеся находили утешение в многочисленных явлениях Христа, Пресвятой Богородицы и святых, которые им посылало Небо. Однажды некий провансалец Петр Бартоломей пришел к Раймунду Тулузскому и сообщил, что во сне ему явился апостол Андрей и указал место, где хранится «Святое копье», которым, по Преданию, был пронзен Иисус Христос на Кресте. И действительно, копье нашлось, чем заметно оживило дух латинян³²⁵.

Ситуацию, и без того крайне запутанную в части существующих и распадающихся альянсов, еще более усложнило следующее событие. Прекрасно зная о том, *что* является целью Крестового похода, египетские Фатимиды внезапно решили захватить мечту своих предков — Иерусалим. В принципе их действия можно легко понять: поскольку все силы турок оказались стянутыми к Антиохии, против крестоносцев, защищать Иерусалим было почти некому. Восток всегда легко относился к словам клятв, не видя особой необходимости придерживаться их, если обстоятельства складывались удачно. И в данном случае Фатимиды действовали, исходя исключительно из собственных интересов, предав забвению ранние договоры с крестоносцами.

В июле 1098 г. армия аль-Афдаля вторглась в Сирию и подошла к стенам Святого города, где в это время находились два сына султана Ортука эмиры *Сукман* и *Иль-Гази*. Вначале те пытались защититься, но аль-Афдаль пробил брешь в стене и ворвался в Иерусалим. Правда, одержав победу, египтянин не стал особо злобствовать и проявил по отношению к обоим эмирам снисхождение, разрешив тем уехать в Дамаск. Сам он, оставив гарнизон, вернулся в Египет³²⁶.

Когда союзник претендует на награду, которую желает получить его же товарищ по альянсу, ситуация требует *немедленного* разрешения. Но в ту минуту латинянам было не до аль-Афдала. Кербога стоял у стен города, ожидая новых подкреплений, силы крестоносцев таяли. Вновь был созван военный совет, на котором, утвердив уже практически *официально* права Боэмунда на Антиохию, приняли решение передать тому на 14 дней все права по командованию крестоносным воинством; по сути, Боэмунд получил диктаторские полномочия. Раймунд Тулузский, авторитет которого после чудесной находки сильно вырос, некстати заболел, а потому не смог стать конкурентом Боэмунду.

Быстро восстановив дисциплину в войске, норманн направил к Кербоге Петра Пустынника с предложением решить вопрос миром, на что эмир дал высокомерный отказ — его армия почти в 2 раза превосходила по численности латинян, была гораздо свежее и не страдала от голода. Таким образом, битва оказывалась неизбежной. Два дня крестоносцы постились и пребывали в молитве, наконец, собрав последние остатки мужества пилигримов в один кулак, 28 июня 1098 г. Боэмунд вывел своих рыцарей на битву. Кербога настолько был уверен в победе, что даже не стал препятствовать их построению³²⁷.

Священник Раймунд Агуилерский, состоявший при особе графа Тулузского, так описывал эту битву. «Дерзость врага нарастала. Наши люди, рассчитывая на выгодное возвышенное положение, бились с неприятелем и отбросили его при первом натиске. Однако, забыв об угрожающем положении и стремясь к грабежу, они все же были обращены в бегство. Более 100 человек погибло в воротах города, а еще больше полегло лошадей. Турки, достигшие основания крепости, хотели спуститься в город. Битва шла с утра до вечера с такой яростью, о которой прежде никогда и не слышали. Нас постигло ужасающее и небывалое бедствие, и среди потока стрел, камней и копий пали столь многие, что люди утратили чувствительность. И если вы спросите, как настал конец битвы, я отвечу, что спустилась ночь»³²⁸. Армия турок была разбита наголову, а буквально на следующий день гарнизон цитадели сложил оружие. Потери крестоносцев насчитывают около 4 тыс. воинов, разумеется, турки потеряли гораздо больше своих солдат. Теперь Антиохия стала вновь христианской, но *не византийской*.

С этим сражением связано рождение одной красивой легенды. Будто бы во время битвы Танкред, племянник Боэмунда, был смертельно ранен турком-великаном. Истекая кровью, он умирал

в стороне, когда к нему прибежала прекрасная *Эрминия* — взятая им незадолго до этого в плен султанская дочь. Девушка отрезала кинжалом свои прекрасные волосы, обладавшие якобы волшебной силой, перевязала ими раны любимого и тем самым спасла от смерти:

Тебе, Танкред, я душу отдаю:
Пусть вместе успокоится с твоею».
Теряются слова ее в стенаньях,
слезами же своими орошает
Она лицо героя. Тот в себя
Приходит и едва приоткрывает
Сомкнутые уста! Глубокий вздох
Сливается со вздохами царевны...
Уже доспехи сняты; вся дрожа,
Эрминия осматривает раны.
И знание, и уменье обещают
Возлюбленного к жизни возвратить³²⁹.

Так или иначе, но Танкред выжил и станет еще не раз героем нашего повествования. Легенда легендой, но действительность была куда менее красивой. Подсчитав потери, 3 июля 1098 г. вожди приняли решение переждать жаркое восточное лето и отправиться на взятие Иерусалима лишь в ноябре месяце. А за это время намеревались решить все накопившиеся спорные вопросы. Увы, как всегда, главным из них был вопрос о том, *кому* все же принадлежит Антиохия? Боэмунд вспоминал ранее данные ему обещания, Раймунд Тулузский, не тратя лишних слов, занял своими солдатами несколько сторожевых башен, контролирующих кварталы города, и потребовал закрепить за ним права на эту часть Антиохии. По крайней мере в том случае, если права Византийского императора на город не будут признаны его товарищами. Безусловно, Раймундом, который некогда категорически отказывался принести Комнину ленную присягу, двигали не только соображения чести и желание восстановить справедливость. Если уж Антиохия не достается ему, то пусть она не попадет в руки и его противника!³³⁰

Желая найти приемлемый компромисс, некоторые вожди крестоносцев предложили все-таки признать права Константинополя на Антиохию, но при неременном условии, что Алексей Комнин вместе с ними предпримет поход на Иерусалим — ввиду больших потерь армия латинян сильно поредела в численности и нуждалась в свежих пополнениях. Посольство возглавил отпрыск королевской

крови граф Гуго Вермандуа, но, прибыв в Константинополь, он решил не возвращаться в Антиохию и отправился в любимую его сердцу Францию. Едва ли могут возникнуть сомнения в том, что Гуго имел аудиенцию у императора и донес до его слуха вопль латинян о помощи. Тем не менее положительной реакции на это письмо не последовало, что также вполне объяснимо.

Хотя обращение к василевсу состоялось по горячему призыву Раймунда и еще живого на тот момент епископа Адемара, Боэмунд не особенно противился ему: он прекрасно понимал, что Комнин воевать с турками за Иерусалим *не будет*. Взятие Святого города вовсе не означало крушение турецкой экспансии, а наживать грозных врагов для интересов крестоносцев явно не входило в планы Алексея I. И нет ничего удивительного в том, что латиняне так и не получили письма от императора, который под любым благовидным предлогом оттягивал отрицательный ответ. Тогда Боэмунд решил действовать, как говорится, по факту. 14 июля он подписал соглашение с генуэзцами, которым, как полноценный хозяин Антиохии, передал право торговли на некоторых городских площадях, а также часть зданий в обмен на поставки продовольствия.

В довершение всех бед внезапно вспыхнула эпидемия, мгновенно разогнавшая рыцарей по крепостям и городкам, расположенным вдали от Антиохии. Герцог Готфрид Бульонский направился в Эдессу, а оттуда в Турбессель и Раванделу, где и обосновал свои новые владения. Боэмунд занял Киликию, где уже стояли гарнизоны, оставленные еще его племянником Танкредом. Роберт Норманнский двинулся вдоль побережья к городу Латакании, который был освобожден им от турок, хотя и ненадолго, — византийцы вскоре вновь вернули его себе. Раймунд Сен-Жиль овладел Рутьей на Оронте и захватил город Альбары. Примечательно, что в этом городе ранее не было своего епископа, и теперь по просьбе Раймунда Сен-Жиля Антиохийский патриарх Иоанн хиротонисал некоего Петра в архиереи, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что тот принадлежал к Римской церкви³³¹.

Однако эти доброжелательные отношения были развеяны Боэмундом, который действовал совершенно самостоятельно, не считаясь с чужими интересами. Беда заключалась в том, что 1 августа 1098 г. от тифа скончался епископ Адемар Пийский, доверенное лицо Римского папы Урбана II, и теперь между крестоносцами и императором уже не было посредника, настроенного миролюбиво по отношению к византийцам. И вполне естественно, что крестоносцы решили написать папе письмо, в котором просили того дать им ново-

го духовного вождя — в военных, разумеется, недостатка не было. Эта просьба еще не нарушала ничьих интересов, но Боэмунд пошел дальше: он не просто просил у папы нового духовника крестоносцев, но *епископа для своей Антиохии*, который мог бы потом стать патриархом Иерусалима! Обоснование этой просьбы было довольно простым: ссылаясь на то, что некогда христианская община здесь была основана апостолом Петром, норманн считал, что только и исключительно предстоятель Апостольского престола, его наследник, может ставить архиерея на эту кафедру.

Поступок норманнского вождя являлся, конечно, грубым попранием традиций и норм поведения того времени. Более того, своими действиями он сделал уже совершенно неосуществимой идею воссоединения Церквей, максимально обострив отношения между православными и латинянами. Население Антиохии лишь последние 14 лет находилось под властью мусульман и в массе своей было еще православным. В городе находился законный патриарх, нисколько не сомневающийся в том, что крестоносцы признают его первосвятительские права. Естественно, вопрос о замене патриарха другим лицом или о назначении на эту кафедру латинского ставленника вообще не рассматривался ранее. Каково же было удивление Иоанна Антиохийского, когда он узнал о письме Боэмунда папе Урбану II, в котором ему, патриарху, вообще не нашлось места!

Как будто о чем-то само собой разумеющемся норманн писал понтифику: «Разве может быть что-то более необходимое во всем мире, чем чтобы ты — отец и владыка христианской веры — вошел в древний и великий град, где христиане обрели имя свое, и сам завершил войну, которая твоя есть? Ибо мы разбили турок и язычников, но не знаем, как поразить еретиков — греков, армян и сирийских яковитов. Поэтому непрестанно молим тебя, дорогой отец, чтобы ты, наш заступник и наставник, прибыл в этот город, *твой город*, и чтобы ты, викарий св. Петра, воссел на престоле, и тогда обретишь нас верными сынами, справедливыми во всем, и своей властью и нашей силой сможешь искоренить и уничтожить любые ереси». Надо сказать, что благоразумный папа Урбан II не разделял мыслей норманна ни о «последней войне» с еретиками, которыми он, разумеется, византийцев не считал, ни о порядке замещения Антиохийской кафедры.

Чтобы несколько смягчить конфликт, в котором наиболее соvestливые государи латинян считали виновными самих себя, крестоносцы не решились поставить на Антиохийскую патриаршую кафедру западного архиерея. Такое событие выглядело бы открытым

разрывом отношений с Алексеем I Комнином и грубейшим нарушением ленной клятвы. Но так было только до короткого времени. Новый папский легат Даймберт, уроженец города Пизы, находящегося в состоянии войны с Византией, не испытывал никакой симпатии к грекам. Естественно, он без колебаний принял антивизантийский курс Боэмунда, признал его «права» на Антиохию и утвердил на Антиохийской кафедре при живом патриархе латинского архиерея Бернарда Валенского.

Немного забегая вперед, скажем, что после этого законному патриарху Иоанну пришлось спешно в 1110 г. удалиться в Константинополь. А в скором времени *все* православные епископы этой патриархии были вытеснены латинскими собратьями со своих кафедр. С тех пор многие Антиохийские патриархи и епископы находили себе приют в Константинополе, не имея возможности вернуться на родину. И хотя в самой Антиохии хозяйничали латиняне, ставившие своих избранников на патриаршую кафедру, в Константинополе признавали каноничными только тех лиц, которые были назначены патриархами в византийской столице³³².

Так, в болезнях, спорах, предательствах и смертях прошло лето. Наступило 1 ноября, и тут внезапно выяснилось, что Боэмунд не собирается участвовать в военном совете, где предполагалось утвердить план дальнейшего наступления. И хотя в качестве отговорки норманн указал свою болезнь, всем стало ясно, что без уступки ему Антиохии он поход не продолжит. А без него у Иерусалима делать было нечего; пришлось уступить³³³.

Поскольку после образования Эдесского княжества латиняне уже лишились армии Балдуина, отказ от дальнейшей войны со стороны Боэмунда и Танкреда (племянник не оставил дядю в трудную минуту и был солидарен с ним во всем) был для них смерти подобен. Ситуация обострилась еще и тем, что в это время Петр Бартоломей открыл новые видения, посетившие его. Он рассказал, будто во сне ему явился апостол Андрей и приказал без промедления направиться в Иерусалим. Простой народ, которому хуже смерти пришлось месяцы *голодного ожидания* в Антиохии, толпами направился к вождям похода с требованием продолжить марш. В таком положении ничего не оставалось, как признать *окончательно* права Боэмунда на Антиохию и отдать приказ двигаться в путь³³⁴.

Раймунд Тулузский, глубоко обиженный тем, что все вокруг, кроме него, обзаводятся владениями, также попытался уйти в сторону и захватить город Мару, чтобы основать в нем свое княжество. Но прибывший к началу осады Боэмунд помешал реализовать этот

план. Тогда граф, откровенно *не спешащий* в Иерусалим, повел своих рыцарей к Триполи, но и здесь его ждало разочарование. Остальные вожди латинян, не испытывавшие никакого желания брать Триполи для Раймунда, просто сожгли все палатки в его лагере, чем вынудили того идти в Иерусалим³³⁵.

Едва решили двигаться в путь, как в лагерь пилигримов явились послы императора Алексея Комнина (наконец-то!) с предложением отложить начало похода, поскольку василевс *в принципе* готов составить им компанию в борьбе за Иерусалим; нужно лишь время, чтобы он собрал необходимую армию. Раймунд ликовал, всем своим видом демонстрируя, что лишь он один был прав в своих предположениях. Но рядовые крестоносцы, которым опротивело бесконечное ожидание, требовали игнорировать *такое* предложение о военном союзе³³⁶.

Поскольку Боэмунд не собирался покидать с таким трудом доставшуюся ему Антиохию, Раймунд, проглотивший сквозь горечь слез еще один удар судьбы — он так и не смог покорить Мару, 13 января 1099 г. совершил демонстративный и многозначный поступок. Босой и одетый как кающийся грешник, он вышел из своей палатки и пошел по направлению к Иерусалиму. Этот благородный поступок, помноженный на с умом потраченные деньги, принесли графу много пользы: его авторитет стал непререкаемым, и уже *он*, а не норманн стал неформальным главой крестоносного мероприятия. Даже Танкред, не говоря уже о Роберте Норманнском, получившие от Раймунда по 10 тыс. золотых монет, признали его лидерство и отправились с ним в поход. Впрочем, нельзя отбрасывать и того предположения, что переход на службу к Раймунду был *втайне* согласован Танкредом с дядей, с большим недовольством взиравшим на активность своего врага³³⁷.

Поход продолжался, равно как и бедствия, которыми были со всех сторон окружены крестоносцы. Ведь вследствие упорного «стояния» Раймунда латиняне отправились в путь не благословенной весной, а уже в конце мая 1099 г., когда солнце начало давать себя знать в полном объеме. Состояние их было тяжелым, положение — отчаянным. Автор сочинения «*Cesta Francorum*» писал: «Наши люди столь измучены жаждой, что пускали кровь лошадям или ослам, чтобы напиться. Другие опускали в сточные ямы пояса или другую одежду и выжимали в рот влагу. Третьи раскапывали влажную землю и ложились на спину, укладывая землю себе на грудь. Столь ужасным был голод, что люди варили и ели листья смоковницы, винограда, чертополоха, других растений. Иные варили высушенные шкуры

лошадей, верблюдов, ослов, быков или волов и ели их». И далее: «Мы страдали от жажды настолько, что зашивали шкуры быков или волов и использовали их, чтобы принести воду за шесть миль. Мы пили воду из этих бурдюков, хотя она воняла. И вот от дурной воды и ячменного хлеба мы каждый день терпели страдания, да еще и сарадины устраивали засады у каждого источника или пруда, где убивали наших и резали их тела на части»³³⁸.

Но и помимо этого хватало трудностей. Как всегда, междоусобица постоянно давала себя знать, и уже скоро авторитет Раймунда Тулузского, как единоличного лидера, пошатнулся. Теперь крестоносцев вели он, Готфрид Бульонский и Роберт Норманнский. Боэмунд так и не исполнил своего обещания, сославшись на неотложные проблемы, занимавшие его в Антиохии. Правда, часть его норманнов была переподчинена Танкреду. По свидетельствам современников, крестоносная армия являла собой жалкие остатки некогда пышного 300-тысячного воинства. Теперь в лагере насчитывалось не более 40 тыс. человек различного сословия и пола, из которых не более 20 тыс. были способны носить оружие.

Кроме того, возникли сложности с бывшим союзником в лице Египетских Фатимидов, захвативших Иерусалим. К визирю аль-Афдалю были направлены послы с требованием передать Святой город латинянам, но мусульманин категорически отказал в этом. Теперь вместо одного врага у крестоносцев появилось два. Всем было ясно, что после неудачного посольства египтяне начнут готовить новую армию для посылки в Иерусалим, а латинянам еще нужно было пройти почти 300 км, чтобы достичь цели своего похода раньше Фатимидов.

Правда, неожиданно нашлись и добровольные помощники — мелкие турецкие князья, чьи владения располагались возле Бейрута, Тира, Сидона, не желавшие найти смерть от пилигримского меча, начали охотно снабжать крестоносцев продовольствием. Наконец, 7 июня 1099 г., пройдя за три года более 3 тыс. км, крестоносцы увидели Иерусалим³³⁹.

12 июня, полные религиозного возбуждения, пилигримы совершили Крестный ход, а затем, по совету старика-христианина, уроженца этих мест, устремились на штурм, который, увы, оказался для них неудачным. Пришлось подождать подхода главных сил, срочно изготавливать штурмовые башни и уже под их прикрытием идти вперед. 15 июля 1099 г. начался новый и *последний* штурм Иерусалима. Битва была чрезвычайно кровопролитной. Крестоносцы несколько раз с трех сторон бросались на штурм, но их атаки отбивали

защитника города. Наконец, воспользовавшись густым дымом, затянувшим часть крепостных стен Иерусалима, два рыцаря — Летольд и Энгельберт из Турне спустились по подъемному мосту восточной башни на крепостную стену. Следом за ними первым в город ворвался Готфрид Бульонский, ставший после этого кумиром рыцарства, «героем № 1» латинского христианства³⁴⁰.

Последующая за этим *бойня* относится к самым мрачным и страшным страницам западного христианства. Крестоносцы убивали евреев без всякой жалости, сжигая их вместе с синагогами, не щадили и мусульман. Особенно неистовствовали норманны Танкреда, преследовавшие иноверцев вплоть до Храма Гроба Господня, где все мусульмане и евреи нашли свою погибель. Улицы города были завалены трупами, повсюду лилась кровь, достигавшая колен пеших воинов и конской упряжи. Как писал современник тех далеких событий, «страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены, и как вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но еще более приводит в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног. В черте храма, говорят, погибло до 10 тыс. неприятелей. Столь повального истребления язычников никогда еще не видывали и не слыхивали; их количество ведомо только Богу»³⁴¹.

...Прошло несколько дней, трупы убрали с улиц города, дома кое-как привели в порядок. Теперь на повестке дня встал вопрос о будущем города, завязались жаркие дебаты. Уже на восьмой день после взятия города вожди крестоносцев собрались вместе, даже не удосужившись пригласить клириков, сопровождавших их в течение всего похода. Те недолго скорбели и пошли на хитрую уловку: собрав членам совета, будто желают передать им важные новости, они вошли в палатку и в буквальном смысле слова *запретили* данное собрание. Однако напрасно прелаты повторяли «Диктаты» папы Григория VII о превосходстве духовной власти над светской — их никто не слушал. Светские правители прекрасно знали о том, что армия аль-Афдаля была уже на подходе к Иерусалиму, и лишь единовластие могло спасти новое приобретение латинян³⁴².

Для *приличия* клирикам напомнили, что все окружающие Иерусалим земли все еще находятся под властью турок и арабов, а потому — «единственное их спасение в короле». Как и следовало ожидать, победила «светская» партия, и правителем Иерусалимского королевства был избран *Готфрид Бульонский* (1099—1100). Впрочем, не желая продолжать конфликт с могущественным Римом, тот заявил,

что желает именоваться не Иерусалимским королем, а «защитником Гроба Господня». А римские клирики решили инициировать скорейшим образом вопрос о выборах нового патриарха Иерусалима — конечно, из числа латинского духовенства. Они рассчитывали таким способом восстановить привычную систему отношений, как она сложилась в Европе³⁴³.

Иерусалимский патриарх Симеон II к тому времени уже умер на Кипре, но латиняне вели себя так, словно данная кафедра находится в их законном распоряжении. Первоначально ими был возведен на патриарший престол Иерусалима Арнульф Шокесский, но скоро многие заявили, что такое избрание нарушает канонический порядок, поскольку новый патриарх не имел до своего избрания никакой степени священства. Да и нравственность его, мягко говоря, была весьма и весьма сомнительна — все участники Крестового похода могли привести на этот счет массу примеров, которые обычно не описываются в деталях.

Что же на их фоне могли сказать православные греки и армяне Палестины о новом патриархе? Разумеется, еще меньше доброго, чем латиняне. В пику политике покойного епископа Адемара, Арнульф сразу взял курс на *латинизацию Востока* и не церемонился в выборе средств. Он запретил греческим священникам проводить богослужения в Храме Гроба Господня, а затем начал поиски Креста, на котором был распят Спаситель. Дело в том, что еще при власти Фатимидов греки, высланные из Иерусалима, вывезли с собой драгоценную святыню и теперь отказывались рассказать Арнульфу, где спрятали ее. В ответ тот просто предавал их пыткам до тех пор, пока огонь и железо не развязало языки священникам-грекам. В таких условиях пилигримам, если они хотели осесть в Иерусалиме и Палестине надолго, ставить патриархом Арнульфа было смерти подобно³⁴⁴.

Поэтому новым патриархом Иерусалима стал уже знакомый нам папский легат Даймберт Пизанский. Тот немедленно продолжил ту практику, которую ранее благословил в Антиохии. Православный епископат был изгнан со своих должностей, и его место заменили латинские выходцы — ни о каком *равенстве* латинян и православных речи и быть не могло. Более того, Даймберт вскоре посвятил нескольких латинских иереев в епископы и назначил их в такие города, как Эдесса и Тарс³⁴⁵.

Замечательно, что Господь просто и наглядно проявил Свое недовольство этими действиями. В Великую субботу 1100 г. Даймберт возглавил священнодействие в Храме Гроба Господня, желая,

чтобы при нем, как ранее при греческих патриархах, Святой Свет сошел на молящихся. Но, несмотря на то, что священнодействие совершалось по установленному порядку, Святой Свет не сходил. Часы шли за часами, латиняне не переставая молились, а чудо не свершалось. Тогда Даймберт призвал крестоносцев покаяться в ранее совершенных грехах — в первую очередь в том терроре, который они организовали по взятии Иерусалима. И лишь в ночь с субботы на воскресенье, т.е. фактически уже в Пасху, Святой Свет сошел на Гроб Господень. Но еще большие переживания ожидали латинян в следующем, 1101 г. 20 апреля того года, *впервые* в истории Иерусалимской церкви, Святой Свет вообще не сошел на молящихся! Жителей города охватил страх, и латинские священники решили оставить Храм Гроба Господня и удалились за город, их место заняли греческие и сирийские священники. И тут произошло чудо: при закрытых дверях кувуклии, внутри нее по молитвам греческих иереев внезапно вспыхнула одна из лампад, а вслед за ней Святой Огонь поочередно зажег остальные 15 лампад. Греки, увидев это чудо через застекленное окно, хотели зажечь свечи, но дверь была заперта ключом, хранящимся у латинян. Но Святой Свет не знает границ, и вскоре все лампы Храма оказались зажженными. Это был поистине страшный удар по самолюбию латинян!³⁴⁶

Захват Иерусалима вовсе не означал прекращения военных действий. Едва над Святым городом взвился христианский флаг, как в Иерусалим явились послы аль-Афдаля и передали крайнее неудовольствие своего визиря тем фактом, что крестоносцы захватили принадлежавший ему город. Он потребовал немедленно очистить Иерусалим, и требования египтянина были подкреплены значительным аргументом — сильной армией, которую он направил против пилигримов. Крестоносцам пришлось срочно собирать уже расплзшихся по Палестине и Сирии рыцарей. Помимо Готфрида, крестоносцев вели на битву Роберт Норманнский, Танкред и граф Сен-Жиль. На рассвете 12 августа 1099 г. латиняне подошли к лагерю египтян и мощным натиском опрокинули врага, предавшегося сну и отдыху. Первым бежал с поля боя сам аль-Афдаль, затем побежали остальные мусульмане.

Победа была полной, и латиняне захватили очень богатую добычу в лагере египтян. Увы, ссора Готфрида Бульонского с Раймундом не позволила им решить гораздо более актуальную задачу — захватить город Аскалон, являвшийся стратегическим центром обороны Палестины. Впоследствии им придется еще не раз с горечью вспоминать об этом трагичном упущении. А 18 июля 1100 г. Готфрид Бульонский

внезапно умер — видимо, сказались возраст и пережитые опасности; тело погребли в Храме Гроба Господня³⁴⁷.

Впрочем, объектом нападения крестоносцев стали не только турки, но и византийцы. Комнин вполне обоснованно считал земли побережья Сирии и Малую Азию своими владениями, *временно* отобранными турками и отвоеванными с помощью латинян обратно. Те, естественно для себя, забыли о ленной присяге и откровенно противились попыткам Римского царя вернуть обратно, хотя бы под свое *номинальное* господство, Антиохию и Эдессу. Комнин с полным правом посчитал себя оскорбленным и обманутым³⁴⁸.

В результате в скором времени возник такой калейдоскоп комбинаций, союзов и соглашений, который невозможно осилить. *Изначально* Комнин призывал западных христиан помочь ему в борьбе с печенегами, но уже ко времени начала 1-го Крестового похода многие из них служили в римской армии. Турки — враги христиан, становились союзниками Византийского императора, когда речь заходила о его интересах в противостоянии с пилигримами. В свою очередь крестоносцы также охотно заключали договоры с турками, надеясь совместно с ними вытеснить беспокойных византийцев, претендующих на их владения. И это не говоря уже о том, что между собой отношения у латинян складывались далеко не самым лучшим образом.

Новые крестоносные политические образования в Эдессе, Антиохии и Иерусалиме не могли не встревожить Константинополь. Особенно с учетом того, что война между Византией и норманнами Боэмунда, князя Тарентского, становилась неизбежной. Тревогу Комнина разделил и граф Раймунд Тулузский, освободивший Лаодикею от турок и передавший ее византийскому флоту. Это был серьезный удар по планам Боэмунда, у которого просто не оставалось иных территорий, за счет присоединения которых он мог бы раздвинуть границы своего княжества и одновременно с этим обезопасить его. Лаодикея была нужна ему как воздух, и вот теперь противник поставил его перед неприятным фактом. Боэмунд тут же сговорился с генуэзцами и пизанцами и привлек их в 1099 г. к войне с византийцами. Совместно они напали на Лаодикею и изгнали из города греческий гарнизон. Аломбардцы, шедшие на помощь к своим собратьям в Иерусалим, по дороге штурмовали расположенный в пригородах Константинополя монастырь Космидион³⁴⁹.

В ответ император призвал верного Татикия, передав тому командование войсками и наградив титулом «севаст», и Ландульфа, которого назначил флотоводцем. Византийцы напали на пизанский

флот у острова Родос и нанесли ему поражение. Отношения между вчерашними союзниками по Крестовому походу стали такими, что пленных западных аристократов, включая еще одного племянника Боэмунда, греки просто *перебили*, даже не попытавшись получить за них денежный выкуп. Осенью 1100 г. пришли известия о том, что генуэзцы выслали флот для помощи крестоносцам, и император срочно предпринял ответные меры. Он вызвал к себе Кантакузена, и тот возглавил большой византийский флот, должный нейтрализовать генуэзцев³⁵⁰.

Удачный момент расставить все точки над «i» настал, когда Боэмунд случайно попал в плен. Поскольку Лаодикея пока оставалась для него неприступной, норманн двинул свои войска по направлению к владениям эмира Алеппо Ридвана, нанеся тому тяжелое поражение в июне 1100 г. Оттуда князь Антиохии отправился на север, надеясь захватить город Мараш, имевший важнейшее стратегическое значение в Таврских горах. Но в это время он получил посланника правителя Мелитены армянина Гавриила, которому угрожал *Малик Гази I Гююштекин ибн Данишмендид* (1071—1104).

Это была сильная и могущественная семья тюрков, подчинившая себе Токат, Неокесарию, Эльбистан. Их владения на западе простирались до Анкары и Кастамоны, а на юге — до Мелитены. Достаточно сказать, что халиф *аль-Мустаршид* (1118—1135), располагавшийся в Багдаде, даровал им титул «малик», переводящийся как «царь», «король».

В обмен на военную помощь армянин обещал Боэмунду отдать свой город или признать себя вассалом норманна. Однако по пути к Мелитене, 15 августа 1100 г., Боэмунд вместе со своим кузеном *Ричардом Салернским* и войском в количестве 500 рыцарей попал в засаду. Большинство его отряда погибло, а сам Боэмунд вместе с Ричардом оказались в плену, где провели 3 года.

Это было удивительно не вовремя, поскольку за смертью Готфрида Бульонского Боэмунд имел все шансы стать новым королем Иерусалима или в крайнем случае посодействовать в этом своему племяннику Танкреду. Однако рыцари Лотарингии, которые численно доминировали в армии Иерусалима, срочно направили гонца в Эдессу, дабы пригласить князя Балдуина на вдовствующий престол. Тот, разумеется, согласился. Но пока Балдуин Эдесский со своей армией двигался по направлению к Святому городу, чтобы удовлетворить просьбу пилигримов принять на себя бразды правления, Танкред вступил в переговоры с Даймбертом, намереваясь с его помощью получить королевский венец. Однако его просто

не пустили в город, а Балдуин своевременно получил поддержку от нового папского легата Маврикия де Порто и 9 ноября 1100 г. вступил в город. Так он стал новым королем Иерусалима, *Балдуином I* (1100—1118). Взмешенный Танкред был вынужден удалиться в свои владения в Яффу³⁵¹.

Понимая, что самый главный враг для него не турки, а Боэмунд, Комнин попытался выкупить норманна из плена за 100 тыс. золотых монет, но тот успел раньше внести в казну сельджуков армянские деньги и на послание императора с требованием вернуть ему Антиохию ответил решительным отказом. За свою свободу Боэмунд легко пообещал туркам возврат всех малоазиатских владений... Византии, выторговав сохранение за собой Антиохии³⁵². Попутно Танкред захватил в 1103 г., после 18-месячной осады, Лаодикию, чем вынудил византийцев к более решительным действиям против норманнов³⁵³.

Помимо уже ставших привычными распрей и дележей добытой и еще не добытой добычи, новым событием (увы, *трагичным*) стал новый Крестовый поход, который в литературе принято считать *вспомогательным*. Действительно, как мы уже знаем, армия крестоносцев никогда не представляла собой единую централизованную силу, и в течение всего времени 1-го Крестового похода пилигримы постоянно получали подкрепления в виде новых отрядов рыцарей, прибывавших из Европы. Известия о взятии Иерусалима всколыхнули многие молодые сердца, и помимо громадных толп простых латинян, желавших попасть в Святой город, к новому походу присоединились и те рыцари, которые ранее оставили крестоносное предприятие. Многих из них дома ждал позор, как, например, барона Этьена де Блуа, которого собственная жена не пустила на порог, поскольку муж нарушил клятву Христу.

Итальянцев вел архиепископ Ансельм Миланский, и жителей солнечного полуострова собралось до 50 тыс. человек, в том числе два графа Бландратских, граф Пармский, герцог Аквитанский *Гильом IX* (1071—1126), герцог *Эд I Бургундский* (1079—1103), граф *Гильом II Неверский* (1097—1148). В Германии крестовое воинство поддержал герцог *Вельф I Бургундский* (1095—1101), благочестивая маркграфиня *Ида Австрийская* (1055—1101), аристократы Богемии, Регенсбурга, маршал Западного императора Генриха IV *Конрад*, архиепископ Тимо из Зальцбурга, епископы Ульрих Пассауский и Гебгард Констанцкий, а также множество низших клириков и монахов. Как говорят, численность новой армии крестоносцев была не меньше той, которую собрали первые вожди Крестового похода.

Однако на этот раз новые пилигримы действовали совершенно безрассудно и без какой-либо осторожности. Они полагали, что коль главная цель достигнута — Иерусалим взят, то теперь их поход превратится в увеселительную прогулку. Действительность быстро размела их грезы. Двигаясь отдельными отрядами, они становились легкой добычей турок, решивших смыть позор прежних поражений. В результате от новой армии остались жалкие остатки, которые во главе с Этьеном де Блуа добрались до Палестины³⁵⁴.

Это была не единственная неудача крестоносцев на Востоке. Осенью 1102 г. Фатимиды нанесли тяжелое поражение армии Балдуина, короля Иерусалима, при Рамле. Стало открываться, что силы пилигримов в Палестине совсем не так значительны, чтобы можно было думать о подчинении себе всех турецких владений в Сирии, Палестине, Месопотамии, а тем более в Египте³⁵⁵. С другой стороны, и египетские правители отнюдь не были выкованы из железа. Когда в 1115 г. визирь аль-Афдаль попытался развить успех, его уже встречала подготовленная армия крестоносцев. Хотя конница мусульман сумела бежать, пехота была почти поголовно уничтожена рыцарями на месте. После этого Фатимиды оставили попытки захватить Палестину и начали думать лишь об обороне своих владений, тем более что пилигримы начали активно готовиться к захвату Египта³⁵⁶.

Тем временем освободившийся из плена Боэмунд продолжил свои завоевания. В первую очередь он нанес поражение (очередное) армии эмира Алеппо Ридвана, захватил город Мослимих и наложил на жителей дань в размере 7 тыс. золотых монет. Затем, весной 1103 г., норманн вместе с Танкредом одержал победу над армянином *Татулом*, управляющим территорией Мараш, взял штурмом город Эльбистан, а в марте 1104 г. — город Бассарфурт.

Но 7 мая 1104 г. под Харраном удача отвернулась от Боэмунда: он был разгромлен Ридваном в классическом стиле. Потери крестоносцев были столь велики, что судьба Боэмунда висела на волоске. Кроме того, он едва в очередной раз не попал в плен. Вернувшись в Антиохию, норманн оказался перед печальной необходимостью отражать и атаки сельджукской конницы, и византийских войск, желавших вернуть Империи принадлежавшие ей территории. Кроме того, его всерьез заботил старый враг Раймунд Тулузский, который откровенно претендовал на часть владений Боэмунда. Граф близко сошелся с Алексеем Комнином, который выкупил у турок пленных рыцарей и направил их Раймунду. А летом 1104 г. византийская армия, направленная царем в Киликию, отобрала у норманна Тарс,

Адану, Мамистру, вернула грекам Лаодикею, и лишь крепостная цитадель еще продолжала сопротивление.

Делать нечего: в сентябре 1104 г. Боэмунд созвал совет в базилике святого Петра и объявил о своем решении оставить Танкреда регентом княжества, а самому отправиться в Европу, дабы получить помощь в борьбе с... Византией. Как рассказывают, он настолько боялся византийцев, что во время плавания притворился мертвым и провел все дни в гробу. А чтобы весть о его смерти выглядела убедительнее, он приказал положить в свой гроб дохлого петуха, испускавшего ужасное зловоние³⁵⁷.

Хотя отношения с латинянами резко осложнились, Алексей Комнин делал все возможное, чтобы не доводить дело до открытой войны. Когда в 1105 г. его добрый контрагент аббат Одерисий умер, он вступил в переписку с двумя друзьями покойного Отто и Жераром, неизменно демонстрируя уважение к Римской церкви. Попутно царь открыл в Константинополе странноприимный дом для латинских пилигримов, отправляющихся в Святую Землю³⁵⁸.

Но все было тщетно: Запад угрожающе смотрел на Константинополь, и едва ли можно было надеяться, что крестоносцы, начавшие пускать корни в Сирии и Палестине, добровольно признают над собой главенство Византийского царя. Напротив, в Италии Боэмунд был встречен с почетом, как легендарный герой, освободитель Гроба Господня. Из Италии норманн перебрался во Францию, где в 1106 г. женился на Констанции, дочери Французского короля *Филиппа* (1060—1108), сына Русской княжны *Анны Ярославны* (1032—1089). Он без труда собрал новое войско и, *получив благословение папы (!) Пасхалия II* (1099—1118), весной 1107 г. начал войну против Византии. Теперь, по справедливому замечанию одного исследователя, война норманнов с византийцами перестала быть сугубо политическим предприятием, но получила статус *нового Крестового похода*³⁵⁹.

Конфликты крестоносцев с турками и явственный отказ Комнина помогать пилигримам в ущерб интересам Римской империи привели к тому, что Иерусалимский король Балдуин напрямую *обвинил* Византийского царя в тайном сговоре с Фатимидами, о чем и поведал в своем письме в 1102 г. епископу Манассии, отправлявшемуся в Рим. Напрасно император пытался объяснить папскому легату, что бывшие договоренности были направлены в первую очередь на то, чтобы вызволить пленных латинян, пребывавших в египетском плену. Папа Пасхалий II, не любивший ни греков, ни Алексея Комнина, пришел в ярость, торжественно обвинив византийцев в измене Церкви. Правда, вскоре понтифик понял свою

ошибку: назвав восточных христиан схизматиками, он тем самым отнес их всех к разряду еретиков. Разумеется, в таких условиях *никакие* мирные отношения между крестоносцами и Константинополем становились невозможными. Апостолик тут же дал разрешение на поставление Антиохийским патриархом этнического грека, хотя и починенного Апостольской кафедре, направил легата для подписания соглашения с Комнином, но было поздно: византийцы ничего не забыли из этой истории³⁶⁰.

В отсутствие Боэмунда Танкред показал себя неплохим правителем. Всю свою энергию он направил на то, чтобы приумножить земли дяди и укрепить их. Под его командованием антиохийские норманны захватили Баниас и Большой Гибеллум, на верхнем берегу Оронто — Апамею, на востоке и северо-востоке множество мелких крепостей, дойдя до Евфрата. Весной 1105 г., наняв солдат за деньги, принудительно изъятые у антиохийских купцов, Танкред направился против Ридвана Алеппского и 20 апреля встретился с врагом на равнине, желая взять реванш за недавнее поражение дяди. Это была великолепная битва: атака тяжелой норманнской конницы в очередной раз разметала турок, эмир пытался спасти свою пехоту, но все было тщетно; победа христиан была полной³⁶¹.

Однако Танкред вскоре поссорился с армянами, которые ранее являлись надежнейшими союзниками Боэмунда. Хаос личной выгоды привел к тому, что, не желая того, крестоносцы начали *воевать друг с другом* (!), причем нередко в рядах турецких армий. В частности, в 1108 г. Танкреду пришлось биться с единоверцами, когда за Мосул поспорили два турецких эмира, один из которых пригласил в свою армию латинян. Затем, обеспечив независимость Эдессы от турок, Танкред, статус которого не поднимался выше звания регента Антиохийского княжества, заявил свои права на графство Эдесское, которое все еще принадлежало Иерусалимскому королю. Разумеется, Балдуин воспринял эти претензии крайне негативно. И вот два ветерана 1-го Крестового похода встретились на поле боя у Тель-Башира, и — о, ужас Римской церкви! — в рядах Балдуина значилось 7 тыс. турок из Мосула, ставших союзниками короля. Лишь благодаря активному вмешательству духовного вождя Антиохии и Эдессы патриарха Бернара это противостояние удалось локализовать. Война *на время* прекратилась, но ненависть продолжала клочкотать в сердцах обоих правителей³⁶².

А Раймунд Тулузский, *установивший* от норманнов, пригласил месопотамских эмиров на войну с Танкредом. И лишь в минуту крайней

опасности вожди крестоносцев забывали обиды и объединялись. В 1110 г. из-за их споров едва не пала Эдесса — оплот крестоносного движения, то же повторилось в 1111 г. В 1112 г. Танкред умер, оставив наследником Антиохии своего дальнего родственника *Рожера дель-Принчипато* (1112—1119) при условии, что в случае прибытия в город малолетнего сына Боэмунда тот обязан освободить престол³⁶³.

Ситуация для Алексея I Комнина осложнилась еще и тем, что, используя отсутствие василевса в столице, семья Анемадов решила в 1105 г. организовать новый заговор с целью убийства императора и захвата царской власти. К ним присоединились такие знатные аристократы, как семьи Антиохиев, Эксазинов, Дуков, а также Никита Кастамонит, Куртикий и Георгий Васибеки. Из членов синклита заговорщиков поддерживал Иоанн Соломон, которого и прочили будущим Римским императором. По счастью, «избранник судьбы» оказался чрезмерно болтлив, и Комнину вскоре стало известно о грядущих событиях. Соломона доставили в царский шатер, где севастократор Исаак Комнин предложил изменнику добровольно рассказать все о заговоре. Вскоре все заговорщики были арестованы и сосланы, а их имущество конфисковано³⁶⁴.

В то чрезвычайно насыщенное событиями время предавали самые близкие друзья, а непримиримые враги могли стать союзниками, что подтвердили, в частности, события в Трапезунде. После того как дука Трапезунда Феодор Гавр погиб, император направил туда своего верного полководца Григория Таронита, который смог отразить все атаки турок и попутно вел переговоры о выкупе Боэмунда из турецкого плена. В 1103 г. полководец вернулся в Константинополь, но лишь затем, чтобы, убедив василевса в необходимости своего пребывания в Трапезунде, вернуться туда с новыми полномочиями и... создать собственное царство. Подавить мятеж удалось лишь в 1106 г., причем это было поручено двоюродному брату узурпатора Иоанну Тарониту. Григорий оказался в плену, был доставлен в Константинополь, где его обрили наголо и поместили в темницу. Там неугомонный полководец ежедневно осыпал своих врагов проклятиями, пугал стражников мрачными предсказаниями и пророчествами, за что, между прочим, срок его содержания в тюрьме был продлен. Но затем Таронит внезапно раскаялся, получил прощение от императора и был даже возвращен во дворец, где занимал должность протовестиария³⁶⁵.

Заговоры не смогли отвлечь Комнина от норманнской угрозы. Желая продемонстрировать всем, кто забыл, силу своего характера, император призвал Исаака Контостефана, назначил его дукой

флота и отправил в Диррахий, предупредив, что если тот не успеет к городу до начала переправы Боэмунда, он прикажет выколоть ему глаза. *Расшитавшейся* столичной аристократии царь был вынужден напомнить, что не всегда бывает милостивым. Но в данном случае угроза и демонстрация силы не подействовали благотворно — Контостефан явно оказался ниже уровня предъявляемых ему требований и едва не потерпел поражение от Боэмунда. Только храбрость отдельных отрядов позволила в последнюю минуту вырвать победу в безнадежно складывающемся сражении.

Престарелый Алексей I Комнин, страдавший болезнью ног и мучимый боевыми ранами, сам повел в сентябре 1105 г. римскую армию навстречу норманнам в Фессалию, и императрица Ирина сопровождала мужа, ухаживая за ним и оберегая его сон и покой. Надо сказать, действовал Римский царь очень умело, предугадывая все планы врага. В битве при Диррахе Боэмунд потерпел поражение от византийцев и был вынужден признать себя в 1108 г. ленником Римского императора, обязуясь помогать тому во всех войнах против врагов Византии. Помимо этого он пообещал передать василевсу все земли, которые будут отобраны у турок, предоставил Византийскому царю право назначать патриарха Антиохии, получив взамен письменный список городов и земель, какие император уступал ему в собственность.

Это был пик политического и военного успеха императора Алексея Комнина. Самый грозный его враг покорно прибыл для подписания мирного договора осенью 1108 г. на берег реки Девольт, где в присутствии войска принес ленную присягу василевсу. Более того, он обещал, что если его племянник Танкред начнет войну с Византией, он встанет в ряды войска императора — редкий позор и унижение³⁶⁶.

Как легко догадаться, данное событие стало закатом политической карьеры Боэмунда. Он умер в 1111 г. в Апулии, сведя на нет все успехи своей бурной жизни и не играя в последние годы никакой активной и значимой роли³⁶⁷.

Как ни странно, но его смерть только осложнила положение Алексея Комнина, поскольку Танкред ни в коем случае не собирался выполнять условия договора, заключенного Боэмундом. Византийцам пришлось собирать войско для похода на Антиохию, но новые турецкие нападения на Малоазиатские владения Империи не позволили сконцентрироваться на этой цели. В апреле 1111 г. был заключен мирный договор с пизанцами, который подписал куропалат Василий Месимерий, в соответствии с которым пизанцы

получали некоторые торговые привилегии, но зато должны были оставить грабежи и возместить ущерб, причиненный их действиями византийцам.

В это же время пришло известие об образовании еще одного государства крестоносцев на Востоке. Раймунд Тулузский, обещавший не возвращаться из Крестового похода домой, долгое время никак не мог найти себе надежного пристанища. Наконец, в 1102 г. он с помощью генуэзского флота захватил крепость Тортоса, а через 2 года — порт Джумбаил. На холме, за стенами Триполи, он возвел новый город, названный им Гора Пилигрима, обеспечив контроль над окружающими землями. Впрочем, сам Триполи, осажденный его войсками, остался ему неподвластен: граф умер 28 февраля 1105 г., так и не сумев его захватить.

Племянник покойного *Гийом Жодан* (1105—1108) продолжил осаду Триполи и заявил права на имущество своего дяди. Но в 1109 г. сюда же прибыл сын и наследник Раймунда граф *Бертран Тулузский* (1108—1112), чьи права на Триполи выглядели более весомо. Гийом срочно обратился за помощью к Танкреду, и тот, конечно, охотно пошел ему навстречу. В ответ Бертран нашел союзника в лице Иерусалимского короля, и Балдуин обратился к другим рыцарям Востока с просьбой помочь графу захватить Триполи и отстоять свои владения от *любых* притязаний. В 1109 г. Триполи наконец пал, и по мирному договору между родственниками Бертран получил вожделенный город, Гору Пилигрима и Джубаил, а Гийом — Тортосу и Акру. Так оформилось *графство Триполи*, которое стало новой вотчиной графов Тулузы³⁶⁸.

В изменившихся условиях внезапно потеплели отношения с Римом, папа которого Пасхалий II легко нашел посредников в Италии для переговоров с императором. Впрочем, разгадка объяснялась просто: понтифик в очередной раз вступил в жестокую конфронтацию с Германским королем Генрихом V. Забыв о прежних договоренностях, германец потребовал признать за ним право инвеституры епископов, ссылаясь на права своих предшественников. На это не без сарказма Пасхалий II ответил, что если без совета императора Церковь стоять не может, то смерть Христа была напрасной³⁶⁹.

В поисках союзников апостолик 1 мая 1107 г. повстречался с Французским королем Филиппом I и его сыном *Людвиком VI* (1108—1137), будущим государем Франции. Оба французских самодержца продемонстрировали папе свое почтение, но, видимо, никакой реальной помощи ему не оказали. 23 мая 1107 г. папа торжественно провел Собор в Труа, названный на Западе Вселенским,

но Генрих V не оставил мыслей наказать понтифика, и в августе 1110 г. уже стоял с 30-тысячной армией у стен Рима. Пасхалий II поспешил заключить с германцем мирный договор и на радостях 13 мая 1111 г. совершил праздничную мессу. Но когда служба завершилась, толпа германцев ворвалась в алтарь и арестовала понтифика. Он и несколько ближайших его кардиналов были помещены под домашний арест в городке Чивита-Кастелано. Генрих V заставил Пасхалия II короновать себя императорской короной, но тут вмешался Французский король, собравший епископов Галльской церкви и предав анафеме Германского самодержца. Это возымело свое действие, и в октябре 1111 г. папа был уже в Латеране³⁷⁰.

В январе 1112 г. Византийский василевс отправил послание Жирару, в котором сожалел о пленении апостолика и предлагал вручить императорскую корону *единой* Священной Римской империи себе и своему сыну Иоанну Комнину (!). Надломленный германским пленом, Пасхалий II отозвался доброжелательно на инициативу Византийского царя и предложил тому лично прибыть в Италию для уяснения деталей. К сожалению, Алексей I заболел и не смог принять приглашение Римского епископа.

Несмотря на все старания Византийского императора обеспечить хоть плохой, но мир, отношения с Западной Европой становились все прохладнее. Особенно ярко проявилось расхождение между двумя частями христианского мира в ходе переговоров с Римским папой Пасхалием. Комнин искренне полагал, что после анафематствования и смерти императора Генриха IV, коварства его сына *Генриха V* (1105—1125), заточившего понтифика в тюрьму, сам собой может разрешиться и стародавний вопрос о двух центрах политической власти. Если уж латиняне и византийцы смогли объединиться во имя одной цели — борьбы с неверными, и церковные расхождения между ними не носили существенного характера, то почему не попытаться вернуться к *единой Священной Римской империи*, признав сына Византийского царя Иоанна Комнина василевсом Восточной и Западной империи? Взамен Алексей Комнин выражал готовность подчиниться Апостольскому престолу, как первенствующему в Кафолической Церкви. В ответ папа направил в Константинополь посольство из 600 человек, которое торжественно вошло в византийскую столицу³⁷¹.

В конце 1112 г. Пасхалий II вновь отправил послание Византийскому императору, в котором, нисколько не отказываясь от былых предварительных договоренностей, предложил вначале прояснить отношения между обеими Церквями. И тут же, словно забыв о преж-

них уверениях дружбы, начал яростную атаку на Константинопольского епископа, обвинив того в присвоении административных и судебных полномочий. Византийский архиерей, откровенно писал папе императору, *ранее состоял в подчинении Риму* (?), а теперь отказывается принимать папских легатов. Просто поразительно, насколько Пасхалий II не понимал (или не желал понимать) состояние дел в Константинопольской церкви, если толкал василевса на прямую фронду с патриархом. Разумеется, папе быстро ответили в том духе, что власть царя над Церковью не настолько велика, чтобы он мог заставить патриарха повиноваться *изначально* незаконным приказам.

Эти шаги, хотя и вели в тупик, тем не менее, показывали, что ни Запад, ни Восток не считают свои отношения настолько разорванными, чтобы называть друг друга «схизматиками». И уже в конце 1113 г. в Константинополь прибыл архиепископ Миланский Петри Хризолан, и греческие собраты пригласили его принять участие в Соборе, где дебатировался вопрос об опресноках и Святом Духе. К несчастью, добрые пожелания сторон так и остались нереализованными, и никто не признал правоты противника. Более того, в ответ на доводы Миланского архиерея сразу несколько видных византийских богословов взялись за перо, чтобы опровергнуть латинские доводы об опресноках и *Filioque*.

Сам император Алексей Комнин старательно избегал споров и даже целеустремленно устранял любые поводы для недовольства. Интересно, что в произведении его любимого богослова Евфимия Зигабена «*Panoplia Dogmatica*» содержатся опровержения на опресноки, но в разделе, посвященном обрядовым ошибкам... *армян* (!); о латинянах не говорится ни слова! Вопрос о *Filioque* в этом произведении вообще не рассматривался. Без сомнения, император не забыл обид, нанесенных ему двумя последними папами — Григорием VII и Пасхалием II, но затаил их. Увы, диспуты прошли, сочинения остались непрочитанными, и инициатива императора воссоединить обе Церкви, к сожалению, закончилась ничем. Вне зависимости от того, понимали это император Алексей I и Пасхалий II или нет, но Восток и Запад являлись уже двумя *различными цивилизациями*³⁷².

Как и раньше, кризис отношений между двумя «Вселенскими» кафедрами всегда приводил к еще более внутреннему кризису в Риме. Папа Пасхалий II еще умудрялся блюсти честь и первенство Апостольского престола, но его преемник *Геласий II* (1118—1119) занимал свой пост всего полтора года, постоянно пребывая в смертельной опасности. Буквально на следующий день после избрания

его захватил в плен *Ченчи Франджипани* — глава одного из самых могущественных семейств Вечного города, *собственноручно избил понтифика* (!) и заключил в тюрьму. Благодаря префекту Рима апостолика вскоре освободили, но у того имелся еще более страшный враг — император Генрих V. Едва узнав о том, что новый папа взошел на престол без его ведома, он в гневе бросился в Италию, чтобы восстановить свои права. Понтифику пришлось бежать в родной город Гаэту, а император поставил вместо него в Риме *Григория VIII* (1118—1121), которого в свою очередь Геласий анафематствовал вместе с Генрихом V. В июле 1118 г. Геласий вернулся в Рим, разделенный между ним и антипапой, и начал служить в соборе Санта-Прасседа, где на него вновь напал Франджипани. Морально сломленный папа вместе с шестью верными ему кардиналами покинул Рим и отправился в Ключи, где и скончался 29 января 1119 г.³⁷³

Вернемся, впрочем, к военным делам. Несмотря на смерть своих главных вождей, норманны все еще оставались серьезной угрозой безопасности Византийской империи. В 1112 г. Иерусалимский король Балдуин решил связать себя брачными узами с вдовой Рожера Отвиля, племянника Роберта Гвискара, *Аделаидой*. Вечно нуждаясь в средствах и военной помощи, Балдуин не смог пренебречь норманнами Сицилии. Аделаида поставила лишь одно условие: если от их союза с Балдуином не будет детей, ее сын от первого брака *Рожер* (1098—1154), граф Сицилии, получит корону Иерусалимского короля. Балдуин согласился, и в 1113 г. Аделаида отправилась в Священный город.

Была сыграна пышная свадьба — за счет средств «невесты», кстати сказать, но тут внезапно выяснилось, что Римский папа не одобряет этого брака, поскольку Балдуин формально еще не был разведен со своей второй супругой, армянкой *Ардой*, и Иерусалимский (латинский) патриарх Арнульф категорически отказывается венчать Аделаиду королевой. Все закончилось тем, что разоренная ветренным мужем, оскорбленная в общественном мнении и морально сломленная Аделаида была вынуждена вернуться в 1117 г. на Сицилию. Но юный граф Рожер, которому предстоит вскоре стать первым Сицилийским королем, не забыл унижения и вовсе не считал свои права на Иерусалимский престол обесцененными. Он затеет активную борьбу за новую корону и войдет в жесточайшее противостояние не только с западными государями и папой, но и с Константинополем, где также не забыли, что Иерусалим традиционно относился к римским землям. Наступала пора новых вселенских противостояний³⁷⁴.

Тем временем, произошли некоторые изменения на Востоке. В 1118 г., ввиду малолетства сына покойного Боэмунда *Боэмунда II* (1107—1130), Иерусалимский король сам принял регентство над Антиохией. И тогда Рожер де Принчипато решил основать собственное королевство. Его взор уже давно манил эмират Алеппо, где за смертью не очень удачливого Ридвана власть захватил узурпатор *Бад рад-Дин Лулу* (1113—1117), которому многие турки не желали подчиняться. В момент отчаяния тот обратился к своей последней надежде — Мардинскому эмиру *Иль-гази I* (1107—1122), который привел с собой около 40 тыс. конных туркмен. Умелый и опытный полководец, он не стал ждать, когда противник приготовится к битве, а 27 июня 1119 г. у местечка Белат, что располагался к юго-востоку от Алеппо, застиг войско Рожера врасплох и полностью его развеял. Затем Иль-гази, объединившись с Тугтегином, отбил у крестоносцев Атариб и Сардану. Положение Антиохийского княжества, куда направились два эмира, сразу стало крайне тревожным. Спас город новый король Иерусалимского королевства *Балдуин II* (1118—1131), сумевший в битве под Данитом сокрушить турецкую армию³⁷⁵.

Последние годы своей жизни Комнин был вынужден вести ежегодные, хотя по большей части успешные войны с сельджуками, восстановив свою власть в прекрасных приморских землях от Смирны до Атталии. На этом поприще его помощником стал Евмафий Филокал, назначенный дукой Атталии. Отстроив разоренный и пустующий город, Филокал заселил его охотниками и добровольцами и вскоре создал настоящую крепость, ставшую на пути турок-сельджуков. Евмафий нанес туркам поражение у Лампе и прошел до Филадельфии, чем возбудил гнев *Мелик-шаха* (1110—1116), султана Иконии, брата погибшего в 1107 г. при переправе через реку Хабур Кылыч Арслана. Как следствие в 1111 г. начались широкомасштабные военные действия, и к 1113 г. греки вынудили турок просить мира. Но на отдых Алексею Комнину времени не оставалось: узнав о новых нападениях турок на Востоке, он в 1115 г. возобновил войну, заставив сельджуков очистить область Дорилеи, а также вернуть города Аморий и Филомили³⁷⁶.

В этом же году возникла еще одна проблема, с которой императору придется разбираться несколько лет. Внезапно прошел слух, будто на Руси появился в действительности давно уже погибший сын императора Романа IV Лев Диоген. Это был очередной самозванец, прикрывавшийся именем блистательного императора. Но если с первым проходимцем в 1094 г. удалось справиться быстро, то *сейчас* ситуация осложнилась неожиданными обстоятельствами.

Дело заключалось в том, что Киевский князь *Владимир Мономах* (1053—1125), мать которого *Мономахиня* (1035—1067) приходилась близкой родственницей или даже внебрачной дочерью царю Константину IX Мономаху, немедленно признал самозванца и даже выдал за него свою дочь Марию. Князь собрал войска и в 1116 г. пошел войной против Византийской империи, требуя признать права самозванца. Ему удалось овладеть многими дунайскими городами, но в Доростоле лже-Диогена прикончили два наемных убийцы, направленные, без всякого сомнения, Алексеем Комнином. После этого василевс смог выбить соперника с Дуная и отвоевать Доростол. Однако Мономах, что называется, «понесло». Видимо, у могущественного Киевского князя возникли уже собственные планы, поскольку в 1119 г. он организовал новый поход, но уже под эгидой защиты прав сына самозванца, которого звали Василий.

Понимая, что такая война крайне невыгодна Империи, император Алексей Комнин пошел на невиданные уступки. Он наделил Владимира Мономаха титулом «царь», вручил тому скипетр, державу, а также царский венец, названный *шапкой Мономаха*. В обмен князь Владимир отказался от дунайских завоеваний и отвел свои войска.

Лето 1116 г. ознаменовалось очередной попыткой турок во главе с Румским (Иконийским) султаном Малик-шахом опустошить Малую Азию. К несчастью, в это время болезнь ног особенно беспокоила Римского царя, и Алексей I искренне сожалел, что не может возглавить войско в новом походе. Как только боль чуть утихла, василевс тут же сел верхом на коня и направил армию к Кивоту, а оттуда на Лопадий. Он немного опоздал — турки узнали о приближении Византийского императора и спешно бежали, умертвив многих пленных греков. Спустившись на равнину, где располагался всего 3 дня назад турецкий лагерь, царь скорбел над телами своих подданных и приказал конному отряду преследовать врага. В результате турки были наголову разбиты, оставшиеся пленные возвращены домой, а василевс еще три месяца простоял с войском для обеспечения безопасности тех мест. Затем он снялся и вернулся в Константинополь, попутно захватив город Аэр.

Но не успел царь дойти до столицы, как его догнал посланник с известием о новом нападении турок. Тут же царь во главе своей конной гвардии помчался к Никее, но еще до его прихода полководец Михаил Стипиот дал сельджукам сражение и победил. Однако через несколько дней к Никее прибыло другое турецкое войско, еще более многочисленное, чем первое. Не мешкая, царь расположил

свою армию у города Сантавариса, а также выделил сильные отряды под командованием Стипиота и Камицы, которых откомандировал в направлении Амореи. В течение лета и осени 1116 г. римская армия наголову разбила турецкие войска, победив врагов в генеральном сражении. Кратко говоря, вновь Алексей Комнин отстоял безопасность и независимость Римской державы.

Оценивая труды нашего героя, следует сказать следующее. На протяжении нескольких десятилетий Алексей Комнин неизменно проявлял себя как великий государственный деятель, дипломат и полководец. Против Роберта Гвискара он заставил воевать Венецию, против Чахи — турок, печенегов поборол с помощью половцев, крестоносцев использовал против турок, а турок — против латинян. Попутно с этим он выпестовал собственную армию, где помимо наемников во множестве появились национальные отряды. Если в начале его царствования Византия не имела никакого флота, то в значительной степени победа в противостоянии с норманнами была обусловлена прекрасными кораблями, построенными Комнином. Император не только упрочил положение внутри государства, но и существенно раздвинул его границы, почти вернув их в исходное состояние, какими они были при великом Василии II. Иными словами, императора Алексея Комнина следует назвать *национальным героем Византии*³⁷⁷.

Глава 5. Император и три женщины. Анна и Иоанн Комнины. Смерть Алексея I

Казалось бы, теперь царю можно было уйти на покой. Однако в последние годы жизни Алексея I осложнились отношения внутри царственной семьи, доставив императору много неприятностей. От брака с Ириной Комнин имел трех сыновей и четырех дочерей — Иоанна, Андроника, Исаака, Анну, Марию, Евдокию и Феодору. Безусловно, старшая дочь и сын Иоанн были любимцами царя, особенно Анна — не случайно она получила великолепное образование и была помолвлена с Константином Порфирородным Дукой, со временем, согласно договору между Марией Аланской и Алексеем Комнином, должным стать новым Римским императором. Уже с первых дней появления девочки на свет в 1083 г. у всех создалось впечатление о наличии какой-то особой *духовной связи* между ней и царственным отцом. О рождении Анны сохранился рассказ, будто ее мать в отсутствие мужа почувствовала начало родовых схваток,

но, перекрестив живот, сказала: «Подожди, милое дитя, пока не вернется твой отец». И действительно, дочь родилась через 3 дня, когда василевс вернулся из похода в столицу. Уже девочкой Анна росла в царских покоях, и ее лоб украшала диадема. Она с младых ногтей знала, что ей уготован высший жребий, и с полным сознанием своего долга готовилась стать Римской императрицей³⁷⁸.

Однако ее любимый избранник, о котором Анна не могла говорить без слез восхищения до самой смерти, наступившей в 1148 г., умер в 1094 г. Анну выдали в 1097 г. замуж за аристократа Никифора Вриенния. И когда у Алексея I Комнина родился наследник *Иоанн Комнин*, право на Римское царство у Анны исчезло. Это был тяжелейший удар для честолюбивой *женщины-ученого*, остро ощущавшей свое нравственное и интеллектуальное превосходство над братом, которого откровенно возненавидела.

Любовь к дочери никогда не иссякала в душе царя. Но как человек традиционных политических воззрений, император при выборе преемника своей власти остановился на сыне Иоанне. В 1090 г. он объявил его, трехлетнего мальчика, наследником престола и разрешил носить пурпурную обувь. Вскоре и довольно неожиданно для себя царь встретил серьезное сопротивление со стороны близких ему людей. Смерть любимого человека не убила в Анне Комнин стремления стать Римской царицей, и она активно продвигала идею наделить царским саном своего мужа, кесаря Никифора Вриенния. Царская семья разделилась — на стороне Анны оказался брат Андроник, другой брат, Исаак, всецело поддерживал Иоанна. Главное — за Анну активно боролись два любящих и властных сердца — императрица Ирина и бабушка, Анна Далассина, всегда имевшая на сына огромное влияние.

Всегда, но только не теперь. Со временем мать, властная женщина, *слишком плотно* опекавшая царственного сына, стала стеснять василевса. «Положение ее было таково, — писала Анна Комнин, — что он обладал только внешними признаками власти, она — самой властью. Она издавала законы, распоряжалась и управляла всем, а он лишь утверждал ее письменные и устные распоряжения. *Он был для нее инструментом власти*, а не самим властителем»³⁷⁹.

Согласимся — такое положение дел могло считаться приемлемым в периоды частых отлучек императора на театр военных действий, но не в мирные дни. Поэтому царь, тяготившийся раздвоением власти, мягко, но настойчиво начал ограничивать мать в управлении делами Римского государства. Вскоре Далассина умерла, и проблема, казалось, разрешилась сама собой.

Но внезапно супруга царя, тихая и незаметная Ирина, попыталась навязать ему свою волю в самом главном вопросе. Императрица настолько глубоко любила свою дочь Анну, что ради нее готова была принести в жертву даже сына. Благочестивая женщина, она получила широкое признание в столице и в народе. Ее стараниями был возведен женский монастырь Богородицы Благодатной в западной части Константинополя, куда позднее удалась, приняв постриг, дочь Ирины и Алексея Евдокия, разочарованная в замужестве после неудачного брака. Рядом с монастырем императрица приготовила покои для себя, желая найти перед смертью упокоение в небольшом дворце³⁸⁰. Как следствие народной любви и обнаружившейся привязанности к себе мужа, императрица рассчитывала добиться того, чтобы не Иоанн, а ее дочь, прекрасная Анна, стала наследницей семейства Дуков и семейства Комнинов.

Но, несмотря на все старания царственных женщин, император никак не соглашался венчать соимператором Никифора Вриенния, чем вызвал новый взрыв ненависти к Иоанну. Ирина называла сына изнеженным, безрассудным и легкомысленным человеком, постоянно противопоставляя ему светлый, с ее точки зрения, образ любимой дочери. Дошло до того, что царь был вынужден брать в походы императрицу Ирину, опасаясь, что в его отсутствие она может организовать вместе с любимой дочерью заговор против сына Иоанна. Как видим, не только вследствие нежной привязанности император не желал оставлять царицу в одиночестве в Константинополе, но и по прагматичным соображениям — иногда любовь и честолюбивые идеи создают удивительные комбинации.

Однажды, выслушав в очередной раз стенания императрицы о «неблагодарном» сыне, царь не выдержал и воскликнул: «Неужели ты не перестанешь советовать мне того, что благоприятно твоей дочери, стараясь нарушить похвальный порядок, как будто ты сошла с ума? Кто из всех прежних Римских императоров, имея сына, способного царствовать, пренебрег им и предпочел ему зятя? Надо мной стали бы смеяться все римляне и меня сочли бы за сумасшедшего, если бы я, получив царство не путем законным, но кровью родных и средствами, несогласными с христианскими постановлениями, при назначении преемника отверг своего родного сына и принял к себе македонянина Вриенния»³⁸¹.

Впрочем, верный себе, император не давал окончательного ответа, не желая расстраивать жену и дочь. На все вопросы он уклончиво отвечал, что имя преемника должно быть обсуждено более обстоятельно и в спокойной обстановке, когда прекратятся бес-

конечные войны. Так продолжалось до самой кончины императора, которая была близко.

В начале 1118 г., находясь на ипподроме во время игр, когда полил дождь и подул сильный ветер, царь внезапно почувствовал слабость. Его на руках срочно отнесли в Манганский дворец, и возле постели умирающего Алексея начались настоящие *политические баталии*. Царица Ирина делала все возможное, чтобы вымолить Римское царство для Анны Комнин, но император оставался непреклонным. Не добившись желаемого, она воскликнула в сердцах: «И при жизни ты отличался всяческим коварством, одно говоря, другое держа на уме. И ныне, при смерти, ты придерживаешься тех же обычаев, каким был верен при жизни!»

Несмотря на все хитрости императрицы, 15 августа 1118 г. Алексей I пригласил к себе сына Иоанна для последнего разговора. Пройдя к отцу, тот с его согласия снял с пальца Алексея Комнина перстень с изображением императорской печати и получил последние наставления. Выйдя из отцовской опочивальни с братом Исааком, придворными и оруженосцами, Иоанн поспешил к Большому царскому дворцу, и толпы константинопольцев, встречавшиеся им по пути, провозглашали юношу Римским царем **Иоанном II Комнином**.

Разгневанная Ирина попыталась в последний раз изменить ход событий. Она потребовала от сына прибыть к ней и *запретила* (!) ему именовать себя василевсом — тот, конечно, не послушался. Тогда она призвала Никифора Вриенния и пообещала тому содействие в присвоении царской власти, если зять тотчас выступит против Иоанна Комнина. Но Вриенний сильно отличался в части решимости и решительности от тещи и жены, а потому Ирину ждал *лет отказ*. Ворвавшись после этого в комнату, где лежал Алексей Комнин, императрица вновь осыпала мужа бранью и рассказала, что-де Иоанн еще при его жизни объявил себя Римским василевсом. Царица надеялась, что возмущенный император переменит свое решение. Но и эта заготовка не сработала. Алексей I ничего не ответил жене, и лишь без слов поднял к потолку свои руки. Что он имел в виду — неизвестно. Возможно, царь хотел упрекнуть супругу за то, что в ту минуту, когда он кается перед Ангелами, она помогает его земными вопросами. Не менее вероятно, что отец от радости за сына поднял руки к небу. Он благодарил Бога за то, что Господь внял его мольбам и отдал Римское царство Иоанну.

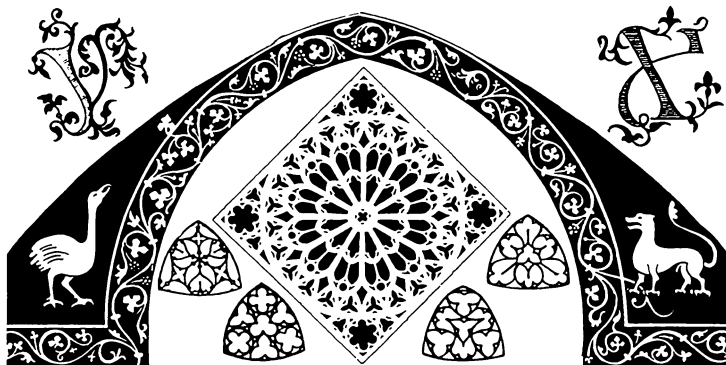
Между тем Иоанн Комнин прибыл к Большому царскому дворцу, где его на входе попыталась остановить стража. В ответ он достал перстень отца, прошел с друзьями и немногими преданными

ему воинами внутрь, а затем приказал запереть ворота и никого не пускать.

В ночь с 15 на 16 августа 1118 г. доблестный герой Византии, ее спаситель, неутомимый труженик и великий воин, император Алексей I Комнин скончался и был похоронен в монастыре Спаса, где уже давно приготовил себе могилу³⁸². Иоанн вполне обоснованно опасался вооруженной попытки сестры и зятя отобрать царскую власть — и не безосновательно. Угроза его жизни была столь вероятна, что после кончины отца Иоанн не решился пойти с последним прощанием к телу и не смог проводить императора в последний путь.

После его смерти, пройдя через крушение своих надежд, супруга Ирина отправилась в приготовленные ей царские покои у монастыря Богородицы Благодетельной. Здесь она приютила дочь Анны Комнин *Ирину*, рано овдовевшую в результате несчастного случая, много общалась с монахами, изучала богословскую литературу, принимала посетителей и просителей. Для своего монастыря она *лично* написала строгий Типикон и сама же следила за его соблюдением. После смерти дочери Евдокии в 1120 г. Ирина возглавила обитель, завещав Анне и внучке нести расходы по его содержанию, передавая монастырь по наследству. Желая уберечь монастырское имущество от реквизиции или продажи, Ирина запретила сделки с ним. Позднее, испытав жесточайшее разочарование от жизни и потеряв мужа, к матери в монастырь переберется и сама Анна Комнин. Скончалась императрица Ирина в 1123 г.³⁸³

ЛХ. ИМПЕРАТОР ИОАНН II КОМНИН (1118—1143)

Глава 1. «Семейный заговор». Войны на Западе

Римский василевс Иоанн II Комнин родился 13 сентября 1087 г. и уже в возрасте 3 лет был венчан отцом на царство как соимператор. Вместе с Алексеем I он участвовал в многочисленных военных походах и перенимал искусство управления Римским государством. В 1104 г. по настоянию отца Иоанн Комнин женился на дочери Венгерского короля *Ласло I Святого* (1077—1095) *Пирошке* («Красная девица», по-венгерски). Оставшись без отца (ее мать Аделаида Швабская умерла еще раньше), Пирошка попала под опеку нового Венгерского самодержца *Кальмана* (или *Коломана*) *I Книжника* (1095—1116), а затем, несмотря на свой протест (глубоко верующая девушка хотела принять монашеский постриг), была выдана замуж, чтобы укрепить дипломатические отношения между двумя державами. После замужества Пирошка была наречена Ириной. Впоследствии она будет канонизирована Восточной церковью как *святая Ирина*.

Эта благочестивейшая царственная чета заслуживает многих добрых слов. Даже современник, один из наиболее безжалостных критиков царей, с благоговением писал об Иоанне II Комнине: «Это был человек, который и царством управлял прекрасно, и жил богоугодно, и по нравственности не был ни распутен, ни неводержан, и в дарах и издержках любил великолепие, как об этом говорят частые

раздачи золота константинопольским жителям». Как заботливый и взыскательный отец, император чрезвычайно внимательно следил за соблюдением благопристойного поведения и вида своими домашними, обращая внимание даже на такие мелочи, как стрижка и состояние обуви. Он настоятельно требовал, чтобы и по внутренним качествам, и внешним видом его дети соответствовали царскому сану, а потому ни в чем не давал им поблажек.

При нем из дворца улетучилось пустословие, роскошь в еде и одежде. Сам Римский царь являл собой прекрасный образец строгости и воздержания, скромности и доброты. Очень редко его можно было увидеть хмурым или суровым. Открытый и приветливый, привыкший довольствоваться малым, любящий хорошую шутку, остроумный, он был любим византийцами. Достаточно сказать, что за все свое долгое царствование Иоанн II *не казнил ни одного человека* (!) и никого не изуродовал³⁸⁴.

А жена, тихая и благочестивая св. Ирина, далекая от политики, была занята исключительно воспитанием детей и благотворительностью. Все средства, которые полагались ей из государственной казны или дарил супруг, она раздавала нищим, нисколько не заботясь о наследстве для дочерей. Ни один человек не уходил от царицы обделенный ее лаской, советом или подарком. Вместе с мужем св. Ирина основала на собственные средства монастырь Спаса Вседержителя. Императрица также активно патронировала венгерских паломников, отправлявшихся в Святую Землю. Супруги были счастливы в браке и имели восьмерых детей. В 1106 г. у них родились близнецы Алексей и Мария, в 1108 г. — Андроник, в 1110 г. — Анна, в 1115 г. — Исаак, в 1116 г. — Феодора, в 1118 г. — Мануил, в 1119 г. — Евдокия³⁸⁵.

Однако начало царствования нового василевса римлян было отнюдь не безоблачным. В ночь, когда умер Алексей I Комнин, мать Иоанна Комнина Ирина отправила гонцов к сыну с требованием прибыть для выноса тела отца. Но император Иоанн II благоразумно не послушался матери — он обоснованно полагал, что его жизни угрожает опасность и решил пересидеть в Большом царском дворце. Лишь через несколько дней, когда все успокоилось, новый Римский император открыл двери во дворец всем желающим и начал править самодержавно Византийским государством³⁸⁶.

По прошествии небольшого времени царь произвел некоторые перестановки в высших кругах сановников. Своему любимому брату Исааку император даровал титул *севастократор* и приблизил к себе. Он многократно делил с ним трапезу и просил совета по самым слож-

ным вопросам. Упрочили свое положение двоюродный брат царя *паракимомен* Иоанн Комнин, *протовестиарий* Григорий Таронит и *секретологофет* (глава государственного казначейства) Григорий Каматир. Но, как ни странно, больше всех власти и доверия получил безродный турок Иоанн Аксух, некогда мальчиком взятый в плен в Никею и подаренный юному Иоанну Комнину. Став товарищем царевича, он делил с ним весь его досуг. Теперь же Иоанн был почтен титулом *великого доместика* (главнокомандующего) и получил в управление все вооруженные силы Римского государства. Несмотря на сомнительное происхождение, этот человек — открытый, благочестивый и великодушный, снискал большое уважение в народе и при дворе.

Хотя внешнее положение Византии все еще оставалось тревожным, Иоанн II Комнин был вынужден заниматься не столько военными делами, сколько безопасностью царского престола. Не успокоившаяся Анна Комнин решила в очередной раз *вырвать* власть, так упорно не дающуюся ей, из рук брата. Подговорив группу родственников и придворных, зимой с 1118 на 1119 г. она устроила заговор с целью убийства императора и передачи верховной власти своему мужу кесарю Никифору Вриеннию. К удивлению Анны, ее мать императрица Ирина категорически отказалась участвовать в заговоре, произнеся мудрую фразу: «Надобно искать царя, когда его нет, и не трогать его с места, когда он есть». Тем не менее честолюбивая женщина не послушалась совета матери.

Все было организовано на высшем уровне, и заговорщики, имевшие доступ к царю в любое время, договорились убить василевса ночью во время сна, когда Иоанн II будет отдыхать в Филопатийском цирке. Они подкупили охрану и ожидали приезда Никифора Вриенния, который тотчас после убийства самодержца должен был быть провозглашен императором. Каково же было их изумление, когда выяснилось, что «василевс» забыл о договоренностях и... *проспал заговор*. Анна Комнин была вне себя от ярости: в гневе она проклинала злую судьбу, сделавшую ее женщиной, а Никифора — мужчиной, сквернословила и оскорбляла мужа последними словами, но все было тщетно.

Наутро о несостоявшемся убийстве стало известно самому царю, без труда определившему перечень заговорщиков, из которых, впрочем, никто не пострадал — только имущество их было конфисковано. Более того, милосердный император оставил за Никифором Вриеннием его титул, а на следующий день после заговора отпраздновал во дворце свадьбу двух сыновей Анны Комнин. Что же касается конфискованного имущества, то вскоре оно было

возвращено незадачливым заговорщикам обратно. Царь вначале решил передать эти средства своим соратникам, но Иоанн Аксух убедил императора пожалеть сестру Анну, а вслед за ней и остальных преступников³⁸⁷.

Естественно, политическая карьера, выражаясь современным языком, 36-летней Анны Комнин была на этом завершена, и морально сломленная сестра царя уже окончательно отошла от дел. Нет, неистребимое честолюбие все еще бурлило в ней, но уже в форме *воспоминаний* о несбывшихся надеждах. В 1136 г. умер ее муж, а после смерти царственного брата Анна оказалась вообще позабыта своим племянником-императором, для которого являлась реликтом отжившей эпохи. Перебравшись в монастырь, основанный ее матерью, Анна Комнин нашла утешение в сочинительстве, и именно благодаря написанной ею «Алексиаде» нам известны многие подробности царствования Алексея I Комнина³⁸⁸.

Враги подпирали, времени оставалось мало, и император Иоанн II направил всю свою энергию на внутреннюю реорганизацию Римского государства, которую начал, но не успел завершить его отец. Пытаясь отыскать источники для формирования и финансирования армии, он пошел на закрепление свободных крестьян-париков на землях крупных аристократов, *прониаров*, по принципу «крепостного права». За счет этого аристократы, которым выделялись обширные земельные угодья, становились обязанными по примеру западных дворян служить Византийскому императору. Собственно говоря, весь смысл *пронии* и заключался в праве прониара на подати с крестьян, обеспечивших его финансовые возможности для такого рода службы³⁸⁹. Эта форма землевладения не влекла за собой бесправия рядового земледельца, зато отношения между византийскими аристократами и императором выстроились на более надежной и органичной основе. Как ни малопопулярны в народе были эти меры, но они способствовали резкому увеличению численности римской армии, развитию сельского хозяйства и ремесленничества³⁹⁰.

Иоанн II еще завершал внутренние перестановки, а на Востоке его уже ожидали старые враги Византии. Турки, решившие в связи со сменой императора «забыть» о договоре, заключенном с Алексеем I Комнином, напали на римские владения во Фригии. Однако василевс показал, что он — достойный сын своего отца: император продумал прекрасный стратегический план наступления на Восток с целью возврата бывших римских владений. Используя то обстоятельство, что силы турок отвлечены на крестоносцев, он начал наступление на Малую Азию, надеясь закрепиться там надолго

и всерьез. Этот план основывался на точном расчете политической карты Востока.

К тому времени Иконийский султан, до сих пор распространявший свою власть на многих местных властителей и эмиров, утратил свое прежнее значение. От него откололось множество самостоятельных турецких государств, самым крупным из них являлось княжество с центром в Мелитене. Наследники покойного султана *Малик-шаха* (1110—1116) *Масуд I* (1116—1156) и его брат *Аран*, завладевший Мелитеной, вступили между собой в междоусобную войну, чем значительно облегчали задачи царя обезопасить области Византии от набегов сельджуков³⁹¹.

Чтобы последующие военные хитросплетения были более ясны, поясним, что императора Иоанна II Комнина волновал вопрос консолидации турецких сил в Сирии, что угрожало границам его Империи. Поэтому василевс, с одной стороны, предпринимал активные действия, чтобы поссорить между собой представителей различных тюркских династий, не дав самому сильному из них на тот момент времени объединить под своим началом соотечественников. С другой, желал в ходе этой борьбы вернуть себе захваченные ранее турками византийские земли. И, наконец, ставил перед собой цель обеспечить выполнение крестоносцами вассальных клятв перед ним, как своим сеньором.

Выступив весной 1119 г. в поход, он нанес туркам несколько поражений и захватил Лаодикею Фригийскую — его первым помощником в ходе осады стал Иоанн Аксук. Одновременно с этим, нейтрализуя врага, он натравил на Данишмендидов мелких турецких князей, а затем и эмира *Тогрула Арслана*, чтобы тот не смог направить помощь султану Иконии Масуду I. Сменив нескольких военачальников и укрепив границу, царь, используя каждую свободную минуту, тренировал свои полки, приведя их к степени высокой боеготовности. Оценив на месте направление главных ударов турок, он решился на довольно рискованное предприятие — взять город Созополь в Памфилии, имевший важное стратегическое значение.

Надо сказать, Созополь находился в гористой местности и был защищен сильным гарнизоном. Поэтому царь пошел на хитрость: по его приказу начальник византийской кавалерии Пактиарий начал систематически нападать на крепость, неизменно отходя, едва турки пытались его контратаковать. Наконец, в один из дней турецкий гарнизон слишком оторвался от Созополя и попал в ловушку. После того как почти все турки были перебиты на поле боя, византийская армия беспрепятственно заняла пустой город.

Вслед за этим были освобождены от сельджуков многие восточные города, включая сильную крепость Иеракокорифитис («*Ястребиная вершина*»)³⁹². Этот поход произвел такое сильное впечатление на турок, что в течение нескольких лет они не осмеливались на широкомасштабные военные действия против Византии.

Как и его отец, Иоанн Комнин был решительным сторонником мира с Западом и постепенного восстановления церковного общения. И, надо сказать, его авторитет на Западе был чрезвычайно высок. В 1120 г. аббат Ключни Петр Благочестивый написал василевсу письмо, в котором выражал ту мысль, что Римский император по своему предназначению поставлен наблюдать за всеми Церквями, а потому просит Комнина проявить свое императорское благоволение дому ключнийцев в Циветоте. И, казалось, мир действительно может воцариться в Кафолической Церкви. Тот же аббат Петр в письме Константинопольскому патриарху называл своего корреспондента «преподобным и великим наместником Бога в Константинополе» и вообще желал посетить столицу императоров — «христианский град, основанный Господом Иисусом Христом и императором Константином»³⁹³.

Впрочем, нельзя отвергать и то предположение, что помимо высоких материй аббат действовал *по поручению Рима*, поскольку в те дни положение дел в Иерусалимском королевстве оставалось далеко не блестящим, и без помощи Византии едва ли было возможно справиться с турками, окружавшими государства крестоносцев. В 1120 г. пилигримы на Соборе в Наблусе, что находился рядом со Святым городом, обсуждали варианты противодействия мусульманам и обратились с письмом к папе *Каллисту II* (1119—1124), в котором просили того объявить новый Крестовый поход. На этот призыв откликнулись итальянцы, представившие пилигримам свои суда, при помощи которых латиняне захватили в 1124 г. богатый город Тир. Правда, взамен венецианцы получили поистине царские привилегии, не идущие ни в какое сравнение со средствами, потраченными ими на снаряжение флота. Еще одна попытка изменить рисунок стратегии была предпринята с помощью вновь прибывших на Восток западных рыцарей в 1129 г. королем Балдуином II, когда тот попытался захватить Дамаск. Но эта кампания оказалась неудачной³⁹⁴.

Время передышки Иоанн II Комнин использовал для нормализации жизни в Империи — любая война чрезвычайно тягостна для населения и выбивает государство из привычного образа жизни. Но в 1122 г. ему пришлось вновь отправляться в поход, поскольку

разбитые князем *Владимиром Мономахом* печенеги в большом количестве перешли через Дунай и начали грабить Фракию. Император срочно собрал армию, а попутно, желая выиграть время, направил к печенегам послов с предложением мира. Как обычно, византийские дипломаты оказались на высоте положения — они вели сложную игру с вождями различных печенежских родов, внося в стан врагов разномыслие. Одни печенеги высказались за немедленный мир с византийцами, восприняв его как благо, другие ханы были готовы обсуждать его условия. Но главное — степняки *обманулись*, решив, что византийцы небоеспособны, а потому их нечего опасаться. И когда в одну из ночей император во главе римской армии напал на их становища, печенеги были изумлены.

Все же это был очень сильный и многочисленный враг, а потому битва сложилась тяжелая и затяжная. Придя в себя, степные разбойники соорудили круг из повозок, откуда их конные части смело контратаковали византийцев. Царь все время сражался в первых рядах, был ранен стрелой в ногу, но неизменно направлялся туда, где возникала самая горячая схватка. Когда же римские солдаты уже устали, а враги перешли в контрнаступление, император встал на колени перед иконой Богородицы и воззвал к Ней с горячей молитвой. После этого во главе своих гвардейцев, набранных из англов и саксов, царь бросился на печенежские повозки и прорвал вражеский строй³⁹⁵. Теперь участь сражения была решена — печенеги бежали, а византийцы преследовали их, убивая тысячами. Враг был разгромлен совершенно, и византийцам удалось захватить в плен невероятное множество степняков. Это была грандиознейшая победа — равная той, которую в 1091 г. одержал Алексей Комнин³⁹⁶.

Некоторые из пленных печенегов были проданы в рабство, другие, приняв Православие, поступили на византийскую службу, третьих принудительно переселили в римские провинции, заставив принять оседлый образ жизни. В благодарность Спасителю за дарованную Им победу василевс отслужил молебен и приказал установить новый, «печенежский» праздник³⁹⁷.

Только покончили с этим врагом, как в 1124 г. западные области Римской империи вновь попали под удар завоевателей — на этот раз сербов. Скорый на подъем, царь немедленно выступил в поход и нанес сербам тяжелое поражение, захватив большую добычу и множество пленных. Примечательно, что захваченные его солдатами сербы были переселены в Никомидию, где их наделили землей. Небольшая часть мужчин, выразивших соответствующее желание, была принята в состав римских полков.

Но тут царю пришлось испытать и горечь поражений. Понимая, что национальная торговля обречена на забвение, пока венецианцы имеют преимущества перед византийцами, император еще в 1118 г. предупредил недавних союзников, что не намерен пролонгировать старое соглашение, заключенное в 1082 г. его отцом. Для тех это стало громом среди ясного неба — венецианцы не только не думали над тем, что срок действий их привилегий истек, но рассчитывали на еще большие преференции. Решив наказать Константинополь за «коварство», в апреле 1122 г. они направили свой флот из 71 военного корабля и многочисленных мелких судов на остров Корфу. Началась война.

Однако на дворе был уже не 1082 г., да и сам Иоанн II Комнин мало походил на труса. Он разместил на острове сильный византийский гарнизон, и, потратив 6 месяцев на осаду, венецианцы были вынуждены с позором уйти. Вместо Корфу они решили удовольствоваться завоеваниями торговых прав на Востоке, куда их горячо звали крестоносцы — особенно после того, как Иерусалимский король Балдуин II попал в плен мусульманам. Все же мстительные венецианцы весной 1123 г. по дороге заглянули на острова Лесбос, Родос, Хиос и Кипр и разграбили их³⁹⁸.

По прошествии 3 лет венецианцы, успешно воевавшие на Востоке, разгромившие африканских арабов и спасшие крестоносцев в Иерусалиме от неминуемой гибели, вновь дали о себе знать Византии. Благодаря своему мощному флоту и неисчерпаемым финансовым ресурсам, они нанесли сильное поражение венграм в Далмации в 1125 г., а вслед за этим византийцам в Кефалонии. Византийская держава не могла воевать сразу на всех фронтах, а потому, горько сожалея об этом вынужденном поступке, василевс вернул венецианцам те торговые льготы, какие им дал в 1082 г. император Алексей I Комнин. По крайней мере *о большем* просить венецианцы уже не осмелились.

Как обычно, когда политические интересы и субъективные обстоятельства не нарушали мир Церквей, Рим и Константинополь *естественно* тянулись друг к другу. В 1124 и 1126 гг. император и понтифик обменялись посольствами, имевшими целью разведать обстановку и возможность примирения. Примечательно, что обе стороны старательно избегали богословских споров, по-видимому, опасаясь, что из-за них переговоры могут сорваться. Правда, развиту этих мирных инициатив вскоре помешала война³⁹⁹.

В 1124 г. погиб отчим Тогрул Арслана *Артукид Балак*, и эмир Данишмендидов *Гази II* (1104—1134) захватил Мелитену. Вслед за этим

он отвоевал у Византии Анкиру, Кастумуни и Гагру, продвинувшись в Пафлагонию до самого Черного моря. Опасаясь, что после победы над Боэмундом II турок будет претендовать на Антиохию, император принял в 1125 г. поход в Пафлагонию. Благодаря тонкой дипломатии Иоанна II Комнина, Гази II не получил помощи от наследников Румского султана. Более того, спасаясь от брата, Масуд бежал в Константинополь, где провел 4 года. Затем он перебрался к своему тестю Гази II и вернул себе трон. И уже его брат Арап спасался в столице Византии, где вскоре и умер⁴⁰⁰.

В 1127 г. Византию ждало новое испытание — Венгерский король *Иштван II* (1116—1131) перешел с войском Дунай и разграбил города Сердику, Зевгмин и Браничев. Поводом к войне послужило бегство в Константинополь его ослепленного дяди *Альмоша*, брата бывшего короля Кальмана I Книжника. Естественно, св. Ирина приютила родственника, и Иштван II, сославшись на то, что жители Браничева якобы нападают на его подданных, расторг мирный договор. На самом деле ни для кого не являлось секретом, что венгры активно ищут выхода к побережью, для чего готовы объединиться с сербами. Нападение свершилось слишком неожиданно, а потому император не смог сразу же дать отпор врагам. Не желая рисковать, василевс отправился в Филиппополь, наладил линию обороны, и только летом 1128 г., собрав войска и флот на Дунае, решил дать венграм сражение. Переправившись с войском через Дунай, он разбил врага в нескольких битвах, вернул Зевмин и даже овладел частью венгерской земли — плодородной равниной между реками Дунаем и Савой.

Оставив гарнизон в Браничеве под командованием полководца Куртикия, царь вернулся в Константинополь, чем тут же воспользовались венгры. Она напали на город и после короткой, но яростной схватки овладели им. Нет сомнения в том, что караульная служба была поставлена в Браничеве из рук вон плохо, да и во время боя часть византийского войска сдалась в плен или искала спасения в бегстве. И тогда василевс продемонстрировал, что воинская дисциплина для него — не метафизическая категория. Хотя лично Куртикий сражался мужественно, император осудил полководца за измену и приказал высечь его в назидание всем остальным солдатам и командирам.

Вслед за этим произошло нападение сербов на крепость Рас, которую византийцы сдали. Участь командующего гарнизоном Критопа также оказалась незавидной — за трусость и неумение организовать войска император приказал переодеть того в женское платье

и, посадив на осла, возить целый день по Константинополю. После этого, несмотря на болезнь, василевс лично возглавил римскую армию и направился на венгров и сербов. В ходе этой кампании успех не достался ни одной из сторон, но враги, взволнованные византийской мощью, заключили с Империей мирный договор, причем на более выгодных, чем ранее, для византийцев условиях⁴⁰¹.

А вскоре вновь стала актуальной никогда и не исчезающая норманнская угроза. Только теперь во главе воинственных захватчиков стоял не герцог Апулии, а уже *Сицилийский король Рожер I Отвиль* (1130—1154), которого в 1130 г. антипапа *Анаклет II* (1130—1138) венчал королевской короной⁴⁰². Это событие также не лишено интриги, поскольку рождение нового монарха Европы явилось следствием раздиравшей Рим схизмы. Законно избранного папу *Иннокентия II* (1130—1143) город не принял, и тот искал спасения и убежища у Французского короля Людовика VI Толстого. В сентябре 1130 г. в Этампе был срочно созван Собор галльских епископов, подтвердивших свою верность Иннокентию II. На этот раз солидарность с французами продемонстрировали и германцы, направившие к папе посольство с выражением преданности и верности⁴⁰³.

В это время Западный император *Лотарь II* (1133—1137), избранный в 1125 г., после смерти Генриха V, королем Германии, вступил в жестокую борьбу с *Фридрихом Гогенштауфеном* (1105—1147), герцогом Швабии, захватившим часть родовых владений покойного императора, поскольку его мать *Агнесса* (1072—1143) приходилась тому родной сестрой. За антипапу хлопотали жители Вечного города, чрезвычайно полюбившие его, за Иннокентия II — германские епископы. В этой ситуации король выбрал сторону папы, надеясь на поддержку германского епископата. В 1132 г. король отправился в Рим, чтобы обеспечить права папы, но потерпел неудачу. Впрочем, видя рвение Лотаря II, Иннокентий II 4 июня 1133 г. венчал его главу императорской короной, после чего германец удалился к себе на родину, предварительно принеся папе клятву верности.

В свою очередь, настроение германских архиереев также легко объяснимо: Иннокентию II симпатизировал главный лидер эпохи *св. Бернар Клервоский* (1091—1153). Высокий и худой, основатель знаменитого монастыря Клерво в Шампани, великий проповедник и аскет, он был *духовным знаменем* своего века. Как всегда, симпатии и антипатии определяли некоторые субъективные факторы. В первую очередь Бернар невзлюбил антипапу Анаклета за то, что тот был выходцем монастыря Клуни, который аскет откровенно и открыто презирал. По мнению Бернара, затеяв доброе дело реформ,

ключнийцы со временем предались разврату «мира сего», полюбив власть и роскошь. А, во-вторых, Анаклет имел еврейские корни. Разгневанный Бернар даже написал королю германцев характерное письмо, в котором, между прочим, были следующие строки: «Мне не подобает призывать людей к битве, и все же я говорю Вам со всей ответственностью, что долг поборника Церкви — защитить ее от безумства схизматиков. Ибо является оскорблением для Христа, что отпрыск евреев занимает престол святого Петра».

Антипапе ничего не оставалось, как искать признания у тех, кому он был нужен, — норманнов. И 27 сентября 1130 г. в Беневенто была подписана папская (вернее, антипапская) булла, согласно которой за Отвилами признавалось королевское достоинство и права на Сицилию, Апулию и Калабрию, а также на Неаполь и Капую. В обмен Рожер обязался выплачивать Анаклету ежегодную дань в размере 160 унций золота и принес антипапе вассальную присягу. Коронация совершилась на Рождество 1130 г. папским легатом в Палермо. Как ни странно, это событие окончательно решило вопрос... не в пользу антипапы. Встревоженный Лотарь II немедленно признал папой Иннокентия II, и теперь Анаклета поддерживали лишь Рожер Сицилийский, герцог Аквитании *Гильом X Святой* (1127—1137) и далекий, а потому уже малоинтересный король Шотландии *Давид I* (1124—1153)⁴⁰⁴.

Естественно, Иоанна II Комнина очень обеспокоили события на Сицилии: он помнил старые угрозы викингов и не сомневался о наличии у них планов по дальнейшему завоеванию Иллирии и других византийских территорий. В поисках союзников Комнин направил послов к Лотарю II. По дороге византийские послы остановились в Венеции, где выяснилось, что и для венецианцев укрепление Сицилии, сопряженное с постоянным пиратством норманнов, означает 40 тыс. золотых монет *прямых убытков* ежегодно. Византийцы и венецианцы решили соединить усилия и совместно направились к Лотарю II⁴⁰⁵.

По счастью для византийцев, коронация Рожера I и поддержка им антипапы вызвали бурю эмоций на континенте, сразу восстановив против нового короля почти половину европейских государей. Восстали и южно-итальянские владения Отвилей, вследствие чего Рожеру I пришлось потратить много сил и средств, чтобы восстановить там свою власть. Более того, 24 июля 1132 г. возле города Ночере он потерпел тяжелое поражение от соединенных сил итальянских баронов. Это сильно уронило его престиж на полуострове, а ведь главный противник Лотарь II еще даже не вступил в войну⁴⁰⁶.

Норманнская угроза способствовала политическому сближению Константинополя с Римским епископом Иннокентием II и, как следствие, с Лотарем II. В 1136 г. королевский посланник епископ Ансельм посетил Константинополь, желая обсудить совместные действия против норманнов. Попутно император предложил латинскому епископу принять участие в богословском диспуте, где оппонентом Ансельму стал Никомидийский архиепископ Никита. Как следует из письменного отчета Ансельма, диспут прошел в исключительно корректной и дружеской обстановке. Никомидийский архиепископ заявил, что византийцы готовы признать исхождение Святого Духа *через* Сына, но не *от* Сына. Грек также указал, что многие Римские папы употребляли квасной хлеб, а не пресный для совершения Божественной Литургии. Хотя византийцы по-прежнему решительно отвергли идею о верховной власти Римского епископа в Церкви, относились к Апостольской кафедре они очень уважительно. И даже признали вину своего патриарха Михаила Керуллара в расколе 1054 г. Но в целом миссия Ансельма в этой части осталась безрезультативной, поскольку византийцы были готовы признать главенство Римского епископа в пентархии остальных патриархов, но никак не «князем священников».

В весьма почтительном послании латинскому епископу Никита объясняет позицию восточного епископата: «Римская церковь из гордыни стала притязать на монархию, которой не подразумевает ее служение, и которая разделила епископов и Церкви Востока и Запада после разделения Империи. Можем ли мы признать ее декреты, принятые не только без совета с нами, но и без нашего ведома? Коль скоро Римский понтифик, сидя на горделивом троне своей славы, желает грозить нам и, так сказать, бросать нам указы с высоты, коль скоро он хочет судить нас и даже править нами и нашими церквами, причем не путем совета с нами, а как ему заблагорассудится, — можно ли тогда вообще говорить о братстве или хотя бы о родстве? Мы были бы *рабами*, а не сынами, а Римская церковь была бы не набожной матерью своих сынов, а властной и жестокосердной госпожой своих рабов. Истина Христова позволила нам родиться не в рабстве, но в свободе — в лоне матери-Церкви. Прошу простить меня за то, что говорю подобное о Римской церкви, ибо я, как и ты, преклоняюсь перед ней. Однако я не могу вместе с тобой идти за ней куда угодно, и не считаю, что таковое вообще необходимо»⁴⁰⁷.

Впрочем, отдельная неудача в переговорах между Римом и Константинополем еще не означала невозможности соединиться в случае общей угрозы. А она была чрезвычайно актуальной. Желая *снести*

с престола Анаклета, Лотарь II в 1137 г. предпринял новый поход на Рим, который оборонял отряд норманнов Рожера Сицилийского. По счастью для норманна, император Лотарь II был уже стар — ему шел 63 год, и 4 декабря 1137 г. он скончался в бедной крестьянской лачужке в Тироле. А всего 2 месяца спустя умер и Анаклет. Его преемник, принявший имя *Виктор II* (1138), понимая бесперспективность борьбы, почти немедленно снял с себя сан. Власть Иннокентия II была полностью восстановлена. Естественно, как мудрый политик, Рожер Сицилийский тут же признал власть папы, но тот по непостижимым причинам возобновил действие отлучения, наложенного ранее на норманна и его детей.

Новым Германским королем, а затем и Западным императором был избран *Конрад III Гогенштауфен* (1138—1152), с которым Иоанн Комнин также завязал тесные союзнические отношения. Поскольку усиление норманнов в Сицилии несло угрозу и византийцам, и германцам, оба правителя заключили мирный договор. И хотя война Конрада III с Рожером I так и не началась, сам факт этого союза послужил сдерживающим средством для норманнов, поспешивших завязать с Константинополем мирные переговоры⁴⁰⁸.

Как ни странно, внакладе остался лишь Римский папа. Желая примерно наказать Рожера, папа с армией направился на юг, но 22 июля 1139 г. близ города Галуччо был разгромлен сицилийской армией. Сам папа, его свита и казна *попали в плен* (!). Делать нечего, и Иннокентий II признал Рожера королем Сицилии, равно как и его права на все захваченные им земли. А затем отслужил торжественную мессу в храме, после чего уже свободным человеком вернулся в Рим⁴⁰⁹.

Тем не менее, опасаясь новой коалиции против себя, Рожер I начал длительные переговоры с Константинополем, надеясь или исключить как минимум Византию из числа своих врагов, или вообще заключить с ней мирный договор. По обыкновению, Сицилийский король вел *вариативную дипломатию*, что-то обещая всем сразу, но всегда имея в виду исключительно собственные интересы. Когда сын Боэмунда, *Боэмунд II*, князь Антиохийский (1118—1130), погиб в сражении с Данишмендидами, Рожер I, как прямой родственник, в традициях Западной Европы предъявил свои претензии на Антиохию. А в Константинополь ушло посольство с предложением короля Сицилии женить одного из своих сыновей на византийской принцессе.

Внешне выгода казалась сама собой очевидной: обе державы объединяют свои усилия, а территориальные притязания утрачивают

остроту, поскольку в любом случае спорные земли остаются «в семье». Однако византийская дипломатия обладала таким громадным опытом, что легко разгадала тайные мысли норманна. Предложение Рожера Сицилийского не нашло особого расположения у византийцев ни при Иоанне II Комнине, ни после его смерти, хотя и прямого отказа он также не получил.

Нам же данная история интересна тем, что она наглядно демонстрирует, *насколько изменилось* внешнее положение и международный авторитет Византийской империи буквально за три десятилетия. Уже не Константинополь мечтал о мире с норманнами и судорожно принимал малейшую военную помощь на *любых* условиях, а могущественный Сицилийский король униженно предлагал различные варианты Римскому царю, мечтая заручиться его расположением к себе.

Глава 2. «Немного я пробыл в царских чертогах...» Император-солдат

Несмотря на героические усилия императоров Алексея I и Иоанна II Комнинов, положение византийцев на Востоке все еще оставалось неустойчивым. И его осложнила измена, свившая гнездо в царской семье. В 1122 г. брат императора севастократор Исаак соблазнился мыслью о царском титуле и устроил неудачный заговор против василевса. Поняв, что впереди его ждет только суд и бесчестье, он спешно оставил столицу и перебрался к туркам. Там Исаак подговаривал султана Иконии собрать войска и напасть на Римскую империю, *легализовав* поход своим правом на царский престол. По счастью, до братоубийства дело не дошло — турки, которые к тому времени уже успели ощутить на себе полководческий талант императора Иоанна II Комнина, не спешили предоставить мятежному севастократору солдат⁴¹⁰.

Зиму с 1130 на 1131 г. севастократор Исаак провел у Трапезундского дуки Гавра, а затем перебрался к правителю Армянской Киликии *Левону I* (1129—1140), причем его сын Иоанн женился на дочери Левона, а затем вновь отправился в Иконию. Повсюду Исаак разжигал ненависть к Византии, а попутно тайно сносился со своей партией в Константинополе, в которую входили многие знатные сановники. По счастью, из его затеи ничего не вышло, и власть Иоанна II Комнина в Римской империи по-прежнему оставалась крепкой⁴¹¹.

В эти годы Сельджукская империя переживала времена раздора, особенно кровавого в Месопотамии, Ираке и Иране. Султан Махмуд (1118—1131) умер в 1131 г. и оставил свои владения в Ираке и Южном Иране сыну *Дауду*. Однако султан *Саджар Хорасанский* (1118—1159), последний из Великих сельджуков, распорядился передать их брату покойного *Тугрилу Казвинскому*, правителю Северного Ирана. После этого целый ряд лиц предъявили свои претензии на наследство: *Масуд Фарсский*, правитель Южного Ирана, и *Сельджуках Азербайджанский*. Оставшись без поддержки, Дауд благоразумно покинул Багдад, за который немедленно схватились Тугрил и Масуд. С помощью Саджара столица Ирака была присоединена к владениям Тугрила, впрочем, ненадолго — в скором времени Сельджуках с помощью халифа *Абу Мансура аль Мустаршида* (1118—1135) выгнал Тугрила из Багдада.

Масуд обратился за помощью к курдам, но при Тикрите потерпел жестокое поражение от войск халифа. Это событие встревожило Саджара, опасавшегося растущей мощи халифа. А потому по его приказу курды в 1132 г. вновь напали на Багдад вместе с бедуинами Дюбаса, но вновь победа досталась Абу Мансуру аль Мустаршиду, который, желая развить успех, в 1133 г. привел свою армию к Мосулу. Увы, на этот раз военное счастье изменило ему, и через 3 месяца он был вынужден отступить. А в 1135 г. в сражении при Даймарге армия халифа потерпела страшное поражение от его соперников за Ирак, Абу Мансур аль Мустаршид был отправлен в изгнание в Азербайджан, где его убили два наемных убийцы из секты *ассасинов*. Следующие за ним халифы не были счастливее, а потому Масуд, укрепив свое положение, вместе с курдами мог начать войну с крестоносцами.

В Египте ситуация также была далека от спокойствия. Фатимидский халиф *аль-Хафиз* (1130—1149), получивший единоличную власть после убийства своего брата, попытался в 1135 г. ограничить власть визирей, назначив на эту должность своего сына Хасана. Но тот, жестокий безумец, обезглавил в один день по вздорному обвинению 40 эмиров (!), после чего в Египте начались беспорядки. Чтобы спасти себя, халиф отравил сына и выдал его труп мятежникам. Лишь теперь халиф смог приступить к подготовке к войне с «неверными», угрожавшей, разумеется, прямо или косвенно Византии⁴¹².

Естественно, игнорировать потенциальные угрозы в адрес Византии император не мог и не хотел. В 1132 г. царь направился с войском к городу Кастамоне, близ Анкары, и без особого труда овладел им. Это была поистине великолепная победа, и по возвра-

щении в Константинополь император организовал триумфальное шествие, проехал по улицам столицы на серебряной колеснице, которую приказал специально изготовить для этого случая. На нее поместили икону Богородицы и Приснодевы Марии, а сам василевс шел впереди, держа в руках крест. Шествие дошло до храма Святой Софии, где был отслужен благодарственный молебен.

Ни царь, ни войско не успели даже снять доспехи, как поступили известия о нападении эмира Сиваса (района в Центральной Анатолии) *Мухаммада II* (1134—1142), сына Гази II Данишмендина, на Кастамону. Город был взят штурмом, а римский гарнизон уничтожен. Практически немедленно армия Византии двинулась на войну, однако месть не состоялась: еще в дороге император узнал, что скончалась его любимая супруга св. Ирина, и, заболев от этого известия, возвратился в столицу. Ему пришлось предать земле уже тело не царицы, а монахини: почувствовав приближение смерти, императрица приняла постриг под именем *Ксения* и тихо скончалась 13 августа 1134 г.

Едва уняв горе от потери любимого человека, царь вернулся к театру военных действий. Он узнал, что Мухаммад II находится во вражде с Иконийским султаном Масутом I, а потому тут же заключил с последним мирный договор и предложил объединить усилия. Но данный военный союз был непрочен и скоротечен: Мухаммад в свою очередь также направил послов к Масуту и убедил единоверца и соотечественника, что мир между ними надежнее, чем его союзнические отношения с византийцами. В результате турки выступили единым фронтом, и императору пришлось по ходу событий менять стратегию всей военной кампании. Он ушел с войском в лагерь на реке Риндаке, но затем, перегруппировав силы, вновь перешел в наступление и нанес поражение туркам, захватив Кастамону обратно⁴¹³.

Более того, Иоанн II решил развить успех и захватить сильно укрепленный город Гангр в Пафлагонии. Осадив город, он долгое время осыпал его стрелами и камнями из метательных орудий, пока наконец турки не сдались. Оставив в Гангре 2-тысячный гарнизон, император возвратился в Константинополь. К сожалению, новое приобретение недолго оставалось в римской собственности: как только император с войском покинул территорию Пафлагонии, турки в большом количестве напали на город и после тяжелой осады овладели им⁴¹⁴.

Хотя территориальные завоевания оказались не очень долговечными, для всех заинтересованных лиц открылось, что уже не турки, а византийцы *диктуют стратегию* Восточной войны. Не византий-

цам, а сельджукам приходится отбиваться — с каждым годом делать это становилось все тяжелее и тяжелее.

В 1135 г. царь задумал развить успех. Теперь в поле его зрения попала Киликийская Армения или Малая Армения, расширившая свои пределы за счет византийских земель, вступившая в союзнические отношения с крестоносцами и откровенно враждебная Константинополю. Мало того что Левон помогал севастократору Исааку. Незадолго перед описываемыми событиями он, используя тяжелое положение Римской империи, попытался занять Селевкию. Надо сказать, что переселение армян в Месопотамию началось уже в XI веке, чему, как ни странно, способствовало наступление турок-сельджуков. На удивление быстро армяне ужились с турками и постепенно заняли многие области в Сирии, Киликии и Каппадокии — их вожди лишь *номинально* числились подданными Византийского императора. Кроме того, вследствие наступления крестоносцев часть армянских князей перешла под протекторат правителей вновь образованных вождями 1-го Крестового похода латинских государств. Фактически Иоанну II Комнину пришлось заново покорять старые римские владения и усмирять новых врагов⁴¹⁵.

Второй стратегической целью наступления Византии император избрал Антиохию, где крестоносцы создали самостоятельное княжество. Поэтому его поход был вызван не только военными, но и политическими соображениями. Как уже отмечалось выше, после смерти в 1130 г. князя Антиохии Боэмунда II единственной наследницей стала малолетняя *Констанция* (1130—1163), его дочь, находившаяся под опекой своей матери, вдовы Алисы. Желая сохранить свое влияние в княжестве, Алиса обратилась с предложением в Константинополь женить одного из сыновей Римского царя на Констанции, и, конечно, Иоанн II, желавший заполучить Антиохию обратно, поддержал данную инициативу. Но вмешался новый Иерусалимский король *Фулько* (1131—1143), открывший новую страницу крестоносного движения в Палестине.

Следует сказать несколько слов об этом далеко не ординарном человеке и правителе. Уже сам факт получения им королевского титула не лишен интриги. Поскольку у покойного Балдуина II не было наследников мужского пола, король, встретивший смерть, как и полагалось пилигриму, в монашеском одеянии, выбрал для своих трех дочерей мужей. Старшая из них, *Мелисенда* (1101—1161), рожденная от армянской жены покойного короля, и была выдана замуж за графа Анжу и Мена Фулько, которому исполнилось уже 40 лет —

возраст по тем временам солидный. И теперь по праву мужа француз предъявил права на королевство, которые были признаны за ним вельможами Святого города. Правда, не все согласились с этим, и уже вскоре против нового короля составилась заговор, душой которого стал бывший граф Шампани *Гуго Ионне* (1093—1125). Друг основателя ордена тамплиеров *Гуго де Пейна* (1070—1136), он незадолго до описываемых событий оставил родину, отрекся от титула и вступил в орден рыцарей-храмовников. В общем, это была весьма колоритная и авторитетная фигура. И хотя заговорщики не смогли достигнуть своей цели, неожиданно выяснилось, что у Фулька есть и могущественные враги.

Первым из них стала княгиня Алиса Антиохийская, пожелавшая получить официальный титул правителя этого княжества. Ее естественными союзниками стали граф *Понс Триполийский* (1112—1137) и князь *Жослен II Эдесский* (1131—1159), сын *Жослена I* (1118—1131) и его жены *Беатрис*, дочери Армянского царя *Констандина I* (1095—1100), правителя Киликийской Армении. Причина их враждебного отношения к Иерусалимскому королю заключалась в том, что граф Эдессы получил свои земли не по праву ленной присяги Иерусалимскому королю, а как наследник отца, что шло вразрез с представлениями того времени. Разумеется, Жослен II мечтал создать собственную независимую династию с передачей власти по наследству, а не по желанию Иерусалимского короля, их сеньора. В свою очередь у Понса были собственные виды на Антиохию — он хотел расширить владения Триполийского княжества. Но Фульк быстро развеял их планы. В данном соперникам сражении он разбил армию графа Триполи, захватив того в плен, а затем привел правителя Эдессы к чуть запоздалой присяге⁴¹⁶.

А вслед за тем король Иерусалима неожиданно предложил руку Констанции графу *Раймонду де Пуатье* (1115—1149), сведя на нет предыдущие переговоры Алисы с Константинополем. Поскольку супруг ровно в три раза был старше своей жены, ни у кого не возникло сомнений относительно того, что брак носит *политический* характер и цель его предельно ясна. Фульк стремился усилить французскую линию на Востоке⁴¹⁷.

Нечего и говорить, что согласие честолюбивого графа Раймунда де Пуатье оскорбило Римского императора, поскольку откровенно игнорировало его права как сюзерена Антиохии. По крайней мере, сам василевс полагал, что связанные с ним ленной присягой правители латинских государств на Востоке не вправе решать столь значимые вопросы без его участия. И рейд к Антиохии должен был напомнить латинянам, *кто* является их сеньором⁴¹⁸. Кроме

того, *втайне* царь ставил перед собой еще более грандиозные задачи — восстановить византийское господство в долине Евфрата и политически подчинить Константинополю Иерусалимское королевство⁴¹⁹.

Хорошо продумав детали наступления, император выступил с армией в поход, который сложился очень удачно. Большое византийское войско без боя прошло через горные перевалы и овладело городом Тарсом. Не удовлетвовавшись этим, Иоанн II после долгой осады и продолжительных боев против совместных войск турок и армян овладел такими важными и сильными крепостями, как Вака и Аназарб. Продолжая поход, василевс в 1137 г. прошел в Сирофиникию и возле города Пиза на реке Евфрат дал сражение туркам. Хотя битва сложилась очень тяжело и успех попеременно сопутствовал каждой из сторон, византийцам удалось нанести сельджукам поражение. Взяв после этого без труда Пизу, император передал ее во владение Эдесскому князю, подтвердившему свою ленную присягу⁴²⁰.

Результаты кампании тем более обнадеживали, что, благодаря разумной политике Византийского василевса, многие турки, приняв Православие, перешли на римскую службу, чем значительно укрепили греческую армию⁴²¹.

После короткого отдыха император направился к городу Ферепе, которым также овладел без большого труда. Продолжив движение, он остановился лагерем у Истрии, расположенной в Месопотамии. Разрушив в скором времени и этот город, царь направился к Сезеру, возле которого разыгрались многочисленные бои, не приносившие успеха ни одной из сторон. В короткие промежутки между боями Иоанн II очень умело произвел реорганизацию армии, распределив все этнические группы по отдельным подразделениям. Византийцев он собрал в греческие легионы, из печенегов создал отдельные конные полки, а турок из дружественных племен, в массе перешедших на римскую службу, распределил по отдельным подразделениям. Царь справедливо рассудил, что, борясь рука об руку, единоплеменники будут гораздо лучше держать строй и, придерживаясь знакомой им тактике ведения боя, дополнят друг друга в сражениях. Участь Сезеры была уже предрешена, и все ожидали его падения со дня на день, когда поступили известия об осаде Эдессы турками. Получив в виде компенсации от осажденных богатые дары, император быстрым маршем направился к Антиохии, чтобы оттуда двинуться на помощь крестоносцам Эдессы. Решив эту задачу, Комнин вернулся к первоначальному плану и вскоре был уже у стен Антиохии.

Это не было праздничным шествием: турки активно атаковали римский арьергард, предпочитая быстрые конные атаки открытому сражению, но и здесь обманулись. Византийцы не только отбили все их нападения, но и взяли в плен нескольких знатных турецких вельмож. А 29 августа 1137 г. жители столицы Сирии радостно приветствовали своих спасителей, а самому Комнину устроили настоящий триумф: постелили по улицам Антиохии шелковые покрывала и вместе с православным священством вышли встречать его к воротам. Пораженный мощью Византийского царя, Раймонд де Пуатье подтвердил ленную присягу, для чего ему пришлось явиться в лагерь императора и продемонстрировать *внешние* признаки подчинения. Из Антиохии царь отправился в Киликию, а оттуда в Константинополь, нанеся по дороге турецким войскам еще несколько поражений и успешно выдержав все атаки сельджуков на свои полки⁴²².

Тем временем ситуация на Востоке вновь усложнилась. Мухаммад II Данишмендид не смог помочь Масуду отстоять свои земли от византийцев, и тот почел для себя за благо заключить мирный договор с Константинополем в сентябре 1134 г. Однако василевсу пришлось столкнуться с *Зенгидами* — новой мощной династией, созданной атабегом Мосула и Халеба *Имад-ад-дин Зенги* (1127—1146), могучим вассалом Сельджукидов. Родившийся в 1084 г. в семье видного турецкого военачальника, Зенги рано познакомился с картинами гражданских войн, интриг, заговоров и убийств, закаливших и ужесточивших его характер. Ловкий, сильный, *абсолютно безжалостный*, красивый мужчина с коричневым цветом кожи от вечно знойного восточного солнца, он уже при жизни стал легендарной фигурой. Заручившись поддержкой султана Мухаммада II, он был назначен в 1127 г. атабегом Мосула, стал военным советником султана и двух его сыновей.

Очень долго в специальной литературе Зенги изображали как правителя, посвятившего свою жизнь войне с латинянами. В действительности же интерес атабега распространялся в первую очередь на Месопотамию, где находился центр суннитского ислама и где располагались богатейшие города своего времени — Дамаск, Багдад, Мосул. Зенги, конечно, воевал и с византийцами, и с пилигримами, но эти войны имели для него, скорее, значение *пограничных конфликтов*. А стратегическая задача заключалась в перенесении центра влияния с Алеппо на Юг, а также захват Дамаска. Там в это время правил *Унур*, некогда служивший мамлюком у Тугтегина⁴²³.

Этот полководец, *рожденный* царствовать, не мог оставаться безучастным зрителем той эпохи, когда царства создавались и раз-

рушались в одночасье. Рядом располагались слабеющие Аббасиды, в другой стороне — беспокойный Азербайджан, поделенный на множество эмиратов, во главе которых стояли воинственные курды. «К благу ислама и к несчастью крестоносцев», как выразился один автор, походы Зенги проходили в непосредственной близости от владений пилигримов. А потому они были фактически обречены на несколько весьма тяжелых и обидных поражений от более сильного врага.

Совершенно неразборчивый в выборе средств, Зенги, тем не менее, стремился создать свое государство на началах права и справедливости. Дошло даже до того, что некий еврей осмелился принести жалобу на одного из самых известных офицеров войска Зенги, и тот рассмотрел ее. Зная о его силе и удачливости, жители маленьких городов сами нередко призывали Зенги на помощь, и тот никогда не пренебрегал такого рода «благотворительностью». В результате своего почти 20-летнего правления Зенги подчинил себе всю Месопотамию, за исключением северной ее части, оставшейся в руках Ортокидов, и почти всю Сирию. Если что-то и мешало ему полностью овладеть искомыми областями, так это необходимость вести войны против курдов и Ортокидов⁴²⁴.

В 1135 г. Зенги открыто заявил свои права на Дамаск, и лишь вмешательство самого Багдадского халифа *аль-Мустаршида* (1118—1135) помешало ему взять город под свою руку. В 1137 г. Зенги повторил попытку, но на этот раз прибытие армии Иоанна Комнина не позволило ему взять город штурмом. Вернувшись в столицу, василевс предпринял меры по усилению армии, прекрасно понимая, что Зенги — не тот враг, с которым можно не считаться. Как обычно, император оказался прав. И то, что впоследствии пути Комнина редко пересекались с дорогами Зенги, можно отнести к подаркам истории.

В столице императора ждала нечаянная радость: с повинной вернулся брат Исаак и племянник Иоанн. Не получив в свое время поддержки у сельджуков, они долго скитались, вели полубедное существование и, наконец, отдали себя на милость царя. Приняв Исаака, император тут же простил ему и племяннику все прошлые прегрешения, а также восстановил их прежний статус и состояние. Вместе с василевсом примирению братьев радовались и рядовые константинопольцы, наглядно увидевшие милость и великодушие своего государя.

Но недолго Иоанну II удалось пробыть в Константинополе. Вскоре он получил сообщение об очередном нападении турок

на земли, лежавшие в районе реки Сангарии, и, несмотря на болезнь, немедленно выступил в поход. Вняв просьбе брата, царь взял с собой в поход племянника, надеясь, что в ходе боевых действий Иоанн сможет искупить свою вину. Отбив атаки сельджуков, возвратив захваченную ими добычу, царь решил остановиться в городе Лопадий. Там он занялся укреплением границы, а попутно, созвав войска, организовал обучение новобранцев. Однако здесь царя настигла неприятная неожиданность, показавшая, что по своим боевым качествам и — главное — воинскому духу и дисциплине нынешняя римская армия все еще далека от полков «железных» стратиотов, которых вели в бой императоры Македонской династии. Солдаты, прошедшие в походах более 3 лет, начали открыто возмущаться тем, что василевс не предоставил им возможности отдохнуть и повидаться с близкими. Император делал вид, будто ему ничего не известно о волнениях в полках, а командирам втайне говорил, что желает видеть армию, которая хотя бы *частично* соответствовала ему. Как ни в чем не бывало на воинском совете царь объявил, что целью следующего похода является фема Армениак, захваченная армянами, а также Трапезунд, власть над которым узурпировал Константин Гавр. Был определен и маршрут — через пафлагонийские земли вдоль побережья, чтобы, во-первых, обеспечить армию продовольствием, а, во-вторых, лишить неприятеля возможности окружить римское войско и напасть на него с двух сторон.

В феврале 1138 г. в Антиохии по приказу императора были арестованы все мусульманские купцы, чтобы они не смогли сообщить соотечественникам о подготовке византийской армии к выступлению. А в конце марта, соединившись с отрядами Раймунда де Пуатье, князя Эдессы Жослена II и рыцарями из ордена тамплиеров, византийцы осадили город Балат, взятый ими после 5-дневного штурма. Затем, в течение 6 дней, с 22 по 27 апреля 1138 г., царь занял Атарерб, Маару и Кафартаб, 28 апреля подойдя к Шайразу. Городом в то время владел эмир *Мункидит Абул Азакир Султан*, не желавший подчиняться Зенги. Но когда турок узнал об этом, он немедленно двинулся к Шайразу, дабы отстоять его от конкурента. Для обеспечения успеха своей экспедиции Зенги даже обратился в Багдад за помощью. Помимо этого свои отряды ему прислали Мухаммад II Данишмендид и эмир Джазиры *Артукид Даудуд*⁴²⁵.

К этому времени *все* вассалы рассорились между собой — особенно активничал князь Жослен II, пытавшийся подвигнуть Раймунда де Пуатье к независимости от Константинополя. В итоге граф потребовал пересмотреть свои ленные права на Антиохию,

настаивая на дополнительном времени для переговоров с Иерусалимским королем. Понятно, что при таких настроениях ожидать от латинских вассалов воинского рвения было наивно. Назревал бунт, и император попросту оставил своего непокорного вассала. Но и в таких невыгодных для византийцев условиях Зенги не решился атаковать их, продолжая стоять неподалеку от Шайраза. Ситуацию разрешил правитель осажденного города, предложивший богатый выкуп Комнину за то, чтобы царь снял осаду. Окончательно разочаровавшийся в своих латинских союзниках, василевс согласился и направился обратно к Антиохии⁴²⁶. Когда же он попытался силой оружия напомнить им о своих обязательствах, папа Иннокентий II тут же издал энциклику, в которой осуждал войну Византии против христианских государей⁴²⁷.

В 1139—1140 гг. продолжались военные действия с Данишмендидами, принесшие византийцам немалый успех. Император захватил почти всю Вифинию, хотя потерял едва ли не полный год, осаждая неприступную крепость Никсар. К сожалению, внешние условия также не благоприятствовали Римскому царю: Каппадокия, куда вторгся василевс, всегда отличалась тяжелым климатом, а в тот год выдалась необычайно суровая зима. Вследствие отсутствия продовольствия и фуража в армии ослабла дисциплина и боевой дух, и, что хуже всего, начался падеж лошадей — по существу, византийцы оказались без конницы. Этим воспользовались турки, легкая кавалерия которых чрезвычайно отягчала существование греков. Чтобы хоть как-то бороться с врагами, император приказал собрать всех годных лошадей и сформировать из них подвижные отряды — это оказалось эффективной мерой, хотя и недолговечной.

Понимая, что оставаться лагерем в безлюдной и бесплодной местности — смерти подобно, царь повел своих солдат дальше и достиг Неокесарии. Войско настолько обессилело и упало духом, что однажды, дабы прогнать атакующих турок, сын императора царевич Мануил вскочил на коня и *в одиночку* (!) с копьем наперевес помчался на врага. Его подвиг вдохновил уставших римских воинов, поддержавших атаку смелого юноши. Но по всему было видно, что армия истощена и неспособна воевать⁴²⁸.

В принципе еще оставались шансы на победу, но тут произошло открытое предательство, резко уменьшившее шансы византийцев выйти живыми из этой кампании. Однажды перед началом очередного сражения император приказал своему племяннику Иоанну передать лошадь одному итальянскому рыцарю, сражавшемуся в рядах римской армии. Тот, забыв обо всех благодеяниях своего

дяди, вспылел и на коне помчался к туркам. Все решили, будто юноша решил сразиться с врагом, но неожиданно тот отбросил копье и шлем, а затем, подъехав к турецким рядам, объявил, что *хочет сдаться в плен*. На этом месте чуть-чуть заглянем в будущее и удивимся хитросплетениям судьбы. Вслед за этим Иоанн вскоре примет ислам и женится на дочери нового Иконийского султана *Кылыч Арслана II* (1155—1192). Осев у турок, он получит от жены наследника, которому даст имя *Сулейман-шаха* (1178—1227). А сын Сулейман-паши *Эртогрул* (1198—1281) станет в свою очередь отцом знаменитого *Османа I* (1258—1326), далекий наследник которого в 1453 г. захватит Константинополь в полной уверенности о наличии у себя законных прав на Византию⁴²⁹.

Но это все — в будущем. А сейчас Иоанн Комнин передал туркам планы Иоанна II, а также проинформировал сельджуков о состоянии римской армии. Очевидно также, что изменник передал врагам царя еще какую-то важную информацию, после чего судьба христианского воинства повисла на волоске. И здесь в очередной раз император продемонстрировал свои таланты полководца. Тщательно продумав новый план — на этот раз *отступления*, василевс сам блестяще его и реализовал. Римские полки один за другим так искусно и незаметно меняли позиции, что турки сразу не смогли обнаружить плавный уход византийцев с позиций. Дойдя до берега моря, василевс обезопасил себя и лишил сельджуков заслуженной победы. В январе 1141 г. император с армией был уже в Константинополе. *Формально* этот поход стал неудачным, но объективно, учитывая условия минувшей кампании, это отступление — великолепный образец высокого военного искусства⁴³⁰.

Тем временем латиняне на себе почувствовали, *что значит* остаться без помощи императора. В 1137 г. Зенги отобрал у Раймунда де Пуатье все, что тому передал в ленное владение Иоанн II Комнин, отвоевал Маару, Кафартаб, Биззу и Атареб. Спасло Антиохию лишь то, что последующие 4 года Зенги был занят войной за обладание Дамаском⁴³¹.

Хуже того, в этом же злосчастном для пилигримов году Фульк решил прийти на помощь *Раймунду II Триполйскому* (1137—1152), наследовавшему своему отцу Понсу, на владения которого активно наступал неутомимый Зенги. Крестоносцы соединили свои силы, но близ города Барин, который они попытались деблокировать от турок, взявших его в осаду, Зенги нанес им тяжелое поражение. Многие латиняне легли на поле боя, сам Фульк с отрядом рыцарей скрылся в Барине, который вновь осадил Зенги. В скором времени

король принял предложение турка и сдал крепость на условиях свободного выхода пилигримов из нее с оружием в руках.

Жаждавший отмщения за свой позор и оставленную сильную крепость, Фульк неожиданно нашел союзника в лице эмира Дамаска, всерьез и небезосновательно опасавшегося эмира Мосула. Поняв, что против соединенных сил *латинян и сельджуков* (!) ему пока не совладать, Зенги оставил свои попытки овладеть Дамаском и Антиохией и вернулся на Север. *На время мир был достигнут*⁴³².

Глава 3. Последние годы. Выбор царя

К этому времени вновь возник «норманнский вопрос», и между Германией и Византией под эгидой Апостольского престола начали активно курсировать послы, подготавливая очередной союз. Близость врага и интересов даже привели к тому, что в 1141 г. Иоанн II Комнин обратился к папе с посланием, в котором предлагал тому духовную власть над Восточной церковью при условии, что понтифик венчает его императором *единой Римской империи*. Как известно, из этого ничего не получилось, хотя сама инициатива василевса и реакция Запада показали, насколько укрепилась Византия и какой вес в международных делах имел ее император.

К 1140 г. Сицилийский король Рожер I Отвиль уже закончил все свои дела на материке, привел в покорность мятежных вассалов и создал замечательное по системе управления и религиозной толерантности государство, своим блеском затмевающее едва ли не все остальные государства Западной Европы. Тонкий политик, Рожер I Сицилийский почувствовал перемену, произошедшую с Византийской империей, скорректировав свои планы и оценки. Больше всего его беспокоил потенциальный союз двух сильнейших государств мира. Желая отвести угрозу от себя, он щедро (и тайно) направил золото в Германию, где его агенты расстраивали поход Конрада III Гогенштауфена на Южную Италию⁴³³.

Попутно Рожер начал тонко играть на сближение с Константинополем. В первую очередь норманн решил пустить «пробный шар», затронув болезненную для восточного клира тему о прерогативах Константинопольского патриарха. По его приказу греческий архимандрит одного из монастырей Сицилии Нил Доксопатриос написал трактат «О патриарших престолах». В сочинении рефреном проходит та мысль, что после Халкидонского Собора 451 г. Римский папа *утратил право* на главенство в Кафолической Церкви,

которую с тех давних пор возглавляет уже Константинопольский патриарх⁴³⁴. Безусловно, это был некий реверанс в сторону Константинополя, но слишком слабый, чтобы ему придали серьезное значение в византийской столице. Поэтому, завершая кампанию на Востоке, Иоанн II Комнин должен был думать о предстоящей войне на Западе, которая могла начаться в любой момент, как только военное давление Германского королевского дома на норманнов Сицилии ослабеет.

И он думал — как обычно, без спешки и суеты, и еще в 1140 г. пришел к выводу о том, что только поддержание в тонусе военного напряжения на Западе позволит ему обезопасить Римское государство от неожиданных нападений норманнских рыцарей. Лишь до тех пор, пока Германия воюет с Сицилией, Византия могла чувствовать себя спокойной. Для достижения этого далеко не простого по реализации плана он предложил Конраду III заключить брачный союз между их детьми. И уже вскоре в Германию направилось посольство с конкретным предложением — выдать одну из германских принцесс за младшего сына Римского царя *Мануила*. Король Конрад согласился и предложил в качестве невесты свою свояченицу *Берту*, дочь графа Зульцбаха. Поскольку Мануил не являлся наследником царского престола, брак можно было считать равноправным. Помимо этого Германский король обещал императору Иоанну Комнину начать новый поход в Италию, должный покончить с зарвавшимся сицилийцем. Это была большая дипломатическая победа Византийского царя, и в начале 1142 г. Берта прибыла в Константинополь. Как говорят, Мануил был не в восторге от своей избранницы, но, послушный воле отца, вступил в брак. Сыграли свадьбу, после которой его жена изменила имя, взяв греческое *Ирина*.

Понимая, что сицилийским норманнам сейчас не до Византии, весной 1141 г. Иоанн II Комнин вновь собрался в поход на Восток, желая реабилитироваться от прошлогодней неудачи. На этот раз его действия оказались успешными — удалось без больших сражений отбросить турок обратно из временно оставленных территорий. К зиме василевс вернулся в столицу, но весной 1142 г., как и прежде, сел на коня. Причина похода заключалась в том, что в апреле 1142 г. султан Алеппо нанес сильнейшее поражение латинянам, и правители Эдессы и Антиохии, которым угрожала серьезная опасность, умоляли Константинополь о помощи. Но и василевс уже не мог обмануться этими просьбами — желая получить гарантии, он потребовал от князя Эдессы заложников, а от Раймунда де Пуатье — передачи ему Антиохии. Эдесский князь не стал упрямиться и отдал в заложники

свою дочь Изабеллу. Зато Раймунд взял паузу: ему очень не хотелось уступать прекрасное владение, да и латинские клирики в городе открыто протестовали против передачи их под власть «*схизматиков*»-греков. Этот отказ едва не решил судьбу Антиохии — император собирался наглядно подтвердить требования, продемонстрировав латинянам свою прекрасную армию⁴³⁵.

Но это — потом, а пока что император прошел Фригию и достиг города Аттала (современная Анталья). Проживавшие здесь христиане так давно попали под власть турок, что завязали с ними тесные торговые отношения и ни при каких обстоятельствах не желали возвращаться в подданство Римского царя. Пока шли военные действия, императора настигла тяжелая утрата — внезапно от горячки в несколько дней скончался его старший сын Алексей. Едва успели оплакать его смерть, как умер второй, Андроник⁴³⁶. Безусловно, это была страшная трагедия — помимо отцовских чувств, император очень надеялся при помощи старших сыновей обеспечить преемственность своей династии и укрепить политическую стабильность Византии. Поэтому уже с 18 лет Алексей считался соимператором и получил право носить пурпурную обувь, а Андроник в 16 лет стал севастократором. И теперь их не стало...

Иоанн II стоически перенес этот страшный удар и, ничуть не подав вида (чего это ему стоило — не знает никто!), двинулся в Исаврию, а оттуда в Сирию — настало время присоединить к Византии Антиохию. Однако эти планы встретили дружную оппозицию со стороны крестоносцев, которые, поняв, *для чего* император желает войти в город с войском, потребовали принести заранее клятву, согласно которой Иоанн II не будет претендовать на «жемчужину Сирии». Реакция василевса была вполне прогнозируемой — не желая воевать с христианами, он, тем не менее, осадил город и разрешил своим солдатам опустошить окрестности Антиохии. Затем, предоставив крестоносцам время на обдумывание, удалился в Киликию, где его уже поджидала смерть⁴³⁷.

Трагедия, как это нередко бывает, произошла случайно. Коротая дни отдыха, Иоанн II решил выехать на охоту, и она оказалась удачной — загнали громадного кабана. Несмотря на свои 56 лет — далеко не юношеский возраст, император, закаленный в многочисленных боях, настоящий «*труженик войны*», смело пошел на зверя с короткой рогатиной. Царь успел вонзить оружие в тело кабана, но тот был настолько силен, что без особого труда принял в себя весь наконечник и продолжал двигаться вперед. Руки василевса мало-помалу слабели и уступали напору зверя, и вот уперлись в колчан с ядови-

тыми стрелами, висевший на боку. Колчан перевернулся, и одна из стрел ранила царя в руку. Но василевс не прекратил схватки, и наконец кабан затих. Комнин, посчитав рану пустяшной, спокойно вернулся в лагерь, поужинал и лег спать. Однако на следующий день рука распухла, и царь почувствовал себя плохо. Призвали врачей, все мастерство которых не принесло положительного результата. Рука опухла, и даже вскрытие опухоли ничего не дало: рука онемела и почернела. Тогда всем стало ясно, что дни василевса сочтены.

Но сам Иоанн II, готовый с честью предстать перед Всевышним, держался спокойно и уверенно. В Пасху он причастился Святых Даров и открыл свою палатку для всех, кто желал прийти к нему с просьбой; это продолжилось и на следующий день. Никому ни в чем не отказал народный герой, благосклонно внимавший каждому желанию своих солдат и командиров. А сам про себя размышлял о том, *кто* должен принять от него власть в Римской империи. Потом, чувствуя приближение смерти, пригласил к себе в палатку иеромонаха, исповедался и просил святых молитв за себя пред Богом. Как рассказывают, стоя на молитве, иеромонах вдруг услышал Ангельское пение и увидел в небе светильник, возле которого стоял прекрасный Ангел и успокаивал смятенные души византийских сановников, окруживших палатку с больным василевсом⁴³⁸.

Затем царь созвал к себе всех вельмож и старших военачальников, приказав также пригласить младшего сына Мануила. Его речь была благородна и прочувственна — царь словно *исповедовал* свою жизнь перед близкими товарищами, с которыми десятилетиями делил заботы о любимой Византии.

Василевс рассказал, что самой заветной его мечтой было освободить Иерусалим и пройти по местам Спасителя, став на месте Господнем. «Но мои надежды не исполнились, а по каким причинам, о том знает Бог. Противиться этому — совершенно невозможно, да и противоречить не должно. Ибо кто мудрее Бога? Или кто может уразуметь ум Господень и изменить суды Его, убавив или прибавив что-нибудь? Я получил от Бога, устроившего судьбу мою, так много благодеяний, что их и перечислить невозможно. Я родился от отца-императора, сделался преемником его власти, ничего не утратил из того, что передал он в мои руки. А умножил ли я, подобно благоразумному и верному рабу, врученный мне от Бога талант царства, об этом предоставляю другим судить и говорить. Но я и сам могу без стеснения сказать об этом, чтобы поведать чудеса Божьи на мне. Меня видели сражающимся Восток и Запад. Немного я пробыл в царских чертогах, почти вся жизнь моя прошла в палатке,

и всегдашней моей заботой было находиться в поле. Много времени прошло с тех пор, как турки и арабы и в глаза не видели римского войска, а теперь это самое войско под главным водительством Божиим и под моим служебным начальством привело их в трепет. Да даст же Господь Бог, чтобы я, столько потрудившийся ради христианского народа, сподобился вечного наследия, которое получают кроткие и угодные Богу! А ваши руки да утвердит и укрепит Он еще более против народов, которые жаждут брани и между которыми совсем не признается всесвятее имя Бога нашего!».

Затем спокойно, как будто страшная боль не донимала его, василевс перешел к главному вопросу о наследнике престола. Напомнив еще раз, что сам он принял власть от отца, и наверняка его товарищи желают, чтобы он также передал власть сыну, Иоанн II неожиданно перешел к оценке достоинств старшего сына Исаака и Мануила. «Хотя природа, верная порядку, обыкновенно отдает преимущество старшим детям, но у Бога при важнейших назначениях бывает не так. Вспомните об Исааке, об Иоакове, о Моисее, о Давиде — все они были *младшими* между братьями. Бог не смотрит на лица и не отдает предпочтения долголетию, но ценит добрые качества души и с благоговением взирает на кроткого, смиренного человека, хранящего Его заповеди. И я хочу подражать Богу, Который выше всякого лицепрятия».

Неожиданно для всех император объявил, что не желает обсуждать кандидатуру Исаака, поскольку «власть должна перейти к младшему сыну Мануилу». Он продолжал: «Я не из пристрастия, а по достоинству предпочел младшего сына старшему». «Исаака, — сказал царь, — я часто видел вспыльчивым и раздражающимся от всякой ничтожной причины, потому что он крайне гневлив, а это губит и мудрых. Между тем Мануил с целым рядом других достоинств, которых не чужд и Исаак, соединяет и это прекрасное качество — кротость, легко уступает другим, когда это нужно и полезно, и слушается внутреннего рассудка. По этой причине я и решил назначить царем Мануила». Напомнив многочисленные подвиги, совершенные младшим сыном, его мужество, отвагу и находчивость, доброту и открытость, он подытожил: «Итак, примите этого юношу как царя, и Богом помазанного, и по моему избранию вступающему на престол».

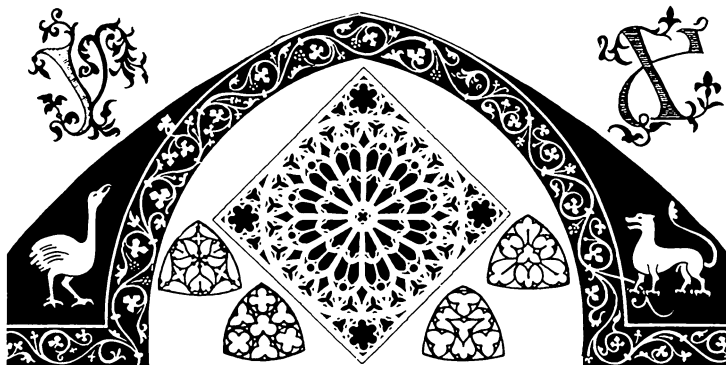
Трудно представить, какие чувства испытывал царь-отец, выступая перед своими соратниками с *такой* смелой речью. Не о себе, не о болях, терзающих тело, и даже не об обиде, которую он, несомненно, невольно нанес старшему сыну, а о *благ*е Римской державы думал

император в последние минуты своей земной жизни. Только за ее судьбу он был ответственен перед Богом и хотел быть уверенным, что передает власть в надежные руки, способные приумножить его труды, и не могущие обидеть слабого⁴³⁹.

Пока он говорил, все собрание суровых военных мужей, с легкостью отдававших свои жизни на поле боя, рыдало, срывая слезы с глаз намозоленными о рукоятки мечей ладонями. И едва царь завершил речь, как все дружно признали **Мануила I Комнина** Римским царем. Затем император подозвал к ложу оплакивающего неминуемо близкую смерть отца избранника своей совести, возложил на его голову царский венец и облек в порфиру⁴⁴⁰. Положили на стол Евангелие, и все присутствовавшие поклялись в верности новому императору. Рядом находился старый товарищ умирающего царя великий domestik Иоанн Аксук, которому василевс доверил безопасность Мануила.

Через несколько дней после этого, 8 апреля 1143 г., император Иоанн II Комнин скончался. После смерти современники говорили о нем, что «его и до сих пор все прославляют похвалами и считают венцом всех царей, восседавших на Римском престоле из рода Комнинов. Но и по отношению ко многим из древних и лучших императоров можно сказать, что он с одними из них сравнялся, а других даже превзошел»⁴⁴¹.

ЛХІ. ИМПЕРАТОР МАНУИЛ I КОМНИН (1143—1180)

Глава 1. «Новый Юстиниан»

Молодой император, которому едва исполнилось 24 года, относился к тому типу людей, для которых бесстрашие, мужество и решимость являются прирожденными чертами характера, *нормой жизни*. Красивый мужчина с темно-коричневым лицом, статный, Мануил I был невероятно силен, и даже ставшая легендарной сила Антиохийского князя Раймунда де Пуатье блекла перед его физическими возможностями. Он всегда сражался в первых рядах, и даже враги, не говоря уже о византийцах, с восхищением называли василевса «Александром Великим» и «Гераклом»⁴⁴². Как и отец, он отличался невероятной энергией, фантастической работоспособностью, умением владеть собой, а также любезностью и остротой ума, ненавидел лесть и ложь. Мануил Комнин был очень образованным человеком и охотно направлял свой ум и интерес ко всему, что заслуживало внимание. Галантный и обходительный, император слыл любимцем девиц, и в молодости его досуг не был лишен обычных аксессуаров этого возраста — веселых застолий и доступных женщин. Даже после женитьбы он поддерживал альковные отношения с племянницей Феодорой Комнин, от которой у него появился на свет незаконнорожденный сын *Алексей Комнин*, — правда, тот не сыграл в истории Римской империи никакой особой роли. Связь царя с племянницей продолжалась и дальше⁴⁴³.

Патриот до последней капли крови, василевс, тем не менее, восторженно относился к рыцарскому Западу — его не зря называли *царственным паладином*. Он много проводил времени в общении с французскими и германскими рыцарями и вообще стремился к сближению Византии с другими европейскими державами⁴⁴⁴. На то были свои объективные причины.

Во-первых, вопреки мнению некоторых современных популяризаторов византизма, Западная Европа эпохи Крестовых походов вовсе не представляла собой нищую, грубую, варварскую страну, лишенную культуры и технически отсталую. Даже на фоне разложившегося и безнравственного папства на Западе в то время велись глубочайшие богословские споры, а среди самих понтификов встречались удивительно волевые, цельные и благочестивые натуры.

Уровень религиозного сознания западных христиан был также невероятно высок в сравнении с последующими веками, и европейская культура не чувствовала себя обделенной по сравнению с византийской. Но особенно были заметны достижения Запада в военном деле, что не удивительно. Вечно воюющие германцы и французы достигли совершенства в военных технологиях и организации армии. И Мануил I Комнин, хорошо знакомый с западной культурой, считал необходимым перенимать положительный опыт. Естественно, юному и отважному сердцу Мануила Комнина были близки рыцарские девизы, среди которых первенствовал: «*Esto miles pacificus, strenuus, fidelis et Deo devotus*» («Будь рыцарем миролюбивым, отважным, верным и преданным Богу») ⁴⁴⁵.

Воин по природе, он по достоинству оценил технические новшества крестоносцев и решил многие из них адаптировать к византийской действительности, проведя в сжатые сроки перевооружение и реорганизацию своей армии. По его приказу солдатам были выданы другие щиты — не круглые, как раньше, а высокие и продольные. Особое внимание было уделено кавалерии, которую василевс учил сражаться копьем и мечом, а не луком со стрелами. Сам царь постоянно демонстрировал солдатам навыки работы с холодным оружием, поражая их силой и ловкостью. Благодаря упорству василевса, вскоре византийская армия ни в чем не уступала западным воинам в умении биться и держать строй. А византийская конная атака производила жуткое впечатление на врагов⁴⁴⁶.

Во-вторых, при всех центробежных силах, разрывающих западное общество, оно было довольно *монолитным*, когда речь заходила об общем враге, и уже начало явственно ощущать свою несхожесть

с византийской цивилизацией. Первый, а за ним и второй Крестовые походы со всей очевидностью показали, что латиняне способны объединить усилия для достижения одной конкретно поставленной цели, и даже при всех огрехах организации крестоносных предприятий их военные достижения были ощутимы.

Обычно, говоря о Крестовых походах, особенно первых, упоминают лишь события, произошедшие в Палестине и Сирии. Но в действительности Запад показал, насколько он может объединяться в рамках одной христианской цивилизации, когда идет война *на выживание*. Достаточно сказать, что в то время, в котором жил герой нашего повествования, исторические предприятия осуществлялись и в Испании. Несмотря на первую неудачу — распад союза Кастилии и Арагона, сын и наследник королевы *Урраки Кастильской* (1109—1126) от первого брака *Альфонс VII Кастильский* (1127—1157) начал в 1132 г. войну против мусульман, и в 1147 г. стоял уже под стенами Кордовы. Признав его верховным правителем Испании, 26 мая 1135 г. легат папы Иннокентия II венчал главу Альфонса VII императорским венцом. Но любопытно то, что в деле Реконкисты большую поддержку оказали ему французские рыцари⁴⁴⁷.

Иными словами, Запад был чрезвычайно мощной силой, с которой следовало держать себя настороже. В противном случае, объединившись и сыграв на политических и, главное, религиозных противоречиях, западные державы могли *похоронить* Византию. Как отмечали современники, не раз Мануил Комнин говорил своим близким товарищам, что очень боится народов Запада: «Царь опасался, чтобы латинские племена, обладающие неодолимой силой, соединившись между собой, не затопили нашего государства, подобно потоку, который из малого сделавшись великим, опустошает нивы земледельцев»⁴⁴⁸. И, насколько мы можем судить по последующим событиям, опасался небезосновательно.

Остановить грядущую экспансию можно было различными способами, и все они были задействованы. В частности, играть на политических противоречиях европейских государств и Римского епископа, не позволяя им скооперироваться против Византии. Затем открыть Западу глаза на «схизматиков» — греков с целью последующей интеграции обеих культур в рамках одной христианской цивилизации. И, наконец, прекратить церковный раскол. Император правильно понимал, что в условиях *единой* Кафолической Церкви практически все политические разногласия могут быть решены мирным путем.

Это все, так сказать, практические размышления. Но следует иметь в виду и идеальный момент в умозрении Византийского царя, которого не случайно называли *новым Юстинианом*. «Римский империалист» до мозга костей, Мануил I Комнин прекрасно понимал статус императора и его роль во Вселенной. Поэтому внешняя политика царя была целиком и полностью направлена на то, чтобы выполнить незавершенную императором св. Юстинианом работу — *воссоздать Священную Римскую империю*, обезопасив христианские земли от нападения варваров и мусульман. Поэтому характер и стиль деятельности нового василевса во многом копировал своего великого предшественника, от которого его отделяли шесть столетий.

Комнин искренне недоумевал, когда кто-то пытался распространить титул «император» на латинских правителей, и совершенно не понимал, как Римский папа, перед авторитетом которого благоговел, может наделять кого-то царской властью. По-видимому, только потому, полагал царь, что изменился сам Апостольский престол, — другого объяснения он не видел. Его мысли на этот счет позднее были письменно изложены одним из близких придворных летописцев в виде монолога-размышления.

«Каким образом, — заочно обращался василевс к далекому Римскому епископу, — власть Рима сделалась предметом торга для варваров и низких рабов? И с тех пор нет в нем ни архиерея, ни правителя: там восхищающий царское величие, вопреки своему достоинству, идет пешком впереди едущего верхом архиерея и исправляет должность его; а первый, правителя называя императором, почитает его божественным царю. Как и откуда получил ты право, почтеннейший, употреблять Римских царей вместо конюшенных? Если же не получил ниоткуда, то и в тебе лживо архиерейство, и в нем унижен царь. Если ты не допускаешь, что царский престол Византия (Константинополя. — *А.В.*) есть вместе с тем престол Рима, то откуда наследовано самим тобой достоинство папы? Это определил один Константин, первый христианский царь. Как же ты одно, — разумею престол и величие достоинства, — с удовольствием принимаешь, а другое отвергаешь? Или принимай то и другое, или отступишь от того и другого. Но мне, скажешь, дано право возводить на престол царей? Так, поскольку возлагать руки, постольку посвящать есть дело духовное; но ты не имеешь права дарить царства и в этом отношении делать распоряжения. Ведь если в вашей власти было передавать царства, то отчего не переместили вы того, кто находится в Риме? Ты спотыкаешься о собственные дела и не замечаешь, как противоречишь своим поступкам»⁴⁴⁹.

Как следствие, уже в первые годы царствования Мануила I Комнина сформировалась стратегия его внешней и внутренней политики. В самой Империи ему надлежало устранить последние атавизмы «византийского папизма» и восстановить достоинство, статус и честь Римского самодержца. А вовне — отбросив внешних врагов, примирить Восточную церковь с Римским папой и воссоздать единую Вселенскую империю. В отличие от деда, Алексея I Комнина, который *спасал* Византию от неминуемой и скорой гибели, и отца, успешно отбивавшегося от норманнов и турок, Мануил Комнин получил в наследство хорошую армию, организованную императорскую администрацию, обильную государственную казну и высокий международный авторитет на Западе и Востоке. Как говорили, «государственная казна в то время отличалась щедростью, разливалась, подобно переполнившему собранию вод, и, как чрево, близкое ко времени рождения и удрученное избытком бремени, охотно извергала из себя пособие нуждающимся. Ибо от доходов царя, отца Мануила, из которых часть уделялась на дела богоугодные и которые не подвергались беспутной и безрассудной трате, скопились груды денег и лежали, как кучи камней»⁴⁵⁰.

Естественно, получив единодержавную власть в таких выгодных условиях, василевс не думал почивать на лаврах. В течение 30 дней после смерти Иоанна II Комнина он отдавал последние почести покойному отцу, наводил порядок в Киликии, а заодно сооружал монастырь на месте смерти императора. Рассказывают, что, проходя из Армении через город Хоны, Мануил Комнин получил благословение от местного архиерея Никиты, слывшего прозорливцем. Когда клирики спросили того, способен ли юный царь удержать власть в своих руках, Никита ответил, что василевс управится со всеми: Римским государством, братом Исааком и с врагами, поскольку так предустановлено Богом⁴⁵¹. Это показалось современникам маловероятным, но Мануил Комнин, казалось, вообще не ощущал никакой опасности и принял верховную власть как должное. Его совершенно не волновало, что старший брат Исаак находится в Константинополе и может, используя отсутствие императора, заявить собственные права на царскую власть. Наверное, Мануил I искреннее удивился, если бы узнал, что *естественные*, с его точки зрения, поступки квалифицируются окружающими как героизм.

В это время к нему прибыла делегация из Антиохии — прослышав о кончине грозного царя, латиняне решили высказать претензии «юнцу», у которого еще даже не начала пробиваться борода. Они потребовали от нового василевса римлян вернуть те земли, которые,

по их мнению, принадлежат Антиохийскому княжеству. Увы, их ждало разочарование: несколько не смущаясь, Мануил I ответил им, что не только «спорные» земли, но и Антиохия является *собственностью* Византии, а сами крестоносцы — клятвопреступники, нарушившие ленную присягу. В будущем времени, пообещал царь, он непременно накажет латинян за это преступление, а сейчас повелевает им отречься от каких-либо претензий к Римской империи. «То, что перешло в мои руки от отца, я должен преувеличивать, а не уменьшать», — закончил он эту запоминающуюся речь⁴⁵².

Выдворив ошеломленное посольство, Комнин торжественно перенес гроб с телом отца на корабль, отплывавший в столицу, а сам с армией демонстративно, не выставив даже боевого охранения, прошел через занятые турками территории, чем поверг сельджуков в шок. Потрясенные такой храбростью и уверенностью в собственных силах, они не посмели напасть на римлян. А византийская армия вскоре вступила на родные земли и беспрепятственно дошла до столицы. Предваряя его прибытие, верный Иоанн Аксук заранее прибыл в Константинополь и приказал арестовать брата императора Исаака Комнина и его дядю — уже известного нам Исаака. Помимо этого, он договорился со столичным клиром, оставшимся временно без патриарха (это значительно облегчило ход переговоров), пообещав от имени царя увеличить государственные средства, выделяемые на его содержание⁴⁵³.

Проявляя не только храбрость, но и милость, Мануил I по прибытии в Константинополь освободил дядю и брата из-под стражи, пригласил к себе и отпустил на свободу. Заплатив солдатам жалование и распустив затем войско по домам, василевс выдал константинопольцам подарки по случаю своего воцарения и озадачился личностью будущего «Вселенского» патриарха. Незадолго перед этим скончался столичный архиерей *Лев Ступп* (1134—1143), и Мануил I повелел возвести в патриаршее достоинство *Михаила Куркуаса* (1143—1146), настоятеля монастыря Оксией. Интересно, что с точки зрения византийской политической традиции Мануил I, как еще не венчанный царь, не считался полноправным Римским самодержцем. Тем не менее вначале произошло поставление патриарха, выбранного Комнином, а затем венчание архиереем императора⁴⁵⁴. В Константинополе царь предал земле тело своего отца, которого похоронили в монастыре Вседержителя близ могилы императрицы св. Ирины — после смерти любящие сердца вновь соединились.

В январе 1146 г. император наконец-то венчался браком с Ириной, своей суженой германской принцессой, выполнив до конца

волю покойного отца. Бедной девушке можно было только посочувствовать: с 1142 г. она жила в Константинополе, совершенно не зная, как сложится ее судьба. Мануил I был холоден к ней, да и вообще не спешил обречь себя на супружество. Но обстоятельства объективно призывали его наладить с Западом дружеские отношения — в первую очередь с Германией против сицилийских норманнов. Подумав, василевс возобновил разговоры о своей женитьбе с Ириной, и вот теперь брак состоялся⁴⁵⁵.

Отдав первые мирные распоряжения, император показал всем, что его угрозы — не пустой звук. И уже вскоре направил сухопутную армию и флотилию против Антиохии: забирать обратно римские земли, узурпированные крестоносцами. Армией командовали братья Андроник и Иоанн Контостефаны и этнический турок Просуха, в юности перешедший на византийскую службу, а флотом — Дмитрий Врана. Войдя в пределы Киликии, византийцы отобрали крепости, ранее самовольно занятые латинянами, а в сражении у стен Антиохии, которое опрометчиво им дал Раймунд де Пуатье, нанесли крестоносцам сокрушительное поражение. Но город являлся сильной крепостью, которую с налета взять было невозможно, а потому византийцы вновь вернулись в Киликию. Тем временем римский флот беспрепятственно разграбил окрестные приморские земли, взяв множество пленных, в том числе — сборщика государственных податей Антиохийского княжества. Затем византийские моряки отплыли на остров Кипр⁴⁵⁶.

Положение Раймунда де Пуатье тем более осложнилось, что 10 ноября 1144 г. скончался король Фульк Иерусалимский, случайно разбившийся на охоте вследствие падения с лошади, всегда выступавший на стороне князя Антиохии. Теперь новым королем Иерусалимского королевства стал 14-летний сын покойного Фулька и королевы Мелизнды *Балдуин III* (1143—1163). Но это еще — победы. Ободренный известиями о смерти Иоанна Комнина и Фулька, Зенги направился с армией на Диарбакыр, принадлежащий союзнику Эдесского графа Жослена II *Кару Арслану*. Каково же было удивление Кара Арслана, когда выяснилось, что Жослен II не только не спешит к нему на помощь, но, напротив, вывел свою армию из города и направился через Евфрат, чтобы, пользуясь случаем, занять часть владений своего союзника. Жители Харрана, мимо которого прошло воинство Жослена II, срочно сообщили об этом своему повелителю Зенги, и тот не замедлил предложить мир и дружбу единоверцу, а затем с большим войском двинулся на беззащитную Эдессу. 28 ноября 1144 г. он уже стоял под стенами города.

Несмотря на былые клятвы, Раймунд Антиохийский ничем не помог своему союзнику, зато королева Мелизенда, отличавшаяся и волей, и характером, созвала Коронный совет, на котором было принято решение идти на помощь осажденным собратьям. Однако было уже слишком поздно: Зенги понадобилось всего 4 недели, чтобы взять Эдессу и устроить настоящую *резню* — под стать той, которой было ознаменовано взятие в 1099 г. Иерусалима. Вслед за тем Зенги захватил город Сарудж — вторую по величине крепость на левом берегу Евфрата, а затем осадил Биреждик, защищавший брод через эту реку. Вслед за тем Зенги прогнал из Мосула своего номинального сеньора *Альп Арслана*, сына умершего султана *Махмуда ибн Мухаммеда* и племянника нынешнего султана Масуда I.

Это событие стало пиком славы Зенги, который принял титулы «Зайн-Ислам» («Украшение ислама»), «Аль-Малик аль Мансур» («Принц-победитель») и «Насир Эмир аль Муминин» («Опора халифа»). Правда, это был и последний успех великого полководца: 14 сентября 1146 г., после того, как он, напившись пьяным, заснул, его зарезал неподалеку у города Балис один евнух франкского происхождения, которого ранее Зенги сильно обидел. И хотя после смерти атабега его сыновья разделили владения, а враги попытались вернуть ранее утраченные земли, второй наследник Зенги, *Нур ад-Дин Махмуд* (1146—1174), получив в правление Мосул, стал новой грозой пилигримов. Он быстро вернул под свой контроль Эдессу, которую граф Жослен II попытался отвоевать у турок, и наглядно показал, что является достойным сыном своего отца.

Правитель, приобретший славу и прозвище «аль-Мелик аль-Адин» («Справедливый царь»), сумевший стать выше узко местных интересов и прекративший (хотя бы на время) междоусобицу, Нур ад-Дин обоснованно считался легендарной личностью. Блестящий организатор и талантливый полководец, он добился того, что солдаты считали военный лагерь своим домом, а военачальника — эталоном справедливости и мужества. Благоразумный и честный, благочестивый мусульманин и аскет, он вызывал восхищение даже у врагов. Нур ад-Дин изгнал роскошь из своего дворца, повсеместно запретил употребление вина, государственные налоги употреблял исключительно на общественные нужды, а сам жил только за счет доходов, которые ему давало небольшое поместье. Когда однажды к нему обратилась любимая жена с просьбой приобрести ей наряды, он ответил: «Я не более чем казначей мусульман!»

Человек с глубоко врожденным чувством справедливости, он обеспечил беспристрастное судопроизводство в своем государстве.

Его постоянным желанием было следовать заповедям Аллаха, и Нур ад-Дин усердно изучал Коран и Сунну. Для него победа над христианами являлась целью Промысла Божьего — в мусульманском, конечно, понимании. Человечный и чрезвычайно терпеливый к чужим недостаткам, атабег отменил многие налоги и сумел невиданно поднять уровень благосостояния своих подданных, помогал нищим и вдовицам, сиротам и дервишам. При нем невиданно расцвели искусство и наука, строились новые здания и, конечно же, мечети. Сам Нур ад-Дин часто заседал в судах, решая вопрос справедливо и принципиально. Неудивительно, что после смерти Нур ад-Дина турки считали его святым⁴⁵⁷.

Именно Нур ад-Дин впервые придал борьбе с пилигримами значение *Джихада*, «Священной войны». Ранее это были мимолетные вспышки религиозного сознания, рожденные отдельными фанатиками. Теперь это провозгласил «герой веры», отдававший всего себя делу борьбы за «дело Божье». Разумеется, он стал самой популярной в массах мусульман фигурой⁴⁵⁸.

Как полагают специалисты, хотя и ранее идея Джихада волновала мусульманских богословов, но именно в период правления Нур ад-Дина эта концепция получила законченное оформление в сочинении некоего перса, проживавшего в Алеппо, которое называлось «Море драгоценных добродетелей». Там подробно описывалось, что Джихад бывает двух видов — внутренний против личных пороков, и внешний — против неверных. Война может быть двух видов — оборонительная и наступательная. В первом случае, когда враг напал на территории проживания мусульман, война должна вестись всем без исключения мужским населением. Во втором случае войну во имя расширения сферы действия ислама могут вести исключительно добровольцы.

Наступательная война во имя Аллаха является священной обязанностью мусульманского правителя. Если он не делает этого, то, по мнению автора сочинения, ему лучше быть мертвым, чем живым — меньше греха оберется. Попутно скажем, что, как и в других вопросах, здесь также проявилось отличие суннитов от шиитов. В отличие от первых шииты полагали, что Священная война может быть объявлена исключительно при приближении конца света. По этой причине идеи Джихада были малопопулярны в Египте, где правили Фатимиды, и в Северной Сирии⁴⁵⁹.

Весьма характерен стих, вложенный одним из современных Нур ад-Дину поэтов в уста своего правителя:

У меня нет никаких желаний, кроме Джихада.
 Какой-либо отдых от него — это лишение для меня.
 Искания не принесут ничего, если не бороться.
 Жизнь без борьбы на пути Джихада —
 праздное времяпрепровождение⁴⁶⁰.

В таких изменившихся условиях Жослен II, сумевший *кое-как* укрепиться на правом берегу Евфрата, не мог более считаться сильным союзником для Раймунда Антиохийского, и тот, понимая, что выбирать не из чего, склонился перед Мануилом Комнином. Осознав, что гордыня ныне не «в моде», Раймунд торопливо отправился в Константинополь и на гробнице Иоанна II Комнина поклонялся перед царем хранить вассальную верность⁴⁶¹.

Пока Антиохийский князь оплакивал свою участь, Мануил I последовал в Вифинию, где задумал осуществить грандиозную идею, вполне в духе императора св. Юстиниана Великого — создать цепь укрепленных крепостей на границе с турецкими владениями, чтобы обезопасить своих подданных от ежегодных набегов. Работа была в самом разгаре, когда из столицы пришло известие о тяжелой болезни старшей сестры василевса Марии. Он тут же отправился в Константинополь, но успел лишь предать ее тело земле. Отдав последний долг порфирородной сестре, василевс направился в Кизик и, собрав в 1146 г. у города Лаподион армию, двинулся на турок, в очередной раз нарушивших договор и овладевших после небольшой осады исаврийским городом Пракану. Переправив свое войско через мизийскую гору Олимп, царь дошел до Пифики, где быстро возвел новую крепость. Вслед за этим он атаковал турок, но по причине внезапной болезни не смог *лично* принять участия в завязавшемся сражении, в котором византийцы наголову разгромили турецкую армию⁴⁶².

Едва римские солдаты успели стереть пот со лба, как император скорым шагом направил их в Иконию, дабы отомстить султану Масуду I. Пользуясь тем, что правитель этой римской области Феодор Контостефан еще не успел собрать фемное ополчение, турки дошли до города Келвиан и захватили множество добычи. Не желая *воровать удачу*, Римский царь с высоты своего положения направил вперед себя посла, который привез султану требование: или немедленно возвратить все захваченное, или готовиться к битве. На это гордый турок ответил, что готов встретиться с императором у города Филомелиум, который находился в Великой Фригии. На самом же деле хитрый султан решил направить сильный отряд на-

перерез византийцам и неожиданно напасть на их войско у города Акрун. К несчастью для мусульман, римляне дружно встретили наступающих сельджуков и совершенно разгромили их. Известие о поражении деморализовало султана, который оставил выбранное для генерального сражения место и спешно ретировался. Напрасно Мануил I попытался в новом послании устыдить его — турок думал только о спасении. Тогда в отместку император разорил Филомелиум, освободив множество пленных византийцев, содержащихся в темницах этого города⁴⁶³.

Между тем, получив подкрепление, Масуд I решился-таки дать византийцам сражение в местечке под названием Гаита, но вновь потерпел поражение. Вернувшись срочно в Иконию, он выделил воинов для охраны города, а два сильных отряда разместил неподалеку; одним из них он командовал лично. Султан расположил свое войско довольно хитро: его отряд находился на перевале, но казалось, что это — только передовая, маленькая часть армии, а остальные силы скрываются за горами. Таким способом создавалась видимость сильной армии. Однако император, несмотря на свою молодость, опытный в военном деле человек, догадался о вражеской уловке и смело двинул римскую армию на султана.

Турецкий предводитель не выдержал зрелища приближающихся византийских полков и побегал, увлекая за собой войско. Император бросился в погоню, но тут пришло известие о том, что вторая часть римской армии, двигавшаяся параллельно, попала в засаду, организованную другим турецким отрядом, и несет потери. Не мешкая, василевс направил на помощь товарищам конный отряд под командованием Пиррогеоргия, но турки дрались отчаянно, а уставшие византийцы не смогли оказать им должного сопротивления. Тогда царь пошел на хитрость: он приказал одному воину провозгласить войску, что султан Масуд I взят в плен. Эта весть резко подняла дух византийцев, и те с новой силой ударили по врагу. Ночь развела сражающихся противников по лагерям⁴⁶⁴.

Утром византийцы подошли к Иконию, и император убедился, что штурм города — тяжелое и опасное предприятие. Пока он размышлял, а его солдаты увлеклись грабежом окрестностей, поступили известия о том, что другая турецкая армия под командованием полководца Танисмана концентрируется у местечка Чивриличимани. Хотя проход к сельджукам был крайне затруднен горными массивами, Мануил I, желая подражать западным рыцарям, посчитал необходимым преподнести своей супруге по бытовавшему на Западе обычаю какой-нибудь яркий подвиг. Сформировав два небольших

отряда, он поместил их в засаду. А сам в окружении великого доместика Иоанна Аксуха и брата Исаака помчался на турок, решивших напасть на римских фуражиров.

Безрассудность этого поступка настолько взволновала византийских аристократов, находившихся в одном из засадных отрядов, что они в сердцах пообещали никогда больше не ходить на войну вместе с царем. Как сказал современник Мануила I, «юность есть нечто неодолимое, а как скоро к ней присоединится сила и крепость — она бывает еще неодолимее». А тот уже вступил в схватку с несколькими десятками турок, нисколько не сомневаясь в грядущей победе. Исход боя можно было угадать без труда, но тут византийцы из засадных отрядов бросились на выручку василевсу и с великим трудом отбили его.

На удивление, император не был даже ранен, но разгоряченные боем товарищи и родственники самодержца начали дружно и довольно дерзновенно упрекать его за безрассудный поступок. Как ни в чем не бывало василевс ответил в том духе, что нечего вспоминать старое, а нужно озаботиться будущим днем — к туркам все прибывали и прибывали подкрепления. И, не переведа дух, император направился вперед, чтобы на месте произвести рекогносцировку. Это новое проявление юношеской лихости вновь едва не стоило ему жизни — Мануил I наткнулся на другой турецкий отряд, с ходу вступил с ним в бой и оказался в смертельной опасности. Выручили царя стрелки, подоспевшие на помощь. Неунывающий царственный юноша не стал терять времени и, перехватывая инициативу, устремился на сельджуков со всем войском, не давая тем уйти и соединиться с основными силами. Замечательный момент — пока шел бой, дядя царя севастократор Исаак, оставшийся в лагере, сидел в царской палатке и ожидал его исхода с тайной *надеждой*, что императора убьют и он станет новым Римским василевсом⁴⁶⁵. Впрочем, больше мы не встретим эту личность в качестве исторического персонажа. Но его мечты и амбиции унаследует средний сын севастократора *Андроник Комнин*, с которым нам придется столкнуться не один раз.

Ввиду того, что соединенные силы сельджуков значительно превосходили его армию, император внял голосу разума и решил отступить. В ходе выполнения этого маневра начальник пехоты византийского войска, некто Критопл, отстал со своей колонной от основных сил. Когда турки напали на него, он почему-то решил в одиночку дать им бой и тем самым едва не погубил своих солдат — прекрасная иллюстрация состояния дисциплины высшего командного состава византийской армии. И вновь энергия и бесстрашие

императора решили дело — во главе небольшой группы смельчаков он бросился на сельджуков и опрокинул их. Возвратившись в лагерь, царь нашел остальное войско полностью дезорганизованным и деморализованным. Нужно было что-то делать, и тогда молодой царь продемонстрировал не только умение идти на смерть, но и прекрасное знание солдатской психологии, решив *словом* поднять упавший дух боевых товарищей.

«Храбрые воины! — начал он речь. — Я призываю вас к мужеству, — не потому, чтобы замечал в вас трусость или какое малодушие. Римлянам ли упасть до такой низости и посрамлять славу отцов!.. Нет, я только исполняю правило военачальника и хочу оградить вас безопасностью на будущее время, ибо непредвиденно наступающее бедствие может возмутить и мужественную душу. Знайте, товарищи, что нам сегодня предстоит сражение поважнее прежних — это будет заключительный и последний бой. Поэтому надо подготовиться хорошо, — как ради прежних подвигов, так и для того, чтобы не унижить доблести, уже доказанной нашими делами».

Произнеся речь, царь построил войско в боевой порядок и вывел на равнину, одновременно с этим направив парламентаря к султану. Мануил I приказал передать, что готов биться с врагом, но, насытившись победами и унизив врага, отправляется домой, чтобы следующей весной вновь прийти в его владения. *Морально сломленный* султан Масуд I тут же отправил посольство к императору с предложением мира⁴⁶⁶.

Возвращаясь в Константинополь, римское войско наткнулось на новый отряд турок, которые только что совершили набег на византийские поселения и захватили богатую добычу. Византийская кавалерия тотчас начала преследование, но не смогла догнать легкоконных сельджуков. Тогда император, вновь позабыв об опасности, взял свежего коня, вскочил в седло и стремглав бросился на противника, не надев даже лат и шлема. Он поверг многих врагов на землю, сам получил рану, но, хранимый Богом, вернулся в лагерь.

Весной 1147 г. император вновь осадил Иконию, и можно было смело ожидать, что участь города на этот раз будет плачевной. Отрезвленные римской мощью, турки направили посольство и заключили мирный договор на условиях возврата Византии города Пракану и всех земель, отобранных у нее в последние годы. Царь подумал и согласился, после чего вернулся в столицу⁴⁶⁷. И как раз вовремя, поскольку ситуация резко осложнилась вследствие начала 2-го Крестового похода.

Глава 2. 2-й Крестовый поход

Как бы ни был высок религиозный дух времен 1-го Крестового похода и горячо желание крестоносцев освободить Гроб Господень, последующие события после захвата Иерусалима и создания независимых государств латинян на Востоке со всей очевидностью продемонстрировали присущие западному менталитету пороки. Вместо того, чтобы скоординировать совместные усилия против мусульман, крестоносцы или переругались друг с другом, ревнуя о своих границах и независимости, или выступали единым фронтом, но... против восточных христиан. Как это ни печально, но «крестоносцы принесли не мир, но меч, и этот меч разрубил христианский мир»⁴⁶⁸.

Со временем стало очевидно, что главная цель пилигримов заключалась в ослаблении влияния Константинополя и византийского элемента в Малой Азии, Сирии и Палестине — безумная идея! И нечего удивляться тому, что турки, не так давно отодвинутые солидарными усилиями восточных и западных христиан в глубь территории, со временем восстановили свои позиции и из Месопотамии начали серьезно угрожать латинским владениям.

В довершение всех бед пилигримы умудрились поссориться даже с недавними союзниками — речь идет об эмире Дамаска. Все началось с того, что в 1147 г. наместник двух городов — Босры и Салькада, что располагались в области Хауран, *Алтан Таш* — армянин, перешедший в ислам, решил отделиться от своего господина Муина ад-Дина Унура. За помощью он обратился в Иерусалим, пообещав передать королю свои города, если его оставят там правителем. Королева Мелизенда срочно созвала Коронный совет, чтобы обсудить предложение, казавшееся весьма заманчивым. Дело заключается в том, что в Харуне — житнице Дамаска проживало множество христиан, обещавших поддержку пилигримам. И, захватив Харун, можно было диктовать условия Дамаску. Корусть взяла свое, и Коронный совет высказался за войну. Для проформы к Унуру направили посла с требованием оставить Харун и признать власть Алтан Таша. Напрасно турок зывал к совести и нормам права Иерусалимского королевства, не допускавшим, чтобы один государь поддерживал мятежного вассала своего союзника — все было напрасно⁴⁶⁹.

В марте 1147 г. армия крестоносцев во главе с юным королем, который, к слову сказать, до последнего пытался не допустить этой войны, переправилась через Иордань и направилась на Восток, вверх по долине Ярмака. От отчаяния Унур обратился к тому человеку, которого смертельно боялся, — Нур ад-Дину, предложив

атабегу руку своей дочери в обмен на помощь. 30 марта того же года соглашение было подписано, а уже 17 апреля свадебный кортеж в сопровождении офицеров свиты Нур ад-Дина прибыл в Алеппо. Очень быстро родственники объединились и осадили город Салькад, гарнизон которого попытался выиграть несколько дней, надеясь на скорый приход рыцарей из Иерусалима. Но пилигримов ждала трагическая развязка: жена Алтан Таша сдала Нур ад-Дину город Босра, где латиняне надеялись найти отдых и воду, и теперь пилигримам пришлось спешно поворачивать назад, чтобы не погибнуть в пустыне. Однако за ними следовала армия двух турецких правителей, нещадно *добивавшая* арьергард, где, к своей чести, храбро сражался юный король Балдуин III.

С великим трудом крестоносцы вернулись в Иерусалим. Но в итоге всей этой кампании Унур, отвоевавший назад Хауран, больше не числился в рядах союзников латинян или как минимум нейтральных зрителей. Теперь он кипел справедливым негодованием и только ждал момента, чтобы посчитаться с крестоносцами. А Нур ад-Дин, перед которым униженно склонил колено эмир Дамаска, стал признанным властителем мусульманского мира. Вскоре после этого он начал войну с Антиохией и захватил почти все земли, расположенные восточнее Оронта. Коварный же Алтан Таш был ослеплен и брошен в тюрьму⁴⁷⁰.

Известия об этих событиях и о падении Эдессы повергло Западную Европу в шок, особенно сильное впечатление оно произвело во Франции, рыцари которой были наиболее тесно связаны с крестоносными государствами Востока. Сама собой родилась инициатива идти на выручку Эдессы. Однако для реализации такой идеи необходимо было получить высокую санкцию Апостольского престола, что было не так-то просто. Римским епископом в то время являлся *Евгений III* (1145—1153), благочестивый аскет, не отличавшийся, однако, ни энергией, ни характером, ни силой воли. Его положение был столь шатким, что только помощь Германского короля Конрада III Гогенштауфена могла обеспечить понтифику безопасность в самой Италии.

Попытки воззвать к честолюбию западных рыцарей предприняли и армяне, до сих пор не один раз стоявшие с пилигримами в сражениях против турок плечом к плечу. Они верно решили, что единственным лицом, чей голос может быть услышан, является не королева Мелизенда, а апостолик. А потому уже в 1140 г. на Соборе в Иерусалиме пообещали в присутствии латинского патриарха изменить армянское вероисповедание по образцу Римско-

католического. Если, конечно, папа обещает им военную помощь. В 1145 г. посольство армян торжественно посетило резиденцию папы Евгения III и просило направить к ним лиц, способных исправить обряд на латинский манер. Высказал свое мнение и весьма влиятельный в клерикальных кругах Запада архиепископ Гуго из Великого Гибеллума, когда ему удалось вырваться в Рим и получить аудиенцию у папы⁴⁷¹.

Но все решилось довольно просто: неожиданно общественная инициатива нашла самого высокого покровителя в лице короля Франции *Людовика VII* (1137—1180). Помимо романтических мотивов (а король слыл на Западе настоящим рыцарем и благочестивым христианином), у Людовика VII присутствовало желание реабилитироваться перед Римским престолом и помириться с папой, которого серьезно оскорбил незадолго перед этими событиями. Случилось так, что понтифик отказался утвердить одного галльского епископа, поставленного на кафедру по приказу короля. Людовик VII настаивал на своем, и это противостояние вызвало гнев апостолика, излившееся на все Французское королевство. Как полагали, виновником ссоры стал *Тибо II* (1125—1152), граф Шампани, интриговавший против собственного государя. Горя жаждой мщения, Людовик VII вторгся во владения непокорного вассала, опустошил Шампань, захватил город Витри и предал мечу его жителей. Многие из них желали укрыться в храме у подножия алтаря, но французы подожгли храм, в котором погибло 1300 человек⁴⁷².

Прежде чем взять на себя роль ходатая перед Римским престолом, Французский король спросил мнение своего духовника аббата Сугерия, который осторожно посоветовал ему удостовериться в поддержке крестоносного движения у духовенства и аристократии. Но тут Французского короля активно и горячо поддержал св. Бернард, пользовавшийся чрезвычайно высоким авторитетом на Западе. На Государственном собрании 1146 г., состоявшемся в Бургундии, св. Бернард сел рядом с Людовиком VII, надел на него плащ с крестом и произнес пламенную речь о защите Гроба Господня доблестными французскими рыцарями. После этого ажиотаж достиг своего пика, и вопрос о походе французов мог считаться решенным — Южная и Средняя Франция выставили войско общей численностью около 70 тыс. бойцов⁴⁷³.

Если бы новый Крестовый поход ограничился той целью, которую ставил перед собой Людовик VII — возвращение Эдессы под власть Креста, и если бы этот поход был исключительно *французским*, можно было не сомневаться в его успехе: королевская армия

имела все шансы без труда разгромить армию Нур ад-Дина. Но тут св. Бернард совершил роковую ошибку — привыкнув повелевать сердцами *всего* христианского мира, он поспешил в Германию, чтобы сделать из сугубо французского предприятия общеевропейское. Надо сказать, это была невероятно тяжелая задача — Конрад III, едва успевавший умиротворять противоборствующих ему саксонских и бургундских баронов из партии Вельфов, и слышать не хотел о Крестовом походе. Кроме того, на нем висел груз ответственности за Римского папу и не угасало желание возратить себе контроль над Италией, чему, конечно, активно противодействовали норманны Сицилии.

Но св. Бернард не унывал — накануне 1147 г. он прибыл к Германскому королю, чтобы отпраздновать Новый год, и после мессы произнес такую зажигательную речь, что всколыхнул души всех присутствовавших в храме немцев. Обратившись от имени Христа к императору, св. Бернард произнес: «Я дал тебе все, что Я могу дать: могущество, власть, всю полноту духовных и физических сил. Какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы Мне? Ты не защищаешь даже того места, где Я умер, где Я дал спасение душе твоей! А язычники скоро распространятся по всему миру!» Несмотря на грубость эпохи, этого было достаточно, чтобы Конрад III, по щекам которого обильно текли слезы, воскликнул: «Довольно! Я буду служить Тому, Кто искупил меня!»

Впрочем, справедливости ради скажем, что помимо высоких соображений король руководствовался и вполне земными интересами. Конрад III очень хотел получить из рук папы императорскую корону, а для этого было необходимо проявить примерную лояльность к его решениям⁴⁷⁴.

Решение короля всколыхнуло всю Германию, но эта *фрагментарная победа* по закону причинно-следственной связи предопределила крах будущего похода. Если бы французы направились в Сирию одни, им достаточно было пройти через Италию к Сицилии и оттуда на кораблях норманнов прибыть к местам боев самым коротким и удобным путем. Но, в отличие от французов, германцы вследствие непрекращавшейся распри с норманнами из-за Южной Италии никакой помощи от сицилийцев не ожидали. Более того, как раз накануне этих событий Конрад III заключил соглашение с Византией против Рожера I Сицилийского, и теперь его интересы становились *прямо противоположными* интересам Людовика VII.

Можно сказать, что если бы кто-то один из этой пары поставил перед собой цель овладеть Эдессой, все сложилось бы замечатель-

но. Но теперь союзники только *мешали* друг другу, попутно ставя едва выполнимые или просто нелепые условия, прямой дорогой ведя крестоносную армию к гибели. Мешала и конкуренция — *кто* из двух монархов должен считаться негласным главой Крестового похода? Непосредственно перед отправлением в путь папа передал Французскому королю посох и суму — символы паломничества, напрямую показав, *кого* он видит главным лицом в этом крестоносном предприятии. Но нужно было считаться и с Конрадом III, а потому отдельные требования Германского короля не могли не быть выполнены.

В частности, по настоянию Конрада III французы были вынуждены идти через Венгрию, Болгарию, Сербию, Фракию и Македонию на Константинополь, чтобы оттуда начать переправу через Босфор и повторить весь тот путь, который был проделан в ходе 1-го Крестового похода. Он же «выторговал», чтобы германцы шли первой колонной, а французам предложил с месячным интервалом следовать за ним⁴⁷⁵.

Но *разрушительная* деятельность св. Бернара на этом не завершилась. Агитируя германцев принять участие в Крестовом походе, ему следовало бы учесть, что в первом крестоносном предприятии они практически не участвовали, поскольку сфера их интересов лежала на северо-востоке, где жили племена языческих славян. И нет ничего удивительного в том, что на рейхстаге 1147 г. саксонские князья заявили, что хотели бы вместо похода в Святую Землю отправиться за Эльбу, дабы привести своих врагов в лоно Западной церкви. В этом случае нужно было выбирать одно из двух: или Эльба, или Иордань.

Но св. Бернар и Евгений III почему-то решили, что никакой беды не будет, если германцы выступят одновременно на два фронта. Папа даже издал специальную буллу, наделив крестоносцев, отправляющихся на войну со славянами, такими же прерогативами, как и тех, кто уходил в Иерусалим. Как и следовало ожидать, погоня за двумя зайцами не принесла успеха: кампания против славян не задалась, германские пилигримы потерпели поражение, а Конрад III лишился нескольких тысяч столь нужных ему в Святой Земле мечей.

Второе обстоятельство является не менее существенным. Горя религиозным чувством, св. Бернар выдвинул весьма категоричную формулу «Обращение или смерть», мало соответствующую христианским ценностям, зато с восторгом встреченную в лагере пилигримов. Смысл ее заключался в том, что *все* мусульмане, не пожелавшие перейти в христианство, подлежали *физическому*

уничтожению; никакие традиции доброго отношения к пленным более не подлежали применению. Следовало бы, однако, понять, что *такое* отношение к мусульманам фактически означает окончательное превращение борьбы с ними за отдельные территории в Священную войну, на которой нет места сантиментам, своего рода «христианский Джихад» со всеми вытекающими правилами.

Если вследствие авантюры Рима германцы недосчитались мечей, то с флотом дела обстояли еще хуже. Под влиянием проповедей св. Бернара (опять же) многие паломники из Англии, Фландрии и Фрисландии весной 1147 г. морем направились к Иерусалиму. Правда, это были, так сказать, представители «второго эшелона нобилитета»: Арнульф, граф Эрсхота, Кристан, шатлен Жистеля, Эрве де Гланвиль, Симон Дуврский, Андрей Лондонский, Саше д'Аршель и другие, в их распоряжении было более 164 судов⁴⁷⁶. Но в пути шторм загнал рыцарей в устье Дуэро, где их встретили представители графа Португальского *Альфонса Великого* (1139—1185). Пилигримам предложили оставить мысли о далеком пути, а вместо этого помочь графу захватить Лиссабон, после чего папа должен был короновать того королевской короной. Крестоносцы согласились, приняли активное участие в штурме города, получили за это крупные земельные наделы в Португалии и совершенно охладели к дальнейшему походу в Палестину. В результате 2-й Крестовый поход сразу же лишился мощного флота, в котором латиняне испытывали острую необходимость⁴⁷⁷.

Узнав о том, что крестоносное войско уже приблизилось к границе с Венгрией, Византийский император благоразумно отправил вперед посольство во главе с Дмитрием Макремволитом и Александром, бывшим графом Равенны, перешедшим на римскую службу после захвата города сицилийскими норманнами. Послы потребовали от вождей крестоносцев дать клятву, что латиняне не причинят никакого вреда Византии, когда начнут проходить через ее территории. Это было и разумное требование, и способ определить истинные намерения крестоносцев. Поскольку тем обещалось перед походом полное отпущение грехов, то, по справедливому замечанию одного историка, армии крестоносцев пользовались еще более дурной славой, чем обычные солдаты и даже разбойничьи шайки. А германские войска состояли по большей части из фанатиков, изгоев и преступников, скрывающихся от суда, — не самые желанные гости⁴⁷⁸. Немного подумав, немцы согласились, и каждый из аристократов по очереди дал требуемую клятву, после чего Византийский

император разрешил им проход и выделил корабли для переправы пилигримов через Дунай⁴⁷⁹.

Но когда дело дошло до выполнения обещаний, все слова оказались забытыми — в Сердице крестоносцы не желали оплачивать продукты, приобретаемые на рынках, но брали все силой. Дошло до прямых столкновений — при любом отказе пилигримы без долгих разговоров хватались за мечи и убивали мирных жителей. В ответ византийцы сожгли в монастыре близ Адрианополя одного знатного германца, попутно похитив его деньги. Распаленный гневом, племянник Германского короля *Фридрих I Барбаросса* («Рыжебородый») сжег весь монастырь вместе с монахами. Недолго он радовался победе — известный нам по войне на Востоке византийский военачальник Просух напал на армию Фридриха и убил многих его воинов. Только после этого пыл крестоносцев слегка поостыл⁴⁸⁰.

Вполне резонно опасаясь последующих событий, император отправил к крестоносцам Андроника Опома с предложением переправляться на Восток не через Босфор, а южнее, для чего тем следовало пройти к Авидскому заливу. Однако латинян было уже не остановить — они продолжали мародерство и вооруженные грабежи населения, направляясь прямо к Константинополю, стен которого достигли в сентябре 1147 г. Естественно, после стольких треволнений отношения между Мануилом I и Конрадом III резко изменились. А сообщения о норманнских рейдах по византийскому побережью — Рожер I Сицилийский решил в такой оригинальной форме поучаствовать в крестоносном движении — навеяли мысли, что *втайне* Западный император договорился с королем Сицилии и действует с ним заодно.

Имелось и второе обстоятельство, которое не мог не учитывать император Мануил I Комнин. Желая обезопасить себя со стороны моря, Рожер I Сицилийский заключил союз с Египетским султаном *Хафизом* (1130—1149) (!). С учетом того, что *формально* Рожер I Сицилийский также считался крестоносцем — по крайней мере как союзник, обещавший снабжать пилигримов во время похода, — его союз с мусульманами выглядел подлинной фантаσμαгорией. Тем более что крестоносцы Иерусалима продолжали оставаться в состоянии непрекращающейся войны с Фатимидами.

Поскольку буквально через несколько недель должны были подойти французы — те вообще являлись *официальными союзниками* норманнов, — положение Византии становилось очень тяжелым. В таких условиях открыто демонстрировать поддержку 2-му Крестовому походу перед мусульманами означало полностью окружить

себя врагами. В самой страшной редакции перспективы рисовались следующим образом: сицилийцы блокируют Империю с моря, германцы и французы осадят Константинополь с запада, а турки начнут наступление с востока. Поэтому Византийский император заключил соглашение с Иконийским султаном, чтобы наглядно показать свое полное *неучастие* в Крестовом походе и проложить *политическую прокладку* между собой и Нур ад-Дином. Этот тайный договор нисколько не усложнял задач пилигримов, поскольку Мануил верно учел, что Масуд I по-прежнему тяготеет к зависимости от своего могущественного зятя, которому, собственно говоря, и принадлежала на ту минуту Эдесса. Таким образом, сложились несколько групп союзов, каждый из которых вступал в противоречие с другим⁴⁸¹.

Василевс предпринял и другие меры предосторожности против германских крестоносцев: он вывел византийские войска из столицы, перегородив ими дорогу, а неподалеку в засаде расположил сильный отряд под командованием Василия Чикандила. Рядом располагался другой отряд под начальством Просуха. Мануил I приказал атаковать германцев при первой же попытке с их стороны начать грабеж. В этот момент произошло трагичное событие, серьезно сказавшееся на численности немецкого войска и его моральном духе. Когда они вошли в долину, окаймляемую реками Меласс и Афирас, внезапно пошел сильнейший дождь, покрывший землю мощнейшим грязевым потоком. Как говорят, в течение короткого времени погибло много воинов и лошадей. Проявляя сострадание и сочувствие, император направил к Конраду III послов, но тот потребовал, чтобы Мануил I *лично* вышел встречать его на подходе к Константинополю — невероятная дерзость.

Как ни в чем не бывало, как будто германские пилигримы шли не по христианской земле, Конрад III подошел к предместьям византийской столицы и начал изучать стены Константинополя, думая о том, как лучше овладеть городом (!)⁴⁸². *На всякий случай* германец отправил царю послание, в котором притворно сожалел о недоразумениях, свершившихся ранее и сетовал на разнузданность толп простолюдинов, своевольных и диких. Ответ Мануила I был остроумен: он посочувствовал королю, не способному остановить толпу, и заметил, что *и ему* не всегда по силам справиться с аналогичной задачей. Поэтому, заключал он, «мы вперед не будем уже стараться сдерживать народного гнева и свалим все на безумие толпы, чему вы научили нас добрым примером».

Его ответ пришелся, что называется, кстати — увидев выстроенные перед стенами Константинополя византийские войска, передо-

вые части германцев с ходу атаковали их, но понесли жестокий урон. После этого Конраду III пришло новое «извинительное» послание от василевса, в котором тот сочувствовал «брату» по поводу больших потерь и замечал, что, увы, не может наказать своих «непокорных» подданных: «Как это можно, когда мы однажды уже позволили им следовать собственной воле? Надобно нам обоим крепко держать бразды власти и обуздывать порывы своих войск, а неугодно — пусть все остается в нынешнем положении»⁴⁸³.

Однако на этом переписка еще не закончилась. В очередном послании Конрад III потребовал от императора прислать ему царский корабль и суда для перевозки германской армии, а в случае отказа угрожал осадить Константинополь своими многочисленными отрядами. Безапелляционность тона короля наткнулась на жесткий ответ Мануила I. Царь писал: «Стадо овец считай хоть целыми миадами — едва ли оно устоит при нападении льва. Разве не знаешь, что ты был уже в наших руках, как птичка, и если бы мы захотели, твоя гибель не замедлила бы свершиться». Попутно император направил своих агентов в германские отряды, *перекупая клятвы* немцев, чем внесли разлад и смятение в их ряды. Поняв, что его угрозы иллюзорны, Конрад III умерил амбиции.

В конце концов на каком-то корабле король переплыл через Дамалеев пролив на другой берег и попросил василевса дать ему проводником кого-нибудь из греков, хорошо знающих местность. Но — важный момент — *наотрез* отказался заключать союз с Византией против турок (!). Стоит ли удивляться, что царь только похвалил себя за предусмотрительность и нашел способ втайне напомнить Масуду I, что *не он* воюет с ним, а германцы. Но и с Конрадом III ссориться не хотелось — царь дал ему проводником *акалуфа* (главного начальника дворцовой стражи) Стефана, чьими услугами, однако, германцы пользовались с большой осторожностью и недоверием.

Возле Никеи их ждало первое разочарование — вырвавшийся впереди основного германского войска 15-тысячный авангард был уничтожен сельджуками. Если немцы и сделали выводы из этой трагедии, то очень незначительные. А потому в битве у Дорилеи 26 октября 1147 г. неорганизованные отряды германцев столкнулись с сельджуками, без особого труда заманившими их в ловушку притворным отступлением и разгромившими⁴⁸⁴. Наверное, германским крестоносцам было особенно обидно оттого, что именно здесь в далеком 1097 г. рыцари 1-го Крестового похода нанесли туркам первое поражение. Теперь же мусульмане взяли своего рода реванш. А сам король Конрад III, попытавшийся возглавить атаку крестоносного воинства, едва не попал в плен,

будучи дважды ранен стрелами турок⁴⁸⁵. После этого германцы благоразумно вернулись к Никее и решили дожидаться французов, второй волной уже подходивших к византийской столице. В скором времени большая часть пилигримов заявила о своем желании вернуться на родину, в Германию. И лишь незначительная часть осталась со своим королем.

Надо сказать, поход французов разительно отличался от предприятия германцев. Помимо той особой пышности и аристократизма, которыми французы умеют обставлять особо важные дела, многих поразило то обстоятельство, что вместе с королем в Крестовый поход направилась его супруга королева *Алиеонора* (1124—1204). Разумеется, она была не одна из числа лиц женского пола: королеву сопровождала графиня *Сибилла Фландрская*, дочь покойного Иерусалимского короля *Фулька*, большое число знатных дам, служанок, фрейлин. Многие жены знатных пилигримов также направились в поход со своими мужьями, чем даже вызвали возмущение некоторых особо благочестивых персон. Один рыцарь, направившийся в Палестину с берегов Шотландии, писал в своем дневнике: «В христианском лагере, где должна была царить непорочность, бесились толпы женщин; это особенно позорило нашу армию»⁴⁸⁶.

Французский король Людовик VII проявил гораздо больше такта, чем его германский собрат по оружию. Он поспешил направить Мануилу I послание, в котором заверял василевса в своих мирных намерениях по отношению к Византийской империи и предлагал военный союз против турок. Впрочем, молодой и упрямый король наотрез отказался давать обещание передать Мануилу все завоеванные в будущем французскими рыцарями владения турок в Палестине. И хотя его армия шла по территориям, где перед ними германские пилигримы обчистили все до листочка, французы проявляли завидную дисциплинированность, не беспокоя мирное население. Естественно, 4 октября 1147 г. король был принят с большой пышностью в Константинополе, а затем вместе с императором отправился во Влахернский дворец и приложился к пеленам, которыми было обернуто тело Христа после Его смерти⁴⁸⁷.

Впрочем, и встреча с новой волной пилигримов была далеко не безопасной, поскольку во французском войске нашлось немало людей, которые, насмотревшись на богатства Константинополя, предлагали Людовику VII прекратить Крестовый поход и *захватить византийскую столицу* (!). Общее настроение, вызванное отказом

короля, выразил один из современников, написавший, что «эти советы не были приняты королем к нашему несчастью и несчастью всех служителей апостола Петра»⁴⁸⁸.

Наглядно убеждаясь в том, что уровень культуры византийцев намного превосходит их собственный, французы находили приятную для себя отговорку в том, будто хорошие манеры греков — всего лишь проявление их прирожденной хитрости и лукавства. Видя в византийцах всего лишь схизматиков, пилигримы особенно обращали внимание на различия в литургических обрядах, полагая, что еретики не могут не быть безнравственными. Более того, кто-то высказал мысль, будто и считать византийцев христианами — глубокая ошибка, а, следовательно, убить их ничего не стоило.

В один момент всем казалось, что с великим трудом сохранявшееся мирное положение вот-вот взорвется. И повод действительно нашелся: некий фламандец не устоял перед соблазном и начал грабить лавки менял (по другой версии, не оплатил товары, взятые в торговой лавке). Торговцы, естественно, побежали за помощью и византийцы в отместку ограбили и избили французов, запасавшихся в городе провиантом. Чтобы восстановить мир, Французский король повесил зачинщика ссоры, а Мануил I потребовал от баронов принести ему оммаж — вассальную клятву верности за завоеванные в будущем турецкие земли. Кроме того, император предложил женить своего племянника на одной из французских аристократок, входивших в свиту Французской королевы Алиеноры; правда, брак не состоялся вследствие откровенного нежелания со стороны Людовика VII⁴⁸⁹.

Несмотря на хорошие манеры вождя крестоносцев, Мануил I не сомневался, что при первой возможности Константинополь будет взят французами. Он и так молил Бога за тот счастливый случай, что французы шли отдельно от германцев — иначе не было никаких сомнений, что они предпочтут «синицу в руках», тем более такую великолепную и богатую⁴⁹⁰. И тут василевс придумал хитрый ход, чтобы поскорее отправить французов восвояси. Он пустил слух, будто германцы *уже взяли* Эдессу и захватили фантастическую добычу. Так что французам скоро уже будет нечего делать в Малой Азии. Конечно, те всколыхнулись и немедленно отправились в поход.

У Никеи оба короля встретились, и неудачи германцев вызвали множество грубых шуток со стороны союзников, чем совершенно разладили отношения между двумя армиями. Поэтому сколько бы Конрад III и Людовик VII ни уверяли друг друга в дружбе, их подданные искали лишь повода, чтобы дать волю накопившейся злости или безудержной драке.

С грехом пополам союзники дошли до Дорилеи, и там, дабы не смущать взоры крестоносцев видом павших германских рыцарей, решили пройти к цели своего путешествия обходным путем — через Пергам и Смирну. Это также являлось ошибкой — вследствие пустынной местности и постоянных набегов легкоконных турок, французы вскоре потеряли почти весь обоз и многих выючных животных. Только к началу 1148 г. остатки обеих крестоносных армий дошли до Эфеса⁴⁹¹.

Здесь произошел первый, хотя и временный, распад крестоносного союза: король Конрад III серьезно заболел и с благодарностью принял приглашение императора Мануила Комнина отправиться на специально присланном для него корабле в Константинополь. По счастью, время пребывания в Константинополе благотворно сказалось на отношениях двух могущественных монархов, чему причиной, конечно, являлась свояченица Конрада III царица Ирина. Именно она сумела сгладить углы противоречий и примирить двух близких ей людей.

Зато напрочь испортились отношения между Мануилом Комнином и Людовиком VII, который теперь остался один. Опасаясь, что в случае неудачи французов Европа обвинит его в провале Крестового похода, царь разумно советовал королю двигаться по территории, где имелись во множество византийские крепости. Это, с одной стороны, обеспечивало безопасность (хотя бы *относительную*) крестоносной армии. С другой, позволяло надеяться, что пилигримы не вступят в столкновения с союзными императору турками Масуда I. Комнину очень не хотелось, чтобы сельджуки посчитали, будто Константинополь *втайне* натравил на них латинян, и не начали войны с Византией.

Однако неожиданно для Комнина Французский король поменял направление движения и со всем воинством взял путь на Меандр, в глубь страны. 1 января 1148 г. французы столкнулись с турками у небольшого городка Антиохии Фригийской, находившейся во владении Византии. Сражение сложилось вполне удачно для французов, но каково было их удивление, когда оставшиеся в живых турки спрятались за крепостными стенами византийского города! На самом деле объяснения вполне просты: за десятилетия крестоносных мероприятий местные жители сумели познать тяжесть пилигримского сапога и предпочли турок своим собратьям, от которых могли ожидать чего угодно. Эта догадка подтверждается тем фактом, что буквально через 3 дня крестоносцы заняли другой византийский город, Лаодикею Лидийскую, которую спешно оставили жители, греки. Надо полагать, небезосновательно.

А затем для латинян началось самое страшное: и день и ночь турецкие всадники не давали покоя рыцарям, осыпая их градом стрел. В один из дней авангард крестоносцев под командованием дяди короля графа Амадея и Аквитанского барона Жофруа де Ранкова оторвался от остальной армии и едва не был уничтожен атакой турецкой кавалерии. Их спасли лишь дисциплина и выдержка рыцарей-тамплиеров, которые помогали своим собратьям. Сам король едва не попал в плен — лишь темнота спасла его, когда он, забравшись на дерево, спрятался от конных разъездов турок. С великим трудом оторвавшись от противника, пилигримы вышли в начале февраля 1148 г. к Аттали⁴⁹².

Однако ее правитель, итальянец Ландольф, не смог предоставить французам корабли для переправки по причине их отсутствия. Ситуация стала чрезвычайно опасной, поскольку в городе не оставалось продовольствия, а простые горожане открыто требовали, чтобы «господа шли в Святую Землю и оставили их в покое». Но корабли были лишь для короля и его свиты, остальные французы опять отправились в путь по суше, пересекая сирийские пустыни. Как говорят, почти половина германских пилигримов и французских пехотинцев, решившихся на этот поход, в скором времени погибли от турецких мечей, стрел и копий⁴⁹³.

А тем временем Людовик VII в окружении своей свиты и прелатов достиг Антиохии. Лучше бы он этого не делал — Раймунд Антиохийский, устроивший французам великолепный прием, вскоре страстно влюбился во Французскую королеву Алиенору, свою племянницу, и та ответила ему взаимностью. Естественно, альковная связь недолго оставалась тайной, и когда вести достигли ушей короля, он справедливо посчитал себя оскорбленным и униженным. Более того, Алиенора Аквитанская вовсе не собиралась скрывать от мужа своего охлаждения к нему и заявила, что желает остаться в Антиохии⁴⁹⁴.

Может быть по этой причине, а может — нет, но внезапно обнаружилось, что планы Раймунда и Людовика кардинально расходятся между собой. Князь Антиохии надеялся, что французские войска вместе с ним двинутся к Алеппо, дабы низвергнуть Нур ад-Дина и вернуть Раймунду захваченные турком крепости восточнее Оронто. В принципе этот план был перспективен, поскольку ни эмир Дамаска Унур, тесть атабега, ни другие турецкие князья не желали помогать Нур ад-Дину. А единственный человек, который мог прийти правителю Алеппо на помощь, его родной брат, был в это время занят междоусобицей в Ираке. Однако Людовик, откровен-

но тяготившийся фактом измены жены, решил идти в Иерусалим, чтобы оттуда, соединившись с войсками Балдуина III, двинуться на... Дамаск. Не тратя слов, король отбыл из Антиохии, а когда ему доложили, что королева не желает покидать город, приказал *силой* вытащить ее из дворца и везти вслед войску в Иерусалим.

Впрочем, возможно, на решение короля повлиял еще и тот факт, что Конрад III наконец-то поправил здоровье и, высадившись в Акре, прибыл в Святой город. Разумеется, француз очень ревновал к славе германца и не желал уступать первого места. Одновременно с Конрадом III в Иерусалим прибыл граф Тулузы *Альфонс I Жордан* (1103—1148) вместе с женой, детьми и большим отрядом рыцарей, рассчитывавший принять под свою власть Триполи. Правда, вскоре он скоропостижно умер от неожиданной болезни, и все посчитали, что это — отравление, которое наверняка организовала королева Мелизенда, желавшая сохранить права своей сестры *Годиеры* на княжество. Теперь армия графа перешла в подчинение Людовика VII, да и Конрад на деньги, подаренные ему Мануилом Комнином, нанял много солдат из числа одиноких паломников. Таким образом, у крестоносцев вновь образовалась сильная армия⁴⁹⁵.

Вскоре был создан Коронный совет, на который, однако, не прибыли ни разгневанный Раймунд Антиохийский, ни Жослен II, едва отбивавшийся от нападения мусульман в тоскливом одиночестве. Выяснилось, что крестоносцы не желают идти на Алеппо, но, ведомые мыслью Людовика VII, желали завоевать Дамаск. Многие потом считали, что это стало роковой ошибкой руководителей 2-го Крестового похода, но в последнее время эти оценки подверглись ревизии. Следует учитывать, полагают современные исследователи, что не только Нур ад-Дин, но и эмир Дамаска, резко усилившийся в последнее время, стали представлять собой серьезную угрозу Иерусалиму. А потому желание нейтрализовать потенциального врага кажется вполне объяснимым.

Так или иначе, но в середине лета 1148 г. крестоносцы двинулись в поход к Баниясу, а затем на Дамаск. Вначале военное счастье было на их стороне. Сильная 50-тысячная армия испытанных бойцов быстро разбила слабо вооруженные отряды турок у деревни Аль-Мизе, что располагалась к северо-востоку от Дамаска. Как говорят, здесь встретил свою смерть известный турецкий имам Юсуф аль-Финдалави, исполнивший предписание Корана не бежать перед лицом врага, — громивших турецкое войско пилигримов. Затем крестоносцы приступили к организованной осаде, предвещавшей быть долгой⁴⁹⁶.

Унур сделал все, от него зависящее, чтобы укрепить город. А потому о взятии его с ходу не могло быть и речи. Три дня шли кровавые, тяжелые бои, обе стороны несли невосполнимые потери. Однако на стороне Унура было существенное преимущество: сельджуки со дня на день ожидали подхода армии Нур ад-Дина и его брата. А в это время в лагере пилигримов неожиданно возникли споры по поводу того, кому должен принадлежать еще не взятый ими Дамаск — очень своевременно, нечего сказать. Не договорившись по этому щекотливому вопросу, 27 июня на военном совете короли приняли решение начать генеральный штурм, но почему-то приняли катастрофическое решение штурмовать самую укрепленную (как вскоре оказалось) сторону городской стены. Естественно, атака захлебнулась в рыцарской крови, и крестоносцы начали позорное отступление, атакуемые турками, пьяными от своей неожиданной победы. С великим трудом им удалось вернуться обратно⁴⁹⁷.

Сразу после этого, 8 сентября 1148 г., Конрад III отправился на родину, разочаровавшись и в союзнике, и в самом крестоносном предприятии. Он прибыл на корабле в Фессалоники, где его встретили послы императора Мануила Комнина, приглашавшего короля встретить Рождество в Константинополе, и Конрад III без колебаний принял это приятное предложение. Правда, его племянник Фридрих Барбаросса не разделял радости дяди, будучи абсолютно (и, конечно, ошибочно) убежденным в том, что крах 2-го Крестового похода целиком и полностью лежит на совести Византийского императора. Лишь в мае 1149 г. король вернулся на родину, обязавшись по тайному договору с Мануилом и на его деньги начать войну с норманнами Сицилии, которые в течение всего Крестового похода не переставали грабить побережья Византии⁴⁹⁸.

Но и Людовик VII утратил всякий интерес к Крестовому походу, хотя возвращение на родину казалось ему малоперспективным. Там его ждали непереносимые объяснения по поводу случившейся неудачи и оскорбительный, публичный развод с женой. Поэтому француз метался по Востоку, меняя один план за другим и окончательно дезорганизуя свое воинство. Во всех бедах он винил только Мануила Комнина, что выглядит по меньшей мере странно. Наконец, по совету своего доверенного слуги аббата Сугерия на Пасху 1149 г. король силой увез жену во Францию, хотя плыли они на разных кораблях. Таким способом королева желала *наглядно* продемонстрировать тот факт, что не считает уже Людовика VII своим мужем.

В пути корабль королевы был захвачен византийцами, но сицилийские норманны отбили его и предоставили Алиеноре приют на

своем острове, куда также прибыл Французский король. Там она узнала о смерти своего возлюбленного, павшего в бою 29 июня 1149 г. в битве при Инабе. Это была одна из тех исторических битв, которая *предопределяла* будущее государств крестоносцев в Леванте. Армия Раймунда была сильна, но противостоящий ему Нур ад-Дин смог привлечь отряды легкоконной туркменской конницы и получил подкрепление из Дамаска. Несколько часов длилась кровавая битва, наконец, пилигримы дрогнули и побежали. Лишь немногие из них смогли ускользнуть от турецких стрел и мечей. По приказу атабега обыскали поле битвы и нашли тело Раймунда Антиохийского, которое обезглавили, а голову принесли Нур ад-Дину в подарок⁴⁹⁹.

Затем венценосные супруги продолжили свой путь и в октябре того же года посетили папу в его дворце в Риме. Понтифик напрасно пытался сохранить увядший союз, категорически, под страхом отлучения запретив священникам расторгать этот брак.

Забегая вперед, скажем, что все было напрасно. Весной 1152 г. супруги вдвоем отправятся в Аквитанию, чтобы обеспечить возврат Алиеноре ее имущества — герцогство Аквитанское. А 18 марта того же года в Божанси состоится созванный королем Собор, на котором свидетели с двух сторон поклялись на Евангелии в том, что король и королева состоят в кровном родстве, а потому их брак неканоничен и подлежит расторжению. И, несмотря на наложенный папой запрет, Бордоский архиепископ Жоффруа де Лару, 15 лет тому назад благословивший этот брачный союз, аннулирует брак⁵⁰⁰. В скором времени Алиенора выйдет замуж за Английского короля *Генриха II* (1154—1189), которому передаст в виде приданого область Гиень, положив начало многовековому противостоянию французов и англичан за земли на материке⁵⁰¹.

Возвращение пилигримов являло собой печальное зрелище, негативно сказавшееся на репутации и авторитете вождей крестового предприятия. Спасая остатки авторитета, папа, св. Бернар и Людовик VII Французский обвинили Мануила Комнина в провале Крестового похода. Дошло до того, что, приняв Людовика VII у себя на острове, Рожер I Сицилийский предложил королю начать новый Крестовый поход, но уже... против Византии.

Какие же результаты принес 2-й Крестовый поход? В первую очередь гигантские потери среди лучших рыцарей Запада. Смертность среди крестоносцев была невероятно высокой — почти 50 % из них скончались от болезней и голода, а из оставшихся рыцарей значительное число попало в турецкий плен. Часть из

них была позднее выкуплена, но многие бедные дворяне погибли, не имея возможности заплатить за себя и не желая принять ислам. Сохранился рассказ о французском рыцаре *Жервасе де Базоше*, стяжавшем мученический венец за веру. «Удивительно упорный, он отверг столь преступный поступок, не желая даже слышать о таком святотатстве. Достойной похвалы муж сей был немедленно схвачен, привязан к дереву посреди поля и разнесен в клочья летевшими со всех сторон стрелами. Из его черепа была сделана корона, а остальная часть пошла на чашу для правителя Дамаска, по приказанию которого все и было совершено, чтобы устроить христиан»⁵⁰².

Не обошлось и без территориальных потерь: Эдесса была окончательно утрачена, влияние и могущество Антиохии вследствие потери многих важных крепостей вокруг нее также были подорваны. В Дамаске, этом *единственном* государстве, где отношение к крестоносцам было более или менее лояльным, резко вспыхнули антихристианские настроения. Наконец, Иерусалимское королевство, лишенное привычной опоры в виде Эдессы, начинало владеть жалкое состояние; *государство увядало*⁵⁰³.

Но хуже всего то, что раздоры среди крестоносцев так и не прекратились. Внебрачный сын покойного Альфонса Тулузского *Бертран* не собирался уступать Триполи своему двоюродному племяннику *Раймунду II* (1137—1152), которого подозревал в отравлении своего отца. А потому сразу после отъезда Людовика VII во Францию со своим войском двинулся на город. В ответ князь Триполи обратился за помощью к Нур ад-Дину и Унуру (!), при помощи которых быстро расправился с конкурентом. Бертран попал в плен и 12 лет провел в темнице у Нур ад-Дина в Алеппо. Погиб и последний христианский правитель Эдессы Жослен II, которого турки вначале ослепили, а потом предали казни⁵⁰⁴.

Итак, второе крестоносное предприятие потерпело крах. Впрочем, честолюбивый Французский король непременно желал смыть пятно позора. Едва прибыв в королевство, Людовик VII созвал очередной Собор, чтобы решить вопрос об организации нового Крестового похода, и, к удивлению присутствующих, туда прибыл св. Бернард, убеждавший, что *на этот раз* все сложится удачно. Спросили мнение понтифика — тот в сердцах ответил, что эта идея — глупость, а св. Бернард — безумец. Собственно говоря, данная оценка и положила окончание 2-му Крестовому походу. Как сказал историк, «эта вторая священная война не представляет ничего ни героического, ни рыцарского; в ней не проявляется ни великих характеров, ни великих страстей 1-го Крестового похода.

Бесцветным и печальным вышеизложенным очеркам никак нельзя придать размеров эпопеи»⁵⁰⁵.

Несчастные результаты похода резко охладили пыл крестоносцев и уменьшили веру в успех крестового начинания. Общее настроение выразил один французский рыцарь, категорически отказавшийся вновь отправлять на Восток. «Неужели для завоевания чужой страны, от которой я ничего не получу, я должен бросить жену и детей, имение и почетное положение? Как будто я точно так же не могу молиться Богу в Париже, как и в Иерусалиме. Дорога в Рай вовсе не идет непременно через море». А на жалобы христиан из Палестины их европейские сородичи не без цинизма замечали, что будь Господу угодно освобождение Святого Гроба, Он мог бы исполнить это и без Крестового похода⁵⁰⁶.

Неудача этого крестового предприятия имела далеко идущие последствия. Авторитет св. Бернарда, обещавшего полный успех похода, был сильно подорван. О нем говорили, что св. Бернард не пророк, а *лжепророк*, а папа, давший свое благословение, *антихрист*. Понтифик оправдывался тем, что его ввел в заблуждение св. Бернард, тот кивал на апостолика, поручившего ему организовать Крестовый поход. В конце концов нашли «крайнего» — им опять (!) оказалась «схизматическая» Византия, ставшая, по мнению многих западных монархов и клира, главным препятствием на пути к победе. Так формировалось *общеевропейское сознание*. Сейчас это были всего лишь слова, но спустя 50 лет Константинополю неожиданно напомнят об этих угрозах...⁵⁰⁷

Глава 3. Война с Сицилией

Воспитанный под влиянием своей святой матери в западном духе, император никогда не был ксенофобом по отношению к Европе. А как практичный и трезвый политик, больше беспокоился положением дел на Востоке, где $\frac{2}{3}$ Малой Азии было занято турками-сельджуками, и на Балканах. В таких условиях крайне тяжелой борьбы за выживание война с Сицилией казалась *нелепицей*, результатом субъективных недоразумений. Император искренне полагал, что с норманнами можно договориться, тем более что со стороны сицилийцев *иногда* также намечались тенденции решить все проблемы миром⁵⁰⁸.

В частности, король Рожер I Сицилийский вновь отправил посольство в Константинополь с предложением женить своего сына

на одной из византийских принцесс. К сожалению, византийский посол, некто Василий Ксир, был подкуплен хитрым норманном и подписал соглашение на крайне невыгодных для Византии условиях, признав королевское достоинство норманна, против чего *всегда* активно протестовал Константинополь: ведь Сицилия, по мнению византийцев, оставалась территорией Империи, *временно* захваченной норманнами. В принципе Византийский император мог признать за норманном королевское достоинство, но только в обмен на клятвы верности и признания василевса своим сеньором. Но в данном случае это произошло без каких-либо обязательств со стороны сицилийца.

По возвращении в Византию посол скончался, а Мануил I Комнин вполне естественно отказался ратифицировать обманное соглашение, что автоматически предполагало начало новой войны. Но в изменившихся условиях: Византийский император приобрел могущественного союзника в лице короля Конрада III, крайне недовольного растущими аппетитами норманнов. После этого уже положение Рожера I Сицилийского стало очень опасным, и теперь его могло спасти только чудо. И оно явилось в виде 2-го Крестового похода.

Хотя *лично* Рожер I Отвиль являлся противником Крестовых походов — среди его подданных находилось множество мусульман, и сам король не видел разумной основы в таких предприятиях, — но он не стал отказываться от помощи крестоносцам. Однако участие норманнов во 2-м Крестовом походе выразилось лишь в предоставлении флота для французских крестоносцев, а не военных соединений. Сам же хитрый король намеревался за счет этого предприятия отвлечь германцев и византийцев от Сицилии, попутно приумножив свои владения на Востоке⁵⁰⁹.

Крестоносное войско продвигалось навстречу своему бесславию, а Сицилийский король «под шумок» направил свой флот и разграбил Коринф, Афины, Эвбею и беотийские Фивы, фактически *начав войну с Византией*. Его полководец, греческий ренегат на норманнской службе Георгий Антиохийский, захватил остров Корфу, чем лишил Константинополь базы для операций в Южной Италии. Там он взял в плен специалистов, сведущих в разведении тутового шелкопряда, и увез с собой мощи святого Феодора Стратигота. Конечно, Мануил I не потерпел такого вероломства: как бы ни оценивали действия Рожера I Сицилийского, но факт остается фактом — одно христианское государство напало на другое *во время Крестового похода* (!).

Первоначально император попытался апеллировать к Французскому и Германскому королям, ища у них поддержки и помощи против норманнов, — тщетно. Но ему были нужны союзники, главным образом владеющие военными кораблями. Поскольку все наличные силы Запада отправились во 2-й Крестовый поход, единственным партнером оставалась только Венеция. И он заключил с ней договор о военной помощи весной 1148 г. в обмен на расширение торговых привилегий на Кипре. В ответ венецианцы обещали помочь византийцам сформировать флот⁵¹⁰.

В итоге василевс собрал 500 боевых кораблей и 1 тыс. вспомогательных судов и теперь желал вернуть Сицилию и Южную Италию под власть Римской империи. Нередко и справедливо, добавим мы, полагают, что этот договор положил начало дурной традиции Константинополя обеспечивать ведущее положение венецианцев в торговле в ущерб самим византийцам. Но не следует забывать и истории вопроса: венецианцы до сих пор показывали себя примерными верноподданными Византийских императоров, *почти* никогда не предавая их. В условиях, с которыми пришлось столкнуться царю, это был едва ли не единственный естественный и относительно надежный союзник, а потому условия договорных отношений были предопределены волей обстоятельств⁵¹¹.

Царь сам возглавил этот поход, но возле Филиппополя был вынужден прервать его, поскольку в это же время половцы перешли Дунай и начали опустошать римские земли. С сухопутной армией император поспешил к Дунаю, к этому же месту назначения был отправлен и византийский флот. Царь довольно быстро нагнал степняков и решительно вступил с ними в бой. Хотя численность вражеского войска была велика, под командованием василевса находилось много доблестных воинов, а потому участь половцев была предрешена — они потерпели тяжелое поражение, бросили обоз и поспешили удалиться на свою родину⁵¹².

Не так оптимистично обстояли дела на западном фронте. Случайные обстоятельства сорвали ожидаемую победу. Едва флот попытался продолжить поход на Сицилию, как попал в жестокую бурю и был вынужден остановиться неподалеку от Веррии. Сам царь с сухопутной армией остался на зимовку, а своего зятя Стефана Контостефана отправил с флотом взять город Корциру, находящийся под властью сицилийских норманнов. Штурм проходил успешно, но случайным камнем полководец был смертельно ранен, и, хотя до последнего дыхания руководил войском, византийцы дрогнули и отступили, *почти уже* праздную победу⁵¹³.

Царь очень огорчился безвременной кончиной зятя, но война есть война. Вместо него командующим флотом он поставил верного Иоанна Аксуха, соратника своего отца, но крепость была крепким орешком, ее не удалось взять и со второй попытки. Тогда император решил *лично* возглавить армию, тем более что в ее рядах начались склоки между греками и некоторыми отрядами наемников. Возле Корцира его застали вести о том, что король Рожер I, желая отвлечь царя от осады этого города, вновь направил сицилийский флот для грабежа приморских византийских городов. Но надо было знать Мануила I — если он решил захватить Курциру, то никакая сила не могла остановить его. Император оставил при себе минимум войска, а остальную армию и почти все корабли под командованием полководца Хуруна отправил для отражения атак норманнов.

Штурм города продолжился, и византийцы с кораблей по лестницам лезли на крепостные стены. Горя нетерпением, император хотел сам взойти на стену, и близкие с громадным трудом смогли удержать его. Внезапно одна из лестниц не выдержала тяжести воинов и надломилась, бывшие на ней византийцы ушли под воду под горестные крики своих товарищей⁵¹⁴.

Оставив мысли о штурме, василевс лично спасал матросов, несмотря на обстрел норманнских лучников. Изумленные храбростью императора, норманны онемели, а командир гарнизона категорически запретил им стрелять в царя: «Не пускайте в это тело ни одной стрелы. Если нужно будет за это дать ответ перед королем, я весь гнев приму на себя»⁵¹⁵. Впрочем, вскоре гарнизон должен был капитулировать — припасы подошли к концу и не было никакой надежды на скорую помощь. Царь вновь вышел победителем в смертельной схватке. А Хурун умудрился нанести непобедимому норманнскому флоту тяжелое поражение, потопив множество судов. Война явно складывалась не в пользу Рожера I.

Пока шли эти сражения, армии крестоносцев начали свое печальное возвращение в Европу. Как уже говорилось выше, отношения между Мануилом I и Конрадом III, пройдя замысловатую синусоиду, значительно улучшились. И помимо обычных клятв два монарха решили скрепить политический союз семейными узами: сестра Мануила I *Феодора* была выдана замуж за сводного брата Конрада III. Все ради того, чтобы союзники договорились весной 1149 г. совместно напасть на Сицилию⁵¹⁶.

Впрочем, идилию не следует переоценивать: далеко не все современники монархов разделяли их восторженность. Родственники византийской невесты откровенно высказывали соболезнования

ее матери, отдавшей дочь за «дикого зверя Запада». Придворные Германского короля также не испытывали большой радости от того, что их толкают к союзу с «вероломными» византийцами⁵¹⁷.

Пока германцы собирали силы для новой кампании, император направился к острову Корфу. Его задача заключалась не столько в доведении до логического окончания осады, сколько в примирении византийцев с венецианцами — почувствовав свою значимость, союзники настолько обнаглели, что начали топить византийские торговые суда. В один из дней они захватили императорский флагман, переодели раба эфиопа в царские одежды и потешались над василевсом. Мануил I, конечно, не забыл этого оскорбления и спустя десятилетия припомнит эту выходку наглым венецианцам. Но сейчас они еще были ему нужны, и царь скрыл свой гнев⁵¹⁸.

Это было вынужденно, если учесть, что, пока византийцы осаждали Корфу, Георгий Антиохийский напал на Константинополь. Город ему взять, конечно, не удалось. Но он разграбил окрестности столицы и даже пустил несколько стрел в императорский сад, расположенный в предместье⁵¹⁹. Однако на островах, которые еще недавно считались их владениями, не осталось ни одного норманнского воина и ни одного сицилийского корабля.

Казалось, что последующий ход событий уже предопределен. И тут Рожеру I Сицилийскому повезло еще раз. В конце июля 1149 г. на юге Пелопоннеса, у мыса Малеи, византийская эскадра под командованием флотоводца Хурупа встретила с норманнскими кораблями, на которых переправлялись Французский король и его рыцари. Битва выдалась трудная, но при помощи венецианцев византийцы одолели норманнов. После битвы император Мануил Комнин благородно приказал освободить всех пленных французов без какого-либо выкупа, что, кажется, осталось незамеченным на Западе. И, как указывалось выше, Французский король Людовик VII решил задержаться на острове, чем на время обезопасил норманна от острых атакующих действий византийцев⁵²⁰.

Его мысль о «козле отпущения» настойчиво поддерживал и распространял по всему Западу Сицилийский король, решивший присвоить себе имидж «мстителя за крестоносцев». В этом его активно поддерживали *все*, кроме верного слову Конрада III, для которого теперь *единственным* другом являлся Мануил I Комнин. Он даже написал василевсу послание, в котором присутствовали такие строки: «Нет племени, царства или народа, который бы не знал, что ваш Новый Рим считается дочерью Римской республики. Наши выгоды общие, одни у нас друзья и одни враги на суше и на море: норманн ли, сицилиец ли или какой другой враг. Все царства

увидят и услышат, как легко поражаем мы неприятелей». За исключением пассажа о «дочери Римской республики», все остальное свидетельствует о глубоком уважении Германского короля к Византийскому императору.

Соблюдая старые договоренности, Конрад III решил серьезно заняться норманнам, но интриги, затеянные в Германии на сицилийские деньги, оттянули начало его операции в Южной Италии — Рожер I опять выиграл немного времени. Как вскоре выяснилось, очень нужного для своего спасения. Хотя в конце 1149 г. пал остров Корфу, Византийский император не смог воспользоваться победой, т.к. на Балканах начались волнения, отвлекшие все наличные силы византийцев. Едва ли могут быть сомнения в том, что венгров возбудили норманнские деньги, щедро потекшие в их руки⁵²¹. Одновременно с этим на сицилийские деньги было организовано восстание в Германии — мятежные Вельфы выступили против Конрада III, и лишь к началу 1150 г. их удалось усмирить.

Выпавшее ему время Рожер I Сицилийский использовал очень эффективно. Он быстро понял, что единственным его *настоящим* союзником в борьбе с двумя империями является Римский епископ. А потому в самом начале 1149 г. предложил папе Евгению III военную и финансовую помощь, чтобы тот смог вернуться в Латеран, и выполнил свое обещание. Затем при встрече с понтификом король высказал идею, делающую его вообще неприкосновенным: заявил о своем желании *возглавить новый Крестовый поход!* Сицилиец правильно рассчитал, что в таких условиях папа, чья репутация сильно пострадала после неудачи предыдущего крестоносного предприятия, не может не желать реабилитации. Внезапно выяснилось, что предполагаемому Мануилом I Комнином союзу двух империй — Византийской и Западной Римский епископ пытается противопоставить другую коалицию, в состав которой вошли норманны, Венгрия и Сербия, а с течением короткого времени должна была присоединиться и Франция⁵²².

Едва услышав об инициативах Рожера Сицилийского, Людовик VII Французский активно поддержал норманна, но при условии, что новый Крестовый поход следует начать непосредственно с... Византии. Как и несколько лет назад, Французский король обратился за советом к своему духовнику аббату Сугерию, и тот не только благословил это начинание, но и сам занялся вооружением армии. Понтифик также был не против того, чтобы подчинить себе Восточную церковь — пусть даже таким путем. А св. Бернارد решил *непосредственно возглавить* крестоносную армию (!), чем,

впрочем, вызвал только новый приступ изжоги у апостолика. Восточную империю спасло умение Мануила I находить друзей среди врагов и ссорить их со своими недоброжелателями. Он обратился за помощью к Конраду III, и тот, не очень любя, мягко говоря, хитрых франков, на которых попутно списал свои неудачи во 2-м Крестовом походе, поддержал василевса. Однако вплоть до 1151 г. опасность оставалась зримой, и лишь после смерти аббата Сугерия данная инициатива переставала волновать Людовика VII⁵²³.

Тем не менее Апостольский престол категорически высказался против войны Германии с Сицилией. Легат папы аббат Вибальд, прибывший со специальным поручением, уведомил Германского короля, что понтифик *не сочувствует* его союзу с Восточной империей против Рожера I. Под влиянием этих слов Конрад III извинительно оправдывался в том духе, что, находясь в Константинополе, сам-де был «немножко тронут греческим непослушанием и гордостью» — апостолику то и нужно было. Зато Мануилу I Комнину папа Евгений III написал совсем иное: будто ему крайне неприятен союз Рожера I Сицилийского с Германией (которого в действительности не было и быть не могло в силу качественно несходных между собой интересов обоих монархов) против Византии. Мол, такое могущественное государство, как Византия, где господствует божественная религия, закон и гражданский порядок, не должно быть разрушено «нечестивыми людьми»⁵²⁴.

Но и Конрад III умел владеть ситуацией, если чувствовал себя обманутым — а в данном случае можно быть уверенным, что Мануил Комнин уведомил своего друга о папском послании. И прибывший на встречу с Рожером I Сицилийским в Чепрано летом 1150 г. папа Евгений III ощущал на себе сильнейшее давление германских епископов. Поэтому он не рискнул *официально* взять норманна под свой омофор. В отместку тот приказал архиепископу Палермо венчать на королевство без согласия понтифика своего сына *Вильгельма I* (1151—1166), что и произошло на Пасху 1151 г.⁵²⁵ Это стало страшным ударом по репутации понтифика и его чувствам. Теперь папа волей-неволей был вынужден принять сторону Германского короля и Византии, вступив с ними в союз против Сицилии.

Однако тут случилось непредвиденное событие, перечеркнувшее на ближайшее время планы императора Мануила I, — 15 февраля 1152 г. Конрад III Гогенштауфен скончался в своем замке в Бамберге в возрасте 59 лет. Смерть эта была столь «удачна» для сицилийцев, что в Германии начали ходить упорные слухи, будто короля отравили медики из Салерно, находившегося во владениях норманнов⁵²⁶.

Наследником престола стал племянник покойного Фридрих I Барбаросса (1152—1190), в лице которого Мануилу I Комнину пришлось столкнуться с другим ярким носителем имперской идеи. У Фридриха давно уже созрела своя мечта, которую он и открыл Римскому папе вскоре после коронации железной лангобардской короной. «Я желаю, — писал король, — восстановить Римскую империю во всем ее древнем величии и блеске». Эти мысли были развиты чуть позднее на Ронкальском имперском собрании 1158 г. Искренне полагая, что Германские короли являются преемниками Римских императоров, Фридрих повторил формулу св. Юстиниана Великого: «Что государь находит хорошим, то имеет силу закона, потому что народ передал ему и перенес на него все господство и всю власть». Его мысли витали вокруг Италии, завоевать (или вернуть, что для него было одно и то же) которую Фридрих считал делом чести.

В дальнейшем германец искренне полагал возможным простереть свой взор на острова Сардинию и Сицилию, Корсику и даже дальше Средиземноморье. Своему сыну Генриху император писал: «Если бы не было нарушения мира и не составились бы препятствия для паломничества, мы завоевали бы всю Греческую империю до самых стен Константинополя». Образцом *настоящего императора* для Барбароссы являлся Карла Великий, которого он активно пытался включить в список святых Западной церкви, но военные действия помешали этому начинанию⁵²⁷.

Не следует, однако, полагать, будто Фридрих был озабочен *теоретическим* осмыслением имперской идеи, — нет, его представления на сей счет определялись традиционным пониманием места императора во Вселенной, которое сформировалось на Западе. Под влиянием византийских политических идей, конечно. Разумеется, роль императора в понимании ее Фридрихом касалась не только сугубо политической сферы, но и, главное, взаимоотношений с Римским престолом. Уже в марте 1152 г., во время пребывания в Утрехте, Фридрих показал, *какое* значение он придает своему участию в деле замещения епископских должностей. А потому активно вмешался в ситуацию двоевластия в Магдебургском архиепископстве, по сути *заставив* избрать архиепископом *Вихмана Наумбург-Цейцского*, которому тотчас и передал соответствующие регалии. И хотя папа решительно протестовал против вмешательства императора в это дело, ничего равным счетом не изменилось, и сам понтифик не осмелился пойти на разрыв с новым государем Запада⁵²⁸.

Подготавливая войну с Сицилией, на которую его толкали собственные амбиции и просьбы папы, король решил заранее оговорить

с Римом главные условия. Разумеется, для Константинополя в этом договоре не нашлось места, хотя предполагалось, что Мануил Комнин выступит в качестве союзника германца. В марте 1153 г. король подписал тайное соглашение с понтификом в Констанце. Он настаивал, что Византия *ничего* не должна была приобрести из итальянских владений Рожера I Сицилийского по окончании войны. А если василевс попытается силой получить их себе, говорилось в договоре, то будет изгнан совместными действиями папы и германской армии. В свою очередь понтифик пообещал германцу, что никогда не согласится признать за византийцами те территории в Южной Италии, которые они могут отвоевать в ходе предстоящей кампании против норманнов.

В то же время Фридрих I — еще одна хитрость короля — заключил соглашение с Мануилом I Комнином, где авансом дал ложные обещания относительно Южной Италии, надеясь заставить византийцев выставить против Сицилии большую армию⁵²⁹. Как печально констатировал один исследователь, «краткий медовый месяц двух империй закончился»⁵³⁰.

Но тут произошло событие, внесшее в предполагаемый план существенные коррективы: 8 июля 1153 г. в Тиволи скончался папа Евгений III — все враги норманнов постепенно сходили в могилу. Но и Рожер I Сицилийский недолго имел счастье радоваться внезапному спасению, к которому приложил столько усилий. 26 февраля 1154 г. он тоже отдал Богу душу⁵³¹.

Наследник Сицилийской короны Вильгельм I не отличался достоинствами отца и его энергией. Он перепоручил все дела в королевстве клирикам и близким чиновникам, а сам предался спокойствию — самому драгоценному для него состоянию души и тела. Естественно, это разом пошатнуло устои вассальных отношений в Сицилийском королевстве. Когда 4 апреля 1154 г. Вильгельма I повторно короновали в Палермо в присутствии вассалов, чуткое ухо не могло не уловить фальши в словах присяги, которую ему давали подданные⁵³².

Византийский император еще не догадывался о двойной игре Германского короля, и когда летом 1154 г. в Константинополь прибыли сицилийские послы с предложением мира и возврата на безвозмездных условиях всех греческих пленников, категорично отказался от них. И даже когда Фридрих Барбаросса пересек Альпы, чтобы начать Итальянскую кампанию, василевс еще ни о чем не знал. Но тут вмешалась рука судьбы в лице избранного вместо покойного папы *Анастасия IV* (1153—1154) этнического англичанина *Адриана IV* (1154—1159).

Новый понтифик был, без сомнения, выдающейся фигурой. С раннего детства вступивший на путь монашества, прошедший прекрасную школу в общине каноников ордена Святого Руфа в Авиньоне, куда переехал из Англии, он вскоре стал настоятелем этого монастыря и снискал заслуженную славу строгого поборника дисциплины и благочестия. В 1152 г. папа отправил его своим легатом в Норвегию с весьма сложными поручениями, и Адриан превосходство справился с ними. Его избрание пришлось как нельзя кстати для Апостольской кафедры, поскольку с Барбароссой мог бороться лишь человек, ни в чем не уступающий ему ни в энергии, ни в характере, ни в воле.

Новый папа быстро продемонстрировал свою решимость. Когда во время инаугурации кто-то из обывателей попытался помешать ему пройти ко дворцу, папа просто приказал арестовать того. Позднее, поняв, что жители Рима не очень благосклонно относятся к нему, чужестранцу, он пошел на крайнюю и беспрецедентную меру: в самом начале 1155 г. наложил интердикт на весь Рим (!). Храмы были молчаливы и пусты, запрещено было отпевать покойников, исповедовать, причащать Святых Даров и венчать, мессы никто не служил. Приближался праздник Пасхи, и, когда римляне поняли, что *впервые* в своей христианской истории Вечный город может не встретить его как положено, сопротивление было сломлено. Рим сдался понтифику, и тот, как и подобает, отпраздновал Пасху в Латеранском соборе⁵³³.

Настоящий идейный преемник Григория VII Гильдебранда папа Адриан IV никогда не робел, если речь заходила о достоинстве Римского престола и полномочиях апостолика. И никогда не ставил национальные интересы выше духовных. Впрочем, если выпадала возможность соединить оба вектора к вящей славе Апостольского престола, не без удовольствия так именно и поступал. В частности, сославшись на «Константинов дар», Адриан IV в 1158 г. своей буллой *«Laudabiliter»* подарил Ирландию Английской короне (!), сославшись на то, что вообще вся Вселенная находится в собственности Апостольской кафедры⁵³⁴.

Иными словами, Рим получил сильного владыку, который мог противостоять самым могучим государям Европы. Но когда после Пасхи 1155 г. Фридрих стремительно двинулся на Рим, чтобы венчаться императорской короной, курия все же ощутила знакомое беспокойство и срочно направила к королю своих послов. Подтвердилось, что вроде бы никаких причин для опасений не было.

Фридрих беспрепятственно дошел почти до стен Рима, и казалось, что все сложится счастливо. Но, как обычно, история, щедрая на подарки, преподнесла сюрприз.

При встрече, 9 июня 1155 г., король не захотел вести лошадь папы под уздцы, а понтифик не вернул Фридриху «поцелуй мира». Возник спор, который при всей его незначительности демонстрировал меняющиеся отношения между Западной империей и Римским папством. Спустя несколько дней стороны примирились и 11 июня даже повторили сцену встречи, где все уже прошло по заведенным стандартам, но это было *внешним* примирением.

Оставалось короновать Фридриха императорским венцом, но тут воспротивились жители Рима, сенат которого не вынес еще окончательного решения на этот счет. Навстречу папе и Фридриху, которые двигались к Риму, прибыла делегация городского сената, один из представителей которой начал пафосный монолог о том, что Рим сам по себе создал Империю, а Фридрих, если желает стать ее главой, обязан уплачивать Вечному городу по 5 тысяч фунтов золота ежегодно.

Даже не дослушав до конца речь, Барбаросса перебил оратора. «Всеми миру известно, — заявил он, — что цвет твой знати был переселен из этого города в Константинополь и что выродившийся грек долго высасывал из тебя твои жизненные соки. Затем пришел франк, деяния которого так же благородны, как и его имя, и он так же лишил тебя последних остатков твоего благородства и независимости. Желает ли ты знать, где пребывает древняя слава твоего Рима, суровое достоинство сената, храбрость и дисциплина рыцарства, военная тактика и непобедимое мужество в битве? Все это надо искать теперь среди нас, германцев; оно все перешло к нам вместе с Империей. *Я властитель по праву!*»⁵³⁵ А по поводу денег король вскользь заметил, что сам определяет, кому, зачем и сколько платить. Ошарашенные его уверенностью послы убрались восвояси.

Недолго думая, Барбаросса направил ночным маршем свою армию на город, и уже утром 17 июня 1155 г. во время мессы папа возложил на его главу императорскую корону. Но сенат города не зря заседал всю ночь, и теперь толпы вооруженных горожан заблокировали мосты и ворота. Вместо отдыха утомленным германским рыцарям пришлось начать кровопролитные утренние бои. Горожан, конечно, смяли, более тысячи из них погибло, 600 человек попало в плен. Но на следующее утро Барбаросса с удивлением для себя обнаружил, что город забаррикадировался по периметру и штурмовать его — смерть подобно. Ведь он не захватил осадных орудий, а ита-

льянское солнце причиняло нестерпимые страдания закованному в доспехи воинам. Делать нечего, 19 июня император снялся с лагеря и отправился в Германию, нимало не заботясь о папе, который теперь остался без его поддержки и был брошен на произвол судьбы. Очевидно, Барбаросса не забыл об инциденте, случившемся между ним и папой 9 июня⁵³⁶.

Но, как оказалось, Фридрих не смог воспользоваться благоприятно складывавшейся для него ситуацией. Он уже собирался напасть на Сицилию, когда бароны напомнили ему о сроках, на которые сеньор вправе призывать их на службу, и пообещали *в следующем году* откликнуться на призыв короля к походу. Сицилия опять оказалась спасена. Это стало очевидно для всех, когда на обратном пути в Анконе к Фридриху Барбароссе прибыли три посланника Византийского императора во главе с Михаилом Палеологом и предложили объединить усилия. Увы, король мог только констатировать, что ему ответить нечем.

Итак, византийцы остались одни. Нужно было что-то предпринимать и, желая приобрести новых союзников, император Мануил Комнин обратился к мятежным южно-итальянским баронам, с завидной регулярностью восстающим против норманнов Сицилии. По иронии судьбы во главе итальянцев стал граф Лорителло *Роберт де Бассонвилль*, сын сестры короля Рожера I Сицилийского *Юдифи*. В конце лета 1155 г. итальянцы и византийцы нанесли совместный удар по Бари, которым с ходу овладели. Вслед за этим пали Трани и Джованатто. Эта весть молнией пронеслась по Европе и, как казалось, являлась предвестником скорого поражения норманнов, тем более что король Вильгельм I в то время серьезно заболел. Усугубило положение Сицилийского короля поражение норманнской армии у Андрии, в котором погиб ее командующий граф Ришар. Его убил итальянский священник, распоровший графу ножом живот⁵³⁷.

Но все же норманны оказались сильным врагом. Они не только преодолели сопротивление византийцев и их союзников, но и сумели переломить ход войны. Развивая успех, сицилийцы направились к границам папских владений, чтобы отомстить понтифику. Защищать его, собственно говоря, было некому, а потому папа, смилив гордыню, направил к Вильгельму I своего посланника, канцлера Роланда Сиенского и двух кардиналов, чтобы приветствовать короля и предложить прекратить давнюю вражду. Едва ли правителя Сицилии устраивали предложения Адриана IV, но и продлевать открытый конфликт с ним у него не было никакого желания. Поэтому стороны долго спорили и лишь 18 июня 1156 г. пришли к соглашению, в соответствии с которым король признал апостолика своим сюзереном,

а тот в свою очередь подтвердил легитимность его коронации и права на территориальные владения⁵³⁸.

Почти одновременно с этим папа Адриан IV получил предложение Мануила I Комнина о военной помощи и 5 тысяч фунтов золота в обмен на уступку трех прибрежных городов в Южной Италии. В свою очередь понтифик высказал старую идею воссоединения Кафолической Церкви. Конечно же, эта мера могла несказанно поднять его авторитет на фоне собственного бессилия и могущественных монархов Европы. С данным предложением папа обратился к Византийскому императору через популярного и уважаемого архиепископа Фессалоники Василия Охридского и не получил отказа. В послании к Василию Охридскому апостолик писал, что, *как глава Церкви*, считает себя обязанным позаботиться об отпавших от Апостольского престола греках, которых он сравнивал с «потерянной драхмой» и «заблудшими овцами». Папа просил архиепископа активно содействовать воссоединению Римской и Константинопольской церквей и убедить в том императора.

В ответном письме, составленном, надо полагать, с ведома василевса, Василий Охридский одобрил желание церковного мира, но отмечал явно незаслуженную оценку византийцев со стороны Рима. Греки не вводили ничего нового, напомнил он Адриану IV, а все новации принадлежат исключительно латинянам. Впрочем, это — второстепенные предметы, не должны разъединять две Церкви, и, по мнению архиепископа, папа найдет в лице императора Мануила I надежного союзника и помощника в своих начинаниях⁵³⁹.

Что же касается спорных городов, о которых просил василевс, то их, успокоил архиепископ папу, еще предстояло отвоевать у норманнов, а понтифика лишь просили легализовать их *по возвращении* Византии, но не сейчас. Немного подумав, апостолик согласился и направился на Юг, чтобы быть ближе к событиям, разыгравшимся там. А они разворачивались блистательно для византийцев: в течение всего 6 месяцев Михаил Палеолог вернул Византии все территории Лангобардии, которые 150 лет назад были завоеваны гостями с Севера. Теперь все полагали, что византийцы без труда одолеют норманнов⁵⁴⁰.

Увы, к несчастью, зимой с 1155 на 1156 г. Михаил Палеолог скончался. А Иоанн Дука, заменивший его на этом посту, имел неосторожность своим высокомерием испортить отношения с союзниками-итальянцами. Тем временем король Вильгельм I Сицилийский по-

давил восстание против себя на острове и в конце апреля 1156 г. направил к Бриндизи громадный флот вместе с хорошо оснащенной и многочисленной армией.

28 мая 1156 г. в морском сражении византийцам был нанесено тяжелое поражение, моментально приведшее к потере всех приобретений последнего года. Причем сам Иоанн Дука попал в плен и был помещен в тюрьму в Палермо. Но его участь казалась счастливой для итальянских баронов, которых норманны массами казнили и ослепляли, а жен и дочерей отдавали в публичные дома и продавали в восточные гаремы. Василевс срочно отправил в Сицилию Константина Ангела — хорошего полководца, сделавшего карьеру из простых воинов. Но по беспечности матросов в одну из ночей корабль военачальника попался сицилийским сторожевым триерам, и Константин Ангел был взят в плен⁵⁴¹.

Надо сказать, Мануил I Комнин очень тяжело переживал эту неудачу, в которой, строго говоря, его винить нельзя никак — не он руководил войсками на полуострове. Но царь желал реабилитироваться и в то же время, как опытный практик, понимал всю тяжесть войны с норманнами при непрекращающихся военных действиях на Востоке и Балканах. Поэтому новый полководец Алексей Аксуха, сын великого доместика Иоанна Аксуха, получил инструкции не только о том, *с кем* из итальянских аристократов завязать дружеские отношения, но и *кто* может подойти из сицилийцев для обсуждения вопроса об условиях мирного договора. Тот умело договорился с графом Лорителло и уже в январе 1158 г. разбил норманнов у крепости Монте-Кассино.

Это событие изменило направление итальянской политики Германского короля. Он с большой ревностью и недовольством следил за византийскими успехами на полуострове, решив в итоге, что не в его интересах изгонять норманнов из бывших греческих земель. Фридрих Барбаросса весьма холодно отнесся к посольству Мануила I, прибывшему к нему в 1156 г., и дал отрицательный ответ как по вопросу военного союза против Сицилии, так и по поводу возможного брачного союза византийской принцессы с германским принцем.

Теперь уже Комнину пришлось думать о мирных переговорах с Вильгельмом I Сицилийским. И византийский посол Алексей Аксук в 1158 г. подписал 30-летний мир, в соответствии с которым Сицилийский король объявил себя *вассалом* Византийского императора в обмен на признание его титула в Константинополе⁵⁴².

Глава 4. Западная стратегия. Попытки воссоединения Кафолической Церкви

Но и после того, как заклятый враг, столько лет угрожавший Византийской империи, затих, чтобы всего через 30 лет исчезнуть в небытие, конфликт между Римским епископом, Германским императором, Византийским императором и Сицилийским королем отнюдь не был исчерпан. Как и ранее, никто из них не мог рассчитывать на твердую поддержку остальных членов «европейской четверки» — все решала сиюминутная конъюнктура интересов. Пожалуй, в наиболее трудном положении оказался в ту минуту понтифик, который был так слаб и напуган, что судорожно искал спасения у *всех сразу*. Мануил I Комнин, не встретивший сочувствия в Риме своим предприятиям, отвернулся от него, Германский король угрожал лишить апостолика даже тени прежних властных полномочий, а норманны наверняка не забыли, *как* Римский епископ боролся против них.

Ужаснувшись своим перспективам, папа Адриан IV поспешил написать Вильгельму I Сицилийскому письмо, в котором, между прочим, были такие строки: «Вильгельму, прославленному королю Сицилии и дражайшему сыну Христову, самому богатому и преуспевающему среди королей и других выдающихся людей века, чье имя прославлено в самых отдаленных пределах земли, благодаря его справедливости, и миру, который он даровал своим подданным, и страху, который его великие деяния вселили в сердца всех врагов Христа». Очевидно, это был уже не тот гордый и уверенный в своем статусе папа, который встречал Фридриха Барбароссу в Риме. И король Вильгельм I, верный своему характеру «медленно запрягать» и избегать конфликтов, простил папу⁵⁴³.

Да, Адриану пришлось пережить немало унижений, подписывая договор с Вильгельмом, но они совершенно несопоставимы с той яростью, которая охватила Фридриха Барбароссу при получении известия об этом. В октябре 1157 г. он созвал общеимперский съезд в Безансоне, на который съехались представители Италии, Испании, Англии и, конечно, папы. Папа решил активно защищаться, попутно желая вернуть Фридриху Барбароссе ранее нанесенное оскорбление и рассчитаться за предательство в Риме. Уже в первые минуты деятельности съезда папские легаты выступили против безнаказанности грабителей, посмевших напасть на шведского архиепископа из города Лунда. Наверное, кому-то могло показаться, что это — рядовая

история, которых происходило в то время тысячи. Однако *знающие* люди прекрасно были осведомлены о том, что имена грабителей известны Фридриху, и ему не составляло большого труда арестовать их. Но Барбаросса не сделал этого, не желая ссориться со своими вассалами из-за папы. И тот теперь открыто показал, что ему также известны все перипетии этой истории, которую он не забыл⁵⁴⁴.

Впрочем, эта деталь — мелочи по сравнению с той партией, которую должны были сыграть папские легаты. А они привезли — ни много ни мало — послание от понтифика, написанное по-латыни, где, между прочим, говорилось, что при нормальном поведении Германский король мог бы получить куда большие *beneficial* (бенефиции), чем имеет в настоящее время. Эта фраза, произнесенная вслух, всколыхнула собрание: папа прямо называл Германского короля, Западного императора *своим* *ленником* — неслыханная дерзость! В адрес легатов посыпались угрозы, и тогда один из них пролепетал в оправдание: «От кого же, как не от папы, император получает Империю?» Его чуть было не убили на месте, и только чудом легатам удалось спастись. Вся Германия, от простолюдинов до епископов, встала на защиту Фридриха Барбароссы. В ответ папским «теориям» на Соборе было принято определение о *независимости* светской и духовной властей друг от друга и установлено, что император получает свою власть непосредственно от Бога⁵⁴⁵.

Поняв, что его слова были *слишком правильно* поняты, апостол немедленно направил Фридриху Барбароссе новое послание, в котором утверждал, будто текст послания по случайности переврали. С притворным смирением король принял это объяснение и извинения, поскольку не собирался в тот момент открыто рвать отношения с Римом, но сама по себе история в Безансоне показала, что между Западной империей и папством существуют серьезные разногласия, которые едва ли можно преодолеть путем эпизодических дипломатических маневров.

Но теперь папе пришлось особенно трудно. С учетом недавних событий ему было смерти подобно *публично* вступать в близкие отношения с норманнами и византийцами, но события объективно вели его в их лагерь. Как раз в это время Германский король разгромил города Ломбардии, найдя, что их жители излишне свободны от его власти. И у всех итальянцев невольно в головах зрела мысль: а что будет, если Барбаросса вдруг решит, будто следующими эту участь должны разделить Милан или Рим, Тоскания или Умбрия? И папа не стал отвергать сицилийские предложения, втайне направленные ему в конце 1158 г. Это был верный шаг, позволивший

Римскому епископу обеспечить союзников в противовес королю. Обстоятельства, однако, не позволили папе долго сохранять этот союз в тайне.

Весной 1159 г. произошло первое вооруженное выступление итальянцев против Германского короля под эгидой восстановления прав Римского епископа. Взорвался Север Италии, образовавший свою лигу, и Барбароссе пришлось отправиться в новый поход, дабы усмирить восставших. Наверное, первоначально ему казалось, что на это потребуется месяц-два. Однако в действительности королю пришлось в течение двух десятилетий систематически утюжить эти регионы, чтобы сохранить хотя бы видимость контроля над ними. Но этого еще никто не знал, а пока, в августе 1159 г., в присутствии папы и послов короля Вильгельма Сицилийского представители Милана, Кремы, Брешии и Пьяченцы присягнули, что никогда более не будут вести дела вовне без согласия и консультации с папой. Делать нечего, и апостолик сделал то, что единственно и мог сделать в такой ситуации. В качестве своей доли в общем усилии он пообещал отлучить Барбароссу от Церкви, а кардиналы поклялись, что следующий преемник понтифика, если с нынешним что-нибудь случится, будет избран непременно из числа кардиналов, присутствующих на данном совете. Как гарантия того, что эти договоренности сохраняют силу и после смерти Адриана IV. И это решение действительно оказалось актуальным, поскольку уже 1 сентября 1159 г. папа скончался от ангины и был похоронен в соборе Святого Петра.

Справедливости ради надо сказать, что годы его понтификата были очень тяжелыми. Ему пришлось испытать многое, чтобы понять, что его *единственным* настоящим союзником может стать только Сицилийский король, который вследствие особенностей создания и существования своего королевства мог также рассчитывать на какие-то перспективы исключительно при моральной помощи Римского епископа. Разумеется, полагать, будто обоих «империалистов» — Комнина и Барбароссу удовлетворят промежуточные достижения и они удовлетворятся половинчатой властью над христианским миром, было просто нелепо⁵⁴⁶.

Папско-сицилийский союз казался особенно прочным на фоне взаимного недоверия и конкуренции Германии и Византии. Хотели того Мануил и Фридрих или нет, но каждый из них невольно должен был ориентироваться на Римского епископа и Сицилийского короля. Византийский император, с заметным волнением взиравший на политические маневры и заявления Барбароссы, не имел оснований доверять дерзкому германцу и отталкивать предложения, исходящие от Римской курии. И нет ничего удивительного в том,

что вскоре образовалась следующая политическая комбинация: Сицилия в союзе с Византией и Римом и Германия, противостоящая всем. Однако «тройка», в которую попал Византийский император, не отличалась стабильностью отношений. А потому едва ли Мануила I Комнина устраивала перспектива *надолго* разрушить добрые отношения с Германским королевством. Так, в качестве тактической меры он мог интриговать против Западного императора. Однако имперские амбиции Фридриха Барбароссы фактически постоянно делали *неминуемым* конфликт между ними — не сегодня, так завтра. И, конечно, император был недоволен тем, сколь бесцеремонно германец сместил с престола канцлера Роланда, сразу после избрания себя Римским епископом принявшего имя *Александра III* (1159—1181), и поставил на Апостольскую кафедру свою креатуру — антипапу *Виктора IV* (1159—1164).

Эта история не лишена любопытных нюансов и хорошо характеризует состояние папства в тот момент и его отношения с императорской властью на Западе. Дело заключается в том, что подавляющая часть кардиналов-выборщиков остановила свой выбор на Александре III, но в тот момент, когда вновь избранному понтифику поднесли пурпурную мантию Римского епископа, Виктор IV, тогда еще прелат монастыря Святой Цицилии, сорвал ее с головы папы и надел на себя, хотя и задом наперед. Пользуясь наступившим замешательством, он подбежал к папскому трону и сел на него; затем приказал обыскать собор Святого Петра, нашел там группу клириков и заставил испуганных монахов объявить себя новым апостоликом. Александру III не оставалось ничего иного, как спрятаться в башне святого Петра.

В тот же день папа потребовал от антипапы и клира подчиниться решению коллегии кардиналов-выборщиков и, получив жесткий отказ, 27 сентября 1159 г. отлучил Виктора IV от Церкви. Но тот и не думал грустить — 4 октября того же года кардинал Имар из Тускула возложил на главу самозванца папский венец. И, желая уравнять позиции, антипапа тут же предал анафеме Александра III. Обе стороны спешно направили послания к тому, чья сила и могущество предопределяли победу той или иной церковной партии, — императору Фридриху Барбароссе. *Официально* император заявил о своем нейтралитете. Он даже повелел созвать клириков со всей Европы для решения спора на Соборе в Павии, который наметили на 1160 г. Но на самом деле никакой объективности не было и в помине: в письме к Александру III император именовал того «канцлером Роландом» и употреблял выражение «папа Виктор», когда писал письмо антипапе. Не секрет, что их связывали

давние добрые отношения, и антипапа откровенно проявлял симпатии к Гогенштауфенам, когда речь заходила об их противоборстве с Римским престолом⁵⁴⁷.

В феврале 1160 г. состоялся долгожданный для Виктора IV Собор в Павии, хотя и не такой представительный, как предполагал Фридрих Барбаросса. На Соборе присутствовало всего 50 епископов из Германии, Бургундии и Италии, а также несколько прелатов из Англии. Итальянские архиереи попытались робко предложить созвать Вселенский Собор, но их, что называется, *задавили* числом. Представитель Александра III также не имел возможности обосновать правоту своего доверителя, и Собор довольно быстро завершил свою работу, признав папой Виктора IV. Александр III и его приверженцы были анафематствованы, а на следующий день антипапа и король отправили соответствующие послания к европейским монархам.

И тут Александр III возмутился: его сознанию претил уже тот факт, что Собор, созданный к тому же императором, а не им самим, решил вопрос о каноничности избрания нового Римского епископа. Это настолько не укладывалось в *его понимание* папских полномочий, что ни при каких обстоятельствах апостолик не был готов принять способ, предложенный Барбароссой. К тому же Александр III вполне справедливо полагал, что именно он выбран в соответствии с церковными правилами и традициями⁵⁴⁸.

Он срочно инициировал другой Собор в Бове, состоявшийся в июле 1160 г., на котором английские и французские епископы признали его законным Римским папой. К ним присоединились Иерусалимский король Балдуин III и император Мануил Комнин, но на сторону Виктора IV встали Прага и Дания. В Западной церкви наступила очередная *схизма*⁵⁴⁹.

В марте того же года Александр III отлучил от Церкви Барбаросу (а что ему оставалось делать!?) и в течение 2 лет жил в изгнании в двух итальянских городах. Затем он отправился во Францию, надеясь обрести покровителя в лице Людовика VII. Теперь за свою *личную безопасность* апостолик мог быть спокойным. Но в целом дела складывались у него не очень удачно. Создание большой Европейской лиги против императора, в которой он желал бы видеть Францию, Англию, Сицилию, Венгрию, Византию и города Ломбардии, никак не продвигалось вперед. Правда, вскоре и антипапа убедился, что жители Рима не хотят признавать его, а потому бежал из Вечного города под крыло Барбароссы.

Это было небольшим утешением для понтифика: Франция и тем более Англия были далеко, а Барбаросса — близко. Его громадная ар-

мия уже была готова направиться в Италию. Поэтому Александр III попытался найти помощь у сицилийцев, напомнив им о прежних обещаниях. По его требованию Сицилийский король заключил мирный договор с императором Мануилом I Комнином, и хотя мир был непрочным и явно искусственным, он позволил византийцам восстановить почти все их владения в Италии, а папе — припугнуть Германского короля. Византийский василевс вернул почти все за исключением, однако, Милана, который 1 марта 1162 г. был вынужден сдать на милость Германского короля и его армии, вторгнувшейся в Северную Италию.

Но смирить непокорных итальянцев было половиной дела. Полный ощущения величия своего статуса, Барбаросса крайне негативно отнесся к тому факту, что не признанный им Александр III нашел радушный прием в Париже, где жил уже третий год. Естественно, он сумел довести свое недовольство до сведения французского собрата. Людовик VII не мог манкировать это недовольство, а потому направил своего посла в Павию, где располагался Фридрих, дабы решить вопрос миром; Барбаросса не возражал. К тому времени Западный император решил созвать Вселенский Собор, чтобы окончательно поставить точку в этом деле, но для начала он попытался склонить на свою сторону Людовика Французского и назначил тому встречу на 29 августа 1162 г. на границе Германской империи в Сен-Жан-де-Лон, что на Сене. Конечно же, ему совершенно не улыбалась перспектива войны на три, а то и четыре фронта: с итальянцами, византийцами, французами и Сицилией. И если была возможность договориться с Людовиком VII миром, то почему нужно было упускать такую возможность? Попутно Барбаросса занял своими войсками мятежную Болонью и открыто заявил о том, что следующей его целью является Сицилия.

Однако, продолжая свой вояж по Северной и Средней Италии, Барбаросса настолько увлекся военными делами, что *опоздал* на намеченную встречу с Французским королем, который, в отличие от него, прибыл вовремя. Отсутствие императора стало для Людовика VII прекрасным поводом в тот же день вернуться в свои пенаты и продолжить политику тайной поддержки Александра III. Барбаросса еще мечтал о Вселенском Соборе, но выяснилось, что многие крупные аристократы уже взяли сторону папы и Французского короля в их конфликте с Фридрихом. Несмотря на это, Западный император воплотил в жизнь в сентябре 1162 г. свой план повторного утверждения Виктора IV, хотя и на более скромном мероприятии, чем Вселенский Собор⁵⁵⁰.

В ответ Александр III провел в сентябре 1163 г. большой Собор в Туре, на котором присутствовало 17 кардиналов, 124 епископа и более 400 аббатов из Англии, Франции, Италии, Сардинии, Сицилии, Испании, Ирландии, Шотландии, Иерусалима и Бургундии. Отцы Собора, отмечая благоразумие и доблесть короля Фридриха Барбароссы, вместе с тем резко критиковали того за попытку подчинить себе Римскую церковь. Как и следовало ожидать, они подтвердили каноничность избрания папы Александра III и вновь анафематствовали антипапу Виктора IV⁵⁵¹.

Становилось очевидным, что дни самозванца уже сочтены, и Виктор IV, безрезультатно пытавшийся закрепиться в Риме, скончался в 1164 г. До самой своей смерти он вел полунищенский образ жизни (промышляя в том числе разбоями), а когда умер, иерархи города, где он провел последние дни, даже не разрешили хоронить его в пределах городской стены⁵⁵².

Но это не остановило упрямого Барбароссу. В том же 1164 г. он объявил новым Римским папой (вернее, новым антипапой) своего очередного ставленника *Пасхалия III* (1164—1168), но это уже вызвало взрыв повсеместного негодования — все были озлоблены на императора за продолжающийся церковный раскол. Рим, где вследствие этой борьбы резко упали доходы от паломников, стал первым врагом Фридриха. Или, лучше сказать, подтвердил свое прежнее реноме⁵⁵³.

Однако и у законного Римского епископа было не все благополучно. Как выяснилось, затянувшееся пребывание Александра III в Париже стало несколько тягостным для Французского короля, который приютил у себя другого изгнанника — Английского епископа Томаса Беккета. И теперь для Людовика VII возникла реальная угроза осложнения международных отношений и с Германией, и с Англией одновременно, а потому он не стал противиться желанию папы покинуть Францию. По счастью, в 1165 г. Александр III получил приглашение от сената Рима вернуться в город. Его путешествие, полное приключений и опасностей — Барбаросса даже нанял пиратов, дабы те потопили папский корабль, — наконец завершилось, и в ноябре того же года апостолик прибыл в Рим. Там Александр III был вторично признан Римским епископом⁵⁵⁴.

Впрочем, эти ходы не изменили расстановку сил на шахматной доске: сицилийцы прекрасно понимали, что после падения папы, борющегося с Германским королем, дни их королевства будут сочтены. А византийцы не считали возможным становиться на одну сторону с тем, кто ни во что не считал древние традиции их импера-

торов. В свою очередь Фридрих Барбаросса негодовал на Мануила Комнина, все эти годы втайне подпитывавшего недовольство германцами в Венеции и Ломбардии и покровительствовавшего папе Александру III.

Упорствуя в своем желании сохранить королевское влияние на германский епископат, Барбаросса созвал 23 мая 1165 г. в Вюрцбурге всеимперский съезд, отличавшийся широким представительством архиереев и светских аристократов. Преодолев слабую оппозицию, король настоял на принятии выгодных ему решений о поддержке антипапы Пасхалия III. Священники, не подписавшиеся под соборными актами, получили время на размышления. Как им недвусмысленно объяснили в кулуарах, в случае отказа они подлежали низвержению из сана, конфискации имущества и высылке. Конечно же, это возымело действие. И после того, как 29 декабря 1165 г. сбылась мечта короля и по его инициативе Карл Великий был прославлен Западной церковью как святой, Фридрих Барбаросса имел все основания полагать, что отныне он *единолично* руководит Западной церковью. Ведь теперь он, как император, выступал не просто в качестве короля, но и наследника великого и *святого* Франкского правителя. Правда, этот грандиозный успех Фридриха I практически не ощущался в Италии, где Генуя и Пиза, формально подчиненные Германскому императору, отказались признавать антипапу Пасхалия III. А в Ломбардии жители открыто высказали свое непокорство королю, заявив о независимости⁵⁵⁵.

1166 г. прошел в преодолении смут в Сицилии, где скончался король Вильгельм I, и попытках императора Мануила Комнина восстановить отношения с Римским епископом. Увы, дипломатические маневры не принесли положительного результата, и началась война. Первыми проявили активность германцы, осадившие Анкону, которую защищал византийский гарнизон. Но им помешали норманны, высадившиеся на побережье, а затем и отряды вооруженных горожан Рима, внезапно атаковавшие рыцарей Барбароссы 29 мая 1167 г. у Тускулы. Разумеется, это отвлекло Германского короля от Анконы, но предопределило судьбу бесстрашных итальянцев. Как и следовало ожидать, почти две трети этой «гражданской» армии погибли (из 30 тыс. в живых осталось не более 10 тыс. воинов), и лазутчики доложили Фридриху, что Рим стоит беззащитным. Оставалась слабая надежда на Комнина — в это же время к папе прибыл его посол Иордан, сын Роберта Капуанского, и предложил от имени своего василевса помощь в людях и деньгах. Увы, она опоздала.

Конечно, Германский король не стал разменивать Вечный город на «какую-то» Анкону, которую мог взять в любой момент. И 29 июля 1167 г., штурмом взяв Рим, разрушил его до такой степени, на которую ранее не решались даже сарацины. Антипапа Пасхалий III, ничуть не смущаясь видом разоренного и горящего города, служил мессу в алтаре храма Святого Петра и повторно возложил на голову Фридриха I Барбароссы императорскую корону — тот выполнил свое обещание не носить ее до тех пор, пока не захватит Вечный город⁵⁵⁶.

Но этот величайший пик славы в биографии Германского короля вскоре сменился ужасной катастрофой. Видимо, Небеса разверзлись специально для того, чтобы покарать нечестивца, осмелившегося наложить свою руку на великие христианские святыни. Уже 3 августа Рим посетила чума — дитя рожденной близлежащими болотами лихорадки, немедленно начавшая свою черную «работу». В считанные дни бо́льшая часть германской армии скончалась, включая родственников короля и его помощников. Жертвами болезни стали такие известные персоны, как архиепископ Райнальд Кельнский, епископы Конрад Аугсбургский, Александр Льежский, Даниил Пражский, Эберхард Регенсбургский, Готфрид Шпайенский, Герман Верденский, герцоги Фридрих Швабский и Вельф VII, князь Депольт Чешский, а также многие графы и бароны⁵⁵⁷.

Покойников было так много, что никто и не пытался их хоронить. Они лежали повсюду, и от горы трупов распространялось страшное зловоние, наводившее на всех почти животный ужас. В отчаянии Барбаросса направился обратно в родную Германию, но города Лангобардии закрывали перед ним ворота, опасаясь болезни. Кругом были враги, и только в декабре, переодевшись в платье своего слуги, Фридрих Барбаросса смог тайно достичь первого германского города. В довершение всех его бед в скором времени города Ломбардии образовали Ломбардскую лигу, напроочь презрев все прежние вассальные клятвы и претендуя на независимость от Западной империи⁵⁵⁸.

Их ряды вскоре пополнились новыми участниками, которые прекрасно понимали, что после катастрофы его армия сильно поредела и теперь Барбаросса располагает лишь не очень профессиональными с военной точки зрения отрядами горожан из Павии. В результате 1 декабря 1167 г. Венеция, Веронская лига и Ломбардская лига заключили соглашение об объединении. Но этого мало, к ним тут же примкнули еще вчера столь надежные Новара и Верчелли.

Спас Барбароссу в этой критической ситуации его талант разделять оппозицию на сотню мелких векторов, тщательно выискивая противоречия, имеющиеся между ними. А также железная решимость доводить все дела до конца. Он срочно вступил в переговоры с графом *Гумбертом III Савойским* (1148—1189) и в январе 1168 г. достиг соглашения с главными аристократами. За весьма значительную сумму Гумберт пропустил войско Фридриха через Западные Альпы, и в марте того же года в Сузах Барбаросса демонстративно казнил нескольких знатных заложников из Ломбардской лиги, захваченных его солдатами в плен⁵⁵⁹.

Рим, помнивший разгром прошлого года, дрогнул, и его аристократы начали спешно продумывать план спасения. В такой ситуации папа не осмелился остаться в городе и спешно покинул его, добровольно отправляясь в изгнание, поскольку никакой веры продажный сенат Рима ему не внушал. Понтифик нашел убежище в замке Картулария близ Колизея, где пробыл долгих 11 лет, прежде чем вновь решил посетить Рим. Антипапа Пасхалий III скончался уже к тому времени (он отдал Богу душу в 1168 г.), но по инициативе неутомимого Барбароссы возник новый исторический персонаж — антипапа *Каликст III* (1168—1178). Его, конечно же, признало большинство германских епископов, но в результате схизмы осталась не преодоленной, а потому все так же опасной для всей Европы. Чем дольше длилась она, тем быстрее рушился авторитет Германского короля, но и папе Александру III было трудно надеяться на успешный итог противостояния с Барбароссой⁵⁶⁰.

Казалось, именно в эту минуту у императора Мануила I Комнина возникли реальные шансы примириться с папой и завершить церковный раскол между Западной и Восточной церквями. Отсюда виделись замечательные перспективы: преодоление противостояния с Западом, которого василевс очень опасался, и восстановление Римской империи в прежнем виде. В 1167 г. Мануил I Комнин отправил к папе Александру III посольство, через которое предложил тому совместно реализовать давнюю мечту василевса — воссоединить Кафолическую Церковь под властью Римского епископа при одновременном воссоединении Священной Римской империи с Византийским царем во главе. Надо полагать, император считал, что разделение Церквей еще не носит законченного характера и может быть устранено — достаточно лишь примирить папу с патриархом и сблизить европейцев с византийцами. Как бы ни казались кому-то иллюзорными его попытки, папа, оказавшийся в трудном положении, поддержал инициативу, к великому неудовольствию германцев. На это у него имелись еще и другие причины помимо вражды с Бар-

бароссой. Дело в том, что Константинопольский патриарх Лука Хрисоверг к тому времени почил в Бозе и столичная кафедра оставалась вдовствующей. Используя этот случай, император и предложил папе сразу же после вхождения византийской армии в Рим объединить обе Церкви путем простого назначения папы Константинопольским патриархом (!).

Конечно, это было бы беспрецедентным событием, но понтифик проявил завидную осторожность. Он ответил Мануилу I в том духе, что готов поддержать все его *светские* начинания, однако, очевидно, не имеет смысла формировать новую практику избрания Восточного архиерея. Достаточно лишь, чтобы новый патриарх Константинополя признал права Римского епископа на разрешение спорных вопросов, как верховного судии, включил его имя в диптихи и согласился с идеей о верховенстве апостолика в Кафолической Церкви. В принципе василевс мог бы заставить своих архиереев признать условия папы, но для включения его имени в диптихи требовалось исповедание веры из Рима, которое наверняка включило бы в себя *Filioque*. Понятно, что такой вариант никогда бы не смог реализоваться.

Вскоре Александр III отправил в Константинополь епископа Остийского и двух кардиналов — Иоанна и Павла для переговоров. Правда, это посольство не выработало никаких конкретных рекомендаций и решений, а потому тенденция объединения стала затухать. Кроме того, вновь назначенный Константинопольский патриарх *Михаил Анхиальский* (1170—1177) решительно отказался признавать притязания Рима на наследство святого апостола Петра⁵⁶¹.

Поскольку Римский епископ «умыл руки», а Германия начала открытую экспансию против византийских владений в Италии, пришлось перекраивать союзнические отношения. Постоянно комбинируя по контексту событий, Мануил I быстро поменял *тактические* приоритеты. Император предложил свою 15-летнюю дочь Марию, обрученную, но еще не выданную замуж за Венгерского принца *Беллу-Алексея* (1148—1196), в жены юному Сицилийскому королю *Вильгельму II* (1166—1189), 7 мая 1166 г. унаследовавшему трон от своего отца Вильгельма I. После кончины отца 13-летний Вильгельм II по естественным причинам не мог полноценно принять бразды правления в свои руки, а мать-регент юного короля, энергичная испанская принцесса Маргарита, с трудом преодолевала ошибки царствования покойного мужа. Поэтому надежда на мир с Сицилией казалась небезосновательной.

В этом предложении таилась скрытая перспектива — у самого Мануила I еще не было наследника по мужской линии, и при некоторых обстоятельствах Вильгельм II мог рассчитывать на древний престол Римских кесарей. Однако норманны медлили с ответом — Римский епископ был им ближе Константинополя, и они не решились испортить отношения с папой⁵⁶². К тому же в 1168 г. Вильгельм II получил другое брачное предложение — Английский король Генрих II предлагал ему в жены свою дочь *Иоанну* (1165—1199). На этот раз резко возражал папа Александр III, недовольный тем, что без его согласия англичанин женился на Алиеноре Французской, неверной жене Людовика VII, и вскоре помолвка распалась.

В 1170 г. Мануил I Комнин в очередной раз направил посольство в Рим, предлагая воссоединить Церковь в том виде, в каком она пребывала в древности («едино стадо и один пастырь»), одновременно требуя от понтифика восстановления своих прав, как Римского императора. Однако на этот раз василевс получил *прямой отказ*. Понтифик поблагодарил «возлюбленного государя и сына св. Петра за его доброе желание относительно Римской церкви, но относительно требования императорской короны должен сказать, что оно слишком важно, чрезвычайно опасно и *противозаконно* и он не может и не должен, вопреки правилам Святых Отцов, давать повод к войне, когда ему следует быть верным стражем и хранителем мира». Едва ли на самом деле эти строки соответствовали образу мыслей папы. В этот момент он очень опасался германцев и потому дал публичный отрицательный ответ, хотя тут же направил в Константинополь посольство, которое преследовало совсем иные цели — заключить *унию* с византийцами. На самом деле и это была большая дипломатическая победа Византийского василевса.

В июне 1171 г. Фридрих Барбаросса, крайне встревоженный успешной политикой Мануила Комнина, направил к нему в качестве посла Генриха Льва, который склонял императора к союзу с Германским королем в обмен на земли, расположенные на Адриатическом побережье Италии. И хотя гасить пламя будущей войны территориальными уступками не входило в планы гордого германца, сейчас у него практически не оставалось иного выхода вследствие резкого охлаждения отношений с Англией и Францией. Чуть ранее, в феврале 1171 г., он встречался с Людовиком VII в Вокулере, но смог уговорить того лишь на совместные действия против разбойников, грабивших пограничные земли⁵⁶³.

В это время, не очень веря обещаниям Фридриха, василевс продолжил искать новых союзников. В марте 1171 г. император Мануил I

Комнин повторил свое предложение Вильгельму II Сицилийскому относительно дочери Марии. И хотя оно уже было не столь перспективным — в 1170 г. у василевса родился сын *Алексей Комнин*, будущий Римский царь, в Палермо идею брачного союза восприняли благосклонно. Было даже договорено, что Мария приедет в Апулию весной 1172 г. для бракосочетания. Но когда в назначенный час Вильгельм II прибыл в Южную Италию, Марии там не оказалось — Мануил I Комнин отозвал свое предложение⁵⁶⁴. В ответ Вильгельм II Сицилийский принял предложение Фридриха Барбароссы сочетаться браком с его дочерью Беатрис, что, конечно, было бы пиком дипломатических успехов Западного императора. Но тут вновь вмешался его записной враг папа Александр III, и совсем еще юный Сицилийский король не посмел пойти против мнения Римского епископа. Он возобновил переговоры о женитьбе на Английской принцессе, и юная Иоанна вскоре вступила на улицы Палермо.

Тем временем Германский император продолжал свою борьбу с итальянскими городами, которая все более утрачивала популярность у его друзей в Германии. Когда в 1174 г. Фридрих Барбаросса совершил пятый поход в Италию и осадил город Александрию, названный в честь папы Александра III, его оставил самый могущественный союзник — Саксонский герцог *Генрих III Лев* (1142—1180). А без него 29 мая 1176 г. германец потерпел сокрушительное поражение от ломбардцев при Леньяно, потеряв весь обоз, казну и знамена. С остатками войска он возвратился в Германию, где подняли голову непокорные вассалы, объединившиеся вокруг Генриха Льва. Это было не просто рядовое поражение, а сокрушительная военная и политическая *катастрофа* — ведь Барбаросса уступил войскам, состоящим из городских обывателей. Сами итальянцы приписали победу не силе своего оружия, а папе и «сообществу городов». Барбаросса был настолько потрясен случившимся, что несколько дней его никто не мог найти. Наконец, он объявился в Павии, где его супруга надела траурное платье⁵⁶⁵.

Пришлось мириться с Римским папой, и 24 марта 1177 г. Германский король прибыл в Венецию для переговоров⁵⁶⁶. Справедливо говорят, что данное достижение не может быть отнесено к чести норманнов или Византии. Это — блестящая победа Римского папства, которая в глазах современников выглядела как последний и решительный Суд Божий, поразивший схизматиков, грабителей и осквернителей Римской церкви⁵⁶⁷.

На глазах растроганных обывателей папа облобызался с Фридрихом, с которым боролся 18 лет. Кроме мира с Римом, Барба-

росса подписал соглашение о 6-летнем перемирии с Ломбардским союзом и 15-летний мирный договор с Вильгельмом II Сицилийским⁵⁶⁸.

Тем временем Византийский император размышлял над предложениями папы по преодолению церковного раскола. Конечно, сама по себе уния едва ли могла удовлетворить Мануила I Комнина. Ему хотелось снискать славу не только церковного миротворца, но и *объединителя христианской цивилизации*, что было возможно только путем воссоздания Вселенской империи. Чтобы его намерения звучали солиднее, опытный Византийский император привлек союзника в лице Французского короля Людовика VII.

Желая закрепить добрососедские отношения, василевс в 1178 г. предложил Людовику VII выдать его дочь Агнессу замуж за своего сына, наследного царевича Алексея Комнина. Тот не возражал и активно принял участие в переговорах с понтификом на сей счет. Наверное, между тремя действующими лицами существовала тайная переписка, позволяющая извлечь свой замысел от посторонних глаз и ушей. И брачное предложение являлось, скорее всего, лишь поводом возобновить старые отношения и подготовить новые предложения. А потому, нисколько не смущаясь формальным отказом короля французов, император, не медля, созвал специальный Собор в Константинополе, на котором и предложил рассмотреть собственное предложение о прекращении церковного раскола. И, что удивительно, римские легаты не возражали, но, напротив, оказались достаточно подготовленными к нему.

Это было величественное собрание, на котором присутствовало много епископов и сам Константинопольский патриарх Михаил III Анхиал. К сожалению, действительность резко расходилась с запланированным сценарием. Первым разрушительный тон задал патриарх, резко выступавший против унии с Римом. Император горячо убеждал архиерея в том, что, соединившись, латиняне легко опустошат Византию. Только в союзе с Западной церковью, не уставал повторять он, можно было спокойно смотреть в будущее. На это патриарх отвечал, что гораздо легче пренебречь телом, чем душой, и, вообще, «не следует так драматизировать события». В заключение Михаил Анхиал заявил царю: «Пусть господствует надо мной какой-нибудь агарянин — это останется действием только наружным, но я не допущу согласиться с итальянцем, потому что это будет относиться к области моего ума. Ему я не сочувствую, хотя и покоряюсь; когда же я соглашаюсь с ним в вере, то разрываю связь с Господом моим, Которого латиняне вытесняют из моего сердца».

Выступление столичного архиерея произвело большое впечатление на слушателей из числа восточных епископов, и уния не состоялась, хотя латиняне требовали совсем немного. Они просили признать первенство папы (но не главенство) в Церкви, распространить на Востоке право апелляции епископов к нему, как высшему судье по церковным делам, и включить имя понтифика в византийские диптихи. Напротив, восточные епископы попытались предать всех латинян анафеме (безумие!), и их остановил лишь василевс, напомнив, что, во-первых, западных христиан очень много, а, во-вторых, Западная церковь не менее знаменита и богата заслугами перед Православием, чем Восточная церковь⁵⁶⁹.

Так была пресечена эта многообещающая попытка восстановить Кафолическую Церковь. Несомненно, неудача шла не на пользу Византии: сама тенденция примирения Церквей могла бы избавить ее от тех бед, которые вскоре обрушатся на византийцев. Но после того как восточный клир активно выступил против унии, на Западе идея воссоединения Кафолической Церкви уже мало кого интересовала. Рим оскорбился и никак не отреагировал на новые инициативы Византийского императора. Впоследствии, уже на Латеранском соборе 1179 г., посол Мануила I Комнина вновь напомнит папе о прежних предложениях Византийского василевса, но с тем же результатом⁵⁷⁰.

В свою очередь внимание императора Мануила I к Западу стало также ослабевать. Причин было несколько. Во-первых, разлад между византийцами и венецианцами, вследствие которого Республика заключила в 1175 г. союзный договор с сицилийцами, глубоко внутри остававшимися все так же враждебными Константинополю. Во-вторых, император был вынужден отвлечься на Восток, где — и об этом речь пойдет ниже — потерпел тяжелейшее поражение от турок в 1175 г. при Мириокефалоне. Отсутствие какой-либо поддержки от собственного епископата, интриги и тщеславие папы, военные неудачи и возраст — все это вместе взятое привело к тому, что под конец жизни Комнин оставил прежние мечты.

Удивительно, но в этой многовековой войне, где было столько могущественных кандидатов на первенство, победил тот, кто поочередно прибегал к помощи каждого из государей и с завидной регулярностью обманывал всех, — Римский епископ. Когда рассыпались политические и военные союзы, он оказался *единственным*, кто получил реальные шансы на победу. Как следствие, 1 августа 1177 г. было заключено историческое соглашение между Римским епископом Александром III, Фридрихом I Барбароссой, Мануи-

лом I Комнином, Вильгельмом II Сицилийским и итальянскими городами. Согласно этому документу, папа был утвержден в качестве правителя Папской области и государя Рима. Ломбардия утвердила свою независимость, а греческие города в Апулии отошли к Германской империи⁵⁷¹.

Надо сказать, на финише этой кровавой гонки папа проявил редкое для того времени великодушие по отношению к своему духовному оппоненту. Антипапа Каликст III получил аббатство, а его кардиналы сохранили тот сан, который имели до схизмы⁵⁷².

Из числа других недоброжелателей Константинополя, в течение многих лет систематически сводивших на нет все усилия Византийского царя, следует выделить *венецианцев*. Именно они много сделали для того, чтобы деятельность Мануила I Комнина на Западе не увенчалась блестящим и заслуженным успехом. Конечно, император не забыл оскорбления, нанесенного ему венецианцами при осаде Корфу. К тому же, как и отец, он остро понимал всю пагубность политики предоставления торговых льгот не византийским купцам, а венецианцам. Но от их услуг нельзя было отказаться в одночасье — венецианцы имели сильный флот и неисчерпаемые финансовые средства. А поэтому царь до времени терпел, попутно тайне подготавливая соглашения с генуэзцами.

Еще в 1155 г. Мануил I Комнин заключил с ними договор, в соответствии с которым он обеспечивал им денежные субсидии, торговые привилегии и выделял квартал Галата для организации их колонии на землях напротив Константинополя, в бухте Золотой Рог. В ответ генуэзцы обещали не вступать в союзы, которые могут причинить вред Византии. Тем не менее в 1162 г. они заключили договор с Фридрихом Барбароссой, за что тут же лишились всех торговых привилегий в Византийской империи. И хотя в 1164 г. генуэзцы подтвердили свои обязательства, но, откровенно говоря, это был очень шаткий союз⁵⁷³.

Однако венецианцы посчитали себя «обманутыми» со всеми вытекающими последствиями: они искали только повод для того, чтобы окончательно закабалить Византию. Победа византийцев в 1167 г. над Венгерским королем *Стефаном III* (1162—1172) и возврат Константинополю всех ранее потерянных территорий на Балканах также не способствовали укреплению дружеских отношений между греками и венецианцами. Те также претендовали на приморские города, позволяющие им расширить свою торговлю.

В начале 1171 г. случилась кровавая драка в Константинополе, когда венецианцы напали на генуэзский квартал. Пострадавшие об-

ратились к василевсу за помощью, и император Мануил I 12 марта того же года приказал арестовать всех венецианцев, а корабли и имущество — конфисковать. Как говорят, арестовали свыше 10 тыс. венецианцев — тюрьмы и даже монастыри были забиты ими до отказа. Затем император отменил торговые привилегии, данные им ранее. Реакция Венеции была предсказуема: она немедленно начала готовиться к войне.

В сентябре 1171 г. венецианцы собрали 120 боевых судов и направились к Эвбее, где их уже ждали послы Мануила I Комнина. Они предложили тем мир, но в действительности император просто тянул время, чтобы организовать лучше свою оборону. Венецианцы согласились и отправились к острову Хиосу, где внезапно пали жертвой чумы, моментально унесшей тысячи жизней. Понятно, что василевс не был намерен продолжить переговоры, тем более что поездка его послов в Венецию закончилась полным провалом⁵⁷⁴.

Но сами венецианцы умели сделать вывод из поражения и ошибок. Они выбрали нового дожа и попытались мирно урегулировать недоразумение с византийцами. В Константинополь ушло посольство, но, к их удивлению, император демонстрировал совсем иные настроения. На самом деле реакцию царя можно было понять: пока послы просили о мире, венецианские суда помогали Фридриху Барбароссе осаждать византийский город Анкону в Италии. Тогда, в 1175 г., венецианцы сблизились с королем Вильгельмом II Сицилийским и заключили мирное соглашение сроком на 20 лет. Теперь уже не норманны, а византийцы почувствовали над собой холодное дыхание смерти, и император поспешил возобновить старые льготы и даже возместил венецианцам убытки, возникшие вследствие арестов и конфискации имущества в Константинополе в достопамятном 1171 г.⁵⁷⁵

Как же следует оценивать западную стратегию императора Мануила I Комнина? Можно сказать, что *территориально* Византийская империя немного приобрела от внешней стратегии василевса. Но не следует забывать, что в некоторые периоды Мануил I Комнин воевал *почти со всей Европой*, а в остальное время — с самыми могущественными ее державами. В таких условиях сам факт сохранения Византии является величайшей победой. При возрастающей угрозе ей со стороны Запада, в течение нескольких десятков лет василевс умудрился нейтрализовать действия своих врагов, умело применяя дипломатические приемы и ко времени подкрепляя их вооруженной силой. За счет этих нюансов Римская империя обеспечила собственное существование, находясь в тесном кругу могущественных врагов, альянс которых неминуемо грозил ей гибелью.

Напрасно Мануила Комнина ругали (и ругают еще сегодня) за излишнее тяготение к латинянам и Западу — это была скорее *роковая необходимость*, чем каприз царя. «И величайший политический гений в этом отношении не мог сделать более того, что сделал Мануил», — скажут впоследствии о Комнине, и это совершенно справедливая оценка. Предваряя будущие события, можно сказать, что когда его стратегия интеграции с Западом даст трещину и в Константинополе возьмет верх «национальная» партия, когда преемники Мануила I по власти пренебрегут теми соображениями, которыми руководствовался великий император, образуется враждебная коалиция, которой Византия противопоставить уже ничего не сможет⁵⁷⁶.

Глава 5. Венгерские комбинации царственного пападина

Венгрия и Сербия не оставались безучастными свидетелями общеевропейских событий, с завидной регулярностью выступая на стороне антивизантийской коалиции. Для этого были свои причины — у сербов давно уже открылись политические инстинкты и производное отсюда желание создать собственное национальное государство. Но оно было еще очень слабым и быстро попало в сферу влияния Венгрии, нацелившейся попутно на территорию Болгарии, — венгры активно нападали на ее земли еще при василевсе Иоанне II Комнине. В свою очередь Византийский император также не мог обойти Венгрию своим вниманием. Во-первых, это государство, *нависшее* над Балканами, лежало вблизи Германии и занимало Далмацию, откуда открывался оперативный простор для военных операций в Италии. Во-вторых, как сын матери-венгерки, император искренне полагал возможным и даже *нужным* сделать Венгерского короля своим вассалом. Наконец, родство василевса с королевской семьей Венгрии вынуждало его вторгаться в династические споры, даже помимо своей воли⁵⁷⁷.

Еще при осаде Корфу в 1149 г. Сербский жупан *Урош II* отказал в повиновении Византийскому императору, чем вызвал быстрое возмездие. В 1150 г. император направился сюда и без особых хлопот разгромил мятежников. Но эта акция отвлекала императора от Италии и заставила думать о грядущих отношениях с Венгрией, все более бесцеремонно вторгавшейся в сербские дела. Нельзя забывать также, что венгры проявили откровенную враждебность по отно-

шению к Галицкому князю *Владимирку Володаревичу* (1145—1153), которого в Константинополе считали своим союзником. По крайней мере, это обвинение значилось в грамоте, которую Мануил I Комнин, по-рыцарски не желавший начинать войны без публичного объявления, направил противнику⁵⁷⁸.

В 1152 г. началась Греко-венгерская война, которая имела своей целью для Византии захват областей между реками Дунаем и Савой и выход на Германо-венгерскую границу. Воспользовавшись династическими спорами, василевс объявил войну венграм и дал приказ войскам наступать. В 1153 г. василевс дошел до Галича и через три дня взял город штурмом. В это время его полководец Константин Ангел отбил нападение Сербского жупана и дал знать царю, что следует возвращаться, поскольку враги в подчиненной ему области становились все активнее. Тем не менее император *не спеша* прошелся по Сербии, разрушая крепости и города, попавшиеся ему на пути, и возвратился к Константину. Множество пленных сербов он приказал поселить возле Сердики, в Болгарии. Ввиду приближения зимы василевс вернулся в Константинополь⁵⁷⁹.

На следующем этапе, в 1154 г., византийцы продолжали успешно наступать на венгров вплоть до 1156 г., после чего заключили далеко не безвыгодный для себя мир⁵⁸⁰. В конце лета 1158 г. Мануил I вновь направился в Сербию и возле города Наиса организовал лагерь своей армии. Здесь он узнал, что к сербам идет на подкрепление венгерская армия, а поэтому решил выдвинуться против нового противника и разгромить его до подхода союзника. Приблизившись к реке Саве, он перешел оттуда к реке Дрине, которая отделяет Боснию от Сербии, где авангардные части византийцев встретились с венграми и вступили в бой. Узнав об этом, василевс тут же направил подкрепления под командованием протосеваста Иоанна, и его войска одержали блестящую победу. Затем император продолжил маневр и возле реки Тары столкнулся с сильной армией сербов под командованием их жупана. Прекрасный полководец, Мануил I пошел на воинскую хитрость: зная о том, что римский обычай — трубить перед отбоем войску, известен неприятелю, он отдал соответствующий приказ, как будто византийцы собрались отходить ко сну. А сам приказал командирам полков выделить отборных воинов и, вооружив, приготовить к бою⁵⁸¹.

На рассвете царь во главе колонны своих воинов выступил из лагеря, часть из которых переодет фуражирами. Разведчики донесли, что неподалеку располагается все вражеское войско, значительно усиленное венгерской конницей. Но, обманувшись царской хитро-

стью, враги попали в засаду и потерпели поражение. А заодно василевс, что называется, вытащил из объятий смерти солдат из полков Михаила Врана, которым угрожала серьезная опасность от врагов — она попали в засаду. Увидав, что его войско утомилось, император взял с собой только полки Иоанна Дуки и Иоанна Кантакузена и вместе с ними продолжил преследование. В завязавшемся бое, где василевс по обыкновению бился в первых рядах и сразился в поединке с архижупаном, Мануил I едва не погиб — удар вражеского меча пришелся в его шлем. Но, лично сразив в бою почти 40 вражеских воинов (!), царь одержал полную победу, результатом которой стали мирные инициативы сербов. Заключив соответствующий договор, Мануил I с честью и славой вернулся в Константинополь⁵⁸².

Впрочем, его отдых был недолог: вскоре василевс опять направился против венгров, по-прежнему интригующих с сербами против Римского государства. Время было выбрано удачно — сам Венгерский король *Геза II* (1141—1162) в те дни воевал в далекой Руси с детьми князя Владимира Мономаха. Не теряя темпа наступления, Мануил I Комнин не стал ожидать подхода флота, а на небольших лодках переправил армию через Дунай. Своего зятя Феодора Ватаца он оставил для осады сильной крепости Зевгмин, а сам с оставшимся войском двинулся в глубь Венгрии. Его поход был *сверхуспешен*: он взял венгерскую столицу и даже разрушил королевский дворец, а многие венгерские роды перешли на римскую службу и присягнули царю. На обратном пути василевс захватил Зевгмин, гарнизон которой, не получив поддержки от соотечественников, сдался на милость победителей. В знак благодарности василевс всем им оставил жизнь⁵⁸³.

Римская армия уже подходила к границам Византии, когда стало известно, что, завершив войну с русскими князьями, Венгерский король возвращается обратно с большим войском. Любой другой поспешил бы закончить поход, но только не Мануил I Комнин. Он немедленно повернул армию обратно, дабы сразиться с венграми в открытом сражении. Император столкнулся с авангардом противника под командованием Белосиса, разбил его и начал преследование, надеясь столкнуться с основными силами врага. Дела византийцев шли успешно, и Геза II не решился на бой, вместо этого направив василевсу посольство с предложением мира. Царь вместе с войском триумфально вошел в Константинополь⁵⁸⁴.

Правда, вскоре венгры вновь решили напасть на римские земли и отвоевать ранее утраченные области. Однако византийская разведка работала по обыкновению блестяще — царь своевре-

менно предпринял меры предосторожности и выдвинул армию на Дунай. Устрашенные такой оперативностью греков и их мощью, венгры вновь запросили мира и пролонгировали прежний договор.

31 мая 1162 г. умер Венгерский король Геза II, и престол занял его несовершеннолетний сын *Иштван III* (1162—1172). Дядя юного короля Ласло Владислав отправился в Константинополь с просьбой восстановить свои права на власть в обмен на признание своей леной зависимости от Римской империи. Мануил внял его просьбам и поставил *Ласло Владислава* (1162—1163) на королевство. Но в 1163 г. его отравили и, поразмыслив, Византийский император поставил на престол *Иштвана IV* (1163—1165), сына покойного Венгерского короля *Белы II Слепого* (1131—1141), хотя оставил в Константинополе второго сына Гезы II, королевича *Белу* (1148—1196), будущего короля Венгрии, как заложника. Он задумал обручить его со своей 10-летней дочерью *Марией* (1152—1182) в обмен как минимум на передачу Византии Далмации⁵⁸⁵.

Тем временем свергнутый с престола Иштван III обратился за помощью к Фридриху Барбароссе, и король, конечно, всецело поддержал его. Поэтому в 1164 г. василевс с большой армией перешел Дунай, желая восстановить свою власть в области Сирмиум. Поход был успешен, но для достижения конечного результата потребовалось время. Понимая, что его нет, василевс официально признал права на королевство Иштвана III при условии передачи Византии области Серемгеш. Но мир недолго царил в отношениях между Мануилом I Комнином и Иштваном IV. Заподозрив (и далеко не безосновательно) Венгерского короля в новых попытках найти союзников в Германии, Чехии и даже на Руси — он едва не вступил в брак с Ефросиньей, дочерью Галицкого князя *Ярослава Осмомысла* (1153—1187), который удалось с великим трудом не допустить, — император начал новую войну. В качестве предлога он потребовал *официально* закрепить права на Далмацию и Хорватию за находящимся в Константинополе королевичем Белой.

В 1167 г. византийская армия под командованием Андроника Контостефана умелыми маневрами сумела вынудить венгерские войска дать 18 июля открытое сражение у крепости Зевгмин. Эта битва и решила исход кампании. У реки Сава Андроник Контостефан разместил византийскую армию — как было принято, в три линии. Первая, которой командовал сам командующий, состояла из императорской гвардии, итальянских наемников из Ломбардии и сербов. На флангах расположились греческие полки, в центре —

немецкие наемники. Прикрывали византийскую армию легкоконные турки и половцы. Они-то и начали сражение, сделав ложное нападение на венгров, выстроившихся в одну сплошную линию. Отбив конных лучников, вся венгерская армия рванулась вдогонку за ними и попала в засаду — два греческих полка ударили им с флангов. Их поддержали отряды правого фланга и, наконец, Андроник бросил в бой резерв — тяжеловооруженную византийскую пехоту. Боевые порядки венгров нарушились, и началось повальное бегство⁵⁸⁶. После этого византийцы захватили Зевгмин, а полководцы Иоанн Дука и Никифор Калуж — Далмацию. Венграм оставалось только просить мира.

Среди военных предприятий Мануил I Комнин не забывал и о политических вопросах. У Римского царя до сих пор не было наследника от первого брака и даже от второго, о котором мы скажем чуть ниже, а потому он приблизил к себе королевича Белу, допуская возможность предоставить юноше, как родственнику, статус преемника Византийского престола. Бела принял имя *Алексей* и получил почетный и многообещающий для его юного возраста титул деспота. В идеале он мог стать одновременно василевсом Византии и королем Венгрии, соединив собой два государства в рамках единой державы.

Это была серьезная заявка на успех в деле восстановления Римской империи и глубокого проникновения Византии на Запад. Удивительно, но даже рождение в 1169 г. царевича Алексея Комнина не изменило намерений Римского василевса. Только в 1172 г. он объявил сына соправителем под именем **Алексей II Комнин** и венчал его царской диадемой. Бела-Алексей, соответственно, лишился и статуса деспота, и руки дочери царя Марии. Но не остался внакладе — смерть в 1173 г. бездетного Иштвана III открыла ему путь к престолу. И вскоре новый Венгерский король *Бела III* (1172—1196) торжественно въедет в свою столицу, оставшись до конца дней Мануила I Комнина его верным вассалом⁵⁸⁷.

Правда, для этого еще нужно было преодолеть множество препятствий, и царь, собрав большое войско, в июне 1173 г. уже стоял на берегах Дуная. Он смело *первым* переправился через реку и осадил крепость Зевгмин, которую венгры в очередной раз вернули себе. Тут его застали известия о приближающемся громадном венгерском войске, к которому спешили союзники из Чехии, а также русские и половецкие дружины. Не теряя времени, царь форсировал штурм крепости. Желая поднять дух своих солдат, царь верхом на лошади с копьем в руке первым проскакал к крепостным воротам и вонзил копье в их середину; вскоре Зевгмин сдался ему на милость⁵⁸⁸. Тем

временем полководец Константин Дука очень успешно воевал в Далмации, покорив множество городов. Удачно проведя кампанию, василевс вернулся в столицу, сделав для триумфа специальную колесницу из золота, в которую, однако, не сел, а шел впереди нее⁵⁸⁹.

Поскольку венгры исподволь руководились рукой Фридриха Барбароссы, это поражение сильно ударило по могуществу и власти Западного императора. Германец попытался начать переговоры с Византией о мире. Посредником выступил Саксонский герцог Генрих Лев, женатый на сестре императора. Но ситуация *в принципе* не могла найти своего разрешения, поскольку вмешался Римский епископ. Каждая из трех сторон имела собственные интересы, вступавшие в противоречие друг с другом, а потому война становилась неизбежной. Спустя какое-то время император уже шел впереди армии в Филиппы⁵⁹⁰.

В данном царем сражении венгры были разгромлены и понесли ужасающие потери — говорят, вся долина была усеяна их трупами, которые никто не считал. Так была покорена Венгрия и значительно расширены западные владения Византийской империи.

Глава 6. Восточная политика

Для уяснения Восточной политики Мануила I Комнина необходимо учитывать тот расклад сил, который сложился после 2-го Крестового похода. Неудача этого предприятия, гибель Антиохийского князя и малолетство его наследника естественным образом предопределяли появление глубокого кризиса в государствах пилигримов. Новые пилигримы с Запада, полные религиозного горения, все еще перманентно прибывали в Иерусалим, но их было явно недостаточно, чтобы защищать владения пилигримов. Объяснение этому охлаждению прежнего религиозного рвения, ранее поднимавшего тысячи рыцарей на защиту Святой Земли, вполне объяснимо. Прежняя волна высокого нравственного подъема, которая отличала первых пилигримов, уже пошла на спад. И теперь порой латиняне совершали такие поступки, которые не могли не покоробить нормальное сознание.

Одна из знаменательных историй произошла в 1151 г., когда некий Насреддин, житель Египта, скрываясь от врагов, направился в Иерусалим и получил прибежище у тамплиеров. Пораженный добротой и обходительностью рыцарей-храмовников, Насреддин через короткое время решил принять христианство. Однако египтяне,

узнав о местонахождении своего беглеца, предложили тамплиерам 60 тысяч золотых монет за выдачу Насреддина, и те... тут же согласились (!). Другие отвратительные страницы демонстрировали рыцари-иоаниты, откровенно спорившие с латинским патриархом Иерусалима за привилегии, как будто враг не стоял у ворот королевства. Само собой, подобные истории, пересказанные в Европе, не возбуждали жертвенных чувств у молодых рыцарей, грезивших подвигами во имя Христа⁵⁹¹.

Крики о помощи к европейским владыкам не давали должного эффекта, и крестоносцам приходилось рассчитывать лишь на самих себя и Византийского императора. А враги у них были очень грозные. Наиболее опасным из них являлся Нур ад-Дин, который мог с легкостью осадить Иерусалим и поставить пилигримов в критические условия. В данную конкретную минуту атабег не проявлял особой агрессии. Но стоило крестоносцам проявить активность в отношении Дамаска, где продолжал править *Абак*, властитель из династии Буридов, как Нур ад-Дин немедленно заключил соглашение с единоверцем и в 1150 г. организовал отпор пилигримам. Однако после того, как Абак уклонился от похода в Северную Сирию, как обещал ранее Нур ад-Дину, атабег тут же расторг мирный договор с ним. Теперь Дамаск стал *его* заветной мечтой, и это весьма волновало латинян, поскольку взятие города турком делало Иерусалимское королевство весьма уязвимым с севера⁵⁹².

Но для самой Византии основным противником являлся не Нур ад-Дин, а Иконийский султанат, вобравший в свои границы бывшие римские фемы Анатолик и Вукеллариев. Отбить бывшие византийские владения, помочь Иерусалиму — все это, без сомнения, являлось приоритетами восточной политики императора. Но не только это. Как и его отец, Мануил I Комнин активно добивался признания со стороны пилигримов прав Византии на Антиохию. Его требования, как мы видели, были удовлетворены, когда Раймунд де Пуатье принес ему ленную клятву. Очевидно, это был *единственный* способ легализовать их отношения, любой другой автоматически приводит к жестокой конфронтации с Иерусалимским королевством. Однако со смертью князя ситуация изменилась, и теперь василевс должен был по новой обеспечить свои права на Антиохию.

Надо сказать, Иконийский султан действовал очень осторожно: каждый раз, когда его турки совершали очередной набег на пограничные владения Византии, он обыкновенно отвечал, что сельджуки не имеют никакого отношения к этим походам, списывая все грехи на пришлых *туркмен*⁵⁹³. Надо сказать, что султан сельджуков Рума

Масуд I не напрасно опасался открытого противостояния с византийцами. Историки обычно солидарны в том, что если бы император Мануил Комнин имел возможность сосредоточиться только на одной цели — овладении Иконийским султанатом, то с его крепкой армией и полководческим талантом без труда добился бы успеха. Но *вынужденное распыление сил*, необходимость бороться и на Востоке, и на Западе заставляли забыть об этой мечте⁵⁹⁴.

Поразительно, но в это время произошло еще одно противоестественное объединение усилий турок и германцев против Византии: для императора не являлось секретом то немаловажное обстоятельство, что военные действия Рум-сельджукского султана щедро финансировались Фридрихом I Барбароссой. Таким способом германец надеялся отвлечь Мануила I Комнина от Италии, и, как мы видели, его надежды оправдались⁵⁹⁵.

А что же государства крестоносцев? Звезда Востока Антиохия пребывала в великом волнении относительно своей грядущей судьбы. После смерти Раймунда де Пуатье руководство обороной города принял на себя латинский патриарх. Он срочно направил гонца в Иерусалим с просьбой немедленно идти на помощь гибнущему городу, и, как оказалось, весьма своевременно, поскольку Нур ад-Дин уже был близко. Лишь весть о приближении армии крестоносцев под предводительством короля Балдуина III заставила атабега отступить, и он занял город Апамею — последний рубеж латинян в долине Оронто.

После этого Нур ад-Дин направился к городу Турбессель, который защищала вдова Жослена II графиня Беатриса, причем делала это довольно успешно — атабег не смог взять город штурмом и отступил. После этого с разрешения короля Балдуина III графиня продала шесть принадлежавших ей городов — Турбессель, Самосата, Равендель, Дулук, Айтаб и Биреджик императору Мануилу Комнину. Как полагают, таким способом Комнин хотел, с одной стороны, продемонстрировать свое стремление вести войну с мусульманами до победного конца, с другой — показать, что не рассчитывает на помощь ненадежных как союзников латинян. Целый год византийцы удерживали их, но в 1151 г. Нур ад-Дин заключил соглашение с султаном Масудом Иконийским и в скором времени все их захватил⁵⁹⁶.

Тем временем бароны Антиохии пришли к выводу, что вдова Раймунда де Пуатье Констанция, оставшаяся с четырьмя малолетними детьми, должна срочно выйти замуж, дабы город получил надежного защитника. В этом качестве ей было предложено несколько кандидатур со стороны королевы Мелизенды и Бал-

дуина III. Но мать и сын уже находились в настолько натянутых отношениях, что не могли сойтись на определенном лице. Тогда Констанция обратилась в Константинополь, и Мануил I с великой радостью предложил ей варяга на римской службе кесаря Иоанна Рожера, прекрасно понимая, сколько важно для него получить контроль над Антиохией. К сожалению, молодая вдова не испытала никакого теплого чувства к уже довольно пожилому жениху из Константинополя, и намечавшийся альянс не состоялся. Но вскоре эта история будет иметь продолжение, серьезно повлиявшее на состояние дел в Леванте.

Не лучше обстояли дела и в Триполи, где сестра Мелизенды Годиера, вышедшая замуж за *Раймунда II Триполийского* (1137—1152), довела своего супруга частыми изменами и вздорным характером до бешенства. Когда Иерусалимский король попытался примирить тетку с графом, случилось несчастье. Он прибыл в город, погостил, вынужденно констатировал неудачу своей дипломатической миссии и отправился обратно в Святой Город. Но в дороге Раймунда II, провожавшего короля, закололи ножом наемные убийцы, и теперь Годиера стала регентом Триполи при своем 12-летнем сыне *Раймунде III* (1152—1187).

В самом Иерусалиме также было далеко до спокойствия, поскольку, как уже говорилось, королевский двор открыто разделился на две партии: короля и его матери-королевы. В 1152 г. молодой король, перешагнувший 20-летний рубеж, решил вступить в открытую борьбу с ней. На Совете он объявил о своем желании короноваться второй раз, но уже *единолично*, однако его акция не удалась — остальные члены, где было много сторонников Мелизенды, потребовали от Балдуина III пойти на компромисс. Дошло до того, что пришлось делить Иерусалимское королевство на два самостоятельных государства (!). Лишь спустя несколько месяцев король смог избавиться от матери, как политического конкурента, и завладел единоличной властью. И, что называется, вовремя, поскольку, прослышав о междоусобице среди элиты королевства, эмир Мардина *Артукид Тимурташ* осенью 1152 г. решил взять Иерусалим. Лишь с большим трудом удалось отбить его атаки и прогнать неприятеля⁵⁹⁷.

Почувствовав уверенность и силу, Балдуин III решил добить Египетских Фатимидов, которым приходил конец. В принципе это был смелый и перспективный замысел, поскольку кризис власти шиитского халифа в Северной Африке ни для кого не являлся секретом. А овладение Египтом резко повышало степень выживаемости Иерусалимского королевства и обеспечивало его снабжение необ-

ходимым продовольствием — эта страна всегда считалась житницей Средиземноморья. Узнав, что к нему подходит крупное подкрепление вооруженных паломников из Европы, король собрал войска и в январе 1153 г. вместе с гостями из Франции осадил Аскалону, «Невесту Палестины», как ее называли. Осада крепости продолжалась вплоть до августа 1153 г., когда, согласившись на ее сдачу, египтяне оставили город, а крестоносцам досталась сказочная добыча. Теперь пал последний оплот Фатимидов в Палестине, и весь берег оказался в руках латинян⁵⁹⁸.

Конечно, это был большой военный успех. Но и противники крестоносцев не сидели сложа руки. Весной 1153 г. Нур ад-Дин попытался взять Иерусалим, зная, что король с войском находится под Аскалоной. Однако ему вновь помешала зависть и своеволие союзника — эмира Дамаска. Это переполнило чашу терпения атабега, и он, резко сменив вектор атаки, решил взять желанный город, предварительно организовав в нем волнения. Караваны с продовольствием перехватывались его солдатами, жители Дамаска голодали, а агенты Нур ад-Дина умело распространяли слухи о великодушии и благородстве атабега, противопоставляя их качествам Бурида. 18 апреля 1154 г. он с большой армией подошел к городу и уже через неделю вошел в него под восторженные крики горожан. Таким образом, произошло объединение Алеппо, Мосула и Дамаска в одно государство под властью Нур ад-Дина⁵⁹⁹.

Эта была замечательная победа атабега: ведь Дамаск не случайно называли Раем Востока. Этот город имел не только важное торговое, военное и культурное значение. Помимо прочего, он обладал ореолом святости — причем не только для христиан, но и мусульман. Именно рядом с Дамаском располагались пещеры, где были захоронены члены семьи пророка Мухаммеда. В одной из них был рожден Авраам, а другие часто посещали Иисус Христос, Лот, Иов и Моисей. Неудивительно, что в скором времени Нур ад-Дин перевел свою столицу из Алеппо в Дамаск, после чего город стал стремительно расти и развиваться. Будучи мудрым политиком, атабег не стал рвать отношений между Иерусалимским королевством и своей новой столицей, которая имела самостоятельный договор с пилигримами, а добровольно продолжал выплачивать дань Балдуину III еще некоторое время⁶⁰⁰.

В это же время произошло еще одно важное событие: умер султан Иконии Масуд, и тут же между сыновьями покойного *Кылыдж Асланом II* (1156—1192) и Шахиншахом началась междоусобная война за наследство, которой воспользовался атабег. Хотя Кылыдж Аслан

одержал победу над братом, он был вынужден констатировать тот неприятный для себя факт, что в это же время Нур ад-Дин под шумок присоединил две крепости в области Эдессы к своим владениям. Однако в ту минуту ему не с руки было воевать с атабегом, который был невероятно силен.

Но не все исторические персонажи этой эпохи были столь мудры и осторожны. Узнав о том, что Нур ад-Дин занят оккупацией некоторых областей Рум-сельджуков, король Балдуин III не смог преодолеть искушения пограбить земли самого атабега. В 1157 г. он перешел границу и начал войну, но уже 18 июня у реки Иордан, под Баниясом, армия латинян потерпела сокрушительное поражение от турок. Много рыцарей пало в бою, другие были пленены. Их доставили в Дамаск и провели по улицам города на потеху толпы. Сам король Иерусалима лишь чудом избежал плена⁶⁰¹.

Падение Иерусалима отсрочила лишь болезнь Нур ад-Дина — настолько серьезная, что атабег даже публично передал власть своему брату *Наср-ад-Дину*. Правда, смерть все не приходила за ним, и вскоре Нур ад-Дин заявил о своем возвращении к власти. Но этот длительный эпизод подарил латинянам так необходимую им передышку⁶⁰².

Пока вершились дела военные, решился вопрос о правителе Антиохии. Графиня Констанция не устояла перед чарами одного молодого французского рыцаря и обратилась к Иерусалимскому королю, как регенту княжества, с просьбой разрешить ей выйти замуж за своего избранника. Им стал *Рено де Шатийон* (1153—1160), младший сын Жофруа, графа Жьена. Его род был далеко не из последних — достаточно сказать, что родственником Рено являлся Римский папа Урбан II. Рослый, красивый, безрассудно жестокий авантюрист, молодой избранник 24-летней графини был обуян лишь одной страстью — *наживы*. Всем окружающим он казался настолько ничтожным, что Констанции пришлось скрывать свою связь с избранником до самой свадьбы. Не желая огорчать влюбленную графиню, Балдуин III дал необходимое согласие, но ослепленная страстью Констанция забыла, что у нее есть второй сеньор — император Мануил Комнин, чье мнение на сей счет она не спросила. Оскорбленный василевс долго не мог простить обиды, но в конце концов дал согласие на брак при условии, что Рено пойдет в поход против князя *Тороса II* (1140—1169), этнического армянина, сына царя *Левона I* (1129—1140), захватившего византийские владения в Киликии.

Тот согласился и даже разбил противника в коротком, но запоминающемся бою у стен Александретты. Однако, когда Рено по-

требовал от императора денежной премии за эту операцию, Мануил ответил отказом, заметив, что француз выполнил пока *еще не всю* работу. Не отличавшийся глубоким умом и нравственным постоянством, новый князь Антиохии, подстрекаемый тамплиерами, тут же вступил в альянс с недавним врагом и начал готовить нападение на Кипр. С этим походом связана крайне неприглядная история. Перед нападением на остров, желая обеспечить свою армию необходимыми средствами, Рено потребовал денег от Антиохийского латинского патриарха Эмерика. Получив отказ, он приказал доставить к нему клирика, сорвал с того одежды, избил, намазал раны медом и выставил на целый день под палящие лучи солнца, где старика безжалостно кусали рои мух, пчел и ос. Не вынеся мук, Эмерик отдал князю золото. Конечно, отныне он сделался рабом только одной мысли — *мести* де Шатийону. Втайне латинский патриарх организовал переписку с Римским царем и просил того по возможности скорее прийти в Антиохию, обещая свою помощь⁶⁰³.

Весной 1156 г. два войска — армянское и антиохийское — высадились на остров и после ожесточенного сражения опрокинули византийские отряды под командованием Михаила Врана, попавшего в плен. Вслед за этим потерпел поражение наместник острова Иоанн Комнин. Крестоносцы и армяне продвигались вперед, устилая свой путь телами мирных жителей; все предавалось грабежу и огню⁶⁰⁴.

Активность этого безжалостного человека стала донимать не только Византийского императора. После истории с латинским Антиохийским патриархом отношение к Рено со стороны Иерусалимского короля резко испортилось. Такого благородного, начитанного и благочестивого человека, каким был Балдуин III, не мог не покоробить этот инцидент. Поняв, что де Шатийону доверять нельзя совершенно, король повернулся лицом к тому, кто имел самую большую и боеспособную армию на Востоке — императору Мануилу Комнину. Летом 1157 г. он отправил в Константинополь посольство, глава которого коннетабль Онфруа де Торон (второй посол архиепископ Ашар Назаретский умер в дороге) просил руки византийской принцессы, 12-летней Феодоры — племянницы императора для своего короля. Мануил I согласился, и в сентябре 1158 г. невеста прибыла в Акру, а оттуда в Иерусалим, где была встречена с большим почетом. Молодых обвенчали, и король Балдуин III был вне себя от восторга, наблюдая за своей юной супругой⁶⁰⁵.

Объединение усилий двух держав придало оптимизма пилигримам Палестины. Особенно после того, как Мануил Комнин осенью

1158 г. заключил мирный договор с Сицилийским королем, значительно увеличив воинские контингенты на восточном фронте. Теперь наступила пора разобраться с титулярными разбойниками. Попутно два монарха определили план будущих военных операций, договорившись встретиться в Антиохии, дабы покарать де Шатийона. Правда, первая часть плана провалилась. Против Тороса в Киликию василевс отправил своего двоюродного брата *Андроника Комнина*, героя нашего будущего повествования. Но из-за беспечности полководца римская армия потерпела сокрушительное поражение. Следствием бездарности Андроника стало то, что Торос захватил множество византийских городов в Киликии, а зять Иконийского султана *Ягупасан*, правитель Амисии, Анкиры и Каппадокии, начал серьезно угрожать двум понтийским городам — Инеону и Павраю⁶⁰⁶.

Из поражений царь сделал соответствующие выводы и направил к султану Алексея Гифарда, который успешными действиями отбил захваченные Торосом населенные пункты и даже умудрился переманить Ягупасана на свою сторону. После победы византийское войско направилось к берегам Босфора кратчайшим путем, через Ликаонию, чем ввергло тамошних турок в страшную панику: они решили, что греки желают захватить их. Позднее, не заметив для себя опасности, они начали охотно снабжать византийское войско припасами и продовольствием. Приближение полков Мануила Комнина стало полной неожиданностью для князя Тороса, находившегося в Тарсе. Спешно эвакуировав семью и казну, он бежал из города, и по истечении всего 2 недель вся страна вновь принадлежала Византии. Торос поспешил признать над собой власть императора⁶⁰⁷.

В 1159 г. император Мануил Комнин вывел свою армию на Кипсельские равнины, откуда он решил начать активные действия против сельджуков. Прибыв оттуда в Филадельфию вместе с царицей Ириной, которая сопровождала мужа в походе, василевс дал сражение Саламану, вельможе Иконийского султана и, несмотря на численное превосходство турок, победил их. Как и прежде, он был впереди в самых горячих точках. Молнией нападая на врагов, он при жизни стал *легендой византийской армии*. В сражении Комнин без телохранителей вклинился в шеренги турок и, поражая мечом, заставил их в страхе бежать. Один сельджук-силач решился сразиться с царем, но был без труда пленен им. Как говорят, во время сражения сельджуки пытались стрелами поразить императора — к нему подбежал его зять Иоанн и попытался своим щитом укрыть Мануила I Комнина от смертоносного

града. Однако василевс отвел его руку, сказав, что один щит не может закрыть одновременно двух тел⁶⁰⁸.

Но и этот поход не урезонил сельджуков, отряды которых, используя отсутствие императора, напали на Лаодикию и Малую Фригию. У византийцев явно было недостаточно сил, чтобы напасть на саму Иконию и взять город штурмом. Тогда царь приказал Иоанну Контостефану направиться в Иерусалим за подкреплениями, а сам отдал соответствующие распоряжения армянским князьям, заявившим ранее о своей вассальной покорности Византии. К союзнической армии должен был присоединиться и правитель Каппадокии Ягупасан. К сожалению, продолжению победоносной кампании помешали вести с Севера о том, что половцы во множестве пересекли Дунай. Поэтому василевс свернул кампанию на Востоке и отправился в Константинополь. Одного слуха о его приближении оказалось достаточным, чтобы половцы прекратили наступление и поспешили обратно в степи⁶⁰⁹.

Пока василевс заканчивал дела со степняками, король Иерусалима собрал необходимое войско и направился на встречу с ним. Император Мануил Комнин также во главе большой армии вернулся обратно и вскоре был уже под Антиохией. Поняв, что сопротивление бесполезно, Рено де Шатийон направил посольство к Мануилу Комнину с просьбой принять его извинения. Откровенно говоря, выслушав посла ренегата, василевс был склонен простить мерзавца — при всех негативах Рено являлся тем *тараном*, который мог пробить любые крепостные стены, и такого бойца вблизи турок терять было непростительно. Но тут возмутился латинский патриарх Антиохии, потребовавший от императора выдать ему Рено на расправу. Подумав, царь нашел необходимый компромисс, и вскоре всем открылось удивительное зрелище, началом которого стал суд над де Шатийоном.

Рено без шлема, кольчуги и обуви, с обнаженными по локоть руками, веревкой на шее и мечом в левой руке предстал перед Римским императором, отдавая свою жизнь на его усмотрение. Началось судебное следствие, Рено покаялся во всех своих поступках, заявив в оправдание, что не признает Эмерика Антиохийским патриархом. Ведь с древних лет, как объяснил де Шатийон, заведено, что архиерей этой кафедры *поставляется в Константинополе*, а не в Риме (!). Получалось, что хотя вымогательство и было совершено, но не в отношении предстоятеля уважаемой и древней Антиохийской кафедры, а рядового клирика. Выслушав это покаяние, Мануил I Комнин сумел уговорить патриарха простить князя⁶¹⁰.

А 12 апреля 1159 г., на Пасху, состоялся уже торжественный въезд императора в Антиохию. Василевс ехал на коне в окружении своей варяжской гвардии, а пеший Рено вел под уздцы царского коня. Это было поистине величественное зрелище, которое наблюдали послы практически всех восточных правителей. Они видели, как Антиохийский князь давал ленную клятву, обещаясь принять в город греческого, поставленного в Константинополе, а не латинского патриарха, и обещая выставить вспомогательный военный отряд по первому требованию василевса. Как вообще все восточные люди, турки поняли и оценили внешние формы подчинения. Авторитет Византийского императора в их глазах вырос неимоверно⁶¹¹.

Здесь же произошла встреча Мануила Комнина с Балдуином III, и император был очарован рыцарскими манерами и образом мыслей молодого короля. Восемь дней продолжали торжества, а затем оба монарха в сопровождении своих армий направились в Сирию, чтобы вступить в схватку с войсками Нур ад-Дина. Однако вскоре выяснилось, что Мануил I Комнин имеет свои, отличные от Балдуина III, интересы. Когда христианское воинство подошло к границам Алеппо, их встретил посол атабега, предложивший от имени своего правителя заключить мирный договор и освободить 10 тыс. крестоносцев, главным образом участников 2-го Крестового похода, попавших в плен к туркам. Среди них значились такие видные персоны, как магистр тамплиеров *Бертран де Бланифор* (1156—1169) и сын графа Тулузского Бертран, умерший, правда, вскоре после освобождения. К вящему неудовольствию Иерусалимского короля, император сразу же согласился.

Конечно же, здесь сыграли свою роль не только благородные мотивы, в которых императору никак нельзя отказать, но и *сугубо практические*. Сирия находилась далеко от границ Византии и уже не входила в сферу ее жизненных интересов. А тратить своих солдат на ненужной войне в то время, когда рядом находился настоящий враг — Иконийский султанат, василевс справедливо посчитал неразумным. Вступив в альянс с Нур ад-Дином, Комнин не только даровал свободу тысячам западных воинов, томящимся в турецком плену, но и приобрел могучего союзника, для которого анатолийские турки являлись «записными врагами»⁶¹².

Это оказалось чрезвычайно своевременно, поскольку еще в 1156 г. султан Иконии, отличавшийся суровым характером и редким бесстрашием, попытался расширить границы своего государства за счет Византии. Теперь, имея в союзниках и князя Тороса, и Нур ад-Дина, император не стал упускать возможности восстановить положение Империи,

начав решительные действия против Иконийского султаната. Целью его похода был город Абидос, откуда римские войска должны были отправиться вдоль долины реки Риндака в глубь страны. Император двинулся в поход, и весь мир получил возможность убедиться в том, *какой стратегический талант кроется в царе.*

По тщательно разработанному плану, на северо-востоке границу сельджуков Иконии атаковали войска Нур ад-Дина и Данишмендида *Якуба Арслана*. Иоанн Контостефан с отрядами Рено Антиохийского и Тороса проникли через Киликийские ворота в Гераклею. Затем он отправился в Иерусалим. А сам василевс с главными силами, куда входили сербские рыцари и крестоносцы-паломники, нанятые на острове Родос, двинулся в сторону Меандра. В это время возвращавшийся из Иерусалима во главе конного отряда рыцарей и армян Иоанн Контостефан внезапно столкнулся с сильной армией сельджуков, состоявшей из 22 тыс. всадников. Не мешкая, византийский полководец напал на нее и разгромил, взяв множество пленных. Так слаженные действия всей христианской коалиции дали прекрасный результат. В целом к концу 1160 г. Мануил I достиг самых блистательных успехов в Малой Азии, Сирии и Палестине за весь период Греко-турецкого противостояния.

Возвращение в столицу было омрачено тем, что императрица Ирина внезапно скончалась от лихорадки. От нее у царя осталась только дочь Мария, другая дочь скончалась еще в младенчестве. Оставшись без супруги и не имея наследника, император в скором времени решил жениться во второй раз. Узнав, что в Антиохии подросли две дочери покойного князя Раймунда де Пуатье, василевс отправил туда акалуфа Василия Каматира, который выбрал для царя одну из них — красавицу *Марию Антиохийскую* (1145—1182). «Это была женщина очень красивая и даже чрезвычайно красивая, — словом, необыкновенная красавица. В сравнении с ней решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногами Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц»⁶¹³.

Соблюдая торжественность церемониала, император отправил в Антиохию пышное посольство, куда вошли самые знатные аристократы и близкие родственники, и Мария была привезена в столицу. В декабре 1161 г. ее привели в храм Святой Софии, где Константинопольский патриарх *Лука Хрисоверг* (1156—1169) венчал их браком с Мануилом I, а голову Марии украсил еще и царским венцом⁶¹⁴.

Пожалуй, это был пик воинских успехов императора Мануила Комнина. Минувшие поражения *сломили* Иконийского султана, поспешившего заключить с ним мир еще летом 1161 г. А весной 1162 г. Кылыдж Аслан II прибыл с пышным посольством в Константинополь, где получил богатые подарки. Важная деталь: протокол встреч был составлен так, как если бы султан являлся *вассалом* Византийского императора. Желая поразить воображение мусульманина, император приказал организовать пышные торжества и даже хотел провести его в храм Святой Софии, против чего категорично высказался Константинопольский патриарх. Когда царь начал несколько легкомысленно настаивать, случилось землетрясение, которое все современники восприняли, как Божий гнев за нечестивые помыслы привести неверного в православный храм. Эта победа на 15 лет обеспечила свободный доступ паломников сухопутным путем в Иерусалим⁶¹⁵.

Впрочем, мир с сельджуками являлся понятием относительным. Хотя сам султан Иконии формально не нарушал требования этого договора, но и втайне поощрял новые набеги туркмен на византийские города, вновь становясь понемногу хозяином положения в Малой Азии. Нейтрализация этого опасного соперника была важна для Византии не только со стороны собственных интересов в данном регионе, но и потому, что через Иконийский султанат проходила дорога на Палестину. Поэтому вся христианская Европа смотрела на войну Византийского царя с султаном как на дело всего христианского общества⁶¹⁶. Естественно, василевс не мог игнорировать общеевропейское мнение и вступил в затяжную кампанию, характерную постоянными уколами соперниками друг друга. Так продолжалось до 1167 г., когда Кылыдж Аслан II заключил союз с Нур ад-Дином (чего всегда опасался Мануил I), после чего соотношение сил резко изменилось в пользу мусульман.

В свою очередь судьба по-своему расправилась с теми, для кого клятва не значила ничего. В ноябре 1160 г. Рено де Шатийон решил по-разбойничьи отбить громадные стада скота, которые турки выгнали в район реки Евфрат на зимние пастбища. Однако на этот раз его ждала неудача. Молочный брат Нур ад-Дина, наместник Алеппо *Маджд ад-Дин* разбил его отряд, а самого Рено взял в плен, где тот провел долгих 16 лет. Впрочем, о нем никто не жалел...

Это событие имело далеко идущие последствия, вновь осложнившие отношения между Константинополем и Иерусалимом. Под давлением баронов Антиохии Балдуин III провозгласил 15-летнего *Бозмунда III Зауку* (1163—1201), сына покойного Раймунда де Пуа-

тье, князем города, не спросив мнения Мануила Комнина. Разумеется, это не могло понравиться Византийскому императору. Однако ссора не переросла в нечто большее благодаря печальному событию: 10 февраля 1163 г. в Бейруте, по дороге из Триполи в Антиохию, внезапно скончался на 33-м году жизни Иерусалимский король Балдуин III, оставивший 16-летнюю вдову; детей у них не было. Даже мусульмане горевали по поводу смерти короля. А когда советники Нур ад-Дина предлагали атабегу напасть на Святой город, пока идет подготовка к похоронам, он ответил: «Не нужно мешать народу оплакивать своего великого вожда»⁶¹⁷.

Преемником покойного Балдуина III стал его брат *Амори I* (1163—1174), 26-летний граф Яффы и Аскалона. Мало уступавший своему предшественнику в уме и образовании и ничуть не отличавшийся от него твердостью характера, он сразу же был вынужден начать войну с армянами, придя на помощь Византии. Князь Торос, в очередной раз предавший императора Мануила Комнина, штурмом взял город Мамистру и перебил византийский гарнизон. Амори благородно предложил василевсу свою помощь, и совместными усилиями они загнали вероломного армянина в горы. Вслед за этим Иерусалимский король задумал реализовать давнюю мечту своего венценосного брата и завладеть Египтом. Совершив необходимые приготовления, Амори обвинил визиря Шавара, традиционно довлевшего над *номинальным* главой Египта халифом *аль-Адидом* (1160—1171), в неуплате дани и в сентябре 1163 г. высадился в Египте. Вместе с армией он пересек Синайскую пустыню, но так удачно начинавшийся поход внезапно прекратил Нил, широко разлившийся в том году и перекрывший все дороги. Крестonosцам пришлось отступить⁶¹⁸.

Тем временем, узнав, что король находится в Египте, Нур ад-Дин напал на почти беззащитный Триполи, и лишь отчаянная просьба графа Раймунда III Триполийского к *Бозмунду III Антиохийскому* (1163—1201), вместо де Шатийона правившему городом, а также случайно выпавшая помощь со стороны двух французских графов, вместе со своими отрядами возвращавшихся из паломничества в Иерусалиме, спасла город. Объединенные силы христиан напали на лагерь ничего не подозревавших турок и совершенно разгромили их, хотя самому Нур ад-Дину удалось скрыться. Атабег был вне себя от ярости: говорят, он дал клятву никогда не ложиться спать в крытом убежище до тех пор, пока не отомстит за ислам и за себя. Нур ад-Дин начал тщательно готовиться к реваншу, для начала совершив ранее невиданное — оплатил своим воинам утраченное имущество и вооружение, а также передав земельные

наделы убитых солдат их семьям, чего до этого никто никогда не делал. Его решимость подчеркивает тот факт, что когда крестоносцы предложили ему перемирие на довольно выгодных условиях, он наотрез отказался⁶¹⁹.

В следующем году Амори Иерусалимский вновь направился с армией в Египет. И тут же Нур ад-Дин, проведав об отсутствии короля, осадил крепость Харек. Но теперь под его рукой были отряды из Ирака и Джазиры, а также масса дервишей — «святых людей» из Сирии и Месопотамии, чтобы держать воинственный дух мусульманских воинов «в тонусе». Владелец крепости Рено де Сен-Валери направил гонцов с криком о помощи в Антиохию и Триполи и даже призвал коварного князя Тороса. Просьба его была услышана, всего собралось около 600 рыцарей и 10 тысяч пехотинцев⁶²⁰.

Узнав о приближении соединенных сил латинян и армян, мудрый атабег решил отступить. Но его осторожности явно не хватало пылкому и молодому Боэмунду III Антиохийскому, потребовавшему от своих товарищей начать преследование мусульманской армии. Последовавшее за тем несчастное для христианского воинства сражение началось 10 августа 1164 г. Атака рыцарей была отбита турками, затем они удачно провели маневр и окружили крестоносцев, которые были либо убиты на месте, либо пленены. Среди пленных значились сам Боэмунд Антиохийский, Раймунд Триполийский и граф *Гуго VIII де Лузиньяк* (1151—1173), отец будущего Иерусалимского короля. Их в цепях доставили в Алеппо, а через 2 дня Харек сдалась. Победа была полной, однако Нур ад-Дин проявил мудрость еще раз и на предложения многочисленных советников захватить Антиохию ответил категорическим отказом. Ему вовсе не хотелось ссориться с могущественным императором Мануилом Комнином. Замечательно, что когда к нему прибыло посольство от Амори с предложением выкупить знатных пленников, атабег легко принял деньги за Боэмунда Антиохийского, вассала Византийского императора, но наотрез отказался выпускать Раймунда Триполийского, вассала Иерусалимского короля⁶²¹.

Впрочем, Амори был не единственным, мечтавшим о Египте. Желая не допустить захвата пилигримами Египта, откликнувшись на призыв Шавара, в апреле 1164 г. Нур ад-Дин отправил на помощь египтянам большой отряд. Возглавлял его опытный военачальник курд *Асад ад-Дин Ширкух*, эмир Хомса (1154—1169), с которым следовал его племянник 26-летний Юсуф, позднее получивший почетное имя *Салах ад-Дин* («Благочестие веры») или *Саладин* (1138—1193), как его величали в Европе. Это был настоящий *рыцарь ислама*, мечтавший восстановить первенство своей религии в мире. Кроткий

и очень снисходительный к слабостям других людей, Саладин был приветливым и прекрасно образованным человеком, хотя вел свою родословную от незнатных периферийных воинов. Саладин очень хорошо разбирался в военном деле и знал все битвы арабов, которые те ранее давали своим врагам. Но в мирные дни его можно было увидеть рядом с больными, которых вельможа утешал, и с сиротами⁶²².

Увидев этот цветущий край, Ширкух проникся тайной мечтой овладеть страной — как вассал Нур ад-Дина или даже самостоятельно — не суть. Правда, сам атабег не проявлял большого интереса к этой затее, и тогда Ширкух ловко разыграл тонкую комбинацию: втайне уведомил Багдадского халифа о том, что его клятый враг Фатимидский халиф может быть без труда низложен. И халиф не удержался от соблазна и приказал Нур ад-Дину направить в Африку армию под командованием хитрого курда. В ответ Шавар позвал на помощь Иерусалимского короля. Поразительно быстрая смена декораций!

Тот немедленно откликнулся на зов — все в королевстве понимали, *какая опасность угрожает латинским владениям, если сирийцы завладеют Египтом*, и в январе 1167 г. крестоносцы двинулись в поход. Некоторое время стороны маневрировали, но, наконец, 18 марта 1167 г. у Ашмунейна состоялось генеральное сражение, закончившееся страшным разгромом пилигримов и их союзников египтян. Король Амори и Шавар бежали, зато многие их соплеменники нашли свою могилу на поле боя⁶²³.

Оттуда Ширкух направился к Александрии, которую быстро захватил, а Амори вместе с Шаваром в это же время в Каире занимались организацией новой армии — благо, к ним прибыли пополнения из Палестины. Но едва удача начала улыбаться Иерусалимскому королю — ему удалось осадить армию Саладина в Александрии, как поступили известия о том, что Нур ад-Дин напал на Бейрут, Триполи и Трансиорданию. Пришлось возвращаться обратно, заключив предварительно мирный договор с Ширкухом. И тот тоже не стал рисковать, а потому вместе с племянником 10 августа 1167 г. отправился обратно в Дамаск с богатой добычей и отступными, полученными от короля Амори I.

Но уже зимой следующего года Ширкух повторил попытку, и на этот раз удачно. 8 января 1169 г. он вошел с войском в Каир, был принят халифом в его резиденции и назначен визирем вместо умерщвленного Шавара. Правда, новый правитель Египта недолго наслаждался славой: 23 марта того же года он умер от переедания,

и теперь визирем стал его племянник Саладин, доблесть, честность и отвагу которого *уже* уважали даже враги⁶²⁴.

Надо сказать, что еще 26 марта 1169 г., вступая в должность, Саладин продемонстрировал глубокую веру и железную волю, публично раскаявшись в винопитии и обещав никогда более не употреблять запрещенный Аллахом напиток. Он был призван во дворец халифа, где тот даровал Саладину титул «аль-Малик ан насер» («победоносный князь»), а также отличительные регалии визиря. Правда, не все радовались торжеству суннита, и осенью того же года группа египетских эмиров попыталась физически устранить его, но безуспешно. Впрочем, в скором времени симпатии местного населения изменились, особенно после того, как Саладин продемонстрировал полководческий талант и с блеском отбил очередную попытку крестоносцев и византийцев вторгнуться в Египет, нанеся им тяжелое поражение осенью 1169 г. при Думьате. Дело закончилось тем, что в декабре 1170 г. император Мануил Комнин заключил с Саладином мирный договор⁶²⁵.

Но при всех успехах Саладин все еще оставался вассалом атабега. А последовательное укрепление власти Нур ад-Дина в Африке заставляло сжиматься от страха сердца иерусалимцев. Им было очевидно, что если правитель Северной Сирии станет еще и правителем Египта, Святой город окажется в кольце. Поэтому в 1171 г. король Амори отправился в Константинополь просить помощи у Мануила Комнина — вероятно, он еще не знал о мирном договоре византийцев с Саладином. Его встретили самым блестящим образом, была обещана самая серьезная поддержка, но... чуть позже. По крайней мере, король уехал ободренный, хотя был вынужден признать, что тучи над Иерусалимом не рассеялись.

Между тем императора было нетрудно понять. Его главный враг султан Иконии Кылыдж Аслан II по-прежнему представлял собой очевидную и явную угрозу. Но даже это было полбеды, хуже всего то, что *тайные* союзнические отношения между Германским королем и турками с годами лишь укреплялись. Этот факт очень скоро подтвердил один любопытный эпизод, носивший уже *публичный* характер. В самом начале 1172 г. уже знакомый нам Саксонский герцог Генрих Лев решил начать *свой* Крестовый поход. С весьма многочисленным отрядом воинов, в окружении епископов, графов и оруженосцев он отплыл в Сирию, рассчитывая совершить что-нибудь героическое. Однако помощь тамплиеров и Иерусалимского короля, на которую он рассчитывал, не подошла: пилигримы, имея опыт жизни среди турок, не желали рисковать понапрасну. Поэтому весь свой религиозный пыл Генрих Лев израсходовал на денежные

пособия крестоносцам, а сам направился в обратный путь через Антиохию в Малую Азию, где его радужно встретил... султан Кылыж Аслан II (!) ⁶²⁶.

Пока внимание византийцев и пилигримов было обращено в сторону Иконии, отношения между Нур ад-Дином и Саладином резко ухудшились. Всего за несколько лет Саладин стал фактически независимым правителем Египта, лишь *формально* подчиняясь Нур ад-Дину. Встревоженный столь быстрым ростом могущества своего военачальника, атабег потребовал от того прекратить халифат Фатимидов, ссылаясь на соответствующие поручения суннитского халифа из Багдада. Для получения руководящих указаний Саладину предписывалось прибыть в ставку атабега, от чего, впрочем, курд тонко уклонился.

Разгадка его поведения проста: Саладин был легитимным визирем лишь при *живом* халифе аль-Адиде, с его смертью все могло стать иначе. Кроме того, Саладин вовсе не собирался по примеру разбойников грабить этот цветущий край, он хотел стать его *повелителем*. А в таких условиях было полным безумием ссориться с населением Египта, в массе своем шиитском, открыто свергнув их халифа. Однако все разрешилось само собой. 13 сентября 1171 г. халиф аль-Адид скончался *естественной* смертью, и теперь уже никто не мог упрекнуть Саладина в узурпации власти. Курд стал *единственным* легитимным правителем этой страны, население которой, уставшее от междоусобицы эмиров и политических нестроений, боготворило его. Глупо было не воспользоваться такой счастливой возможностью. И Саладин немедленно приказал улему провозглашать на пятничных молитвах имя Багдадского халифа *аль-Мустади* (1170—1180), что означало лишь одно — с этого дня Египет признал над собой духовную власть Аббасидов. Теперь Саладин мог рассчитывать на самую широкую поддержку Багдада в случае прямого противостояния с Нур ад-Дином.

Это был очередной ловкий ход, позволяющий и выполнить, и не выполнить до конца приказ формального сеньора Саладина Нур ад-Дина, могущество которого только приумножалось со временем. В 1171 г. Нур ад-Дин вошел в Мосул и поставил его правителем *Сайф-ад-Дина Зенги* (1170—1179), после чего его имя стали произносить во время пятничной молитвы. Затем Нур ад-Дин потребовал от Кылыдж Аслана объединить усилия и напасть на Антиохию, но турок, опасавшийся войны с Византией, не захотел рисковать. Но летом 1173 г. атабег напал на него и нанес поражение, после чего султан Иконии обещал тому расторгнуть мирный договор с Кон-

стантинополем и вести войну с Византией. Этот год стал самым блистательным для Нур ад-Дина. Атабег обоснованно гордился плодами своих рук: теперь ему были подвластны Ассирия, Месопотамия, Сирия и Египет. Эмиры этих областей поклялись ему в верности, а правители Каппадокии и Киликии признали свое подчинение ему.

В том же году атабег намеревался одним массированным ударом завоевать Иерусалим и Антиохию, а также присоединить к своим владениям Иконийский султанат. Уже были разосланы гонцы, чтобы собрать воинов к назначенному часу в сборные пункты, как пришло известие о том, что 23 мая 1174 г. Нур ад-Дин скончался. В такой ситуации халифу аль-Мустади, вздохнувшему облегченно, ничего уже не помешало признать курда султаном Египта⁶²⁷.

Со смертью могущественного Нур ад-Дина политическая карта Востока резко изменилась. Его государство распалось, хотя формально наследником стал 11-летний сын Малик *ас-Салих Исмаил*, живущий в Дамаске. Очевидно, что мальчик никак не мог править самостоятельно, и уже в скором времени стал игрушкой в руках знатных эмиров. По не очень умному совету одного из подданных он перенес столицу из Дамаска в Алеппо, после чего порвалась связь между двумя частями провинции. А Месопотамией тотчас завладел атабег Амира *Сайф-ад-Дин* (1170—1180), сын *Кутб ад-Дина Мосульского*.

В такой ситуации Саладин, уже осознающий свой долг перед миром ислама, решил стать его объединителем. Для чего, разумеется, нужно было подчинить себе бывшие территории покойного Нур ад-Дина. Собрав армию в Африке, он двинулся в путь. Об этом, конечно же, стало известно сирийским эмирам, летом 1174 г. попытавшимся организовать сопротивление. Увы, они опоздали. В октябре 1174 г. Саладин был уже на пути к Дамаску с отрядом в 7 тысяч всадников. Ас-Салих бежал, а султан Египта без труда овладел Дамаском⁶²⁸.

В 1175 г. Саладину пришлось выдержать несколько сражений с Сайф ад-Дином и его союзниками. История этого краткого противостояния не лишена некоторых важных деталей, демонстрирующих в полной мере *личность* того человека, с которым вскоре придется столкнуться не только Иерусалиму, но и всей Европе. Когда Сайф ад-Дин отправил своих воинов на войну с Саладином, те были настолько уверены в своей победе, что насмехались над ним и обзывали «псом, напавшим на своего хозяина». Напротив, правитель Египта был хрестоматийно смиренен, и вполне обоснованно. Воинское счастье было на стороне курда, и армия Зенгида бежала с поля брани.

В результате Саладин захватил огромное количество пленных, коней, верблюдов и оружия. Примечательно, что, когда враг дрогнул и побежал, султан сбросил шлем и громко крикнул своим воинам: «Не убивайте никого, они — наши братья!» Затем, снабдив пленных продовольствием и конями, отправил их с миром. Эти его действия принесли ему широкую известность среди мусульман.

Когда весть о столь грандиозном поражении достигла Алеппо, Сайф ад-Дин отправил послов к князю Боэмунду III Антиохийскому с просьбой о помощи. В качестве доброй воли атабег Алеппо согласился за выкуп выпустить за свободу многих знатных латинян, в том числе графа Раймунда III Триполийского, Рено де Шатийона и других. Совокупно с крестоносцами Сайф ад-Дин собрал новое войско — как говорят, до 60 тысяч солдат. Но хотя у Саладина было всего 12 тысяч воинов, он вновь одержал блестящую победу. Сайф ад-Дин оказался в одиночестве. В смятении он бежал и с большим трудом добрался на верблюде до Мосула⁶²⁹.

А Саладин продолжал утужить страну, то мечом, то уговорами заставляя признать свою власть. Лишь в 1176 г. султан вернулся в Каир после 2-летнего отсутствия. Оппозиция была разгромлена, оставалось решить вопрос *дипломатически*. Не желая проливать кровь единоверцев, курд воспользовался старым, как мир, средством и в июле 1176 г. женился на вдове покойного Нур ад-Дина, выступив в качестве преемника атабега. Теперь он стал властителем громадной империи, объединившей Сирию и Египет⁶³⁰.

Пока Саладин укреплял свою власть в Египте и в Сирии, случилось очередное несчастное для пилигримов событие — в 1174 г. от дизентерии скончался Амори I, которому едва исполнилось 38 лет. И теперь наследником престола стал его сын юный *Балдуин IV* (1174—1185). Мальчик с детства отличался весьма добрым характером и благородством и в любом ином случае мог рассчитывать на счастливое правление. Беда, однако, заключалась в том, что уже с ранних лет врачи заметили в нем признаки *проказы* — страшной и мучительной болезни. Тем не менее Коронный совет признал его королем Иерусалима, и 13-летний монарх был венчан на правление в июле 1174 г. К сожалению, период полового созревания лишь усилил действие болезни, и вскоре проказа сделала короля настоящим инвалидом⁶³¹.

Внешние угрозы, недавние обидные поражения и болезнь короля серьезно осложнили положение Иерусалимского королевства. Но тут внезапно к ним пришло мощное подкрепление в лице отряда рыцарей под командованием графа *Филиппа Эльзасского* (1168—1191) —

луч света в темном царстве. Правда, Филипп оставался совершенно равнодушным к планам войны в Египте, зато сам в одиночку направился в Сирию, где рассчитывал иметь успех. В результате Палестина оказалась незащищенной, чем и воспользовался Саладин. Он осадил Аскалону, где во главе 500 рыцарей находился король Балдуин IV, а затем направился к Иерусалиму. Однако на этот раз слепая удача, минуя все законы логики, перебежала на сторону латинян.

25 ноября возле горы Монжизаре латиняне, усиленные отрядом рыцарей-тамплиеров под командованием Великого магистра *Одо де Сент-Амана* (1171—1179), обрушились на колонну турок, не подозревавших об опасности. Мусульмане были *смяты* ударом бронированного кулака рыцарской конницы, и лишь ночь оставила им надежду на спасение. Поражение Саладина было полнейшее, хотя и христиане понесли большие потери — более 1 тысячи убитых и 750 раненых. После этого между противниками был заключен 2-летний мирный договор⁶³².

Опасность нависла не только над государствами пилигримов, но и над Византией. Когда султан Кылыдж-Аслан II узнал о кончине Нур ад-Дина, он тут же почти без усилий завладел областями Себастией, Неокесарией, Команой, а также другими городами и крепостями Каппадокии. Так закончился век эмиров Данишмендидов, последний из которых, *Малик Зу-н-Нун* (1168—1174), нашел убежище в Константинополе⁶³³.

Теперь угрозы безопасности Византийской империи стали очень явственны. Поразмыслив, Мануил I Комнин принял стратегически правильное решение разгромить Иконийский султанат одним коротким, но мощным ударом, подумывая о том, чтобы в случае успеха восстановить затем свои позиции в Египте и Палестине. В 1176 г. он отправился в поход, предупредив Английского короля Генриха II, что намерен окончательно ликвидировать турецкую угрозу. Император надеялся на помощь Запада и отвлекающие удары по Египту и Неокесарии со стороны правителей крестоносных государств. Почувствовав опасность, Кылыдж Аслан II попытался затеять переговоры, но василевс, имея все основания рассчитывать на успех, отклонил эту инициативу.

Действительно, поход был организован тщательно и со знанием дела. Ранней весной 1176 г. в Малую Азию начался подвоз продовольствия и сбор вспомогательных отрядов, куда вошли, между прочим, венгры, сербы и половцы. Андроник Ватац должен был со своим войском отвлечь Кылыдж Аслана II от главного маневра византийцев. Но, к несчастью, поход сразу не задался. Во-первых,

серьезных подкреплений от западных монархов византийцы не дождались; только антиохийцы выставили отряд рыцарей. А, вторых, сербы и венгры шли так медленно на соединение с византийцами, что пропустили самые удобные для похода весенние месяцы и тронулись в путь уже в пору летней жары⁶³⁴. Не обладая большими талантами, Ватац в начале сентября 1176 г. был разгромлен турками, и голова незадачливого полководца отправлена в Константинополь в качестве страшного «подарка»⁶³⁵.

Тем временем император двигался с основным войском по горной дороге, какую уже однажды использовал в далеком 1146 г. Василевс не учел, что пересеченная местность не позволит его армии совершить стремительный маневр, а тяжелогруженный обоз станет тем камнем, который потянет ее на дно. Напротив, султан Иконии разумно приказал своим воинам избегать сражения, беспокоя колонны христианских воинов с флангов и тыла, а также применяя принцип «выжженной земли». И пока византийцы вместе с союзниками преодолевали горные переправы, сам Кылыдж Аслан находился в труднодоступных местах.

Со своими Рум-сельджуками он занял единственный проход, устроив византийцам засаду. Хотя разведчики предупредили Мануила I об этом, тот решил, понадеявшись на былую удачу, стремительным ударом снести мусульманские полки — увы, ошибки свойственны и великим полководцам. В результате битва у Мириокефалоне сложилась очень неудачно для христиан. 17 сентября 1176 г., как только авангард прошел засаду, Кылыдж Аслан II ударил по основным отрядам, состоявшим из отборных римских воинов. Правым флангом командовал юный *Балдуин III*, брат императрицы Марии, убитый в первые минуты боя, после чего рассчитывать на антиохийцев уже было невозможно. Обоз, тянувшийся сзади, не позволил воинам арьергарда подойти на помощь своим товарищам. Турки легко расстреливали сверху византийцев и латинян, и лишь немногие воины, сумевшие взобраться на горные кручи, имели возможность погибнуть хотя бы с мечом в руках, а не как жертвенное животное. Уже немолодой василевс и здесь продемонстрировал чудеса храбрости. Турецкий отряд окружил его, но он отбивался и сумел вырваться из смертельных объятий. Все его тело было в крови, шлем разбит, в щит императора вонзилось не менее 30 стрел, а он продолжал сражаться⁶³⁶.

Возможно, поражение могло превратиться в *катастрофу*, но внезапно налетела буря, помешавшая сражению. Используя передышку, император восстановил дисциплину и порядок, но турки

уже ушли с позиций. Аслан решил не рисковать. Правда, всю ночь византийцы были вынуждены отбиваться от конных турецких разъездов, но до серьезных столкновений больше не дошло⁶³⁷.

Ночью император отправил посланника к султану с предложением мира. И тот тотчас согласился в обмен на города Дорилею и Силлиум; император подписал договор. Но коварные турки и не думали выполнять его условия. Когда византийцы снялись с лагеря, туркмены со всех сторон начали нападать и уничтожать их. Император потребовал от сопровождавших его эмиров Кылыдж Аслана объяснений по поводу происходящего, на что те, как обычно, отвечали: «Туркмены от нас независимы». Тогда император устроил засаду и перебил один сильный отряд азиатов. Возвратившись в Константинополь, император отправил султану, как это было предусмотрено договором, большое количество золота, зато получил обратно крест, в который был вделан кусочек Животворного Древа. Таким был конец злополучного похода Византийского императора⁶³⁸.

Первым отзывом Запада на поражение византийцев при Мориокефалоне было не сочувствие, а *ультиматум*. Не проронив ни слезинки по погибшим христианам, среди которых были и рыцари Антиохии, Фридрих Барбаросса направил Мануила I Комнину письмо, в котором напрямую заявлял, что он *единственный наследник* престола древних Римских царей, а потому должен управлять не только Римской империей, но и *Греческим королевством*. В этой связи король потребовал от василевса признать свое главенство, подчиниться авторитету Римского епископа и впредь соотносить свои действия с ним, как своим сеньором⁶³⁹. По счастью для Византии, в этом же году Германский король потерпел поражение от папы при Леньяно, поэтому ультиматум остался пустым звуком.

Впрочем, пилигримы Иерусалима мыслили иначе. Уже зимой с 1176 на 1177 г. в Константинополь прибыл уже известный нам по предыдущему повествованию Рено де Шатийон. Выйдя через 16 лет из темницы, он убедился в том, что Антиохия ему уже недоступна и удовлетворился женитьбой на Стефании Милии, правительнице Трансиордании, принесшей ему титул сеньора Керака и Монреала. От имени латинских правителей Палестины Рено просил Мануила о помощи в виде морского флота для совместных действий против мусульман, и император согласился. Взамен крестоносцы обязались признать протекторат Византии над Иерусалимом и ввести в городе должность православного патриарха.

В конце лета 1177 г. вновь началась война с турками. Одна турецкая армия осадила Вифинский Клавдиополь, но была разби-

та Мануилом Комнином, в очередной раз возглавившим римское войско. Вторая турецкая армия численностью до 24 тыс. человек дошла до Эгейского моря, но на обратном пути была разгромлена византийским полководцем Иоанном Комнином Ватацем. После этого султан Кылыдж Аслан II поспешил заключить мир на условиях, приемлемых для византийцев⁶⁴⁰.

Тем не менее минувшее поражение при Мириокефалоне настолько довлекло над василевсом, что, по свидетельству современников, никто более не видел его смеющимся или даже улыбающимся. «Постоянное живое представление событий так мучило его, что не оставляло места ни душевному покою, ни обычной умственной ясности»⁶⁴¹.

Что же касается остальных участников этих исторических событий, то уже в 1179 г. Саладин решил взять реванш за поражение при Монжизаре. Весной этого же года он нанес тяжелое поражение тамплиерам близ замка Брод Иакова, причем взял в плен самого Великого магистра Одо де Сент-Амана и 270 рыцарей. А в конце августа 1179 г. овладел самим замком, слолив упорное сопротивление гарнизона. Добившись блистательных побед, Саладин заключил с пилигримами 2-летнее перемирие, а сам занялся обустройством собственной империи⁶⁴². Собрав все наличные силы, в 1180 г. он вынудил армянского правителя Киликии Рубена III заключить договор о ненападении, тем самым нейтрализовав армянских христиан. В 1181 г. с Саладином заключили мирный договор и византийцы, подчеркнув тем самым свою политику нейтралитета в Леванте.

На время Иерусалимское королевство могло быть спокойным. Но небезызвестный нам Рено де Шатийон вновь поставил его на грань катастрофы, спровоцировав новую войну. В 1181 г. француз поселился в замке Крак с группой самых отчаянных головорезов, делая набеги на земли Саладина и совершенно не желая слышать ни о каких перемириях с легендарным султаном. Разумеется, это привело лишь к тому, что Саладин, для которого де Шатийон являлся представителем Иерусалимской элиты, начал стягивать все наличные силы вокруг королевства, час падения которого был уже близок. Для начала Саладин разгромил отряды Рено. В страхе пилигримы ввели специальный налог для войны с турками, но это было уже малоэффективно.

В довершение всех бед король Балдуин IV уже завершал свой земной век, передав управление королевством своему зятю *Гвидо де Лузиньяку*, с отцом которого мы познакомились чуть раньше. Однако многие вельможи были крайне недовольны тем, что власть сама

идет в руки этому рыцарю, а потому постоянно интриговали против графа. Удивительно, но даже собственная супруга Гвидо принцесса *Сибилла* интриговала против него, надеясь короновать своего сына Балдуина, рожденного в 1171 г. ею от первого брака с графом *Вильгельмом Монферратским* (1135—1177). В конце концов король согласился, совершенно отстранил зятя от власти и 20 ноября 1183 г. короновал 5-летнего племянника *Балдуина V* (1183—1186) монаршим венцом. Но поскольку мальчик не мог управлять государством, регентом к нему был назначен князь Раймунд III Триполиийский, который обязался по достижении тем 15-летнего возраста добровольно сложить с себя власть.

Оскорбленный Гвидо отделился и с группой сторонников занял автономную позицию. Весной 1184 г. несчастный Балдуин IV скончался, а Раймунд Триполиийский лишь за унижительную дань в 60 тысяч золотых монет смог купить у Саладина перемирие⁶⁴³. В свою очередь, это вызвало недовольство в Багдаде. Вынужденный объясняться перед халифом, султан пояснил, что не может в данную минуту одновременно бороться и с Кылыдж Асланом, и латинянами⁶⁴⁴.

В целом, говоря об успехах византийского оружия в Палестине, Сирии и Малой Азии, можно сказать, что Мануил I Комнин выполнил то обещание, которое когда-то на заре юности дал византийцам. При всех перипетиях того сложного века он не утратил *ничего* из того, что ему передал отец, а приумножил римские владения. Несмотря на многочисленные попытки турок стеснить Византию, грекам удалось отбить все их атаки и укрепиться на тех землях, которые являлись для них стратегически важными.

Глава 7. Царь — богослов, ученый и канонист

Император по праву считался *главой Восточной церкви* и одним из выдающихся богословов своего времени, многократно подтверждая свою высочайшую квалификацию. Это, по словам Евстафия, митрополита Фессалоникийского, был «философ, искатель истины, искусный музыкант». Далеко не опрометчиво Мануил I принимался за обсуждение сложнейших богословских вопросов. Часто ставил вопрос в одной редакции, затем менял ее, чтобы точнее узнать мнение епископов, и вдруг неожиданно менял оценки. «Неотразимая сила убедительности доводов государя склоняла на его сторону и мысли

слушателей. Эти последние один за другим не только соглашались с ним, но и все наконец одобряли его сторону. Обсуждение, по-видимому, заканчивалось, цель собрания казалась достигнутой. Но тут император возвращался еще раз к решению того же вопроса, оставлял неожиданно свою и вместе общую точку зрения и снова принимал другую сторону, снова взвешивал представленные доказательства, строго разграничивал кажущееся от истинного, приносил нечто новое там, где вопрос казался решенным, и опять, в конце концов, с принудительной силой убедительности торжествовал победу». *Не было ни одного случая*, чтобы после того, как василевс высказал свое мнение по обсуждаемому вопросу, кто-нибудь мог придумать нечто лучшее⁶⁴⁵.

Уже в самом начале своего правления василевс столкнулся с очередной ересью, возникшей в столице. Некий диакон по имени Василий учил в храме Св. Иоанна Богослова, что Сын Божий является и Жертвой, и вместе с Отцом приемлет Ее. Против него тотчас ополчились многие клирики, во главе которых встал предстоятель Антиохийского патриархата Сотирих Пантевгенос — пока Антиохия находилась в руках крестоносцев, все предстоятели этой великой кафедры проживали в Константинополе. Сотирих обратился с жалобой на имя Мануила I Комнина, царь *изучил дело*, признал Василия ересиархом и приказал низвергнуть его из сана⁶⁴⁶.

Затем Восточную церковь посетила другая ересь, жертвой которой стал даже патриарх *Косьма II Амтик* (1146—1147). В то время в Константинополе проживал монах Нифонт, которому принадлежали очень сомнительные с точки зрения православия тезисы. Его голос оказался услышанным, и патриарх Михаил Куркуас дважды собирал синоды для обличения его еретических слов — в октябре 1144 г. и феврале 1145 г. Ересиарх был осужден, лишен бороды и посажен в тюрьму. Но когда после смерти Куркуаса престол занял Косьма II, не оставшийся безучастным к судьбе понравившегося ему «богослова», Нифонта патриаршим распоряжением внезапно выпустили из тюрьмы и предоставили полную свободу миссионерствовать. Патриарх часто приглашал его к себе и проводил время в длительных и приятных беседах. Дошло до того, что многие епископы напрямую потребовали от своего предстоятеля прекратить покровительствовать ересиарху, но Косьма остался безучастным.

Обратились к императору — и приказом Мануила I Комнина, который еще сражался на Востоке, Нифонта вновь поместили в тюрьму. Патриарх не вынес такого поворота событий и предпринял меры по вызволению своего любимца. Возникла настоящая

смута, закончившаяся только после прибытия василевса в столицу. Несмотря на молодость, император был хорошо подготовлен в богословии, а потому ему не составило труда оценить весь вред, который в себе несло «учение» Нифонта. Он немедленно объявил о созыве Собора во Влахернском дворце, и в феврале 1147 г. Косьма II Атик был низложен⁶⁴⁷.

Правда, по другой версии, патриарх был *оклеветан архиереями*, недовольными его скромностью, сострадательностью и благочестием. Они сообщили царю, будто Косьма Атик пытается поставить на царство Исаака Комнина, брата василевса. В сердцах столичный архипастырь произнес заклятие, что царица Ирина не будет иметь детей мужского пола, чем ввел императора в ярость. Участь патриарха после этого была решена⁶⁴⁸.

Затем в Константинополе разгорелся спор, инициированный книгой некоего Димитрия «О славе Христовой». Ознакомившись с данным сочинением, император нашел его неправославным, но к этому времени Димитрий уже был поддержан многими архиереями. Образовалось *пять партий* (!), каждая из которых по-своему интерпретировала изречение Христа: «Отец более Меня есть» (Ин. 14, 28). Император возглавил одну из них, самую малочисленную, и терпеливо беседовал с оппонентами. Даже патриарх *Лука Хрисоверг* (1156—1169) не осмелился в такой ситуации высказаться определенно и лишь один император твердо стоял на своей позиции: сочинение Димитрия — *ересь*. Примечательно, что его противники так рассуждали о царе: «Ведь если не теперь, то после смерти, — там он будет непременно предан анафеме»⁶⁴⁹. На заседания открытого в Константинополе в 1166 г. Собора император принес множество богословских книг, в которых, по его мнению, раскрывался спорный вопрос. В ходе заседаний многие архиереи оставили свою точку зрения, и в заключение все сошлись на том, что император *лучше их* понимает смысл Священного Писания⁶⁵⁰.

Никакого тщеславия и самолюбия в действиях императора, конечно, не было. На нем лежал долг ответственности за чистоту православия, и василевс делал все зависящее от себя, чтобы никакое пятно не легло на учение Христа. Примечателен следующий эпизод, случившийся в ходе 6-летнего (!) разбирательства этого вопроса. Перед очередным заседанием ему доложили, что у царицы Марии случился выкидыш, он пал ниц перед архиереями со следующими словами: «Святые отцы! Сейчас пришло ко мне известие с женской половины, что выкинут младенец мужского пола — величайшая моя надежда; прошу вашу святость, вознесите молитву к Богу, вознеси-

те, умоляю вас. Если я неправильно подвизался в этой священной борьбе, то да не созреет и после мое семя того или другого пола. А если мой образ мыслей благоугоден Богу — надежда моя исполнится не в продолжительное время»⁶⁵¹. Как известно, долгожданный сын Алексей родился, и царь утвердился в мыслях о верности выбранного им пути руководить Восточной церковью.

Близко развивались события и в другом богословском споре, о «боге Магометове», который возник уже под конец жизни Римского самодержца и завершился в мае 1180 г. Интересно, что инициатором диспута стал сам император Мануил I Комнин. По его требованию был созван новый Собор, на котором василевс так объяснял побудившие его причины: «Я был бы неблагодарен и безрассуден, если бы не воздал моему Владыке и Царю всяческих — Богу хоть самую малую часть за все те благодеяния, которые я от Него получил, употребив со своей стороны все старания для того, чтобы Его, истинного Бога, не подвергали анафеме».

Царь полагал, что всякая вообще хула на Бога является великим соблазном для мусульман, переходящих в христианство. Тем не менее Собор отверг требование царя изменить спорную формулу, включенную уже в богослужебные книги. Но разве это могло остановить василевса? Он многократно приглашал к себе архиереев и самого патриарха, обещал вызвать для выяснения истины Римского папу и победил. Император созвал новый Собор, который в конце концов принял «соломоново» решение и предал анафеме не бога Магомета, а его самого⁶⁵².

Любая мелочь и нестроение в Церкви немедленно попадали в поле зрения императора Мануила I Комнина. И, выросший на полях сражений, он не боялся принять решение по самому сложному вопросу, даже если речь шла о такой величественной фигуре, как Константинопольский патриарх. В 1147 г. столичным архипастырем по инициативе группы клириков был избран *Николай Музалон* (1147—1151), до этого занимавший архиерейскую кафедру на Кипре и добровольно оставивший ее незадолго до своей новой хиротонии. Но вскоре многие епископы обвинили патриарха в незаконном занятии столичной кафедры. Они справедливо отмечали, что, оставив прежнюю архиерейскую кафедру, Николай Музалон тем самым сложил с себя и священство. Естественно, пришлось вмешаться василевсу, который нашел доводы епископов обоснованными. Патриарх упорствовал, но, когда узнал, что царь уже назначил Собор для рассмотрения его вопроса, добровольно сложил с себя сан и удалился на покой, проведя остаток жизни частным человеком.

Вместо него патриархом столицы был назначен волей императора игумен монастыря Св. Анастасии *Феодот* (1151—1153)⁶⁵³.

Вообще надо сказать, что деятельность василевса на церковном поприще была чрезвычайно многообразна и покоилась на твердых разумных основаниях. Когда возникала необходимость, император отзывал льготы, ранее предоставленные церковным учреждениям в ущерб «общему благу» Римского государства. Но если замечал, что какие-то законы или обстоятельства жизни мешают Церкви нормально существовать, действовал столь же решительно и умело. Например, в 1148 г. император издал новеллу о привилегиях имущества, закрепленного за храмом Святой Софии, а также различных митрополий, архиепископий и епископий. Текст ее чрезвычайно интересен: «Этим хрисовулом утверждается и постановляется в безопасность всякий документ, принадлежащий церквям, состоящим под управлением епископов, и самой первой среди них Софийской, документ на недвижимое имущество их, в чем бы они ни состояли, где бы ни находились. А все, что есть в хрисовулах различных императоров, или грамотах, или в простых повелениях и актах не-твердого и в чем-нибудь не имеющего точной и должной сообразности с законами, теперь все это исправляется, и на будущее время определяется, чтобы от этого не было для всех указанных церквей никаких препонов во все века».

В 1153 г. в силу необходимости василевс издал второй специальный эдикт, касающийся имущества храма Святой Софии, в котором закрепил права на все недвижимые имущества, включая спорные, каким она владеет. В заключение Мануил I добавил: «Хотя бы здесь жили или ремесленники, хотя бы в каком-нибудь из них построены укрепления, хотя бы находилось в них и что-либо другое, принадлежащее казне». Этим же документом все имущество Софийской церкви освобождалось от каких-либо податей⁶⁵⁴.

В 1158 г. царь *запретил судебные споры* с монастырями, расположенными близ Константинополя, относительно тех земельных приобретений, которые те получили в прошлое время. «Вследствие сего теперь не увидишь ни одного монаха у дверей судилища, так как не представляется повода вести с ними тяжбу в суде», — писал летописец⁶⁵⁵. Затем, проявляя заботу и оказывая высокое покровительство священству, одной из своих новелл император вообще освободил их от податей (как личных, так и на имущество) иереев.

Но он же восстановил старую новеллу императора св. Никифора II Фоки 964 г. о церковном имуществе⁶⁵⁶. В своем законе Мануил I много рассуждал о духовных болезнях, поражающих совре-

менные ему монастыри, приводил примеры скромности Святых Отцов Египта и Палестины и, в конце концов, вообще запретил отчуждение недвижимого имущества монастырям. Копируя закон св. Никифора II Фоки, император не разрешал более создавать новые монастыри в населенных местностях, допуская строительство исключительно в пустынях. Мысль его была ясна и понятна — возможности государственной казны не соответствовали тем убыткам, которые приносило льготное налогообложение монастырского имущества. В близком кругу он не переставал упрекать покойных деда и отца за то, что они, построив множество монастырей, приписали к ним многие десятины плодородных земель, чем почти разорили государственную казну. Как говорил сам царь Мануил I Комнин, «хорошее дело они сделали нехорошо»⁶⁵⁷.

Император много сделал и в социальной политике. Его усилиями были восстановлены стены Константинополя и устроен громадный бассейн, должный восполнить недостаток города в воде. Он же запретил законом переводить в разряд рабов свободных граждан, даже если бы в основе этого поступка и лежала их воля.

Мануил вовсе не был «солдафоном». Например, он охотно читал в свободное время художественные сочинения — особенно он любил Гомера. Его называли «*науколюбивейшим царем*», и это не было лестью. Кроме того, василевс серьезно увлекался медициной и даже писал хирургические трактаты. В Константинополе его усилиями была создана больница, где попутно велось преподавание хирургии по работам древних авторов. Кроме того, в столице действовала сеть аптек, в которых можно было *бесплатно* (!) получить медикаменты и лекарства⁶⁵⁸. Он сам оказался превосходным врачом и изобрел множество мазей, лекарственных жидкостей и целебных составов⁶⁵⁹.

Не был чужд император и обычной традиции Римских царей — писать каноны и богослужебные тексты. Так, его перу принадлежат несколько красноречивых проповедей и «огласительных слов», *селений*, которые Мануил I любил читать вслух. Со временем он очень увлекся толкованием на Священное Писание и сочинения Отцов Церкви и, многократно беседуя с епископами, пытался понять смысл догматов⁶⁶⁰.

С его именем связано несколько интересных новелл, свидетельствующих о желании василевса устранить некоторые шероховатости в законах и развить те идеи, которые казались ему правильными. В частности, подправляя новеллу императора Константина VII Багрянородного, согласно которой умышленные убийцы, нашедшие убежище в храме, подлежали пострижению в монашество, импе-

ратор внес существенные уточнения. В своей новелле 1166 г. он заметил, что такое пострижение должно быть совершаемо не без испытания, с особой строгостью и осмотрительностью, чтобы оно происходило согласно каноническим постановлениям в течение достаточного времени. Далее он устанавливал, каким образом должен действовать святейший патриарх, если убийца ищет убежища в храме, и как прилагать к нему церковные наказания⁶⁶¹.

В том же 1166 г. патриарх и синод направили проект своего определения по вопросу о браках между родственниками седьмой степени родства. Оценив доводы епископов, а они высказались категорично против таких брачных союзов, василевс отмечает: «*Оберегая право нашего царства*, патриарх и синод представили свое определение и пожелали узнать, согласно ли оно с нашим мнением». Царь согласился с определением и придал ему силу закона⁶⁶².

А в 1164 или 1166 гг. вышел знаменитый царский указ о церковных праздниках. Привыкший к трудолюбию, порядку и дисциплине, император заметил, что многие судебские чиновники, пользуясь обилием церковных праздников, в будние дни не приходят на службу. Тогда василевс разделил своей новеллой все праздники на «большие» и «малые» и повелел, чтобы свободными от судопроизводства были установлены только дни «больших» праздников. К ним он отнес кроме праздников Господних, Богородичных и Предтечи дни памяти всех апостолов и самых известных святых: св. Иоанна Златоуста, св. Афанасия Великого, св. Кирилла Александрийского. Примечательна скромность императора — он не включил в число «больших» праздников день своего рождения и день восшествия на престол, сказав, что сам в эти дни будет трудиться, чего желает и другим⁶⁶³.

Радея о церковном мире, в 1170 г. император инициировал дело об унии между Восточной и Армянской церквями. Их разделяли не только политические разногласия правителей, но и Халкидонский орос, не принятый в Армении в качестве догмата. Армянский католикос *Нерсес IV* (1165—1173) охотно принял предложение василевса, и они решили устроить публичный диспут по вопросам веры в городе Рум-Кла, где пребывал Армянский архипастырь. Диспут состоялся в 1172 г., но, к сожалению, не привел к унии, хотя по окончании его в Константинополе появилось несколько прекрасных богословских сочинений против армян-монофизитов, имевших очень широкое распространение⁶⁶⁴.

Несомненно, потенциал царя был несопоставимо выше его зримых проявлений, и еще можно было многого ожидать от этого великого труженика и полководца. Увы, судьба распорядилась иначе.

Несмотря на относительно нестарый возраст, в скором времени царя начали мучить припадки болезни — видимо, сказались тяготы военной жизни, раны и моральный удар, который получил Мануил Комнин в битве при Мириокефалоне. Практически это было первое и последнее поражение Римского царя на полях сражений. Наверное, он мог найти для себя множество извиняющих объяснений, но, как честный человек и настоящий «отец солдат», он не мог перенести мысль о том, что вследствие его неосторожности и опрометчивости пали многие боевые товарищи, а мусульмане отныне могут гордиться тем, что победили самого Византийского императора.

Не веря, что приходит его смертный час, василевс долго не давал распоряжений на счет наследника престола — он опасался (и небезосновательно) Андроника Комнина, своего двоюродного брата, для которого не было ничего желаннее царской власти. С другой стороны, сохранялась опасность того, что без твердой руки, могущей оказать поддержку, участь царственного мальчика окажется незавидной. Император с патриархом обсуждали этот вопрос, и Мануил I едва не оставил Андроника Комнина *регентом* над сыном, чего, впрочем, не случилось⁶⁶⁵. Поэтому, надеясь таким способом обеспечить за сыном Алексеем II Комнином престолонаследие, василевс составил соборное определение против тех, кто будет пытаться посредством заговора или восстания свергнуть его сына⁶⁶⁶. А еще раньше, 2 марта 1180 г., желая обезопасить царственную династию от неожиданностей, император приказал венчать Алексея II Комнина с Агнессой-Анной⁶⁶⁷.

Болезнь прогрессировала, и царь чувствовал себя с каждым днем все хуже и хуже. Однажды Мануил I неблагоразумно принял ванну, и после этого ему стало совсем плохо. Созвав вельмож и родственников, василевс просил их оберегать царственного мальчика Алексея II. Потом, почувствовав приближение смерти, император 24 сентября 1180 г. *принял монашеский постриг* под именем Матфей и почти сразу же вслед за этим скончался.

Погребли его тело у входа в храм Пантократора, где располагалась православная святыня, привезенная Мануилом I Комнином из Эфеса. Это был красный камень, на который, по Преданию, положили тело Спасителя после того, как Его сняли с Креста. На камень падали слезы Богородицы, оставившие зримый след, и *на нем* св. Мария Магдалина плыла по морю в Рим, чтобы доказать императору, что Христа распяли незаконно. Затем каким-то случаем он оказался в Эфесе. Рассказывают, ранее камень располагался в царском дворце, а затем его перенесли к храму и положили на гробницу царя. Как

сказал современник, «чтобы громко и ясно провозглашать, сколько деяний совершил и как трудился тот, кто лежит теперь безмолвно в могиле»⁶⁶⁸.

Четыре величественные фигуры подарила Византийской империи династия Комнинов: Исаака, Алексея, Иоанна, Мануила. Спасители отечества, собиратели народного блага, радетели государственного интереса, защитники Церкви, великолепные полководцы и тонкие дипломаты, аскеты в быту и неутомимые деятели, они сделали то, что никому казалось невозможным — заставили Европу и Восток склониться перед Римской империей в глубоком почтительном поклоне. Теперь уходил последний из них, и современники чувствовали, что с его уходом на Империю надвигается какая-то страшная катастрофа. Увы, они не ошиблись...

Достойной эпитафией Мануилу I Комнину стали слова, которые о нем произнес современник Евстафий Солунский: «Кажется, в Божественном совете было определено, чтобы со смертью Мануила нарушился строй Римского царства, и чтобы с закатом этого солнца покрыла нас непроглядная тьма!»⁶⁶⁹

Приложение № 12.

«Царь — священник, защитник и глава Церкви»

В Византии очень рано возникла и быстро укоренилась идея царя как образа Христа на земле, Его наместника, защитника и главы Кафолической Церкви, *императора-священнослужителя*, которому Богом предоставлены высшие церковные прерогативы, за исключением священнодействия, в которых, однако, он принимал самое активное участие. Можно сказать, что эта идея являлась естественным конкурентом «византийскому папизму» и вполне органичной для христианского правосознания. Никакого *параллелизма* властей древнее христианское сознание просто представить себе не могло. Поэтому спор шел не о том, должно ли в Церкви проявляться властное, административное начало, а только о том, *кто* должен обладать ей — император или патриарх (папа). И чем более укреплялся «папизм», тем ярче, рельефнее и содержательнее проявлялась идея православного Римского царя, реальные полномочия которого с течением веков все более и более расширялись за счет церковной сферы, а его статус все более принимал в глазах современников *сакральный* характер.

Это противостояние особенно обострилось в эпоху Македонской династии, когда «византийский папизм» едва не подмял под себя императорскую власть наподобие того, как это случилось на Западе. Византийская политическая философия традиционно для древнего сознания, ощущавшего сакральный смысл царского служения, искала новые объяснения этому уникальному феномену в текстах Священного Писания, находя множество аналогий. И многовековая война с восточными «папистами» только способствовала интенсивности и глубине политико-богословского поиска. В конце концов, хотя и не в виде законченной системной теории, Византия сформировала свое *учение о Римском царе*.

1. Император — образ Христа

Со времен императора святого Юстиниана Великого царь признается *дефензором* (защитником) Кафолической Церкви и полномочным главой церковного управления. В дальнейшем все более и более проявляется та особенность сакрального статуса царя, что он

есть *священнослужитель* или даже священник без всяких оговорок, а его статус подобен епископскому. Признание за Римским императором столь многих добродетелей и качеств далеко не случайно — Церковь становится *всенародной* там, где в нее входит и ею руководит самодержавный православный монарх. В патерналистском обществе интересы Римской империи и Кафолической Церкви естественным образом переплелись, но именно по той причине, что над всеми христианами и клиром *возвышался василевс*, силой праведной власти которого все и устроялось⁶⁷⁰.

Естественно, сами Римские цари прекрасно отдавали себе отчет в тех обязанностях, которые они несут перед Богом, и за какие ответят на Страшном Судилище. Для них священство царского сана означало не своеволие, но *высочайшую ответственность* перед Богом и христианами за судьбу Церкви и Православия. Император Лев III Исавр без оговорок признавал себя священником и даже епископом, а его сын Константин V усердствовал в богословии, выискивая христологическую аргументацию против почитания святых икон. Ошибочность вектора поиска этого царя-иконоборца не влияет на главное — признание за императором права и обязанности *осуществлять* эту деятельность.

Нельзя, конечно, сказать, что остальные грани императорского достоинства стерлись. Нет, царь по-прежнему являлся полководцем и верховным главнокомандующим. Безусловно, он, как и ранее, представлял собой единственный источник политической власти в Византии и в любом государстве, расположенном на бывших землях Священной Римской империи, и являлся верховным законодателем. Но *священнический характер* его власти становится доминирующей чертой императорского достоинства.

Обоснование сакрального статуса Римского царя начинается с *уподобления* его Христу. Византийцы полагали, что Римская империя промыслительно создана Богом для восстановления человечества во Христе, и ее значение неотделимо от автократической формы правления. Сходство между титулом Византийского императора — «Автократор» — и титулом Спасителя — «Пантократор» — слишком заметно, чтобы нуждалось в доказывании⁶⁷¹.

В целом перед нами «древняя концепция, выражаясь современным языком, опосредованной и опосредующей соотносительности персоны монарха со сферой божественного на правах живого знака или живого образа». Истинный образ Небесного Царства Бога на земле — эсхатологическое царство Христа на земле. Христос — безусловно истинный владыка, как земной, так и небесный, и любая

власть рядом с Ним — условна, как «условен условный знак». Император правит как «временно исполняющий обязанности» Христа, Его «заместитель», «вице-Христос». А потому по праздничным дням Византийский царь имел право восседать только на левом, пурпурном сиденье трона, а правое, почетное, обработанное золотом, оставалось пустым, как предназначенное непосредственно Христу. Римская держава олицетворяла Царство Небесное, василевс — Христа, а придворные — небесные силы. Придворные евнухи, одетые в белые одежды, изображали Ангелов, и даже пурпурные чернила царей, которыми те подписывали хрисовулы, являлись образом крови Христовой⁶⁷².

Эти мысли вскоре нашли закрепление в *церковных богослужебных текстах*. Например, стихира на Рождество Христово «Августу единачальствующу на земли...» говорит о некой мистической связи между становлением Римской империи и рождением Кафолической Церкви. Тот факт, что эта стихира, составленная конкретным человеком, вошла в состав Богослужения, означает, что Церковь признала единоначальную власть Римского царя на земле тем *даром*, который, пусть даже не осознавая того, принесла языческая Римская империя Спасителю. Значение этого дара проявилось только через 300 с лишним лет, что лишь подчеркивает его совершенство и нашу немощь, но никак не влияет на оценку величайшего в мировой истории события.

Например, *преподобная Кассия* (память 7 сентября) совершенно уподобляла друг другу царство Небесное и Римское государство. По ее мысли, император должен вручить земное несовершенное Царство всесовершенному Царю Христу. В этом и состоит суть византийской святоотеческой эсхатологии. *Тайна же беззакония* (2 Фес. 2, 7) в том, что диаволу попущено помешать этому процессу и направить историю к апокалиптической катастрофе. После крушения христоименитой Римской империи ничего доброго в социальном плане человечеству ждать неоткуда. Только уповать на милость Божью в плане восстановления Православной монархии⁶⁷³.

Как следствие таких взглядов, меняется титулатура Римских императоров. С Ираклия I Великого, ставшего благодаря своим блестящим победам над персами и аварами легендарной личностью, за Византийскими самодержцами закрепился титул «*верный во Христе царь*». А традиционный термин «император», употреблявшийся еще с языческих времен, на время исчез. Смысл нововведения следует истолковывать следующим образом. Царь, василевс — библейский и мессианский термин, и в Новом Завете единственный и истинный

Царь — Христос. Поэтому Римский император, будучи «верным во Христе», соотносит свой статус с царским служением Христа, тем самым подчеркивая теократический характер власти, определяющий ее задачи и высшие полномочия. С этих пор титул «василевс» стал употребляться исключительно по отношению к единому вселенскому властителю «Нового Рима» и не признавался Византией за франкскими, германскими и славянскими вождями. Позднее старый и новый титулы воссоединились, и Римские цари начали называться *«верный во Христе Боге царь и император римлян»*⁶⁷⁴.

Отождествление императора с Христом нашло отражение и в византийском искусстве. Например, на многих изображениях василевс, как и Спаситель, пишется с триумфальным крестом и лабарумом, как орудиями Победы Христа. Христос на иконах принимает дары верных (Ангелы, Евангелисты, апостолы, святые, старцы Апокалипсиса), и царь изображается принимающим дары от своих подданных. Ангелы, святые и блаженные поклоняются Господу, но и перед императором склоняются поверженные враги и рядовые византийцы. Обычный образ Победы Христа над смертью — поправление Им аспиды и василиска. Однако такой же образ победы, присущий изображению императора над поверженными врагами, — он пишется победителем, попирающим варваров. На мозаиках Христос увенчивается Божественной десницей, и василевс коронуется Божественной десницей⁶⁷⁵.

Уподобление императора Христу особенно отчетливо подчеркивалось в церемонии омовения ног, совершавшейся в Страстной Четверг. В покоях императора устанавливали умывальник, вводили 12 случайно отобранных на улицах Константинополя нищих, державших в руках свечи. Каждому из них в подражание Христу император мыл правую ногу, вытирал полотенцем и целовал. А затем одаривал деньгами. Иными словами, император подражал Христу во всем: и как Его Царственному образу на земле, и как воплощенному смирению⁶⁷⁶.

Римский царь не только подобен Христу, но и *поставляется* по воле Бога. Хотя орудиями Его Промысла могут быть в зависимости от обстоятельств армия, синклит, епископы или народ — эти *детали* не имеют никакого значения. Император *богоизбран*, и царство его — от Христа. В сочинении Константина VII Порфирородного «Об управлении Империей» содержится весьма характерный отрывок. Говоря своему сыну, императору Роману II, о грядущем царствии, он произносит: «Вседержитель укроет тебя Своим щитом, и вразумит тебя Твой Создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя на пьедестале непоколебимом.

Престол твой, как солнце, — перед Ним, и очи Его будут взирать на тебя. Ни одна из тягот не коснется тебя, поскольку Он избрал тебя, и исторг из утробы матери, и даровал тебе царство Свое как лучшему из всех. Ты, Господи, Боже мой, Чье царство вечно и несокруσιμο, да пребудешь указующим перстом рожденному мной благодаря Тебе. И да будет блюстителем лица Твоего на нем, а слух Твой да будет склонен к молитвам его. Пусть охраняет его рука Твоя, и пусть он царствует ради истины, и пусть ведет его десница Твоя. Пусть направляются пути его пред Тобой, дабы сохранять заповеди Твои, так благодаря Тебе царствуют василевсы, славя Тебя в веках»⁶⁷⁷.

Сакральный статус императорской власти являлся предметом многих изображений, напоминавших сцены инвеституры. Как царь, предоставляя чиновнику власть, дарует ему некий символический предмет или совершает символический жест, так и Христос или святой по Его поручению облакает самого василевса властью самодержца — обычно возлагает на его голову императорский венец⁶⁷⁸.

Близость императора к Богу выражалась также и в том, что он единственный имел эпитет «Солнце». В канун Рождества византийцы даже совершали определенную церемонию, «прокипсис», сущность которой заключалась в прославлении императора как Солнца⁶⁷⁹.

Признание сакральности императорского статуса означало приоткрытую, не всегда различимую *тайну* и приводило к необходимости употребления таких внешних форм, которые позволяют своей пышностью и благородством подчеркнуть близость царя к Христу и уподобить его Ему. «Сакральной личности, василевсу принадлежало особое, сакральное пространство. Всюду, где появлялся император, его сопровождали завесы, отделявшие его персону от массы окружающих лиц... Изобилие завес наполняло дворец ощущением таинственности, от чего казалось, что повсюду мистически присутствует Божество»⁶⁸⁰.

Сохранилось описание одного приема, который был дан царем Мануилом I Комнином одному турецкому вельможе. В центре залы был возведен блистательный престол и поставлено очень высоко над полом кресло из золота, унизанное в изобилии изумрудами, сапфирами, жемчугом и другими драгоценными камнями. На кресле, высоко над престолом сидел сам василевс в багряной одежде, на которой жемчужинами были выложены удивительные узоры. С шеи на грудь царя спускался камень необычайной величины: он горел как роза, а по размерам был с яблоко. Голову самодержца украшала великолепная диадема. По обеим сторонам от престола располагались

вельможи в праздничных платьях. Обстановка настолько потрясала и подавляла, что турок не посмел, несмотря на приглашение, сесть в присутствии императора⁶⁸¹.

Отсюда — такое почтение к статусу Римского императора. Оскорбить его значит — *святотатствовать*. Не случайно в 84-м Апостольском правиле говорится: «Аще кто досадит царю, или князю, не по правде: да понесет наказание. И аще таковый будет из клира, да будет извержен от священного чина: аще же мирянин, да будет отлучен от общения церковного». Комментируя это правило, канонист писал: «За оскорбление царского величества и вообще законной власти данное правило предписывает такие же тяжелые наказания, как и за *самые большие церковные преступления*»⁶⁸².

2. Священство императора

Но если император подобен Христу, Который есть Царь, Пророк и Священник в одном лице, то Римский василевс *не может быть мирянином*. Его деятельность столь же священна, как и подвиг Спасителя, а, стало быть, царь является *священнослужителем*. Это совершенно естественный вывод, образующийся из изучения текстов Ветхого Завета. Одним из ярких свидетельств священнического достоинства царя является отрывок из следующего Библейского текста: «И вошли Аарон и Моисей в скинию собрания, и вышли, и благословили народ. И явилась слава Господня всему народу» (Лев. 9, 23). Издавна повелось олицетворять Аарона с патриархом, а Моисея с императором. И не священник Аарон посвящает Моисея в царское достоинство, а наоборот: Моисей посвящает Аарона в священническое достоинство и вводит в скинию, т.е. в храм. И хотя во времена христианской Римской империи роли переменились, но патриарх и священство принимали василевса как своего государя, вождя народа и избранника Божия. Поэтому царь имел право «действовать священнически»⁶⁸³.

Блистательный пример священнического статуса василевса представляет благочестивый царь *Давид* (1005—965 до Р.Х.). После завоевания Иерусалима он решил сделать этот город не только столицей своего государства, но и религиозным центром страны. Царь принимал самое непосредственное участие в процедуре перенесения Ковчега. Во главе священников и левитов, одетый, так же как и они, в фиссонную одежду и льняной эфод, Давид пел псалмы и исполнял религиозные танцы (1 Пар. 15, 25—27). Затем, уже незадолго перед смертью, благочестивый царь оставил своему сыну Со-

ломону (965—928 до Р.Х.) план построения великого Иерусалимского храма, указав перечень священников и левитов, необходимых для осуществления богослужения, количество священных предметов и их виды и само устройство богослужения. Сходная картина возникла после завершения этого грандиозного строительства и перенесения в Храм Ковчега. Соломон, как некогда его отец, шел впереди священников и левитов, возносил молитвы и благословлял народ. Можно привести еще немало примеров поведения этих отмеченных Богом Ветхозаветных царей как священников⁶⁸⁴.

Если Ветхозаветные цари являлись священниками и пророками, как, например, легендарный царь Салимский Мелхиседек и Давид, то почему православный василевс Римской империи, миссия которого несравнимо ответственнее и сложнее, должен быть лишен столь значимого для царского титула качества? Уже со времен Вселенских Соборов за императорами окончательно укрепился титул «*святой*», как свидетельство принадлежности их к священническому сану⁶⁸⁵. Повсеместно цари изображались с нимбами, как святые, и даже их изображения являлись сакральными⁶⁸⁶. И хотя никакой *конкретной* должности в церковной иерархии Римские цари не занимали, считалось, что, за исключением священнодействия, для них естественно осуществлять остальные полномочия иереев — учительство и управление.

В одном из своих комментариев к 12-му правилу Анкирского Поместного Собора Феодор Вальсамон писал: «Императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учителя Церкви ради их достоинства, которое они получили через помазание миром. Отсюда происходит власть правоверных императоров наставлять христианские народы и подобно иереям приносить Богу курение. В этом их слава, что подобно солнцу блеском своего православия они просвещают мир с одного конца до другого. Мощь и деятельность императора касается *тела и души человека*. Тогда как деятельность патриарха касается одной *только души*». Вполне разумно после таких слов Вальсамон отождествлял епископский сан с царским: «Цари называются и суть помазанники Господни, таковы же суть и именуются и архиереи».

Интересный эпизод — отговаривая императора Льва VI Мудрого от четвертого брака, Константинопольский патриарх Николай Мистик указывал, что в этом случае царь, состоящий в Церкви на положении *чтеца*, потеряет право входить в Святой алтарь⁶⁸⁷.

Да что там восточные канонисты — Римские понтифики признавали императора по статусу *равным иереям* (!), когда он вместе с ними исследует веру. «Мы радуемся тому, — писал св. папа Лев I Великий

императору святому Феодосию II Младшему, — что в вас присутствует не только царское, но и священническое естество. Твоя душа *священника и апостола* должна вознегодовать на все зло, от которого стонет Константинопольская церковь и вопиет о мщении».

А следующие слова принадлежат Римскому папе Льву II: «Отдавая преимущество пред делами человеческими божественным, и искренне предпочитая православную веру житейским заботам, что другое делаете Вы, если не почитаете праведный суд Божий и сожигаете чистейшую жертву и всесожжение, издающее божественное благоухание, на жертвеннике Вашего сердца в честь Его невидимого величества?» Итак, император — не священник и не вправе совершать Литургию. Но его жертва уподобляется *таинству*, творимому священником.

И далее еще более определено: «Если бы Царь царей не одарил благодатью своих иереев, то царское благородство никогда не снизошло бы к низайшим своим рабам и, отложивши на время царское достоинство, не пожелало сопричислить себя к обществу иереев ради ревности к Богу. О, какое славное, высокое и истинное смирение, которое удостоило снизить ради любви к Богу! Итак, что же осталось, августейший и вернейший из царей, если не то, чтобы Бог, дарующий приращение, достойно внушил таковые труды Вашему царскому сердцу, умножил и исполнил вас светом кафолического учения, чтобы от него рассеялись облака еретической лжи?»

Даже в послании Римского епископа Григория II к императору Льву III Исавуру отчетливо прослеживается обычная позиция Церкви: православный император является священнослужителем и даже *архиереем*, неправославный царь — нет. В одном из своих писем в Рим василевс заявил, что он царь и священник. Папа отвечает ему следующим образом: «Ты написал, что царь и вместе с тем иерей. Да, императоры, бывшие прежде тебя, *доказали это и словом и делом*: они созидали церкви и заботились о них. Ревнуя о Православной вере, они вместе с архиереями наследовали и отстаивали истину. Таковы: Константин Великий, Феодосий Великий, Валентин Великий, Константин, отец Юстиниана, бывший на Шестом Соборе. Эти императоры царствовали благочестиво: они вместе с архиереями, единодушно и единомысленно с ними собирали Соборы, исследовали истину догматов, устроили и украшали святые церкви. *Вот — священники и императоры!* Они доказали это самым делом». Далее следуют горячие увещевания в адрес императора, которые заканчиваются следующими словами Римского первосвященника: «Умоляем тебя: *будь же архиереем и императором*, как ты сам писал о себе выше»⁶⁸⁸.

Священство императоров подчеркивалось различными способами. В первую очередь путем совершения особого обряда миропомазания на царство, с течением лет все более и более принимавшего черты епископской хиротонии. «Обряд коронации Византийского василевса претерпевает глубокие перемены, отходит от римских традиций и приобретает чисто церковный, культовый характер. Не случайно также, что в последние века Византии этот культовый характер еще сильнее акцентируется. В конечном итоге, в результате многовековой эволюции, византийский коронационный обряд изменился в корне». Основное значение при коронации Римских царей до конца VI в. имело военное провозглашение, а с начала VII в. и в последующие века — церковное коронование⁶⁸⁹.

В религиозных процессиях по большим праздникам и при царских выходах в Софийский собор василевсы облачались в одежды, подобные архиерейским (хотя следует отметить, что в свою очередь и многие элементы архиерейского одеяния копировали царские одежды), благословляли народ и принимали активное участие в Литургии. Как отмечают исследователи, во время царского выхода в храм Святой Софии перед подданными выступал не царь-мирянин, а *царь-первосвященник*. Голова императора украшалась митрой, по своему внешнему виду очень похожей на митру патриарха. На туловище его был надет *дивитисий*, украшенный драгоценными камнями и по пышности превосходивший саккос патриарха. Шея и плечи царя украшались особой повязью, напоминающей омофор патриарха. Император одевал также хламиду, по форме сходную с фелонью⁶⁹⁰.

В дивитисии василевсов венчали на царство, в этом же наряде император принимал послов, сочетался браком, выходил на Литургию в храм Святой Софии, предстал перед народом. Конечно, шилась эта одежда из самых дорогих тканей. В отдельных случаях к торжественным выходам к дивитисию полагался плащ-хламида, а в исключительных случаях — *цицакий* или *лор*: одежда, расшитая цветами. Впоследствии лор перейдет в туалет Русских царей. В менее торжественных случаях цари одевали тунику-далматику (коловий), отделанную жемчугом, драгоценными камнями, золотыми нашивками и каймой. Вообще, все одежды василевса изобиловали золотом: золотые бордюры, нашивки, вышивки и т.п. являлись неизменными атрибутами их туалета⁶⁹¹.

Исключительно великолепная и торжественная процедура восшествия императора в храм Святой Софии должна была наглядно показать всем византийцам высоту его сана как лица, имевшего *особое* положение в Церкви. Это был пример для других народов тому, как следует относиться к своим государям⁶⁹².

Особенно торжественными являлись выходы, совершавшиеся в праздники Господние (Воскресение Христово, Рождество, Пятидесятница, Преображение Господне, Крещение) и в другие торжественные дни. Накануне епарх Константинополя извещался о будущем торжестве и должен был украсить улицы города, по которым проследует василевс, зеленью, цветами или чем-либо другим сообразно времени года. На нем же лежала ответственность за чистоту дороги. Димархи со своими людьми подготавливали славословия в адрес царя, другие чиновники и командиры выстраивались по дороге, ведущей к Святой Софии, для большей торжественности и пышности. Все были в праздничных одеждах, включая, разумеется, императора, хламида которого и *по цвету* копировала священническое одеяние. В день Святой Троицы царь и чины облачались в белые одеяния, в Рождество Господне, Рождество Богородицы и Праздник Преображения Господне василевс надевал пурпурную хламиду. В Великую Субботу одевался в темный хитон, но в Благовещение — белый⁶⁹³.

Когда царь вместе с синклитом проходил через палату эскувитов, его славословили по-латыни, которой уже никто не знал, но по традиции употребляли в этой торжественной процессии — замечательное подтверждение того, что византийцы по-прежнему считали себя *римлянами*, а свое государство Римской империей⁶⁹⁴.

В сопровождении сановников, телохранителей и гвардейцев — словом, всей многочисленной толпы, одетой в яркие парадные одежды, расписанные золотом и серебром, с Крестом Господа и Жезлом Моисея впереди, василевс шествовал дальше. Зрелище поражало всех своим великолепием, тонкостью деталей и пышностью. Царь, располагавшийся посередине в красочных одеждах, на которых сверкали драгоценные камни и золотые нити, являлся подданным и иностранцам во всем блеске могущества и величия христианского владыки, хранителя власти, православного самодержца, представителя великой Священной Римской империи, единственного законного в мире царя и Римского императора. Византийцы проникались чувством национальной гордости и благоговения за него — защитника и хранителя Православия.

Выразителями этого благоговения являлись представители народа — четырех димов, стекавшихся к процессии и приветствовавших василевса. Со всех сторон неслось: «Многая лета, царь римлян! Избранник Троицы! Свят, свят, свят! Многая лета, владыка, с царицей и багрянородными! Долголетним соделает Бог святое царство Ваше на многая лета!»⁶⁹⁵ На Троицу пели: «Огненными языками Христос, проведший народы к познанию истины, сам Вам, боговенчаный благочестивый благодетель, в Небесе возложил на честную главу

Вашу сошествием Святого Духа освещенный венец. Поэтому мы из сердца нашего непрестанно взываем: Господи, вечно царствующий, сих нам сохрани на радость и спасение римлян!» Или: «Бог, сокрушивший языкоподобными огнями нечестие языков, возвещает, что через Вас, мужественные владыки, победит и сокрушит нечестие языков, и разнаязычных соделает одноязычными в вере, царь, радость и надежда римлян!»⁶⁹⁶

Еще ярче раскрывался священнический статус императора в обряде, имевшем место в Вербное воскресенье. В этот день василевс принимал Символ веры и кресты от своих подданных, как бы проверяя этим актом их правоверие. После раздачи придворным чинам крестов император отправлялся в храм Пресвятой Богородицы в Фаре, по пути совершая поклонение иконам в других дворцовых храмах. Это был своеобразный *аналог поклонения* высшими архиереями при входе в храм местным иконам и другим священным предметам, с тем отличием, что императора по пути его шествия встречали различными приветствиями и благожеланиями, а патриархов сопровождало пение церковных гимнов. Такое действие демонстрировало всем, что Римский царь соединяет в своем лице и светскую и духовную власть и обладает особым сакральным статусом. «Как ревнитель Православия, он принимает символы и кресты; как лицо священное, в некотором смысле церковное, он раздает кресты своим придворным в награду за подвиг поста»⁶⁹⁷.

В одном из своих толкований Вальсамон писал следующее: «Православные императоры невозбранно, когда захотят, входят в Святой алтарь, и кадят, и делают знамение креста с трикирием, как и архиереи. Они предлагают народу катехизическое поучение, что предоставлено одним местным архиереям... Царствующий император есть помазанник Господень по причине помазания на царство, а Христос и Бог наш есть между прочим и архиерей, то благостно и император украшается архиерейскими дарованиями»⁶⁹⁸.

Следует сказать, что вопросу о праве императора входить в Святой Алтарь древние правоведы посвятили немало строк. В частности, комментируя 69-е правило VI Вселенского Собора («никому из всех, принадлежащих к разряду мирян, да не будет позволено входить внутрь Священного алтаря; но, по некоему древнейшему преданию, отнюдь не возбраняется сие власти и достоинству царскому, когда восхочет принести дары Творцу»), Иоанн Зонара писал: «Предоставив царю это преимущество, отцы как бы в оправдание себе говорят так: “И ему, как мирянину, не должно входить в Алтарь, но *ради власти и достоинства* предоставлено ему это преимущество *по изначальному преданию* о сем древнейших отцов”»⁶⁹⁹.

Более обстоятельно раскрывал ссылку на «древний обычай» епископ Никодим (Милаш). В своих толкованиях на этот же канон он писал буквально следующее: «Что этот обычай существовал гораздо раньше этого Собора и что, следовательно, был действительно древний, — свидетельствуют слова императора Феодосия Младшего, содержащиеся в актах III Вселенского Собора. То же самое повествует Феодорит о Феодосии Великом, который вошел в храм и затем, когда пришел час приношения, вошел в Святой Алтарь, чтобы и ему, по обычаю, принести Богу дары. Подобное свидетельство находим и у Созомена. Этот обычай соблюдался в Православной Церкви во все последующие века, так что царям всегда дозволено было входить в Алтарь, и в Алтаре как Божиим помазанникам причащаться, наравне со священнослужителями»⁷⁰⁰.

Императоры совершали каждение в храме при совершении Малого входа. Они брали кадило из рук патриарха и кадили перед Распятием, вокруг Святого Престола, в ризнице и в гробницах прославленных Церковью Римских царей. А затем как архиереи *благословляли народ* в храме и на ипподроме, что совершалось следующим образом. Церемониарий брал кусок императорской хламиды, делал из него особую складку и подавал ее императору, дабы тот благословил народ. И тот трижды благословлял присутствующих⁷⁰¹.

В Святом Алтаре император лобызал Святой Престол, кадил, а во время Великого входа на Литургии исполнял обязанности *свещеносца*. Во время некоторых служб царь становился с патриархом перед Престолом, шел рядом с ним в литаниях, при этом нередко первенство было за василевсом⁷⁰². Отъехав в дальний поход, императоры имели обыкновение поворачиваться лицом к Константинополю, трижды благословлять его и читать молитвы Богу о сохранении столицы в мире, избавлении ее от врагов и внутренних неурядиц⁷⁰³.

Подобно архиереям, императоры не входили в Святой Алтарь до входа с Евангелием, поскольку Алтарь представляет собой вечная Святая Святых — Небо. Христос первый вошел в них и открыл путь праведникам. Поэтому и архиерей дожидается, пока ему Спаситель в образе Евангелия откроет вход в горнюю часть храма⁷⁰⁴.

Императоры и причащались по священническому чину (впрочем, они могли причащаться и как миряне), т.е. принимали раздельно Тело и Кровь Христову. Во время Литургии царь вместе с патриархом и священством в целовании любви (в Алтаре) после возгласа «Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы»⁷⁰⁵. Право на участие в Литургии и причастие под двумя видами иногда обосновы-

вали наличием у него обязанностей дефензора Церкви или другого церковного чина — депутата⁷⁰⁶.

Но, безусловно, никаким «чтецом» или «свещеносцем» в привычном смысле данного слова Византийский император не был. Представители церковного притча не принимают Дары отдельно, не входят в Алтарь вместе с патриархом Царскими вратами и не целуют священные предметы на Престоле. Для византийцев употребление этих чинов являлось лишь *дальней аналогией* тому священническому статусу, какой в реальности имел царь, но который невозможно изложить в словесной форме. Как легкий ответ на вопрос какого-нибудь иностранца: «Почему император вошел в Алтарь и кадит там?» — «Потому, что он чтец (или делегат, или свещеносец)». Но не для иностранца, а *для себя* византийцам не нужно было объяснять описываемое событие — им все было ясно без слов.

Помимо этого, императоры традиционно проповедовали в храмах, что представляло собой практическое подтверждение их высочайшего авторитета в делах Церкви, реализацию их *права учительства*. Между прочим, согласно 64-му канону VI Вселенского Собора, мирянину строго запрещается учительство в храме: «Не подобает мирянину пред народом произносить слово, или учить, а также брать на себя учительское достоинство»⁷⁰⁷. И этот запрет, естественно, не распространялся на императоров. Во-первых, в те времена (в отличие от нашего времени) не считали императора «мирянином», а во-вторых, поучение народа в благочестии и истинах Православия традиционно признавалось правом монарха (но, конечно, не прерогативой). По словам древнего историка, богословие, т.е. исследование Божественной природы, и вероучительство есть «дело, никому другому не дозволенное, кроме учителей и лучших иерархов да царей *ради их достоинства*»⁷⁰⁸.

Широкую вероучительную деятельность развил уже святой и равноапостольный император Константин Великий. Царь обличал многобожие, доказывал, что суеверие язычников представляет собой обман и прикрытие безбожия. Он же излагал учение о мироправящем Божестве, учение о домостроительстве нашего спасения. Ревнуя о христианско-религиозном воспитании народа, император составил молитву, которую приказал читать солдатам каждый воскресный день⁷⁰⁹. Это был пример для подражания, которому ревностно следовали его преемники на троне.

В первый понедельник Великого поста императоры обыкновенно делали наставления сановникам и представителям народа о том, как надо проводить Святую Четыредесятницу, и поучали их проводить ее в чистоте и страхе Божиим. По окончании церемонии цари трижды

осеяли народ крестным знамением⁷¹⁰. От многих императоров сохранились беседы и поучения на церковные и богословские темы⁷¹¹.

В одном из древних сочинений изложен обряд учительства Римского царя в первый понедельник Великого поста. В Мангавре — большом приемном зале императорского дворца собирался синклит в полном составе, магистры, патрикии, все царские люди, горожане, друнгарии вил со своими отрядами и друнгарии флота с царскими телохранителями и всеми подчиненными. Император выходил в широком хитоне, обшитом золотой каймой, возжигал свечи в храме Господа и занимал место на своем золоченом троне. Перед ним расстилали ковер, на который становился царь, а вокруг располагались нотариусы и асикриты, чтобы лучше слышать речь василевса. Когда все было подготовлено, входил препозит и падал ниц перед царем. Тогда император вставал, а народ провозглашал ему многолетие: «Долголетним создает Бог царство Ваше!» Затем василевс благословлял византийцев: посередине, направо и налево.

После этой процедуры император направлялся в храм Святой Софии. Патриарх встречал его у Красных ворот, кадил, они целовались, а затем вместе направлялись в Святой Алтарь. Императоры входили Царскими вратами, молились со свечами в руках, прикладывались к святым предметам на Престоле, а потом кадили вокруг Святого жертвенника. После этого император вместе с патриархом выходили из Алтаря, и архиерей провожал василевса до порфиновых колон⁷¹².

Императоры Феофил, Лев V Армянин, Лев VI Мудрый писали стихиры, церковные песнопения, гимны, проповеди. С некоторыми перерывами, один из которых пришелся на период династии Дуков, цари вновь начали активно регулировать сферу деятельности Церкви, принимая соответствующие каноны. Императоры св. Никифор Фока, а потом Алексей, Иоанн и Мануил Комнины несколько не сомневались в праве василевса издавать церковные акты от своего имени и часто этим правом пользовались. Лев VI Мудрый *своим законодательным актом* канонизировал покойных жен — св. Феофанию и Зою Заутцу. И если вторая жена по понятным причинам не были причислена Церковью к лику святых, то первая супруга св. Феофания удостоилась этой чести. А император св. Никифор Фока запретил «латинский» обряд в греческих храмах Южной Италии и попытался обязать причислить всех павших православных воинов в боях с сарацинами к лику святых.

Были и другие способы подчеркнуть священство императора, в том числе посредством установления неписаных ограничений

для кандидата в цари, касающихся его физических свойств. Как известно, ни один император Византии не являлся *калекой*. Наличие на троне лица с физическими недостатками было невозможно, за редчайшими исключениями, с чем, кстати сказать, и связан универсальный способ устранения конкурентов на трон посредством их ослепления или обрезания носа — жуткий варварский обычай, заимствованный у Каролингов⁷¹³. Напрашивается очевидное сравнение, если мы вспомним некоторые ограничения, предъявляемые канонами для кандидатов в священники.

В частности, 78-е Апостольское правило отстраняет от епископства слепых и глухих, «да не будет препятствий в делах церковных». По мнению канонистов, этот принцип распространяется и на безруких, безногих, больных эпилепсией и т.п., хотя специального правила на этот счет нет⁷¹⁴. А по другому толкованию, для кандидатов на епископское место такие ограничения носили *абсолютный характер*. Если же священнослужители получили увечья уже после вступления в сан, они сохраняли свой статус до конца жизни, но не могли уже более претендовать на повышение в иерархии⁷¹⁵.

Поскольку же император имеет сан, подобный священническому, то царствовать, исполнять высокие полномочия калека не может. Это, конечно, только предположение, но, как представляется, аналогия здесь очевидна.

3. Император — глава Церкви

Прообразом и наместником Христа может быть только один человек — эта истина для византийцев не требовала доказательства. И, поскольку василевс воспринимался как *единственный* человек в мире, получивший власть непосредственно от Христа (даже Константинопольский патриарх не имел такого достоинства, он заимствовал свою власть от василевса), то, несомненно, Римский царь является и главой Кафолической Церкви. Вальсамон писал: «Так как содействие самодержцев простирается на просвещение и укрепление как души, так и тела, а авторитет патриархов ограничен исключительно пользой душевной (ибо забота патриархов о благосостоянии телесном *незначительна*), равно как попечение и забота императриц по отношению к подданным простираются только на телесное благополучие, ибо женщины лишены всякой способности в помощи душевной, то светильни императоров обвиваются двумя золотыми венцами, а патриархов и императриц — одним бордюром»⁷¹⁶. Иными словами, статус патриарха подобен статусу *императрицы* (!), но никак не может соперничать с царским саном.

Неудивительно, что император *Исаак II Ангел* (1185—1195 и 1203—1204), как и прочие василевсы Византии, прямо именовал себя *епистимонархом* (т.е. «опытнейшим правителем Церкви», «благочинным Церквю»), имеющим власть исправлять то, что совершается вопреки каноническим определениям. И это — общее понимание для Византийских императоров их места и роли в Церкви. Как глава церковного управления и Римской державы, император стоит над людьми и законами — его сердце в руках Бога. И вполне последовательно Феодор Вальсамон и Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин (XIII в.) утверждали, что царь не подлежит ни законам, ни правилам, т.е. стоит *выше* их (толкование Вальсамона на 19, 20, 21, 22, 23-е правила Святого Поместного Карфагенского Собора)⁷¹⁷. И далее: «Царская власть может делать все: она может назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо, привлекаемое к суду. Эта же власть может, по законному усмотрению, церковный суд заменять светским»⁷¹⁸.

Развивая эту мысль, Хоматин указывал, что император, будучи по своей власти епистимонархом Церкви, руководит соборными определениями и придает им законную силу⁷¹⁹. Его слова, человека, сведущего и в каноническом и гражданском законодательстве, признанного специалиста, очень интересны: «Император, который есть и называется верховным правителем Церквей, стоит выше определений Соборов. Этим определениям он доставляет надлежащую силу. Он есть мерило в отношении к церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священства, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных кафедр. Епископов он может делать митрополитами, а епископские кафедры — митрополичьими кафедрами. За исключением совершения богослужения императору предоставлены все остальные епископские привилегии, на основании которых его церковные распоряжения получают канонический авторитет. Как древние императоры подписывались: *Pontifex Maximus*, таковым должно считать и теперешних императоров, как помазанников Божьих, ради царского помазания. Подобно тому, как Спаситель, будучи Помазанником, есть и чтится как Первосвященник, так и император, как помазанник, украшается благодатью первосвященства»⁷²⁰.

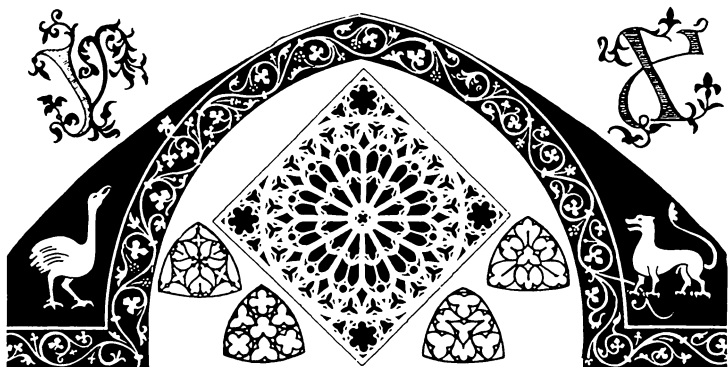
Легко представить, что все эти prerogatives были отнесены к *благочестивым* императорам, например организаторам Вселенских Соборов. Но они признавались и за царями, чьи поступки не всегда одобрялись Церковью, императрицами (хотя, как мы видели, их

статус изначально признавался не равным царскому сану) и даже императорами-ересиархами. Например, в синаксаре Недели Всех Святых император Лев VI Мудрый именуется приснопамятными премудрым — вероятно, сыграл свою роль разумный компромисс между императором и Церковью о наименовании Константинопольского храма Всех Святых, который василевс пытался назвать в честь своей покойной супруги Феофано. После возражения Церкви о том, что не подобает вчерашнюю царицу почитать воздвижением в ее честь столь великого храма, стороны пришли к соглашению посвятить храм *Всем Святым*. Составитель синаксаря считал, что именно благодаря этому событию стал праздноваться Праздник Всех Святых в современном виде.

Императоры Ираклий I Великий и Лев III Исавр наряду с Константином IV Погонатом упоминаются в службе субботы Акафиста как *орудия защиты* Богородицей Римской империи и Церкви от нашествия персидского царя Хосрова и иных агарян. В этом же синаксаре прослеживается мысль о том, что Господь неизреченным Своим промыслом ведет Римскую империю к спасению, и подобает использовать и *естественные возможности*, и уповать на Бога и молитвенное предстательство Его Пречистой Матери. В службе Недели Православия Постной Триоди встречается наименование императрицы святой Феодоры как *благочестивейшей царицы*, которой Господь судил быть орудием восстановления почитания святых икон⁷²¹.

Подытожив, нельзя не изумиться той удивительной, красивой картине, которая открывалась взорам византийцев и остальным народам. «Для нашего времени, — писал один историк, — может представляться изумительным и странным такое зрелище: царь во дворце произносит религиозно-нравственную речь, — его слушает простой народ, христианские и языческие философы, епископы. И это правда. Но в быту византийских христианских императоров встречалось много такого, что на наш современный взгляд показалось бы странным, непонятным и неуместным. Что сказали мы, если бы православный государь облекся в саккос и омофор, если бы в руках его мы увидели во время литургии дикирии, если бы, при вступлении в общественное собрание, он стал благословлять народ архиерейским благословением, если бы певчие стали возглашать ему: ис-полла? Все это показалось бы нам выходящим из ряда вон, необыкновенным, аномалией. И, однако, все это было в Византии, и никто этому не изумлялся»⁷²².

ЛХII. ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ II КОМНИН (1180—1183)

Глава 1. Протосеваст против узурпатора

Император Алексей II Комнин, которому исполнилось 10 или 12 лет (мнения историков разнятся на этот счет), являлся *бессильной* с политической точки зрения фигурой. Вследствие юного возраста Алексей II отдавал естественное предпочтение детским забавам — играл со сверстниками, получал образование, устраивал скачки. А василисса Мария — дама легкомысленная и избалованная вниманием мужчин, мало понимала в делах государства. Да и трудно было ожидать в годы правления деятельного и вездесущего Мануила I, чтобы кто-то мог делить с ним царскую власть. Теперь отсутствие на Римском престоле радателя общего блага, способного силой своего характера примирить все противоречия и сплотить общество вокруг себя, сказывалось весьма ощутимо.

Обычно в таких ситуациях отсутствие *настоящего* правителя Византийской империи компенсировалось энергией политической элиты, но только не теперь. К сожалению, в своем стремлении интегрироваться с Западом император Мануил I иногда допускал ошибки, незаметные в годы его блистательного правления, но проявившиеся после смерти монарха. В частности, нередко василевс отдавал предпочтение латинянам перед византийцами при назначении на важные государственные должности, чем вносил раскол в политическую элиту. Впрочем, отдельные изъяды внутренней политики Мануила I растворялись на фоне личности могущественного васи-

левса, и дальше скрытого недовольства национальной аристократии дело не доходило.

Но *сейчас* политический раскол принял зримые черты, и общественные дела быстро пришли в упадок — словно из всей гигантской системы государственного управления выдернули титановый стержень. Одни сановники открыто грабили казну, другие искали новых почестей и должностей, обольщая для этих целей молодую вдову царицу Марию. «В отсутствие бдительного и строго наставника все пришло в беспорядок, потому что каждый преследовал свою цель и все друг другу противодействовали, или, как бы по отнятии прочного и твердого столпа, все пошатнулось в противоположную сторону», — горестно констатировал современник. Понятно, что это анархичное состояние, не свойственное здоровым политическим обществам, не могло продолжаться долго — должен был найтись человек, способный возглавить Римскую империю и управлять ей.

Первым претендентом на царство стал протосеваст и протовестиарий *Алексей Комнин*, дальний родственник императора Мануила I по отцу, статный и красивый мужчина, сумевший покорить сердце молодой царственной вдовы. Однако получить императорский венец оказалось не так-то просто: нужно было сформировать положительное общественное мнение на этот счет, заручиться поддержкой высших политических кругов, обосновать свои права на царство, наконец, найти надежных союзников и исполнителей. Но в принципе в этом не было ничего удивительного или несбыточного: политическая история Византии уже видела картины воцарения *отдаленных* от династии лиц, сумевших войти в родство со слабосильными правителями — как правило, путем женитьбы или усыновления.

Тем проще казалось решить эту задачу троюродному брату царя, сумевшему снискать любовь императрицы. Кое-что из этого плана протосеваст начал реализовывать почти сразу. Так, в частности, по столице ходили упорные слухи, очень похожие на правду, будто Алексей Комнин пытается дарами и наградами привлечь к себе сторонников из числа высших сановников⁷²³. Однако он был слишком ленив и избалован, чтобы проявить должную решимость и последовательность. Кроме того, опасаясь представителей известных аристократических семей, способных составить ему конкуренцию, протосеваст ошибочно сделал ставку на латинских советников, надеясь при их помощи прийти к власти.

Неудивительно, что *национально* мыслящие сановники искали другое лицо, которое могло заслужить их поддержку. И такой претендент

нашелся — им стал дядя императора Алексея II, двоюродный брат Мануила I, *Андроник Комнин*. Эта колоритнейшая фигура своего времени, бретер, можно сказать, «*византийский гусар*», жизнеописание которого мы поместим в соответствующем месте. Силой обстоятельств в те дни он находился в Пафлагонии, в городе Энее, и эта деталь имела немало-важное значение. Андроник был небезызвестной фигурой для Константинополя. Член царской династии, один из самых красивых мужчин своего времени, легенда Византии (пусть и сомнительная с точки зрения нравственности и благочестия), он стал действующим лицом множества романтических и приключенческих историй. Иными словами, это была «узнаваемая фигура» в народе, чем Андроник и решил воспользоваться⁷²⁴.

Правда, замыслы Андроника простирались гораздо дальше того, чтобы просто прийти в Константинополь и отодвинуть от престола латинскую партию и протосеваста. Всю свою жизнь Андроник Комнин, подошедший к 60-летнему возрасту, мечтал об императорстве и теперь решил испробовать свой, возможно, последний шанс. Положение его с точки зрения легитимизации собственных прав на престол усугублялось тем, что незадолго до смерти царя Мануила I он был вынужден написать клятвенное письмо, в котором обещал василевсу и наследнику Алексею II: «Если я увижу или узнаю, или услышу что-либо такое, что клонится к вашему бесчестью и к вреду для вашего венца, то и вам дам знать, и сам, сколько мне возможно, буду тому противодействовать». Казалось, после такой клятвы любая попытка лишить Алексея II императорского сана однозначно должна *негативно* восприняться в народе. Тем не менее «ищущий — да обрящет». Андроник долго изучал текст собственной клятвы и не нашел в ней никаких препятствий — по крайней мере *на этой стадии* реализации тайного плана.

Деятельная натура, Андроник не стал откладывать в долгий ящик исполнение своих намерений, а горячо взялся за дело. Его первой задачей стал возврат в Константинополь под эгидой восстановления законной власти императора Алексея II. И письма одно за другим полетели в адрес юного царя, Константинопольского патриарха, сановников и родственников претендента по линии Комнинов. Андроник нарочито негодовал по тому поводу, что протосеваст решил узурпировать Римское государство, скорбно пророчествовал, будто это действие приведет Империю к неминуемой гибели, но самое главное — таит угрозу самому царю Алексею II. А потому, констатировал Андроник, выход один — немедленно лишить протосеваста Алексея Комнина власти и сослать. Послания Андроника

дышали такой свежестью, непосредственностью и благородством, что произвели сильнейшее впечатление на придворных вельмож и константинопольцев. Да и то сказать — Андроник Комнин всегда отличался изысканностью стиля, утонченностью слога и умением доказать свою мысль.

В скором времени некоторые, но еще далеко не все, знатнейшие аристократы посчитали, что Андроник Комнин — *единственный* человек из лиц, близких к царскому роду, кто в действительности болеет душой за Отечество и императора. Получив ободряющие известия из столицы, Андроник не стал терять времени и объявил о своем походе на Константинополь⁷²⁵. Эта акция казалась просто аферой — у Андроника не было ни войска (так, небольшой отряд), ни денег. А противостояли ему мощный императорский флот и профессиональная римская армия.

При всей внешней легкомысленности «спасательной» операции, она, к удивлению, получила реалистичные черты. Не соотнеся свои запросы с реальным положением дел, протосеваст Алексей Комнин стал вести себя излишне вызывающе. Он полностью подчинил себе царицу Марию, и без него теперь не делалось ничего. Не будучи лишенным практической сметки, протосеваст в одночасье закрепил свои полномочия официальным образом, что не составило большого труда. Как-то раз, поймав юного императора за детскими занятиями, протосеваст легко убедил мальчика в том, что многие вопросы пока еще затруднительны для разумения Алексея II и отнимают лишнее время у василевса. Следовательно, нужно передавать все бумаги ему, протосевасту, для предварительного просмотра. А уж он-то сумеет отделить важные документы от второстепенных прошений.

Алексей II легкомысленно согласился, и отныне ни одна бумага не могла попасть в его руки без надписи, сделанной протосевастом темно-зелеными чернилами: «Просмотрено». Поскольку весь документооборот начал проходить через руки Алексея, он стал единовластным распорядителем государственных дел и... *имушеств*. Византийцы никогда не чурались запускать руку в государственную казну, а теперь, когда никто не препятствовал, вся система налогообложения заработала на удовлетворение прихотей Алексея Комнина и царицы Марии⁷²⁶.

Хуже всего то, что, продолжая и опасно приумножая линию Мануила I на сближение с Западом, протосеваст абсолютно пренебрегал интересами собственного государства, устроив для латинян настоящий рай на земле. Едва ли не каждый европеец без звания и статуса мог прийти к нему и получить высокую должность в госу-

дарственным управлении. *Брезгуя соотечественниками* и не доверяя им, протосеаст лишь одним латинянам поручал важные дела, щедро оплачивая самые незначительные услуги. Естественно, европейцы стали относиться к византийцам как к людям «второго сорта», а те возненавидели латинян до крайней степени⁷²⁷.

Когда действия протосеаста сформировали устойчивую анти-византийскую тенденцию, приход Андроника Комнина стал выглядеть для греков желанным избавлением от иностранного засилья и узурпатора протосеаста Алексея. Первой союзницей и помощницей Андроника стала его двоюродная сестра *кесарисса Мария* (1152—1182) — дочь императора Мануила I от первого брака, выданная замуж за маркиза *Ренье Монферратского* (1163—1182). Она искренне ненавидела свою мачеху (обычная картина) и негодовала по тому поводу, что трон ее отца может достаться изнеженному си-бариту Алексею Комнину.

Не дожидаясь прихода Андроника в столицу, она успела организовать заговор против протосеаста, причем в число заговорщиков вошли представители самых известных семей Византии: Алексей Комнин, незаконнорожденный сын императора Мануила I, Андроник Лапард, оба сына Андроника Комнина Иоанн и Мануил, городской епарх Иоанн Каматир и многие другие. Предполагалось, что 17 февраля 1181 г., во время выхода при торжественном богослужении в первую неделю Великого поста, заговорщики нападут на протосеаста и убьют его. Однако в силу невыясненных обстоятельств заговор провалился, и все указанные выше лица были арестованы. Впрочем, никакого суда не было — подсудимым не дали сказать ни слова в свое оправдание и отправили в тюрьму⁷²⁸.

Но порфирородная кесарисса Мария с мужем остались на свободе. Опередив стражников, они вбежали в храм Святой Софии, полный народа, и попросили церковного убежища. Константинопольцы дружно заступились за дочь великого Мануила I, а Мария, ободренная теплым сочувствием рядовых византийцев, не удовлетворилась прощением, которое ей прислали от имени младшего царственного брата. Дочь своего отца, решительная и импульсивная, она потребовала суда над заговорщиками и вообще их *освобождения* (!). Перед широкой аудиторией Мария, щедро раздавая деньги присутствовавшим в храме византийцам, горячо обвиняла протосеаста Алексея в присвоении высших полномочий и требовала: «Протосеаст должен быть выгнан из дворца, как терние, выросшее около благородного растения, исторгнут с корнем и истреблен, потому что это терние, разросшись, задушит, как пшеницу, самодержца».

Царица и протосеваст срочно бросились к Алексею II, чтобы от его имени пригрозить Марии — если она не выйдет тотчас из Святой Софии, ее выведут силой. Та, естественно, отказалась, и в свою очередь окружила храм вооруженными наемниками-итальянцами и исаврами. В скором времени окрестности Святой Софии стали напоминать военный лагерь. В храм прибыл Константинопольский патриарх *Феодосий Ворадит* (1178—1183), пытаясь мягкими речами убедить порфирородную Марию не начинать мятежа, но та оставалась глуха к увещаниям⁷²⁹.

Как известно, константинопольцы всегда были невероятно скоры на волнения, а в данном случае их настроения подогрело то обстоятельство, что народной защиты просила *порфирородная царевна*, дочь их всеобщего любимца. Именно она выступила под знаменем защиты их прав и интересов наперекор иностранцам. Сами собой начались сходки и собрания, на которых раздавались гневные слова о незаслуженной судьбе кесариссы Марии и о подломе протосевасте, который благоденствует не по достоинству. Не обошли едкими словами и мать императора Алексея II, царицу Марию. В общем, обстановка накалилась донельзя. И когда один священник вынес на площадь хоругвь с изображением Христа Спасителя, другой явился с крестом, а третий — со священным знаменем, народ валом повалил на площадь возле Святой Софии. Разъяренная толпа затопила собой Константинополь, разграбляя дворцы и дома людей, близких к царице Марии и протосевасту. «Это была священная война, — говорил очевидец тех событий Евстафий Солунский, — не потому, что церковные люди принимали в ней участие или что она началась в ограде и притворах церкви Святой Софии, но по мысли, которая воодушевляла константинопольскую чернь»⁷³⁰.

Протосеваст срочно созвал совет, чтобы продумать меры по прекращению волнений. Но и без этого было совершенно очевидно — пока порфирородная Мария оставалась в Святой Софии, нечего и мечтать о прекращении апостасии. Поэтому протосеваст Алексей срочно мобилизовал западные и восточные полки, находившиеся неподалеку от столицы, и собрал их в большом царском дворце — теперь в Константинополе возникло два военных лагеря, и город фактически перешел на военное положение.

На рассвете, в субботу, 2 мая 1181 г. правительственные войска под командованием армянина Савватия выступили и заняли храм Св. Иоанна Богослова, оборудовав его как плацдарм. Мятежные части попытались их отбить, и около 3 часов пополудни началось настоящее сражение. Постепенно перевес оказался на стороне цар-

ских частей — они умело окружили Святую Софию и не позволяли вооруженным горожанам прийти на помощь окруженным мятежным полкам. Сторонников кесариссы Марии обстреливали сверху, поражали мечами и копьями, вследствие чего те терпели серьезный урон. Но и полки протосеваста Алексея не решились пройти дальше, поскольку проход к храму стесняли узкие ворота⁷³¹.

И здесь свое веское слово сказал столичный патриарх Феодосий, серьезно опасавшийся, что солдаты, войдя в Святую Софию, осквернят храм и алтарь. Он облачился в парадные одежды и, взяв в руки Евангелие, сошел в притвор этой величественной церкви. А муж порфирородной Марии, собравший около 150 наиболее мужественных и стойких воинов, стал на возвышении и произнес пламенную речь о том, что они не покинут храма, но будут биться с врагами до последнего дыхания. Затем он повел свой маленький отряд в контратаку и выбил правительственные полки из предместий Святой Софии.

Близился вечер этого скорбного дня, не давшего перевеса ни одной из сторон. Пользуясь передышкой, патриарх направил к царице Марии своего посланника, передав негодующие слова против убийц, осквернявших церковь, и требуя заключить мирное соглашение с порфирородной Марией. В свою очередь, к кесариссе явились такие уважаемые византийцами особы, как Андроник Контостефан, великий этериарх Иоанн Дука и многие другие сановники, убеждавшие прекратить боевые действия и обещавшие ей полную амнистию. Наконец, соглашение было достигнуто, и порфирородная Мария вместе с мужем покинула Святую Софию, отправившись в царский дворец⁷³².

Но наступивший мир не был долгов — как ни странно, теперь борьба развернулась вокруг фигуры Константинопольского патриарха Феодосия. Протосеваст Алексей не мог простить ему, что тот поддержал порфирородную Марию, а потому инициировал через не самых самостоятельных во мнении епископов вопрос о низвержении столичного архиерея. Ему активно и удачно противодействовала кесарисса, прекрасно понимавшая, что без патриарха ей грозит неминуемая гибель. В результате все попытки узурпатора выдвинуть какие-то *официальные* обвинения против патриарха ни к чему не привели. И в скором времени архипастырь в окружении громадной толпы народа в праздничном одеянии прошествовал в Святую Софию⁷³³. Казалось, наступило время мира, но все основные события были еще впереди.

Тем временем Андроник Комнин двигался из Пафлагонии, прекрасно зная от своей дочери Марии обо всем, что творится в столице. Его войско постепенно увеличивалось — Андроник умел располагать к себе людей, и уже достигло пределов Понтийской Ираклии. Ситуация в столице стала настолько неуправляемой, а авторитет Андроника достиг той верхней планки, что, появившись он в Константинополе уже в эти дни, его бы ждал неминуемый успех⁷³⁴.

Но вне стен столицы Андроник иногда сталкивался с неожиданностями. Хотя он провозгласил, будто идет защищать законного Римского царя, далеко не все поверили ему. Например, Никея закрыла свои ворота при приближении «освободительной» армии, а Иоанн Дука, близкий родственник протосеаста, на которого была возложена охрана города, решительно отклонил предложения Андроника присоединиться к нему. Аналогичную позицию занял и великий domestik Иоанн Комнин, управляющий Фракией. А в Тарсии против Андроника открыто выступил Андроник Ангел, хотя и потерпел поражение. В этом не было ничего странного: старые воины, знавший *в деталях* все перипетии жизненного пути Андроника Комнина, не обольщались на его счет. Они понимали, что за величественной красотой и благородными седидами, льстивыми речами и рыцарскими манерами скрывается совсем иная натура.

Можно с уверенностью сказать, что авантюра Андроника имела очень мало шансов на успех, если бы не полная неспособность протосеаста Алексея владеть ситуацией. Логика событий подсказывала тому попытаться максимально поднять свой престиж и привлечь на сторону правительственной власти наиболее авторитетных полководцев. А вместо этого протосеаст все ночи проводил в пирушках, отдыхая днем, и совершил несколько откровенных глупостей, подведших итог его краткому узурпаторству. Когда Андроник Ангел, потерпевший поражение от Андроника Комнина, вернулся в Константинополь, протосеаст потребовал от него вернуть деньги, выделенные для найма войска, угрожая судом и расправой. Ангел недолго сомневался и вместе с шестью своими сыновьями на следующее утро уже был в лагере Андроника Комнина. Рассказывают, тот, приветствуя Ангела, процитировал слова из Священного Писания: «Се аз посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобой» (Мф. 11, 10). Ободрившись появлением такого высокородного союзника, Андроник Комнин оставил непокорные Никею и Никомедию и прямо отправился к Константинополю⁷³⁵.

Наконец, войско Андроника стало на ночлег неподалеку от Халкидона, и тот с удовлетворением наблюдал, как из столицы на

его сторону один за другим переходили отряды правительственной армии. Дела протосеваста стали совсем плохи — даже бывшие сторонники считали, что, оставшись в столице, они *уже* выполнили свой долг перед протосевастом и решительно не желали становиться участниками активных действий. Возможно, у него еще оставались некоторые шансы, но протосеваст Алексей сотворил очередную ошибку. Желая затруднить переправу армии Андроника Комнина через Босфор, он вывел в море большой флот, командование которым решил поручить верным латинянам. Но Андроник Контостефан, командующий морскими силами, откровенно воспротивился такому обороту дела. В конце концов Контостефану удалось отстоять свои права, но доверия между ним и протосевастом уже не было.

Тот и сам почувствовал перемену, а потому срочно отправил к Андронику Комнину епископа Георгия Ксифилина с предложением высших почестей и даров в обмен на прекращение апостасии. Увы, Алексей не знал, что его посол втайне сочувствует Андронику и подробно рассказал тому о шаткости законной власти. Конечно, как великий актер и человек, умевший повелевать людьми, Андроник перед своим войском разразился горячей речью, в которой заочно повелевал протосевасту дать отчет в своих беззакониях, требовал от царицы Марии принять монашеский постриг, а малолетнему царю советовал впредь править по римским законам. И почти сразу же получил известия о том, что Андроник Контостефан открыто перешел на его сторону со всем императорским флотом. Теперь всем стало ясно, что счастливая звезда протосеваста закатилась⁷³⁶.

Столица также склонилась перед Андроником. Из тюрьмы освободили его сыновей Иоанна и Мануила, а затем и всех остальных заговорщиков. Самого протосеваста в одну из ночей взяли под стражу наемники-германцы, в полночь отведшие его в темницу, располагавшуюся у патриарших покоев. Откровенно говоря, его нахождение в тюрьме сопровождалось многими издевательствами со стороны наемной стражи, и патриарху пришлось даже вступить за Алексея. Через несколько дней все было кончено — протосеваста вывели из тюрьмы, на рыбацкой лодке перевезли на другой берег Босфора в лагерь Андроника Комнина и там ему выкололи глаза. А царица с сыном по приказу Андроника Комнина срочно переехала из Большого царского дворца в Манганский дворец.

Теперь «спаситель» императора Алексея II, бывшего до сих пор лишь *пассивным наблюдателем* событий, мог с чистой совестью войти в Константинополь. Но этого уже было мало: чтобы дискреди-

тировать самого малолетнего царя и его царственную мать, нужен был *контролируемый всплеск агрессии*, на волне которой Андроник смог бы войти во власть. Способ нашелся очень быстро — тонко чувствуя настроения масс, Андроник объявил настоящую войну латинянам. Переправив через пролив лучшие части своей пестрой армии, Андроник предложил столичным жителям совместно напасть на иноземцев и предать их смерти. Перед этим его агенты усиленно распространяли по столице слух, будто протосеваст договорился с латинянами отдать им Константинополь на разграбление⁷³⁷.

2 мая 1182 г. начался знаменитый *латинский погром*, внесший свою лепту в ненависть Запада к Византии. Участь западных христиан, оказавшихся в столице, была незавидной: убегая от разъяренной толпы, они оставляли дома и искали только спасения, которого не находили. Их убивали на месте, топили в море, вешали, а имущество латинян немедленно разграблялось или конфисковалось. Погиб даже папский легат Иоанн, находившийся в те дни в столице. Над ним мерзко надругались, а затем обезглавили. Оставшихся в живых латинян византийцы продали туркам в рабство — говорят, набралось до 4 тыс. венецианцев, генуэзцев и сицилийских норманнов. Немногие, найдя спасение на кораблях, направились на Принцевы острова, где сожгли несколько монастырей, а затем направились на запад, грабя по пути византийские города и селения⁷³⁸. «Патриоты» торжествовали, даже не догадываясь, чем обернется для Византии это происшествие через 20 лет.

Глава 2. Царственные жертвы

После того как город был очищен от латинян, а поток лиц, спешивших засвидетельствовать свое почтение и покорность Андронику Комнину, резко увеличился, сам Константинопольский патриарх Феодосий вместе с клиром пересек Босфор и прибыл в лагерь победителя. Андроник встретил его театрально-глубоким поклоном, лобызал подошвы сапог и называл «спасителем царя», «ревнителем добра», «поборником истины», «вторым Иоанном Златоустом». Однако отношения между ними не задались с самого начала — патриарх без труда прочел в глазах Андроника его тайные помыслы, а тот понял, что архиерей разглядел адский огонь честолюбия, который по-прежнему сжигал сердце «освободителя». Но ни один из них не подал виду, и разговор продолжился как ни в чем не бывало.

Андроник с напускной грустью сообщил патриарху, будто остался *единственным попечителем* царя Алексея II (кто его назначал? — риторический вопрос), и у него нет даже помощника. Хотя, как помнится, сам Мануил I перед смертью просил патриарха Феодосия позаботиться о сыне и вверил архипастырю управление Римским государством. На это не без тайной иронии патриарх ответил, что с тех пор, как Андроник Комнин подошел к Константинополю, он «отложил попечение».

Это был явный намек на то, что будущая участь юного царя для него небезызвестна. Андроник вскинулся — он тоже понял, что имел в виду патриарх, но тот, не желая открыто конфликтовать с победителем, смягчил слова и заявил, будто церковные правила и преклонные годы не позволяют ему заниматься политическими делами, да и Андроник может без посторонней помощи воспитать мальчика-царя⁷³⁹.

Теперь настало время собирать плоды. Андроник переплыл через пролив, направился в Манганский дворец и, упав перед юным царем на колени, обнял его ноги и зарыдал. Но царицу-мать он удостоил лишь холодным кивком головы. После этого Андроник разбил свою палатку рядом с дворцом и ежедневно принимал торжественные делегации горожан. Здесь случился один эпизод, возможно, окончательно повлиявший на умонастроения Андроника Комнина. Возле его палатки бродил нищий побирушка, которого почему-то приняли за лазутчика. Несчастного схватили и тут же сожгли на костре, поскольку, как считал народ, тот покушался на *божественную особу* Андроника. Поняв, что в глазах обывателей он уже перерос статус «освободителя царя» и значит больше, дядя Алексея II принялся за реализацию второй части своего хитроумного плана, должного обеспечить ему императорский венец.

Переехав в Константинополь, он неожиданно для всех отправился в храм Пантократора на могилу императора Мануила I. Подойдя к гробнице, Андроник упал на колени, воздел руки к небу и заплакал, чем немало удивил современников, знавших, что между ним и Мануилом I не было, мягко говоря, особой любви. Шло время, а Андроник стоял и *как бы* молился. Но некоторые люди, располагавшиеся поблизости, слышали нечто вроде злорадного шепота, в котором с трудом разбирались отдельные слова. Потом свидетели утверждали, будто в тот момент Андроник смеялся над покойным царственным братом, говоря: «Теперь ты в моей власти, мой гонитель! Я буду мстить твоему роду и заплачу жестоким возмездием за все зло, что перенес от тебя»⁷⁴⁰.

После этого Андроник Комнин, как полновластный *регент* царственного племянника, стал настоящим хозяином положения, распоряжаясь государственными делами по своему усмотрению. Царю Алексею II он предоставил только *отдых*, настоятельно рекомендуя заняться псовой охотой, выездкой лошадей и забавами с товарищами. Не медля, Андроник сменил весь штат придворных сановников, поставив на их место выходцев из Пафлагонии, своих родственников и других близких людей. Было освобождено от постов множество сановников, а некоторые даже брошены в тюрьму по ложным обвинениям. Опасаясь оппозиции, регент начал умело сталкивать различные политические партии между собой, сея недоверие и... страх. Для большего эффекта Андроник начал широко использовать секретных агентов и тайные доносы, полагая их в основу освобождения лица от должности или ареста.

Взаимное недоверие стало рождаться даже между близкими родственниками, и «брат не смотрел на брата, а отец на сына» — все опасались наветов. Когда Иоанн Кантакузен послал привет брату своей жены Константину Ангелу, содержащемуся в темнице, его тут же арестовали и ослепили как потенциального мятежника. Все смешалось в Византийской империи: человек мог утром слушать приветственное слово Андроника Комнина, а вечером уже находиться в тюрьме. Не обошла стороной злая судьба и тех, кому Андроник был обязан своим успехом — кесариссу Марию, дочь Мануила I, и ее мужа. Вначале внезапно скончалась она, а затем и ее супруг — все говорили, что их *отравили* по приказу Андроника Комнина⁷⁴¹.

Надо сказать, достигая вершины политической пирамиды, Андроник действовал очень аккуратно, чтобы нигде не продемонстрировать личной заинтересованности в устранении врагов (реальных и потенциальных), а также постепенно косвенно приучая всех к мысли о наличии у него царственных прав. В первую очередь Андроник вознамерился устранить от императора его мать. Он умело запустил слухи, будто царица плетет интриги против него и действует противно благу государства. Дошло до того, что регент за деньги возбудил толпу, требовавшую следствия над царицей Марией, и направил мятежников к патриаршим покоям. Опасаясь угроз, патриарх дал согласие на следствие и удаление императрицы из дворца. Помимо этого, как соучастники царицы, были устранены и наиболее уважаемые вельможи⁷⁴².

Вторым препятствием, от которого необходимо было как можно быстрее избавиться, стал Константинопольский патриарх Феодосий, неблагоклонно взиравший на политику Андроника. Повод

разобраться с ним вскоре нашелся. Андроник решил выдать свою дочь Ирину замуж за незаконнорожденного сына императора Мануила I Алексея. Поскольку жених и невеста приходились друг другу близкими родственниками (их матери являлись двоюродными сестрами), Андроник направил запрос в синод. Многие епископы откровенно испугались отказа могущественному регенту, другие, подкупленные им, открыто высказывались за. Противостоял незаконию лишь Константинопольский патриарх Феодосий, ни за что не соглашавшийся одобрить этот неканоничный брак. Видя, однако, что находится в явном меньшинстве, архиерей добровольно сложил с себя сан и отправился на остров Теревинф на покой. Это был настоящий подарок судьбы для Андроника, и он немедленно приказал возвести на патриарший престол *Василия Каматира* (1183—1187), жарко пообещавшего регенту, что будет выполнять *любо* его желание⁷⁴³. А больше ничего и не требовалось.

Между тем помимо интриг Андронику следовало бы заняться делами государства. Дело в том, что, узнав о смерти императора Мануила I, Иконийский султан покорил города Созополь и Котий, осадил Аттал и захватил множество областей в Сирии и Малой Азии. Но Андронику было не до этого. Единственного полководца, могущего противостоять туркам, — Иоанна Комнина Ватаца, он обвинил в попытке узурпировать царскую власть, а тот, отправившись в Филадельфию, обвинял в аналогичных умыслах Андроника. Пренебрегая турецкой угрозой, регент направил против Ватаца полководца Андроника Лапарда с войском. Но Лапард, все достоинства которого ограничивались умением льстить, не устоял против профессиональных воинов, и кто знает, как сложилась бы далее история Византии, если бы Иоанн Комнин Ватаца не умер от болезни. Его сыновья бежали к туркам, но позднее случайно попали в плен к византийцам и по приказу Андроника Комнина были ослеплены. Однако и этот эпизод Андроник использовал к своей выгоде. Он отправился к Алексею II и долго убеждал императора в том, что отсутствие у него *должного статуса* постоянно вызывает зависть посторонних лиц. Регент просил признать себя *соимператором* и, получив согласие царственного дитя, изолированного от матери, отправился вместе с ним в Святую Софию, неся мальчика на своих плечах⁷⁴⁴.

Это переполнило чашу терпения *настоящих* патриотов Римского государства. Состоялся заговор, в который вошли сын Константина Ангела Андроник, Андроник Контостефан и 16 его сыновей, дромологофет Василий Каматир (тезка нового патриарха) и многие

другие знатные аристократы. Хотя заговорщики поклялись друг другу довести задуманное дело до конца, кто-то донес, и Андроник успел арестовать почти всех. Заговорщиков даже не передали суду, а просто ослепили, вслед за чем кара обрушилась и на головы других сановников, которых Андроник также решил устранить со своего пути.

Теперь оставалось окончательно разделаться с царицей. Хотя она уже и была неопасна, но Андроник обвинил ее в тайных сношениях с Венгерским королем и руками послушного суда приговорил к смертной казни. Царь Алексей II, оставшийся совершенно одиноким и беззащитным, дал согласие на казнь собственной матери — так что, как говорили, приговор был подписан «брызгами материнской крови». Зная Андроника Комнина, трудно представить себе, что и на этот раз все обошлось без обмана и силы — наверняка мальчик был или смертельно запуган, или ему пообещали, что смертный приговор не приведет в исполнение.

Но одно дело — вынести приговор, другое — *казнить* царицу. Когда сын Андроника Мануил и брат его жены севаст Георгий узнали, что по приказу регента им надлежит умертвить царицу Марию, они наотрез отказались, хотя и знали, *что* последует за отказом. Но это не остановило цареубийцу, по приказу которого этериарх Константин Трипсих и евнух Птеригионит задушили несчастную женщину, закопав ее тело в морском песке на берегу⁷⁴⁵.

В сентябре 1183 г. Андроник решил открыто венчать себя императорским венцом. Он умело воспользовался тем, что в Никее против него подняли восстание Исаак Ангел и Феодор Кантакузен, и заявил, что до тех пор, пока царская власть слаба — он имел в виду малолетство Алексея II, — мятежи не прекратятся. Нужен *настоящий* василевс, и он готов принять на свои плечи эту тяжелую ношу. Поскольку публика в совете была подготовлена заранее, все в один голос закричали, что только и мечтали об этом, но не решались предложить Андронику царский сан, зная его скромность. Пригласили императора Алексея II, который, увидев себя одиноким в окружении орущей толпы сановников, в страхе вынужден был согласиться с «народным мнением».

На следующий день в храме Святой Софии произошло венчание регента Римским царем **Андроником I Комнином**, а попутно изменился и порядок величания: теперь на первом месте в официальных документах значился Андроник I, а затем уже Алексей II. Чтобы несколько смягчить впечатление от этого спектакля, новый василевс, причастившись Святых Даров, клятвенно заверил Алексея II,

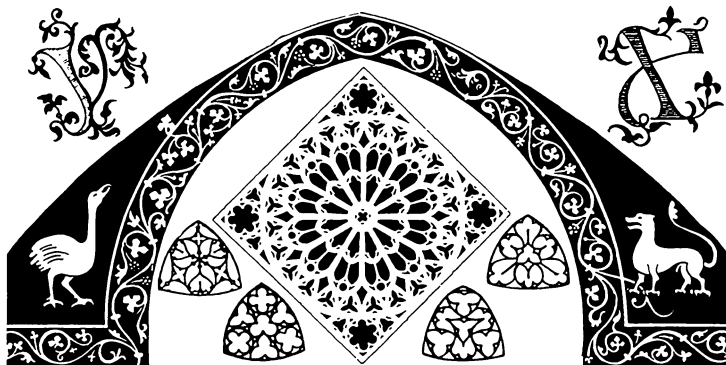
будто принял царскую власть исключительно для того, чтобы помочь ему.

Но это был уже последний акт трагедии, разыгранной безжалостным убийцей. Буквально через несколько дней Андроник I созвал совет, на котором высказал ту мысль, будто «вредно многоначалие, а нужен один царь и один повелитель». Решением этого сомнительного органа император Алексей II Комнин был *лишен царской власти* (!). Но и этого Андронику I казалось мало — по его тайному приказу некоторые члены совета предложили *умертвить* Алексея II. Официальные мотивы этого мерзостного поступка не дошли до нас. Возможно, юного императора обвинили в тех же преступлениях, которые ранее инкриминировались его покойной матери.

Беспрецедентность и мерзость этого поступка были настолько очевидны для всех присутствующих, что кто-то из наиболее совестливых членов собрания даже заявил: «Свяжем праведника; он не нужен нам, и даже смотреть на него тяжело». Мальчика отвели в охраняемую комнату, а ночью Стефан Агиохристофорит, Константин Трипсих и Феодор Дадиврин, начальник ликторов, задушили Алексея II тетивой от лука.

Когда труп царя-мальчика принесли к Андронику I, тот пнул его ногой, грязно выругался, проколол иголкой ухо покойного, продел нитку и прилепил к ней воск, на который приложил свою печать. Затем по приказу узурпатора голову мальчика отрубили, а тело царственного агнца, положенное в свинцовый ящик, бросили в море⁷⁴⁶. Так пресеклась ветвь великого императора Мануила I Комнина, а для Римской державы наступили страшные дни.

ЛХІІІ. ИМПЕРАТОР АНДРОНИК І КОМНИН (1183—1185)

Глава 1. Авантюрист и предатель

Откровенно говоря, описание царствования далеко не самого блестящего по личным качествам и результатам правления Византийского императора доставляет немного удовольствия. Но закон избранного жанра обязывает нас остановиться и на этой малопривлекательной фигуре. Итак, кто же он, избранник судьбы, столь настойчиво и бесцеремонно предлагавший себя фортуне в качестве Римского царя?

Андроник І Комнин, средний сын протосеваста Исаака Комнина, родился в 1124 г. и провел все детство и юность при дворе своего дяди императора Иоанна ІІ, воспитываясь с будущим василевсом Мануилом І. Интересно, что матерью Андроника І была *Русская княжна Ирина*, дочь Перемышльского и Звенигородского князя *Володаря Ростиславовича* (1085—1124) из рода Рюриковичей — деталь, много значившая впоследствии. Во дворце Вукелеон царила атмосфера набожности и даже аскетизма, введенная еще бабушкой царевичей Анной Далассиной. Дети прекрасно знали Священное Писание и Святоотеческую литературу. Например, Андроник І особенно любил послания апостола Павла и многие из них знал наизусть. Помимо этого, мальчики активно обучались военному искусству и государственному управлению. Мануил и Андроник, сверстники и товарищи, вскоре стали неразлучными друзьями, коротая время не только в литературных упражнениях, но и на охоте, кулачных состязаниях, турнирах и пеших переходах.

Однако со временем их дружба переросла в молчаливое *соперничество*. Оба красивые, мужественные, отважные, они были прирожденные лидеры, привыкшие повелевать, но глубоко различные по характеру и складу ума. Мануил I с детства являл пример рассудительности и здравого мышления, что не мешало ему, конечно, демонстрировать временами какую-то отчаянную храбрость. По физическим качествам Андроник I не уступал царевичу: он был невероятно высок — около 2 метров, обладал железным здоровьем и никогда не болел. Подобно героям поэм Гомера, сотоварищ Мануила I питался одним жареным мясом, которое запивал вином⁷⁴⁷.

Однако, в отличие от выдержанного брата, умевшего не только повелевать, но и послушаться, Андроник I, *пропитанный гордыней*, быстро впадал в гнев, был хитер и скрытен. Эти недостатки он компенсировал величественной осанкой, геркулесовой силой, остроумием, *внешним* дружелюбием и превосходной памятью. Кроме того, его отличали великолепные данные актера, врожденное умение привлекать к себе людей, коммуникабельность, мужество и хитрость⁷⁴⁸. Вследствие личной храбрости он стал настоящим кумиром солдат⁷⁴⁹. Однако при всех многосторонних увлечениях только две страсти по-настоящему занимали Андроника I — женщины, на которых он был просто ненасытен, и царская власть. Титул Римского царя не давал ему покоя уже с юношеских лет, и он был готов продать душу для достижения своей цели. Что, собственно, и произошло, как мы уже видели.

Когда царство досталось Мануилу I, отношения между братьями начали понемногу изменяться. От императора не укрылось горячее стремление Андроника I к превосходству над другими людьми, и уже в первом походе 1143 г. василевс не решился оставить двоюродного брата в столице. Внешнее объяснение этому поступку заключалось в желании использовать Андроника I для штабной работы. На самом деле Мануил I просто опасался, что в его отсутствие брат может организовать заговор. В походе отношения между ними еще более охладели — как-то раз Мануил I, пожелавший лично возглавить атаку на турок, забрал у Андроника I лошадь, поскольку его собственный конь захромал. Тот подчинился, но в глубине души посчитал себя оскорбленным и положил на сердце память об этом случае. Впрочем, вскоре Андроник I отправился на охоту и по легкомыслию попал в руки турок Иконийского султана. Брату удалось выкупить его из плена только в конце 1143 г.⁷⁵⁰

Но Мануил I по-прежнему многое прощал Андронику I. В 1151 г. император даже доверил Андронику I важную военно-

дипломатическую миссию на Востоке — усмирить мятежного Армянского князя Тороса и решить вопрос о браке Констанции, вдовы Антиохийского князя Раймунда. С 12-тысячным войском Андроник I прибыл в Киликию и осадил Мопсуестию, однако в 1152 г., вследствие беспечности, потерпел поражение во время одной неожиданной вылазки осажденного гарнизона — сам полководец в это время находился на пирушке. На поле боя погиб севаст Феодор Контостефан, а византийская армия попала в плен; только один командующий спасся бегством. Андроник вернулся в столицу, но император *при всех* простил его и даже наградил ценными дарами, продолжая отдавать ему предпочтение перед остальными родственниками. Наедине же царь выбралил Андроника в жестком стиле, укорял в нерадении, изнеженности и т.п. Все же Мануил I и Андроник I являлись братьями и товарищами по детским играм⁷⁵¹.

Следующей кампанией, в которой царь дал брату возможность реабилитироваться, стала Греко-венгерская война — Андроник получил титул главнокомандующего войсками, располагавшимися вблизи балканской границы. Но там-то и проявилось в первый раз тайное желание Андроника завладеть царской властью. Он начал тайные переговоры с врагами Византии, предложив Венгерскому королю Гезе II города Ниш и Браничев в обмен за помощь, которую тот должен был ему оказать в борьбе за царство. Договорились, что во время совещания на военном совете Андроник должен убить василевса, а венгры по условленному сигналу перейдут границу и нападут на Римскую империю. Помимо этого, Андроник направил своих тайных гонцов к Германскому королю Фридриху I Барбароссе, также с просьбой о помощи против василевса⁷⁵².

Желая подстраховаться, а хитрости Андронику было не занимать, он отправился к императору и попытался «залегендировать» каким-то образом свои связи с венграми и германцами. Но василевс уже знал об измене из нескольких источников, хотя опять не предпринял никаких карательных мер по отношению к изменнику. Вместо этого император взял его с собой в поход в Пелагонию, который состоялся в 1153 г.

Чем милостивее казался Мануил I, тем сильнее разгоралась ненависть Андроника — желание погубить царя наполнило его существо и заняло все помыслы. В походе, во время одной ночной стоянки, Андроник решил убить императора, проникнув вместе со своими исаврийскими воинами в царский шатер. По счастью, двоюродный брат василевса Иоанн узнал его и поднял тревогу; покушение не удалось. Совершенно невероятно, но и этот эпизод прошел для

Андроника безнаказанно: Мануил I не стал проводить расследования. Тогда в следующую ночь он повторил попытку убить василевса, и так же неудачно. На время Андроник затих.

Долготерпение царя объяснялось, по-видимому, просто: уже давно Андроник состоял в кровосмесительной связи с троюродной племянницей Евдокией, дочерью своего двоюродного брата Андроника. С ней он открыто появлялся во дворце, а когда ему делали замечание, отшучивался: «Подданному приличествует подражать своему господину», намекая на то, что сам император в это же время поддерживал любовную связь с племянницей Феодорой, сестрой Евдокии. От этих слов брат Евдокии Иоанн Комнин и его зять Иоанн Кантакузен буквально хватались за мечи. Как говорят, братья Евдокии не раз пытались по-своему рассчитаться с ним.

Однажды он остался на ночь в палатке Евдокии, когда его возлюбленная увидала, как ночью молодые люди окружают ее становище — безусловно, чтобы убить Андроника. Евдокия предложила своему любовнику переодеться в платье ее служанки и, используя этот трюк, выйти невредимым из опасной ситуации. Но нужно было знать Андроника — предпочитая умереть, чем выглядеть смешным, он категорично отказался, а под утро, рассекши мечом полотно палатки, одним прыжком выпрыгнул вовне и на глазах оцепеневших убийц удалился⁷⁵³. Естественно, братья Евдокии не упускали ни единого случая, чтобы очернить Андроника в глазах самодержца, и Мануил I сносил все сообщения об измене на этот счет, а потому не спешил арестовывать своего брата.

О попытках Андроника убить императора узнала царица Ирина, направившая для охраны царственного супруга 30 надежных телохранителей, но сам Мануил I по-прежнему хранил молчание. Все расставил на места случайный эпизод. Однажды император отправился гулять и увидел брата, чистящего свою лошадь. Он спросил его: «Что означает такое ухаживание? Неужели у тебя нет слуг, которые могли бы почистить животное?» На что Андроник, не моргнув глазом, ответил: «Я ухаживаю за ним для того, чтобы, отрубив голову у ненавистнейшего мне из всех людей, уйти на нем»⁷⁵⁴. А скорее поступили сообщения о том, что Венгерский король Геза II действительно начал наступление на Браничев. Все стало на свои места: в 1154 г. Андроника осудили за измену и посадили в столичную тюрьму⁷⁵⁵.

Надо сказать, что в темнице Андроник продемонстрировал редкое хладнокровие и сообразительность. Тщательно исследовав свою камеру, он неожиданно нашел небольшой проем. *С годами* расширив его руками, узник спрятался в дыре и заложил проем изнутри кирпичами.

Когда тюремщик пришел в камеру, заключенного в ней не оказалось. Весь Константинополь был поднят по тревоге, перекрыли гавань и все дороги, но Андроника так и не нашли. А он тем временем спокойно сидел в проеме, и когда в его же камеру посадили жену за соучастие в заговоре (парадоксальное совпадение!), даже имел с ней несколько любовных свиданий — фантастическая история. Как говорят, сын Андроника Иоанн даже был зачат в тюрьме во время этих встреч. Затем, осенью 1158 г., пользуясь ослаблением контроля со стороны стражи, Андроник бежал, но был опознан в одной из деревень, куда пришел, влекомый чувством голода. Его вновь препроводили в столицу и опять посадили в темницу⁷⁵⁶.

Император тем временем находился у границ Малой Армении, и сообщение о розыске Андроника вызвало в нем тревогу. Еще не зная о том, что беглец пойман, он направил в столицу Иоанна Каматира с тем, чтобы тот на месте во всем разобрался. Но в 1164 г. Андроник уже сумел второй раз выбраться из тюрьмы, причем довольно ловким способом. В темнице у него в услужении находился один юноша-тюремщик, *этнический русский*, с которым заключенный быстро сговорился. По-видимому, рассказав слуге о своей русской матери, Андроник сумел завоевать его сердце. А знание русского языка позволило засекретить их разговоры от других стражников. Слуга сделал копию с ключа тюремной камеры, и Андроник, договорившись заранее со своим сыном Андроником (опять же, через слугу), спрятался в одной из башен заброшенного Вуколеонского дворца. Два дня его безрезультатно искали, и, наконец, в следующую ночь беглец по веревке спустился с башни и на лодке поспешил в открытое море. Тут его заметила стража, но Андроник, никогда не терявший присутствия духа, отговорился тем, что он — домашний раб, сбежавший от господина. Стражи оттаяли и, поощряемые золотым браслетом, который им подарил беглец, отпустили его. Андронику удалось добраться до Анхиала, а оттуда, запасшись продовольствием, он бежал в Галицкую Русь, откуда родом была его мать⁷⁵⁷.

Впрочем, дальнейшее путешествие также не обошлось без приключений. По дороге его задержала валашская стража, но и из их рук Андроник сумел вырваться, притворившись больным. Затем лесными тропами в конце 1164 г. он прибыл к Галицкому князю.

На Галицком престоле в то время сидел *Ярослав Осмомысл* (1153—1187), формально являвшийся вассалом Византийского императора, но нисколько не озаботившийся тем, что скрывал государственного преступника Римской империи. Андроник приходился ему двоюродным братом по матери, а потому он организовал родственнику

радушный прием и даже помог собрать войско из половцев, с которым беглец рассчитывал напасть на Византию. Однако секретная служба Византийской империи работала превосходно, и о замыслах Андроника вскоре стало известно в Константинополе. Император Мануил I в то время воевал с Венгрией, кроме того, ему очень не хотелось осложнять отношения с русскими княжествами. Поразившись, василевс отправил в Галич посольство, привезшее Андронику весть о том, что император простил его и приглашает к себе. Тот не стал противиться и вернулся в Константинополь. При встрече император обнял его, и Андроник в свою очередь клятвенно обещал никогда более не затевать ничего против василевса. В апреле 1165 г. он уже воевал в Венгрии у крепости Зевгмин⁷⁵⁸.

Однако на самом деле *полурусский византиец* не забывал о своей давней мечте, и когда по окончании войны с Венгрией василевс решил женить свою дочь Марию на Венгерском принце Белле-Алексее, который должен был стать через какое-то время Римским императором, Андроник открыто возмутился. Во-первых, сказал он, у царя от второго брака может появиться наследник. Зачем же сейчас приносить присягу венгру? Во-вторых, «император, видимо, лишился разума, если не считает никого из римлян достойным руки своей дочери, а избрал ей в супруги иноземца к стыду всех тех, кем правит». Это стало открытым и дерзким вызовом царю, и Мануил I поспешил отправить буйного брата на Восток, предоставив тому должность дуки Киликии⁷⁵⁹.

Чтобы обеспечить брата средствами для найма армии, василевс передал Андронику доходы от острова Кипр. Но тот не самым удачным образом использовал доверие царя: решив дать сражение Армянскому князю Торосу, он настолько медленно разворачивал боевые порядки, что армяне успели первыми нанести удар и разгромили византийцев. Не спеша возвращаться в Константинополь, в конце 1166 г. Андроник I отправился в Антиохию, где обольстил княжну *Филиппу*, сестру Византийской императрицы Марии — вновь наш «герой» умудрился стать участником кровосмесительных отношений. Известие об этом «подвиге» двоюродного брата привело василевса в негодование. Он тут же направил в Антиохию севаста Константина Каламана, поручив тому принять на себя правление этим княжеством и решить вопрос о женитьбе на Филиппе. Но та даже не удостоила Каламана беседы, заметив, что ей не нужен «второсортный» сановник, когда перед ней член царской рода, герой-любовник Андроник. Сконфуженный Константин Каламан

оставил Антиохию и отправился в Тарс, где искал утешения в войне с Арменией⁷⁶⁰.

Однако и Андроник опасался угроз василевса, а потому спешно перебрался с громадной суммой денег, собранных с острова Кипр и в Киликии, в Палестину, а оттуда в город Аку, где был принят вдовой Иерусалимского короля Балдуина III бывшей византийской принцессой Феодорой. И вновь сердце красавицы не выдержало галантных атак 42-летнего мужчины, завоевавшего ее любовь. Одна незадача — и на этот раз связь оказалась родственной, поскольку Феодора приходилось дочерью севастократора Исаака, т.е. племянницей Мануила I и Андроника I. Тем не менее из всех любовных приключений нашего авантюриста это оказалось самым крепким и долговечным.

На этот раз император взорвался — Андроник путал ему все политические планы и открыто игнорировал царские поручения. В Келесирию был отправлен приказ царя арестовать мятежника и немедленно ослепить его, как преступника. Но и на этот раз удача улыбнулась покорителю женских сердец: приказ попал в руки его возлюбленной, и вместе с Феодорой Калужиной Андроник в конце 1168 г. бежал из Палестины.

Несколько лет они скитались из одной страны в другую, повсеместно встречая радушный прием и получая богатые подарки. В 1170 г. Андроник I и Феодора остановились в Грузии, где у них родился сын Алексей. Там Андроник даже участвовал в войне против дербентских хазар на стороне Грузинского князя. Поскольку второй женой Андроника являлась грузинская княжна, родственники приняли беглеца очень хорошо. Но неугомонный искатель счастья не стал задерживаться в Грузии, и в период с 1173 по 1177 г. путешествовал по Кари и Армении. Наконец, чета беглецов осела в Халдее у эмира *Салтуха*, владевшего областями, расположенными рядом с Колонеей и Халдеей. Андроник I, которому уже перевалило за 50 лет, снискал себе славу войной против собственного отечества, нападая с турками на приграничные византийские крепости. За это он был *анафематствован Церковью*⁷⁶¹.

Родственник-предатель уже настолько надоел к тому времени императору Мануилу I, что он приказал своим агентам похитить жену и детей Андроника, вынуждая того оставить свои убежища. Дука Трапезунда *Никифор Палеолог* (1179) блестяще выполнил это поручение, и тогда Андроник действительно отправил в Константинополь делегацию просить прощения у императора, а затем в конце 1179 г. явился и сам. Его выход на сцену был, как всегда, впечатля-

ющ — Андроник явился в царский дворец, укутанный в длинный плащ, под которым скрывались свисающие до пят цепи. Когда он оказался перед василевсом, плащ распахнулся, открывая вериги, а сам Андроник со слезами на глазах пал ниц, вымаливая милость царя. Мануил I был растроган до слез и обнял брата. Андронику приказом василевса была передана в управление область Понта в Пафлогонии⁷⁶². Там он встретил известие о смерти своего ненавистного царственного брата, и старые желания пробудились в Андронике с новой силой. Последующий ход событий, обеспечивших его императорским титулом, нам уже известен.

Глава 2. Тиран и убийца

Нужно было очень сильно желать царской власти и быть таким авантюристом, как Андроник I, чтобы не побояться взять императорский венец тем способом, который он избрал. При всей шаткости царской власти во времена слабых правителей, при многочисленных заговорах против законных царей, так бесцеремонно отрешить от власти законного наследника и затем убить его — это было *слишком* для византийцев. Не прошло и месяца с описанных выше событий, как Андроник Лапард оставил государственную службу и направился на Восток, подготавливая оппозицию Андронику I. Феодор Кантакузен поднял мятеж против нового василевса в городах Пруса и Лаподион, а Исаак Комнин объявил себя *василевсом Кипра*. И первые шаги нового императора были направлены не на противодействие врагам, заметно активизировавшимся в последние три года, а на войну с собственным народом.

Андроник Лапард был схвачен согладатаем царя Кефом в Атрамитии и ослеплен. Весной 1184 г. Андроник I передислоцировал армию Врана из-под Браничева, где она уже 2 года воевала с армией Венгерского короля *Беллы III* (1172—1196), в Лаподион, к Никее. Началась осада этого города, защищаемого Алексеем Ангелом. Желая вселить в сердца никейцев страх, Андроник I приказал привязать к тарану, которым проламывали городскую стену, мать Алексея Ангела Ефросинью (!). Но достиг обратного результата — ночью никейцы сделали вылазку и освободили несчастную женщину. Взять город Андронику I помог счастливый случай — во время одной из вылазок командующий восставшими Феодор Кантакузен упал с лошади и был буквально *изрезан* на куски солдатами императорской армии. Дух защитников города упал и, посоветовавшись

со своим епископом, они сдали Никею в надежде на милость царя. Ее, однако, не последовало — Андроник I оставил в живых только Исаака Ангела, а всех сановников и знатных людей Никеи казнил. Турок, сражавшихся на стороне никейцев, посадили на кол, рядовых греков сбросили с крепостной стены⁷⁶³.

Летом 1184 г. Андронику I сдался город Пруса, жителям которого он обещал сохранение жизни, но, как обычно, слова не сдержал. Феодор Ангел был ослеплен и выброшен на дорогу на произвол судьбы, Мануил Лахан, Лев Синезий и 40 городских сановников — повешены на деревьях, другие приговорены к ампутации конечностей или ослеплены. Жителей Лаподиона ждала та же участь. К середине 1184 г. все восставшие были разгромлены⁷⁶⁴.

Андронику I хватало ума и политического опыта понять, что в глазах византийцев его власти не хватает легитимности. Поэтому следующим шагом он потребовал от послушного его воле патриарха и синода освободить себя и других от клятвы верности, данной еще Мануилу I и Алексею II, пообещав взамен привилегии епископам. Когда его просьба была удовлетворена, Андроник I тут же отозвал свое слово о привилегиях, банально всех обманув.

Но и теперь, как оказалось, далеко не все византийцы считали его власть легитимной. И тут Андроник I соединил в одном действии две самых сильных страсти, рабом которых всегда и являлся: он женился на вдове Алексея II *Агнессе-Анне*, дочери Французского короля *Людвика VII* (1137—1180) против ее воли, чем вызвал откровенное отвращение своим поступком в обществе. Общественное мнение Европы было возмущено в неменьшей степени. Девочка, которой едва исполнилось 11 лет, оказалась в руках 60-летнего сластолюбца, но патриарх Василий Каматир, несмотря на явное отсутствие каноничных оснований для брака (для Андроника I этот союз считался кровосмесительным и третьим по счету), венчал «молодых»⁷⁶⁵. Удивительно, но сама Агнесса-Анна отреагировала совершенно спокойно на это событие. При дворе Андроника I всегда было достаточно доступных женщин, флейтисток и просто гетер, чтобы он был вынужден навязывать себя в качестве любовника. Анне льстило, что ее приглашают на различные торжества, украшают пышными нарядами и, кроме того, сам Андроник I, несмотря на старость, по-прежнему сохранил непередаваемое обаяние как мужчина — женщинам очень нравилось его общество⁷⁶⁶.

Чрезвычайно честолюбивый, Андроник I решил запечатлеть себя на века. Он заранее подготовил свою гробницу в великолепном храме Сорока Мучеников, расположенном в центре Константинополя,

куда перенес останки первой супруги. У него была также мысль поставить собственную конную статую на высоком медном постаменте. Напротив, изображения казненной царицы Марии и умерщвленного императора Алексея II он потребовал повсеместно уничтожить или представить в комичном виде. Например, портрет царицы, красота которой являлась общеизвестной, он повелел переписать в виде старухи с морщинистым лицом⁷⁶⁷.

Следующий способ укрепления власти, задействованный Андроником I, касался широкой аграрной реформы. Войны, которые почти непрерывно велись в предыдущее столетие его предшественниками по престолу, очень сильно ударили по экономическому состоянию Византии и в первую очередь по свободному крестьянству. Представители династии Комнинов были заинтересованы в том, чтобы сосредоточить основные земельные наделы в руках аристократии, из которой формировалась армия. Теперь Андроник I разрушал эту систему, заботясь, конечно, о том, чтобы устранить централизованную оппозицию. *Попутно* его реформа оказалась благодатной для крестьянства, вновь приобретшего свободу. Еще в декабре 1182 г. он отменил закон о запрете продавать земли, выделенные стратиотам и лицам недворянского происхождения, а в 1184 г. ограничил площади земельных владений аристократов. Эти мероприятия самым благодатным образом повлияли на развитие сельского хозяйства, и нередко на стенах храмов появлялись изображения василевса в образе усталого труженика с серпом в руках.

Кроме того, Андроник I решительно пресек практику продаж государственных должностей в столице и провинции, заменил государственный аппарат в фемах, установил высокое жалованье правителям, направляемым на периферию, и поднял планку византийского правосудия. Как и многие другие императоры, Андроник I очень любил лично разбирать жалобы и судебные споры, а помимо этого дал жесткую установку судебным чиновникам стоять на страже интересов закона и рядовых обывателей, а не сильных мира сего. Он же жесточайшими способами положил конец налоговым злоупотреблениям чиновничества. Нет сомнений в том, что многие из этих мер должны были создать положительный образ царя — главный мотив в действиях Андроника I, но объективно они во многом способствовали подъему народного хозяйства⁷⁶⁸.

В этом отношении заслуг Андроника I нельзя приуменьшать. Самые злословные его недоброжелатели были вынуждены признать, что методы его борьбы с коррупцией хотя и отличались предельной жестокостью, однако были чрезвычайно эффективны. Правда,

уничтожение поземельной аристократии, которая уже давно стала оплотом и основой политической элиты Римского государства, обессиливало державу⁷⁶⁹.

Отныне только один человек в Византийской империи имел право жить в роскоши — сам Андроник I. Он решительно пресек излишества царского двора, слыл бережливым правителем, а конфискованное имущество многих осужденных аристократов направлял на общегосударственные нужды. Конечно, его едва ли не *боготворили* в провинции простые обыватели, жизнь которых во многом изменилась к лучшему⁷⁷⁰.

Интересное описание экономического подъема Византии тех лет дал один западный современник. «Города настолько полны золота, пурпура, шелка, что таких строений с соответствующим богатством нельзя больше видеть нигде. Греки одеваются в шелк, отделанный золотом, ездят верхом, подобно сыновьям князей. Страна очень обширна, богата плодами, но и хлеб, и мясо и вино имеются там в таком изобилии, что никакая другая страна не может похвастаться подобным богатством. Жители сведущи в греческой литературе; одним словом, они живут счастливо, каждый под своим виноградником и фиговым деревом». Достаточно сказать, что в то время численность Константинополя достигала, по разным оценкам, от 800 тыс. до 1 млн жителей⁷⁷¹.

К чести Андроника I, ему принадлежит освобождение морской торговли от пиратства. По устоявшемуся обычаю корабли, потерпевшие крушение и выброшенные на берег, разграблялись местными жителями. Это стало уже настолько привычным, что никакие царские указы в старые времена не давали результатов. Доложили Андронику I, и тот заявил: «Нет ничего такого, что бы не могло быть исправлено царями. Нет ни одного незаконного дела, которого они не могли бы уничтожить своей силой» А потом добавил, что, вероятнее всего, его предшественники были нерадивы. По приказу Андроника I всех похитителей чужого имущества стали безжалостно вешать на реях кораблей, и пиратство вскоре прекратилось⁷⁷².

Однако напрасно царя считали «национальным лидером» — как только ситуация требовала поворота к Западу, Андроник I немедленно менял свои пристрастия. Опасаясь союза венецианцев с норманнами, он обещал восстановить их торговые привилегии и обеспечить интересы Венецианской республики. Римскому папе *Луцию II* (1181—1185) василевс отправил послание, в котором обещал возвести в Константинополе храм, где служба будет проходить по латинскому обряду⁷⁷³.

Понятно, что изменения, инициированные императором, вызвали негативную реакцию в аристократической среде, на что Андроник I ответил жесточайшим террором. Была введена невиданная ранее в Византии *публичная казнь*, как на Западе, и почти каждый день кто-нибудь из представителей знатных семей оказывался на эшафоте. Как правило, подозрительное лицо подлежало ослеплению, а его жена и дочери пострижению в монашество, но многих предавали смерти. Никто не мог считать себя свободным от ложного обвинения, и помимо настоящих недоброжелателей Андроника I гибли даже его ближайшие подручные и слуги. В 1184 г. Константин Макродука, фанатичный приверженец тирана, был обвинен в оскорблении царского величества и казнен. Константин Трипсих, убийца царственной Марии и императора Алексея II, был брошен в тюрьму и ослеплен. Братьев Себастьянов повесили якобы за то, что они пытались посадить на царский трон Алексея Комнина, незаконнорожденного сына императора Мануила I. Самого Алексея ослепили и держали в тюрьме Хеле, на маленьком острове Черного моря. Мамал, секретарь Андроника I, был сожжен на костре, на ипподроме⁷⁷⁴.

Изоцренный садист, направивший весь свой талант на удовлетворение собственных сладострастий и мести, Андроник I однажды придумал совершенно «уникальную» в своем роде казнь. Чтеца храма Святой Софии Георгия Дисипата по приказу Андроника I едва прилюдно не сожгли на медленном огне на вертеле, чтобы потом это «блюдо» поставить на обеденный стол вдовы несчастного клирика⁷⁷⁵.

Проскрипционные списки, ежедневно составляемые Стефаном Агиохристофоритом, выносились на утверждение Императорского совета, и сам тиран изучал протоколы его заседаний, тщательно наблюдая за реакцией синклитиков. Уничтожались все возможные претенденты на царский престол, вне зависимости от их вины, а затем даже *гипотетические* враги. Дошло до того, что сын Андроника I Мануил отказался помогать отцу в его делах. Тогда тот назначил своим преемником второго сына — Иоанна, но и тот со слезами на глазах начал упрекать родителя в чудовищных злодеяниях. Андроник I назвал его в ответ «плаксой» и объяснил, что *в идеале* желал бы сохранить жизнь одним мясникам, пекарям, фармацевтам, а остальных можно и уничтожить⁷⁷⁶.

Казалось, Андроника I вообще не интересовало ничего, кроме вопросов укрепления власти и собственной безопасности, хотя внешнее положение Римской империи в годы его правления стало

крайне тяжелым. Верный Мануилу I Венгерский король Белла III вовсе не собирался присягать на верность узурпатору, а потому в 1181—1183 гг. захватил Далмацию, Браничев, Белград и Ниш. Он скооперировался с сербами и вслед за этим захватил Сердику (Софию). Сербский жупан *Стефан Неманя* (1170—1196), заявивший в 1170 г. о независимости объединенной им Сербии от Римского государства, также расширил свои владения за счет византийских земель. Он захватил города Перник, Стоб, Земун, Вельбуж, Градач, Прицрен, Раввин, осадил Рагузу (Дубровник), после чего перенес военные действия на территорию современной Албании. Слабая римская армия пыталась противодействовать венграм и сербам, но неизбежно была вынуждена отвлечься на другого, более страшного врага — норманнов⁷⁷⁷.

Но еще оказались враги на Западе. В августе 1185 г. Сицилийский король Вильгельм II, при котором возник широкий круг политических беженцев из Византии (там даже появился *лжецаревич Алексей II*), выдвинул громадную армию численностью до 80 тыс. воинов на многострадальный Диррахий, и уже 5 августа город был взят штурмом. Затем норманнский флот пошел в направлении Фессалоники, и 6 августа осадил ее. Оборона продолжалась всего 9 дней, и 15 августа 1185 г. Фессалоника пала. Бесчинства норманнов, которых справедливо называли варварами, достигла верхней точки. Как рассказывают, они кастрюлями и кувшинами черпали драгоценное *муро* из гробницы святого Димитрия Фессалоникийского, вливали в рыбные жаровни, смазывали им обувь. В ответ Андроник I бросил в тюрьму родственников своих полководцев, неспособных остановить норманнов, обвинив их всех в измене, — известный способ переложить свою вину на чужую голову⁷⁷⁸.

Пришлось думать об укреплении Константинополя, поскольку норманны явно не собирались удовольствоваться этими скорыми успехами, и искать союзников. Поскольку на Западе это делать было глупо — Андроник I своими репрессиями затронул почти все родственные связи византийских аристократов с европейскими дворами, — в сентябре 1185 г. василевс отправил посольство на Восток, желая заключить союз с Саладином. Пока шли переговоры, норманны захватили Амфиополь и Мозинополь, а Андроник I как ни в чем не бывало проводил дни в обществе гетер и пиршествах, обещая константинопольцам дать в скором времени генеральное сражение захватчикам. В волнении за свою власть, он предавался астрологии, пытаясь установить имя возможного претендента на престол. Ему, однако, недолго оставалось ждать ответа Провидения⁷⁷⁹.

11 сентября 1185 г. Стефан Агиохристорит решил по собственной инициативе арестовать *Исаака Ангела* — представителя знатной византийской семьи, не так давно воевавшего с Андроником I в Никее. Не поставив в известность Андроника I (а для чего это нужно было делать, если и так *каждый день* знаменовался арестом какого-нибудь аристократа?!), он отправился во дворец к несчастному в сопровождении группы стражников. Когда они вошли во двор, Исаак Ангел сразу понял, что для него все окончено. Решительно прыгнув на коня, он мечом сразил ненавистного всем Стефана Агиохристорита, пробился через ряды стражников и помчался к храму Святой Софии, выкрикивая по дороге, что убил главного врага. Это известие с быстротой молнии распространилось по Константинополю, и все побеждали к главному храму столицы. Настроения толпы, как известно, переменчивы, тем более что смрадная атмосфера террора надоела всем без исключения. Однако в ту минуту все были уверены, включая Исаака Ангела, что с минуту на минуту невольного мятежника схватят и казнят. Всю ночь тот молил Бога о спасении, и оно пришло, поскольку Андроник I, находясь за городом, не получил вовремя сообщения об этом инциденте, стоившим в конце концов ему жизни.

На следующий день, 12 сентября 1185 г., толпа у Святой Софии, где Исаак Ангел нашел убежище, разрослась, и все стали требовать от него, чтобы он принял на себя царскую власть. Ангел искренне отказывался — у него и мыслей об этом не было, но толпа настаивала. Таким способом **Исаак II Ангел** был провозглашен Византийским императором, и патриарх Василий Каматир, предав Андроника I, надел на голову нового василевса царский венец⁷⁸⁰.

Узнав об этом, Андроник I вначале не поверил новостям, а затем стал спешно организовывать оборону своего дворца в Мелудионе, пригороде Константинополя, возле которого уже появились первые нападающие. Пытаясь выиграть время, Андроник I пообещал отречься от власти в пользу своего сына Мануила, но народ уже взломал дворцовые двери и приближался к царским покоям. Оставалось искать спасения на корабле. На триере срочно погрузили «супругу» Агнессу-Анну, любовницу Андроника I Мараптику, флейтистку Ламию и несколько слуг — вместе с ними тиран надеялся достичь Галича и просить военной помощи. Они доплыли до острова Хеле в Черном море, но затем наступил штиль, и Господь отдал Андроника I в руки преследователей. Его заковали в цепи, провели в столичную тюрьму Анем, что располагалась в дворцовой башне, а через несколько дней представили новому царю. Теперь наступил час

расплаты — все смогли удовлетворить свою ненависть к тирану. На улицах Константинополя, по которым вели Андроника I, его били палками, выбив несколько зубов, вырвали бороду, а затем пилой отпилили правую руку, как клятвопреступнику. Успокоение наступило только в тюрьме, куда бросили избитого старика.

Проведя несколько дней без пищи и воды, Андроник I был вновь извлечен толпой из камеры. Ему выкололи один глаз и верхом на шелудивом осле повезли по Константинополю. Наверное, не было издевательства, которое ему не пришлось пережить в этот день: Андроника I били палками, бросали в него камни, совали под нос навоз и обливали навозной жижей, одна девка облила его лицо кипятком. Наконец, бывшего царя подвезли к ипподрому и привязали за ноги к поперечной балке. Он успел прошептать: «Господи, помилуй!», но кто-то из солдат уже вонзил меч в его глотку, а стоявший рядом латинянин — в задний проход. Судорожным движением Андроник I поднял культию правой руки ко рту и испустил дух. Его труп разрубили на две части и бросили в глубокий ров у монастыря Эфор⁷⁸¹.

Так закончил свою жизнь последний представитель династии Комнинов, столь бездарно разменявший на собственное честолюбие все труды, пот и страдания своих великих и легендарных предшественников. Скоро погибли и его сыновья — Мануил принял мучительную смерть, а Иоанн был ослеплен. Месть императора Исаака II Ангела не коснулась, однако, внуков Андроника I — их вывезли в Грузию слуги царицы Тамары⁷⁸².

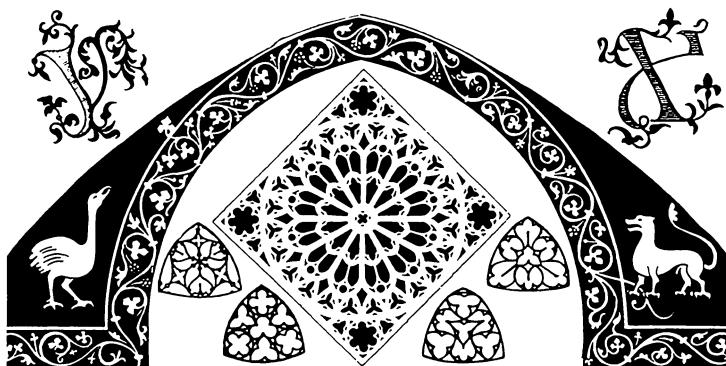
Как справедливо заметил один исследователь, «гениальный от природы, он мог бы стать спасителем и обновителем истощенной Византийской империи; для этого у него не хватало нравственного чувства. К несчастью, он пользовался своими высокими качествами лишь для удовлетворения своих пороков, своего тщеславия, своих страстей. Есть в душе Андроника Комнина нечто общее с душой Цезаря Борджа»⁷⁸³.

ДИНАСТИЯ АНГЕЛОВ

ЛXIV. ИМПЕРАТОР ИСААК II АНГЕЛ (1185—1195)

Глава 1. Император поневоле

Дадим краткий портрет родоначальника новой династии. Мужчина 30 лет (он родился в 1155 или 1156 году), среднего роста и телосложения, розовощекий, с яркими рыжими волосами, он производил впечатление абсолютно спокойного человека. Род Ангелов принадлежал к крупной земледельческой элите Византии, и его возвышение началось во времена царствования Алексея I Комнина, когда адмирал Сицилии *Константин Ангел* женился на царевне Феодоре и получил титул *паниперсеваста*. У самого Исаака II было трое детей от первого брака — сын Алексей, будущий наследник престола, и две дочери. Одна из них по желанию отца приняла монашеский постриг, и император с большими затратами переделал Иоаницкий дом в женский монастырь, куда водворилась дочь. Вторая дочь, Ирина, позднее была выдана замуж за Сицилийского короля *Танкреда* (1190—1194)⁷⁸⁴.

Как рассказывают, в детстве Исаак II Ангел был посвящен Богу и даже собирался принять монашеский постриг. Благочестие и набожность не могли не наложить свой отпечаток на его характер. Император, который давно уже вышел из мальчишеского возраста, более всего ценил спокойствие и стабильность, вынимая меч из ножен лишь в крайних случаях. Когда опасности отходили в сторону, василевс любил предаться сытной трапезе, так что однажды его зять маркграф *Конрад Монферратский* (1145—1192), заставший царя во

время обеда, даже заметил: «О, если бы ты так заботился о текущей войне, как усердствуешь на пирах, лакомясь предложенными яствами и все свои мысли погружая в опоражниваемые блюда!» На что василевс, рассмеявшись, воскликнул: «Ну, уж ты сказал! Будет у нас времени и есть, и воевать!»⁷⁸⁵

Действительно, император умел собирать гостей и любил пышные трапезы, на которых на столах выставлялось «море рыб, океан вина, царство зверей и горы хлеба». Его слабость — пышные и модные одежды, которые он, по обыкновению, менял дважды в день, не являлась секретом для византийцев. Вскоре царский дворец наполнился шутами и карликами, музыкантами и песенниками. А рядом с дворцом были сооружены громадные бани — традиционная слабость граждан Римской империи, роскошные дома и здания, долгие возвеличить имя василевса⁷⁸⁶.

Однако совершенно неверно было бы изображать Исаака II Ангела полнейшим сибаритом, все мысли которого наполнены только едой. Любовь к пирам составляла всегдашнюю слабость многих Римских императоров; не стал исключением и герой нашего повествования. Но когда того требовали обстоятельства, василевс становился и настоящим воином, поднимая за собой в атаку солдат, и опытным политиком, не упускавшим возможности укрепить императорскую власть — единственное спасение Византийской империи в буре внешних угроз и внутренних брожений.

Как правило, по законам повествовательного жанра не принято подводить итоги деятельности царя перед началом его жизнеописания. Но в данном случае сделаем исключение. Хотя императорство досталось Исааку II *помимо его желания*, при всех слабостях василевса, можно с уверенностью сказать, что это был *один из самых успешных и талантливых Римских царей*. По крайней мере самый деятельный за последние 20 лет, отделявших начало его правления до трагических событий 1204 г. Ему удалось восстановить управление Римским государством после Андроника I, урегулировать отношения с Востоком, *пронести мимо* Византии угрозу 3-го Крестового похода, нанести поражение норманнам, от которого они так и не сумели оправиться, — вот неполный перечень деяний Исаака II Ангела. Этим мог гордиться Алексей I и Мануил I Комнины — *титаны* политики и *гении* войны. Случались, конечно, и неудачи, и ошибки — о них речь впереди. Но едва ли они могут оттенить подлинные заслуги императора перед Империей и Церковью.

Нежданно получив царскую власть, Исаак II Ангел с первых же минут решил показать себя государем милостивым и справедливым.

Все, находившиеся в тюрьмах и ссылках, получили освобождение, а имущество, конфискованное Андроником I Комнином, было возвращено прежним владельцам. Кроме того, все изувеченные и пострадавшие в годы правления тирана получили из казны богатое возмещение. Находясь под гнетущим впечатлением от террора своего предшественника, император в первые же дни нового царствования торжественно пообещал византийцам, что отныне и до своего последнего дня никого не предаст смерти или увечью, даже если злоумышленник станет посягать на особу самого василевса⁷⁸⁷.

Кротость, незлобивость и щедрость нового императора поразили граждан в самое сердце. Сохранилось несколько свидетельств современников, позволяющих по достоинству оценить его благочестие. Каждый день Исаак II проводил в молитвах к Богу, не переставая взывать к Нему даже по ночам. Он коленопреклоненно молился, пел псалмы Давида, читал Священное Писание и возносил свой ум и сердце к Спасителю. Когда же усталость одолевала его, царь приглашал к себе чтеца и заставлял того читать ему Священное Писание. Другой хроникер — Никита Хониат, совершенно не расположенный к лести, называл Исаака II «богоподобным», «христолубивейшим», «справедливейшим», «преданным попечению о благополучии народа», «непрестанно помышляющим о делах, угодных Богу»⁷⁸⁸.

В течение дальнейшего своего царствования Исаак II Ангел постоянно демонстрировал высочайшую заботу о Святой Церкви. Его щедрость по отношению к христианским храмам поражала даже издававших виды греков. Особую ревность император проявлял по отношению к Богородице — говорили, что он «готов был отдать Ее иконам всю свою душу». Василевс сделал множество золотых окладов на Ее образы, украшенные драгоценными камнями, и жертвовал потом их в храмы, куда приходило множество людей полюбоваться прекрасными творениями византийских мастеров. Его особым покровительством был удостоен храм Архистратига Михаила, на реконструкцию и расширение которого Исаак II не жалел средств.

Не только столичные храмы и монастыри пользовались щедростью императора, но и провинциальные. Особую любовь Исаака II испытал на себе монастырь св. Павла на горе Латр близ Милета. В частности, василевс отстоял право обители на спорный участок земли, которым хотел завладеть некий аристократ. По просьбе монахов обители Богородицы Махера на острове Кипре царским хрисовулом за ними были утверждены владения, переданные в собственность монастыря еще императором Мануилом I Комнином.

А в 1186 г. василевс подарил монастырю Богоматери Афинской шесть участков земли, освободив попутно их от налогов. В том же году император своим хрисовулом утвердил за монастырем апостола Иоанна Богослова на острове Патмос привилегии, дарованные прежними Римскими царями, и освободил его морские суда от всех правительственных налогов. Это же узаконение было распространено в 1188 и в 1195 гг. на новые суда, построенные или приобретенные монастырем⁷⁸⁹.

Радея о бедных и странниках, проявляя редкое «нищелюбие», Исаак II устроил из дома севастократора Иоанна на обрыве Софийского залива странноприимный дом на 100 человек, и все приезжающие могли жить в нем совершенно бесплатно. Адворец императора Андроника I у храма Сорока Мучеников он выкупил и устроил в нем общественную больницу. В другом месте царь создал приют для больных нищих, взяв все расходы на свой счет. Когда в Константинополе случился пожар, император раздавал погорельцам деньги и имущество, надеясь уменьшить их бедствие. А при наступлении Великого Поста имел обыкновение раздавать деньги вдовам, а также дарил девицам свадебные платья и приданое. Иногда, как говорят, василевс оказывал благодеяния целым городам. Всегда сострадая чей-либо печальной судьбе, царь не жалея никаких средств, чтобы смятчить боль другого человека.

Исаак II Ангел относился к тому часто встречающемуся типу Византийских императоров, которые прекрасно понимали существо царской власти и свою ответственность перед Богом за вверенный им народ. Именно при нем произошла реставрация понятий о *сакральном статусе императора*. Хотя царь являлся человеком благочестивым, он, нисколько не смущаясь, позволял себе употреблять священные церковные сосуды для собственных повседневных нужд. Когда ему делали замечания на этот счет, он искренне отвечал, что между Богом и Римским царем нет в земном управлении такого несоединимого расстояния, как между отрицанием и утверждением; и вообще, *императорам позволительно все*. В качестве примера Исаак II приводил святого и равноапостольного Константина I Великого, приказавшего один из гвоздей, которыми был прибит к Кресту Спаситель, вложить в своей шлем, а второй вделать в конскую уздечку⁷⁹⁰.

Продолжая традиции своих царственных предшественников, Исаак II не оставлял своим вниманием и область канонического права. В частности, его перу принадлежат две очень важные новеллы. В первой император поведал, как 7 сентября 1187 г. к нему

явился митрополит Кизика Иоанн и сообщил, что синодальные определения его собратий часто нарушают священные и божественные каноны и благочестивые законы. В этой связи архиерей просил василевса позаботиться о сохранении их совместно с Константинопольским патриархом, поскольку царь как помазанник Божий получил и значение *епистимонарха Церкви*, а потому имеет возможность исправлять вместе с патриархом то, что противоречит церковным канонам.

Вняв его просьбе, 10 сентября 1187 г. василевс созвал синод, на котором присутствовал Константинопольский патриарх *Нукита II* (1187—1189), архипастыри Антиохии и Иерусалима, а также прочие епископы. По поручению императора митрополит Иоанн повторил все, что сказал при личной встрече Исааку II, и высказал претензии по поводу нарушений порядка избрания епископов. Завязалась жаркая дискуссия, в ходе которой были оглашены некоторые синодальные документы. Ее итог был подведен самим императором, который признал факт неканоничности избрания некоторых архиереев. Затем царь установил, что впредь такое избрание должно совершаться в присутствии всех находящихся в Константинополе епископов, причем предпочтение должно отдаваться тем кандидатам, которые отмечены безукоризненной жизнью, имеют должное образование и соответствуют тем требованиям, которые были установлены Церковью ранее⁷⁹¹.

Небезынтересным представляется сам термин «*епистимонарх*», введенный в широкое употребление Исааком II. Филологически он означает начальствующее лицо над науками, научными занятиями и знаниями. Еще император святой Юстиниан Великий требовал от монастырских настоятелей, чтобы они знали «науку монашескую», т.е. монашескую дисциплину. Позднее епистимонархом стал называться особый монастырский надзиратель — «*будильщик*», который ночью поднимал всю братию, начиная с настоятеля, к утреннему богослужению. А во время Литургии обходил кельи, чтобы спящих по лености монахов привести в храм. Днем же он следил за тем, не сошлись ли монахи без всякой причины для праздных слов и бездельничанья, вразумляя и напоминая им об их обязанностях. Из монастырской жизни название епистимонарх было перенесено на императора, но в отношении его не монастырям, а ко всей Церкви в целом⁷⁹². «Титул “блюстителя”, — писал один исследователь, — родился в Византии, где идея блюстительства выражалась в названии царя наблюдателем за исполнением всеми церковно-должностными лицами их церковных обязанностей или попечителем, радетелем во

всем и промыслителем. Блюстительство логически немыслимо без принятия мер на пользу правоверия и благочиния, т.е. без *правительственной власти*⁷⁹³.

Иными словами, Исаак II заявил себя безусловным правителем, *главой земной Церкви*, как это было ранее во времена святого Константина I Великого, святого Феодосия I Великого, святого Юстиниана I Великого, императоров Исаврийской династии, блистательных Македонцев и Комнинов. Эта мысль, вовсе не случайная для Исаака II, получила закрепление и в другом документе, где царская власть уже напрямую признается божественной, как и священство. В тексте новеллы, изданной 20 сентября 1187 г. по поводу пострижения в монашество жен кандидатов на епископские должности, без труда обнаруживается столь знакомая по прошлым периодам римской истории знаменитая византийская *«симфония властей»*.

Василевс констатирует в документе, что нередко бывшие жены священников, избранных на архиерейские должности, продолжают вести мирской образ жизни в нарушение 48-го канона VI Вселенского Собора. В этой связи Исаак II Ангел отмечает: «Царство мое, зная о величайших для людей даров Божьих, происходящих из небесного человеколюбия, зная и о том, что *богоданное помазание и достоинство царства и священства проистекают из одного и того же вечного источника*, украшают и улучшают человеческую жизнь, а равно ничего не признавая настолько важным, как достоинство иереев, которые, став на царском и божественном возвышении, молитвенно простирают к Богу руки за все христолюбивое общество и, как некоторые священные якоря, утверждают и власть царскую, царство мое испытало немалую душевную печаль после того, как узнало, что каноны пренебрегаются и нарушаются к ущербу для законного порядка нашей Империи». Вслед за этим василевс постановляет, чтобы хиротония кандидатов на архиерейство совершалась далее по установленным канонами процедурам⁷⁹⁴.

Если кто-то считал василевса слабовольным несостоявшимся монахом, то вскоре тот мог убедиться в ошибочности своей оценки. Так, уже вскоре после своего воцарения Исаак II решительно расстался с Константинопольским патриархом *Василием Каматиром* (1183—1186), много, хотя и *невольно*, способствовавшим его возвышению. Причиной низложения столичного архиерея стало его неканоническое распоряжение о расстрижении из монашества многих жен репрессированных Андроником I Комнином сановников. Вместо него царь поставил патриархом сакеллария Святой Софии *Никиту II Мунтана* (1187—1189), в котором, впрочем, быстро разо-

чаровался. В поисках достойного пастыря царь обратил внимание на монаха *Леонтия* (1189), которого, как утверждал сам василевс, ему назвала ночью во сне Пресвятая Богородица. Но и патриарх Леонтий правил Восточной церковью не более года. Наконец, император решил возвести на Константинопольский престол Иерусалимского патриарха *Досифея* (1189) — случай, беспрецедентный в истории Восточной церкви. Зная, что никаких канонических оснований для такого назначения нет, царь привлек Антиохийского патриарха Феодора Вальсамона, знаменитого канониста, чтобы тот нашел обоснование для подобного перемещения.

История эта не лишена некоторых интригующих деталей. В частном разговоре царь сделал тонкий намек, будто такое толкование необходимо ему, дабы перевести самого Вальсамона на вакантную кафедру, и родил в душе патриарха Сирии бурю желаний. Уже на следующий день Вальсамон созвал епископов, которые сообща с ним решили, будто перемещение одного патриарха на другой вдовствующий архиерейский престол не противоречит священным канонам. Царь, оповещенный о «научной находке», немедленно объявил свой выбор: Константинопольским патриархом должен стать Иерусалимский архипастырь Досифей. Вальсамон и остальные епископы были изумлены, и, чтобы исправить ситуацию, тайно развили бурную деятельность среди константинопольцев с целью не допустить назначения Досифея. Когда того повели в храм Святой Софии для хиротонии, народ шумел и откровенно угрожал иерусалимцу. Пришлось уступить, но уже вскоре по требованию царя *Досифей* (1189—1191) был возвращен на патриарший престол византийской столицы⁷⁹⁵. А потом соответственно лишен его по настоянию императора.

Вообще, трудно сказать, какие области церковной жизни Исаак II считал неподконтрольными своему ведению. Он не только творил каноны и утверждал благочестие в Римском государстве, ставил и освобождал патриархов, но и активно содействовал воссоединению Кафолической Церкви. В 1186 г. царь обратился с соответствующим посланием на имя Армянского католикоса *Григория IV* (1173—1193), в котором горячо приветствовал высказанную архиереем идею соединения Армянской и Восточной церквей.

«Единственное мое желание, — отмечал василевс, — чтобы и греки и армяне совместно славили Бога, дарующего им столько милостей». Отметим благочестие и личную скромность царя, писавшего в письме, что все, сделанное им: победы над врагами, свержение тирании Андроника I и покорение других племен и народов, — все это не его заслуга, а исключительно милость Бога, царствующего над

Римской империей и ведущего ее к славе. Исаак II не ограничился только добрыми пожеланиями, но и содержательно исследовал в своем письме догматические расхождения между обеими Церквями, блестяще доказав заблуждения армян, придерживавшихся монофизитства. В заключение послания василевс предложил католикусу лично прибыть в Константинополь со своими епископами, чтобы составить церковную унию. И хотя впоследствии католикос Григорий IV пренебрег предложением императора и вошел в унию с Римом, инициативу Исаака II трудно переоценить⁷⁹⁶.

Однако Исаак II Ангел был не сугубым благочестивым молитвенником или хитрым политиком, но и *воином*, умевшим смотреть в глаза опасности и бравшим в руки оружие, когда его Отечеству угрожали враги. Дела, которые он принял в свои руки, были крайне плачевны. Над головой Византии был занесен меч норманнской угрозы, волновались Балканы, да и сами имперские территории не блистали спокойствием. На острове Кипр по-прежнему находился Исаак Комнин, объявивший себя независимым от Константинополя императором и не желавший идти с Исааком II ни на какие переговоры. Императору пришлось направить на Кипр флот, которым командовали двоюродный племянник царя Алексей Комнин, ослепленный по приказу Андроника I, и старый воин Иоанн Контостефан. Увы, поход оказался катастрофически неудачным: приплыв к Кипру, римляне попали в кольцо кораблей из флота Исаака Комнина и пиратов, нанятых узурпатором для войны. В результате войско потерпело поражение, а Алексей Комнин и Контостефан оказались в плену у пиратов, продавших их норманнам Сицилии⁷⁹⁷.

Хотя, естественно, император испытал горечь об утрате Кипра, но в стратегическом смысле остров не играл такой решающей роли, как Балканы, где откровенно хозяйничали норманны. Не очень воинственный по складу своего характера, император Исаак II попытался затеять мирные переговоры, для чего направил сицилийскому полководцу Балдуину послание с соответствующим предложением. Однако надменный норманн ответил откровенной издевкой: дескать, царь, меч которого отточен на изнеженных телах (имелся в виду Агиохристофорит), никогда не спавший под открытым небом, не носивший панцирей и всю жизнь свою посвятивший мирным занятиям, должен сложить царский венец и отречься от власти, передав ее в руки настоящих мужчин.

Но надо знать Византию и византийцев, чтобы понять ту внезапную перемену, которая произошла в сознании людей и самого Римского государства. Весть о том, что на престол взмошел *государь*

милостивый, царь от Бога, «Моисей-Освободитель», «Зоровавель», как называли Исаака II соотечественники, буквально в считанные дни преобразила Империю. Тысячи старых солдат и безусых юношей, никогда не державших в руках меча, поспешили в Константинополь, чтобы закрыть своей грудью дорогу норманнам, уже стоявшим в Фессалии и под Амфиополем. Император ласково принимал всех приходящих в столицу, щедро награждая граждан, поднявшихся на защиту отечества, и также отослал денежное жалованье в повышенном размере в армию, чем заметно поднял ее боевой дух. Теперь в лагерь полководца Алексея Враны ежедневно стекалось множество новых и доблестных солдат, о чем, к своему несчастью, вожди норманнов еще не знали⁷⁹⁸.

Сицилийцы смело шли вперед, и их флот уже подплывал к островкам, разбросанным возле Константинополя. Не ожидая никакой беды, норманны решили разделить силы: одна часть осталась в Фессалии, вторая двинулась к Серрам, а третья продолжила наступление, также разделившись — один отряд остался у Амфиополя, а другой стал лагерем у Мосиполя. И когда на беспечных врагов напал полководец Алексей Врана, им нечего было противопоставить дружному натиску византийцев, буквально смявших норманнов. Используя удачный момент, римляне ворвались в сам Мосиполь и овладели им. Быстро восстановив свои силы, византийцы затем напали на норманнов, *отдыхавших* у Амфиополя, и также разгромили их. Варяги попытались выиграть время и вступили с Алексеем Враной в переговоры. Но тот, верно поняв их замысел, не стал терять инициативы и 7 ноября 1185 г. у города Димитрицы на реке Стримоне произошла новая битва, завершившаяся полной победой византийцев.

Норманнов убивали на месте, топили в реке, брали в плен; пленными оказались даже два знатных аристократа — Роберт, брат жены Танкреда, и надменный полководец Балдуин. Жители Фессалоники выместили всю свою месть на бессильных и жалких остатках норманнской армии. Враги спешно бежали в Фессалию, где сели на корабли и отплыли в Сицилию⁷⁹⁹. Но и здесь норманнов ждала страшная беда — разыгрался осенний шторм, потопивший множество кораблей. Те латиняне, которые остались на материке, пытались спастись сухопутным путем, но их добивали наемники-аланы из числа солдат византийской армии, конной россыпью рассеявшиеся по Фессалии. Не без варварской иронии они задавали вопрос схваченным сицилийцам: «Где мой брат?», имея в виду убийства норманнами пленных при взятии византийских городов, а затем

погружали свои мечи в их тела. Сицилийский король *Вильгельм II Добрый* (1154—1189) попытался собрать всех беглецов в городе Эпидамн, который решительно не желал сдавать грекам, но вскоре и эта твердыня пала.

Разгром был такой, что собаки, питавшиеся трупами норманнов, *пресытились* этой страшной пищей. Помимо всего, в руки к византийцам попал и предатель Алексей Комнин, пытавшийся найти в норманнах союзников; не тратя слов, его ослепили. Сицилийский флот, барражировавший возле византийской столицы под командованием норманна Танкреда, сильно пострадал от штормов и нападений греческих боевых кораблей. Не найдя на берегу своих соотечественников, сицилийцы повернули обратно, но многие суда потонули по дороге. Практически *безнадежная* война была выиграна византийцами в считанные недели, в чем они небезосновательно видели милость Божию, некогда оставившего их за грехи и внявшего молитвам праведника-царя. Норманны потеряли более 10 тысяч воинов убитыми и почти 4 тысячи пленными⁸⁰⁰.

Но радость блестящей победы была омрачена известиями с Востока, подвергшегося страшному нашествию турок. Узнав о том, что все наличные силы римлян брошены против норманнов, Иконийский султан Кылыдж Аслан II, достигший возраста 70 лет, направил свое многочисленное конное войско под командованием Сами Аммира на Фракисию. Не встречая нигде сопротивления, турки разграбили многие области, взяли в плен множество народа и с богатой добычей вернулся обратно. С большим трудом императору удалось *купить* столь нужный мир на Востоке, после чего другие дела потребовали его внимания.

Разорение государства при Андронике I, постоянная угроза со стороны турок и норманнов, имевших сильный флот, претензии Германии на Балканы — все это требовало от Исаака II величайшей осмотрительности. А потому, когда венецианцы — весьма грозный соперник, потребовали возместить им ущерб от погрома 1171 г. и пролонгировать старый договор о торговых льготах, император был вынужден согласиться. В 1186 г. такое соглашение было подписано. В соответствии с его текстом венецианцы обещали построить на средства византийцев на своих верфях за 6 месяцев не менее 40 галер, а в идеале — 100 галер. Кроме того, трое из четырех венецианцев, проживавших в Константинополе, обязывались служить на этих судах, командование которыми, тем не менее, возлагалось на византийского флотоводца. Иногда говорят, будто этот договор был *кабальным* для Византии⁸⁰¹. Но разве Исаак II когда-нибудь

пошел бы на него, если бы имел возможность строить боевые корабли на *своих* верфях? Не мы выбираем время, но время выбирает нас, оставляя нам те пути, которые же само и придумало...

Глава 2. Второе Болгарское царство и 3-й Крестовый поход

Даже после блистательной победы над норманнами, способной украсить биографию любого Византийского императора, положение дел на Западе оставалось все еще очень тревожным. Узнав, что Андроник I умертвил его свояченицу, вдовствующую императрицу Марию, Венгерский король Белла III в 1183 г. выступил в поход. Он завоевал Далмацию, а оттуда проник на территорию Болгарии, совершенно откровенно предполагая расширить свои границы за счет этих земель Византийской империи⁸⁰². Но и после смерти Андроника I Белла III по-прежнему находился в состоянии войны с Византией. Для того чтобы умиротворить опасного соседа, Исаак II, оставшийся к тому времени вдовцом, направил к нему послов с предложением сосватать его дочь, 10-летнюю принцессу *Маргарет* (1175—1223), за себя. Это был самый простой способ умиротворить сильного врага, к которому, безусловно, относился и правитель Венгрии; тот согласился. В виде приданого за дочь Белла III передал Римскому царю недавно отвоеванные у греков болгарские города⁸⁰³.

Но это событие всколыхнуло Болгарию, где давно уже зрели сепаратистские настроения. Следует заметить, что традиция формирования имперского тела Римского государства изначально опиралась на сильные местные центры власти, ориентированные на Константинополь. Когда эта связь ослабевала, тут же возникали сильные сепаратистские настроения со стороны местной аристократии, сохранявшей за собой известную совокупность прав. Именно так и случилось на этот раз⁸⁰⁴.

Когда болгарам стало ясно, что на помощь венгров рассчитывать не приходится, во главе недовольной местной знати стали два брата *Петр* и *Иван Асени*, владельцы замков Тырново и Трапезницы на реке Янтре, далекие потомки Преславских царей. Они использовали удобный повод для того, чтобы взбунтовать народ против Константинополя. После получения положительного ответа от Беллы III василевс решил пышно отпраздновать свою свадьбу, которая состоялась в конце 1185 г. Ввиду недостатка средств было принято решение взыскать дополнительные налоги с Болгарии, наименее

пострадавшей в последние годы от вражеских нашествий. Видимо, это была ошибка, поскольку болгары, уже давно мечтавшие о восставлении своей государственности, становились все более и более агрессивными по отношению к византийцам. И дополнительное налогообложение стало прекрасным поводом заявить о своей независимости от Империи.

В 1186 г. Петр и Иван отправились в Кипселлы, где пребывал Исаак II, чтобы выпросить у императора город Эм с областями, а также высокие должности в римской армии. Конечно, это был только *предлог*, чтобы проверить намерения византийского двора. Как и следовало ожидать, братьев ждал чрезмерно грубый отказ со стороны близкого окружения Византийского василевса, возмущившегося открытыми угрозами болгар выйти из состава Римской империи. Дошло до того, что наиболее дерзкого из послов, Ивана Асеня, дядя царя севастократор Иоанн даже отхлестал по щекам. Они возвратились, и Василий, архиепископ Болгарии, объявил Петра *Петром IV* (1185—1197), *царем болгар и греков* (!). А чуть позднее соправителем Петра был признан и *Иван Асень* (1190—1196). Сам Василий стал именоваться Болгарским патриархом. Вслед за этим началось масштабное сепаратистское восстание, приведшее к созданию *Второго Болгарского царства*⁸⁰⁵.

Болгары обошли неприступный Преславль и напали на римские земли. Однако византийское войско под командованием самого императора летом 1186 г. нанесло им тяжелое поражение; Петр и Иван успели скрыться у союзников-половцев за Дунаем. К сожалению, василевс не воспользовался плодами своего успеха и, вместо того чтобы обойти всю Болгарию и успокоить ее, возвратился в столицу. Исаак II Ангел предался не вполне заслуженному отдыху и откровенно поощрял придворных, превозносящих его победу в Болгарии. Один из высших судейских чиновников, Лев Монастириот, даже горько сострил по этому поводу: «Болит теперь душа у императора Василия II Болгаробойцы, чей подвиг много превзойден нашим царем!» Болгарский царь был искренне удивлен, когда, вернувшись зимой 1187 г. в свое отечество с новым войском, собранным из половцев, не нашел нигде римской армии.

Разумеется, такие комфортные условия не могли не придать болгарам смелости. И лишь когда вечные враги Византии стали устраивать новые дерзкие набеги на окрестности Агафополя, Исаак II пожалел о том, что не добил поверженных мятежников в прошлую кампанию. Ситуацию еще можно было спасти, но император не пожелал отправляться на войну, а направил в Болгарию севастократора

Иоанна — опытного и мужественного военачальника, мысли которого, однако, лежали в другой плоскости. Как вскоре выяснилось, севастократор думал не столько о болгарах и половцах, сколько о том, чтобы забрать у племянника царскую власть. Императору стало об этом известно, и дядю пришлось срочно отстранять от должности и доставлять в столицу. Новый командующий византийской армией, Иоанн Кантакузен, зять василевса по сестре, оказался бесталанным полководцем, и его также пришлось срочно отзывать⁸⁰⁶.

Следующий соискатель победы, Алексей Врана, выходец из этих мест, также не был лишен честолюбия. Как вскоре выяснилось, Врана решил использовать римское войско в Болгарии для реализации своего плана захвата царской власти. Алексей тайно обратился к жителям Адрианополя, откуда был родом, и нашел союзников из числа местных аристократов. Тогда, не скрывая замыслов, летом 1187 г. Врана прибыл в родной город и надел пурпурную обувь, приняв от соотечественников провозглашение Римским императором. После этого Алексей Врана быстрым маршем повел свою армию на Константинополь. В составе его войска помимо греков, составлявших явное меньшинство, находились латиняне-наемники и болгары с половцами — лишнее свидетельство того, что в личности Алексея Враны местное население видело своего ставленника⁸⁰⁷.

Достигнув столицы, узурпатор обратился с призывной речью к горожанам, обещая награды своим сторонникам и страшную смерть всем тем, кто осмелится помешать ему. На следующее утро мятежник выстроил свои отряды у Харсиевых ворот — навстречу им вышли части императорских войск. В завязавшейся битве перевес был на стороне узурпатора, которому сильно помогли норманны, освобожденные Ангелом из плена и ранее приданные его армии для войны в Болгарии. Как выяснилось, теперь они стали использоваться для достижения других целей⁸⁰⁸.

Дав своей армии 5 дней отдыха, узурпатор попутно удачно привлек на свою сторону моряков Пропонтиды, которые, переделав рыбацкие суда в боевые лодки, напали на царский флот, защищавший столицу со стороны моря. Однако те вовремя заметили приближающегося врага и сами пошли ему наперерез. Увы, тяжелые боевые суда ничего не могли сделать с юркими и быстроходными кораблями мятежников, и в этот день победа также досталась Алексею Вране. Но и это еще не гарантировало ему общего успеха. Как ни казался слабым Исаак II, но народ упорно не желал слагать с него царской власти и передавать ее Вране.

Понимая, что своего войска ему явно недостаточно для правительной осады Константинополя, Алексей Врана решил захватить столицу голодом — подвоз продовольствия в Константинополь был полностью им прекращен. В ответ василевс приказал вынести на городскую стену чудотворную икону Богородицы «*Одигитрия*», названную так по наименованию монастыря Одигийский, в котором она пребывала все время. По настоятельным рекомендациям своего зятя маркграфа Конрада, настоящего хранителя, посланного Богом Исааку II, царь решил сделать контрнаступление с этой стороны стены⁸⁰⁹.

Как настоящий христианин, во всем привыкший полагаться на волю Господа, император собрал монахов, известных своим аскетизмом, и вместе с ними дено и ночно молил Спасителя об избавлении от ужасов гражданской войны. Под нажимом Конрада император заложил Церкви золотые и серебряные сосуды, находящиеся в царской казне, и на вырученные деньги начал набор войска. Казалось, граф Монферратский был неутомим и неистощим на выдумки, повсеместно выискивая союзников. Поскольку Константинополь был окружен, нанимать солдат можно было только из числа местных жителей и гостей, среди которых, к всеобщему удивлению, оказалось немало охотников воевать против узурпатора. В скором времени был сформирован очень сильный отряд из 1 тыс. бойцов, куда вошло около 700 латинян, а также *евреи* (!) и армяне из Восточной Армении, приехавшие по делам торговли.

Надо отдать должное Исааку II Ангелу: отставив молитву, он вооружился и лично возглавил свое воинство, выстроенное для атаки у Влахернских ворот. Перед выступлением царь обратился к солдатам со следующей речью: «Лучше, без сомнения, и богоугоднее со стороны подданных защищать своего законного властителя, чем примыкать к возмутителю и виновнику междоусобной войны. Но если есть люди, которые колеблются в своем расположении, не знают, куда склониться, или даже готовы всем пожертвовать мятежнику, то я прошу их самой справедливой просьбой: пусть они останутся дома, не помогая никому, пока дела не будут решены войной. Тесниться ко мне и устами чтить меня, а сердцем принадлежать другому и ему отдавать все свои распоряжения, будет противно Богу, Который правосудно испытует самые сокровенные помыслы»⁸¹⁰.

Это не было бравадой и риторическим предложением — рядом с царем находился севастократор Иоанн, дядя императора, чей сын незадолго перед тем женился на дочери Алексея Враны. Исаак II прекрасно помнил, что дядя и сам не прочь был попытать счастья

в борьбе за царство, а теперь ему предоставлялась еще и возможность помочь родственнику. Но тот, тронутый мужественной речью василевса, громким голосом произнес проклятия на свой дом, если только когда-нибудь изменит государю.

Наконец, ворота открылись, и царские войска ринулись на мятежников. Левым крылом командовал протостратор Мануил Камец, уже давно враждующий с Враной и понимавший, что в случае неудачи узурпатор его не помилует. Правое крыло войска взял под свое непосредственное командование сам Исаак II, а центр войска был передан бесстрашному Конраду, маркграфу Монферратскому. Без щита, в одних латах и плаще, пропитанном солью для отражения ударов, с мечом в руке, Конрад прорвал центр армии Враны. Сам узурпатор попытался остановить бегущих солдат, схватился в схватке с Конрадом, был повержен им на землю и лишен жизни набежавшими солдатами царской армии. Бегство мятежников сопровождалось страшным кровопролитием — победители не щадили никого. Даже епарх Константин Стифат, взятый Алексеем Враной против собственной воли в армию, нашел на поле битвы свою смерть⁸¹¹.

Радость императора была безграничной. По поводу победы устроили пир, на который мог прийти любой желающий. Однако грубость нравов затронула не только латинян, но и византийцев: «на десерт» в пирующий зал была занесена голова Алексея Враны с оскаленным ртом. Нисколько не смущаясь, пьяные победители начали играть ей по полу, как мячом, используя короткие копья. Когда на голове не осталось ни одного целого места, ее отнесли вдове узурпатора, приходившейся племянницей императору Мануилу I Комнину по матери.

Впрочем, с остатками мятежного войска Исаак II обошелся куда милостивее. Простолюдины вообще не пострадали, незаметно разойдясь по домам, а аристократы, не так давно окружавшие Алексея Врану, направили посольство к царю. Они просили разрешения выехать за границу, но василевс милостиво простил их всех, посоветовав единственно принести покаяние у Константинопольского патриарха. Некоторые так и поступили, но другие втайне надсмехались над царем. По счастью, василевс не придавал значения этой информации, и все обошлось миром. Но жителям Пропонтиды не суждено было отделаться столь мягким исходом. Исаак II не стал препятствовать константинопольцам в их желании воздать предателям должное, и в ту же ночь дома моряков залил «греческий огонь». За ночь все жилища выгорели дотла, а оставшее-

ся имущество растащили отряды грабителей и нищих, совместно с латинянами Конрада Монферратского обобравших пропонтийцев до последней нитки.

К несчастью, наемники-латиняне, без большого пиетета отнosedившиеся к греческому духовенству, продолжили «операцию» и устроили грабеж монастырей и храмов, расположенных в Пропонтиде. Когда об этом узнал василевс, он дал команду немедленно прекратить беспорядки, но было поздно. Константинопольцы, обескураженные тем, что именно себе латиняне приписывают честь победы над Алексеем Враной, возбужденные известиями о разграблении святых обителей, собрались в отряды и начали брать штурмом дома латинян. Но и западные христиане были боевыми рыцарями — они немедленно перегородили улицы рогатками, устроив настоящие баррикады, и дали отпор византийцам. Почти целый день шли бои на улицах столицы, пока посредники, направленные Римским царем, не развели воюющие стороны⁸¹².

Наконец, преодолев внутренние нестроения, император смог заняться «болгарским вопросом». В октябре 1187 г. возле города Веррои царь наткнулся на болгарское войско, возвращавшееся с добычей из очередного набега, и решил напасть на врага. Однако атака тяжелой византийской кавалерии была отбита болгарами и половцами, и она, без сомнения, полностью погибла бы под копьями врага, если бы царь *лично* не возглавил атаку резервного отряда. После непродолжительной перестрелки сражение прекратилось, не дав ни одной из сторон победы. Оставшееся теплое время года Исаак II потратил на то, чтобы скорыми, короткими маршами отбивать болгарские набеги от Филиппополя до Веррои. Зимой он отправился в столицу, оставив войско лагерем в Болгарии, а следующей весной вновь прибыл на фронт. Еще 3 месяца продолжались его карательные марши против болгар и половцев, но никакого серьезного результата они не дали⁸¹³.

В какой-то момент казалось, что наступил перелом в этой затяжной войне — в 1188 г. византийцам удалось захватить в плен жену Ивана Асеня. Болгарский царь Петр IV не стал упорствовать и заключил перемирие с Византией, передав в качестве заложника своего брата Ивана. Но вскоре тому удалось бежать из Константинополя, и новая волна военных действий разгорелась на Балканах⁸¹⁴. В этот момент особенно остро стало чувствоваться отсутствие Конрада Монферратского — тот, считавший войну с болгарами ниже своего достоинства, отправился в Палестину, поскольку уже давно дал обет воевать за освобождение Гроба Господня. Итак, Исаак II остался с 2 тысячами воинов, но не ис-

пугался, а двинулся в дальнейший поход. Впрочем, и эта смелая акция не принесла ему решающего успеха.

Тем временем дела на Востоке складывались не самым блестящим образом. Оторванные от Германии и Франции — своих главных союзников, — государства крестоносцев приходили в упадок. Ситуация осложнялась тем, что во главе их стояли женщины — королева Мелизинда, мать Бодуэна III в Иерусалиме, и Констанция, вдова Раймунда, в Антиохии. Король Иерусалима Балдуин IV умер от проказы в 1185 г. в возрасте 24 лет, и корона была возложена на голову его племянника — ребенка *Балдуина V*, скончавшегося уже через год⁸¹⁵.

Следующим королем — вернее, соправителем королевы-жены Сибиллы, матери покойного Балдуина V, стал *Гвидо де Лузиньян* (1186—1192), рыцарь, не входивший в элиту аристократии, а уже потому не пользовавшийся у соотечественников авторитетом. Очень красивый и ловкий молодой человек, неожиданно ставший Иерусалимским королем, действительно не мог похвастаться древностью и знатностью рода. Его предки происходили из графства Пуату, где владели небольшой крепостью Лузиньян. Их репутация была далеко не самой блестящей — Лузиньяны слыли записными бретерами, не склонными к соблюдению обязательств перед собственными сеньорами, Английскими королями, попутно являвшимися герцогами Аквитании.

С другой стороны, представители этой семьи прекрасно зарекомендовали себя на Востоке в качестве крестоносцев. Так, например, один из приближенных короля Балдуина I граф *Гуго VI Лузиньян* (1101—1102), к которому приклеилось характерное прозвище Дьявол. Его сын *Гуго VII Лузиньян* (1090—1151), сопровождавший короля Людовика VII во 2-м Крестовом походе. А также внук, *Гуго VIII* (1106—1164), прибывший на Восток в 1163 г. и через год погибший в плену. Но, разумеется, достоинства членов этой семьи не выдерживали сравнения с достоинствами блистательных аристократов, населявших в то время Святой город. Скорее всего выбор Сибиллы обуславливался не какими-то особыми соображениями, а желанием обеспечить будущее своего сына и значительную долю свободы в будущей семейной жизни. Такой король не мог претендовать на безусловную покорность своих высокородных подданных. Да и полномочия его считались действительными лишь при условии *консорта*, т.е. после согласования с супругой. Поэтому первые же дни его правления были наполнены множеством волнений. При дворах крестоносцев плелись интриги и пылали страсти, а турки уже объединили усилия против западных христиан⁸¹⁶.

Надо сказать, что причиной нового вооруженного столкновения стали не объективные внешние факторы, а очередные разбойные выходы — на этот раз злого гения крестоносцев — Рено де Шатийона. Еще в конце 1182 г., пользуясь тем, что Саладин отбыл в Ирак, неуемный франк с товарищами совершил дерзкий рейд вокруг Дамаска и Басры, овладев попутно городом Кейв-де-Суэт. Когда Саладину донесли об этой выходке, тот ошибочно предположил, что Рено направляет свой меч против Синая, соединяющего Египет с Дамаском. Но, как выяснилось впоследствии, планы крестоносца были гораздо более дерзкими. В самом начале 1183 г. пять галер, построенных в Кераке, были по частям перевезены им на верблюдах и спущены на воду в Красном море. Это событие вызвало шок в мусульманском мире: *впервые* в истории корабли латинян оказались в этой акватории и могли угрожать порту Акабе.

Правда, дальнейшего развития операция не получила — силы крестоносцев были слишком слабы. Узнав о приближении мусульманских судов, пилигримы бежали в Аравию, а 170 рыцарей даже попали в плен. Тем не менее в течение многих недель христианские корабли сеяли панику в портах Египта и Аравии, угрожая Мекке и Медине — священным местам ислама. Среди мусульман даже прошел слух, будто пилигримы пытались выкрасть тело пророка Мухаммеда. Вне себя от гнева, Саладин приказал казнить пленных, поскольку оставлять в живых людей, покушавшихся на мусульманские святыни, казалось ему кощунственным. Пилигримы приняли смерть, причем двое из них ужасную — их *забили*, как скот в месте, где обычно резали жертвенных животных. Отмщение свершилось, однако Рено де Шатийон стал не только кровавым врагом Саладина, но и изгоем для крестоносцев. Война становилась неизбежной⁸¹⁷.

Объективности ради скажем, что, разумеется, не только высокое религиозное чувство руководило действиями мусульман, жадно поглядывавших на города крестоносцев в Леванте. В те времена (впрочем, как и в остальные) возможность пожить в являлась не менее значимым мотивом войны, чем вопросы веры. А богатства государств пилигримов стоили того, чтобы для их захвата рискнуть начать военные действия. Шелковые ткани Триполи, стекло и пурпур Тира давали этим странам невиданные доходы. По существу, эти города побережья на то время были центрами международной торговли. Караваны купцов из Сирии, Египта и Аравии один за другим отправлялись оттуда на Запад. Их места занимали торговые гости из Персии, Индии, Китая, наполняя рынки невиданными вещами и украшениями. С Тибета доставляли мускус, перец, корицу,

мускатный орех и гвоздику, дерево алоэ, камфору, из Индии — великолепную слоновую кость, из Аравии — ладан и финики, со дна Персидского залива — жемчуг⁸¹⁸.

В конце сентября 1183 г. Саладин с большой армией пересек Иордан и захватил Бейсан, направив свои отряды во все стороны, сея панику среди пилигримов. В долине около замка Ла Сефория у Сефорийских источников его ждала довольно большая армия латинян, в которую входили отряды Иерусалимского королевства, Раймунда Триполийского, госпитальеров, тамплиеров, Готье Гарнье Цезарейского, Рено Гарнье Сидонского, Рено де Шатийона и братьев Балдуина и Балиа д'Ибеленов. Чуть позднее к ним примкнули пилигримы герцога *Готфрида III Брабантского* (1143—1190) и Рауля де Молеона из Пуату. Саладин разбил свой лагерь у Назарета и 1 октября атаковал авангард крестоносцев, которым командовал коннетабль Амори. Но дальнейшего развития сражение не получило: умудренные опытом вожди латинян не стали поддаваться на уловки турок и ушли с поля боя. На прямую атаку султан не решился. Вместо этого Саладин отправился к Кераку, где располагался Рено де Шатийон. Однако известие о приближении войска Раймунда Триполийского заставило его снять осаду Керака. 4 декабря 1183 г. он уже был в любимом им Дамаске. Вскоре было заключено соглашение между Дамаском и Иерусалимом — последний вздох жизни Латинского королевства перед смертью⁸¹⁹.

Во время перемирия султан последовательно пытался подчинить себе остальных турецких правителей, главным из которых был, конечно, Кылыдж Аслан II, резидентировавший в Мосуле. Многим из правителей это не нравилось, Рум-сельджукид даже пригрозил Саладину, что соберет против него всех вождей Востока. Конечно же, воинственного султана не испугали эти угрозы. Он осадил город и, несмотря на перенесенную тяжелую болезнь, довел осажденный Мосул до такой степени истощения, что Кылыдж-Аслан сам попросил мира в обмен на признание верховной власти Саладина⁸²⁰.

Как выяснилось, окончание войны с единоверцами было очень своевременным для Саладина, поскольку назревали более значимые события. В конце 1186 г. Рено де Шатийон (опять он!) дерзко напал на проходивший мимо Керака торговый караван, шедший из Каира в Дамаск. Помимо всего прочего, в караване находилась родная сестра Саладина. И хотя девушку не тронули, но Рено нагло сорвал с нее драгоценности и коснулся тела, что для мусульман считается неслыханным оскорблением. Когда пленные напомнили разбойнику суть заключенного соглашения о перемирии, де Шатиньон

цинично ответил им: «Так помолитесь своему Мухаммеду, чтобы он пришел и освободил вас!»⁸²¹

Узнав об этом событии, Саладин был вне себя от ярости и потребовал от короля Гвидо де Лузиньяна возместить ему ущерб. Однако Рено, которому король перенаправил это требование, заявил, что *лично он* не заключал перемирия с мусульманами, а потому волен действовать по своему усмотрению. Это было не только жесточайшим унижением Иерусалимской короны, но и откровенным поводом для начала новой войны. Разве можно было бы предположить, что гордый и могущественный Саладин снесет такое оскорбление?! Хуже всего то, что в преддверии неизбежных военных действий Боэмунд III Антиохийский и Раймунд III Триполийский заключили мирные соглашения с Египетским султаном, фактически оставив де Лузиньяна одного в будущей схватке с могущественным врагом. Хотя в скором времени остальные аристократы Леванта заставили графа Триполи расторгнуть постыдный для пилигрима договор, сам по себе факт подобных дипломатических маневров весьма красноречиво показывает, сколь ненадежными были отношения среди крестоносцев⁸²². Далеко не все латиняне, проживавшие в Леванте, горели религиозным огнем, среди них было немало и ренегатов, в том числе и высокопоставленных, перешедших в ислам ради славы и денег или из боязни смерти. Например, знатный тамплиер Роберт Санкт-Альбанский сделался мусульманином и занимал высокую командную должность в армии Саладина⁸²³.

Итак, требования султана (причем вполне справедливые) не были удовлетворены, и очень напрасно, поскольку Саладин не страдал плохой памятью и отсутствием понятий о чести. Всю зиму и весну он собирал войско, поставив перед собой высокую цель — захватить Святой город. В его рядах насчитывалось более 25 тысяч воинов, из которых не менее половины были всадниками. Объединенная армия пилигримов, которую тем временем созывал король Гвидо, была почти вполовину меньше. Перевес мусульман стал еще большим после того, как в мае 1187 г. в верховьях реки Крессон турки уничтожили почти полностью 2-тысячный отряд рыцарей-иоанитов (госпитальеров) вместе с магистром *Рожэ де Муленом* (1177—1187).

4 июля 1187 г. сарацинам удалось заманить главные силы латинян в ловушку, заставив исполнить безумную затею некоторых их вождей идти к Тиверианскому озеру через каменную пустыню. Дело в том, что буквально накануне описываемых событий турки овладели городом Тивериада, не игравшим, однако, никакой стратегической

роли. Но султан верно рассчитал, что пилигримы, влекомые горячими головами, попытаются отбить его. Если бы латиняне дошли до озера, их положение действительно было бы выигрышным — долина и обилие питьевой воды играют в пустыне важную роль. Но для этого следовало несколько дней идти через весьма опасную территорию, где у крестоносцев не было бы ни воды, ни защиты от юрких турецких всадников. Вместе с Крестом Господним, который окружали епископы Акры и Лидды, крестоносцы пошли навстречу своей гибели⁸²⁴.

Возле холма Рога Хиттина состоялась решающая *Хиттинская битва*. Сражение длилось почти 7 часов. Мусульмане, приумножая муки латинян, и так страдавших от жажды, подожгли траву, так что колонны рыцарей окутывал едкий густой дым⁸²⁵. Хотя крестоносцы демонстрировали чудеса храбрости, несколько раз отбрасывая превосходящих по численности врагов, они потерпели страшное поражение. Святой Крест, сопровождавший пилигримов в походе, достался мусульманам. Погибло около 12 тысяч крестоносцев. Король Гвидо де Лузиньян, Рено де Шатийон, магистр тамплиеров *Жерар де Ридфор* (1141—1189) и многие другие рыцари попали в плен. Рено де Шатийону Саладин лично отрубил голову, которую затем возили по мусульманским городам⁸²⁶. А 230 рыцарей из орденов госпитальеров и тамплиеров, не желавшие перейти в ислам, приняли мученический венец от рук суфиев. Остальные пленные были доставлены в Дамаск, где их продавали за бесценок — столь много их было⁸²⁷.

Захватить оставшиеся крепости пилигримов в Святой Земле теперь было делом техники. 8 июля 1187 г. султан был уже у стен Акры, а 10 июля город был сдан без боя *Жосленом III де Куртене* (1134—1200), сенешалем Иерусалимского королевства и титулярным графом Эдессы. Накануне злосчастной битвы он повредил ногу, а потому не мог сесть на коня и не принял участия в сражении. Разумеется, эта трусость не забылась современниками — этого эпизода мы коснемся чуть ниже. Яффу взял штурмом сын Саладина *аль-Адиль*, вслед за тем подняли белый флаг Хайфа, Цезарея, Арсуф, Самария и Галилея. 5 сентября был сдан Аскалон. Иерусалим остался беззащитным.

Посольство горожан Иерусалима, прибывшее в Аскалону, где остановился Саладин, не пожелало сдать город без боя, как того требовал султан — эти люди имели гордость и знали, что такое честь. Командовать обороной Иерусалима взялся рыцарь *Балиан д'Ибелин* (1142—1193), прибывший из Тира. Он происходил из знатного рода и в 1177 г. вступил в брак с дочерью императора Мануи-

ла I Марией, вдовой Иерусалимского короля Амори. Как и другие крестоносцы, Балиан участвовал в трагичной Хиттинской битве, но смог прорвать ряды турок и уйти от преследования. Теперь он очень пригодился беспомощному городу. Поскольку солдат в городе почти не осталось, д'Ибелин посвятил в рыцари всех мальчиков-дворян от 16 лет и старше, а также 30 горожан. Затем укрепил стены и раздал оружие всем боеспособным мужчинам. 20 сентября армия Саладина подошла к Святому городу и осадила его.

Конечно же, город был обречен. Это стало ясно всем, когда турки-минеры обвалили честь крепостной стены. Балиан отправился в ставку султана, чтобы оговорить условия мирного оставления города, но натолкнулся на грозные слова Саладина, что тот поклялся предать огню и мечу всех защитников Иерусалима вместе с их семьями. На это д'Ибелин заявил, что крестоносцы готовы принять последний бой, но для начала они убьют своих жен и детей, дабы те не попали в рабство, а потом 5 тысяч мусульман, находящихся в плену у крестоносцев.

Сраженный его мужеством, султан согласился пощадить христиан, но весьма своеобразно: в течение 40 дней им разрешалось внести за себя выкуп (хотя и не очень большой), после чего латиняне могли считать себя свободными и могли уйти из Иерусалима. Хотя денег собрать не удалось, но благородный Саладин большинству из латинян простил долг. 2 октября 1187 г. Иерусалим пал к ногам Саладина. Для восточных христиан, наслышанных о событиях 1099 г., поведение царственного курда было ярким контрастом с тем, как вели себя в похожей ситуации вожди крестоносцев. В течение года Саладин завладел почти всеми приморскими городами. Бейрут, Сидон, Яффа, Аскалон оказались в руках турок⁸²⁸. Непокоренными остались только Триполи, Антиохия и Тир, которым очень помогли прибывшие со своим флотом норманны. Желая окончательно отрезать оставшихся крестоносцев от возможной помощи из Европы, султан решил сломить сопротивление гарнизона Тира. Город-порт имел чрезвычайно важное стратегическое значение, к тому же там скопилось множество бежавших из Иерусалима и других крепостей христиан⁸²⁹.

Почти наверняка Тир мог быть взят еще летом 1187 г., но, по счастью, маркграф Конрад Монферратский взял оборону города в свои руки. Он очень умело использовал время, которое ему невольно предоставил Саладин, бравший в эти дни Иерусалим, и к концу ноября, когда султан подошел к Тиру, город представлял собой неприступную крепость, под защитой почти 7 тысяч рыцарей

и пехотинцев. Более полутора месяцев Саладин осаждал город. Множество штурмов и 14 катапульт, построенных им, не смогли пробить брешь ни в стенах Тира, ни в мужестве воинов-крестоносцев. Был вызван даже флот из Египта, чтобы блокировать Тир со всех сторон, однако 30 декабря пилигримы отчаянной контратакой захватили 11 мусульманских галер. Саладин был так расстроен, что, по слухам, приказал отрезать уши и хвост у собственного коня. Убедившись в невозможности захватить город, в январе 1188 г. он снял осаду. Это стало первой, после череды горьких поражений, победой креста над полумесяцем⁸³⁰.

Однако эта победа, конечно же, не сгладила ужаса от потери Иерусалима. Весть о катастрофе на Востоке пришла в Европу в конце 1187 г. Римский папа *Урбан III* (1185—1187), получив страшную весть, умер 20 октября от разрыва сердца в Ферраро. Для его преемника *Григория VIII* (1187) не оставалось никаких сомнений: он тут же публично заявил, что необходимо начать 3-й *Крестовый поход* и употребил все средства для того, чтобы привлечь к его участию всех монархов Запада. Хотя Григорий VIII занимал Апостольскую кафедру не более двух месяцев, его авторитет и активность обеспечили успех организации предприятия⁸³¹. Новый апостолик *Климент III* (1187—1191) горячо поддержал призыв своего предшественника и сделал все, чтобы поход состоялся⁸³².

Уже через несколько дней вышла в свет папская энциклика *Audita Tremendi*, объявившая новый Крестовый поход. Как повелось, в грамоте объяснялись причины прежних (и недавних, конечно, тоже) неудач тем, что пилигримы понесли заслуженную кару за свои грехи, а мусульмане изображались дикими зверями, жаждущими христианской крови. Понтифик торжественно объявил, что всякий здравый человек, «который не плачет, имея такую причину для скорби», вероятно, утратил и веру в Христа, и совесть. Сам Саладин был персонифицирован как дьявол во плоти. В заключение энциклика перечисляла духовные и земные награды будущим участникам крестоносного предприятия. Попутно было объявлено папское повеление о прекращении внутренних войн, рыцарям облегчалась продажа ленных владений, отсрочено взыскание долгов и вообще было объявлено, что любое содействие Крестовому походу будет сопровождаться полным отпущением грехов⁸³³.

Следует сказать, что для Германского короля весть о созыве 3-го Крестового похода стала настоящим спасением — в противном случае ему наверняка грозило от Римского папы новое отлучение от Церкви. Дело в том, что незадолго до описываемых событий он посватал дочь покойного Сицилийского короля Рожера I Отвиля

Констанцию за своего сына *Генриха*, герцога Ломбардии. Несмотря на то, что невеста была на 11 лет старше жениха и сам по себе факт женитьбы тетки короля Вильгельма II, не имевшего наследников, на будущем преемнике Германской короны, выглядел чрезвычайно опасным для Сицилии, 27 января 1186 г. свадьба состоялась. Римский папа Урбан III выступил крайним противником этого брачного союза. На самом деле он очень опасался, что после свадьбы сицилийцы, до сих пор являвшиеся традиционными союзниками Апостольского престола, обнаружат для себя новые интересы. И тогда папство, окруженное с севера германцами, а с юга сицилийскими норманнами, будет обречено.

Однако отступать было поздно, и папа направил своего представителя в Милан, где состоялось бракосочетание. Увы, «предчувствия его не обманули»: местный архиепископ не только сочетал молодых браком, но и совершил акт коронации, не спросив об этом папского легата, чем привел Урбана III в ярость. До сих пор Римские епископы активно противодействовали попыткам Западных императоров объявлять своими соправителями собственных детей, поскольку в таком случае влияние понтификов на фигуру будущего императора значительно ослаблялось. Теперь произошло непоправимое для Рима. Если учесть, что сын Барбароссы Генрих вообще демонстрировал далеко не мирные черты характера своего отца, понимая лишь грубую силу, волнение папы можно понять. Урбан III уже подготовил буллу об отречении германца от Церкви, когда в октябре 1187 г. генуэзские послы принесли ему весть о падении Иерусалима. И вот теперь его преемник Григорий VIII разослал послание по всему христианскому миру с призывом к священной войне. Конечно, в новых условиях ни о каком анафематствовании императора не могло быть и речи.

Не все просто обстояло и с королями *Генрихом II Английским* (1154—1189) и *Филиппом II Августом Французским* (1180—1223), которые пребывали в перманентной вражде. Хотя еще 13 января 1188 г. они дали обет выступить в Крестовый поход, но, не доверяя друг другу, не спешили выполнить обещание. Казалось, после смерти короля Генриха II и восшествия на престол его сына *Ричарда Львиное Сердце* (1189—1199) ситуация изменится — ничуть не бывало. Каждый из монархов опасался, что в его отсутствие соперник с выгодой использует свободное время и займет спорные территории на континенте. Уже небольшие группы французских и английских рыцарей отправились в Палестину, а короли все еще медлили. Добрый пример подали два других венценосных крестоносца.

Вильгельм II Сицилийский прекратил войну с Византией и направил флот на помощь Тиру и Триполи. Еще ранее, узнав о потере Иерусалима, Вильгельм, как благочестивый христианин, на 4 дня уединился для молитвы в отдельной комнате, одетый в мешковину. Он направил предложение остальным государям следовать в Палестину морским путем и обещал предоставить свой могучий флот для этих целей. Пример Роберта Гвискара и его сына Боэмунда, ставшего князем Антиохии, будоражили ему душу, и Вильгельм II решился на то, чтобы возглавить 3-й Крестовый поход. К несчастью, он умер 18 ноября 1189 г. в Палермо в возрасте 36 лет, но идея морского пути завоевала сердца англичан и французов. Однако теперь помехой для реализации этой величественной идеи стала война в Сицилии между потенциальными наследниками покойного короля, приведшая к междоусобице на острове. В результате в самом начале 1190 г. королем — последним, добавим мы — норманнской Сицилии стал *Танкред* (1190—1194), незаконнорожденный сын герцога *Рожеера Апулийского* (1121—1148) — событие, как мы вскоре увидим, многое изменившее в судьбе 3-го Крестового похода⁸³⁴.

Второй движущей силой стал Германский император Фридрих I Барбаросса, выступивший в поход, не дожидаясь остальных участников. Что бы ни говорили о тех суровых временах, следует признать, что даже самые жесткие сердца оставались открытыми для Бога. Не было исключением и Германский король, который вступил в поход не только из тактических соображений, о которых писалось выше, но и по иным причинам. 27 марта 1188 г. он созвал имперский съезд в Майнце, куда привлеченные призывом Римского епископа прибыли даже враги Фридриха Барбароссы. Сам император отказался председательствовать на съезде, заявив, что первое место принадлежит Христу, несомненно, присутствующему здесь. Когда шло обсуждение вопроса, слезы брызнули из глаз уже далеко не молодого и совсем не сентиментального короля, заявившего о присоединении к Крестовому походу. Организация его с германской стороны соответствовала лучшим качествам этой нации. По требованию Барбароссы в поход могли отправляться лишь обеспеченные рыцари, любой послушник, решивший жить за счет казны, подлежал опале. Пока шли приготовления, император отправил послов в соседние страны решить вопрос о проходе германских крестоносцев. Посланники дошли даже до Саладина, передав тому требование своего короля немедленно вернуть христианам Крест Господень и освободить пленных воинов⁸³⁵.

«Верни землю, которую ты захватил! — увещевал султана король. — Мы даем тебе год, после чего тебе придется уповать только

на военное счастье... По воле Господа ты познаешь мощь наших победоносных орлов и гнев народов Германской империи — молодежи Дуная, не знающей, что такое отступление, могучих баварцев, мудрых швабов, неистовых бургундцев, доблестных альпийских горцев!» Но султан, не отличавшийся робостью духа, ответил отказом и потребовал встречно от германцев сдать туркам оставшиеся латинские города и крепости в Леванте. «Если ты считаешь многочисленными христиан, — отвечал он, — то знай, что моих арабов во много раз больше. С нами и бедуины, и турки, и наши крестьяне, которые храбро будут сражаться с чужестранцами. Мы встретим вас по воле Аллаха и с его помощью, и когда он дарует нам победу, нам останется лишь занять ваши земли по его воле и ради его торжества». Только при выполнении своих требований Саладин был готов обсуждать иные вопросы. Разумеется, такой ответ лишь придал решимости германским рыцарям⁸³⁶.

Пока Барбаросса собирал армию, нашелся еще один вдохновитель движения крестоносцев — Ричард Львиное Сердце. Живой и страстный, человек огромной силы и энергии, ищущий рыцарских подвигов и славы, он заложил все свои имения и на вырученные средства набрал замечательную и многочисленную армию. Это был удивительный король: он сочинял стихи на французском и провансальском языках и музыку для своих песен, которые сам же и исполнял под собственный аккомпанемент. Он собирал вокруг себя шумные толпы менестрелей и веселых трубадуров, а по-латыни говорил лучше многих английских архиепископов. Его щедрость вошла в поговорку, а умение сходитья и влюблять в себя людей потрясала воображение. В то же время это был гордый и нередко надменный человек, гневливый и раздражительный, никогда не прощавший обид и охотно раздававший удары. Исполин, способный одним ударом меча разрубить воина пополам, он был лучшим рыцарем своего времени и обладал способностью в одиночку противостоять целому отряду врагов⁸³⁷.

Кроме этого, одной из характерных черт Ричарда являлось его ярко выраженное *юдофобство*. Как рассказывали, в день коронации, 3 сентября 1189 г., в Вестминстере, в королевский дворец прибыли представители иудейской общины, чтобы вручить дары монарху. Но по приказу Ричарда их выпороли и вышвырнули прочь. После этого волна погромов прошла по городам Англии, не вызвав никакой отрицательной реакции короля⁸³⁸.

Английский король искренне посчитал 3-й Крестовый поход *своим детищем* и был готов пожертвовать всем для его успеха. Говорят,

за 10 тысяч марок Ричард освободил от вассальной присяги короля Шотландии *Вильгельма Льва* (1165—1214) и даже собирался продать сам Лондон, если бы нашелся достойный покупатель. Его активно поддерживал архиепископ Кентерберийский, проповедуя Крестовый поход в Уэльсе и Англии. Как и во Франции, в Англии был введен специальный «*Саладинов налог*» — каждый, кто не участвовал в Крестовом походе, обязан был заплатить десятину от своего имущества или доходов⁸³⁹. Все лица, виновные в уклонении от уплаты этого налога, предавались согласно королевским ордонансам анафеме, а клирики — отлучению⁸⁴⁰.

Ричард собирал свое войско долго, зато весьма тщательно. Был сделан большой запас денежных средств, чтобы оплатить солдатам все время, проведенное ими в походе. Кроме того, заказаны тысячи стрел для луков и арбалетов, 60 тысяч подков и 14 тысяч туш свиных, большой запас сыров, бобов и вина. Как говорят, английская армия насчитывала более 17 тысяч рыцарей и хорошо вооруженных солдат. На его фоне приготовления Филиппа Августа выглядели гораздо скромнее — тому явно не хватало ни власти, ни опыта жизни, чтобы соперничать с Английским королем⁸⁴¹.

Пока шли приготовления, агенты султана довольно подробно живописали Саладину о том, какие силы собирают христианские короли против него. Однако действия правителя Египта и Мосула были двоякими. Да, великий курд не терял времени даром, однако нередко был просто бессилен перед тяжестью власти и масштабами своей империи. По сути, он управлял лишь небольшой частью областей и несколькими отрядами верных солдат; все остальные подвластные ему мусульманские правители являлись очень и очень *условными* союзниками, с которыми нужно было держать ухо востро.

Помимо этого, было еще несколько обстоятельств, никак не облегчавших положение Саладина. Турецкие правители никогда не имели привычки держать постоянную армию; и у султана просто не было денежных средств для этого. Нельзя также забывать, что для очень многих мусульманских аристократов Саладин являлся всего лишь удачливым курдом не самого высокого происхождения, «случайно» добившимся славы. Несмотря на грандиозный успех, его победа при Хиттине и захват Иерусалима наполнили сердца многих мусульманских правителей черной завистью. Халиф Аббасид *аль-Насир* (1180—1225), проживавший в Багдаде, не скрывал своей неприязни к султану. Он посчитал себя оскорбленным, что известия о взятии Святого города ему привез рядовой гонец, а не сам Саладин или на

худой конец какой-нибудь вельможа. Правители Ирана и Ирака не могли простить ему присоединение Мосула. А Рум-сельджукский султан Кылыдж Аслан II откровенно давал понять, что не станет препятствовать проходу крестоносцев через свои территории⁸⁴².

К тому же Саладин допустил большую ошибку, выпустив летом 1189 г. Гвидо де Лузиньяна из темницы, посчитав, что тот уже не причинит большого вреда. Однако титулярный (уже) король Иерусалима был не столь слаб характером и беспомощен, чтобы забыть о своем долге христианского правителя и пилигрима. А потому сразу же после освобождения он собрал довольно значительный отряд рыцарей из числа тамплиеров, госпитальеров и добровольцев и отправился из Тира, где ему отказал в повиновении Конрад Монферратский, к Акре, желая освободить город и вернуть себе королевство. Вскоре к ним прибыла помощь — более 500 рыцарей из Ломбардии и большое грузовое судно с продовольствием.

Затем Саладин совершил свою вторую ошибку, посчитав, что поход Гвидо — безумная авантюра. И потому, когда он наконец увидел опасность, король уже стоял под Акрой с довольно внушительной армией. 31 августа 1189 г. крестоносцы пошли на штурм, и лишь приближение войска Саладина спасло турок в Акре от немедленной гибели; латиняне отступили. Но и после этого султан не продемонстрировал былого таланта: вместо того чтобы с ходу напасть на небольшую армию крестоносцев и смять ее, он разбил лагерь, считая за лучшее осадить их. В самое ближайшее будущее ему предстояло убедиться в ошибочности такой стратегии: уже 10 сентября к Гвидо внезапно прибыло еще одно мощное подкрепление из Европы — 12 тысяч фрисландских и датских крестоносцев. В дальнейшем лагерь осаждавших город пилигримов постоянно расширялся: прибыл ландграф Тюрингии *Людвиг III Благочестивый* (1172—1190), один из самых могущественных аристократов Германии, Филипп де Дре и его брат Роберт де Дре, а затем и Конрад Монферратский усилил латинян, приведя с собой 1 тысячу крестоносцев из Тира.

Саладин также получал подкрепление, в результате чего возникла ситуация динамического равновесия сил. В конце сентября того же года султан предпринял смелый рейд, направленный на снятие блокады Акры и доставку продовольствия, в котором ее защитники отчаянно нуждались. Это ему удалось, однако, войдя в Акру со своими воинами, султан убедился, что снять осаду ему не по силам. Более того, в октябре крестоносцев стало уже так много, что они, осмелев, вновь начали наступление на укрепления Акры.

Враги еще раз попытались решить спор сражением и 4 октября 1189 г. состоялась, как писал современник, «Великая битва за Акру». Войска выстроились друг напротив друга, Гвидо де Лузиньян держал в своей руке Евангелие, а Саладин велел кричать по рядам мусульман: «О, ислам и армия слуг единственного бога!» Он лично обходил своих солдат, вдохновляя на битву — и не напрасно. Натиск крестоносцев был настолько силен, что многие турецкие отряды начали отступать. Латиняне решили, что дело уже сделано, и приступили к обычному занятию — добивать раненых и грабить обоз. Но, как оказалось, султан вовсе не утратил боевого духа. Собрав небольшой отряд, Саладин смело бросился на врагов и уничтожил одно из подразделений крестоносцев. Теперь уже сарацины принялись гнать потерявших строй рыцарей, пока не достигли главных частей. Битва закипела с новой силой, но крестоносцам удалось отбить атаку мусульман. Ближе к вечеру сражение подошло к своему естественному завершению. Обе стороны невероятно устали, солдаты буквально валились с ног. Все поле было усеяно телами павших воинов. Сарацины вернулись к свой лагерь и приступили к молитве, до сих пор не веря в спасение. Сам Саладин был глубоко убежден в победе, поскольку, по его мнению, крестоносцы понесли в сражении большие потери, которые не смогут более восполнить. Разумеется, пилигримы приписывали честь победы себе, хотя и отдавали должное мужеству врага⁸⁴³.

В бою многие крестоносцы проявили завидное мужество. Сам Гвидо де Лузиньян спас от верной гибели Конрада Монферратского. А магистр тамплиеров Жерар де Ридфор, ранее для спасения принявший ислам, но затем перебежавший к соотечественникам, отказался отступать и предпочел смерть плену. Брат короля *Жофруа де Лузиньян* (1150—1224) умело организовал оборону. И когда Саладин попытался ворваться в лагерь пилигримов, те яростными контратаками отбросили турецкие войска обратно⁸⁴⁴.

Наступила зима, давшая некоторую передышку обессиленным соперникам. Нельзя, впрочем, сказать, что условия, в которых они пребывали, были равны. Хотя христиане и потеряли Святой город, они объединились и сумели отбить у сарацин остальные владения. В какой-то степени и моральный перевес был на их стороне. А великий курд, несмотря на добытые победы, оказался в тяжелом положении. Неудачи при Тире и Акре, которых никто не ожидал, смутили многих эмиров. Призывы султана к правителям отдаленных провинций не приносили успеха. Халиф откровенно думал лишь о расширении собственных владений, нисколько не заботясь о судь-

бе своего удачливого султана. Да и сама армия, противостоявшая крестоносцам у Акры, не отличалась высоким боевым духом. Не раз Саладину приходилось применять все свое влияние и красноречие, чтобы остановить дезертирство собственных солдат. Он даже был вынужден на свой страх и риск отпустить несколько отрядов воинов из северо-иракских провинций домой на всю зиму. Просто счастье, что крестоносцы не прознали об этом, иначе зимнее перемирие могло сложиться иначе⁸⁴⁵.

Поразительно, но дни мира позволили врагам чуть лучше узнать друг друга и даже прийти к неким неписанным правилам общения. Например, когда в лагерь крестоносцев прибыло около 300 проституток из Европы, некоторые сарацины незаметно от своего командования прибегали к их услугам. Турки и латиняне делились едой и напитками, обсуждали минувшие схватки. Конечно, чтобы не замечали командиры. В течение всего этого времени Саладин укрепился в мысли, что Акра является *ключевым пунктом* в его противостоянии с пилигримами. Он провел гигантскую подготовительную работу, дабы весной сломить врага. В лагере латинян также произошли изменения. Убедившись на деле в том, каким мужественным и опытным полководцем является король Гвидо, Конрад Монферратский принес ему оммаж⁸⁴⁶.

В начале мая 1190 г. военные действия возобновились. Саладин вызвал войска из Месопотамии во главе со своим сыном *аль-Афдалем*, а к крестоносцам подошли подкрепления во главе с графом *Генрихом II Шампанским* (1181—1197), племянником Французского и Английского королей, в количестве 10 тысяч рыцарей и пехоты. Ситуация для сарацин осложнилась еще больше после того, как пришло известие о том, что первая волна крестоносцев — германцы во главе с императором *Фридрихом I* — уже продвигаются к границам султанских владений. Саладин понял, что ему скорее всего придется сражаться на два фронта. Тем временем латиняне соорудили три больших штурмовых башни, при помощи которых надеялись ворваться в город. Спас положение турок один молодой металлург из Дамаска, сумевший придумать специальный снаряд с «греческим огнем», уничтоживший башни⁸⁴⁷.

Все лето прошло во взаимных атаках и контратаках, стоивших соперникам многих жертв. Вследствие жары трупы павших воинов разлагались, создавая пищу для паразитов, и вскоре болезни охватили оба лагеря. От былого дружелюбия не осталось и следа, и теперь нередко мусульмане выставляли трупы павших пилигримов на

стены, мочились на них, оскверняли кресты и другие христианские символы⁸⁴⁸.

Эпидемия убивала не только солдат: вскоре погибла Сибилла, королева Иерусалима, и двое ее детей, потенциальных наследников титулярного трона. Это событие моментально породило лютую вражду среди предводителей крестоносного воинства. По действовавшему в то время закону королевства, престол должен был перейти в руки второй дочери покойного короля Амори, *Изабеллы* (1172—1205), вышедшей замуж за *Онфруа IV де Торона* (1166—1197). Разумеется, женщина не преминула заявить о своих правах. Как ни странно, ее муж не стремился к этому пустому титулу — мягкий, скромный, выдержанный, он напроочь был лишен честолюбия и первым подал голос за Гвидо де Лузиньяна. Разумеется, тот и сам не возражал против того, чтобы сохранить титул за собой. Своим оппонентам де Лузиньян напомнил, что статус короля является пожизненным, а потому никто не вправе лишать его высшего сана, пока Господь не призвет его к Себе. Подвергся соблазну и герой предыдущих сражений маркграф Конрад Монферратский, ради титула соблазнивший Изабеллу и заставивший ее развестись с Онфруа де Тороном ради нового брачного союза с ним. Теперь у маркграфа было две жены: одна в Константинополе, вторая — в лагере у Акры⁸⁴⁹.

Тем временем наконец-то до крестоносцев, осевших у осажденного города, дошли слухи о том, что два венценосных соперника отправились в путь. 24 июня 1190 г. Ричард Английский на публичной церемонии в Туре взял в руки посох и суму паломника, Филипп Французский выполнил ту же ритуальную церемонию в Сен-Дени. 2 июля того же года короли встретились в Везеле и договорились делить все доходы от похода поровну. Армии европейских государей не имели еще универсальной формы, позволявшей отличить их от других вооруженных формирований. А потому короли условились, что французы будут носить красные кресты, а англичане — белые. Наконец, 4 июля обе армии двинулись в поход⁸⁵⁰.

Едва ли, впрочем, можно было найти более несовпадающие по характерам фигуры, чем Ричард и Филипп. Мягкий, терпеливый и чрезвычайно интеллигентный, но не лишенный коварства, Французский король был шокирован выходками Английского собрата, у которого даже вошло в привычку подшучивать над Филиппом специфическим образом. Зная, что тот не переносит ругательств и грубых шуток, Ричард с громадным удовольствием у него на виду оскорблял священников и постоянно вставлял в свою речь «соленые» словечки. В ответ, в известной степени

демонстративно, Филипп Август издал закон, запрещающий брань в любом ее виде⁸⁵¹.

Часть английской армии отправилась на кораблях, но основные силы во главе с королем прошли через Францию и Италию и прибыли в Сицилию, чтобы, не распаляясь, совместно с французами переплыть оттуда в Сирию. Но проблема с фуражировкой заставила союзников отделиться друг от друга, и в сентябре 1190 г. Филипп Август первым приплыл в Мессину. Но когда на остров прибыли англичане, выяснилось, что наступили осенние шторма, и потому поход решили отложить на весну 1191 г., перезимовав на острове⁸⁵².

Эта задержка оказалась роковой. Ричард Львиное Сердце не уставал демонстрировать свое «преимущество чести» по отношению к Французскому собрату, а английские солдаты постоянно затевали ссоры и драки с местными жителями. Несчастный Филипп Август едва успевал умиротворять своих солдат с англичанами. Кроме того, Ричард решил продемонстрировать права на Сицилийскую корону, ссылаясь на то, что его сестра *Иоанна Плантагенет* (1165—1199), урожденная Английская принцесса, была замужем за покойным королем Вильгельмом II. В настоящее время она находилась в плену у претендента на корону — Танкреда, которому был передан ультиматум: или вернуть королеву в Англию, или деньгами оплатить свое право на королевство. Сицилийский король не стал увеличивать число врагов, а выполнил оба условия. Уже через 5 дней Иоанна присоединилась к соотечественникам, а Ричард получил 1 млн монет.

Однако Английский король будто специально создавал провокации. 30 сентября его солдаты напали и взяли штурмом монастырь Спасителя в Мелиссине, выгнав оттуда монахов и устроив из него казармы для английской армии. Когда сицилийцы попытались отомстить обидчикам, 4 октября 1190 г. англичане устроили настоящий погром, начисто разорив и обобрав Мессину⁸⁵³. Хотя Ричард I предотвратил убийства жителей, «права» на грабеж города его солдатами никто не отменял. Как писал современник, Мессина была обобрана до нитки быстрее, чем священник читает мессу. Англичане без стеснения брали все, включая понравившихся им женщин и девушек. Примечательно, что Филипп Французский, увидев над Мессиной английский флаг, потребовал заменить его своим, недвусмысленно напоминая о том, что ему должна принадлежать половина добычи Ричарда Львиное Сердце⁸⁵⁴.

Шли месяцы, рыцари откровенно изнывали от безделья, проигрывая в кости свои деньги, а затем залезали в страшные долги, чтобы оплатить содержание собственных отрядов. Филипп Август,

конечно же, желал максимально быстро отплыть с острова. Но неторопливость Ричарда настораживала его: француз не хотел оставлять поле для маневра англичанину⁸⁵⁵.

А Ричард руководствовался уже собственными мотивами. Его не интересовало то немаловажное обстоятельство, что, как указывалось выше, наследница Сицилии Констанция 27 января 1186 г. вышла замуж за сына Фридриха I Барбароссы *Генриха* и, таким образом, у германцев имелись свои интересы в этом вопросе. Естественно, сам собой возник предмет споров, положивший конец совместным действиям крестоносцев⁸⁵⁶.

Следующий узел противоречий состоял в том, что Танкред Сицилийский как смерти боялся подхода Германского короля, уже не раз заявлявшего права на Южную Италию. Дабы обезопасить себя, он забыл гордость и предложил Ричарду Английскому заключить брачный союз — выдать замуж свою дочь за 3-летнего племянника Львиного Сердца *Артура Британского* в обмен на военную помощь против любого врага, который начнет войну с норманнами во время нахождения на Сицилии английского войска. Ричард согласился, чем окончательно оттолкнул от себя Фридриха Барбароссу. Но обида коснулась сердца и Филиппа Французского: Английский король категорически не желал жениться на Французской принцессе *Алисе*, еще 20 лет назад помолвленной с Ричардом Львиное Сердце. Теперь вдруг внезапно выяснилось, что на Сицилию спешит «настоящая» невеста Английского монарха *Беренгария Наваррская* (1191—1199). Между двумя королями едва не произошел открытый разрыв, и только ценой грандиозных усилий удалось *внешне* примирить их⁸⁵⁷.

Филипп Август, понявший, что на солидарную помощь Ричарда не приходится рассчитывать, 30 марта 1191 г. отплыл на кораблях в Акру, где был уже 20 апреля⁸⁵⁸. Прибытие Французского короля было встречено осаждавшей город крестоносной армией с восторгом. И хотя непосредственно с Филиппом находилось немного солдат — все основные воинские отряды еще раньше прибыли к Акре, — его появление придало необходимую централизацию действиям пилигримов. В разношерстной армии, которая мозаично сформировалась здесь в течение 2 лет, были французы, бургундцы, шампанцы, фризы, датчане, германцы, бретонцы, а также рыцари тамплиеры и иоанниты. Король внес существенные коррективы в план штурма города. Он приказал изготовить огромную башню, которую покрыли железом для защиты от «греческого огня». Филипп все приготовил для решающего штурма, но сигнала к его на-

чалу так и не отдал — вероятно, его останавливала некая договоренность между ним и Ричардом, достигнутая еще на Сицилии⁸⁵⁹.

Львиное Сердце также покинул *замученную им Сицилию* в апреле 1191 г. Однако налетевшая буря спутала все его планы, и в результате Английский король попал на остров Кипр, находившийся в то время под властью отпавшего от Византии Исаака Комнина. Разумеется, Ричард вовсе не собирался упускать блестящий шанс захватить остров, оставалось лишь найти повод. Такой быстро нашелся — английские пилигримы, корабли которых попали в шторм и разбились. Латиняны греки задержали, а их имущество конфисковали. Прибывший Английский король потребовал вернуть соотечественникам свободу и имущество, и его требование могло бы быть исполнено, но оно прозвучало в совершенно недопустимой и грубой форме. Исаак Комнин ответил насмешливым отказом, что-то вроде: «Ишь, чего захотел!», а Ричарду только это и требовалось.

Началась война, успех в которой сопутствовал англичанам. Сам Львиное Сердце в окружении блестящей толпы аристократов — Армянского князя Льва, Антиохийского князя Боэмунда и других сильных мира сего, — быстро снискал уважение местных магнатов, во множестве переходивших на его службу. В скором времени Исаак потерпел сокрушительное поражение, а королю досталась поистине сказочная добыча. Опять время потекло для англичан в пирах и пышных торжествах, но затем, побуждаемый другими крестоносцами, Ричард Львиное Сердце покинул Кипр и отправился к Акре⁸⁶⁰.

Прибытие Ричарда 7 июня 1191 г. еще более воодушевило пилигримов: свежие и хорошо вооруженные англичане начали тут же возводить осадные башни, хоронившие все надежды осажденных турок. Те предложили Львиному Сердцу сдать Акру на условиях сохранения им жизни и свободы. Казалось бы, о чем можно еще мечтать? Но Английский король не желал договариваться — ему нужна была исключительно полная и безоговорочная *капитуляция* гарнизона. И туркам было отказано. Как выяснилось в очень скором времени, напрасно. В лагере крестоносцев началась эпидемия, вырвавшая из их рядов могущественного и благородного вождя графа *Филиппа Фландрского* (1168—1191). Но и в лагере Саладина атмосфера была не самая героическая. Солдаты, воевавшие уже 4 года, откровенно роптали, денег и продовольствия не было. В отчаянии в одном из своих писем султан писал другу: «Где люди, желающие выполнить долг Священной войны?! Где люди, руководимые правдой?! Где мусульмане? Жестокая ошибка, нет больше мусульман». По его приказу во всех мечетях имамы призывали народ к джихаду, но это дало незначительный эффект⁸⁶¹.

А вслед за этим начались вечные разборки между Английским и Французским монархами. Француз потребовал от Ричарда половину добычи, захваченной на Кипре, на что тот лишь насмешливо качал головой. А затем блистательно воспользовался прирожденной скарденностью Филиппа. Узнав, сколько тот платит своим солдатам, англичанин тут же предложил им большую сумму, если те перейдут под его командование. Но еще более раздосадовала Французского короля история с его вассалом графом Генрихом II Шампанским. Когда тот попросил у короля денег в долг, чтобы обеспечить свое войско, Филипп взамен потребовал от него уступку ему своего домена. Потрясенный граф произнес: «Я делал то, что должно, теперь же делаю то, что вынужден делать! Я хотел служить моему королю, но ему нужен не я, а мое достояние!» Он немедленно отправился в лагерь Ричарда, принес ему оммаж и получил в виде дара 4 тысячи мер пшеницы, 4 тысячи свиных туш и 4 тысячи фунтов серебра⁸⁶².

Когда Ричард назначал штурм крепости, французы под благовидными предложениями срывали его, и наоборот. Как говорят, раскол был настолько велик, что почти ежедневно случались вооруженные столкновения между французами и англичанами. Выбрали третейский суд, решениям которого обе стороны обещали следовать, но вскоре начали игнорировать и его определения. Ричард затеял переговоры с Саладином, и, к изумлению христианского мира, брат султана *Мели-аль-Адиль* стал откровенным почитателем Английского короля⁸⁶³.

На беду пилигримов, застрявших под Акрой, самый опытный воитель Фридрих I Барбаросса все еще не присоединился к ним, хотя ранее всех двинулся в путь. Учтя ошибки предыдущей крестовой экспедиции, Германский король навел дипломатические связи с Константинополем и Иконийским султаном Кылыдж Асланом II, от которых получил разрешение на проход через их территории. Исаак II Ангел даже обещал предоставить продовольствие на всем пути следования германской армии, хотя не без основания опасался столь многочисленных и малодружелюбных воителей с Запада.

24 мая 1189 г. Фридрих I вступил в пределы Венгрии, и хотя король Белла III не принял личного участия в 3-м Крестовой походе, но выделил в помощь крестоносцам 2-тысячный отряд, оказавший им большую помощь. 2 июля 1189 г. немцы были уже в Бранчево и вступили в прямые отношения с византийскими чиновниками, попытавшимися направить крестоносцев окольными путями мимо мятежной Болгарии и Сербии. Но венгры, прекрасно знавшие прямые дороги, настояли на маршруте Морава — София — Филиппополь. 25 июля 1189 г. германцы вступили в сербские владения, и их

принял сам Сербский жупан *Стефан Неманя* (1170—1196). Этого-то и опасался Исаак II Ангел, прекрасно понимавший, что сербы и болгары предложат Барбароссе союз против Византии в обмен на признание независимости их государств на Балканах⁸⁶⁴.

Конечно, Германский король был слишком опытен и осторожен, чтобы вступать в сомнительные авантюры. Тем более когда цель его похода располагалась гораздо дальше Константинополя. Однако обстоятельства неизбежно сталкивали его с Византийской империей. По дороге германцы терпели немало ущерба от разбойных шаек болгар и сербов, но греки почему-то не спешили по дипломатическим каналам объяснить свою *непричастность* к данным нападениям. Как говорит летописец, германских пилигримов вешали на деревьях, как собак или бешеных волков, что вызвало ответную реакцию, но уже против византийцев. Но и византийцы, опасаясь возможного союза немцев со своими врагами, портили дороги и откровенно задерживали подвоз продовольствия рыцарям Креста.

Фридрих I направил посольство в Константинополь для получения объяснений, но его встретили очень холодно. Пришлось идти дальше, собирая по дороге, как урожай, проблему за проблемой. Город София был совершенно оставлен жителями, в свою очередь также имевшими основания не верить дружелюбному тону германцев, и крестоносцы остались без средств существования. В итоге, подойдя к Филиппополю, германцы искренне полагали византийцев большими врагами, чем турок. Дошло до того, что осенью 1189 г. германские и византийские отряды вступили в прямые столкновения, где успех попеременно принадлежал тем или другим⁸⁶⁵.

Германский король отправил второе посольство к Исааку II Ангелу, но его приняли еще хуже, чем первое. Византийский император потребовал заложников из числа знатных германцев и половину земель, которые Фридрих Барбаросса завоюет в Палестине. Когда германские послы стали чрезмерно дерзко возражать царю, их просто бросили в темницу. Наиболее остро противостояние двух христианских народов проявилось 26 мая, когда германцы вошли в оставленный греками Филиппополь. Но рядом с городом располагались византийские войска, готовые к бою. По счастью для германцев, армянские шпионы вовремя предупредили их, и те сумели перестроиться и даже первыми начать атаку. В результате византийцы отступили. Но с тех пор немцы двигались уже по *враждебной* территории.

Желая минимизировать опасность, Барбаросса поступил чрезвычайно мудро: он резко ужесточил дисциплину в армии и разделил

ее на отряды по 500 солдат, чтобы двигаться максимально широким фронтом. В свою очередь, не желая продолжать ссору, император Исаак Ангел освободил германских пленных и предложил Фридриху Барбароссе ввиду приближающейся зимы продовольствие и корабли, способные перевезти крестоносцев в Малую Азию. Однако Барбаросса оскорбился тем, что в послании Ангел назвал его «Германским королем», а себя — «Римским императором», а потому категорично отказался. Более того, он направил сына Генриха в Европу, дабы тот получил благословение папы и собрал войска из итальянских городов, чтобы в следующем году напасть на Константинополь и захватить его⁸⁶⁶.

Вскоре также выяснилась еще одна интересная деталь: не доверяя германцам, Византийский император заключил союз с Саладином. По обычаю поприветствовав султана, «от цезаря Исаака Ангела, слуги Мессии, помазанного на царство милостью Божьей, славного и непобедимого императора, правящего по воле Бога, непобедимого завоевателя, самодержца греков, султану Египта Саладину искренняя любовь и привет», василевс уведомил того, что не имеет никакого отношения к крестоносному движению. Более того, император сообщил курду некоторые ценные сведения, в частности то, что германцы чрезвычайно утомлены и потому едва ли могут стать серьезной поддержкой остальным латинянам. Для великого курда это было очень важно, поскольку от степени опасности, исходившей от Барбароссы, зависела численность армии, которую он должен был отрядить из числа войск, стоявших у Акры, и отправить навстречу германцам. Но вернемся к письму. В нем Ангел писал, что был неприятно поражен, узнав, будто султан забыл обещания дружбы, данные ими друг другу ранее, и надеялся на разрешение всех недоразумений. Он не обманулся — Саладин радостно принял его послов и оказал им высшие почести⁸⁶⁷.

Теперь раздражение между двумя монархами и их подданными переросло в открытую ненависть. Константинопольский патриарх прилюдно вещал византийцам, что убийство сотни крестоносцев сглаживает любой грех, а германский отряд разгромил Градец, стерев с лица земли его храмы и монастыри. Фридрих I Барбаросса не сомневался в том, что *истинная цель* его экспедиции — Константинополь, и писал сыну Генриху VI, чтобы тот срочно собирал флот для нападения на столицу греков⁸⁶⁸.

По-прежнему находясь на Балканах, Фридрих I Барбаросса начал вести тайные переговоры со славянами, что вызвало резкую реакцию

уже со стороны Венгерского короля, всерьез опасавшегося такого союза. И уже в ноябре 1189 г. он, отозвав свой 2-тысячный отряд, уведомил германцев, что венгры не могут продолжать поход. Зимой с 1189 на 1190 г. Барбаросса обдумывал предложение Болгарского царя Петра выставить 40 тысяч болгар и половцев для нападения на Византию с целью обеспечить проход крестоносцев в Малую Азию в обмен на признание Болгарии самостоятельным государством. Возможно, германец принял бы такое предложение, но Петр потребовал признать за ним *императорский титул*, чего, по понятным причинам, Фридрих I не желал делать.

В конце концов 14 февраля 1190 г. в Адрианополе были подписаны соответствующие соглашения между византийцами и германцами о проходе крестоносцев в Малую Азию. Тем временем болгары и сербы, находясь под негласным покровительством германцев, продолжили активные военные действия против Византии, а Петр и без разрешения Барбароссы собрал 40-тысячное войско для войны с Исааком II. Ему активно помогали сербы, выставившие 20 тысяч воинов. Конечно, это неспособствовало сближению византийцев с немцами. Неизвестно, чем бы все закончилось, но, по счастью, 25 марта 1190 г. началась переправа крестоносцев через Босфор⁸⁶⁹.

Теперь у 3-го Крестового похода появились все шансы для того, чтобы стать успешным предприятием. Интересно, что Барбаросса двигался тем путем, который некогда избрал Александр Македонский. Он пересек Граник и Ангелокомит, повернул на юг через Сарды и Филадельфию и 27 апреля был уже в Лаодикее Лидийской. Теперь он вступил на территорию Рум-сельджукского (Иконийского) султаната, который также находился в двусмысленном положении. Кылыдж Аслану II очень не хотелось воевать с германцами ради Саладина. С другой стороны, как мусульманин, он был *обязан* поддерживать единоверца во время Священной войны. А потому султан начал военные действия, но не очень активно⁸⁷⁰.

Его туркмены постоянно досаждали германцам своими легкоконными отрядами, но 17 мая 1190 г. у Иконии Барбаросса нанес тяжелое поражение сыну Кылыдж Аслана *Кутб ад-Дину*, женатому на дочери Саладина. Тот потребовал выплатить ему дань за проход через свою землю, что вызвало соответствующую реакцию короля. Надо отдать должное германцам — они сражались, как настоящие воины-профессионалы. Герцог *Фридрих Швабский* (1166—1191), сын Фридриха I, возглавил атаку на сарацин, когда отец закрывал его тыл от боковых ударов. Мало того что латиняне разбили сельджуков, они на плечах отступающих врагов ворвались в город и захватили его. По-

сле этого у зятя Саладина поубавилось спеси, и он, упросив принять заложников, быстро выпроводил германцев из своей земли⁸⁷¹.

Затем Барбаросса вторгся в Киликию, но тут произошло несчастье, перечеркнувшее все надежды крестоносцев. 9 июня 1190 г. при переправе через реку Салеф 70-летний Германский император утонул, а за смертью Фридриха I Барбароссы дальнейший поход германцев уже не мог иметь успеха. Как писал один арабский хроникер: «Если бы по милосердной воле Аллаха, Германский император не скончался в тот момент, когда он хотел вторгнуться в Сирию, то в последующие времена можно было сказать про Сирию и Египет: здесь некогда правили мусульмане!»⁸⁷²

Практически сразу после этого значительная часть немцев заявила о своем намерении вернуться на родину. Оставшиеся под командованием герцога Фридриха Швабского направились к Антиохии, чтобы осенью 1190 г. в заметно ослабленном составе прийти, наконец, к Акре⁸⁷³. Увы, в этом городе, где их встречали так радостно и пышно, германцев ждала чума, унесшая жизни тысяч крестоносцев. От отчаяния некоторые германские аристократы попытались отправиться из Антиохии на юг, где их уже ждали отряды конницы Саладина. Пленных немцев было так много, что их толпами продавали на рынках Алеппо. Спас положение Фридриха Швабского маркграф Конрад Монферратский, прибывший в Антиохию и выведший оттуда к Акре остатки германского воинства. Но затем произошла очередная трагедия — 20 января 1191 г. у стен Акры умер от малярии герцог Фридрих Швабский, после чего остатки германских крестоносцев покинули лагерь пилигримов и вернулись на родину. И хотя, как видим, роль Германии в этом Крестовом походе оказалась незначительной, именно ими в 1198 г. был основан в Акре рыцарский монашеский орден Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме (Тевтонский орден), сыгравший столь значимую роль в русской истории⁸⁷⁴.

Соединение летом 1191 г. под стенами этого города всех вождей Крестового похода не повлекло никаких положительных перемен. Напротив, разногласия и вражда все активнее разрушали союз Ричарда Львиное Сердце с Филиппом Августом, и Английский король не раз высказывался в том духе, что Саладин ему несравнимо ближе Французского собрата. Неприязнь между Филиппом Августом и Ричардом достигла такой точки, что Французский король открыто говорил о том, что боится пасть от кинжала наемных убийц англичанина. Два короля по-прежнему упорно спорили из-за Кипра, на часть территории которого претендовали французы по условиям

заклученного в начале Крестового похода договора. Ричард же настаивал на том, что речь о равномерном разделе добычи касалась только мусульманских земель.

3 июля 1191 г. французы, не дожидаясь никого более, бросились по приказу своего короля на приступ города, но осажденные отбили его. Правда, это была их последняя воинская удача: страдая от голода, они отправили почтовых голубей Саладину, умоляя того прийти к ним на помощь. Султан попытался в очередной раз прорвать блокаду Акры, но 5 июля атака его армии была отбита крестоносцами, поскольку Филипп Август заранее подготовил оборонительный маневр⁸⁷⁵.

В этом бою крестоносцы-французы демонстрировали чудеса храбрости в битве с сарацинами. Сами мусульмане докладывали своему султану, что один рыцарь гигантского роста и небывалой силы бился, пока в него не вонзилось более 50 стрел, но и после этого разил врагов твердой рукой. Лишь бутылка с «греческим огнем», брошенная одним из турок, прервала его жизнь. А некая безвестная женщина с бруствера вела стрельбу из лука, поразив множество сарацин. Когда чья-то меткая стрела сразила уже ее, турки забрали лук этой женщины высотой с человеческий рост и передали, как трофей, изумленному Саладину⁸⁷⁶.

Когда наконец истощенная Акра 12 июля 1191 г. выбросила белый флаг, Австрийский герцог *Леопольд V* (1177—1194) первым выставил в городе свое знамя, в бешенстве сорванное Английским королем. Сразу же права на город заявил небезызвестный по предыдущему изложению Жослен III де Куртене, некогда добровольно без боя сдавший Акру сарацинам. Но Ричард вполне справедливо отменил его притязания, заметив, что трус не вправе претендовать ни на что. А после этого произошло еще одно событие, существенно повлиявшее на дальнейший ход 3-го Крестового похода. Едва почувствовав вкус первой победы, Филипп Август прервал свою миссию. Некоторые печальные обстоятельства ускорили его отъезд: в лагере пилигримов вновь вспыхнула болезнь, ежедневно уносившая множество жизней. Не обошла она и Французского короля — у Филиппа выпали волосы, ногти и слезла кожа рук, а в довершение всего огромное бельмо уничтожило один глаз. Теперь в лагере некоторые насмешники величали Филиппа Августа «Кривым королем». Он отправился во Францию, где начал активно интриговать против Английского короля, поддерживая его брата *Иоанна Безземельного* (1167—1216)⁸⁷⁷.

Нет, это не было бегством: король оставил свою армию на попечение *Гуго III* (1163—1192), герцога Бургундского. По его требова-

нию третейский суд разрешил спор о королевстве между Конрадом Монферратским и Гвидо де Лузиньяном в пользу последнего, отдав маркграфу в качестве компенсации Тир. Наконец, Филипп принял меры к тому, чтобы прежние владельцы домов и земли в Акре получили их обратно. И все же общественное мнение было не на стороне Филиппа. Моментально было забыто все: и то, что победа под Акрой предуготовлена его усилиями, и умение Филиппа идти на компромисс в моменты столкновений с Английским королем, наконец, то, что именно благодаря Французскому королю 3-й Крестовый поход был продолжен, несмотря на самые неблагоприятные условия.

Филипп сделал прекрасный подарок Ричарду, передав тому славу *единоличного* победителя мусульман. Едва ли могут быть сомнения в том, что этот отъезд носил *вынужденный* характер и король его не желал. По крайней мере, впоследствии он будет часто жалеть о своем решении и мучиться угрызениями совести. И еще одно обстоятельство, которое следует отметить: рыцарь по натуре, Филипп не стал нападать на спорные территории, на которые претендовал Ричард, до его возвращения на материк. Согласимся, это — поистине благородный поступок⁸⁷⁸.

А Ричард оставался в Акре, ожидая выполнения условий капитуляции города со стороны Саладина. Наступал срок уплаты выкупа за пленных, но султан почему-то решил, что, получив деньги, Ричард обманет его. А потому решил поторговаться. В ответ король приказал умертвить 2 тысячи пленных мусульман — Саладин ответил тем же⁸⁷⁹. Покончив дела в Акре, Английский король направился к Иерусалиму вдоль берега моря. Немного поодаль от него продвигался Саладин со своими отрядами. Следующей мишенью крестоносцев должен был стать Аскалон. Но Саладин решил все вопросы разом, приказав превратить этот город в груды камней. Пилигримы продолжали двигаться вперед, несмотря на страшную жару, ядовитых змей и насекомых, а также рану, полученную Ричардом Львиное Сердце в одной из стычек с мусульманами у реки с характерным названием Смерть.

7 сентября 1191 г. состоялась знаменитая битва под Арсуфом, завершившаяся победой крестоносцев. На войско Ричарда, выстроенное в четыре шеренги, внезапно из дубовой рощи напало несколько тысяч сарацинской конницы, за которой шло хорошо организованное пешее войско. Сам Саладин в окружении свиты ехал посреди своей армии. Но крестоносцы сумели выдержать первый, самый тяжелый натиск противника, и вскоре их рыцарская

конница перешла в контрнаступление. Там, где впереди шли госпитальеры и тамплиеры, оставались горы трупов. С большим трудом племянник Саладина *Таки ад-Дин* сумел собрать вокруг себя около 700 всадников и отчаянной контратакой остановил пилигримов. Но и Ричард боялся развивать успех, опасаясь засады. Ночь развела противников. Турки потеряли более 7 тысяч воинов, пилигримы — чуть более 500. Правда, среди погибших значился *рыцарь-легенда*, которого уважали даже сарацины, — Жак д'Авеснэ, образец рыцарской доблести и чести. Его тело с отрубленной рукой и ногой нашли в окружении 15 павших турок. Хоронили героя в праздник Рождества Богородицы, причем провожал его в последний путь весь лагерь пилигримов⁸⁸⁰.

Сам Ричард Львиное Сердце явил чудеса личной храбрости и воинского умения, но, увлеченный подвигами, совсем забыл о том, что побежденных врагов нужно преследовать. Разбитые, но не уничтоженные турки вскоре вновь собрались под знаменами Саладина⁸⁸¹. Через 4 дня после этой великой битвы султан разделил свою армию, не вполне понимая, что является дальнейшим пунктом пилигримов после занятия близлежащей Яффы. Очевидно, они должны были идти на Иерусалим, но рисунок движения внезапно поломался. Как вскоре выяснилось, не случайно. Обозрев свое воинство и подсчитав резервы, Ричард крепко задумался о будущих перспективах. В нем все более укреплялась мысль прервать Крестовый поход и с благословения папы в следующем году набрать новую армию и направиться к Иерусалиму. Два месяца Ричард переписывался с Европой и другими вождями, а в это время его войско, отдыхая в уютной Яффе, совершенно утратило наступательный порыв. Часть крестоносцев вернулась в Акру и, несмотря на гневные требования короля, переданные через Гвидо де Лузиньяна, не собиралась возвращаться на фронт боевых действий. Самого Ричарда едва не захватили в плен сарацины, когда он довольно легкомысленно в сопровождении небольшого отряда отправился на разведку. Спас его благородный рыцарь Вильгельм де Прево, выдавший себя за Английского короля⁸⁸².

Используя свой шанс, Саладин сделал все, чтобы внести раскол в ряды латинян. Причем делал это *демонстративно*, не скрывая свои намерения перед Английским монархом⁸⁸³. И вот уже бургундцы и французы начали открыто протестовать против попыток Английского короля навязать им свое командование. Трижды Ричард давал приказ идти на Иерусалим, и каждый раз внутренние споры в его стане срывали начало поход. Кто-то полагал, что зимняя погода не

способствует началу осады, другие вообще разуверились в успехе предприятия. Так, например, герцог Бургундский внезапно оставил крестоносную армию и возвратился домой⁸⁸⁴.

Но, как ни странно, именно в это время отношения между Саладином и Ричардом из уважительных стали по-настоящему *дружескими*. Оба монарха постоянно обменивались посланиями, посольствами и дарами. А однажды брат султана Мели-аль-Адиль, служащий постоянным посредником между двумя вождями, привез Саладину удивительное предложение от Ричарда. Тот считал возможным обручить Мели-аль-Адила со своей сестрой, вдовствующей королевой Иоанной Сицилийской, после чего они должны были стать соправителями нового Иерусалимского королевства. Оба монарха, муж и жена, обязывались передать в собственность нового королевства все свои завоеванные сарацинами и крестоносцами в минувшей войне владения. На самом деле это был не только жест доброй воли, но и расчет на то, что *такое* предложение не может не поссорить султана с его окружением, где первое место принадлежало «жениху» — Мели-аль-Адилю.

Удивительно, но эта идея пришлась по душе многим мусульманам, зато вызвала глухой ропот в стане пилигримов и ужас отчаяния у Иоанны. Она пала на землю и клятвенно заверяла брата, что никогда, ни при каких обстоятельствах не выйдет замуж за мусульманина. Пришлось писать Саладину, что девушка-де сейчас нездорова. В качестве альтернативы Ричард предложил в жены Мели-аль-Аделю свою племянницу *Элеонору Бретонскую*, но турок отказался: ему хотелось соединиться с королевой, а не с обычной аристократкой⁸⁸⁵.

В конце октября 1191 г. крестоносцы, наконец, двинулись в путь, надеясь захватить Иерусалим. 12 декабря они уже стояли в 20 км от Святого города, но на пути их были снег и дождь, а также Саладин с тем войском, которое сумел собрать из небольших разрозненных отрядов. Пилигримы уже предвкушали победу и до блеска начищали оружие, готовясь к штурму и сравнивая свои подвиги с деяниями рыцарей 1-го Крестового похода. Но вскоре выяснилось несколько неприятных обстоятельств. Во-первых, после получения необходимых сведений установили, что осада Иерусалима может с легкостью привести к гибели всей крестоносной армии, поскольку запасов воды и продовольствия практически не оставалось, а войско Саладина располагалось рядом и могло напасть на пилигримов во время штурма Иерусалима. А, во-вторых, из Англии пришли известия об интригах, которые Филипп Французский, Иоанн Безземельный и мать Ричарда, небезызвестная нам королева Алиенора, затевают

против него. Сам собой родился план отступления в Аскалон, чтобы в следующем году вновь вернуться к Иерусалиму. Разумеется, главными сторонниками этой идеи были французы, весьма ревниво относившиеся к славе Английского короля. 20 января 1192 г., преодолев тяжелейший путь через превратившуюся под дождями в болото пустыню, латиняне были в Аскалоне⁸⁸⁶.

Там Львиное Сердце провел совет вождей, на котором его планы восстановления Аскалона и подготовки весеннего наступления на Иерусалим были поддержаны большинством. По мере сил Ричард пытался бороться с бездействием солдат, прекрасно понимая, насколько оно разлагает армию. Он попытался восстановить Аскалон и даже сам таскал камни, подавая пример своим рыцарям. Однако Леопольд Австрийский категорически отказался последовать ему. Когда Ричард начал его упрекать в бездействии, тот отвечал, что прибыл в Палестину не для строительства, а для завоевания Иерусалима. За зимние месяцы крестоносная армия постепенно пришла в себя, хотя таяла на глазах — французы один за другим оставляли войско и отправлялись на родину. Какие-либо попытки удержать их не увенчались успехом. *Формально* они были правы: уезжая, Филипп Август определил срок несения ими службы до 1 апреля 1192 г. В бешенстве Ричард потребовал от герцога Бургундского вернуть средства, которые тот получил от него на продолжение крестоносного предприятия. А затем категорично запретил впускать французов в Акру. Но те отправились в Тир, у которого теперь появился вполне легитимный правитель⁸⁸⁷.

Дело заключается в том, что, устав спорить с Ричардом, Конрад Монферратский заключил союз с Саладином, выговорив за собой права на этот город. Он вполне обоснованно опасался, что Английский король вполне может забрать у него Тир и передать город своему вассалу Гвидо де Лузиньяну. В это же время вновь встал вопрос о титуле короля Иерусалима. Сибилла, как мы уже знаем, скончалась еще при осаде Акры. А потому мнение аристократов склонялось к тому, что именно дочь короля Амори Изабелла является единственной легитимной наследницей трона. Гвидо вновь возражал, но все настаивали на выборах, которые, к ужасу Ричарда Львиное Сердце и де Лузиньяна, завершились победой Изабеллы и ее второго супруга, маркграфа Конрада Монферратского, ставшего через супругу новым титулярным королем Иерусалима. За них, как и следовало полагать, вступился Французский король Филипп Август и его партия.

Единственно, чем Ричард мог поддержать своего ставленника, так это помочь ему получить остров Кипр, который незадолго перед тем сам же подарил тамплиерам. Те запросили с Гвидо де Лузиньяна

100 тысяч монет, которых, естественно, у него не было. Пришлось заимствовать деньги у европейских монархов и генуэзцев, получивших за это право беспошлинной торговли на острове. Секрет покровительства Ричарда прост: он никак не желал возвращения Гвидо в Пуату, принадлежащей Английской короне, где он и его родственники слыли отъявленными смутьянами, а потому решил занять опасного подданного здесь, на Востоке. Именно благодаря Львиному Сердцу Гвидо получил титул *Кипрского короля*, хотя сам до самой смерти полагал себя единственно легитимным королем Иерусалима. Нельзя не упомянуть также, что вскоре после этого де Лузиньян принес оммаж королю Филиппу Августу, по сути, *предав* своего прежнего покровителя⁸⁸⁸.

Пока проходили выборы, Конрад пребывал в Тире, и известие о сбывшейся мечте маркграфа доставил туда граф Генрих II Шампанский. Впрочем, Конраду недолго оставалось наслаждаться властью и покоем: 28 апреля того же года он был заколот двумя фанатиками-ассасинами. Причина этого не была установлена ни тогда, ни позднее. Говорили даже, что руку убийцы направлял сам Английский король, но никаких доказательств этому не нашли. Новым королем Иерусалима на период с 1192 по 1197 г. стал Генрих II Шампанский, женившийся на овдовевшей и беременной королеве Изабелле.

Но вернемся к пилигримам. Дезертирство французов не особенно пугало Ричарда. И 17 мая 1192 г. он предпринял довольно авантюрную на первый взгляд попытку и захватил город Дарум. Вдохновленные этой победой и богатой добычей, пилигримы решили двинуться на Иерусалим. Но тут сомнения опять стали одолевать короля, который опасался захватить Святой город, но остаться без королевства — слухи о событиях в Англии регулярно передавались ему. Все же под влиянием многих уговоров, он публично объявил под восторженные крики солдат, что не поедет в Англию, а останется в Святой Земле до следующей Пасхи⁸⁸⁹.

В июне 1192 г. Ричард вместе с армией двинулся в сторону Торо-на, а затем дошел до Бейт-Нуба, откуда до Иерусалима оставалось не более 11 км. А еще через несколько дней Ричард увидел Святой город. Потрясенный, он пал на колени и долго пребывал в молитве. К своему несчастью, король не знал, что Саладин посчитал бесперспективной оборону города и вывел из Иерусалима большую часть имеющейся у него армии. Если бы Ричард рискнул, в этот же день город вновь принадлежал бы христианам. Но он решил обождать

прихода отставших отрядов. А попутно захватил караван, принадлежавший Саладину и двигавшийся из Египта с баснословными сокровищами.

24 июня армия вновь была в сборе. Казалось, теперь больше ничто не может помешать латинянам взять город своей мечты. В шатре магистра ордена госпитальеров был созван военный совет, члены которого активно предлагали начать штурм Иерусалима. Особенно горячились французы, заявившие, что проделали столь трудный путь с единственной целью — освободить Святой город. На удивление, Ричард занял совершенно иную позицию. Он заявил, что источники воды отравлены или ничтожно малы, чтобы обеспечить армию. Кроме того, продолжил король, даже войдя в Иерусалим, крестоносцы не в состоянии его защитить. Для этого им необходимо обеспечить проход к морю, что в свою очередь предполагает захват Египта. Вот туда-то и нужно направить свои мечи, закончил король мысль⁸⁹⁰.

Мнения опять разделились, и тут Ричард впал в необъяснимую депрессию, сопровождавшуюся долгими размышлениями о большом риске штурма Иерусалима, когда армия Саладина находится рядом. Все закончилось тем, что на виду у изумленных немногих оставшихся французов, бургундцев и остальных крестоносцев англичане снялись с позиции и вместе со своим королем пошли по направлению к Акре⁸⁹¹.

Конечно же, теперь стратегическая инициатива перешла в руки Саладина. И тот не стал терять времени даром. 27 июля 1192 г. его войска подошли к Яффе и после 5 дней штурмов захватили город, где находилась, к слову сказать, бо́льшая часть добычи, которую пилигримы добыли, напав на египетский караван. Пока держалась лишь цитадель, которую комендант обещал сдать туркам 1 августа. Но 31 июля вдалеке замелькали флажки английской армии — Ричард шел на выручку своим товарищам. Он с ходу ворвался в лагерь мусульман и разбросал их. Навстречу ему гарнизон цитадели устроил вылазку — победа была полной. На месте лагеря султана король разбил свой, а вскоре к нему подошел отряд Генриха Шампанского, титулярного короля Иерусалима.

Конечно же, оставшись вне городских стен, Львиное Сердце провоцировал турок на нападение, которое и произошло на рассвете 5 августа 1192 г. Однако план Саладина сорвался благодаря бдительности стражи, и вот уже Львиное Сердце скакал впереди первой шеренги своих солдат, организуя оборону. Хотя пилигримов было в четыре раза меньше — не более 50 рыцарей и 2 тысячи пехоты,

мусульманам так и не удалось прорвать фронт англичан. Безусловно, это стало возможным исключительно благодаря тому мужеству, которое проявлял Ричард на поле боя и его умению разговаривать с боевыми товарищами. «Мы — воины Христа, — обратился король к солдатам, — мы пришли сюда умереть. Бегство невозможно, и мы должны подороже продать наши жизни. Тесней ряды!»⁸⁹²

Сам Ричард с горсткой рыцарей бросился на сарацин, но тут под ним пала лошадь. Приближенные султана тут же предложили ему пленить короля, пока тот пеш, но Саладин ответил: «Это не дело, чтобы король сражался пешим среди своих солдат. Так нельзя!» А потом приказал своему слуге взять двух арабских скакунов и немедленно передать их Ричарду. «Скажи ему, что это я ему передал их!» Каковы нравы! Битва продолжалась, сам Ричард был в гуще событий, в его доспехах было столько стрел, что он, по словам солдат, был похож на ежа. Наконец, противники разошлись. Это была *последняя* битва 3-го Крестового похода⁸⁹³.

Взволнованный известиями с родины, обзрев свое заметно поредевшее и утомленное войско, 2 сентября 1192 г. Ричард Львиное Сердце заключил мирный договор с Саладином сроком на 3 года. По его условиям Иерусалим оставался за мусульманами, а христианам отходил участок берега от Яффы до Тира. Это был позорный и унижительный мир — Ричарда даже обвиняли, будто он вступил в тайный сговор с султаном.

По дороге домой короля преследовали многие неудачи, а в Австрии он был даже схвачен герцогом Леопольдом с ведома Германского короля и брошен в темницу. Только заступничество Римского папы *Целестина III* (1191—1198) и горячая поддержка английского народа позволили ему вернуться на родину⁸⁹⁴. По возвращении в Англию, которое совершилось лишь 13 марта 1194 г., Ричарда Львиное Сердце ожидала тяжелая и упорная война с королем Филиппом Августом за освобождение своих земель в Нормандии, захваченных французами за время его нахождения в плену, а также восстания вассалов в Аквитании и Бретани. Мятежный брат был прощен им и стал наследником престола⁸⁹⁵.

Завершение 3-го Крестового похода совпало с прекращением существования Сицилийского королевства. 20 февраля 1194 г. смертельным сном почил Танкред Сицилийский и Германский император *Генрих VI* (1191—1197), сын покойного Фридриха Барбароссы, включил Сицилию в состав своей Западной империи⁸⁹⁶. Еще ранее, 5 марта 1193 г., на 57-м году жизни скончался знаменитый Саладин.

Глава 3. Неудачи Болгарской войны. Заговоры и самозванцы

Что бы ни говорили о Византии, но это было *сильнейшее государство современности*, и не случайно Исаак II строил грандиозные планы не только вернуть себе Болгарию, но и восстановить границы Священной Римской империи, завоевать Палестину и оттеснить мусульман за Евфрат. И это были далеко не пустые слова⁸⁹⁷. Но первоначально нужно было довести до конца войну в Болгарии. Помимо внутренних проблем, особенно донимали Исаака II дела в Болгарии. Летом 1190 г. василевс решил лично возглавить поход против болгар и половцев и, пройдя мимо Анхиала, достиг местечка Эм. Однако кампания не удалась: императору показалось, что со своим не очень многочисленным войском он не сможет победить мятежников, и вместо того, чтобы вернуться назад широкой дорогой, пошел горными тропами, едва не потеряв на обратном пути всю свою армию. Византийцы попали в умело организованную засаду в горном ущелье, и, спасая жизнь царя, многие солдаты и аристократы жертвовали собой. Возвращение в Константинополь было, конечно, безрадостным⁸⁹⁸.

Эта победа придала болгарам новые силы — они захватили Анхиал, Варну, Сардику и Нис. Но и царь, отрезвленный прошлой неудачей, действовал осмотрительнее. Осенью 1190 г. он вместе со всем двором выдвинулся к Филиппополю и успешно отразил набег половцев. А когда союзники болгар сербы подошли к реке Мораве, царь дал им сражение, в котором разгромил врагов. Пройдя Нис и вернув себе эту разоренную область, он встретился с Венгерским королем Беллой III, своим тестем, и через Филиппополь вернулся в Константинополь.

Вместо себя дуксом Филиппополя царь назначил двоюродного брата Константина, блистательного и талантливого юношу-полководца. Действительно, Константин очень успешно воевал с болгарам, нанеся им несколько чувствительных поражений. Досталось и сербам, которые после ухода германских крестоносцев не смогли противостоять римскому войску во главе с императором. В скором времени Византии были возвращены города София, Перник, Стоб, Вельбуж, Скопье и Призрень. У Моравы Неманя потерпел поражение и был вынужден просить мира с Византией. И если бы не «призрак заговора», донимавший василевса, у византийцев были все шансы рассчитывать на окончательную победу в этой затянувшейся войне⁸⁹⁹.

Византийские императоры редко имели счастье царствовать в отсутствие претендентов на свой престол. Но, можно сказать, Исааку II Ангелу в этом отношении особенно не повезло: помимо Алексея Врана и дяди Иоанна на его пути встали один за другим иные мятежники. В конце концов, как мы вскоре увидим, заговорщики добились своего. Едва были прекращены прежние апостасии, как в Филадельфии появился еще один узурпатор — *Феодор Манкафа*, привлечший к себе буйную толпу бездельников и надевший пурпурную обувь. Царь не имел возможности немедленно разделаться с ним, и Манкафа попытался использовать шанс. Он быстро привлек на свою сторону соседние области Лидии, начал чеканить собственную серебряную монету и сколотил небольшое войско. Теперь император понял, насколько легкомысленно он пропустил начало этого сепаратистского мятежа, и сам направился в бунтующую область.

Царь осадил Филадельфию, но, оценив возможные от штурма потери, решил по привычке решить дело миром. Манкафа был прощен и отпущен на свободу, остальных мятежников также пощадили. Бывший «царь» тут же отправился к Иконийскому султану и попросил помощи против римлян. Тот отказался дать Манкафе свою армию, зато разрешил свободную вербовку охотников из числа своих подданных. И в скором времени Манкафа имел под рукой хорошо организованную шайку неуловимых грабителей, причинявших много зла византийцам в Лаодикии Фригийской. Все же Исааку II удалось договориться с султаном, выдавшим Манкафа Римскому царю. Мятежник попал в тюрьму на длительный срок заключения, а родные братья султана едва не подняли на него оружие, узнав, что тот погубил такого отважного союзника турок⁹⁰⁰.

Буквально вслед за этим появился еще один кандидат на царство, назвавшийся незаконнорожденным и на самом деле уже к тому времени покойным сыном императора Мануила I Комнина Алексеем. Надо сказать, *лже-Алексей* был в действительности очень похож на убитого царевича: те же светлые волосы, прическа и даже заикание. Слух о нем распространился по Константинополю довольно быстро, но «царевич» не спешил в столицу, понимая, чем закончится для него это путешествие. Его видели в городах близ Меандра, затем он нашел короткий приют в доме одного латинянина, а потом отправился в Иконию, где донимал старого султана жалобами на его неблагодарность к памяти своего царственного «отца». Наконец, турок, которому надоели эти претензии, показал лже-Алексея одному византийцу из посольства и тот без труда разоблачил мошенника.

Но никаких мер после этого не последовало — более того, султан выдал «царевичу» грамоту, на основании которой тому разрешалось вербовать сельджуков на всей территории султаната. Вскоре собралось небольшое войско, во главе которого самозванец двинулся к Меандру и, умело сочетая грабежи с пламенными речами к местным жителям, добился большого расположения к собственной персоне. Даже опытные полководцы, направляемые императором против мятежника-самозванца, не решались воевать с ним, опасаясь, что их собственные солдаты перейдут к «царевичу». На удивление, все решилось очень быстро — однажды самозванец, войско которого сильно выросло за последнее время, стал на приют в одном селении и напился. И тогда местный священник отрубил ему голову, отослав трофей брату василевса севастократу Алексею Ангелу⁹⁰¹.

Едва покончили с одним самозванцем, как появился другой — безымянный пафлагонец, также выдававший себя за покойного сына царя Мануила I. Состояние государственной власти в тот момент было настолько слабым, что некоторые области Византии охотно признали того своим правителем, и императору пришлось направлять против нового лже-Алексея *хартулларию* (секретаря конюшенного ведомства) Феодора Хумна. Представитель законной власти в сражении победил самозванца, пленил его и предал смерти.

Однако буквально через несколько дней знамя очередной апостасии поднял некий Василий Хотза из Никомедии, но и его разбили, ослепили и посадили в тюрьму. Сколько ни пытались правители областей навести порядок, мятежи вспыхивали повсеместно — так что трудно было даже подсчитать их точное число. Не было покоя и в самой столице: племянник Андроника I Исаак Комнин бежал из-под стражи, явился в храм Святой Софии, где пытался поднять народ против законного царя. Его схватили и пытали на дыбе, вследствие чего тот и скончался. Но уже следом Константин Таттикий набрал шайку единомышленников числом 500 человек и пытался сместить Исаака II Ангела. С большим трудом удалось найти места его тайных убежищ и поймать. Мятежника ослепили, но по Константинополю прошел слух о новом претенденте на царство из рода Комниных, которого, правда, довольно быстро обезвредили.

Причина постоянных мятежей заключалась даже не в военных неурядицах или тяжелом налоговом положении граждан — в этом отношении Исаак II Ангел ничем не отличался в худшую сторону от своих предшественников. Хотя в Византии так и не появился закон о престолонаследии, в общественном сознании уже давно созрело убеждение, что именно *естественный* способ передачи власти от

императора к его преемнику является свидетельством Божественного избрания нового василевса. Византийское правосознание признавало, конечно, и иные вариации — в частности, когда имело место безвластие и на престол всходили достойные, хотя и случайные претенденты. Власть, полученная вследствие убийства пусть и тирана, но *венчанного царя*, не может быть праведной — таково сложилось общее убеждение. Иногда насильственная смена правящей династии допускалась, как, например, в случаях с Василием I Македонянином и его предшественником Михаилом III. Но для этого на престол должны были взойти такие же *титаны*. Исаак II Ангел этими качествами не обладал, а потому его статус был далеко не безусловен для политической элиты Римской империи⁹⁰².

Догадывался об *истинных* причинах систематических мятежей и заговоров сам император — Бог весть. Но бушующие пожары мятежей он начал тушить керосином. Некогда пообещав ввести мораторий на смертную казнь, ныне он уподобился Андронику I Комнину, ослепляя и сажая людей в тюрьмы по одному доносу или даже простому подозрению. Вследствие частых арестов наиболее активных и самостоятельно мыслящих аристократов, в которых Исаак II видел потенциальных заговорщиков, наступил кризис верховной власти. То один, то второй близкий помощник царя исчезал с поля зрения, оболганный кем-либо. Сын Феодоры Комниной Алексей Комнин был против его воли пострижен в монахи. На очереди оказался сын дуки Фессалоники Андроника Комнина, действительно попытавшийся свергнуть василевса. Он пришел в один из праздников в храм Святой Софии и потребовал, чтобы константинопольцы объявили его Римским императором. Его участь была печальна⁹⁰³.

Наконец, василевс назначил главой общественного управления своего дядю Феодора Кастамонита, возведенного в сан *секретолога-фета* (начальника государственного казначейства). Это был образованный человек, опытный сановник и верный слуга своему императору. Он полностью подчинил себе весь государственный аппарат. Его очень уважали, и ни один сановник не смел сесть в присутствии Кастамонита. Истосковавшийся по верным соратникам, царь в награду предоставил дяде большую привилегию — употреблять при выезде на коне пурпурный чепрак и наузdnик. К сожалению, этот видный государственный деятель недолго был полезен Византии. 15 августа 1193 г., когда Феодор Кастамонит ехал по обыкновению через торговую площадь в храм Пресвятой Богородицы, кто-то на улице назвал его «государем», а потом «императором». Сановник был настолько напуган, что в ту же минуту с ним случился приступ эпи-

лепсии, и через несколько дней он отдал Богу душу. По-видимому, это был последний человек из ближнего окружения императора, радеющий о благе Римского государства. После смерти Кастамонита его преемники отличались полным отсутствием государственных способностей и редким даже для византийцев стремлением обобрать казну и выбить взятку⁹⁰⁴.

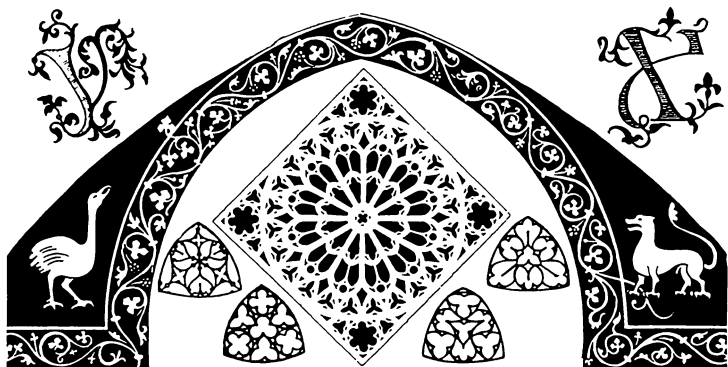
Видимо, такова была судьба царствования Исаака II, что даже двоюродный брат, едва почувствовав вкус победы, решил заявить о своих правах на императорство. Константин, дукс Филиппополя, пользовавшийся большой популярностью в западной армии, в один из дней надел пурпурные сапоги и известил письмом доместика Запада Василия Ватаца, пребывавшего в Адрианополе, о том, что принял царское достоинство⁹⁰⁵. Тот, мужчина опытный и мудрый, высказал крайнее неодобрение замыслам родственника, и оказался прав. Едва Константин, двигавшийся к Адрианополю, достиг границы этой области, как его арестовали собственные сподвижники. Естественно, юного мятежника ослепили в назидание другим. Однако устранение Константина окончательно парализовало действия византийских войск в Болгарии. Произошел поворот в Греко-болгарской войне: слабые римские части, оставшиеся без единого руководства, едва ли могли причинить какой-нибудь серьезный вред половцам и болгарам, а те вновь заняли Филиппополь и Сардику, подходя к стенам Адрианополя. В 1194 г. их цари Иоанн Асень и Петр вновь отвоевали Софию и даже захватили святые мощи Иоанна Рыльского, покровителя Болгарии, которые перевезли в Тырново с большими почестями⁹⁰⁶.

Дела с тех пор шли так плохо, что императору для набора армии пришлось еще более урезать содержание золота и серебра в монетах. Разумеется, это вызвало соответствующую реакцию со стороны населения. Но и эта мера не помогла. Летом 1194 г. верный Василий Ватац погиб со всей своей армией, а второй полководец, Алексей Гид, потерпев поражение от болгар, потерял лучшую часть своего войска. А осенью 1194 г. болгары нанесли византийцам еще одно поражение у Аркадиополя. Поэтому император решил опять лично возглавить римскую армию, для чего прибег к широкому набору наемников. Кроме того, он запросил помощи у тестя — Венгерского короля Беллы III. В марте 1195 г. царь выступил из Константинополя, не зная, что рядом с ним уже созрел заговор, в который оказались вовлечены самые близкие ему люди, а возглавил мятежников его родной брат *Алексей Ангел*.

Прибыв в город Родосто на берегу Мраморного моря, Исаак II встретил там праздник Пасхи и услышал тревожное пророчество от местного святого юродивого Василиюшки, на которое, однако, не обратил никакого внимания. Затем на судах император прибыл в город Кипселлы (ныне — город Ипсала), где остановился лагерем, поджидая отставшие части. Свободное время он решил скоротать охотой и предложил Алексею Ангелу составить ему компанию. Но едва они отъехали от лагеря, как Алексей отделился от императора, а его сообщники по заговору — Феодор Врана, Георгий Палеолог, Иоанн Петралифа, Константин Рауль, Михаил Кантакузен, *как бы насильно* схватили брата василевса. Затем они привезли Алексея в царский шатер и 10 апреля 1195 г. провозгласили его Римским императором⁹⁰⁷.

Весь лагерь, включая царских слуг и солдат, присоединился к ним. Хотя чему удивляться: ведь в основной массе это были *наемники*. Исаак II в это время охотился и, получив уведомление об избрании брата царем, остановился как вкопанный, вынул из-за пазухи образ Пресвятой Богородицы и воззвал к Спасителю с просьбой, чтобы «Бог избавил его от часа сего». За ним была брошена погоня, и Исаак II, нигде не найдя надежного убежища, добрался наконец до города Макри. Но тут некий чиновник Пантевген схватил царя и передал в руки преследователей. Его препроводили в Вирскую обитель, где и ослепили. Пробыв после этого несколько дней без пищи и воды, Исаак II был временно заключен вместе с сыном Алексеем во дворец Диплокония в Константинополе. Впрочем, немного спустя его выпустили «на свободу», и он, бывший владыка Византийской империи, был вынужден влачить жизнь бедного поселянина, питаясь подаяниями. Едва ли кто-нибудь мог предположить, что Исааку II еще будет суждено сыграть свою роль в последующей судьбе Римской империи, но именно так вскоре и случится⁹⁰⁸.

ЛХV. ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ III АНГЕЛ КОМНИН (1195—1203)

Глава 1. Похититель императорской власти и разоритель царских гробниц

Старший и *любимый* брат несчастного Исаака II Ангела Алексей III, родившийся в 1153 г., являлся, как мы увидим, во многом полной противоположностью предыдущего императора. Его воцарение стало подлинным ударом по общественному сознанию и *вызовом* христианской нравственности. «Если члены одной семьи вооружаются друг против друга, то можно ли надеяться на безопасность в каком бы то ни было обществе?» — справедливо вопрошал современник. Это был чудовищный прецедент, нечто невиданное в истории Римского государства. Теперь даже близкие друзья опасались друг друга, задавая сами себе вопрос: «Если брат предает брата, то можно ли доверяться постороннему человеку?» В общем, все солидарно решили, что «низвергнув брата, Алексей низверг себя самого» — очень точная характеристика нового правителя Римской империи⁹⁰⁹.

Но сам Алексей III, казалось, даже не думал о том, какое страшное преступление совершил. В тот же день, надев царские одежды и возложив императорский венец на свою голову, он собрал военных чиновников и прочих вельмож и торжественно провозгласил себя Римским царем, о чем немедленно оповестил жителей Констан-

тинополя и свою жену Ефросинью, от которой имел дочерей Анну и Ирину. Чувствуя шаткость своего положения, новый царь предпринял экстренные меры, чтобы упрочить его. Он решил напомнить всем, что некогда родоначальник их семьи был в родстве с самим императором Алексеем I Комнином, а потому приказал величать себя **Алексеем III Ангелом Комнином**.

Кроме того, не имея нравственной силы и талантов для того, чтобы естественным образом стоять над всеми, Алексей III решил *купить* расположение и верность подданных. Вскоре все деньги, находившиеся в царской казне для оплаты войны с болгарями, были розданы приближенным сановникам. Когда же они закончились, Алексей III перешел к земельным наделам и почетным титулам, дающим право на получение ежегодной руги — государственного жалованья. Не обладая способностями по управлению государством, Алексей III очень боялся продемонстрировать свою *беспомощность*. Поэтому когда ему кто-либо приносил документы, он подписывал их, практически не глядя, как будто с одного взгляда понимал проблему⁹¹⁰.

Зная, что византийцы устали от непрестанных войн, новый царь решил снискать прозвище «миротворца» и срочно замириться с врагами. В первые же дни своего правления он принял решение *распустить армию* — полное безумие, поскольку болгары и половцы вовсе не демонстрировали мирных настроений. А затем медленно, очень медленно направился в столицу, дабы супруга могла приготовиться к торжествам по поводу его воцарения.

При всем том, что личность нового василевса не внушала никакого уважения, сенат и народ Константинополя спокойно восприняли известие о минувших событиях, не предприняв никаких активных действий, и это вполне объяснимо. Во-первых, за спиной Алексея III стояла (пока еще) армия, провозгласившая его царем, и воевать с профессиональными военными, тем более *наемниками*, было себе дороже. Во-вторых, хотя царь Исаак II Ангел сделал много доброго, его репрессивная политика последних лет и неудачи Болгарской войны, помноженные на резкое ухудшение финансового положения Византии, не способствовали укреплению авторитета императорской власти. Наконец, Исаак II все равно уже был ослеплен и, как считалось, не мог быть более царем. Ну не порождать же новую гражданскую войну и борьбу за царский престол среди бесчисленных соискателей? Византийцы очень надеялись, что в лице нового василевса им предстанет настоящий воин и строгий, но справедливый правитель — речь и поведение Алексея III казались очень

мужественными. Вот все и решили, что торопиться не стоит. Правда, одна группа константинопольцев провозгласила все же императором некоего Алексея Контостефана, но царица Ефросинья — дама, куда более решительная, чем ее муж, быстро разогнала толпу⁹¹¹.

Нельзя не сказать, что некоторые качества нового василевса действительно вызывали симпатии у простых византийцев. Например, летописец отмечал открытость и доступность царя, который принимал любого просителя, стараясь по возможности помочь ему. Он был добродушным, хотя и легковерным человеком, беззаботным сибаритом и полным невеждой в военном деле, но при нем ни одна женщина не одела черного вдовьего платья по казненному мужу. А после тирании Андроника I и ошибок Исаака II такое уважение к человеческой жизни ценилось византийцами чрезвычайно высоко. Поэтому, хотя государство испытывало жесточайшие кризисы власти, в целом византийцы не собирались лишать своего василевса царства⁹¹².

Поскольку Константинопольский патриарх *Георгий Ксифилин* (1191—1198) не проявлял большого желания венчать Алексея III императором, Ефросинья подкупила какого-то клирика, который, не получив благословения столичного архиепископа, тем не менее со священного амвона сделал это провозглашение. Патриарх выждал паузу, чтобы показать всем, что не имеет к новому государственному перевороту никакого отношения, а потом сдался и признал Алексея III василевсом. Теперь стало ясно, что у узурпатора нет оппозиции. Чтобы окончательно завоевать доверие народа, Ефросинья занялась широкой благотворительностью, а также наняла уличных крикунов, денно и нощно превозносивших нового монарха.

К этому времени Алексей III добрался до Константинополя и, нисколько не смущаясь содеянным, принимал поздравления от льстивого чиновничества и представителей народа. Но многие люди откровенно скорбели по тому, как оскудела царская власть. Приметы свидетельствовали византийцам, что новое царствование не будет счастливым ни для Алексея III, ни для них самих. Началось с того, что во время торжественной Литургии нового василевса почему-то долго не пускали в Красные ворота, и он стоял перед ними, не зная, что делать. А когда после выхода из Святой Софии к василевсу подвели арабского скакуна, конь отчего-то не захотел принять царственного седока. Наконец, лошадь успокоили, но едва Алексей III сел верхом, животное заметалось, и с головы царя слетел императорский венец, от которого откололось несколько кусков. Наконец, животное сменили — привели спокойного коня, но всем

стало заметно, что царская корона *не цела*. В довершение всех бед, когда процессия во главе с василевсом ехала по улицам столицы, дядя Алексея III, престарелый Иоанн Дука, уронил свою корону севастократора, обнажив «роскошную» плешь на голове. Народ стал смеяться, чем еще больше сконфузил и царя, и его окружение⁹¹³.

Так начиналось новое царствование, в дальнейшем также не оправдавшее ничьих надежд. Алексей III совершенно не занимался общественными делами, отдавая свою энергию торжественным мероприятиям и развлекаясь частой сменой золотых одежд. Он совершенно не думал о болгарях, разорвавших римские земли, и только без устали раздавал государственные средства. Дошло до того, что его супруга, которая вполне могла достойно заменить мужа, открыто бранила того за леность и безумную расточительность. Впрочем, вскоре ей действительно пришлось брать управление государством в свои руки ввиду полной неспособности супруга. Взору изумленных византийцев предстали невиданные картины: по приказу царицы были изготовлены два *одинаковых* золотых кресла, на которых она вместе с мужем на равных сидела во время официальных приемов. Нередко послы были вынуждены делать два визита — один к царице, второй — к царю, и чем дальше, тем чаще Ефросинья отменяла бессмысленные распоряжения мужа и отдавала собственные⁹¹⁴.

Поразительно — всегда активное византийское общество и клир оставались безмолвными, пассивными наблюдателями бесславно-го правления Алексея III. Никто не решался высказать напрямую царю, что его действия *губят* Византию. А государство разваливалось буквально на глазах. Неудивительно, что вскоре появился новый самозванец из Киликии, выдававший себя все за того же покойного сына Мануила I Алексея Комнина. Он нашел покровителя в лице султана Анкары *Масуд-шаха*, принявшего самозванца по царскому чину. Сын Кылыдж Аслана II, незадолго перед смертью разделившего свой султанат между девятью сыновьями, Масуд-шах имел все основания для вражды с Алексеем III. Один из главных его противников в борьбе за отцовское наследство, старший брат *Кей-Хосров I* (1192—1196, 1205—1211) после смерти родителя не удовлетворился выделенными ему владениями и объявил себя Иконийским султаном. Но в 1197 г. *Сулейман-шах*, правитель Токата, захватил владения Хосрова, и тому ничего не оставалось делать, как бежать в Дамаск, а оттуда — в Константинополь, где он был принят императором и даже усыновлен им. Разумеется, как Иконийский султан, а не беглец. На самом деле Масуд-шах знал о подлинной родословной самозванца, но решил поинтриговать на

его персоне. Завязав Алексея III на войну с мятежниками и самозванцами, Масуд-шах надеялся на скорую смену царя, после чего и голова Кей-Хосрова уже не стоила бы ничего.

Пока слухи и известия об этом «царе» медленно курсировали из византийской столицы до Анкары и обратно, лже-Алексей собрал банду и начал грабить римские земли. Василевс направил против него свое доверенное лицо паракимомена Иоанна, но тот не справился с заданием.

Пришлось самому Алексею III отправляться в Анкару — он надеялся не только расправиться с самозванцем, но и заключить мирный договор с султаном. Но запросы турка были чрезмерно высоки, и василевс решил начать военные действия. Обратился к жителям соседней Мелангии, но те, хотя и признали Алексея III Римским царем, не отказывали в помощи и лже-Алексею. Время утекало в бесполезных разговорах, и царь, не добившись ничего от собственных подданных, вернулся в Константинополь, порекомендовав устранение самозванца Мануилу Кантакузему. По счастью, никаких особых усилий предпринимать не пришлось — в одну из ночей самозванец был заколот кинжалом при неопределенных обстоятельствах⁹¹⁵.

Вслед за этим на политическом небосклоне появилась почти забытая фигура Исаака Комнина — бывшего «императора» Кипра. Взятый в плен Ричардом Львиное Сердце, Исаак вскоре вышел из темницы, где провел несколько лет, и заявил о своих правах на царский престол. Мнения супругов разделились: Алексей III желал погубить претендента, а Ефросинья, которой Исаак приходился родственником, горячо за него хлопотала. Однако сам Исаак Комнин с презрением отверг царское послание о прощении и завел обширную переписку с правителями турецких областей в Малой Азии, надеясь получить от них войско и деньги для захвата верховной власти в Римской империи. Эта угроза таила в себе много неприятностей для василевса, но вскоре Исаак Комнин был отравлен слугой, которого, как говорят, подкупили царские агенты⁹¹⁶.

Однако это было только началом общих бед — пока царь продолжал праздновать свое правление и наслаждался властью, болгарская угроза становилась все опаснее. Пришлось направлять посольство к Петру и Иоанну Асеням, но болгары выставили столь неприемлемые условия мирного договора, что даже Алексей III не смог их принять. Сам он находился в те дни на Востоке, а болгары, пользуясь слабостью византийских войск, совершили нападение на императорскую армию под командованием Алексея Аспиета у реки Серр. *Беспомощность* византийской армии была столь очевидной,

что Асень только смеялся, когда ему предлагали быть осторожнее. Увы, он оказался прав — византийский полководец проявил крайнюю неосмотрительность: узнав о приближении болгар, он поднял своих солдат по тревоге и 6 км гнал тяжеловооруженную конницу галопом, чем напрасно утомил лошадей. Затем, не проведя рекогносцировку, двинулся на врага, в результате чего попал в засаду. Потери византийцев были очень чувствительными, а сам полководец попал в плен⁹¹⁷.

Положение могло стать критическим, но вскоре после этой победы, на счастье Византии, в 1196 г. их главный враг Иоанн Асень погиб, а между болгарами возник разлад. Случилось это по следующей причине. Как говорят, некий болгарин Иоанн тайно сошелся с сестрой жены Асеня, и тот сгоряча решил проучить молодого человека. Одной ночью Асень потребовал от Иоанна явиться к нему в шатер — тот все понял и, заручившись поддержкой родных и друзей, спрятал под одежду меч. При встрече с Асением он не стал ждать развязки, поразил Болгарского царя в пах своим оружием, а затем скрылся. После этого Иоанн понял, что его смерть — вопрос времени, а потому вместе со своими единомышленниками решил поднять апостасию против второго Болгарского царя, Петра. Ему довольно быстро удалось привлечь на свою сторону часть болгар и даже захватить город Тырново. Многие болгарские вельможи, недовольные войной с Византией и желавшие мира, поддержали его.

Наступила патовая ситуация: царь Петр не имел возможности немедленно покончить с мятежниками, число которых значительно выросло, а Иоанн не мог в одиночку победить Петра. И тогда мятежник решил обратиться за помощью в Константинополь, надеясь привлечь сильного союзника на свою сторону. Он направил послание Алексею III с предложением выделить войско в обмен на признание всей Болгарией власти Римского императора над собой⁹¹⁸.

Это был великолепный шанс, которым, безусловно, воспользовался бы *любой* из прежних Римских самодержцев. Но только не новый василевс, «со своей вялой изнеженностью укрывшийся во дворце». Он долго размышлял над предложением Иоанна, теряя драгоценное время, а затем направил в Болгарию протостратора Мануила Камицу. Возможно, этот полководец обладал какими-то прекрасными качествами, но только не мужеством. Камиц уже почти подошел к границам Болгарии, когда внезапно и без объяснения причин повернул войско обратно. Даже солдаты возроптали, не понимая таких странных маневров, но это ничего не изменило. Когда известие об отступлении достигло столицы, василевс решил сам

возглавить войско, но и он без видимых причин повернул с полпути назад.

Потратив время в бесцельных маневрах, только разлагавших армию и отнимавших у воинов веру в своих командующих, Алексей III упустил возможность почти бескровно подчинить Римской империи Болгарию. Увидав, что помощи ему ждать неоткуда, Иоанн оставил отечество и скрылся в Константинополе; единоличным правителем Болгарии стал Петр. Но и этот заслуженный воин царствовал недолго: кто-то из соплеменников убил его мечом во время ссоры в 1196 г. Теперь Болгарским царем стал младший брат Петра и Асеня *Иоанн Калоян* (1197—1207)⁹¹⁹.

Но параллельно этому царству на территории Болгарии образовалось другое государство, во главе которого оказался боярин *Добромир Стрез* (1197—1202), или *Хрис*, родственник Асеневичей, перешедший на византийскую службу. Со своим отрядом из 500 всадников Добромир активно помогал грекам и был назначен комендантом замка Струмицы. Но в начале 1197 г. Хрис, вместо того чтобы бороться с Калояном, захватил оставленный без войск город Просак и объявил о своей независимости, став, по существу, единственным правителем Восточной Македонии⁹²⁰.

Неизвестно, какие планы строил Алексей III относительно мятежного болгарина Иоанна, но на всякий случай решил приблизить его к себе женитьбой на своей 4-летней внучке от дочери Анны. Хотя возраст «невесты» не позволял совершить каноничный церковный брак, решили обождать, хотя сам Иоанн с тех пор стал именоваться «царским зятем». Но взор болгарина был устремлен не на девочку, которую ему сватали, а на пышущую красотой и молодостью царевну Анну, оставшуюся вдовой после смерти мужа севастократора Исаака Комнина. Желая изменить решение Алексея III о своей будущей жене, болгарин начал активно помогать византийцам в борьбе со своими соотечественниками, неизменно отбивая набеги болгар в районе Филиппополя. Иными словами, максимум, на что могли рассчитывать византийцы в новой ситуации, так это на пассивную оборону, которую и организовал им Иоанн⁹²¹.

Однако их подстерегала новая опасность: пользуясь тем, что Алексей III отказался заключать с ним мирный договор, султан Анкиры направил в конце 1196 г. войско на византийский город Дадивр и осадил его. Четыре месяца продолжалась осада города и... пустая переписка между осажденным гарнизоном и Римским царем. Наконец, когда надежды горожан почти иссякли, они узнали о приближении византийского войска под командованием трех *юных*

полководцев — Феодора Врана, Андроника Катакалопа и Феодора Казана. Горя жаждой славы и ни во что не ставя врага, те сразу же попались в засаду и погубили византийскую армию, причем двое из полководцев оказались в плену. Их водили со связанными руками вокруг крепостных стен, и жители Дадивра сдались наконец в начале 1197 г. на милость султана. После этого Алексей III срочно направил посольство к Масуд-шаху и заключил с ним мирный договор на очень невыгодных условиях⁹²².

Но беды, обрушившиеся на Византию, еще только начинались. Граница словно горела в огне, и пожар войны, залитый в одном месте, вспыхивал с противоположной стороны. Едва уладили дела с турками, как возобновилась почти забытая германская угроза, материализовавшаяся в лице нового Германского короля *Генриха VI* (1191—1197), сына Фридриха I Барбароссы. Унаследовавший от жены права на Сицилию, а от отца его имперские замыслы, Генрих VI мечтал о присоединении Византии к Германскому королевству и восстановлении таким способом Священной Римской империи.

Обстоятельства благоприятствовали ему, особенно Генриху VI польстила история с кипрским посольством. В 1194 г. скончался Гвидо де Лузиньян, и теперь правителем Кипра стал его младший брат *Амори I* (1194—1204). В 1195 г. он обратился к германцу с просьбой признать свой титул в обмен на сюзеренитет Германского короля. Или, как выразился сам Амори, он хотел «навсегда остаться человеком Римской империи» (*«homo imperii esse Romani»*). И 22 сентября 1197 г. в Никосии произошла торжественная церемония коронации нового Кипрского короля. С аналогичной просьбой к Генриху VI обратился и правитель Киликийской Армении (Малой Армении) *Левон II* (1187—1219), сумевший в период 3-го Крестового похода и нестроений в Константинополе захватить практически все византийские владения и присоединивший их к себе. Честолюбивый и жестокий, он не имел никаких постоянных друзей, перманентно воюя то с византийцами, то с латинскими антиохийцами, то с турками Кылыдж Аслана II. В мечтах ему грезилось новое Армянское царство, построенное по западному типу. А потому Левон II установил жесточайшую дисциплину в отношениях не только с вассалами, но и собственными клириками, заставив тех признать власть над собой Рима. Он привлек на свою службу рыцарей-иоаннитов, тамплиеров и французских пилигримов, обеспечил итальянским купцам привилегии у себя в стране и создавал основу для последующего завоевания Антиохии, которую мечтал сделать жемчужиной своего царства⁹²³.

Желая легализовать свой статус, он обратился и к папе в Рим, и к Генриху VI, а затем и... в Константинополь, на всякий случай. 6 января 1198 г. он был провозглашен королем Киликии. Если бы теперь Германскому королю удалось закрепиться в Сирии и Палестине, Византия оказалась бы в кольце осады, из которой уже невозможно было выбраться. А весь Латинский Восток, конечно, вошел бы в состав Западной империи⁹²⁴.

Но тут неожиданным союзником Константинополя выступил Рим, папа которого, *Иннокентий III* (1198—1216), избранный буквально через 2 дня после коронации Левона, являлся одним из самых великих представителей Апостольской кафедры. *Масштабный папист*, человек строгого ума и неукротимой воли, он желал не только укрепить папство, но и вернуть Иерусалим под власть креста. А для этого ему необходимо было найти общий язык с Восточной церковью и Византийским императором⁹²⁵. Кроме того, Иннокентий III прекрасно понимал, что воссоздание Священной Римской империи будет означать осуждение папства на вечное бессилие. Поэтому, несколько не смущаясь «схизматичностью» Востока, понтифик резко выступил против планов германца⁹²⁶.

Папа протестовал, но король *пока* не особенно слушал его. В Палермо его ждал приятный сюрприз — дочь императора Исаака II Ангела *Ирина*, вдова принца Рожера Сицилийского. Опытный Генрих VI не упускал такие возможности, а потому тотчас обручил ее со своим братом Филиппом Швабским и в 1197 г. поженил их. Этот брачный союз обеспечил Германии и династии Гогенштауфенов права на Византию по женской линии, что, как мы увидим, будет иметь решающее значение в политическом калейдоскопе грядущих событий⁹²⁷.

Но и сейчас германец не дремал. Прознав о слабостях нового царствования, он объявил земли от Дирахия до Фессалоники своими территориями, ссылаясь на то, что некогда их покорили сицилийские норманны, а он, как новый повелитель Сицилии, получил их по праву преемства. Более того, немецкое посольство известило Константинополь, что мир между двумя державами может быть заключен на строго определенных условиях. Византийцы обязаны выплатить громадные средства в качестве возмещения за все неудобства, которые они чинили германцам со времен императора Мануила I Комнина, а также немедленно отправить армию в Палестину на помощь оставшимся в ней крестоносцам. Конечно, это было изначально невыполнимое требование, поражающее к тому

же своим донельзя дерзким тоном и *более чем* оскорбительным обращением Генриха VI в адрес Алексея III⁹²⁸.

Положение Византийского государства усугублялось еще и тем, что никаких союзников в тот момент у него не было. Генуэзцы потерпели поражение в войне с Пизой и были ослаблены внутренними раздорами. Пизанцы и венецианцы с 1196 г. стали определенно на германскую сторону, чему немало способствовала непродуманная политика Константинополя. Напротив, Германский король в самых изысканных выражениях подтвердил привилегии Венецианской республики, данные Фридрихом I Барбароссой, в то время как Алексей III медлил с подтверждением договора, заключенного с Венецией его братом. Естественно, что в таких условиях византийцы не могли рассчитывать на помощь венецианцев — то, что они *не начали* открытой войны, уже можно было считать редкой удачей⁹²⁹.

Однако при всех бедах и слабостях Византийская империя оставалась все же не тем государством, с которым можно было разговаривать таким тоном. Даже обычно безмолвные вельможи буквально требовали от царя оставить праздничные одежды и, надев боевые доспехи, принять вызов дерзкого германца. Все тщетно — тот решил поразить посольство Генриха VI не оружием, а... *богатством*, устроив пышный прием и явившись на него в безумно дорогих одеждах, украшенных драгоценными камнями. Естественно, эти демонстрации достатка вызвали еще большие аппетиты западных послов и породили требование выплаты уже ежегодной дани, причем в размере 50 кентариев золота — безумная сумма. Это было слишком даже для Алексея III, направившего к Генриху VI послом епарха Константинополя Евмафия Филокала. Тому удалось уменьшить сумму ежегодной дани до 16 кентариев золота, но и их не было в казне.

Пришлось обложить все области так называемым «германским налогом», что вызвало открытое недовольство со стороны византийцев. Они напрямую упрекали василевса в избыточной расточительности и припомнили те средства и земли, которые тот подарил своим родственникам. Алексей III попытался наложить руку на церковное имущество, но патриарх на этот раз занял твердую позицию, жестко отказав в просьбе. И тогда *впервые* в истории Римской империи свершилось святотатство по императорскому указу — были *ограблены царские гробницы* (!).

Собрав таким позорным способом около 70 кентариев золота, василевс собирался срочно внести требуемые Генрихом VI средства латинянам. По счастью, в 1197 г. Германский король скончался, и его смерть вызвала бурю восторга и слезы радости не только в Констан-

тинополе, но и на Западе. Что же касается «похитителей гробниц», то это преступление не осталось безнаказанным для Божьего суда: два савоинника, руководившие ограблением гробниц, вскоре скончались. Самого Алексея III Небесная кара еще ждала впереди⁹³⁰.

Глава 2. Позоры и бесчестья

Власть Алексея III Ангела Комнина постепенно стагнировала: уже генуэзцы беспрепятственно грабили византийские острова в Эгейском море, и их атаки с трудом удавалось отбивать, а василевс благосклонно взирал на то, как его родственники буквально *разоряют* его государство. Все надежды граждан на справедливого царя вскоре рассеялись как дым. Нет, первоначально василевс громко заявил, что отныне никакой продажи государственных должностей больше не будет, а назначение лиц станет осуществляться по их качествам и достоинству. Может быть, в душе он и в самом деле желал этого, но родственники Алексея III беспощадно обирали всех просителей, претендующих на повышение. Все, буквально все стало предметом торга и продажи: должности, титулы, назначения и даже почетное наименование «севаст», которым ранее награждались только царские родственники, стали приобретаться сирийцами, половцами и армянами. Как сказал современник, «близкие любимцы царя обратили все государственные дела в свою игру»⁹³¹.

Хрестоматийным стал пример некоего Иоанна Лагоса, начальника преторианской тюрьмы, вздумавшего и из этой должности извлечь прибыль. Не довольствуясь обычными взятками, даваемыми ему родственниками заключенных для организации свиданий, он по ночам выпускал из камер самых отъявленных воров и грабителей, под утро возвращавшихся к нему с добычей и отдававших «честную долю» начальнику. Поразительно, но хотя известия об этом быстро достигли ушей царя, никаких мер к чиновнику предпринято не было. Однажды Лагос взял под арест одного ремесленника и, не получив ожидаемого «подарка», приказал дать тому некоторое количество ударов палок по спине. Это произвело серьезное волнение среди горожан — все бросились ловить начальника тюрьмы, но тот спешно скрылся. Тогда константинопольцы направились к храму Святой Софии, где потребовали нового императора. Восставшие разогнали отряд городского эпарха, и только прибытие сильного воинского контингента под командованием Алексея Палеолога, одного из зятьев василевса, позволило утихомирить горожан⁹³².

От налогов и поборов страдали все, даже святые обители. Сохранилось послание митрополита Афинского к царю, в котором содержатся такие строки: «Наш Афинский округ ныне подвергается опасности обратиться в известную по поговорке скифскую пустыню. Причина же заключается в том, что мы обременены всяческими поборами, многочисленными и тяжелыми, какими не облагаются соседние с нами жители. Но и все мирские тяготы, которые в прочих областях или совсем не введены, или облегчены преторами, у нас все взыскиваются, и притом с вымогательствами»⁹³³.

Поскольку мера народного терпения явно переполнилась, царица Ефросинья, женщина основательная и куда более разумная, чем ее муж, решила покончить с этими безобразиями. Она взяла к себе помощником Константина Месопотамского, имевшего большой вес при дворе Исаака II Ангела, предварительно примирив чиновника со своим мужем. Константин вошел в фавор и начал решительно пресекать беззакония царской родни, восстанавливая порядок. Эта мера на время *спасла* Алексея III, но полностью рассорила его с родственниками, для которых иссяк такой «замечательный» источник наживы.

Удивительно, но жертвой их мести и гнева сделался не все-сильный Константин Месопотамский, а сама царица Ефросинья, которую обвинили в *прелюбодеянии* (!) с дальним родственником Ватацем. Добившись во время военного похода аудиенции у царя, они представили «доказательства» преступной связи и уговорили царя произвести суд над Ефросиньей после его возвращения в Константинополь, а «любовника» умертвить. Нужно было быть таким безумным ревнивцем, чтобы по примеру Алексея III поверить этим пасквилям. Ватац, честно воевавший в Вифинии, был предательски убит в своей палатке царским агентом Вастралитом, и его голова предстала перед «рогоносцем»⁹³⁴.

Затем Алексей III отправился в Кипселлы, надеясь в боях подправить свой авторитет в народе. Однако по прошествии 2 месяцев он вернулся в Константинополь — воинский подвиг быстро наскучил василевсу, отдавшему западные области в жертву воинственным болгарам. Царя влекло уязвленное самолюбие и желание рассчитаться с дерзкой супругой, «обманувшей» его. Конечно, Ефросинья скоро узнала о возводимых на нее обвинениях, но напрасно пыталась образумить мужа — тот верил кому угодно, только не ей. Царица требовала публичного суда над собой, но Алексей III, опросив для порядка нескольких служанок супруги, приказал лишить Ефросинью царского достоинства и постричь в монахини. Так и случилось.

Расправа потрясла даже клеветников, которые искренне жалели государыню и огорчались оттого, что невольно опозорили весь царский род. Внезапно все враги Ефросиньи объединились вместе с Константином Месопотамским в борьбе за царицу и спустя 6 месяцев убедили василевса восстановить ее в правах и вернуть во дворец. Но императрица была уже *сломлена* морально и физически. Поверил муж в ее измену или нет, но супружеские отношения между ними прекратились, и царица заняла тихий угол во дворце, не занимаясь больше государственными делами. Алексей III сам не заметил, как лишил себя единственного помощника и советчика, более всех других заинтересованного в успехе его царствования⁹³⁵.

К сожалению, падение нравов затронуло и Константина Месопотамского, отказавшегося от предложенного ему почетного титула *епиканиклия* (хранителя флакона с пурпурными чернилами, которыми подписывались царские хрисовулы). Ему почему-то захотелось совместить свою государственную должность с епископским статусом, и он упросил василевса дать поручение Константинопольскому патриарху произвести себя в диаконы. В принципе в этом не было ничего нового — в Византии данная практика существовала уже столетиями. Весь вопрос заключался в другом — *для каких целей* соискатель добивался этого совмещения. Как вскоре выяснилось, исключительно для увеличения собственного благосостояния.

Едва он был рукоположен в дьяконы, как последовала новая просьба, и вот уже Константин стал Фессалоникийским архиепископом, не отказавшись от светской должности. Естественно, резкое возвышение царедворца вызвало соответствующую реакцию патриарха, недовольного таким быстрым «архиереем», не подконтрольным его власти. Константина оболгали, он был отстранен от придворной должности и лишен архиерейства. А новым фаворитом василевса стал Феодор Ириник — редкостный, но осторожный сребролобец⁹³⁶.

Так прошли первые 3 года царствования Алексея III Ангела Комнина. В 1199 г. султан Кей-Хосров I, уже вернувшийся из византийской столицы в свои владения, был по пустячному поводу оскорблен Римским василевсом. Разумеется, он тут же разорвал мирный договор. Причину недоразумения еще можно было устранить, но *не вовремя* почувствовав свои силы, Алексей III приказал бросить в темницы всех купцов из Иконии, чем вызвал активные военные действия турок. Хосров захватил в плен жителей Кари и Тантала, а затем двинулся с войском к Антиохии Фригийской. По счастью,

приблизившись к городу, он принял крики на свадьбе одного городского вельможи за переключку византийских солдат. В страхе султан тут же вернул всех пленников по домам и возвратился в свои владения.

Тем не менее, как вскоре выяснилось, многие византийцы уже разочаровались в своем царе, а потому многие города и области признали власть Кей-Хосрова, производившего куда лучшее впечатление как правитель. Вzbешенный император направил против турок полководца Андроника Дуку — совсем еще мальчика, который не сумел нанести врагам никакого вреда. Тогда Алексей III сам двинулся на сельджуков, но перед этим настолько извел армию бесконечными и пустыми смотрами, что солдаты желали погибнуть за Византию, лишь бы только прекратились эти издевательства. Естественно, поход не задался, и никаких громких побед не последовало⁹³⁷.

В 1199 г. василевс внезапно и серьезно заболел, и все старания врачей не приносили облегчения. Забыв о былых обидах, царица Ефросинья ухаживала за супругом, размышляя одновременно с близкими придворными о будущем преемнике императорского престола. Наследника у Алексея III не было, только две вдовствующие дочери, а потому началось какое-то ужасное *театральное представление* — царские родственники и знатные вельможи наперебой предлагали своих детей в качестве будущего василевса.

Зрелище было настолько отталкивающим и мерзким, что летописец не мог найти слов, чтобы адекватно описать его. «О, знаменитая Римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладел тобой насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала и не обувала в красные сандалии? О, позор! Чего ты не вытерпела, чего не нагладелась! При всей своей славе, при всей знаменитости ты получила наружность блудницы. Кто, хоть насильно, вырвет тебя из этих тиранических объятий и возвратит к прежнему естественному и независимому образу жизни?»⁹³⁸

А в это же время болгары и половцы, перейдя Истр и вступив во Фракию, произвели опустошение окрестностей городов Месины и Чурула. Им навстречу попало византийское войско, *впервые* за многие годы одержавшее в завязавшемся сражении блистательную победу. Однако затем византийцы увлеклись дележом захваченной добычи, а вернувшиеся и восстановившие строй болгары контратаковали их. В результате победа сменилась поражением⁹³⁹.

К концу 1199 г. Алексей III все же поправился и, едва стоя на ногах, отправился в Кипселлы, собираясь двинуть на Хриса, овла-

девшего Струммицей и сильной крепостью Просак. Хотя опытные командиры предлагали василевсу обойти Просак и попытаться отрезать крепость от источников подвоза продовольствия, по советам льстивых евнухов царь отдал приказ войску идти на штурм. Поистине это была героическая атака: византийцы лезли на крепостные стены, сомкнув щиты и выставив копья, невзирая на дождь стрел. Но когда первая линия обороны болгар пала, выяснилось, что вторую линию укреплений взять в настоящий момент невозможно — у греков не оказалось шанцевых инструментов, а без них нечего было и думать разрушить стену. Не руками же?!

Тем не менее ломами византийцы долбили стены, падая от стрел, пускаемых болгарами сверху. Наконец, привезли веревки, но выяснилось, что требуются еще и лестницы — хороший показатель того, *как* был организован поход и снаряжение византийской армии. Осада продолжалась с большими потерями для греков. В одну из ночей болгары сделали вылазку и сожгли камнеметные машины византийцев, а многих из них взяли в плен, включая протовестиария Иоанна, спящего в палатке. Делать нечего — Алексею III пришлось отступить и признать за Хрисом завоеванные им римские земли. Более того, желая заручиться поддержкой болгарина, василевс пообещал отдать за него одну из своих близких родственниц. Вернувшись в столицу, царь развел дочь протостратора Мануила Камица с ее мужем и отослал к Хрису⁹⁴⁰.

Пока василевс отдыхал в Константинополе и занимался тем, что отдавал дочерей во вторые браки — Ирина была выдана за *Алексея Палеолога*, а Анна — за *Феодора Ласкариса*, половецкая орда залила собой Македонию, нигде не встречая сопротивления. А когда уже начали справлять свадьбы, пришло известие об измене царского зятя болгарина Иоанна, получившего в Константинополе новое имя *Алексей*. Воюя под Филиппополем и не дождавшись руки долгожданной царской дочери Анны, он задумал свой план мести. Ежедневно тренируя соотечественников и вооружая новых перебежчиков из числа болгар, Иоанн-Алексей постепенно подготовил крепкое и выученное войско, послушное его воле. По наивности и нежеланию замечать очевидное, царь пропускал мимо ушей все известия о готовящейся измене Иоанна-Алексея, и теперь этот факт стал для него громом среди ясного неба⁹⁴¹.

Алексей III тут же отрядил против Иоанна-Алексея царственных зятьев с сановниками и всем войском, какое находилось на тот момент в столице. Но успех этой кампании был не на стороне византийцев, и в одном из боев болгарин нанес им обидное поражение.

Дошло до того, что через короткое время византийцы уже не думали об успехе операции, желая лишь сохранить за собой Филиппополь. А мятежный царский зять дошел до такой степени ненависти, что приказывал *резать на куски* пленных византийцев. В общем, война сложилась так неудачно, что в итоге Иоанн-Алексей отторгнул от Византии целую область от южного хребта Балканских гор до города Абдеры на берегу Эгейского моря⁹⁴².

В 1198—1199 гг. царь активно вступил в богословский спор, в который оказались замешанными бывший Константинопольский патриарх *Георгий Ксифилин* и ересиарх монах Сикидита. Против них выступил преемник столичного архипастыря *Иоанн Каматир* (1198—1206). Возник не вполне характерный для византийского богословия вопрос: Святое тело Христа, которым мы приобщаемся на Евхаристии, тленно или нетленно? Одни утверждали, что оно нетленно, вторые — наоборот. Наверное, подведение итогов дискуссии было одним из немногих добрых дел Алексея III — по крайней мере для Восточной церкви. Он настоял на правильном определении синода и предпринял административные меры по отношению к еретикам⁹⁴³.

Покончив с богословскими делами, царь вновь отправился на войну с предателем Иоанном-Алексеем, но авторитет Алексея III в армии был столь низок, что многие за глаза осуждали его прибытие на фронт боевых действий. Однако выяснилось, что у василевса созрел хитрый тайный план выхода из тяжелого положения. Он направил к болгарину послов с предложением мира, но втайне задумал план его умерщвления, хотя бы и с уроном для царской чести. Болгарин соглашался подписать мирный договор в присутствии Алексея III при условии полной личной безопасности и признания за ним всех завоеванных земель и городов. Василевс дал письменное подтверждение и *клятву на Евангелии*, но по прибытии мятежника, презрев собственное слово, приказал арестовать Иоанна-Алексея и заключить в темницу. И хотя таким коварным способом он вернул ранее потерянные Римской империей земли, его поступок откровенно порицали⁹⁴⁴.

В 1201 г. Византии пришлось еще раз испытать нашествие половцев и болгар, опустошивших лучшие области. Возникла реальная угроза захвата Константинополя, но, по счастью, Русский князь *Роман Галицкий* (1155—1205) внял просьбам василевса о помощи и сделал встречное нападение на становища половцев в Молдавии. Его акция была настолько успешна, что половцы более не осмеливались нападать на византийские земли, сосредоточившись на обороне. Таким образом, наши далекие предки, «христианнейший народ русский»,

«защита, ниспосланная Богом», своим мечом сохранили Византийскую империю в одну из самых опасных для нее минут⁹⁴⁵.

Однако спаситель Римской империи Роман Галицкий был бессилен против самого страшного врага Алексея III — его самого. Излишне увлекшись западными формами, византийская аристократия при попустительстве царя создала систему, напоминавшую западноевропейские лены. Имения царевны Ирины в Эпире, царицы Ефросиньи в Фессалии, семейств Врана и Кантакузенов на Балканах, Петралифы в Этолии, Мелиссинов в Мессении и Фокиде, Каматиров в Лаконии походили на настоящие государства. Ленная система, безрассудно поддерживаемая царским двором, способствовала партикуляристскому разложению Византийской империи, но василевс как *посторонний* смотрел на происходящее⁹⁴⁶.

Повсеместно творились беззакония и взяточничество, а царь не обращал на народное недовольство никакого внимания. Новый заговор, организованный Иоанном Комнином по прозвищу Толстый провалился только оттого, что сам претендент был еще хуже царя. А тот все время проводил в отдыхе и пирах, путешествуя от одного острова к другому и из дворца во дворец. И напрасно, поскольку в отсутствие каких-либо конкурентов Болгарский царь Иоанн Калоян выступил с войском и штурмом овладел городом Констанция Родопская. Оттуда он двинулся к Варне, осадил ее и весной 1201 г. захватил. Разгневанный отчаянным сопротивлением, болгарин приказал вырыть ров и заживо похоронить всех пленных византийцев⁹⁴⁷. С большим трудом удалось заключить с ним мирное соглашение, признав факт существования Второго Болгарского царства.

Так завершилась 16-летняя Греко-болгарская война. Все области, завоеванные Калояном до этого времени, признались его владениями, и теперь новое Болгарское царство простиралось от Белграда до нижней Марицы и Агафополя на Черном море, и от устья Дуная до Стримона и верхнего Вардара. Призрен, Скопье и Вельбуж со всеми их епархиями и областями также стали относиться к Болгарии. Возникновение нового политического союза неизбежно привело к новым противостояниям — на этот раз не с Византией, а с венграми, от которых Калоян требовал передачи пяти исконно болгарских епархий. В завязавшейся войне победа досталась ему, но для утверждения своего царского титула пришлось прибегнуть к помощи Рима⁹⁴⁸.

В 1200 г., желая обеспечить Болгарскому государству международное признание, Калоян обратился в Рим. В то время существовало два мировых центра власти, и неудивительно, что царь обратился не в раздираемый внутренними проблемами Констан-

тинополь, враждебный ему, а в Рим, находящийся в зените славы. В письме болгарина содержались следующие строки: «Святейший отец, вы дали понять в Вашей грамоте, чтобы мы обозначили наши желания по отношению к Римской церкви. *Империя наша* просит, чтобы утвердили нас в правах дочери относительно матери нашей Римской церкви. Прежде всего просим наделения нас короной и честью, как это было при прежних наших императорах — Петре, Самуиле и других их предшественниках». В ответ в Тырново прибыл папский нунций с посланием от Иннокентия III, в котором понтифик предлагал Иоанну Калояну, как представителю древнего царского рода, *на деле* доказать свою преданность Апостольскому престолу. Но некоторые детали не могли понравиться Иоанну Калояну: в частности, папа в традиционном для себя стиле писал как о само собой разумеющемся, будто именно Рим испокон века являлся источником царской и духовной власти для Болгарских царей и патриархов полномочиями⁹⁴⁹.

Это было слишком резко, а потому в следующем послании Калоян отписал понтифику, что может получить испрашиваемое и в Константинополе, где практически согласились на все его условия. Переговоры продолжались еще 2 года — хитрый болгарин всячески увиливал от признания папы источником своей власти, а если и был готов согласиться на «римскую» формулу, то только при условии наделения себя императорским достоинством владыки Римской империи. Наконец, поняв, что излишняя медлительность может привести его к политической изоляции, в 1203 г. он передал папе хрисовул, согласно которому вся Болгария отныне считалась собственностью папы⁹⁵⁰.

В ответ в 1204 г. апостолик прислал в Болгарию корону со скипетром для царя (но не императора!) Калояна и паллиум для своего *Болгарского прimate* Василия (а не патриарха!). Это не смутило болгарина, который по-прежнему именовал своего архиепископа *Болгарским патриархом*. Его отношения с Римом никак не залаживались, поскольку сознание Калояна выросло на византийских примерах «симфонии властей», и он не собирался всерьез считать папу фигурой, стоявшей выше себя — царя и императора. Греко-болгарские отношения вскоре породят новый и неожиданный союз, который, наверное, мог бы родиться раньше при более глубокой и тонкой политике Константинополя и Тырново⁹⁵¹.

Но вернемся к Византии. Жадность и легкомыслие Алексея III привели к тому, что даже самые близкие и верные ему люди вынуждались силой обстоятельств к апостасии. Взятый болгарями в плен

протостратор Мануил Камиц напрасно взывал с просьбами о выкупе к царю. Наконец, боярин Хрис внес за него деньги, и полководец справедливо просил василевса возместить тому средства, потраченные для выкупа. Царь оставил и эту просьбу без ответа, и тогда Камиц вместе с Хрисом поднял восстание и овладел Пелагонией и Пелопоннесом. Бороться с ними император отправил зятя Алексея Палеолога, но справиться с мятежниками удалось не мечом, а хитростью. Василевс тайно передал Хрису, что готов выдать за него свою внучку Феодору, и тот в 1201 г. сложил оружие, передав завоеванные с Мануилом Камицем области. Сам Мануил долго отбивался от правительственных войск, но в конце концов был вынужден также сдаться на милость царя. Его василевс простил, но обманул Хрису, не выполнив своих обещаний о замужестве внучки⁹⁵².

Если теперь, замирившись с Болгарией и подавив апостасии, Алексей III по легкомыслию рассчитывал, что все худшее позади, то его расчет был ошибочен изначально. С Запада уже приближался *вал 4-го Крестового похода*, неожиданно призванного обеспечить права на царство его племянника Алексея Ангела.

Глава 3. 4-й Крестовый поход против Византии

Ситуация на Востоке не оставалась неизменной в эти годы. Смерть Саладина, оставившего после себя 17 детей, внесла разброд между турками. Свое государство покойный султан разделил между тремя сыновьями. Старший сын аль-Афдаль получил Дамаск, аль-Захир — Алеппо, а Утман — Египет. Но правая рука Саладина, его брат Мели-аль-Адиль, правивший в Джазире (северо-западная часть Месопотамии), в скором времени сумел подмять под себя племянников. Сойдясь с Утманом, он воспользовался некомпетентностью аль-Афдаля и в 1196 г. захватил власть в Дамаске. А когда умер Утман, аль-Адилю отошел и Египет. В результате к 1202 г. последний сын Саладина аль-Захир признал власть дяди над собой. Тем не менее для аль-Адила сохранялась опасность войны с Зенгидами, владевшими остальной частью Месопотамии, турками Анатолии, а также правителями Армении и Грузии. Чтобы не распылять сил, он охотно пошел на перемирие с пилигримами, которое с небольшими перерывами действовало вплоть до 1217 г.⁹⁵³

Пока турок раздирали войны и междоусобицы, положение христиан в Палестине и Сирии ничуть не улучшилось, что не удивительно: ведь крестоносное движение положило начало *религиозным*

войнам, до сих пор почти невиданным на Востоке. До Крестовых походов мусульмане жили с покоренными христианами более чем мирно. Многие христианские обычаи были переняты сарацинами — например почитание Пресвятой Богородицы. В Палестине и Сирии являлось нормой вещей, когда мусульмане приходили в христианский храм на Литургию и молились вместе с греками, сирийцами и армянами. В странах ислама христиане пользовались почти полным набором прав мусульман и даже занимали высокие государственные должности. Ведь они, как и евреи, считались по Корану «людьми Писания», а потому отношение к ним было несравнимо более мягким, чем к язычникам. Единственно им запрещались торжественные процессии по улицам мусульманских городов с ношением крестов и звоном колоколов, дабы не заглушать голоса муэдзинов. Кроме того, христианам не разрешалось ношение оружия и шерстяных поясов — вместо них полагалось одевать кожаные. Нередко случалось, что сами христиане привлекали мусульман в качестве крестных и посаженных отцов. Одним словом, до Крестовых походов отсутствовали основания и причины для смертельной вражды между представителями двух мировых религий. Что, конечно, не исключало отдельных эксцессов и общей, хотя и мягкой, политики *постепенной исламизации* христианского населения⁹⁵⁴.

Все это было в прошлом. После разорения Иерусалима, бесчисленных погромов мусульман, жесточайшего террора в отношении турок христиане сами стали объектом постоянного преследования сарацин. Конечно, латиняне, выросшие и проживавшие в Леванте, старались смиривать ситуацию, не желая находиться в состоянии нескончаемой войны. Жизнь неизбежно брала свое, а потому плохой мир с сарацинами ценился ими выше доброй ссоры, хотя бы и за веру. Однако пилигримы, прибывающие из Европы, были гораздо более нетерпимы к своим врагам, что приводило к резкой смене декораций в отношениях ислама с христианством и между самими пилигримами. Кроме того, война за Гроб Господень тесно переплелась с борьбой за власть между латинянами, которую не останавливали даже поражения первых трех Крестовых походов и утрата Иерусалима. И, как и раньше, не было такой силы, которая могла бы соединить их в единый кулак.

Титулярный король Святого города *Генрих Шампанский* (1192—1197) и Гвидо де Лузиньян, правивший Кипром до 1194 г., не выходили за границы враждебного нейтралитета. *Бозмунд III Антиохийский* (1163—1201) бессильно взирал на то, как турки завоевывают последние его замки в долине Оронто, не рассчитывая на помощь короля. Триполи, спасенный прибытием норманнского флота, перешел под власть *Бозмунда IV* (1187—1233), его младшего сына. Но сам

Боэмунд III вскоре попался в западню: царь Киликийской Армении Левон II, о котором говорилось выше, пригласил его к себе в гости и там арестовал, потребовав, чтобы князь признал ленное подчинение Антиохии себе; тот от безысходности согласился. Но жители города, среди которых было много греков и итальянцев, категорически отказались признавать власть армянина, объявили о самоуправлении и обратились за помощью к королю Генриху Шампанскому. И тот в скором времени примирил стороны, добившись некоего компромисса: сын Боэмунда III *Раймунд* (1199—1221) женился на Алисе, племяннице и наследнице Левона II и на короткое время, с 1205 по 1208 г., стал князем Антиохии⁹⁵⁵.

Было очевидно, что помощь гибнущим пилигримам могла прийти только с Запада, и правители последних латинских государств с мольбой не раз обращались к Европе. Но, пожалуй, никогда еще их единоверцы не были так равнодушны к судьбе Святой Земли, как сейчас. Предыдущий Крестовый поход *разорил* Англию, а король Филипп Август, используя момент, присоединил к своим владениям Нормандию и теперь защищал ее от британцев. Иными словами, ему было не до Востока. Напрасно папа Целестин III взывал к первым монархам Европы — по иронии судьбы на его зов откликнулся только король Генрих VI Германский, отлученный Западной церковью за пленение Ричарда Львиное Сердце. Тем не менее его посланцы прибыли в Рим и предложили услуги Германского короля. Папа не стал сопротивляться, и вскоре его легаты посетили Сицилию, где пребывал Генрих VI, передав благословение понтифика.

А тот не стал терять времени. Уже 31 мая 1195 г. в Бари Генрих VI взял в руки крест и поклялся не только собрать новую крестоносную армию, но и за собственный счет вооружить полторы тысячи рыцарей и столько же оруженосцев. Пример короля вызвал всеобщее воодушевление: за полгода, с осени 1195 по весну 1196 г., было организовано несколько имперских съездов, на которых дворянство и аристократы торжественно пообещали принять участие в освобождении Иерусалима. Подъем стоял необыкновенный!⁹⁵⁶

Но германец напрасно надеялся, что этот благородный жест позволит ему рассчитывать на положительное решение другого вопроса — присоединение Сицилии к Германии и принятие закона о наследственном праве членов его семьи на императорское достоинство. Римский папа никак не желал уступать остров, который, согласно прежним договоренностям с норманнами, принадлежал ему. А германские аристократы категорически отказали королю в другой просьбе, согласившись в виде моральной компенсации короновать малолетнего сына Генриха VI *Фридриха II* (1194—1250).

Наконец, в конце 1196 — начале 1197 г. были сформированы две армии, готовые двинуться в поход. Одной предводительствовали герцог Саксонский *Бернхард III* (1180—1212) и герцог Брабантский *Генрих I* (1183—1235), другой — архиепископ Майнцский *Конрад Виттельсбахский* и юный *Валеран III* (1175—1126), граф Лимбургский. В 1197 г. германцы сели на суда и отправились на Восток⁹⁵⁷.

Но их прибытие в Акру 22 сентября 1197 г. не вызвало радости у греческого населения, опасавшегося, что теперь сарацины начнут мстить всем христианам без разбора. Местные латиняне также с тревогой смотрели на попытки немцев, горящих жаждой победы, начать войну с турками, с которыми они сами с таким трудом только-только наладили относительно мирное существование. Эти недовольства мог заглушить голос власти, но, к горькому сожалению, 10 сентября 1197 г. внезапно погиб король Генрих Шампанский, случайно выпавший из окна своего дворца во время приема пизанского посольства. Это была едва ли восполнимая потеря для Латинского Востока — короля все любили и уважали, как мудрого, осторожного и благородного правителя.

Чтобы хоть как-то консолидировать крестоносные силы, Римский папа благословил брак вдовствующей королевы Изабеллы с королем Кипра Амори де Лузиньяном. И в январе 1198 г. в Акре брак был заключен — четвертый для Изабеллы в целом и третий, как королевы. Свершилась мечта семейства де Лузиньянов, вернувших себе титул королей Святого города. А 27 сентября 1197 г. от малярии внезапно скончался на Сицилии король Генрих VI. И хотя всего лишь год назад Германия признала королевское достоинство его малолетнего сына Фридриха II, теперь князья выбрали королем *Филиппа Швабского* (1198—1208), убедив того отказаться от слов присяги, ранее данной племяннику. Но тут же оппозиция с тайного содействия Ричарда Львиное Сердце объявила королем *Оттона IV Брауншвейгского* (1175—1218), внука Английского короля Генриха II. Таким образом, в Германии одновременно оказалось три (!) монарха. По существу, Западная империя распалась: Италия тут же заявила о своей самостоятельности, в самой Германии области поделились на два лагеря. Римский папа Иннокентий III предпочел на время сделать паузу, не поддержав, но и не отказав в признании ни одной из сторон. О каком Крестовом походе в этих условиях могла идти речь?⁹⁵⁸

Оставшись без союзников, германцы потерпели поражение от брата покойного Саладина аль-Адиля у Яффы. Но вскоре крестоносцы получили подкрепление, и когда султан вновь встретился с ними в бою, победа на этот раз досталась тевтонам. Однако они напрасно

надеялись, что к ним на помощь придут остальные пилигримы. Буквально в это же время последние французские крестоносцы, все еще находившиеся на Востоке после окончания 3-го Крестового похода, начали отправляться домой, во Францию⁹⁵⁹.

К чести оставшихся германцев, они не пали духом и решили осенью того же года занять Сидон и Бейрут, чтобы потом идти на Иерусалим. Эти города им удалось взять почти без потерь. Но когда они дошли до Тороно, то прежний бич крестоносцев — раздоры среди вождей и отсутствие единого руководства — сыграли и на сей раз злую шутку. В результате германцы переругались друг с другом, а дошедшая до них весть о смерти короля Генриха VI и смутах в Германии решили вопрос самым категоричным образом. Остатки германских армий или вернулись домой, или пополнили ряды защитников последних крестоносных твердынь. Как только немцы сели на корабли, король Иерусалима Амори без промедления затеял переговоры с аль-Адилем о мире, и договор был заключен 1 июля 1198 г. сроком на 5 лет и 8 месяцев. Яффа осталась за мусульманами, Бейрут и Жибле — за крестоносцами⁹⁶⁰.

Это была прелюдия будущего 4-го Крестового похода, мысль о котором не давала покоя новому Римскому папе Иннокентию III — 37-летнему активному, образованному и энергичному понтифику. Горячий сторонник крестоносного движения, он долго анализировал причины неудач предыдущих Крестовых походов и пришел к некоторым важным для себя выводам. В первую очередь это касалось богословских основ самого крестоносного движения. Понтифик подтвердил, что каждый крестоносец получит полное прощение грехов на Небесах, но при условии — важное уточнение — «покаяния в сердце и вслух». Иными словами указал, что раскаяние за совершенные ранее грехи должно носить *искренний характер*. За счет этого существенного дополнения папа надеялся покончить с неблагоприятным нравственным фоном, бывшим неотъемлемой частью предыдущих Крестовых походов. Но этого оказалось мало, и Иннокентий III установил правило, согласно которому спасение души крестоносцев возможно лишь по прохождении *определенного времени*, проведенного ими на Востоке в войне за Гроб Христовый. И этот мотив совершенно понятен — папа хотел избежать ситуаций, когда участие в Крестовом походе или выход из него определялись самими участниками по собственному желанию.

Затем апостолик решил централизовать финансовые расходы на подготовку похода, введя специальный налог $\frac{1}{40}$ на все доходы Западной церкви и $\frac{1}{10}$ на доходы папства. Он также повсеместно

поставил сундуки для пожертвований со стороны прихожан, заложив основу последующей практики продажи индульгенций. Апостолик объявил, что не только те, кто с оружием в руках защищает веру, имеют право на спасение, но даже рядовые обыватели, если пожертвуют на святое дело спасения Иерусалима от неверных.

Наконец, найдя (и не безосновательно), что вечные ссоры и противоречия, раздиравшие особ королевской крови, стали причиной поражений крестоносцев на Востоке, папа пожелал подчеркнуть *церковный* характер Крестовых походов, заявив, что отныне единственным их руководителем является исключительно Римский епископ⁹⁶¹.

Буквально вслед за этим он засыпал своими посланиями потенциальных участников будущего похода и даже подал пример — за счет Апостольской кафедры соорудил и снарядил боевой корабль, снабдив его экипажем и продовольствием. Освобождение Святой Земли стало заветной мечтой Иннокентия III, и 15 августа 1198 г. папа издал призыв к новому Крестовому походу.

«Вслед за достойной сожаления потерей земель Иерусалима, вслед за плачевной резней христиан, вслед за прискорбным нашептанием на земли, на которых стояли ноги Христа и куда Господь, наш Царь, снизошел до начала времен, чтобы дать нам путь ко спасению на земле, вслед за позорным падением из наших рук животворящего Креста Господня, Святейший престол скорбит, тревожась о столь многих бедах. Он рыдает и вопиет так, что от непрестанного крика охрипло горло его, и от непрерывного плача затуманились очи его. Святейший престол продолжает взывать, вздымая голос свой, подобный трубному гласу, желая поднять все христианские народы на Христову битву и отплатить за посрамление Распятия. Гроб Господень, которому пророк предсказал славу, ныне осквернен нечестивыми и обесславлен», — писал он.

Желая подогреть чувства верующих, понтифик даже привел в булле придуманный им самим монолог мусульманина, обращенный к христианам Запада. «Где Бог ваш, Который не может освободить ни Себя, ни вас от рук наших? Смотрите! Мы осквернили ваши святыни. Смотрите! Мы взяли то, о чем вы так страстно мечтали, с первым штурмом мы овладели и ныне удерживаем против вашей воли те места, откуда пошло ваше суеверие. Мы уже ослабили и разбили галльских копьеносцев, мы уничтожили труды англичан, мы во второй уже раз сдержали мощь германцев, мы укротили гордых испанцев. И хотя вы пытаетесь собрать против нас все силы, до сих пор вам ничего не удалось. Где же тогда Бог ваш?»⁹⁶²

Ссылаясь на законы покойного Фридриха I Барбароссы, понтифик подтвердил следующие преимущества, ранее дарованные

крестоносцам: освобождение от всех налогов и повинностей, неприкосновенность имущества, отсрочка выплаты процентов по долгам. В заключение говорилось буквально следующее: «Мы же, вспомоществуемые милосердием всемогущего Бога и авторитетом блаженных апостолов Петра и Павла, властью, которую нам, хотя и недостойно, даровал Бог вязать и решать, всем, кто возьмет на себя труд лично или издержками, даруем полное отпущение их грехов, в которых они исповедались с сокрушенным сердцем. И в воздаяние праведных обещаем вечное спасение как тем, которые приняли не личное участие, но на свой счет и соответственно имуществу и званию поставили надлежащих воинов, так и тем, которые, хотя на чужой счет, отправились в поход лично»⁹⁶³.

Однако этот призыв был *слабо услышан* в Англии и в Германии, которая еще не отошла от предыдущего похода. И только Франция в лице *Тибо III* (1198—1201), графа Шампани, *Людовика де Блуа* (1191—1205), графа Блуа и Клермона, а также *Балдуина I* (1195—1205) или Бодуэна, графа Фландрии и Геннегау по обыкновению поддержала папу⁹⁶⁴. Среди них наиболее преданным крестоносному движению лицом по праву считался Балдуин Фландрский. 28-летний молодой человек, нежно любящий свою жену, он был прямым потомком тех рыцарей, которые принимали участие во всех без исключения походах пилигримов в Святую Землю. Характерно, что в будущий поход он отправится со своей женой, Марией, которая в пути подарит ему наследницу Жоан⁹⁶⁵.

Тем не менее не графу Фландрии выпало играть главную роль. В Суассоне и Компьене указанные выше вожди будущего похода провели несколько собраний, на которых было решено отдать его руководство и организацию в руки Тибо Шампанского, который не только приходился племянником Французскому и Английскому королям, но и родным братом покойному Иерусалимскому королю Генриху II Шампанскому⁹⁶⁶.

Активную пропаганду среди французов начал проводить известный священник Фулько Нейский. Сила его проповеди была такова, что падшие женщины рвали на себе волосы и отрекались от своего постыдного занятия. Люди уверяли, что он может изгонять бесов, предрекать будущее и исцелять болящих, и народ часто раздирал его подрысник на части и берег лоскутки как святыню. Как утверждал сам Фулько, он благословил на Крестовый поход не менее 200 тысяч человек из самых разных слоев общества, каждый из которых внес свою лепту в организацию и финансирование 4-го Крестового похода⁹⁶⁷.

Франция в очередной раз поддержала свою репутацию «солдата Бога»⁹⁶⁸. Поскольку двое из названных французских аристократов принадлежали к королевскому дому, постепенно число рыцарей, согласившихся участвовать в 4-м Крестовом походе, резко возросло. В числе французских рыцарей значились такие известные фигуры, как граф де Сен-Поль, графы Готье и Жан Бриенские, Манассия Лилльский, Ренар де Дампьерр, Матье де Монморанси, Гуго и Роберт де Борн, графы Амьенские, Рено Бульонский, Готфрид Першский, Рено Монмерльский, Симон Монфорский и Готфрид де Виллардуэн, маршал Шампаньский⁹⁶⁹.

Некоторую активность проявила и Германия. Здесь наиболее популярными проповедниками 4-го Крестового похода стали: Мартин, аббат монастыря Пэрисе, что в Эльзасе, епископ Конрад Хальберштадтский и граф Бертольд Каценеленбогенский. В Северной Италии собирал желающих вступить в крестовое братство князь *Бонифаций Монферратский* (1192—1207), имевший тесные связи с Латинским Востоком. А когда речь зашла о денежных средствах, папа в очередной раз показал пример, введя в 1200 г. новый разовый налог в размере 2,5 % церковных доходов для организации похода⁹⁷⁰.

Весь 1200 г. организаторы похода провели в переговорах и подготовке плана кампании. Было принято два принципиальных решения. Во-первых, двигаться к Палестине морским путем, как это сделали рыцари 3-го Крестового похода. И, во-вторых, двигаться не к Иерусалиму, а к Египту. При внешней нелогичности избрания такого пункта назначения это была единственно верная стратегия. После 3-го Крестового похода и концентрации власти в руках аль-Адиля Иерусалим стал играть откровенно *второстепенную* роль на фоне других центров исламского мира. Несмотря на его духовную важность, как святыни, изолированное положение Святого города означало, что его стратегическое, политическое и экономическое значение стало ограниченным⁹⁷¹.

Взятие Иерусалима, конечно, резко подняло бы дух христиан в Святой Земле. Но затем, как показали минувшие события, крестоносцы неизбежно должны были столкнуться с проблемой изоляции Святого города. Это понял еще Ричард Львиное Сердце, и потому новые предводители пилигримов сделали выводы из чужих ошибок и решили подорвать ислам *снизу*, захватив Египет и обеспечив за этот счет последующее неизбежное падение Иерусалима. Нельзя также забывать, что при всем богатстве Антиохии и Акры, как торговых центров, им было очень далеко до славы Александрии, которая очевидно доминировала в мире караванных и морских путей⁹⁷².

План был, без сомнения, хорош, но не учитывал одну важную деталь. Морские перевозки армии являлись чрезвычайно дорогостоящим предприятием и были по карману лишь венценосным особам, располагавшим финансами самых могущественных и богатых государств Европы. А нынешние вожди Крестового похода при всем своем богатстве такими возможностями не располагали. Поэтому пришлось обращаться за помощью к Венеции, имевшей большой морской флот. Еще в августе 1198 г. папа в своей булле по поводу организации 4-го Крестового похода недвусмысленно дал понять, что отправляет своего легата Соффредо именно в Венецию, поскольку шансы найти помощь в ссорящихся Пизе и Генуе крайне невелики. Как вскоре выяснится, это была тяжелая ошибка, обусловившая множество последующих проблем.

В первую неделю Великого поста 1201 г. в Венецию прибыла группа рыцарей во главе с маршалом Франции *Жоффруа де Виллардуэном* (1150—1218), изложивших свою просьбу на заседании Большого совета Республики. Через 8 дней они получили ответ: Венеция согласна предоставить сроком на 1 год суда для перевозки 4500 рыцарей и такого же количества коней, 9 тысяч оруженосцев, 20 тысяч пеших воинов, а также обеспечивать крестоносцев продовольствием в течение 9 месяцев при условии уплаты 85 тысяч серебряных монет. Дожд Венеции, 84-летний и почти слепой *Энрико Дандоло* (1108—1205), гениальный политик и *абсолютно циничный человек*, поклялся на Евангелии в соблюдении Республикой всех своих обязательств. Кроме того, Дандоло пообещал, что Венеция выставит за свой счет 50 галер с вооруженными солдатами при условии выделения ей половины от всех завоеванных крестоносцами земель. Стороны договорились, что ровно через год, весной 1202 г., все крестоносцы соберутся в Венеции для начала Крестового похода. Партнеры направили послов в Рим, и папа Иннокентий III благословил начинание. Казалось бы, произошел редкий случай единения замыслов и проявления самопожертвования⁹⁷³.

В действительности же венецианцы и их дож Дандоло *уже обманули* крестоносцев — они совершенно не собирались воевать с мусульманами. В то время когда Большой совет Республики принимал послов пилигримов, в Каире был заключен тайный договор между турками и венецианцами, в котором последние ясно обещали *нейтралитет* во время *любой* войны против своих торговых партнеров. Как точно отметил один автор, нужды торгового мира всегда шире вопросов веры, и никакая война не станет помехой торговле, если на кону высокий доход. Еще Саладин был вынужден объясняться перед Багдадом, почему

в период самых ожесточенных военных столкновений с крестоносцами итальянские купцы беспрепятственно ведут торговлю в Египте. А некий арабский путешественник, современник тех далеких событий, изумленно писал в своем дневнике: «Ни одного христианского торговца не задержали и не остановили на мусульманских землях. Они всегда остаются в безопасности, будь то мир или война». И венецианцам не было никакого дела до высокой цели Крестового похода, когда опасность угрожала их торговым интересам в Египте или Леванте⁹⁷⁴.

Двойная игра издавна была присуща тороватым венецианцам, и не случись того, что произошло в ходе 4-го Крестового похода, неизвестно, как сложилась бы дальнейшая история. Но в любом случае венецианцы едва ли довели бы дело до прямого столкновения крестоносцев со своими торговыми союзниками. Не исключено также, что уже тогда старый ненавистник Константинополя Энрико Дандоло задумывался над тем, *каким образом* использовать столь мощную силу, как крестовосная армия, против Византии. Успех данного предприятия сулил бы Венеции не только полную свободу от перемен курсов византийской политики, болезненных для рынка, но и обеспечивал *абсолютную торговую монополию* на Средиземноморье. Пока же они заключали договор и с крестоносцами, и с турками, прагматично рассуждая, что лучше иметь возможность выбора, чем не иметь ее вовсе⁹⁷⁵.

Кроме того, сами не заметив, вожди движения согласились на то условие договора, что обязательства венецианцев по перевозке вступают в силу лишь тогда, когда *все* крестоносцы соберутся в Венеции. Не говоря уже о том, что сбор всех участников являлся весьма сомнительным по своей возможности, еще менее уверенно можно было предположить, что пилигримы из разных стран будут отплывать непременно из Венеции. И действительно, часть рыцарей решила отплыть из Марселя, что сразу же создавало трудности в отношениях с венецианцами. Иначе говоря, договор был заключен на крайне невыгодных для крестоносцев условиях, о чем, разумеется, Дандоло был осведомлен изначально⁹⁷⁶.

Пока шли сборы, крестоносцы понесли тяжелую утрату — скончался граф Шампани Тибо, и теперь на первое место выдвинулся Итальянский князь Бонифаций, маркграф (иногда его называли маркизом) Монферратский. Прошло назначенное время, и первые отряды крестоносцев начали прибывать в Венецию, где их ждали некоторые неприятные сюрпризы. Во-первых, венецианцы обязывали *каждого* рыцаря заключать *свой* индивидуальный договор с Республикой, дублируя ранее оговоренные условия. И, во-вторых, якобы во избежание конфликтов с местным населением крестонос-

цев поселили на острове Лидо, в получасе пути от Венеции. Однако этот остров был совершенно незаселен и явно не приспособлен для проживания на нем большого количества людей.

И тут впервые латиняне почувствовали коварство своих союзников — как только подошел второй срок уплаты средств за оказываемые услуги, республиканцы потребовали 60 тысяч монет (25 тысяч уже были внесены ранее). Но крестоносцы готовы были уплатить только половину, т.е. 30 тысяч, поскольку количество прибывших рыцарей с солдатами не превышало 12 тысяч человек — явно меньше запланированной ранее численности. Получилось, что крестоносцы вынуждены были нести дополнительные расходы из расчета на каждого воина, и они оказались им не по силам. И тогда Венецианское правительство прекратило подвоз продовольствия. В лагере рыцарей начался голод и болезни, крестоносцы начали промышлять разбоем и грабежом, а некоторые вообще удалились домой⁹⁷⁷.

В августе 1202 г. в Венецию прибыл маркграф Монферратский. Хитрость Энрико Дандоло не удивила его, и, встретившись с ним, Бонифаций решил совместно с дожем изменить ранее намеченные планы. Дело в том, что царевич Алексей, сын ослепленного императора Исаака II Ангела, неоднократно обращался с просьбой о помощи к сестре Ирине, супруге короля Филиппа Швабского. И хотя свобода Алексея Ангела со временем уже не стеснялась — царь Алексей III даже освободил его из тюрьмы, юноша решил при помощи пизанцев бежать из Константинополя. Впрочем, говорили, что деньги для бегства брата дала сама Ирина. В 1201 г. на лодке он добрался до Сицилии, где его уже ожидал отряд телохранителей, немедленно доставивших Алексея к сестре. С тех пор каждый день королева молила мужа помочь отцу и вызволить его из темницы, сумев растопить сердце Филиппа. Правда, тот не собирался воевать ради Ангелов, но обещал помочь связями и дипломатией⁹⁷⁸.

Осенью того же года, когда приготовления к 4-му Крестовому походу шли полным ходом, Алексей Ангел добрался до Рима, где имел аудиенцию у папы. В скором времени при помощи Германского короля Ангел нашел союзника в лице Бонифация Монферратского, два брата которого Конрад и Ренье состояли на византийской службе и были женаты на царевнах из царского дома. Сам собой в умах родственников родился план восстановления нарушенных Алексеем III Ангелом Комнином прав Алексея на императорство. Конечно, для этого нужно было заручиться поддержкой венецианцев, папы Иннокентия III и тайно изменить план 4-го Крестового похода, *вынужденно* направив пилигримов в Константинополь вместо Египта.

Поэтому для планов Бонифация тяжелое положение крестоносцев на острове Лидо было только на руку. Он и Дандоло просто летели навстречу замыслам друг друга.

С папой дела обстояли не так просто. Следует отметить, что среди специалистов так до сих пор и не сложилось единого мнения относительно того, знал ли Иннокентий III о тайной игре Дандоло и Бонифация. Нередко справедливо утверждают, что при *внешнем* преклонении перед понтификом венецианцы и вожди крестоносцев не считали нужным во всем согласовывать свои планы с Римом. И потому в какой-то момент времени папа утратил нить управления 4-м Крестовым походом. Не менее убедительны авторы, полагающие, что резкая оценка Иннокентием III последующих событий, о которых мы будем говорить ниже, звучала из уст понтифика совершенно искренне⁹⁷⁹. И тем не менее нельзя забывать, что Иннокентий III являлся *одним из самых могущественных* Римских епископов за всю историю папства. Это была не та фигура, с которой можно не церемониться. Поэтому едва ли обоснованно верить, что папа был обманут и разыгран «вслепую» маркграфом Монферратским и дожем. С другой стороны, нужно избежать иной крайности выставлять понтифика тайным организатором всей этой трагичной истории. Наверняка Иннокентий III о многом *догадывался, что-то* знал и, как человек опытный, практичный, был не против решить некоторые стратегические вопросы чужими руками. Но, безусловно, не теряя при этом достоинства Апостольской кафедры. А потому искренне негодовал по поводу актов вандализма, которые случились в пути крестоносного воинства.

Можно не сомневаться в том, что *первоначально* папа Иннокентий III не был расположен к царевичу Алексею Ангелу, за которого просил Филипп Швабский и его супруга. Во-первых, отношение апостолика к спорящим за королевский титул Германии лицам к тому времени коренным образом изменилось. Вдовствующая королева Констанция признала протекторат папы над Сицилией и своим малолетним сыном Фридрихом II. Оттон IV Брауншвейгский не стал возражать против принятия Иннокентием III в свои владения всей Северной Италии, никак не отреагировав на заключенный Римом Нейсский конкордат и уступив папе Равеннский экзархат, Пентаполис, герцогство Сполето, а также Тосканскую и Анконскую марку. Остался лишь Филипп Швабский, не желавший разменивать возжеланный титул на земли, которого папа в 1201 г. отлучил от Церкви. И хотя это почти никак не проявилось вовне, обращаться в такой ситуации к папе за помощью королю явно было не с руки. А, во-вторых, Иннокентий III прекрасно понимал, что в случае фронтального противостояния с византийцами

Крестовый поход далеко не продвинется, и его мечта — вернуть Иерусалим под сень креста — не сбудется.

Но вскоре все резко изменилось. Началось с того, что отношения Рима с императором Алексеем III Ангелом окончательно расстроились. Еще в ноябре 1199 г. апостолик был вынужден подвергнуть критике Византийского царя за нежелание помочь крестоносцам в грядущем походе. Он предупредил василевса, что его небрежение навлечет на него же гнев Божий. На что Алексей III ответил, что Римский император, каковым он является, стоит выше папской власти (!) и вовсе не обязан действовать по директивам Апостольской кафедры. Разве можно было говорить *такие* слова автору доктрины «Двух мечей», полагавшему, что Римский епископ подобен Солнцу, а император — Луне: весьма наглядное сравнение, позволяющее даже неразвитому уму понять, *чей* сан выше?!

Тем не менее, смирив свой гнев (и не забыв нанесенной ему обиды), папа ответил: «Вашему величеству известно, насколько смогли мы своим письмом обратить ко благу Ваше императорское величество. Выражаем надежду, что Вы помните наш совет относительно надлежащего образа действий, а мы со своей стороны помним, что призывали Вас не менее к единению Церквей и оказанию помощи Иерусалиму. Да направит Ваш разум Тот, кто в Своей руке держит сердца и души земных властителей, чтобы Вы последовали нашим советам и рекомендациям и стали действовать так, чтобы заслуженно стяжать славу имени Господню, пользу всему христианству и спасение собственной душе»⁹⁸⁰.

Увы, Византийский император не сделал никаких выводов для себя из письма Римского епископа. И в таких условиях замена Алексея III его племянником, целиком и полностью обязанным своим царством Римской кафедре, показалась Иннокентию III не столь уж нелепой идеей. Отсюда был всего один шаг до признания Константинопольским патриархом властных прерогатив Римского понтифика. Но для этого нужно было резко скорректировать путь движения пилигримов, что открыто санкционировать Иннокентий III никогда бы не посмел. Поэтому Бонифаций озадачился вопросом: как сделать так, чтобы поход пошел по иному маршруту, но как бы *сам собой*, в силу внешних обстоятельств⁹⁸¹.

Однако маркграфу было далеко до Дандоло. Хитрый венецианец уже задумался над тем, как получить *максимальную* прибыль от всей этой истории. Конечно же, Алексею Ангелу и Бонифацию Монферратскому была обещана помощь, но в воцарении юноши дож видел только *первый*, а не конечный этап похода против Византии.

А настоящая цель Дандоло заключалась в полном уничтожении ненавистного царства греков.

15 августа 1202 г. Дандоло собрал Совет, на котором предложил временно простить крестоносцам недостающие 34 тысячи марок, а пока использовать их в интересах Венеции, втайне направив на венгерский город Зару, который являлся торговым конкурентом Республики. Фактически после этого крестоносцы становились наемниками Венеции, пусть даже и на короткий срок. Таким способом венецианцы убивали сразу двух зайцев: чужими руками захватывали столь желанный для них венгерский город, «повязывая» крестоносцев кровью, и загоняли пилигримов в безвыходное положение. Из Зары для рыцарей-наемников единственный путь был не в Египет, а в Константинополь, поскольку другого способа обеспечить себя продовольствием для латинян просто не существовало. Конечно, если сами венецианцы в нужное время объявят крестоносцам, что не в состоянии более выступать в роли их агента по снабжению или потребуют уплаты суммы оставшегося долга. Разумеется, это была тайна за семью печатями, которую никто на Совете разглашать не собирался. Знал ли Бонифаций Монферратский о том, что до Константинополя крестоносцам уготована роль захватчиков Зары — достоверно неизвестно. Скорее всего, и он был только частично посвящен в планы хитроумного дожа⁹⁸².

Когда Совет Республики одобрил основной план Дандоло, тот внес некоторые технические коррективы. В частности, для больших гарантий он решил сам сопровождать пилигримов в походе на венецианских судах. А из опасения, что оглашение секретного пункта решения Совета (*официальное* решение касалось только отсрочки уплаты долга) может вызвать негативную реакцию крестоносного воинства, решено было максимально закамouflировать намерения венецианцев внешними причинами, поставив рыцарей перед свершившимся фактом⁹⁸³.

Но, объективно говоря, эти меры предосторожности были излишними — многие крестоносцы не обладали таким запасом нравственных качеств, чтобы с ходу отвергнуть предложения, сулящие им материальную выгоду. Достаточно было выдержать лишь верный тон и не оскорбить их каким-либо неприятным намеком. По существу, мысль уничтожить Византию уже много лет витала на Западе. Даже во время 1-го Крестового похода, когда общий настрой был более возвышенным, чем сейчас, Константинополь едва не пал жертвой пилигримов. Затем на него заглядывался Фридрих I Барбаросса и его сын Генрих VI. В сознании французских рыцарей византийцы давно являлись первой и последней причиной неудач последних крестоносных мероприятий, и жажда мести обуревала их. Не отставал

и Рим, где греков называли не иначе как «схизматиками». Насилие, совершенное Алексеем III над братом, служило прекрасным поводом для *легального* нападения крестоносцев на «Новый Рим»⁹⁸⁴.

Ничего не говоря об истинных целях путешествия, венецианцы посадили пилигримов на корабли и целый месяц бесцельно крейсировали по Адриатике. 10 ноября 1202 г. корабли подступили к Заре, и рыцарям было сказано, что это — *единственный* пункт, где можно перезимовать. Здесь произошел один любопытный эпизод, замечательно иллюстрирующий многоцветие отношений, царящих в лагере пилигримов. Представитель папы в походе кардинал Пьетро Капуано, сопровождавший крестоносцев, прекрасно понимал, в какой ситуации те оказались. Его попытки уговорить венецианцев перевезти рыцарей в Александрию не увенчались успехом — дож не был намерен простить долг Республике. И тогда легат, по сути, благословил нападение на Зару. Но сам папа был настроен против этого начинания. Не успели пилигримы разбить лагерь у стен города, как их догнало послание Иннокентия III, в котором тот *категорически* запрещал им нападать на христианские земли⁹⁸⁵.

Наверное, понтифик действительно не желал этого скандала, но невольно закрадывается мысль: мог ли не знать *этот* Римский епископ, что никакой альтернативы у крестоносцев уже не осталось?! Что в ноябре месяце никакой иной гавани, способной обеспечить их пребывание в течение зимних месяцев, просто нет? И если да, то какую ценность имеет этот запрет?

Так или иначе, но запрет папы не произвел никакого практического действия, штурм Зары начался. На всякий случай ни дож, ни Бонифаций, ни папский легат не вышли на палубу корабля, когда крестоносцы начали атаку венгерского города, который пал 24 ноября. Разгром был страшный: рыцари убивали венгров и продавали в рабство, как скот, церкви были разрушены и полностью ограблены. Папский легат поспешил покинуть крестовое воинство, и среди латинских клириков стали слышны нотки заговорившей совести — ведь все-таки венгры были христианами и даже принимали участие в предыдущих Крестовых походах.

Папа Иннокентий III направил пилигримам предупреждение, что при последующих грабежах христианского населения он просто отлучит от Церкви весь Крестовый поход до последнего человека. Конечно, он был разгневан, поскольку, пойдя на приступ Зары, крестоносцы пренебрегли опасностью навлечь на себя гнев Апостольской кафедры. Но Иннокентий III затем успокоился и принял раскаяние французов. Характерно, что венецианцы и не подумали

поступать таким же образом, и понтифик их отлучил от Церкви, что, впрочем, не привело ни к каким последствиям⁹⁸⁶.

Понимая, что сам становится игрушкой в чужих руках, Иннокентий III писал рыцарям, желая привести их в чувство: «И вот золото ваше превратилось в металл, когда, отбратившись от чистоты планов и свернув со своей дороги на несправедный путь, вы, можно сказать, сняли руку с плуга. И когда вам нужно было поспешать к истекающей млеком и медом земле, вы отправились прочь, уйдя в пустыню. Вы можете принести дьяволу первые плоды своего паломничества и пролитой ради демонов крови вашей и ваших братьев. Вы напали на город и горожан, нанеся оскорбление Распятому, и своим чудовищным изобретательством заставили их сдаться»⁹⁸⁷.

Но, дабы смягчить тон, папа тут же отметил в своем послании: «Я дал приказ находящимся в лагере епископам освободить вас от анафемы, если вы искренне покаетесь»⁹⁸⁸. Для понтифика все было предельно ясно — «лес рубят — щепки летят». Оставаясь на ригоричных позициях, он рисковал совсем утратить нить управления 4-м Крестовым походом, который и так выходил из-под его контроля.

В Заре в первый раз *кроваво* проявились противоречия между венецианцами и французами. Последние правильно поняли, что их используют в качестве военной рабочей силы, и уже через 3 дня после захвата Зары пилигримы и республиканцы столкнулись на узких улицах города. Яростно лязгали мечи, летели копья, свистели стрелы арбалетов — почти целый день шли бои по всему городу, в которых погибло множество воинов — говорят, до 100 человек⁹⁸⁹.

После этого часть рыцарей оставила лагерь крестоносцев, вернувшись на родину. Другие самостоятельно отправились в Сирию, найдя там свою гибель. А остальные латиняне направили посольство в Рим, дабы разрешить конфликт и узнать отношение папы к минувшим инцидентам. При встрече понтифик пожурил крестоносцев, сказал, что ему известно, *из-за чьих прегрешений* (чьих же?) им пришлось действовать таким образом, и проявил сочувствие к нелегкой судьбе крестоносного воинства. В заключение он попросил рыцарей более не отвлекаться от намеченной цели, не грабить христианские земли и сохранять мир между собой. Если раньше можно было говорить, что понтифик не знал о тайном плане венецианцев, то теперь эта мысль утрачивала какое-либо основание. Любой, имеющий даже слабые познания в географии, мог без труда понять, что Крестовый поход двинется дальше не к Египту, а в Константинополь.

Примирительный тон апостолика и его желание показать, будто Риму ничего не известно об изменении маршрута, не могло обма-

нуть Дандоло. Иннокентий III прямо говорил вождям Крестового похода, что «греки виновны во многих преступлениях против Бога и Церкви, а особенно император Алексей III, совершивший злодеяние над своим братом». И хотя дальше понтифик оговорился, будто не дело «богомольцев» наказывать византийцев за эти преступления, умные люди догадались, что получили практически *приказ* разделаться с Константинополем. Или как минимум индульгенцию на случай захвата города⁹⁹⁰. Впрочем, закулисная дипломатия оставалась неизвестной для широкой массы крестоносцев — пока еще «на поле» играли только ведущие игроки, формирующие общеевропейскую политику по своим планам.

Наступила холодная зима, и крестоносцам в Заре, лишенным нужного количества продовольствия, было очень неудобно. В это время дож Дандоло обратился к вождям латинян со следующим *официальным* предложением. «У греков, — сказал он, — есть много плодородной и изобильной земли. Если бы нам удалось найти хороший повод и отправиться туда, мы могли бы обеспечить себя всем необходимым, а оттуда двинуться против турок». Его поддержал присутствовавший на совещании маркиз Монферратский — видимо, роли были распределены заранее — и сказал, что видел в Германии при королевском дворе сына императора Исаака II Алексея Ангела, у которого царь Алексей III предательским путем украл власть. «Тот, кто смог бы заполучить к себе этого молодого человека, — подытожил латинянин, — легко бы сумел двинуться на Константинополь и взять там съестные припасы и прочее, поскольку молодой человек является *законным императором*»⁹⁹¹.

Видимо, предложение не вызвало негативной реакции, поскольку уже в январе 1203 г. в Зару прибыло посольство от Филиппа Швабского и Алексея Ангела. На суд крестоносцев вынесли два акта: договор между Германским королем и Византийским царевичем, а также соглашение между Венецией и крестоносцами *о завоевании Константинополя* (!). Король писал, что за восстановление своих нарушенных прав Алексей Ангел сполна оплатит рыцарям их подвиг в размере 200 тысяч монет. Безусловно, Ангелу очень помогло заступничество Римского папы Иннокентия III, которому он пообещал принять западный Символ Веры и латинские обряды. И мнение понтифика, поддержавшего права Алексея Ангела, на этот раз не осталось безызвестным для вождей латинян.

Кроме того, Алексей обещал в случае воцарения помочь в освобождении Святой Земли. Он поклялся выставить армию в количестве 10 тысяч воинов и обеспечить крестоносцев продовольствием⁹⁹².

Венеции обещалась единовременная выплата 10 тысяч монет из казны Византии, а также возмещение убытков ее купцов за последние 30 лет. Все же некоторые простые рыцари были поражены тем, как резко и неожиданно изменилась цель похода — их с трудом убедили продолжить кампанию, ссылаясь на то, что ближайшим за *этим* пунктом назначения станет Египет⁹⁹³.

В феврале 1203 г. крестоносцы получили новое папское послание, демонстрирующее перемену настроений Иннокентия III. С одной стороны, в нем содержался старый запрет нападать на христианские земли. Но, с другой, — содержались слова, позволяющие считать, что такое разрешение для конкретного случая уже получено. Так, в частности, папа писал: «Никоим образом нельзя вторгаться и учинять насилие на христианских землях, если только вам не будут злонамеренно препятствовать путешествию, *или же если возникнет некое справедливое или необходимое дело, для выполнения которого вы можете действовать иным образом, согласно наставлениям Апостольской кафедры*»⁹⁹⁴. Если это написано не под ситуацию с Алексеем Ангелом с его предложением, то для чего?!

В первой половине апреля 1203 г. крестоносцы были посажены на корабли и препровождены на остров Корфу, где состоялось подписание соглашения с царевичем Алексеем Ангелом. Тот уверял рыцарей, что никакой войны не будет, поскольку население столицы с нетерпением ожидает своего законного властителя, и около 600 византийских кораблей уже готовы перейти на его сторону. Чтобы подкрепить свои слова, царевич подписал множество расписок на общую сумму 450 тысяч монет — фантастические деньги, не обеспеченные *ничем*. После этого вопрос о походе на Константинополь был окончательно решен.

Конечно, Алексей III быстро узнал о приближении крестоносной армии к стенам своей столицы и направил посольство с целью уточнить планы пилигримов — в нем еще жила надежда, что нападение на Константинополь можно не допустить. Латиняне ответили византийским послам, что у них находится *законный наследник* царского престола Алексей Ангел, а потому предложили василевсу добровольно отречься от власти и передать ее племяннику. Естественно, византийцы ответили отказом и вернулись в Константинополь. Тогда дож Дандоло предложил снарядить 10 галер, на одну из них посадить Алексея Ангела и, барражируя вдоль берегов византийской столицы, спрашивать у византийцев, готовы ли те признать в нем законного императора. Так и поступили, но результаты столь странного «опроса» разочаровали пилигримов: византийцы гро-

могласно отвечали, что не знают такого императора, а их *законный* царь — Алексей III Ангел Комнин⁹⁹⁵.

Если Энрико Дандоло надеялся хоть как-то легализовать нападение крестоносцев на Константинополь, то эта затея провалилась, что, впрочем, никого не смутило — машина войны была запущена, а алчность латинян разожжена. Когда последние формальные затруднения между ними и Алексеем Ангелом были улажены, крестоносцы задумались о *способе*, каким можно обеспечить его царствование. Поскольку выяснилось, что никто из константинопольцев не встречает царевича радостными улыбками и вообще население города крайне враждебно относится к пилигримам, помощи изнутри столицы ждать не приходилось. Но и взять такой мощный и хорошо укрепленный город с 30 тысячами воинов казалось верхом самонадеянности. Однако делать нечего — крестоносцам оставалось двигаться только вперед, если они не хотели погибнуть голодной смертью.

Забыв обо всех прежних клятвах и еще действующих договорах, презрев какие-либо права византийцев самостоятельно определять своего царя, крестоносцы начали подготовку к захвату города. 25 мая 1203 г. они решили *штурмовать* Константинополь. Единственным слабым звеном обороны византийцев являлось отсутствие флота, способного защитить столицу с моря, — результат коррупции родственников Алексея III, продавших корабельные снасти и разворовавших государственные средства⁹⁹⁶. Поэтому опытные вожди пилигримов решили начать атаку с моря. Пока латиняне строили планы штурма, наступила короткая передышка, ничего не изменившая в настроении сторон.

Наконец, 8 июля 1203 г. латиняне начали штурм башни Галата и цепи, замыкающей вход в бухту Золотой Рог, и достигли быстрого успеха, дойдя до Влахернского дворца. Поразительно, но почти никто не оказал им сопротивления. Византийцы пришли в негодование от бездействия Алексея III, уличные ораторы и многие клирики на улицах открыто обвиняли василевса и правительство в измене и предлагали граждан взять в руки оружие. В скором времени набралось до 70 тысяч добровольцев из числа рядовых жителей, желавших защитить родной город. Если бы их возглавил *настоящий* император и воин, участь латинян была бы решена, но царь ничего не предпринимал, по легкомыслию полагая, что ничего страшного Константинополю не грозит.

Но город продолжал волноваться и, опасаясь худшего, 17 июля 1203 г. Алексей III сделал вылазку, отбросив латинян от Влахерн,

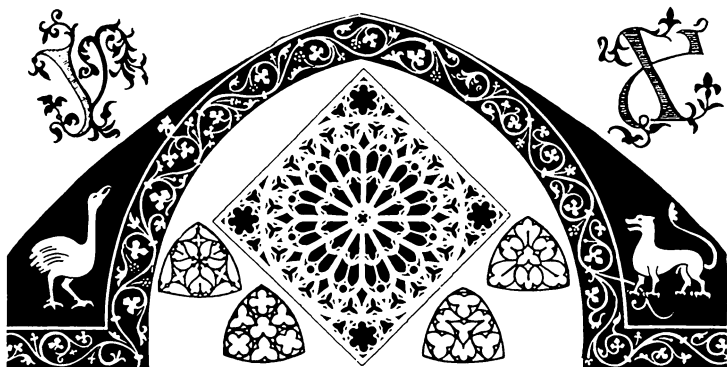
причем в бою отличился его зять Феодор Ласкарис. А затем по обыкновению предался торжествам, упустив выгоды быстрой победы. Константинопольцы, которым было больно видеть бездействие императорской армии, потребовали от Алексея III новых активных действий против крестоносцев. В противном случае они обещали — конечно, это было не более чем угроза, — венчать на царство Алексея Ангела. Однако для Алексея III этого оказалось довольно — посчитав свое положение *безнадежным* (!), он решил оставить столицу, бросив в нем царицу Ефросинью и детей⁹⁹⁷. Позднее, уже после падения Константинополя в 1204 г., он воссоединится со своей супругой, но будет взят в плен крестоносцами, которые отправят его вместе с Ефросиньей в качестве *подарка* Германскому королю. Умрет Алексей III в Никее в 1211 г., приняв монашеский постриг⁹⁹⁸.

Узнав о бегстве царя, крестоносцы начали очередной штурм Константинополя, пробив тараном стену у Царских сходней. А на море с венецианских кораблей арбалетчики обстреливали редких защитников городских стен. Удивительно, но престарелый Энрико Дандоло, которому исполнилось к тому времени уже почти *90 лет* (!), на носу передней галеры вел своих соотечественников в бой. Когда корабль подошел к берегу, он, несмотря на стрелы и опасность, потребовал, чтобы его первым высадили на землю Константинополя, что и произошло. Конечно, это был настоящий подвиг, воодушевивший венецианцев и остальных латинян, и они захватили 25 крепостных башен византийской столицы⁹⁹⁹.

Возможно, мужественный Феодор Ласкарис еще мог бы отбить нападение, но отсутствие царя и полная дезорганизация войска сделали свое дело — византийцы повсеместно отступали. Захватывая Константинополь, крестоносцы немедленно поджигали его, так что вскоре все пространство от Влахернского холма до Евергетского монастыря пылало в огне пожара¹⁰⁰⁰.

Когда о бегстве Алексея III стало известно в городе, население Константинополя бросилось в темницу и извлекло из нее ослепленного **Исаака II Ангела**, которого вновь объявили Римским царем. А чтобы не продолжать войны с крестоносцами, делегация города, явившаяся в лагерь пилигримов, предложила разделить царскую власть между отцом и сыном, признав царевича новым императором **Алексеем IV Ангелом**¹⁰⁰¹.

Так завершилось бесславное правление Алексея III Ангела Комнина. Но радость византийцев по поводу окончания войны с Западом была преждевременной — они не догадывались, что 4-й Крестовый поход еще не завершился.

ЛХVI. ИМПЕРАТОРЫ ИСААК II (1203—1204), ПОВТОРНОЕ ПРАВЛЕНИЕ, И АЛЕКСЕЙ IV (1203—1204) АНГЕЛЫ

Глава I. Неисполненные обязательства. Конец династии

Итак, Алексей III убежал в Девельт, царицу Ефросинью бросили в тюрьму, а на престол взошел ослепленный Исаак II Ангел — беспрецедентный случай в истории Византийской империи, и его сын Алексей IV. Все население столицы потекло к Большому царскому дворцу, чтобы воздать поклонение новым императорам.

Пока византийцы гадали, каким будет новое царствование, крестоносцы предались отдыху, совершенно забыв о своем намерении освобождать Гроб Господень. Даже когда через несколько дней после минувших событий к их вождям прибыл свергнутый Иконийский султан Хосров I и попросил их помощи в возврате трона, узурпированного его младшим братом *Сулейман-шахом* (1196—1204), латиняне ответили отказом. Хотя, очевидно, восстановление Хосрова I могло им сильно помочь в последующем освобождении Палестины и Египта. Они ссылались на то, что еще не получили должного вознаграждения от императора Алексея IV за оказанную услугу¹⁰⁰². Очень характерный момент.

Через несколько дней во дворец явились вожди крестоносцев, напомнившие Исааку II об обязательствах Алексея IV. Важная

деталь — «просьба» об уплате суммы долга прозвучала откровенным ультиматумом. Маршалл Виллардуэн потребовал от Исаака II подтвердить обещания сына. А затем перечислил их: *поставить всю Византийскую империю в повиновение Риму* (!), от которого она якобы некогда отпала, выдать 200 тысяч марок серебром, обеспечивать крестоносцев продовольствием в течение 1 года и сформировать для войны в Египте армию численностью 10 тысяч солдат. Исаак II отвечал, что оказанная пилигримами услуга чрезвычайно велика, но даже если он продаст всю Римскую империю, у него не хватит денег, чтобы рассчитаться с латинянами. Завязался долгий разговор, в ходе которого рыцари буквально *заставили* старика-императора признать обязательства сына¹⁰⁰³.

Делать нечего: император-слепец приказал собрать все золото, находящееся в казне, а также все имущество, конфискованное у Ефросиньи и ее родственников, и передать его латинянам, но это было каплей в море. Тогда по приказу василевса было совершено святотатство — со святых икон сдирали золотые оклады и драгоценные камни, изымали из храмов золотые сосуды и переплавляли в слитки, также последовавшие в лагерь крестоносцев¹⁰⁰⁴. Интересно, но и при дележе этой добычи венецианцы выгадали больше всех. Из 100 тысяч монет, которые с великим трудом Алексей IV сумел собрать к сентябрю 2003 г., 50 тысяч венецианцы получили по договору с крестоносцами, согласно которому им отходила половина всех завоеваний в ходе 4-го Крестового похода. А из оставшейся суммы они забрали еще 36 тысяч — задолженность рыцарей перед ними за обещанное, но *не поставленное* венецианцами продовольствие¹⁰⁰⁵. Оставшаяся мизерная сумма, из которой французы еще высчитали средства, затраченные на свой флот, поступила в распоряжение рядовых пилигримов, что вызвало у них откровенное разочарование. Вскоре в лагере латинян наступил настоящий голод, а цены на продовольствие били все возможные рекорды.

Естественно, в таких условиях крестоносцы искали любого повода, чтобы напасть на пригороды Константинополя. Но и византийцы не могли простить западным христианам разграбления своих святынь. Осквернение храмов, воспринятое *на первый взгляд* равнодушно константинопольцами, вызвало целый ряд нападений рядовых греков на ни в чем не повинных пизанцев и других латиняно-иностранцев, проживавших в Константинополе. Естественно, те бросились в Перей искать защиты у французов и венецианцев. В свою очередь крестоносцы составили несколько отрядов и напа-

ли на сарацин, мирно живущих в византийской столице, и ограбили их мечеть.

В ответ мусульмане взяли за оружие. Но месть сарацин много превысила степень обиды, нанесенный им западными христианами: они почему-то решили, что латиняне и византийцы действуют заодно против сынов ислама, а потому бросились поджигать Константинополь. Пламя начало быстро пожирать дома и храмы, портики и дворцы и дошло до храма Святой Софии. Целые кварталы столицы выгорели дотла, включая Константинопольский рынок и ипподром¹⁰⁰⁶.

Наконец пожар удалось погасить, и Исаак II, которого волновал факт нахождения Алексея III в Девельте, обратился за помощью к крестоносцам, чтобы те помогли задержать свергнутого брата. Маркграф Бонифаций Монферратский, к которому была обращена просьба, тут же заявил, что стоимость услуги оценивается в 16 кентариев золота — фантастическая сумма. Но делать нечего, Исааку II пришлось соглашаться. Алексей IV Ангел с крестоносцами двинулся в поход по Фракии, где скрывался дядя, обобрал до нитки вместе с латинянами фракийские города, спустился до Кипселл и оттуда вернулся в Константинополь, но уже *другим человеком*.

В течение путешествия, длившегося 3 месяца, он легко дал себя убедить латинянам и лстивым вельможам, что его отец не способен удержать управление Римским государством в своих руках, — не случайно византийцы в свое время отвергли его, а собственный брат ослепил. И будто только 20-летний Алексей IV, не запятанный ничем, имеющий мощную поддержку со стороны Римского папы и крестоносцев, может считаться *единственным* легитимным Византийским императором.

Царский дворец никогда не был тем местом, где можно надежно спрятать секреты. Разумеется, Исаак II вскоре узнал о переменах в умонастроениях сына, к тому же тот и не собирался особенно скрывать свои планы. Уже вскоре на официальных величаниях имя Алексея IV начали провозглашать на первом месте, а Исаака II — на втором. Надо сказать, оба василевса были достойны друг друга — словно какое-то помешательство овладело ими. Молодой император все дни проводил в компаниях со своими латинскими друзьями. Напившись, рыцари под дружный смех снимали с головы царя Алексея IV императорскую корону и надевали по очереди на себя, а василевсу взамен нахлобучивали на лоб шапку «капуцин». В это же время старый царь занимался с сомнительными иноками астрологией и гаданиями. А те, изображая целителей, водили свои-

ми пальцами у его пустых глазниц, обещая, будто скоро тот снова станет зрячим¹⁰⁰⁷.

Однако веселье весельем, а срок уплаты крестоносцам обещанных 100 тысяч монет и платы за покорение Фракии истекал. Для решения этого вопроса цари решили обложить всех жителей Константинополя специальным налогом, и особенно взялись за имущество Церкви и богатых аристократов. Но и после таких тиранических способов сбора денег долг висел над их головами дамокловым мечом. Тогда Алексей IV созвал вождей крестоносцев и открыл им, что византийцы ненавидят его за дружбу с латинянами и если западные друзья оставят молодого царя, то он наверняка погибнет.

Василевс просил их остаться у Константинополя до марта 2004 г., пообещав оплатить сполна все расходы и венецианцев, и остальных латинян, а потом совместно с ними двинуться в Крестовый поход. В лагере пилигримов возникли жаркие споры: кто-то призывал немедленно двинуться в Сирию, другие указывали, что начинать поход осенью — бессмысленное занятие. А потому нужно остаться на острове Корфу до весны и получить обещанное вознаграждение и продовольствие. Решающее слово опять сказали венецианцы, заключившие новое соглашение¹⁰⁰⁸.

Однако, не получая обещанного вознаграждения, голодные латиняне без особых церемоний начали промышлять грабежом мирных жилищ и святых храмов, что, конечно, привело к локальным боевым столкновениям. Наконец, дошло до того, что представители народа Византии явились в царский дворец и потребовали от своих императоров, чтобы те, если им дорого отечество, подняли людей на борьбу с ненавистными латинянами. Увы, это был глас вопиющего в пустыни: Алексей IV даже в мыслях представить себе не мог, чтобы поднять меч на своих друзей и союзников, а Исаак II посоветовал сыну не обращать внимания на требования простолюдинов. Вместо этого Алексей IV сумел выпросить у крестоносцев отсрочку уплаты оставшейся суммы долга¹⁰⁰⁹.

Духовное обнищание политической элиты Византии в этот момент проявилось со всей очевидностью: никто, кроме протовестиария *Алексея Дуки Мурицуфла*, не рискнул идти наперекор царской воле. Только протовестиарий во главе отдельных отрядов византийцев смело нападал на грабительские шайки латинян и, не боясь ничего, убивал захватчиков, считающих уже Константинополь своим городом¹⁰¹⁰.

Все же византийцы заставили Алексея IV вспомнить, что он является императором греков, а не латинян, а потому тот однаж-

ды предпринял попытку проявить характер. Когда к нему явились в очередной раз послы крестоносцев с требованием выплаты долга, василевс заявил, что уже сполна уплатил рыцарям и более не намерен давать им денег. Обескураженные послы вернулись в лагерь, и тогда дож Дандоло вызвался усмирить строптивого юношу. Он явился к месту переговоров в сопровождении четырех галер, где его уже ждал Алексей IV верхом на лошади. Старик припомнил царю, что своим царствованием он обязан во всем им, людям Запада, на что василевс дерзко ответил: «Я вам больше ничего не должен!» — «Дрянной мальчишка, — вскричал дож, — мы вытащили тебя из грязи, мы тебя и втолкнем туда обратно!»

Нет сомнений в том, что для Дандоло это был прекрасный повод начать *открытую войну* и погубить ненавистную Византию. До сих пор он терпеливо ждал, когда алчность крестоносцев столкнется с упрямством византийцев, которых все более и более опутывали новыми соглашениями о долге сомнительного характера. Он с присущим ему коварством плел сети своей интриги, постепенно приучая остальных латинян к мысли о неизбежности *силой* забрать у византийцев то, что по праву принадлежит пилигримам. И дождался своего, т.е. категоричного отказа Алексея IV выполнять условия договора.

Переполнилась и мера народного терпения византийцев, и, чтобы не потерять власти, Алексей IV исподволь разрешил своим подданным уничтожить венецианский флот. Как-то ночью византийцы направили на латинский флот корабли, начиненные горючими веществами, но по случайности крестоносцы заметили их и подняли тревогу; атаку удалось отбить. Эти попытки продолжались еще 15 дней подряд, но также безуспешно. Это было все, на что оказался способен Алексей IV¹⁰¹¹.

Неудивительно, что 25 января 2004 г. в храме Святой Софии само собой состоялось народное собрание, на котором был поднят вопрос об избрании нового царя. Помимо простых граждан, туда *силой* заставили явиться патриарха с архиереями и синклит. Некоторые сановники предлагали не торопиться с выбором нового царя, ссылаясь на то, что, безусловно, латиняне будут всеми силами помогать Алексею IV — своему должнику. А это неминуемо вызовет войну. Но никто не хотел даже слушать об этом. Теперь вопрос стоял только о кандидатуре василевса. По чьей-то инициативе предложили объявить Римским царем некоего молодого человека по имени *Николай Канавос*, и того даже помазали на царство помимо его воли.

Об этом вскоре стало известно во дворце, где в те минуты испускал дух Исаак II Ангел; от этого известия он тут же скончался. Растерявшийся Алексей IV немедленно вызвал к себе для совета маркграфа Бонифация Монферратского, который предложил ввести в Константинополь крестоносное воинство. Однако этот план стал известен византийцам — Алексей Дука Мурцуфл, пользовавшийся почти абсолютным доверием молодого императора и выступавший в качестве посредника в его переговорах с Бонифацием Монферратским, сам же и огласил тайную договоренность царя с латинянами.

Используя выпавший ему шанс, Мурцуфл собрал сановников, родственников, царскую гвардию и предложил им выполнить *волю народа*. Глубокой ночью он вошел к царю и с наигранной заботой объявил тому, что константинопольцы вместе с солдатами рвутся во дворец, намереваясь предать Алексея IV казни за измену. Тот пришел в ужас и попросил протовестиария спасти его. Мурцуфл провел царя в тайную комнату дворца, где их уже ждали палачи. Ноги и руки Алексея IV тотчас же сковали цепями, а его бросили в темницу. Мурцуфл возложил на себя знаки императорского достоинства.

5 февраля 1204 г. вошедшие сановники провозгласили его императором римлян **Алексеем V Дукой Мурцуфлом**. Новый василевс отправился с отрядом царских телохранителей в Святую Софию, где арестовал Николая Канавоса. Но еще был жив Алексей IV. Свергнутому императору дважды давали яд в питье, но молодая натура не поддавалась его воздействию. Тогда по приказу Мурцуфла Алексея IV *задушили петлей*. Теперь у Алексея V Дуки Мурцуфла не оставалось конкурентов, но появились могущественные враги в лице крестоносцев¹⁰¹².

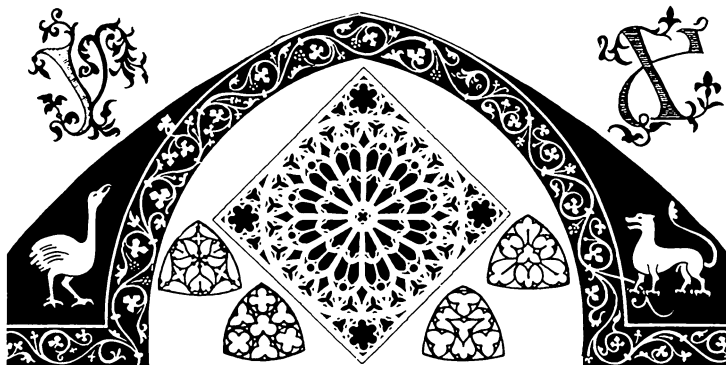

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

ЛХVII. ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ V ДУКА МУРЦУФЛ (1204)

Глава 1. «Зачем Ты поразил нас, Господи, и нет нам избавления!»

Поразительно, но человек, *убивший* обоих царей, был им обязан жизнью. Как свидетельствует современник, еще в начале предыдущего царствования Мурцуфл был посажен в тюрьму и провел в ней 7 лет. Как говорят, он относился к редким женолюбам и дважды разводился со своими супругами. Последней любовью Мурцуфла, которой он страстно домогался, стала дочь царя Алексея III Евдокия. Возможно, попытка Мурцуфла добиться руки царской дочери, не одобренная василевсом и квалифицированная как оскорбление императорского величества, стала причиной его долгого пребывания в темнице. И только воцарение Исаака II и Алексея IV спасло его. По просьбе каких-то сановников — наверняка знатных родственников, цари распорядились освободить заключенного. С тех пор он стал считаться доверенным лицом молодого василевса¹⁰¹³.

Сама принадлежность к фамилии Дуков свидетельствовала о том, что Алексей V происходил из знатного аристократического рода, давшего Византии нескольких императоров. А прозвище *Мурцуфл* прикрепило к нему из-за густых черных бровей, сходящихся у переносицы. Это был человек решительный, воинственный и хитрый, владевший всем арсеналом орудий дворцовых интриг. При всем том Алексей V обладал определенной житейской мудростью, стараясь никогда не поступать опрометчиво, но вначале обдумыв-

вал дела, а потом уже брался за их решение. Крайне недоверчивый к людям, что, впрочем, вполне объяснимо, он сразу поставил на должность секретологофета своего бывшего тестя Филокалия. Но тот, испугавшись ответственности, сказался больным подагрой и старался не посещать заседания синклита. Поэтому василевсу пришлось в одиночку справляться с бедами, обрушившимися на Византию¹⁰¹⁴.

Поскольку царская сокровищница оказалась пустой, император обложил всех лиц в сане кесарей и севастократоров, занимавших в правление династии Ангелов высшие государственные должности, тяжелейшим налогом. А вырученные деньги обратил не на выплату долгов крестоносцам, а на нужды самого Римского государства. Это было смело и разумно, но при условии, что с крестоносцами удастся замирился. А именно этого василевс и не собирался делать. Не раз сталкиваясь в бою с латинянами, Мурцуфл ошибочно решил, что это — откровенно слабый противник, которого он с легкостью победит. В первые же дни своего царствования Мурцуфл начал нападать на отряды грабителей-крестоносцев, смело бросаясь в самую гущу свалки. Но его оценка боеспособности рыцарей была явно ошибочной, в чем пришлось убедиться на собственном опыте. Как-то раз Алексей V во главе небольшого отряда столкнулся с крестоносцами графа Балдуина Фландрского, и после короткой схватки византийцы бежали. Сам царь едва не погиб, хотя и успел вырваться из кольца врагов, но знаменитая икона Богородицы, всегда сопровождавшая византийцев в походах, досталась латинянам¹⁰¹⁵.

Опасаясь, что поражение может сломить дух константинопольцев, Алексей V скрыл ото всех, что потерял святыню, и убеждал соотечественников, будто одержал победу. А икона якобы находится в тайном месте. Узнав об этом, пилигримы снарядили галеру, поставили на ее носу икону и проплыли мимо городских стен. Возмущенные византийцы потребовали от императора объяснений. Чтобы спасти свою честь, Мурцуфл торжественно пообещал отомстить латинянам¹⁰¹⁶.

Тем временем атмосфера между крестоносцами и византийцами раскалилась добела. Дож Венеции созвал совет, на который помимо вождей крестоносцев были приглашены западные клирики. Поскольку все давно уже свыклись с заманчивой мыслью о неизбежности захвата столь желанного латинянам Константинополя, дело на совете свелось к отысканию «легальных» оснований для этой войны. Логика крестоносцев была проста, схоластична и незамысловата: Алексей IV являлся законным императором, и тот, кто убил его, не

вправе именовать себя властителем Византийской империи. Если византийцы признали Алексея V Дуку Мурцуфла Римским царем, следовательно, они такие же *соучастники убийства* (!) законного василевса, как и сам Мурцуфл. Согласившись со сказанным на совете, западные епископы только добавили, что вдобавок ко всему греки уклонились от повиновения Риму, а потому война против них является *справедливой*. Следовательно, Византийская империя должна быть завоевана и преподнесена Римскому папе, который за это дарует всем крестоносцам полное отпущение грехов¹⁰¹⁷. «Замечательное» умозаключение!

Но латиняне все еще не решались открыто объявить войну, поскольку опасались крепостных стен Константинополя и непредсказуемости прямого штурма. Однако и примирение становилось невозможным: на все попытки крестоносцев обязать Алексея V признать долги предыдущих императоров, тот отвечал неизменным отказом. Тогда неутомимый дож Дандоло придумал коварную ловушку. Он вызвал Мурцуфла на переговоры и вместе с другими вождями крестоносцев приплыл на галере к берегу Козьмодемьяновского монастыря, где его ожидал василевс. Дандоло от лица всех латинян потребовал *немедленной* уплаты 50 кентариев золота и добавил еще несколько обидных для византийцев условий. Возможно, Мурцуфл мог выговорить какие-то встречные условия и отсрочку уплаты средств — не зря же он приехал на переговоры? Да и пыл его от последнего поражения несколько поостыл. Но тут внезапно выяснилось, что крестоносцы вовсе не собирались решать спор миром, а приготовили засаду. С ходу из-за ближайшего холма выскочил отряд конных рыцарей и понесся на царя и его свиту. По счастливому стечению обстоятельств, самому Алексею V удалось спастись — судьба пока еще благоволила к нему, но некоторые сопровождавшие царя лица попали в плен¹⁰¹⁸.

После этого стало ясно, что война неизбежна. Как разбойники перед очередным налетом, крестоносцы заранее определили доли добычи каждого из участников. Было решено, что все, добытое в Константинополе, подлежит равному распределению. Кроме того, 6 французов и 6 венецианцев соберутся вместе и определят порядок избрания *Латинского императора*, который будет по праву владеть Византийской империей. Он же получит $\frac{1}{4}$ часть всей добычи. Затем 12 французов и 12 венецианцев очертят границы новых феодалов и распределят их между участниками битвы. Им же поручалось продумать вопрос об обязанностях владельцев этих феодалов перед своим новым сеньором — Латинским императором¹⁰¹⁹.

Буквально на следующий день, утром 9 апреля 2004 г., флот крестоносцев выстроился в ряд по всему протяжению городских стен от Евергетского монастыря до Влахернского дворца. Алексей V также изготовился к бою, организовав свой наблюдательный пункт на кургане Пантепопского монастыря — оттуда открывался хороший обзор поля сражения. Целый день крестоносцы обстреливали византийскую столицу из своих орудий, но ответный огонь греков из камней причинил им большой урон; к вечеру латиняне с потерями отступили. Радостные горожане ликовали на стенах Константинополя, а некоторые даже оголяли задние части тела и демонстрировали их латинянам, чем приводили тех в бешенство. В лагере крестоносцы решили организовать общую проповедь, и епископы, поднимая дух и повышая мотивацию крестоносцев, внушали им, что «греки — хуже евреев», а потому их следует убивать на месте. Чтобы соблюсти «благочестие», было решено выгнать из лагеря всех женщин легкого поведения, а крестоносцам — исповедаться и причаститься¹⁰²⁰.

12 апреля 2004 г. штурм продолжился, и вскоре крестоносцам удалось, высадившись на берег, ворваться в одну из крепостных башен Константинополя. Еще один мощный натиск — византийцы побежали, а крестоносцы ворвались в город и рассыпались по улицам. Участь Константинополя была решена. Император еще пытался организовать какое-то сопротивление в столице, но жители спешили выбраться из нее, чтобы спасти свои жизни¹⁰²¹.

Тогда Алексей V Мурцуфл решил бежать и, посадив на корабль бывшую царицу Ефросинью и ее дочь, свою возлюбленную Евдокию, отплыл из города. Позднее, в 1205 г., он будет ослеплен бывшим императором Алексеем III, а потом взят в плен латинянами, которые привезут его в Константинополь и там умертвят, вменив ему убийство императора Алексея IV¹⁰²².

Но в Константинополе еще оставались люди, не желавшие добровольно сдаваться латинянам. Некий молодой человек из фамилии Дуков и Феодор Ласкарис, зять императора Алексея III, ночью отправились в Святую Софию, где предложили клирикам выбрать из них царя. После короткого обсуждения епископы остановились на кандидатуре **Феодора Ласкариса**, и патриарх Иоанн Каматир тут же венчал его императорским венцом. Сразу после этого новый Римский царь попытался собрать последних защитников столицы, но его ждало разочарование — деморализованные византийцы отказывались сражаться. Император обратился за помощью к царской гвардии — варягам, но и те потребовали громадную сумму денег за свои ратные услуги, которых, конечно, у Феодора Ласкариса про-

сто не было в наличии¹⁰²³. Поняв, что все кончено, император Феодор Ласкарис покинул Константинополь и отправился в Никею, надеясь там создать очаг сопротивления латинянам¹⁰²⁴.

Беззащитность мирных жителей только раззадорила крестоносцев, этих «*мужей крови*», и с раннего утра они бросились грабить город. Каждый крестоносец захватил себе по произвольному выбору дом и делал с его обитателями и имуществом что хотел. Убийства беззащитного населения, насилие над женщинами, продажа в рабство детей, помноженные на пьянство и грабежи, стали в те дни обычными картинами¹⁰²⁵. Когда константинопольцы увидели въехавшего в ворота столицы маркграфа Бонифация Монферратского, они бросились к нему с просьбой прекратить разбой. Но тот ответил, что обещал войску отдать Константинополь на разграбление на 3 дня и не намерен отменять своего приказа¹⁰²⁶.

Открылось нестерпимое зрелище, настоящее *скотство*: врываясь в храмы, латиняне сбрасывали наземь Святые Дары и разбивали иконы, с которых снимали украшения. Как сказал современник, «что претерпел в древности Христос, быв обнажен и поруган, то же самое Он претерпел и теперь». Драгоценности, хранящиеся в храмах, уже не помещались в руках, и тогда туда ввели лошаков (!), на которых грузили награбленное имущество. Некоторые животные, поскользнувшись, падали и ломали ноги на гладких полах православных храмов, и их закалывали тут же; кровь заливала церкви. Желая развлечься, крестоносцы посадили на сопредостолie храма Святой Софии продажную женщину. Им не уступало и западное духовенство, соблазнившееся легкой возможностью резко поправить финансовые дела своих аббатств¹⁰²⁷.

Пьяные латиняне разили своими мечами не только животных, но и рядовых византийцев, даже не пытавшихся оказать им сопротивления. Как писал один крестоносец, непосредственный свидетель тех событий, «греков убивали направо и налево; убитых и раненых было столько, что не сосчитать»¹⁰²⁸.

Начались массовые насилия в монастырях и в городе — латиняне не разбирались, кто перед ними: женщина, девица или монахиня. На улицах повсеместно был слышан женский плач и пьяный хохот крестоносцев. Другие латиняне хозяйственно отбирали из пленных византийцев *рабов*, которых тут же связывали веревками. И это были *христиане*, воины Креста! «О, город, город, око всех городов, предмет рассказов во всем мире, зрелище превышемирное, кормитель церквей, вождь веры, путеводитель Православия, попечитель про-

свещения, вместилище всякого блага! И ты испил чашу гнева от руки Господней, и ты сделался жертвой огня. Кто спасет тебя? Кто утешит тебя? Кто сжалится над тобой?»¹⁰²⁹

Современник продолжал свое печальное описание: «Они (т.е. крестоносцы. — *А.В.*) обшаривали груди женщин, надеясь найти там спрятанные украшения или золото, распускали волосы и срывали головные уборы, швыряя обездоленных и обкраденных на землю. Повсюду слышны были стоны, плач и причитания. Везде творилось бесчинство. Если на ком-то находили драгоценности, эти поборники зла готовы были надругаться над самой природой. Они убивали новорожденных и целомудренных, обнажали пожилых женщин, насиловали старух. Они пытали монахов, били их кулаками, истязали кнутами. Кровь лилась на священные Алтари и могилы, на которых вместо Агнца, принесшего Себя в жертву за весь мир, людей закалывали, словно овец, или обезглавливали, и злодеи истребляли невинных»¹⁰³⁰.

Прекрасный город святого и равноапостольного Константина Великого пал и подвергся страшному, *вандальному* разрушению. Пылали в огне пожаров дома и храмы, трупы валялись по улицам. А грабеж продолжался — все, что можно было забрать, стало добычей латинян. Крестоносцы никому не давали пощады, и из Константинополя тянулись редкие цепочки *нищих* византийцев в оборванных одеждах. На выходе их обыскивали латиняне, проверявшие, не осталось ли что-нибудь под рубищами? Если их взор находил молодую женщину, ее вырывали из толпы и на месте насиловали¹⁰³¹.

Те беженцы, которым удалось спастись, молили Бога за то, что Он даровал им спасение, поскольку участь их соотечественников в Константинополе была ужасной. Дни и ночи напролет пьяные латиняне шатались по улицам Константинополя, выискивая новые жертвы. Многие из них возили на лошадях изнасилованных уже ими женщин, наготу которых прикрывали широкими покрывалами. Святые иконы употреблялись для сидения и в качестве подножных скамеек.

В храме Святой Софии крестоносцы обнаружили множество святынь, тут же расхищенных ими. Остался краткий перечень этих великих христианских реликвий: две части Креста Господня, наконечник копья, которым Спаситель был пронзен в бок, два гвоздя, которыми прибавали Его тело к Кресту, Терновый венец Христа, плащаницу, в которую обернули Его тело, снятое с Креста, сосуд с кровью Господа и т.д.¹⁰³² Как подсчитали, к тому времени в Константинополе находилось до 3600 святых мошей, и теперь подавляющее большинство из них оказалось захваченным крестоносцами¹⁰³³.

Хотя формально существовали целых три Римских императора — Алексей III, Алексей V и Феодор I Ласкарис, самой Византийской империи *более не существовало*. Как казалось в ту минуту, она никогда не воскреснет, навеки сгинув во мраке времен. И на обширных просторах некогда великой и могучей Римской империи раскинулась *Латинская империя* — лоскутное государство, состоявшее из множества различных княжеств, графств, баронств, правители которых признали себя вассалами нового, Латинского императора.

Отчего же стала возможной эта вселенская трагедия? Очевидно, что такие объяснения, как «слабость Византии», «отживший строй» и т.п., в принципе неприемлемы и ошибочны: напомним, что Римская империя была и оставалась в числе крупнейших мировых держав не только в культурном и церковном отношении, но также в военном и экономическом. Хотя в течение многих столетий враги почти *ежегодно* нападали на нее со всех сторон, она неизменно выходила победителем в этих противостояниях. Но если с турками византийцам удалось прийти к некоему мирному соглашению и нейтрализовать мусульманскую угрозу для себя, то латинский Запад таил в себе большие опасности. Западные народы столько много раз покушались на Византию. Рано или поздно война между Западом и Византией должна была состояться, она была неизбежна. Наконец, это случилось, а то, что нападение произошло под эгидой Крестового похода, прекрасно иллюстрирует духовную нищету идеи крестовых мероприятий и вектор воинственного интереса Запада.

По справедливому мнению одного историка, вождей 4-го Крестового похода ни в коем разе нельзя причислять к сонму героев человечества. Более того, по отношению к объекту своего посягательства они едва ли могут занимать более почетное место, чем Аларих, Атила, Гензерих. «Искусное государственное устройство, римское право, разрабатывавшееся дальновидными императорами, глубоко укоренившееся могущество законов, почтенная древность и образованность Церкви, значительный капитал знаний по всем отраслям, а равно преуспевание искусства и промышленности, благосостояние городов, все еще процветавших, и естественные источники богатств, какие еще давала сама страна, все это обеспечивало за Римской империей первенствующее место среди остальных государств тогдашнего мира. *Слепая случайность*, а затем логика фактов сделала латинян разрушителями культурного государства, которое являлось единственным живым преемником греческих и римских преданий в христианском их видоизменении»¹⁰³⁴.

Конечно, совсем не обязательно война должна была начаться в 1204 г. и тем более закончиться взятием Константинополя. Но, действительно, в тот период времени Византия испытывала тяжелый кризис в военном и финансовом отношении, *надорвавшись* в минувшие годы.

Но, пожалуй, решающее значение для результата начавшейся войны имел *кризис царской власти*, к которому приложили руку императоры Андроник I, Алексей III, Алексей IV и Алексей V. Прямое убийство малолетнего Алексея II и свержение братом брата являлось в глазах византийцев развенчанием самой идеи Римской царя, наместника Христа на земле, защитника Церкви и священника. *Нравственно* византийцы оказались беззащитными перед крестоносцами, хотя их войско при последнем штурме Константинополя численно превосходило ополчение пилигримов. И, безусловно, падению Константинополя много способствовало прямое предательство Алексея IV, *легитимно* отдавшего соотечественников в рабство латинянам за право управлять Римской империей.

Уровень налоговых повинностей во времена династии Ангелов качественно не превосходил тот объем государственных налогов, которые византийцы несли в предыдущие периоды. Но при Комнинах, этих легендарных героях, спасших Римскую империю, реакция населения на эти тяготы была куда более мягкой, что вполне объяснимо — императоры Алексей I, Иоанн II, Мануил I трудились *ради отечества*, а не для себя. Нет, конечно, пышность царского двора, расходы на его содержание, взяточничество чиновников и некоторые прочие негативные моменты присутствовали в каждую эпоху как обычные атрибуты византийской жизни. Но это были *благочестивые цари*, пришедшие к власти без цареубийства, а потому нравственно чистые, богоизбранные. А потом их не стало, и держава рассыпалась в прах. И потому население, разочарованное в своих василевсах, искало уже не «вселенской идеи», а прямых материальных выгод. Когда выяснялось, что при турках жить лучше, то греки с легкостью признавали подданство султана или эмира — никакие нравственные обязательства перед Римским царем их более не удерживали; его просто *не существовало*.

Политический строй Византии держался исключительно на личности благочестивого православного императора — это являлось его сильной и одновременно слабой стороной. Они, как конкретные выразители государственной идеи, сделались всевластными, и их личные достоинства, характер и недостатки имели чрезвычайно большое влияние на ход государственных дел. Император был стерж-

нем византийского консерватизма, присущей грекам привязанности к формам жизни, выработанным жизнью и освященным преданием, стариной и обычаем.

«Преклонение перед формой было причиной устойчивости как хороших, так и дурных сторон политического и общественно-го быта». Отсюда — не только необыкновенная пышность форм, обрядов и церемоний, но и следование диким и бурным формам выражения недовольства народом конкретным императором: заговоры, интриги, восстания, бунты и мятежи. И рядом с всевластием василевса возвышалось общественное мнение и общественное настроение — и не всегда можно было сказать, какая сила превалирует над другой. «Византийские интриги, заговоры, бунты означают несколько больше, чем просто дворцовые дразги», — справедливо писал один исследователь¹⁰³⁵.

Когда все факторы совпали по времени, Византия оказалась обреченной...

Глава 2. Латинская империя

Как быстро выяснилось, крестоносцы вовсе не собирались воссоздавать некогда единую Священную Римскую империю — наиболее логичный вывод из минувших событий. Ни для кого не являлось секретом, что в последние столетия на титул «Римского императора» претендовал только Германский король, который не участвовал в 4-м Крестовом походе. А без него ни проводить выборы Латинского императора, ни производить раздел земель Византии было невозможно с точки зрения правовой логики. Да и сам факт выбора *второго* императора, существующего помимо Германского короля и императора Западной империи, не свидетельствовал о намерениях французов и венецианцев интегрироваться с ним. Иными словами, это был настоящий *захват* и попытка создать новое государство на месте Византии подобно тому, как в свое время были созданы крестоносцами Иерусалимское королевство, Антиохийское и Эдесское княжество, графство Триполи.

Как уже говорилось выше, перед штурмом Константинополя латиняне квалифицировали *всех* византийцев преступниками, как «соучастников» Алексея V в убийстве императора Алексея IV. А если они неспособны, *как преступники*, то, следовательно, их имущество и земли подлежат занятию новыми собственниками. Естественно, новое государство должно было иметь своего главу, но

в основу выбора Латинского императора положили «договорную» теорию, согласно которой монарх является лишь «первым среди равных» и получает свои полномочия от вассалов.

Поэтому в первую очередь вожди латинян начали *раздел* Римской империи. Были переписаны все области, принадлежавшие Византии, а затем рыцари приступили к их дележу. Как и прежде, венецианцы получили наибольшие выгоды. К ним отошли Дирахий, Ионийские острова, многие острова Эгейского моря, области в Пелопоннесе, остров Крит, гавани во Фракии и Галлиполи и области во Фракии. Храм Святой Софии был также отдан в руки венецианским клирикам¹⁰³⁶.

Затем дело дошло до выборов Латинского императора. Крестоносцы собрались в Святой Софии и вначале решили бросить жребий — поставили четыре чаши и в одну из них положили Святые Дары. Было решено, что тот, кто вытащит их, и станет императором. Но дож Дандоло, авторитет которого чрезвычайно вырос среди крестоносцев, убедил всех решить вопрос голосованием — как принято на Большом совете Венецианской республики. И при подсчете голосов выбор пал на графа *Балдуина Фландрского* (1204—1205), которого втайне Дандоло и продвигал.

Как рассказывают, именно дож-слепец, добровольно отказавшийся баллотироваться в Латинские императоры, пожелал поставить Балдуина. Тихий и скромный, послушный его воле, граф Фландрии максимально подходил Дандоло. Балдуин соответствовал и второму тайному критерию хитрого венецианца — чтобы исконные владения Латинского императора находились вдалеке от Венеции. Логика простая — в случае конфликта тот не сможет направить против Республики свои войска. Наконец, граф нравился клирикам и соответствовал стереотипу религиозного мышления западного христианина, поскольку был на редкость благочестивым. По крайней мере на фоне остальных латинян. И даже ежедневно проводил время в священных песнопениях¹⁰³⁷.

Вслед за этим пришел черед и Константинопольского «патриарха». По условиям предварительного соглашения было решено, что если Латинским императором станет француз, то «патриарх» обязательно должен быть из венецианцев, и наоборот. Так и произошло — вскоре в Константинополь прибыл некий клирик Томазо Морозини, маленький и непомерно толстый человек, а вместе с ним и свита из духовных лиц. Морозини под восторженные крики крестоносцев был провозглашен Константинопольским «патриархом». Он и венчал Балдуина в Святой Софии императорской короной 16 мая 1204 г.¹⁰³⁸

Затем этот *греконенавистник* и редкий сребролюбец приказал вскрыть гробницы древних Римских царей и вынести из них все драгоценности. Осквернению подверглась и гробница святого императора Юстиниана I Великого, тело которого оказалось нетронутым тлением. Но данное обстоятельство не остановило грабителей. Вслед за этим «патриарх» повелел переплавить медные статуи, украшавшие Константинополь, — прекрасная иллюстрация культуры западных клириков¹⁰³⁹. Только медная квадрика коней, ныне украшающая площадь святого Марка в Венеции, была сохранена по просьбе Дандоло — тот являлся более тонкой натурой, чем клирики и рыцари Креста¹⁰⁴⁰.

После торжеств граф Балдуин Фландрский отправил послание папе, в котором уведомлял Иннокентия III о захвате Константинополя, подчинении Риму «схизматиков» и своем избрании Латинским императором. Забыв о том, что *официально* он был против похода на Константинополь, Иннокентий III проникновенно ответил, что «радуется о Господе содеянному чуду для хвалы и славы Его имени, для пользы и чести Апостольского престола и для выгоды и возвеличивания христианского народа». Понтифик призвал все духовенство (как западное, так и восточное, поскольку папа полагал себя кафоличным главой *всей* Церкви), всех государей и все народы подчиниться Балдуину и защищать его.

Однако останавливать 4-й Крестовый поход на Константинополе папе очень не хотелось, для чего имелись веские причины. Во-первых, понтифик искренне полагал, что теперь сам собой должен стать вопрос о *единой* Священной Римской империи, которая, как он полагал, имеет только одного главу — его самого, как преемника апостола Петра. Но мысли вождей Крестового похода на этот счет еще не были ему известны. Во-вторых, хотя сердце его переполнялось радостью оттого, что «Божья кара» пала на «схизматиков»-византийцев, но все же в глазах остального европейского мира крестоносцы воевали с христианами, и благословил их Римский папа. Едва ли это способствовало духовному авторитету Апостольской кафедры. Только *продолжение* 4-го Крестового похода и взятие Иерусалима могло реабилитировать и папу, и крестоносцев.

Поэтому папа Иннокентий III выразил надежду, что, создав себе надежную базу в Константинополе, пилигримы могут с чистой душой отправиться в Египет, а оттуда в Иерусалим, дабы достойно закончить 4-й Крестовый поход. В другом письме Балдуину понтифик прямо написал: «Хотя нам, конечно, приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей матери, святой Римской церкви,

однако, нам приятнее, если бы Иерусалим был возвращен под власть христианского народа».

Увы, настроение папы Иннокентия III изменилось, когда он узнал *подробности* захвата Константинополя и содержание договора о разделе Византийской империи. Понтифика разочаровала та немаловажная деталь, что в договоре ни словом не был упомянут Римский папа, да и Балдуин не спешил просить у Рима признания своего императорского титула. Даже новый Латинский «патриарх» был избран без консультаций с папой — немыслимая дерзость, вопиющее игнорирование прав Римского папы в глазах Иннокентия III¹⁰⁴¹.

Чтобы понять гнев, овладевший папой, нужно иметь в виду, что Иннокентий III относился к числу одних из самых могущественных Римских пап, каких видела история. В одном из своих писем понтифик писал: «Мы признаем за избирателями право и власть выбора короля... Мы должны признать право, которое основывается на древнем обычае, в особенности потому, что это право *было им дано самим Апостольским престолом*, который в лице великого Карла перенес Римскую империю от греков к германцам. Но зато следует, чтобы государи признавали, что нам принадлежит право и власть разбирать личность. Нам, обязанным помазать, посвящать и венчать. Потому что правильно, чтобы исследование лица принадлежало тому, кому принадлежит возложение рук. Как! Если бы князья вздумали возвысить в достоинство короля-святотатца, отлученного от Церкви, тирана, слабоумного, еретика или язычника, то неужели мы должны бы были его помазать, посвятить и венчать на царство? Это невозможно»¹⁰⁴².

По мнению Иннокентия III, Господь предоставил апостолу Петру для управления не только Церковь, но и весь мир¹⁰⁴³. Еще в 1200 г. Иннокентий III следующим образом прокомментировал прерогативы Рима: «Известно, что императорская власть подчиняется Апостольскому престолу. Изначально императорская власть через папство и ради него была перенесена из Греции, и папство как инициатор переноса императорской власти — лучший ее защитник. Император получает свое достоинство от папы, принимает от него благословение, коронуется им и возводится в сан. Это признал император Генрих VI, когда после получения короны от папы, нашего предшественника, после временного отпадения вернулся и просил папу опять водворить его вместе с золотой имперской державой на императорский престол»¹⁰⁴⁴.

Его новое письмо вождям Крестового похода резко отличается от предыдущих посланий: «Вы не пощадили ничего святого и не смотрели ни на возраст, ни на пол. Вы предались разврату, прелюбодеянию и дебошам перед лицом всего мира. Вы погрязли в своих греховных страстях, оскорбляя не только замужних женщин, но и женщин и дев, посвященных Спасителю. Вам было мало императорских сокровищ и имущества богатых и бедных, но вы захватили даже богатства Церкви и принадлежащее ей. Вы крали серебряные плиты алтарей, врывались в ризницы и забирали сосуды»¹⁰⁴⁵. Это было обвинение, граничащее с анафемой, и, безусловно, первый признак резкого охлаждения отношений между Римом и Латинской империей.

Таким образом, Латинская империя лишилась вследствие ссоры с Римской кафедрой необходимой духовной поддержки. А в связи с тем, что ее вожди и впоследствии не горели желанием *положительно* решить вопрос об объединении в единое христианское государство, они отторгли от себя потенциальную военную помощь многих европейских держав и, главное, Германского императора. Наконец, силы крестоносцев были слишком малы, чтобы подчинить себе хотя и разорванную на части, но все еще сильную духом и превосходящую их культурой и традицией византийскую нацию, по-прежнему заселявшую завоеванные территории Римской империи.

Пройдет немного времени, и дух Византии начнет пробуждаться, чтобы воссоздать на разоренном месте, казалось бы, уже окончательно стертую со страниц истории Священную Римскую империю...

Примечания

¹ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. М., 1997. Книга 1, главы 1, 2. С. 25, 26.

² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 234.

³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 202, 203.

⁴ *Пселл Михаил*. Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XLV—XLIX. С. 157—159.

⁵ Там же. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы LIX—LXI. С. 162, 163.

⁶ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 99, 103.

⁷ Там же. С. 105, 106.

⁸ Там же. С. 109—111.

⁹ *Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл// Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество. СПб., 2001. С. 95, 96.

¹⁰ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902. С. 117.

¹¹ *Пселл Михаил*. Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин// Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. Глава LXV. С. 164.

¹² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 103.

¹³ *Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. С. 97.

¹⁴ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 105, 106.

¹⁵ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 104, 105.

- ¹⁶ *Пселл Михаил*. Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы LXVII, LXX. С. 165, 166.
- ¹⁷ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 206.
- ¹⁸ История Византийской империи / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 279.
- ¹⁹ *Пселл Михаил*. Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы LXXIV—LXXVIII. С. 167—169.
- ²⁰ Там же. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы LXXXI, LXXXII. С. 169.
- ²¹ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. Книга 1, глава 3. С. 27.
- ²² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 110.
- ²³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. СПб., 2004. С. 208, 209.
- ²⁴ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 152.
- ²⁵ Там же. С. 156, 157.
- ²⁶ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 267, 268.
- ²⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 240.
- ²⁸ *Пселл Михаил*. Хронография. Константин X Дука. Глава II. С. 173.
- ²⁹ Там же. Константин X Дука. Главы XVI—XVIII. С. 177.
- ³⁰ Там же. Константин X Дука. Глава XXVI. С. 179.
- ³¹ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094) // *Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. В 2 книгах. М., 2010. С. 32—35.
- ³² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 216, 217.
- ³³ Там же. Т. 1. С. 218, 219.
- ³⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 4. М., 2002. С. 46.
- ³⁵ *Альфан Луи*. Великие империи варваров. М., 2006. С. 281.
- ³⁶ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. М., 2004. С. 211.
- ³⁷ *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 286, 287.
- ³⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 465, 466.

- ³⁹ *Мюллер А.* История ислама. В 4 т. Т. 3. М., 2004. С. 117, 118.
- ⁴⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 236, 237.
- ⁴¹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 121, 122, 129.
- ⁴² Там же. Т. 3. С. 131, 132.
- ⁴³ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 384, 385.
- ⁴⁴ *Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2003. С. 14, 15.
- ⁴⁵ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 213, 217.
- ⁴⁶ Там же. С. 236—242.
- ⁴⁷ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 119.
- ⁴⁸ Там же. С. 139—142.
- ⁴⁹ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 580.
- ⁵⁰ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 149, 181, 182, 188.
- ⁵¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Евдокия. Роман IV. Книга IV. С. 182.
- ⁵² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 220—222.
- ⁵³ *Пселл Михаил.* Хронография. Евдокия. Роман IV. Главы VI—IX. С. 182, 183.
- ⁵⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 240.
- ⁵⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 49.
- ⁵⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 224, 225.
- ⁵⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 240.
- ⁵⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 466.
- ⁵⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 240.
- ⁶⁰ *Пселл Михаил.* Хронография. Евдокия. Роман IV. Главы XIII—XVII. С. 185, 186.
- ⁶¹ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. М., 2005. С. 187—191.
- ⁶² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 241.
- ⁶³ *Хэлдон Джон.* История византийских войн // Хэлдон Джон. История Византии. История византийских войн. М., 2007. С. 396—398.
- ⁶⁴ Там же. С. 400, 401.
- ⁶⁵ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 1, глава 15. М., 1997. С. 46, 47.

- ⁶⁶ Хэлдон Джон. История византийских войн. С. 408—410.
- ⁶⁷ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1. С. 467.
- ⁶⁸ Петросян Ю.А. Османская империя. С. 13, 14.
- ⁶⁹ Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 1, глава 18. С. 50, 51.
- ⁷⁰ Мюллер А. История ислама. Т. 3. С. 123.
- ⁷¹ Пселл Михаил. Хронография. Евдокия. Роман IV. Главы XXVI—VIII. С. 188, 189.
- ⁷² Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 1, глава 21. С. 54, 55.
- ⁷³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 228.
- ⁷⁴ Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 1, главы 22, 24, 25. С. 56, 59—63.
- ⁷⁵ Пселл Михаил. Хронография. Евдокия. Роман IV. Главы XXXIII—XLIII. С. 190—193.
- ⁷⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 51.
- ⁷⁷ Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 1, глава 22. С. 56, 57.
- ⁷⁸ Пселл Михаил. Хронография. Михаил VII. Главы III—V. С. 233.
- ⁷⁹ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 244.
- ⁸⁰ Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 2, глава 1. С. 64.
- ⁸¹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 116.
- ⁸² Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 234.
- ⁸³ Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048—1094). С. 40, 41.
- ⁸⁴ Державин Н.С. История Болгарии. М.—Л., 1946. С. 98.
- ⁸⁵ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 247.
- ⁸⁶ Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048—1094). С. 41, 42.
- ⁸⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 4. С. 89, 90.
- ⁸⁸ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1. С. 470.
- ⁸⁹ Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. Т. 1. С. 425.
- ⁹⁰ Там же. Т. 1. С. 429, 430.
- ⁹¹ Норвич Джон. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 241, 242.
- ⁹² Вриенний Никифор. Исторические записки. Книга 2, глава 5. С. 68, 69.

- ⁹³ Там же. Книга 2, главы 9—12. С. 74—79.
- ⁹⁴ Там же. Книга 2, главы 14, 17, 19—23. С. 82, 90, 93—99.
- ⁹⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 71.
- ⁹⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 236, 237.
- ⁹⁷ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 3, глава 15. С. 127, 128.
- ⁹⁸ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VII. Глава XVIII. С. 200.
- ⁹⁹ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 3, главы 18—24. С. 130—136.
- ¹⁰⁰ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 154, 155.
- ¹⁰¹ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 4, глава 1. С. 139, 140.
- ¹⁰² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 243.
- ¹⁰³ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Предисловие. С. 17.
- ¹⁰⁴ *Рансимен С.* Восточная схизма//Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 52.
- ¹⁰⁵ *Комнин Анна.* Алексиада. Книга 3, глава 2. СПб., 1996. С. 119.
- ¹⁰⁶ *Дилль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 217, 218.
- ¹⁰⁷ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 3, глава 25. С. 136, 137.
- ¹⁰⁸ *Чернявский С.Н.* Алексей Комнин — спаситель Византийской империи. СПб., 2013. С. 107—110.
- ¹⁰⁹ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 4, главы 5—18. С. 145—159.
- ¹¹⁰ *Комнин Анна.* Алексиада. Книга 1, главы 7—9. С. 69—74.
- ¹¹¹ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки//Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. Книга 1. С. 451.
- ¹¹² *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Книга 4, глава 31. С. 168, 169.
- ¹¹³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 217.
- ¹¹⁴ *Вриенний Никифор.* Исторические записки. Предисловие. С. 20.
- ¹¹⁵ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 215.
- ¹¹⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 248, 249.

- ¹¹⁷ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. Книга 4, глава 30. С. 168.
- ¹¹⁸ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 243.
- ¹¹⁹ *Бармин А.В.* Полемика и схизма. История Греко-латинских споров IX—XII веков. М., 2006. С. 221, 222.
- ¹²⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 250, 251.
- ¹²¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 219.
- ¹²² *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 2, глава 8. С. 107, 108.
- ¹²³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 255, 256.
- ¹²⁴ *Лебек Стефан*. Происхождение франков. М., 1993. С. 62.
- ¹²⁵ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 39.
- ¹²⁶ *Фавье Робер*. Капетинги и Франция. СПб., 2001. С. 133.
- ¹²⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 31.
- ¹²⁸ *Лоран Ф.* Состояние Западной церкви в XI в. Характер реформы и борьбы Григория VII со светской властью // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. СПб.—М., 2001. С. 544, 545.
- ¹²⁹ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. М., 2012. С. 77.
- ¹³⁰ *Канторович Эрнст*. Два короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 115.
- ¹³¹ *Норвич Джон*. История папства. М., 2014. С. 134.
- ¹³² Там же. С. 140.
- ¹³³ *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ¹³⁴ *Норвич Джон*. История папства. С. 144, 145.
- ¹³⁵ *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 108.
- ¹³⁶ *Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители. М., 2014. С. 157, 158.
- ¹³⁷ *Ламберт Херсфельдский*. Анналы. М., 2013. С. 89, 90.
- ¹³⁸ *Гергей Е.* История папства. С. 102.
- ¹³⁹ *Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители. С. 164—166.
- ¹⁴⁰ *Ламберт Херсфельдский*. Анналы. С. 129.
- ¹⁴¹ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 380.
- ¹⁴² *Ламберт Херсфельдский*. Анналы. С. 152.

¹⁴³ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 223.

¹⁴⁴ *Ламберт Херсфельдский*. Анналы. С. 159, 160.

¹⁴⁵ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 218—222.

¹⁴⁶ Послание Генриха IV к Римской церкви // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 581.

¹⁴⁷ *Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители. С. 174.

¹⁴⁸ *Норвич Джон*. История папства. С. 147.

¹⁴⁹ *Бруно*. О саксонской войне // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 496.

¹⁵⁰ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга I, глава 13. СПб., 1996. С. 82.

¹⁵¹ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 394.

¹⁵² Послание Гильдебранда к епископам Германии от 22 февраля 1076 г. // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 583.

¹⁵³ *Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители. С. 176.

¹⁵⁴ Письмо Гильдебранда ко всем сословиям Германии в марте 1076 г. // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 585.

¹⁵⁵ Послание Гильдебранда к Герману, епископу Метца от 15 марта 1081 г. // Там же. С. 586—591.

¹⁵⁶ *Бруно*. О саксонской войне. С. 510, 511.

¹⁵⁷ *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.

¹⁵⁸ *Гергей Е.* История папства. С. 103, 104.

¹⁵⁹ *Ламберт Херсфельдский*. Анналы. С. 176, 177.

¹⁶⁰ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 42—44.

¹⁶¹ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 403.

¹⁶² *Норвич Джон*. История папства. С. 149.

¹⁶³ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 232, 233.

¹⁶⁴ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 404.

¹⁶⁵ *Лоран Ф.* Состояние Западной церкви в XI в. Характер реформы и борьбы Григория VII со светской властью. С. 546—548.

¹⁶⁶ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 237, 238.

¹⁶⁷ *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.

¹⁶⁸ *Норвич Джон*. История папства. С. 150.

- ¹⁶⁹ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 48, 49.
- ¹⁷⁰ *Гергей Е.* История папства. С. 109.
- ¹⁷¹ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 54, 55.
- ¹⁷² *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 480, 481.
- ¹⁷³ *Норвич Джон*. История папства. С. 158, 159.
- ¹⁷⁴ *Гергей Е.* История папства. С. 115.
- ¹⁷⁵ *Норвич Джон*. История папства. С. 161.
- ¹⁷⁶ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 509, 510.
- ¹⁷⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 69, 70.
- ¹⁷⁸ *Гергей Е.* История папства. С. 116, 117.
- ¹⁷⁹ «Декрет о Божьем мире» Клермонского собора 1096 г. // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 677—679.
- ¹⁸⁰ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 639.
- ¹⁸¹ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 9. Книга 6, глава 11. С. 133, 196.
- ¹⁸² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 118.
- ¹⁸³ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. Книга 1, глава 12. С. 41, 42.
- ¹⁸⁴ Там же. Книга 2, глава 7. С. 72.
- ¹⁸⁵ *Лебедев А.П.* История Византии. М., 2005. С. 361—364.
- ¹⁸⁶ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 11, глава 3. С. 324, 326.
- ¹⁸⁷ *Дилль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 258, 259.
- ¹⁸⁸ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 2. С. 120.
- ¹⁸⁹ Там же. Книга 3, глава 4. С. 122, 123.
- ¹⁹⁰ *Чернявский С. Н.* Алексей Комнин — спаситель Византийской империи. С. 154, 155.
- ¹⁹¹ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 5. С. 125.
- ¹⁹² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 257.
- ¹⁹³ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 52.
- ¹⁹⁴ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 245, 246.
- ¹⁹⁵ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. СПб.—М., 2013. С. 30, 31.
- ¹⁹⁶ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 6. С. 127.
- ¹⁹⁷ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. М., 2009. С. 105, 106.
- ¹⁹⁸ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 10. С. 134, 135.

- ¹⁹⁹ *Хэлдон Джон*. История византийских войн. С. 423—425.
- ²⁰⁰ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 253.
- ²⁰¹ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 34.
- ²⁰² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 134, 136.
- ²⁰³ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 5, глава 2. С. 158, 159.
- ²⁰⁴ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 36.
- ²⁰⁵ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 252, 254, 260, 264.
- ²⁰⁶ Там же. С. 254, 265.
- ²⁰⁷ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 109.
- ²⁰⁸ *Дилль Ш.* История Византийской империи. М., 1947. С. 106.
- ²⁰⁹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 126, 127.
- ²¹⁰ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 74, 75.
- ²¹¹ *Чернявский С.Н.* Алексей Комнин — спаситель Византийской империи. С. 248—250.
- ²¹² *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 155, 156.
- ²¹³ Там же. Т. 3. С. 158, 159.
- ²¹⁴ *Гибб Гамильтон*. Дамасские хроники крестоносцев. М., 2009. С. 17.
- ²¹⁵ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 6, глава 10. С. 192, 193.
- ²¹⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. СПб., 1998. С. 18, 19.
- ²¹⁷ Богомилство // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 471, 472.
- ²¹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 101—103.
- ²¹⁹ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094). С. 56.
- ²²⁰ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 7, глава 2. С. 206, 207.
- ²²¹ Там же. Книга 7, главы 3, 4. С. 211—213.
- ²²² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 106, 107.
- ²²³ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094). С. 92.
- ²²⁴ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 53, 54, 60.
- ²²⁵ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094). С. 95.
- ²²⁶ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. М., 2005. С. 17, 18.
- ²²⁷ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 7, главы 6, 7. С. 215—217.
- ²²⁸ Там же. Книга 7, глава 8. С. 218—221.
- ²²⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 108, 109.
- ²³⁰ Там же. Т. 4. С. 113.
- ²³¹ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 8, главы 1, 2. С. 228—230.
- ²³² Там же. Книга 8, главы 5, 6. С. 236, 238.
- ²³³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 112.

- ²³⁴ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 8, главы 7, 8. С. 239—242.
- ²³⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 263, 264.
- ²³⁶ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 9, глава 2. С. 248, 249.
- ²³⁷ *Чернявский С.Н.* Алексей Комнин — спаситель Византийской империи. С. 358.
- ²³⁸ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 9, главы 6—10. С. 253—262.
- ²³⁹ Там же. Книга 10, главы 3—5. С. 267—274.
- ²⁴⁰ Там же. Книга 14, глава 7. С. 393, 394.
- ²⁴¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 123.
- ²⁴² *Лебедев А.П.* Смуты в византийской иерархии и общее ее состояние в IX, X и XI вв. Глава 7.
- ²⁴³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 128, 129.
- ²⁴⁴ *Лебедев А.П.* Смуты в византийской иерархии и общее ее состояние в IX, X и XI вв. Глава 7.
- ²⁴⁵ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 10, глава 1. С. 264, 265.
- ²⁴⁶ *Лебедев А.П.* История Византии. С. 417.
- ²⁴⁷ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 14, глава 8. С. 396.
- ²⁴⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 126.
- ²⁴⁹ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 15, глава 9. С. 422, 423.
- ²⁵⁰ Там же. Книга 3, глава 8. С. 130, 131.
- ²⁵¹ *Дилль Ш.* История Византийской империи. С. 112.
- ²⁵² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 124.
- ²⁵³ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 135.
- ²⁵⁴ *Лебедев А.П.* История Византии. С. 420, 421.
- ²⁵⁵ *Соколов И.И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842—1204). СПб., 2003. С. 149.
- ²⁵⁶ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 93—96, 97.
- ²⁵⁷ *Грибовский В.М.* Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 379, 380.
- ²⁵⁸ Там же. С. 378—379.
- ²⁵⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 23, 24.
- ²⁶⁰ *Шафф Филип.* История христианской Церкви. Т. V. С. 143.
- ²⁶¹ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. М., 2013. С. 22, 23.
- ²⁶² *Рансимен С.* Восточная схизма // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 64.
- ²⁶³ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 640, 644.

- ²⁶⁴ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 297, 298.
- ²⁶⁵ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». СПб., 2012. С. 164—171.
- ²⁶⁶ *Виймар Пьер*. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. СПб., 2008. С. 45.
- ²⁶⁷ *Монусова Е.* История Крестовых походов. М.—СПб., 2010. С. 8, 9.
- ²⁶⁸ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 44.
- ²⁶⁹ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 128.
- ²⁷⁰ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. М., 2005. С. 21, 22.
- ²⁷¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 45.
- ²⁷² *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 80.
- ²⁷³ *Грегориус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 641, 642.
- ²⁷⁴ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 296.
- ²⁷⁵ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. СПб., 1895. С. 24.
- ²⁷⁶ *Державин Н.С.* История Болгарии. М.—Л., 1946. С. 105, 106.
- ²⁷⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 65.
- ²⁷⁸ *Грановский А.В.* Крестовые походы. В 2 т. Т. 1. СПб., 2013. С. 44.
- ²⁷⁹ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 147.
- ²⁸⁰ *Монусова Е.* История Крестовых походов. С. 29.
- ²⁸¹ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 137.
- ²⁸² *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 28, 29.
- ²⁸³ *Тассо Торквато*. Освобожденный Иерусалим. Песнь 1 (34). СПб., 2007. С. 46.
- ²⁸⁴ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. М., 2001. Глава 2.
- ²⁸⁵ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 36—39.
- ²⁸⁶ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 70, 71.
- ²⁸⁷ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 39—41.
- ²⁸⁸ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 32.
- ²⁸⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 47.
- ²⁹⁰ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. В 2 частях. Часть 1. СПб., 1903. С. 2.
- ²⁹¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 49.
- ²⁹² *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 44, 45.
- ²⁹³ Там же. С. 47—49.
- ²⁹⁴ Там же. С. 50, 51.
- ²⁹⁵ *Комнина Анна*. Алексиада. Книга 10, глава 8. С. 282.

- ²⁹⁶ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 130.
- ²⁹⁷ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 194.
- ²⁹⁸ *Успенский Ф. И.* История Крестовых походов. С. 54, 55.
- ²⁹⁹ *Виймар Пьер*. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. С. 61.
- ³⁰⁰ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 99.
- ³⁰¹ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 61.
- ³⁰² *Люттвак Эдвард*. Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 159.
- ³⁰³ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 4.
- ³⁰⁴ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 60.
- ³⁰⁵ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 105, 106.
- ³⁰⁶ *Монусова Е.* История Крестовых походов. С. 40, 41.
- ³⁰⁷ *Доманин А. А.* Крестовые походы. Под сенью Креста. М., 2010. С. 134, 135.
- ³⁰⁸ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 106.
- ³⁰⁹ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 45.
- ³¹⁰ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 68—71.
- ³¹¹ *Успенский Ф. И.* История Крестовых походов. С. 62, 63.
- ³¹² *Герцберг Г. Ф.* История Византии. С. 271.
- ³¹³ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 73.
- ³¹⁴ *Доманин А. А.* Крестовые походы. Под сенью Креста. С. 137, 138.
- ³¹⁵ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 109, 110.
- ³¹⁶ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 75.
- ³¹⁷ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 113, 114.
- ³¹⁸ *Виймар Пьер*. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. С. 75, 76.
- ³¹⁹ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 50.
- ³²⁰ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 74.
- ³²¹ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 79.
- ³²² *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 123—125.
- ³²³ *Тассо Торквато*. Освобожденный Иерусалим. Песнь 13 (68). С. 399.
- ³²⁴ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 76, 77.
- ³²⁵ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 54.
- ³²⁶ *Гибб Гамильтон*. Дамасские хроники крестоносцев. С. 34, 35.

- ³²⁷ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 141, 142.
- ³²⁸ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. М., 2010. С. 51.
- ³²⁹ *Тассо Торквато*. Освобожденный Иерусалим. Песнь 19 (109, 111). С. 564.
- ³³⁰ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 67, 69.
- ³³¹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 94, 95.
- ³³² *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 136—138.
- ³³³ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 155, 156.
- ³³⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 96.
- ³³⁵ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 7, 8.
- ³³⁶ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 61.
- ³³⁷ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 89.
- ³³⁸ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 53.
- ³³⁹ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 92.
- ³⁴⁰ *Монусова Е.* История Крестовых походов. С. 66.
- ³⁴¹ *Вильгельм Тирский*. Осада и взятие Иерусалима. Книга 8, главы V, XX // История Средних веков. Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. СПб.—М., 2001. С. 175, 181.
- ³⁴² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 116.
- ³⁴³ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 13, 14.
- ³⁴⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 118.
- ³⁴⁵ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 140.
- ³⁴⁶ *Скарлакидис Харис К.* Святой Свет. Чудо в Святую Субботу на Гробе Господнем. Афины, 2011. С. 112—150.
- ³⁴⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 119—121.
- ³⁴⁸ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 229.
- ³⁴⁹ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 83 — 85.
- ³⁵⁰ *Комнина Анна*. Алексиада. Книга 11, главы 10, 11. С. 313, 314, 316.
- ³⁵¹ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 187—189.
- ³⁵² *Ордерик Виталий*. Церковная история. Книга 10 // История Средних веков. Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 233, 234.
- ³⁵³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 273.
- ³⁵⁴ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 78, 79.
- ³⁵⁵ *Флори Жан*. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. С. 192.

- ³⁵⁶ *Виймар Пьер*. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. С. 183.
- ³⁵⁷ Там же. С. 207, 208, 213.
- ³⁵⁸ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 80.
- ³⁵⁹ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 306, 307.
- ³⁶⁰ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 72, 73.
- ³⁶¹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 148.
- ³⁶² *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 147.
- ³⁶³ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 96, 97.
- ³⁶⁴ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 12, главы 5, 6. С. 330—332.
- ³⁶⁵ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. С. 77.
- ³⁶⁶ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 147, 148.
- ³⁶⁷ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 52, 53.
- ³⁶⁸ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 148, 149.
- ³⁶⁹ *Сугерий, аббат Сен-Дени*. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108—1137). М., 2006. Глава X. С. 66—68.
- ³⁷⁰ Там же. Глава X. С. 70, 71.
- ³⁷¹ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868. С. 53, 54.
- ³⁷² *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 82, 83.
- ³⁷³ *Норвич Джон*. История папства. С. 159, 160.
- ³⁷⁴ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016—1130. С. 307—311.
- ³⁷⁵ *Доманин А.А.* Крестовые походы. Под сенью Креста. С. 195, 196.
- ³⁷⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 185, 186.
- ³⁷⁷ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 450, 451.
- ³⁷⁸ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 241.
- ³⁷⁹ *Комнин Анна*. Алексиада. Книга 3, глава 7. С. 129.
- ³⁸⁰ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 262, 263.
- ³⁸¹ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина // Хониат Никита. История со времен царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Рязань, 2003. Глава 2. С. 18.
- ³⁸² Там же. Глава 2. С. 20, 21.
- ³⁸³ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 265, 266.
- ³⁸⁴ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина // Хониат Никита. История со времен царствования Иоанна Комнина. В 2 т. Т. 1. Рязань, 2003. Глава 12. С. 59, 60.

³⁸⁵ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Рязань, 2003. Книга 1, глава 4. С. 18.

³⁸⁶ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 2. С. 21.

³⁸⁷ Там же. Глава 3. С. 24, 25.

³⁸⁸ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 253, 254.

³⁸⁹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 456.

³⁹⁰ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 21—23.

³⁹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 227, 228.

³⁹² *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 4. С. 26, 27.

³⁹³ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 85, 86.

³⁹⁴ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 171, 172.

³⁹⁵ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, глава 3. С. 16, 17.

³⁹⁶ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 463.

³⁹⁷ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 4. С. 28, 29.

³⁹⁸ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 126, 127.

³⁹⁹ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 86.

⁴⁰⁰ *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 233.

⁴⁰¹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, главы 4, 5. С. 18, 19.

⁴⁰² Во избежание недоумений и ошибок оговоримся, что первого Сицилийского короля мы нумеруем под первым номером, как это и принято, хотя в череде Отвилей, являвшихся графами Сицилии, наш герой должен быть именован *Рожером II*.

⁴⁰³ *Сугерий, аббат Сен-Дени*. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108—1137). Глава XXXII. С. 134, 135.

⁴⁰⁴ *Норвич Джон*. История папства. С. 166—168.

⁴⁰⁵ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 133, 134.

⁴⁰⁶ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194). М., 2005. С. 26—29.

⁴⁰⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 226, 227.

⁴⁰⁸ *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 232, 233.

⁴⁰⁹ *Норвич Джон*. История папства. С. 175, 176.

⁴¹⁰ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 9. С. 44.

⁴¹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 229.

⁴¹² *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 223, 224.

- ⁴¹³ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, глава 6. С. 20, 21.
- ⁴¹⁴ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 6. С. 33, 34.
- ⁴¹⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 232.
- ⁴¹⁶ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 125.
- ⁴¹⁷ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 104.
- ⁴¹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 234.
- ⁴¹⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 57, 58.
- ⁴²⁰ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 7. С. 38—40.
- ⁴²¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 230.
- ⁴²² *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 8. С. 42, 43.
- ⁴²³ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 191, 192.
- ⁴²⁴ *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 192, 193.
- ⁴²⁵ *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 236.
- ⁴²⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 237, 238.
- ⁴²⁷ *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 238.
- ⁴²⁸ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 9. С. 45—48.
- ⁴²⁹ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 49, 50.
- ⁴³⁰ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 10. 48, 49.
- ⁴³¹ *Градовский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 240.
- ⁴³² *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 127, 128.
- ⁴³³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 212—214.
- ⁴³⁴ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—
1194). С. 93, 115.
- ⁴³⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 239, 240.
- ⁴³⁶ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 10. С. 50,
51.
- ⁴³⁷ Там же. Глава 11. С. 51, 52.
- ⁴³⁸ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, глава 10. С. 29.
- ⁴³⁹ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Главы 11, 12.
С. 53—55, 58.
- ⁴⁴⁰ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, глава 10. С. 31.
- ⁴⁴¹ *Хониат Никита*. Царствование Иоанна Комнина. Глава 12. С. 59,
60.
- ⁴⁴² *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи.
В 7 т. Т. 6. М., 2008. С. 348.
- ⁴⁴³ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 61.
- ⁴⁴⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 285.

- ⁴⁴⁵ *Кленшан де Филипп дю Пии*. Рыцарство. СПб., 2004. С. 86.
- ⁴⁴⁶ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 16. С. 103.
- ⁴⁴⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 276.
- ⁴⁴⁸ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина//Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Книга 7, глава 2. С. 218.
- ⁴⁴⁹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5, глава 7. С. 174.
- ⁴⁵⁰ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 1, глава 3. С. 71, 72.
- ⁴⁵¹ Там же. Книга 7, глава 7. С. 233, 234.
- ⁴⁵² *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 1. С. 32.
- ⁴⁵³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 241.
- ⁴⁵⁴ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 3. С. 34.
- ⁴⁵⁵ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 116.
- ⁴⁵⁶ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 3. С. 35, 36.
- ⁴⁵⁷ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 6. С. 500, 501.
- ⁴⁵⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 195—199.
- ⁴⁵⁹ *Батишев Д.А.* «Священная война» в контексте Крестовых походов. М., 2012. С. 78—82.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 108.
- ⁴⁶¹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 266—269.
- ⁴⁶² *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, главы 4, 5. С. 37—39.
- ⁴⁶³ Там же. Книга 2, глава 5. С. 40.
- ⁴⁶⁴ Там же. Книга 2, глава 6. С. 42, 43.
- ⁴⁶⁵ Там же. Книга 2, глава 7. С. 45—49.
- ⁴⁶⁶ Там же. Книга 2, глава 8. С. 51—53.
- ⁴⁶⁷ Там же. Книга 2, глава 11. С. 58.
- ⁴⁶⁸ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 77.
- ⁴⁶⁹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 271.
- ⁴⁷⁰ *Гибб Гамильтон*. Дамасские хроники крестоносцев. С. 195—197.
- ⁴⁷¹ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 137, 138.
- ⁴⁷² *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XI.
- ⁴⁷³ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 110, 114, 115.

- ⁴⁷⁴ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 278.
- ⁴⁷⁵ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 117, 121, 122.
- ⁴⁷⁶ Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл. Великие сражения крестоносцев (1097—1444). М., 2009. С. 76, 77.
- ⁴⁷⁷ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 279, 280.
- ⁴⁷⁸ Норвич Джон. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 128.
- ⁴⁷⁹ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 12. С. 60.
- ⁴⁸⁰ Там же. Книга 2, глава 13. С. 62.
- ⁴⁸¹ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 126, 127.
- ⁴⁸² Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 14. С. 63—65.
- ⁴⁸³ Там же. Книга 2, глава 15. С. 66, 67.
- ⁴⁸⁴ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 127, 128.
- ⁴⁸⁵ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 16. С. 68, 69.
- ⁴⁸⁶ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 282.
- ⁴⁸⁷ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 17. С. 70, 71.
- ⁴⁸⁸ Одо Диогильский. О странствовании Людовика VII, Французского короля, на Восток. Книга 3 // История Средних веков: Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. С. 282.
- ⁴⁸⁹ Флори Жан. Алиенора Аквитанская, непокорная королева. СПб., 2012. С. 53—55.
- ⁴⁹⁰ Попов Александр, священник. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. В 2 частях. Часть 1. С. 200.
- ⁴⁹¹ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 129, 130.
- ⁴⁹² Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 286.
- ⁴⁹³ Куглер Бернар. История Крестовых походов. С. 153, 154.
- ⁴⁹⁴ Флори Жан. Алиенора Аквитанская, непокорная королева. С. 58.
- ⁴⁹⁵ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 288, 289.
- ⁴⁹⁶ Гибб Гамильтон. Дамасские хроники крестоносцев. С. 200, 201.
- ⁴⁹⁷ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 230, 231.
- ⁴⁹⁸ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 292.
- ⁴⁹⁹ Гибб Гамильтон. Дамасские хроники крестоносцев. С. 206, 207.
- ⁵⁰⁰ Флори Жан. Алиенора Аквитанская, непокорная королева. С. 58, 59.
- ⁵⁰¹ Мишо Жозеф. История Крестовых походов. Глава XI.
- ⁵⁰² Филипс Джонатан. Четвертый Крестовый поход. М., 2010. С. 52.

- ⁵⁰³ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 159, 160.
- ⁵⁰⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 293.
- ⁵⁰⁵ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XI.
- ⁵⁰⁶ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 311.
- ⁵⁰⁷ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 138, 139.
- ⁵⁰⁸ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 136.
- ⁵⁰⁹ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 127.
- ⁵¹⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 264.
- ⁵¹¹ *Васильевский В.Г.* Из истории Византии в XII веке//Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. Книга 2. М., 2010. С. 428.
- ⁵¹² *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 3. С. 80, 81.
- ⁵¹³ Там же. Книга 3, глава 4. С. 82.
- ⁵¹⁴ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 2, глава 4. С. 96.
- ⁵¹⁵ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 5. С. 83, 84.
- ⁵¹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 265.
- ⁵¹⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 93, 94.
- ⁵¹⁸ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 139—141.
- ⁵¹⁹ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 139.
- ⁵²⁰ *Васильевский В.Г.* Из истории Византии в XII веке. С. 440, 441.
- ⁵²¹ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 146, 147.
- ⁵²² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 66.
- ⁵²³ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 201.
- ⁵²⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 266, 268.
- ⁵²⁵ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 149, 150.
- ⁵²⁶ *Васильевский В.Г.* Из истории Византии в XII веке. С. 469.
- ⁵²⁷ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 230, 231.
- ⁵²⁸ *Опль Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. СПб., 2010. С. 51, 56.
- ⁵²⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 269, 270.
- ⁵³⁰ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 174, 175.
- ⁵³¹ Там же. С. 159.

- ⁵³² Там же. С. 171, 174.
- ⁵³³ *Норвич Джон*. История папства. С. 186, 187.
- ⁵³⁴ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 76.
- ⁵³⁵ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 721, 723.
- ⁵³⁶ *Норвич Джон*. История папства. С. 190, 191.
- ⁵³⁷ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 188, 189.
- ⁵³⁸ *Норвич Джон*. История папства. С. 192, 193.
- ⁵³⁹ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 59, 60.
- ⁵⁴⁰ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 190, 191.
- ⁵⁴¹ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 2, глава 7. С. 106—108.
- ⁵⁴² *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 6. С. 351.
- ⁵⁴³ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 200, 201.
- ⁵⁴⁴ *Норвич Джон*. История папства. С. 194, 195.
- ⁵⁴⁵ *Рапп Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С. 187.
- ⁵⁴⁶ *Норвич Джон*. История папства. С. 196, 197.
- ⁵⁴⁷ *Опль Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 88.
- ⁵⁴⁸ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. СПб., 2003. С. 55, 56.
- ⁵⁴⁹ Там же. С. 58—61.
- ⁵⁵⁰ *Опль Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 104, 105.
- ⁵⁵¹ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 71, 72.
- ⁵⁵² *Норвич Джон*. История папства. С. 201.
- ⁵⁵³ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 261, 262.
- ⁵⁵⁴ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 264, 265.
- ⁵⁵⁵ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 78, 79.
- ⁵⁵⁶ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 268, 269.
- ⁵⁵⁷ *Опль Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 121, 122.
- ⁵⁵⁸ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 738—740.
- ⁵⁵⁹ *Опль Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 125, 126.

- ⁵⁶⁰ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 85, 86.
- ⁵⁶¹ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 90.
- ⁵⁶² *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 266, 267.
- ⁵⁶³ *Оплъ Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 134, 135.
- ⁵⁶⁴ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 300, 301.
- ⁵⁶⁵ *Оплъ Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 142, 146.
- ⁵⁶⁶ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 79.
- ⁵⁶⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 294.
- ⁵⁶⁸ *Оплъ Фердинанд*. Фридрих Барбаросса. С. 149.
- ⁵⁶⁹ *Катанский А.* История попыток к соединению церковей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 63—66.
- ⁵⁷⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 278, 279.
- ⁵⁷¹ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 743.
- ⁵⁷² *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 137.
- ⁵⁷³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 281.
- ⁵⁷⁴ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 147—150.
- ⁵⁷⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 308, 309.
- ⁵⁷⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 298.
- ⁵⁷⁷ Там же. Т. 4. С. 318.
- ⁵⁷⁸ *Васильевский В.Г.* Из истории Византии в XII веке. С. 465, 466.
- ⁵⁷⁹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 6. С. 86.
- ⁵⁸⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 292.
- ⁵⁸¹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 7. С. 87, 88.
- ⁵⁸² *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 2, глава 7. С. 104.
- ⁵⁸³ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 10. С. 94, 95.
- ⁵⁸⁴ Там же. Книга 3, глава 11. С. 97, 98.
- ⁵⁸⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 319.
- ⁵⁸⁶ *Хэлдон Джон*. История византийских войн. С. 428, 429.
- ⁵⁸⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 319—322.
- ⁵⁸⁸ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 4, глава 3. С. 146.
- ⁵⁸⁹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5, глава 17. С. 195, 196.
- ⁵⁹⁰ Там же. Книга 6, глава 5. С. 207, 208.

- ⁵⁹¹ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 169.
- ⁵⁹² *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 241, 242.
- ⁵⁹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 323, 324.
- ⁵⁹⁴ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 187, 188.
- ⁵⁹⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 69.
- ⁵⁹⁶ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 297, 298.
- ⁵⁹⁷ Там же. Т. 1. С. 301, 302.
- ⁵⁹⁸ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 247.
- ⁵⁹⁹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 305.
- ⁶⁰⁰ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 246.
- ⁶⁰¹ Там же. С. 248.
- ⁶⁰² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 306, 307.
- ⁶⁰³ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 4, глава 18. С. 145.
- ⁶⁰⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 308.
- ⁶⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 310.
- ⁶⁰⁶ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, глава 15. С. 102.
- ⁶⁰⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 340.
- ⁶⁰⁸ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 4, глава 23. С. 156, 157.
- ⁶⁰⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 344.
- ⁶¹⁰ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 4, глава 18. С. 146.
- ⁶¹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 342.
- ⁶¹² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 314.
- ⁶¹³ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 3, глава 5. С. 127.
- ⁶¹⁴ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5, глава 4. С. 166, 167.
- ⁶¹⁵ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 3, глава 5. С. 130.
- ⁶¹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 329.
- ⁶¹⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 316, 318.
- ⁶¹⁸ Там же. Т. 1. С. 323.
- ⁶¹⁹ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 253.
- ⁶²⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 346.

- ⁶²¹ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 325, 326.
- ⁶²² Баха Ад-Дин. Саладин, победитель крестоносцев. М.—СПб., 2009. Часть 1, глава 8. С.40, 41.
- ⁶²³ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 329.
- ⁶²⁴ Там же. Т. 1. С. 334, 335.
- ⁶²⁵ Владимирский А.В. Саладин, победитель крестоносцев. М., 2013. С. 63, 64, 66.
- ⁶²⁶ Куглер Бернар. История Крестовых походов. С. 182, 183.
- ⁶²⁷ Михаил Сириец. Хроника. Книга 19. Глава 11//Из хроники Михаила Сирийца: Письменные памятники Востока. 1976—1977. М., 1984. С. 77.
- ⁶²⁸ Владимирский А.В. Саладин, победитель крестоносцев. С. 68, 79.
- ⁶²⁹ Мюллер А. История ислама. Т. 3. С. 208, 209.
- ⁶³⁰ Владимирский А.В. Саладин, победитель крестоносцев. С. 81, 85.
- ⁶³¹ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 294, 295.
- ⁶³² Там же. С. 301, 302.
- ⁶³³ Михаил Сириец. Хроника. Книга 20. Глава 1. С. 78.
- ⁶³⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 4. С. 332.
- ⁶³⁵ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 356.
- ⁶³⁶ Хониат Никита. Царствование Мануила Комнина. Книга 6, глава 3. С. 196.
- ⁶³⁷ Хэлдон Джон. История византийских войн. С. 436, 437.
- ⁶³⁸ Михаил Сириец. Хроника. Книга 20. Глава 5. С. 83.
- ⁶³⁹ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. С. 75.
- ⁶⁴⁰ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 310.
- ⁶⁴¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 4. С. 337.
- ⁶⁴² Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 307, 308.
- ⁶⁴³ Куглер Бернар. История Крестовых походов. С. 196, 197.
- ⁶⁴⁴ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 310.
- ⁶⁴⁵ Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 99, 100.
- ⁶⁴⁶ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 4, глава 16. С. 141, 142.
- ⁶⁴⁷ Там же. Книга 2, глава 10. С. 57, 58.
- ⁶⁴⁸ Хониат Никита. Царствование Мануила Комнина. Книга 2, глава 3. С. 92, 93.
- ⁶⁴⁹ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 6. Глава 2. С. 200.

- ⁶⁵⁰ Там же. Книга 6, глава 2. С. 200, 201.
- ⁶⁵¹ Там же. Книга 6, глава 2. С. 201, 202.
- ⁶⁵² *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 109—112.
- ⁶⁵³ *Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 2, глава 18. С. 71.
- ⁶⁵⁴ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С. 113, 114.
- ⁶⁵⁵ *Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 6, глава 8. С. 215, 216.
- ⁶⁵⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 123.
- ⁶⁵⁷ *Хониат Никита.* Царствование Мануила Комнина. Книга 7, глава 3. С. 222.
- ⁶⁵⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 305.
- ⁶⁵⁹ *Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 4, глава 21. С. 152.
- ⁶⁶⁰ *Хониат Никита.* Царствование Мануила Комнина. Книга 7, глава 5. С. 225, 226.
- ⁶⁶¹ Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000. С. 189—192.
- ⁶⁶² *Соколов И.И.* Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела // Соколов И.И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004. С. 169.
- ⁶⁶³ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С. 117.
- ⁶⁶⁴ *Соколов И.И.* Лекции по истории Греко-восточной церкви. От Торжества Православия в 843 г. до падения Константинополя в 1453 г. В 2 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 84, 85.
- ⁶⁶⁵ *Юревич Октавиуш.* Андроник I Комнин. С. 107.
- ⁶⁶⁶ *Успенский Ф.И.* Богословское и философское движение в Византии в XI и XII вв. // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. С. 203.
- ⁶⁶⁷ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 345.
- ⁶⁶⁸ *Хониат Никита.* Царствование Мануила Комнина. Книга 7, глава 7. С. 235—237.
- ⁶⁶⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 242.
- ⁶⁷⁰ *Асмус Валентин, протоиерей.* Всемирное воздвижение Честного и Животворящего Креста (Эортологический этюд) // Имперское возрождение. № 1. 2004. С. 58.

- ⁶⁷¹ *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 140.
- ⁶⁷² *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 123—127.
- ⁶⁷³ *Новиков Василий.* Отношения Церкви и государства в Византии по данным богослужебных текстов.
- ⁶⁷⁴ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2003. С. 438.
- ⁶⁷⁵ *Грабар А. (А.Н.).* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 202.
- ⁶⁷⁶ *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 94.
- ⁶⁷⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении Империей. Предисловие. С. 35.
- ⁶⁷⁸ *Грабар А. (А.Н.).* Император в византийском искусстве. С. 127.
- ⁶⁷⁹ *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. С. 93.
- ⁶⁸⁰ Там же. С. 92.
- ⁶⁸¹ *Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5, глава 3. С. 162, 163.
- ⁶⁸² Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 170.
- ⁶⁸³ *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». С. 147, 148.
- ⁶⁸⁴ *Богородский А.Я.* Еврейские цари // Еврейские цари и первосвященники / Сост. Р.А. Андреев. М., 2011. С. 380, 381, 432, 433.
- ⁶⁸⁵ *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. Харьков, 1901. С. 68, 69.
- ⁶⁸⁶ *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. С. 153, 158.
- ⁶⁸⁷ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 98.
- ⁶⁸⁸ Второе послание святого отца нашего Григория, папы Римского, о святых иконах // ДВС. В 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 327, 328, 330.
- ⁶⁸⁹ *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа / Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. Москва, 1973.
- ⁶⁹⁰ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках. С. 64.
- ⁶⁹¹ *Чекалова А.А., Даркевич В.П.* Культура Византии IV—XII вв. Быт и нравы. Прикладное искусство. М., 2010.

⁶⁹² *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 90.

⁶⁹³ *Беляев Д. Ф.* Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. В 2 книгах. Книга 2. СПб., 1893. С. 37, 41, 43.

⁶⁹⁴ Там же. С. 72.

⁶⁹⁵ Там же. С. 77—79, 82.

⁶⁹⁶ Там же. С. 83, 84.

⁶⁹⁷ *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 168, 169.

⁶⁹⁸ *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 89.

⁶⁹⁹ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 505 — 506.

⁷⁰⁰ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. С. 558, 559.

⁷⁰¹ *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 74.

⁷⁰² *Иоанн, иеромонах.* Обрядник Византийского двора (Decerimoniisaulae Byzantinae) как церковно-археологический источник. М., 1895. С. 91.

⁷⁰³ Там же. С. 98.

⁷⁰⁴ *Андреева Л. А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. С. 163, 164.

⁷⁰⁵ *Соколов И. И.* О византинизме в церковно-историческом отношении // Соколов И. И. Сочинения. СПб., 2003. С. 89.

⁷⁰⁶ *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 78.

⁷⁰⁷ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 489.

⁷⁰⁸ *Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Кн. 6. Гл. 2. С. 198.

⁷⁰⁹ *Лебедев А. П.* Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004. С. 62, 63.

⁷¹⁰ *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. В 3 т. Т. 2. СПб., 1893. С. 484.

⁷¹¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской Империи. Т. 3. С. 734, 735.

⁷¹² *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 74—77.

- ⁷¹³ *Фазоли Джинна*. Короли Италии. СПб., 2007. С. 91.
- ⁷¹⁴ *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 143.
- ⁷¹⁵ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский*. Правила Православной Церкви. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 161, 162.
- ⁷¹⁶ *Савва Н.* Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. С. 64.
- ⁷¹⁷ *Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями*. С. 432.
- ⁷¹⁸ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 88.
- ⁷¹⁹ *Грабар А. (А.Н.)*. Император в византийском искусстве. С. 107.
- ⁷²⁰ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С. 89, 90.
- ⁷²¹ *Новиков Василий*. Отношения Церкви и государства в Византии по данным богослужебных текстов.
- ⁷²² *Лебедев А.П.* Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. С. 61, 62.
- ⁷²³ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Глава 1. С. 238, 239.
- ⁷²⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 352, 353.
- ⁷²⁵ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 3. С. 242—244.
- ⁷²⁶ Там же. Глава 4. С. 244.
- ⁷²⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 357, 358.
- ⁷²⁸ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 4. С. 245, 246.
- ⁷²⁹ Там же. Глава 5. С. 246, 247.
- ⁷³⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 357.
- ⁷³¹ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 6. С. 250—252.
- ⁷³² Там же. Глава 7. С. 252—255.
- ⁷³³ Там же. Глава 8. С. 256, 257.
- ⁷³⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 361.
- ⁷³⁵ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 9. С. 258—260.
- ⁷³⁶ Там же. Глава 10. С. 260—262.
- ⁷³⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 316.
- ⁷³⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 364, 365.
- ⁷³⁹ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 12. С. 266—268.

- ⁷⁴⁰ Там же. Глава 13. С. 269, 270.
- ⁷⁴¹ Там же. Глава 14. С. 271—273.
- ⁷⁴² Там же. Глава 17. С. 278.
- ⁷⁴³ Там же. Глава 15. С. 274, 275.
- ⁷⁴⁴ Там же. Глава 16. С. 276—278.
- ⁷⁴⁵ Там же. Глава 17. С. 280—282.
- ⁷⁴⁶ Там же. Глава 18. С. 282—286.
- ⁷⁴⁷ *Хониат Никита*. Царствование Андроника Комнина// *Хониат Никита*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Книга 2, глава 13. С. 359.
- ⁷⁴⁸ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 55—58.
- ⁷⁴⁹ *Дилль III*. Византийские портреты. С. 281.
- ⁷⁵⁰ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 64, 65.
- ⁷⁵¹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, главы 15, 16. С. 102, 103.
- ⁷⁵² *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 66—68.
- ⁷⁵³ *Дилль III*. Византийские портреты. С. 285.
- ⁷⁵⁴ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 3, главы 17, 18. С. 104—107.
- ⁷⁵⁵ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 73, 74.
- ⁷⁵⁶ Там же. С. 76, 77.
- ⁷⁵⁷ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5, глава 11. С. 183, 184.
- ⁷⁵⁸ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 91, 92.
- ⁷⁵⁹ Там же. С. 94, 95.
- ⁷⁶⁰ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 6, глава 1. С. 197.
- ⁷⁶¹ *Хониат Никита*. Царствование Мануила Комнина. Книга 4, глава 5. С. 154, 155.
- ⁷⁶² *Хониат Никита*. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 2. С. 241, 242.
- ⁷⁶³ *Хониат Никита*. Царствование Андроника Комнина. Книга 1, главы 2, 3. С. 293—297.
- ⁷⁶⁴ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 129, 130.
- ⁷⁶⁵ *Хониат Никита*. Царствование Андроника Комнина. Книга 1, глава 1. С. 131, 132.
- ⁷⁶⁶ *Дилль III*. Византийские портреты. С. 346, 347.
- ⁷⁶⁷ *Хониат Никита*. Царствование Андроника Комнина. Книга 2, глава 6. С. 340, 341.
- ⁷⁶⁸ *Юревич Октавиуш*. Андроник I Комнин. С. 132—135.
- ⁷⁶⁹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 486.

- ⁷⁷⁰ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 318.
- ⁷⁷¹ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. С. 138, 139.
- ⁷⁷² Хониат Никита. Царствование Андроника Комнина. Книга 2, глава 4. С. 335, 336.
- ⁷⁷³ Юревич Октавиуш. Андроник I Комнин. С. 151.
- ⁷⁷⁴ Хониат Никита. Царствование Андроника Комнина. Книга 1, глава 6. С. 303, 304.
- ⁷⁷⁵ Там же. Книга 1, глава 11. С. 322.
- ⁷⁷⁶ Юревич Октавиуш. Андроник I Комнин. С. 141—143.
- ⁷⁷⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 487.
- ⁷⁷⁸ Хониат Никита. Царствование Андроника Комнина. Книга 1, глава 7. С. 307—310, 316.
- ⁷⁷⁹ Там же. Книга 2, глава 2. С. 329, 330.
- ⁷⁸⁰ Там же. Книга 2, главы 10, 11. С. 349—354.
- ⁷⁸¹ Там же. Книга 2, глава 12. С. 357, 358.
- ⁷⁸² Юревич Октавиуш. Андроник I Комнин. С. 158—161.
- ⁷⁸³ Диль Ш. Византийские портреты. С. 282.
- ⁷⁸⁴ Хониат Никита. Царствование Исаака Ангела // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2. Рязань, 2003. Книга 3, глава 1. С. 70.
- ⁷⁸⁵ Там же. Книга 1, глава 7. С. 32, 33.
- ⁷⁸⁶ Там же. Книга 3, глава 6. С. 95—98.
- ⁷⁸⁷ Там же. Книга 1, глава 4. С. 16, 17.
- ⁷⁸⁸ Соколов И.И. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. С. 189.
- ⁷⁸⁹ Там же. С. 181.
- ⁷⁹⁰ Хониат Никита. Царствование Исаака Ангела. Книга 3, глава 7. С. 98, 99—102.
- ⁷⁹¹ Соколов И.И. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. С. 158—161.
- ⁷⁹² Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 425.
- ⁷⁹³ Там же. С. 192, 193.
- ⁷⁹⁴ Соколов И.И. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. С. 162, 163.
- ⁷⁹⁵ Хониат Никита. Царствование Исаака Ангела. Книга 2, глава 4. С. 56, 57.
- ⁷⁹⁶ Соколов И.И. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. С. 177—180.
- ⁷⁹⁷ Хониат Никита. Царствование Исаака Ангела. Книга 1, глава 5. С. 19, 20.
- ⁷⁹⁸ Там же. Книга 1, главы 1, 3. С. 6, 7, 15, 16.

- ⁷⁹⁹ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 340.
- ⁸⁰⁰ *Хониат Никита*. Царствование Исаака Ангела. Книга 1, глава 2. С. 9—11.
- ⁸⁰¹ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 168.
- ⁸⁰² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 324.
- ⁸⁰³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 298.
- ⁸⁰⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 386, 387.
- ⁸⁰⁵ *Хониат Никита*. Царствование Исаака Ангела. Книга 1, глава 4. С. 18, 19.
- ⁸⁰⁶ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 301, 302.
- ⁸⁰⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 389.
- ⁸⁰⁸ *Хониат Никита*. Царствование Исаака Ангела. Книга 1, глава 6. С. 24—27.
- ⁸⁰⁹ Там же. Книга 1, глава 7. С. 29, 30.
- ⁸¹⁰ Там же. Книга 1, глава 7. С. 33, 34.
- ⁸¹¹ Там же. Книга 1, глава 8. С. 35, 36.
- ⁸¹² Там же. Книга 1, глава 10. С. 40—42.
- ⁸¹³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 302.
- ⁸¹⁴ Там же. С. 303.
- ⁸¹⁵ *Норвич Джон*. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 346.
- ⁸¹⁶ *Близнюк С.В.* Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. СПб., 2014. С. 35, 36.
- ⁸¹⁷ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 318, 319.
- ⁸¹⁸ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 199.
- ⁸¹⁹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 378.
- ⁸²⁰ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 201.
- ⁸²¹ *Владимирский А.В.* Великий Саладин, победитель крестоносцев. С. 121.
- ⁸²² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 383, 384.
- ⁸²³ *Куглер Бернар*. История Крестовых походов. С. 200.
- ⁸²⁴ *Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл*. Великие сражения крестоносцев (1097—1444). С. 105, 106.
- ⁸²⁵ *Владимирский А.В.* Великий Саладин, победитель крестоносцев. С. 99.
- ⁸²⁶ *Бернард Казначей*. Тивериадская битва и взятие Иерусалима Саладином // История Средних веков. Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 151—153.

- ⁸²⁷ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 387, 388.
- ⁸²⁸ Там же. Т. 1. С. 392, 393.
- ⁸²⁹ Куглер Бернар. История Крестовых походов. С. 209.
- ⁸³⁰ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 384.
- ⁸³¹ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 155, 156.
- ⁸³² Норвич Джон. История папства. С. 212.
- ⁸³³ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 360.
- ⁸³⁴ Норвич Джон. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—
1194 гг.). С. 349.
- ⁸³⁵ Сивери Жерар. Филипп Август. СПб.—М., 2013. С. 77, 78.
- ⁸³⁶ Куглер Бернар. История Крестовых походов. С. 214, 215.
- ⁸³⁷ Грановский А.В. История короля Ричарда I Львиное Сердце. М., 2007.
С. 43.
- ⁸³⁸ Рестон Джеймс. Священное воинство. М., 2007. С. 121, 122.
- ⁸³⁹ Шафф Филип. История христианской Церкви. Т. V. С. 162.
- ⁸⁴⁰ Ордонанс о Саладиновой десятиной // История Средних веков. Кре-
стовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 370.
- ⁸⁴¹ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 377.
- ⁸⁴² Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 413.
- ⁸⁴³ Баха Ад-Дин. Саладин, победитель крестоносцев. Часть 2, глава 60.
С. 160—165.
- ⁸⁴⁴ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 1. С. 417.
- ⁸⁴⁵ Мюллер А. История ислама. Т. 3. С. 212, 213.
- ⁸⁴⁶ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 401, 402.
- ⁸⁴⁷ Салимбене де Адам. Хроника. F210 с. М., 2004. С. 16, 17.
- ⁸⁴⁸ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 408, 409.
- ⁸⁴⁹ Владимирский А.В. Великий Саладин, победитель крестоносцев.
С. 310.
- ⁸⁵⁰ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 378.
- ⁸⁵¹ Рестон Джеймс. Священное воинство. С. 129, 130.
- ⁸⁵² Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 160, 161.
- ⁸⁵³ Норвич Джон. Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—
1194 гг.). С. 365, 366.
- ⁸⁵⁴ Грановский А.В. История короля Ричарда I Львиное Сердце. С. 123.
- ⁸⁵⁵ Сивери Жерар. Филипп Август. С. 84.

- ⁸⁵⁶ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 162.
- ⁸⁵⁷ *Норвич Джон.* Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 368, 369.
- ⁸⁵⁸ *Шафф Филип.* История христианской Церкви. Т. V. С. 164.
- ⁸⁵⁹ *Сивери Жерар.* Филипп Август. С. 86, 87.
- ⁸⁶⁰ *Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 2009. С. 44, 45.
- ⁸⁶¹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 436.
- ⁸⁶² *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 202.
- ⁸⁶³ *Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. С. 50, 51.
- ⁸⁶⁴ *Арнольд Любекский.* Крестовый поход Фридриха I Барбароссы // История Средних веков. Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 375, 376.
- ⁸⁶⁵ *Мишо Жозеф.* История Крестовых походов. Глава XIII.
- ⁸⁶⁶ *Куглер Бернар.* История Крестовых походов. С. 221, 222.
- ⁸⁶⁷ *Баха Ад-Дин.* Саладин, победитель крестоносцев. Часть 2, глава 76. С. 198, 199.
- ⁸⁶⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 94.
- ⁸⁶⁹ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 184—186.
- ⁸⁷⁰ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 407.
- ⁸⁷¹ *Арнольд Любекский.* Крестовый поход Фридриха I Барбароссы. С. 378, 379.
- ⁸⁷² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 409.
- ⁸⁷³ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 187, 188.
- ⁸⁷⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 410, 411.
- ⁸⁷⁵ *Сивери Жерар.* Филипп Август. С. 87—89.
- ⁸⁷⁶ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 209.
- ⁸⁷⁷ *Мишо Жозеф.* История Крестовых походов. Глава XVII.
- ⁸⁷⁸ *Сивери Жерар.* Филипп Август. С. 90, 91.
- ⁸⁷⁹ *Баха Ад-Дин.* Саладин, победитель крестоносцев. Часть 2, главы 115, 116. С. 274—277.
- ⁸⁸⁰ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 244—249.
- ⁸⁸¹ *Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. С. 56, 57.
- ⁸⁸² *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 261, 262.
- ⁸⁸³ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 450.
- ⁸⁸⁴ *Мишо Жозеф.* История Крестовых походов. Глава XVI.
- ⁸⁸⁵ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 450, 451.
- ⁸⁸⁶ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 272, 277, 278.
- ⁸⁸⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 453, 454.

- ⁸⁸⁸ *Близнюк С. В.* Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. С. 39, 40.
- ⁸⁸⁹ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 296—299.
- ⁸⁹⁰ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 457, 458.
- ⁸⁹¹ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 311—314.
- ⁸⁹² *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 459, 460.
- ⁸⁹³ *Рестон Джеймс.* Священное воинство. С. 326—329.
- ⁸⁹⁴ *Успенский Ф. И.* История Крестовых походов. С. 198—201.
- ⁸⁹⁵ *Грановский А. В.* Крестовые походы. Т. 1. С. 464, 465.
- ⁸⁹⁶ *Норвич Джон.* Расцвет и закат Сицилийского королевства (1130—1194 гг.). С. 379.
- ⁸⁹⁷ *Хониат Никита.* Царствование Исаака Ангела. Книга 3, глава 3. С. 84.
- ⁸⁹⁸ *Иречек К. Ю.* История болгар. С. 304.
- ⁸⁹⁹ Там же. С. 304, 305.
- ⁹⁰⁰ *Хониат Никита.* Царствование Исаака Ангела. Книга 2, глава 2. С. 50, 51.
- ⁹⁰¹ Там же. Книга 3, глава 1. С. 72, 73.
- ⁹⁰² Там же. Книга 3, глава 2. С. 74, 75.
- ⁹⁰³ Там же. Книга 3, глава 2. С. 76, 77, 80.
- ⁹⁰⁴ Там же. Книга 3, глава 5. С. 91—94.
- ⁹⁰⁵ Там же. Книга 3, глава 4. С. 86—88.
- ⁹⁰⁶ *Иречек К. Ю.* История болгар. С. 305.
- ⁹⁰⁷ *Хониат Никита.* Царствование Исаака Ангела. Книга 3, глава 8. С. 104—107.
- ⁹⁰⁸ *Герцберг Г. Ф.* История Византии. С. 330.
- ⁹⁰⁹ *Хониат Никита.* Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела//Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2. Книга 1, глава 1. С. 112.
- ⁹¹⁰ Там же. Книга 1, глава 1. С. 113.
- ⁹¹¹ Там же. Книга 1, глава 1. С. 114.
- ⁹¹² Там же. Книга 3, глава 10. С. 224.
- ⁹¹³ Там же. Книга 1, глава 2. С. 116, 117.
- ⁹¹⁴ Там же. Книга 1, глава 3. С. 119.
- ⁹¹⁵ Там же. Книга 1, глава 3. С. 120—122.
- ⁹¹⁶ Там же. Книга 1, глава 3. С. 123, 124.
- ⁹¹⁷ Там же. Книга 1, глава 4. С. 127, 128.
- ⁹¹⁸ Там же. Книга 1, глава 5. С. 129, 130.
- ⁹¹⁹ Там же. Книга 1, глава 6. С. 131, 132.
- ⁹²⁰ *Иречек К. Ю.* История болгар. С. 308, 309.
- ⁹²¹ *Хониат Никита.* Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела. Книга 1, глава 6. С. 133.

- ⁹²² Там же. Книга 1, глава 7. С. 134, 135.
- ⁹²³ *Куглер Бертран*. История Крестовых походов. С. 270, 271.
- ⁹²⁴ *Близнюк С.В.* Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. С. 40, 41.
- ⁹²⁵ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю. С. 506, 507.
- ⁹²⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 96.
- ⁹²⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. В 2 т. Т. 2. СПб., 2013. С. 8.
- ⁹²⁸ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 1, глава 7. С. 137.
- ⁹²⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 332.
- ⁹³⁰ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 1, глава 8. С. 138—141.
- ⁹³¹ Там же. Книга 2, глава 2. С. 146, 147.
- ⁹³² Там же. Книга 3, глава 5. С. 197, 198.
- ⁹³³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 483.
- ⁹³⁴ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 2, глава 2. С. 150, 151.
- ⁹³⁵ Там же. Книга 2, глава 3. С. 153, 154.
- ⁹³⁶ Там же. Книга 2, глава 4. С. 155—160.
- ⁹³⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 333.
- ⁹³⁸ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 2, глава 6. С. 166, 167.
- ⁹³⁹ Там же. Книга 2, глава 6. С. 168, 169.
- ⁹⁴⁰ Там же. Книга 3, глава 1. С. 174—177.
- ⁹⁴¹ Там же. Книга 3, глава 2. С. 180, 181.
- ⁹⁴² Там же. Книга 3, глава 2. С. 183, 184.
- ⁹⁴³ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-
восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 121—124.
- ⁹⁴⁴ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 3, глава 4. С. 189, 190.
- ⁹⁴⁵ Там же. Книга 3, глава 5. С. 194.
- ⁹⁴⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 336.
- ⁹⁴⁷ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 3, глава 7. С. 207, 208.
- ⁹⁴⁸ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 310—313.
- ⁹⁴⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4. С. 436.
- ⁹⁵⁰ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 501.
- ⁹⁵¹ *Дворник Франтишек*. Славяне в европейской истории и цивилиза-
ции. М., 2001. С. 131, 132.
- ⁹⁵² *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ан-
гела. Книга 3, глава 7. С. 209, 210.

⁹⁵³ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 524, 525.

⁹⁵⁴ *Попов Александр, священник*. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Часть 1. С. 150, 172, 183.

⁹⁵⁵ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 6, 7.

⁹⁵⁶ *Куглер Бертран*. История Крестовых походов. Т. 2. С. 274.

⁹⁵⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 9.

⁹⁵⁸ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 503, 504.

⁹⁵⁹ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XVIII.

⁹⁶⁰ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 12.

⁹⁶¹ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 508, 509.

⁹⁶² *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. М., 2010. С. 38, 39.

⁹⁶³ Послание папы Иннокентия III о Крестовом походе // История Средних веков. Крестовые походы (1096—1291 гг.) / Под ред. М.М. Стасюевича. С. 421—423.

⁹⁶⁴ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 234, 235.

⁹⁶⁵ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 99.

⁹⁶⁶ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 18.

⁹⁶⁷ *Куглер Бертран*. История Крестовых походов. С. 281.

⁹⁶⁸ *Дюрюи Виктор*. История Франции с древнейших времен. В 2 т. Т. 1. Минск, 2014. С. 13.

⁹⁶⁹ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XIX.

⁹⁷⁰ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 19.

⁹⁷¹ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 525.

⁹⁷² *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 123, 124.

⁹⁷³ *Виллардуэн Жоффрау де*. История завоевания Константинополя// Жуанвилль Жан де Виллардуэн Жоффрау де. История Крестовых походов. М., 2008. С. 33—35.

⁹⁷⁴ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 105.

⁹⁷⁵ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 177.

⁹⁷⁶ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 512.

⁹⁷⁷ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 239, 240.

⁹⁷⁸ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела. Книга 3, глава 9. С. 211, 212.

⁹⁷⁹ *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 513.

⁹⁸⁰ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 160.

⁹⁸¹ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 246, 247.

- ⁹⁸² Левченко М.В. История Византии. М.—Л., 1940. С. 224, 25.
- ⁹⁸³ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 43.
- ⁹⁸⁴ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 340.
- ⁹⁸⁵ Филиппс Джонатан. Четвертый Крестовый поход. С. 187.
- ⁹⁸⁶ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Свя-
тую землю С. 513.
- ⁹⁸⁷ Филиппс Джонатан. Четвертый Крестовый поход. С. 199, 200.
- ⁹⁸⁸ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 250, 251.
- ⁹⁸⁹ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 49.
- ⁹⁹⁰ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 347.
- ⁹⁹¹ Клари Робер де. Завоевание Константинополя. М., 1986. Глава XVII. С. 15.
- ⁹⁹² Хониат Никита. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела. Книга 3, глава 9. С. 215.
- ⁹⁹³ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. С. 252, 254.
- ⁹⁹⁴ Филиппс Джонатан. Четвертый Крестовый поход. С. 215, 216.
- ⁹⁹⁵ Клари Робер де. Завоевание Константинополя. Глава XLI. С. 31, 32.
- ⁹⁹⁶ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 58—60.
- ⁹⁹⁷ Клари Робер де. Завоевание Константинополя. Главы L, LI. С. 39.
- ⁹⁹⁸ Хониат Никита. О событиях после взятия Константинополя //Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2, глава 12. С. 302.
- ⁹⁹⁹ Норвич Джон. История Венецианской республики. С. 184, 185.
- ¹⁰⁰⁰ Хониат Никита. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела. Книга 3, глава 10. С. 222, 223.
- ¹⁰⁰¹ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 72, 73.
- ¹⁰⁰² Клари Робер де. Завоевание Константинополя. Глава LII. С. 40.
- ¹⁰⁰³ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 74, 75.
- ¹⁰⁰⁴ Хониат Никита. Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном Алексеем//Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Глава 1. С. 227, 228.
- ¹⁰⁰⁵ Клари Робер де. Завоевание Константинополя. Глава LVI. С. 42.
- ¹⁰⁰⁶ Хониат Никита. Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном Алексеем. Глава 2. С. 230, 231.
- ¹⁰⁰⁷ Там же. Глава 3. 234, 235.
- ¹⁰⁰⁸ Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. С. 76, 77.

- ¹⁰⁰⁹ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Глава LVIII. С. 43.
- ¹⁰¹⁰ *Хониат Никита*. Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном Алексеем. Глава 4. С. 238, 239.
- ¹⁰¹¹ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Главы LIX, LX. С. 44, 45.
- ¹⁰¹² *Хониат Никита*. Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном Алексеем. Глава 5. С. 240—243.
- ¹⁰¹³ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Глава LII. С. 40.
- ¹⁰¹⁴ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Дуки Мурцуфла // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2, глава 1. С. 244, 245.
- ¹⁰¹⁵ Там же. Глава 1. С. 246.
- ¹⁰¹⁶ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Главы LXVI, LXVII. С. 49, 50.
- ¹⁰¹⁷ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 83, 84.
- ¹⁰¹⁸ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Дуки Мурцуфла. Глава 2. С. 247.
- ¹⁰¹⁹ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 86.
- ¹⁰²⁰ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Главы LXXI, LXXII, LXXIII. С. 51—53.
- ¹⁰²¹ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Дуки Мурцуфла. Глава 2. С. 248, 249.
- ¹⁰²² *Хониат Никита*. О событиях после взятия Константинополя // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2, глава 9. С. 290.
- ¹⁰²³ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Дуки Мурцуфла. Глава 3. С. 250, 251.
- ¹⁰²⁴ *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Глава LXXIX. С. 57.
- ¹⁰²⁵ *Левченко М.В.* История Византии. С. 228, 229.
- ¹⁰²⁶ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 270.
- ¹⁰²⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 290.
- ¹⁰²⁸ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 89.
- ¹⁰²⁹ *Хониат Никита*. Царствование Алексея Дуки Мурцуфла. Главы 4, 5. С. 252—257.
- ¹⁰³⁰ *Филипс Джонатан*. Четвертый Крестовый поход. С. 388.
- ¹⁰³¹ *Хониат Никита*. О событиях после взятия Константинополя. Главы 2, 3. С. 267—270.

¹⁰³² *Клари Робер де*. Завоевание Константинополя. Глава LXXXI. С. 59.

¹⁰³³ *Люттвак Эдвард*. Стратегия Византийской империи. С. 177.

¹⁰³⁴ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. С. 220, 221.

¹⁰³⁵ *Скабаланович Н.А.* Научная разработка византийской истории XI в. // Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 34, 35.

¹⁰³⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 114.

¹⁰³⁷ *Хониат Никита*. О событиях после взятия Константинополя. Глава 6. С. 276—278.

¹⁰³⁸ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. С. 193.

¹⁰³⁹ *Хониат Никита*. Из Константинопольской истории // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2, главы 1, 2. С. 334, 335.

¹⁰⁴⁰ *Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. С. 274.

¹⁰⁴¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 119, 120.

¹⁰⁴² *Жанэ Поль*. История государственной науки в связи с нравственной философией. В 2 т. Т. 1. СПб., 1876. С. 250—251.

¹⁰⁴³ *Суворов Н.С.* Курс церковного права. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 92.

¹⁰⁴⁴ *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 89.

¹⁰⁴⁵ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. V. С. 171.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

LV. Император Исаак I Комнин (1057—1059).....	4
Глава 1. Конец Керуллария. Тихий дворцовый переворот.....	4

ДИНАСТИЯ ДУКОВ

LVI. Император Константин X Дука (1059—1067).....	16
Глава 1. Слабость царской власти и торжество «византийского папизма»	16
Глава 2. Турки и норманны	22
LVII. Царица Евдокия (1067) и император Роман IV Диоген (1068—1071).....	29
Глава 1. Тайный план императрицы. Битва при Манцикерте и трагедия царской четы	29
LVIII. Императоры Михаил VII Дука Параспинак (1071—1078) и Никифор III Вотаниат (1078—1081).....	41
Глава 1. «Смутное время» и бессильный царь	41
Глава 2. «Новое» «Смутное время» и завершение династии Дук	52
Глава 3. Борьба за инвеституру на Западе. Каносса и Вормс... 61	

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

LIX. Император Алексей I Комнин (1081—1118).....	90
Глава 1. Надежда Римского государства	90
Глава 2. Надежды почти не осталось. Страшный 1091 г.	102
Глава 3. Византия возрождается. «Тринадцатый апостол»	117
Глава 4. 1-й Крестовый поход.....	126
Глава 5. Император и три женщины. Анна и Иоанн Комнины. Смерть Алексея I.....	179
LX. Император Иоанн II Комнин (1118—1143)	184
Глава 1. «Семейный заговор». Войны на Западе	184
Глава 2. «Немного я пробыл в царских чертогах...»	

Император-солдат.....	197
Глава 3. Последние годы. Выбор царя	208
LXI. Император Мануил I Комнин (1143—1180)	214
Глава 1. «Новый Юстиниан»	214
Глава 2. 2-й Крестовый поход.....	227
Глава 3. Война с Сицилией.....	244
Глава 4. Западная стратегия. Попытки воссоединения Кафолической Церкви.....	258
Глава 5. Венгерские комбинации царственного паладина	275
Глава 6. Восточная политика.....	280
Глава 7. Царь — богослов, ученый и канонист	303
<i>Приложение № 12. «Царь — священник, защитник и глава Церкви» .....</i>	<i>312</i>
LXII. Император Алексей II Комнин (1180—1183).....	329
Глава 1. Протосеваст против узурпатора.....	329
Глава 2. Царственные жертвы	338
LXIII. Император Андроник I Комнин (1183—1185).....	344
Глава 1. Авантюрист и предатель	344
Глава 2. Тиран и убийца.....	351

ДИНАСТИЯ АНГЕЛОВ

LXIV. Император Исаак II Ангел (1185—1195)	360
Глава 1. Император поневоле	360
Глава 2. Второе Болгарское царство и 3-й Крестовый поход	370
Глава 3. Неудачи Болгарской войны. Заговоры и самозванцы	407
LXV. Император Алексей III Ангел Комнин (1195—1203).....	413
Глава 1. Похититель императорской власти и разоритель царских гробниц	413
Глава 2. Позоры и бесчестья	423
Глава 3. 4-й Крестовый поход против Византии	431

LXVI. Императоры Исаак II (1203—1204), повторное правление, и Алексей IV (1203—1204) Ангелы	451
Глава 1. Неисполненные обязательства. Конец династии	451

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

LXVII. Император Алексей V Дука Мурцуфл (1204).....	458
Глава 1. «Зачем Ты поразил нас, Господи, и нет нам избавления!».....	458
Глава 2. Латинская империя.....	466
Примечания	471

Научно-популярное издание

Величко Алексей Михайлович,
доктор юридических наук

**ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ**
От Исаака I Комнина до Алексея V Дуки Мурцуфла

Редактор *А.А. Скороход*
Научный редактор *Т.А. Фетисов,*
протоиерей, кандидат богословия
Корректор *О.Н. Афанасьева*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.04.2015. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 32.
Тираж 2000 экз. Заказ .